

ДЖЕФФРИ ХОСКИНГ

ПРАВИТЕЛИ И ЖЕРТВЫ

РУССКИЕ
В СОВЕТСКОМ
СОЮЗЕ

УДК 94(47)
ББК 83.3(2)6-38
Х84

В оформлении обложки использован фрагмент плаката
А. Кокорекина «К новым победам в труде и спорте»
(М. 1955. ГАРФ)

Хоскинг, Д.

Х 84 Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / Джеффри Хоскинг; пер. с английского В. Артемова. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 544 с.

ISBN 978-5-86793-978-6

Новая книга известного британского русиста и советолога Джеффри Хоскинга — автора ряда фундаментальных трудов и учебных пособий по истории России и Советского Союза — своего рода продолжение его работы «Россия: народ и империя, 1552—1917 гг.», но раскрывает тему в новом ракурсе и посвящена главным образом положению русских как нации внутри Советской России и СССР на всем протяжении их богатой катаклизмами истории. Кем же являлись русские для Советского Союза — жестокими поработителями других народов или вместе с последними — жертвами масштабного бесчеловечного эксперимента? Развал СССР стал для них потерей себя или освобождением? Книга показывает, что русская национальная идентичность — понятие расплывчатое, содержащее в себе ряд аспектов, которые непросто привести в соответствие друг с другом, даже при анализе проблемы с этнической, «имперской», гражданской и культурной точек зрения. В центре внимания автора — личные переживания и чувства русских и неофициальная сторона их жизни, рассмотренная иностранным историком со стороны, что проливает новый и неожиданный свет на, казалось бы, знакомую многим по личному опыту тему.

УДК 94(47)
ББК 83.3(2)6-38

Copyright©2001 by Geoffrey Hosking
Printed in the United States of America
Second printing, 2001

© В. Артемов, пер. с английского, 2012
© ООО «Новое литературное обозрение»,
2012

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я написал эту книгу для англоязычных читателей, но самая главная для меня аудитория, конечно, русская. Для русских опыт Советского Союза был неоднозначен. Они являлись доминантным этносом, но в то же самое время, как мне кажется, жертвой советского эксперимента. СССР оказался русским и одновременно антирусским по духу. Этот противоречивый опыт объясняет многое в сегодняшнем русском самосознании.

Честно говоря, я всегда чувствую себя немного самозванцем, когда рассказываю русским о России. Ибо русские лучше знают свою жизнь, чем могу ее знать я. Но иногда взгляд со стороны проливает новый и неожиданный свет на знакомую тему. По крайней мере, я надеюсь, что читатель простит мне мою самоуверенность, с интересом и пользой ознакомится с этой книгой и, возможно, посмотрит немного по-другому на свою страну.

*Джеффри Хоскинг
Сентябрь 2008 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

У большинства людей последние дни Советского Союза оставили в памяти впечатляющий образ: Борис Ельцин на одном из танков, посланном в августе 1991 г. советским Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП) для захвата Белого дома, здания Российского парламента. Как можно было увидеть по телевидению практически во всем мире, Ельцин заклеил заговор, назвав его попыткой «отстранить от власти законно избранное руководство Российской республики». Он призвал «граждан России дать должный отпор путчистам», а всех официальных лиц «неукоснительно выполнять статьи Конституции и указы президента России». Его решительное и смелое выступление вдохновило русских тысячами стекаться к Белому дому, чтобы защитить его от возможного штурма. «Хунта» не решилась отдать приказ стрелять по ним, и заговор провалился.

Таким образом, последний и решительный бой произошел не между коммунизмом и антикоммунизмом, как, казалось бы, должно было следовать из всей истории Советского Союза, а, скорее, между Россией и Советским Союзом. Как могло такое произойти? Как могло возникнуть это невообразимое противостояние? Вот вопрос, который красной нитью проходит через всю эту книгу.

Впрочем, я задался этим вопросом задолго до 1991 г. Однажды вечером, перед моим отъездом ночным поездом из Москвы в Ленинград одна из знакомых дала мне книгу, порекомендовав обязательно прочитать ее. На первый взгляд книга не произвела на меня впечатления, это была повесть вологодского писателя Василия

Белова, о котором я никогда не слышал, и называлась она «Привычное дело», что также не сулило ничего особенного. Но стоило приступить к чтению, как текст настолько захватил меня, что я не мог оторваться почти до утра. В ней рассказывалось о колхозе где-то на Русском Севере и о жизни колхозника, который любил семью, жену, детей и землю, но был доведен до крайности отношением местных начальников настолько, что решил бросить деревню и начать новую жизнь в городе.

Книга показала мне, что можно было быть русским и в то же время быть «несоветским». Как и большинство иностранцев, я привык думать о СССР как о преимущественно русском государстве. Русский являлся здесь основным языком, с естественной беглостью на нем говорили даже представители других национальностей, с которыми я встречался, приехав после окончания колледжа на стажировку в Советский Союз. Произведения русских писателей преобладали практически во всех книжных магазинах. Русская история, включая историю царей, лежала в основе университетской программы, хотя, насколько мне представлялось, к прошлому страны никак не подходили такие термины, как «период феодализма» или «период капитализма».

С другой стороны, еще учась в Кембридже, я знал, что существует другая, не признанная официальной Москвой Россия. Среди наших учителей были ее сыновья и дочери, давно оторванные от своей родины и все-таки преданные ей. Мне очень нравился роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», бестселлер на Западе, который нельзя было купить в советских книжных магазинах. Я читал поэтический цикл Анны Ахматовой «Реквием» и стихи Осипа Мандельштама, упоминания о которых напрасно было искать в обычно отличающихся полнотой каталогах центральной московской Ленинской библиотеки. Я знал, что есть запретная Россия, культура которой существует только в эмиграции. Больше того, в самом Советском Союзе я видел, как православная церковь, носительница русского национального и традиционного вероучения, отправляет скромные богослужения в немногочисленных храмах, в которых участвуют только старухи и присутствуют любопытствующие иностранцы вроде меня.

Однако Белов оказался для меня в чем-то новым — в романе раскрывалась несоветская русская культура, порожденная не церковью и не высоко образованными интеллектуалами-антимарксистами, а простыми русскими людьми, крестьянами, которые так

долго молчали или, по крайней мере, не были слышны. Одно из самых глубоких впечатлений от советской жизни оставило во мне состояние русских деревень — я видел их по большей части из окон железнодорожного вагона или автобуса. Утопающие в грязи проселки, почему-то называвшиеся дорогами, и обветшалые бревенчатые избы под ржавыми железными крышами никак не соответствовали моим представлениям о сельском хозяйстве сверхдержавы. Неужели это та самая страна, которая первая запустила в космос искусственный спутник и ошетибилась сотнями межконтинентальных ракет с ядерными боеголовками?

Чтение Белова открыло мне глаза на причины такого вопиющего несоответствия. Позже я познакомился с другими писателями-«деревенщиками», уникальным поколением сельской молодежи, учившихся у взыскательных учителей в Литературном институте имени Горького и оказавшихся способными сделать то, что никому еще не удавалось: запечатлеть протекавшее перед ними перерождение деревни. Несмотря на то что цензура удерживала их от полной откровенности, я узнал от них то, что не смог бы передать ни один историк, — повесть о том, как коллективизация расшатала моральные устои деревни и деморализовала ее население. Оказалось, что во внешне модернизированном Советском Союзе многим не хватает некоей, ныне совершенно утраченной формы социальной общности¹.

С того времени меня волнует и преследует судьба русских в Советском Союзе. Многие нерусские считали их правящей нацией; большинство русских, со своей стороны, сознательно или бессознательно считали весь Советский Союз своей страной. И все-таки во многих отношениях, насколько я могу судить, русские пострадали от ряда бесчеловечных экспериментов в Стране Советов не меньше, если не больше, чем другие народы. В конце 1980-х гг. некоторые русские даже выступали с заявлениями, что они стали жертвами Советского Союза и что их предали все нерусские народы, которым они стремились помочь. Где же истина?

Писать о русских в Советском Союзе дело непростое. Надеюсь, эта книга показывает, что русское национальное самосознание или идентичность — понятие довольно расплывчатое: в нем содержится несколько аспектов, которые не так просто привести в соответствие друг с другом, рассматривая проблему с этнической, имперской, гражданской и культурной точек зрения. До 1932 г. ни в одном официальном документе не найти указания на признание русской

идентичности, а в советском Народном комиссариате по делам национальностей были представлены только нерусские. Даже в последующий период, когда это было официально зафиксировано в «пятом пункте» паспорта, который должен был постоянно иметь при себе каждый взрослый гражданин СССР, большинство русских по-прежнему не придавали значения своей национальной идентичности: для них она все еще не имела четких границ и легко сливалась с идентичностью других народов, особенно украинцев, белорусов, евреев и нерусских народов РСФСР, таких как чуваша или марийцы. Многие из того, что испытали русские, герои этой книги, выпало на долю и нерусских, например сталинский террор, коллективизация или Вторая мировая война. Данное обстоятельство не означает, что это нельзя считать типичным для пережитого именно русским народом, но я пытался выявить именно то, что пережили русские при советском режиме. В области культуры я обращался к литературе намного больше, чем к другим формам искусства, отчасти потому, что я лучше всего знаком с этим предметом, а так же потому, что именно та форма искусства, в которой, по признанию самих русских, их национальная идентичность выражена в наибольшей степени.

Очевидно, предмет моей книги выглядит не совсем четко очерченным. Однако существенно то, что он объективно существует. В период, когда судьба постсоветской России остается еще нерешенной и во многом неопределенной, важно понять, что значил для русских Советский Союз, какое влияние он оказал на их национальные особенности и как его наследие, его образ сказались на формировании Российской Федерации после 1991 г.

Эта книга в своем роде продолжение моей предыдущей работы «Россия: народ и империя. 1552—1917», вышедшей в свет в 1997 г. (и в русском переводе в 2000 г.). Однако ее тема была совершенно иной. Начать с того, что новое государство официально даже более не называется Россией. Вот почему я построил эту книгу по-другому, поставив в центр личные переживания и чувства русских и неофициальную сторону их жизни.

Хотелось бы сердечно поблагодарить моих коллег Пита Дункана, Стефена Ловелла, Роберта Сервиса и мою дочь Катю, прочитавших полностью или частично черновой вариант работы и внесших полезные и вдумчивые замечания, которые позволили значительно улучшить ее текст. Также приношу благодарность Британской библиотеке и библиотеке Школы славянских и восточно-

европейских исследований Университетского колледжа в Лондоне; архиву Русского исследовательского центра Гарвардского университета; Государственному архиву Российской Федерации (ГАРФ); Российскому центру хранения и исследования документов новейшей истории (РЦХИДНИ); Российскому государственному архиву экономики (РГАЭ). Особенную благодарность необходимо принести сотрудникам читального зала Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» (ныне Дом русского зарубежья имени А.И. Солженицына) в Москве, угощавших меня чаем, когда я корпел над документами из их собрания; их коллекция, несмотря на название, содержит большое количество документов личного характера, переданных в Библиотеку-фонд в ответ на обращение в то время эмигранта А.И. Солженицына присылать ему материалы о жизни простых людей в Советском Союзе.

Соня Богатырева одолжила мне тот самый роман В.И. Белова, с которого начались мои поиски России в Советском Союзе. Людмила Черниченко оказывала мне неоценимую помощь в работе с архивами. Моя жена Анна и мои дочери Катя и Джанет поддерживали и ободряли меня во время, казалось, бесконечного процесса исследований и работы над рукописью. Я также очень признателен сотрудницам издательства Гарвардского университета Кэтлин Макдермот и Кристине Торстейссон, которые с тактом и пониманием работали над редактированием книги.

Я также весьма обязан фонду Леверхума (The Leverhulme Trust), предоставившему мне специальный грант в форме персональной исследовательской программы, что позволило провести необходимую исследовательскую работу и написать эту книгу.

Я благодарен за предоставленные правообладателями разрешения использовать материалы из моих ранее опубликованных работ для этой книги: «Вторая мировая война и русское национальное самосознание» (Past and Present. 2002. No. 175 (May). P. 162—187) и «Формы социальной солидарности в России и Советском Союзе» (Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe / Ed. I. Markov. Oxford: Oxford University Press for the British Academy, 2004. P. 47—62).

ВВЕДЕНИЕ

В 1993 г. во время парламентских выборов в постсоветской Российской Федерации политическим деятелем, видимо, наиболее емко и выразительно передавшим настроения русских и нелепость того, что с ними только что произошло, оказался лидер либерально-демократической партии Владимир Жириновский: «Большую часть XX века наша страна пребывала в состоянии перехода. Мы тряслись на телегах, увязая в грязи. Мы разгромили немцев и послали человека в космос, но между тем разрушили наши семьи и потеряли чувство истории... Мы искалечили нашу страну. Превратили ее в захолустье, загнали в хвост русскую нацию, которая в свое время шла впереди других. Экономическим, правовым и психологическим давлением вынудили население уйти в подполье. И сегодня нам говорят, что нам не обойтись без помощи иностранцев»².

Что бы там ни думали о Жириновском как политике, несомненно то, что именно он точно выразил (о чем свидетельствовали его неоднократные успехи на выборах) ту смесь негодования, растерянности и унижения, которую испытывало большинство русских. Они не могли понять, как получилось, что за последнее десятилетие XX в. Россия, при столь великих и общепризнанных достижениях, погрузилась в нищету и оказалась отброшенной далеко назад. Они были главным народом великого государства, считали, что ведут человечество к светлому будущему, и внезапно увидели себя жертвами, раздавленными обломками этого государства, отсталым и бедным народом, живущим на подачки других стран.

Действительно, есть что-то парадоксальное и вместе с тем малопонятное в судьбе русских в Советском Союзе. К данному моменту написаны истории всех основных национальностей СССР и многих малочисленных народов и народностей, но пока нет полноценной истории русских. Они были «безусловными» советскими людьми, нулевая сумма населения СССР. Большинство русских принимали эту ситуацию и без раздумий идентифицировали себя с Советским Союзом. Иногда они называли представителей неславянских народов *нацменами*, т.е. членами национальных меньшинств. Это очень напоминает американский термин *ethnic* («пред-

ставитель некой этнической группы»), но русские не выделяли себя из среды остальных народов как отдельную этническую группу. Эта мысль очень хорошо иллюстрируется частушкой 1960-х гг. о первом космонавте:

Как хорошо, что Ю. Гагарин
Не тунгус и не татарин,
Не хохол и не узбек,
А наш советский человек³.

Большинство нерусских и почти все иностранцы считали, что Советский Союз — это Россия. Нерусские в СССР обычно видели в русских своих «господ». Некоторые смирились с этим фактом, другим это не нравилось, но мало кто протестовал. Со своей стороны, русские никогда не понимали такой постановки вопроса. Они думали, что освободили советские (и европейские) народы от нацистского рабства, а потом, во многом отказывая себе, помогали им восстанавливать экономику и строить социализм. Они были товарищами-помощниками, а не «оккупантами», и уж никакими не тиранами. Так почему же теперь к ним относятся с ненавистью и презрением?

Однако далеко не все разделяли общее мнение, и некоторые даже полагали, что Советский Союз и Россия не одно и то же. Крещеная еврейка Ирина Кантор вспоминает, как в детстве попросила отца показать ей Россию. Он подвел ее к карте на стене и указал на Советский Союз. Она возразила: «Это же не Россия! Покажи мне Россию!» Он показал ей на границы Российской Федерации, РСФСР. «Я задумалась. Если убрать непонятное слово “Федерация”, тогда это Россия... Но нет, это не Россия. Где же она? Я долго разглядывала карту, но ничего не увидела». Ее Россия не была государством или территорией с обозначенными границами, а идеалом, к которому ее тянуло, хотя, будучи еврейкой, она не понимала почему⁴.

В качестве введения к своей первой книге стихов Ирина Ратушинская написала эссе «Моя родина», в котором отразилась ее неуверенность в собственной национальной идентичности, очень похожая на то, что чувствовала Кантор. По паспорту она «русская». Но она выросла в Одессе, Украинской Советской Республике, и до вполне солидного возраста не видела Центральной России в географическом смысле. Может быть, она должна была бы согласить-

ся с тем, что в школе ее родиной называли Советский Союз. Но она не чувствовала, что дикие горы Кавказа, приветливые берега Прибалтики, суровая сибирская тайга и сухие степи Казахстана для нее одинаково дороги. Ей была не по душе советская культура, которую пытались изучать в школе. Она пришла к заключению, что ее настоящая родина — это русская литература, но не та, которую зубрили и разбирали в школе, а та, которую она неожиданно открыла для себя в возрасте 24 лет: опальные поэты Мандельштам, Цветаева и Пастернак. И еще альтернативой для ее родины был Бог, которого, как она объясняла, «я не искала. Бог сам нашел меня, помог выжить и спас мою душу»⁵. Эта связь с языком, культурой или религией, а не с территорией или государством на карте — обычное явление, особенно среди русской интеллигенции.

Однако не нужно торопиться с выводом, что такие чувства неопределенности и двойственности в отношении собственной национальности являются особенностью России. Они гораздо более типичны, чем можно было бы подумать, для крупных этнических групп, которые идентифицируют себя с национальным государством. Подобные господствующие этносы приобретают власть над более мелкими этническими группами и берут на себя ответственность за них, а потому воспринимают национальную принадлежность как само собой разумеющееся и растворяют свою собственную идентичность в более массовом, общем идеале⁶. Большинство крупных европейских наций проходили в своей истории хотя бы один период, когда считалось, что их религия, их цивилизация, их политическая система или их образ жизни представляют собой особую ценность, а потому следует распространить их на все человечество. Только-только успев изгнать мусульман с Иберийского полуострова, испанцы XVI в. попытались навязать свою форму католицизма значительной части Европы (вызвав революцию в Нидерландах) и распространить ее через океан на Южную Америку. В первом десятилетии XIX в. французы силой оружия внедряли свой идеал гражданского общества на территории большей части Европы. В первой половине XX в. немцы попробовали сделать то же самое со своими представлениями об этнической национальности и немецкой культуре (Kultur). Что касается Великобритании, то ее лидеры и многие простые граждане в XVIII и XIX столетиях считали естественным, что именно на их стране лежит священный долг сделать протестантское христианство, свободную торговлю и парламентскую форму правления достоянием всего мира. В наши дни в роли ведущей мессианской нации выступают Соединенные

Штаты Америки, присвоившие себе и право, и долг распространять свою культуру и свою форму рыночной экономики — «Вашингтонский консенсус» — по всей планете⁷. Так что свойственные русским в XX в. представления о том, что они обладают аналогичными правами и должны распространять социализм по всему миру, не есть нечто аномальное: это норма поведения для больших наций.

Энтони Смит, возможно, самый крупный современный теоретик проблем этнической идентичности, считает идею святой миссии нормальной составляющей национализма. Он говорит, что «национализм... черпает многое из своей страстности, убежденности и энергии, из веры в предназначенную ему национальную миссию и предначертанную ему судьбу, и эта вера, в свою очередь, во многом обязана своим происхождением мощному религиозному мифу об этнической избранности». Эта вера порождена идеей «избранного народа... особого народа, указанного высшими силами в качестве инструмента для выполнения особой религиозной миссии в мировой моральной экономике. Осуществляя эту миссию, избранные будут отмечены, получат отпущение грехов, а вместе с ними и всему миру простят его грехи, и он будет спасен»⁸.

Среди характеристик подобного мессианского национализма Смит выделяет следующие:

1. Веру в моральное превосходство мессианского сообщества, которое зиждется на исполнении им своей исторической роли и осуществлении предначертанной ему миссии.

2. Уверенность в том, что выполнение миссии «радикально изменит к лучшему» бывший до того «низким или маргинальным статус сообщества в мире».

3. Нарастающие стремления отгородиться «от чужаков, которые... не имеют ничего общего с выполнением миссии и связанных с нею обязательств...», т.е. к тем членам сообщества, которые отвергают идею миссии, «возможно применение санкций».

4. Мобилизацию всего народа, не только элит. «К участию в выполнении общественных задач должен привлекаться каждый, и таким образом на достижение национальной цели направляется энергия всего народа, что, в свою очередь, требует, чтобы самое большое число граждан — членов общества разделяло идею его особой миссии»⁹.

Все эти четыре положения применимы к Советскому Союзу. Советские вожди и многие советские граждане верили в превосход-

ство их общества и были убеждены, что выполняют «историческую миссию», поднимая с колен униженных и угнетенных (самих себя и других жертв «мирового империализма»). Они гордились возвышением России, прежде одной из самых отсталых европейских стран, до положения одной из ведущих супердержав мира по экономическому и научному потенциалу. Советская идеология и успехи в таких сферах, как образование и пропаганда, делали серьезный упор на мобилизацию всего народа, а не только элит. Наиболее спорно третье положение. Дело в том, что на отдельных этапах своей истории Советский Союз охотно предоставлял иностранцам права гражданства. Однако с середины 1930-х гг. советские власти ввели и ревностно поддерживали строгий пограничный контроль. Опасаясь шпионов и других «врагов», они установили дискриминацию евреев и депортировали в отдаленные внутренние районы целые этнические группы (в том числе чеченцев и крымских татар), в которых подозревали внутренних врагов.

Можно, конечно, возразить, что Советский Союз вовсе не был русским национальным государством и что Советское государство никогда не проводило политики полнокровного русского национализма, а скорее, наоборот, как мы увидим ниже, периодически активно принижало русских.

Это также не столь уж необычно, как может показаться. Для всех форм национального мессианства в исторической перспективе характерно то, что внешне они выглядели не столь национальными или, по крайней мере, они создавали впечатление, что подчиняют национальность сверхнациональному идеалу: католицизм в случае испанцев, свобода, равенство и братство в случае французов, протестантизм и свободная торговля в случае англичан. В своем недавнем исследовании национальной идентичности англичан Кришан Кумар обращается к категории «мессианского национализма», выдвинутой Э. Смитом. Он называет его «национализмом, принципом которого является не столько совпадение государства и нации, сколько распространение предполагаемых выгод своего правления и своей цивилизации на другие народы». Согласно концепции Кумара, «главная особенность имперского или мессианского национализма заключается в приверженности господствующей или основной этнической группы данному государственному образованию, видящей свое предназначение в служении какому-то великому делу или цели, религиозной, культурной или политической». В таких случаях «национализм и космополитизм не проти-

востоят, а дополняют друг друга». Кумар постоянно пользуется терминами «имперский» и «мессианский» национализм в одном и том же значении. «Империи, — говорит он, — хотя в принципе они отказываются называть себя нациями, могут являться носителями определенного рода национальной идентичности, которая придает доминирующим группам особое чувство самосознания и общности судьбы»¹⁰. Эти формулировки, конечно же, вполне применимы к русским в Советском Союзе. Они помогают объяснить, почему многие русские весьма сомневаются, что категория национальности вообще применима к ним, и утверждают, что Советский Союз не был империей.

Более широкое понятие о миссии нации вполне может быть связано с известной мерой самоотречения. Как по этому поводу замечает Смит, «в крупных полиэтнических империях мы нередко сталкиваемся с конфликтами между притязаниями на единое вероучение и империю, с одной стороны, и с наследием и интересами той части населения, чья культура в ней занимает доминирующее положение, с другой стороны»¹¹. Как мы увидим, в случае советских русских эти конфликты проявлялись в самой острой форме и порой заставляли их испытывать приниженность и чувствовать себя обманутыми даже в рамках Советского Союза, не говоря уже о периоде его распада и позднее.

Термин «мессианский национализм», которым пользуются Смит и Кумар, помогает нам увидеть, каким образом возможно дать адекватное описание очевидным противоречиям русского национального сознания. Он помогает объяснить, почему русские в целом не замыкают свою идентичность в определенные географические границы, почему связывают ее с некой «идеей» и почему они склонны опровергать представление о том, что их идентичность воплощается в какой-то определенной территории или государственном образовании, и вместо этого видят ее как духовное или культурное единение.

В этом смысле русская ситуация сходна с положением любого доминирующего этноса. До недавнего времени социологи не пользовались термином «этнос» применительно к англичанам в Соединенном Королевстве, французам во Франции или евреям в Израиле. «Этничность» относили к меньшинствам, у которых не было государства или их государства занимали подчиненное положение и чьи «этнические» характеристики по этой причине *заметно контрастировали с доминирующим «политическим» этносом на-*

рода, осуществляющего общегосударственное управление. Однако с недавнего времени, в связи с прокатившейся по земному шару волной деколонизации и демократизации, а также произошедшим после окончания холодной войны распадом европейских государств, народы, считавшие свой государствообразующий статус и культурное доминирование не требовавшими доказательств, впервые оказались перед необходимостью оправдывать или защищать свое положение и, делая это, вернулись к своим, до того считавшимся неоспоримыми, а потому иногда полузабытым этническим традициям¹².

Неспособность увидеть этнические признаки в доминирующей группе особенно остро проявилась относительно русских. В большинстве европейских языков существует только одно слово «русский», у русских же их два: *русский* для обозначения народа, языка, культуры и этноса и *российский* для обозначения государства, империи и многонациональной территории. Это различие столь же существенно, как между «английский» и «британский», или еще более близкая параллель — как между «турецкий» и «османский». Если проглядеть эту разницу, принимаясь писать об этих народах, то нетрудно наделать массу элементарных ошибок.

Вследствие непонимания различий между понятиями «русский» и «российский» западники часто писали и пишут о русских так, будто они, в отличие от других народов, не имеют права на свое собственное национальное самосознание, так как оно по определению должно быть деспотичным и шовинистическим. Нужно сказать, что в настоящее время русское национальное самосознание не имеет тенденции принимать имперские или сверхэтнические формы — это одна из главных тем, которая будет далее развита в данной книге. Но в исторической ретроспективе такие формы идентичности были характерны для многих других народов, и уж никак не английским или американским ученым стоит упрекать в этом русский народ. Ни в коем случае нельзя автоматически навешивать на русское национальное сознание или русскую идею зловещие ярлыки.

Идеи данной книги опираются на двух известных интерпретаторов русской национальной идентичности; оба они глубоко повлияли на мое мышление, несмотря на то что, как может показаться, придерживаются диаметрально противоположных взглядов. Один — философ-эмигрант Николай Бердяев, другой — советский диссидент и писатель Александр Солженицын.

В своем знаменитом исследовании «Русская идея» Бердяев утверждает, что, не считая евреев, русские — самый мессианский народ мира и что коммунизм стал лишь позднейшим проявлением этой ментальности. Он писал, что русская империя зиждилась на мифе о Третьем Риме, на идее, что Москва — преемник Рима и Византии в качестве носителя всеобщей христианской идеи: «Россия единственное православное царство и в этом смысле царство вселенское, подобно первому и второму Риму»¹³. Советский Союз, парадоксально продолжая эту традицию, был Третьим интернационалом: «Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей. В русской коммунистической революции господствовал не эмпирический пролетариат, а идея о пролетариате, миф о пролетариате... Ленинизм-сталинизм не есть уже классический марксизм. Русский коммунизм есть извращение русской мессианской идеи. Он утверждает свет с Востока, который должен просветить буржуазную тьму Запада»¹⁴.

По отношению к Бердяеву последующие исследователи разделились. Многие воспринимают его в качестве источника остроумных и полезных цитат, которые подчеркивают те или иные аспекты русского мышления или поведения. Некоторые, однако, восприняли его уравнение Третьего интернационала с Третьим Римом абсолютно серьезно. Я очень ценю его интуицию, особенно утверждение, что мессианское сознание порождает «имперский соблазн», когда, начавшаяся как универсальная, доктрина постепенно привязывается к определенному государству, определенной форме правления, определенной национальной культуре и таким образом утрачивает свою универсальность¹⁵. Вместе с тем я не согласен с утверждением, что мессианство — чисто русское явление, напротив, как я уже говорил, большинство крупных европейских наций прошли как минимум через один такой мессианский период. В этом отношении русские — типично европейская нация. Россию отличает не мессианская задача как таковая, а, скорее, сложная и противоречивая природа этого мессианского чувства, а также отношение к нему государства и народа.

Солженицын утверждает на первый взгляд противоположное Бердяеву, говоря, что советская мессианская идеология чужда русской культуре, что она пришла извне, с Запада, и нанесла ущерб русской идентичности. В сущности, правы оба. Есть две формы русского мессианства, христианская и социалистическая, и про-

стые люди временами относились к обеим то с энтузиазмом, то сдержанно или подозрительно. Важнейшая мысль Солженицына состоит в том, что русский народ и империя существуют отдельно, что русский народ и Советский Союз — это не одно и то же и что распространение социализма по всему миру никогда не было главной страстью русских. Он считал, что русские были отягощены универсальной идеологией, которая мешала их развитию как нации. С этим я не могу не согласиться. Но согласиться с тем, что марксизм был чужеродным для России явлением, я никак не могу. Он хорошо укладывался в русские коллективистские традиции и содержал в себе особые, присущие русскому мессианству элементы, которые и распространял на большей части территории Европы. Во всяком случае, народ и империя перестали означать одно и то же еще до 1917 г., марксистская идеология расширила, но вовсе не создала уже существовавший до нее разлом¹⁶.

Русская идентичность, как это часто случается, складывалась как реакция на «других», в данном случае на Западную Европу, поскольку развитие России начиная с XVII в. происходило в контексте взаимодействия с великими западноевропейскими державами. Однако, в отличие от форм, в которые вылилась реакция на европейскую цивилизацию у других мировых цивилизаций, у России не было столь давно укоренившихся религиозных или цивилизационных традиций, которые составили бы некий особый фундамент, на котором можно было бы осуществить и обосновать реакцию отторжения. У нее не было ничего подобного исламу, конфуцианству или разнообразным индийским традиционным учениям, которые, как правило, называют «индуизмом»¹⁷. Ее национальная религия, православное христианство, являлась одним из вариантов господствующей на Западе религии. Ей пришлось воспринять от Запада многие из своих основополагающих концепций, но так, что в процессе их вживления в ткань жизни русского народа и государства они оказались переосмысленными и обрели новые формы.

Одним из способов отгородиться от Запада для России стала выработка двух мессианских идей; одна была связана с православием, вторая — с социализмом. Они оказались несовместимыми и даже непримиримо враждебными. Более того, каждая из них лишь частично вобрала в себя общинный дух русского народа. В XX столетии конфликт между этими тремя мощными силами вышел на поверхность и достиг апогея напряженности. Вот почему история России XX в. была столь бурной.

Глава первая

МАРКСИЗМ И КРИЗИС РУССКОГО МЕССИАНСТВА

Откуда взялась идея, что русские — «избранный народ», носитель особой всемирной миссии?

Концепция Москвы как Третьего Рима, выполняющего особую миссию по донесению христианства до всего человечества, зародилась в XVI в. после падения Византии. Несмотря на то что это весьма напоминает именно имперскую идею, сложилась она в лоне церкви. Нужно сказать, что ее так и не приняли московские цари и позже российские императоры, опасавшиеся, что это наделит духовенство слишком большим политическим влиянием. Самодержцам Россия виделась прежде всего великой европейской державой и северной евроазиатской империей, а не теократическим государством.

Тем не менее указанный миф воплощался в каждодневных проповедях, произносимых с амвонов русских церквей, и, по-видимому, находил отклик у простых людей. Особенно лелеяли его старообрядцы. Но нашел он распространение и среди крестьян, купцов, духовенства официальной церкви и даже среди государственных деятелей. В массовом сознании витала, хотя и не выраженная явно, идея, что Россия — это некоторым образом священная империя, избранная Богом для осуществления великой миссии¹.

В XVIII и XIX вв. подчинение церкви государству все более углублялось. Петр Великий упразднил патриаршество — символ независимого положения церкви, учредив вместо него Святейший синод, который на деле стал государственным учреждением и часто возглавлялся мирянином. Царь и его преемники также экспроприровали церковные земли, источник ее материальной независимости. Им нужно было, чтобы церковь взяла на себя светские функции образования и социального обеспечения. Практически, они провели внутри церкви половинчатую протестантскую революцию, не подкрепленную внедрением существенных протестантских

принципов, а именно — грамотного, читающего Библию населения и приходской автономии. До 1870-х гг. не имелось даже Библии на современном русском языке (она существовала только на старославянском). Адриан Хастингс подчеркивает влияние перевода Библии на формирование национального языка и укрепление среди христианских народов национальной идентичности. В России перевод играл подобную роль в Средние века, но к XVIII—XIX вв. она постепенно падала. Причина тому — отсутствие Священного Писания на современном общенациональном языке². Получилось, что модернизация и первоочередные проблемы империи встали на пути формирования русского национального самосознания и серьезно замедлили его.

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Одно дело — рассуждать о государстве и церкви, и совсем другое — вникать в жизнь местных общин и сообществ, затерянных далеко от центров власти. До самого конца XIX в. Россия оставалась преимущественно страной разбросанных по колоссальной территории малых городов, сел и деревень, многие из которых находились в зоне рискованного земледелия. Поэтому члены русских общин были в высшей мере взаимозависимы. С незапамятных времен им приходилось вырабатывать пути взаимодействия, которые способствовали бы взаимопомощи в их изолированном и исключительно узким положением. У них сложилась система, известная под названием «*круговая порука*», которую можно было бы по-другому назвать «взаимной (или коллективной) ответственностью». Все члены общины должны были принимать на себя ответственность за улаживание конфликтов, предотвращение преступлений, задержание преступников и поддержание в порядке общинного имущества.

Аналогичные системы мы находим в деревнях и маленьких городках большей части средневековой Европы, — например, в Англии «*франк-pledge*» (*frank-pledge*) при сборе десятины не что иное, как та же «*круговая порука*», а во Франции на этом основывалась королевская система сбора налогов³. В XVI и XVII вв. с укреплением монархии большинство этих форм взаимной ответственности было отменено или заменено другими⁴. В России же все произошло наоборот: с установлением абсолютной монархии «*круговая*

порука», в сущности, усилилась. Государство взяло ее на вооружение в качестве административного способа сдерживания преступности, сбора налогов и набора рекрутов в армию. Если один двор не уплачивал сборов, остальные должны были восполнять недостачу, если один рекрут скрывался или признавался непригодным для воинской службы, то община должна была представить вместо него другого. Такая система упрощала работу сборщиков налогов и воинских присутствий⁵. Она же делала жизнь и в городках и сельской местности более безопасной и предсказуемой, поскольку означала, что ни один индивид или двор не оставался со своей бедой один на один: за ним стояла община. Каждый был членом взаимозависимого коллектива и связан практически личными узами с каким-либо носителем власти.

Для того чтобы поддерживать должный уровень внутреннего согласия, без чего подобная система не работает, общине требовался открытый и доступный процесс принятия решений. Такую функцию имел *сельский* или *посадский сход* — собрание в деревне или пригороде, как правило, состоявшее из всех глав домохозяйств. Из своих членов он выбирал *старосту*, который вел собрание, следил за выполнением решений и представлял общину в сношениях с внешним миром и властями. На сходе решения принимались не голосованием, а консенсусом. Обоюдное согласие имело особое значение, так как предполагалось, что решения должны отражать такой важный элемент, как *«правда»* — «истина», а также все, что с точки зрения моральных ценностей считалось правильным, обоснованным, справедливым и «божеским», т.е. отвечало Божьему закону и заповедям. Мелкие уголовные преступления и гражданские иски внутри общины разрешались волостным судом, состоявшим из самых старых и уважаемых селян, «лучших людей», как их определяли письменные документы, под председательством старейшего члена суда. Решения подобного суда также отражали «правду», впрочем, толкуемую таким образом, чтобы экономической деятельности общины в целом наносился минимальный ущерб⁶.

Являясь и народным обычаем, и формой осуществления административных функций, круговая порука занимала важное место в представлении русских людей о жизни, особенно в их отношении к закону, имуществу и власти. Для русских закон означал консенсус, а «правда» и *«права»* касались крестьянского двора и общины в целом, а не индивидов. Подразумевалось также, что в царе воплощается власть и в нем гарантия «правды». Как гласила поговор-

ка: «Не в силе Бог, а в правде». Простые люди, впрочем, понимали, что царские слуги не идеальны и греховны, и относились к ним весьма сдержанно: «До Бога высоко, до царя далеко»⁷.

Особенно сильно круговая порука сказывалась на жизни села. Крестьяне считали, что земля — Божья. Она даруется людям, чтобы они зарабатывали себе пропитание, но она не принадлежит никому в отдельности. Это ресурс, открытый для всех, кто работает на земле вместе с домочадцами и иждивенцами, и может использоваться ею по потребности. Придерживаясь этой концепции, многие крестьянские общины периодически перераспределяли участки земли между дворами в соответствии с размером семей и потребностями. Семьи побольше получали больше земли, но, соответственно, платили больше налогов. Семьи поменьше теряли в размере земли, но при этом платили меньше налогов. Главное — сделать так, чтобы у каждого двора была возможность прокормиться и выполнить все обязательства перед государством и общиной. Экономическим идеалом была достаточность. Но бедняки и богачи вызывали подозрение. Бедняки поскольку их подозревали в лени и потому, что они были обузой для других членов общины, а богачи из-за подозрений в махинациях, т.е. действиях не «по правде», и боязни экономического ущемления своих односельчан. Как говорилось в народной пословице, «богатство — грех перед Богом, бедность — грех перед соседями»⁸.

Даже во второй половине XIX в., когда уже набрали силу денежные отношения, а крестьяне по привычке продавать и покупать землю, они продолжали считать, причем совершенно обоснованно, что в случае нужды, особенно в чрезвычайной ситуации, вроде войны, революции или голода, им всегда положен некий минимум⁹.

Поскольку между крестьянами существовала такая взаимозависимость, считалось, что в тяжелый момент дворы должны помогать друг другу, будь то нехватка продовольствия, болезни, грабеж, пожар или какие-нибудь иные непредвиденные обстоятельства. Для голодающей семьи откладывали хлеб, больным приносили лечебные травы, соседи приходили помочь с уборкой урожая. Никто не расплачивался за эти услуги непосредственно, просто подразумевалось, что оказавший услугу в будущем, в трудную минуту, вправе рассчитывать на любую необходимую помощь. Эта взаимная помощь не имела ничего общего с альтруизмом, она базировалась на том, что постигшая какой-то двор невзгода может сказаться на

всей общине¹⁰. У подобной взаимозависимости имелись и свои теневые стороны. Жители деревни внимательно следили за жизнью односельчан и постоянно перемывали им косточки. Пересуды, порой очень злобные, прочно вплетались в ткань деревенского быта, так как пьянство, воровство или семейные раздоры могли подорвать экономическое благополучие домохозяйства и нанести удар по всей общине. Именно таким путем основанные на взаимной ответственности общины поддерживали внутренний порядок.

Круговая порука наложила глубокий отпечаток на взгляды русских буквально во всех сферах жизни. Их представления являлись эгалитарными и демократическими (это видно по тому, что все дворы должны были участвовать в принятии решений), но в то же время иерархическими и авторитарными, так как от имени каждого двора выступали их старейшие хозяева-мужчины. Женщины и молодые мужчины ставились в неравное положение, и часто их интересами пренебрегали¹¹. Круговая порука порождала общинный дух и обеспечивала выживание каждого члена, но вместе с тем она выталкивала из общинной среды людей одаренных, неординарных, чудаковатых и провоцировала внутренние склоки и распри. Она создавала густую сеть взаимных обязательств, нередко удобных, вместе с тем требовавших все время быть начеку. В чрезвычайных обстоятельствах и при возникновении трудностей (а XX век изобилует такими ситуациями) русские обычно воспроизводили сообщества круговой поруки, в зависимости от складывающихся обстоятельств. Например, рабочие объединялись в «*артель*», своего рода трудовой кооператив, вместе жили и работали и подписывали с работодателем общий контракт. В условиях отсутствия эффективных общественных и государственных институтов и законодательства такие формы общинных ассоциаций были крайне необходимы.

УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ

Правителей серьезно беспокоил еще один аспект этнической ситуации в России. За период XVIII и XIX столетий государство Российское поглотило большое число восточнославянских сообществ (в основном украинцев и белорусов), столетиями живших под властью поляков и литовцев. Некоторые из них были православными, но многие принадлежали к униатской (греко-католической) церкви или даже исповедовали католицизм. Они говорили на

диалектах близких к разговорной речи русского крестьянства, но имевших свой словарный запас и синтаксис. По своей культуре они мало отличались от русских, хотя традиция взаимного перераспределения земли у них не получила столь широкого распространения, как у русских крестьян. Индивидуальные наделы сохранялись у них в одной и той же семье из поколения в поколение, что означало, что украинские и белорусские крестьяне, как правило, испытывали значительно большую тягу к ведению собственного небольшого хозяйства, чем русские¹².

Статус украинцев и белорусов представлял исключительную важность и для царской, и позже для Советской России. Они составляли значительную по численности группу населения: в 1897 г. украинцев было 22,4 млн и они были «самой большой недоминирующей этнической группой в Европе», к этому числу можно добавить еще 5,9 млн белорусов¹³. Если и тех и других считать русскими, то в этом случае русские составляли значительное большинство населения в государстве, носящем их имя, что давало приемлемую основу для строительства русского национального государства. Если же, однако, признать их отдельными народами, то русские в царской России оказались бы в меньшинстве и вряд ли стали бы большинством в первоначальном составе Советского Союза. Это было серьезной проблемой, ибо, как верно отмечает Алексей Миллер, русско-украинское противостояние было не «взаимодействием двух сформировавшихся наций, а соперничеством между двумя проектами национального строительства»¹⁴. Более того, российским правителям приходилось учитывать постоянно нависающую угрозу Польши, культура которой не растеряла жизнеспособности даже тогда, когда независимое Польское государство ушло в небытие. Правители России вообще так никогда и не освободились от опасений, что поляки только и ждут удобного момента, чтобы потребовать возвращения украинцев и белорусов для создания альтернативного государственного образования.

По этой причине царский режим упразднил все чисто украинские институты и обозначил данную географическую территорию как Малороссию. Были приняты все меры, чтобы воспрепятствовать появлению печатной украинской литературы и культуры¹⁵. В 1863 г. императорским указом была запрещена публикация книг на украинском языке, и ни одной подобной книги так и не было напечатано. При этом разъяснялось, что отдельного малороссийского языка нет, а диалект, которым пользуются на Украине в просторечье,

не что иное, как подвергшийся польскому влиянию русский язык. П.А. Валуев, министр, составивший текст циркуляра, а затем и данного указа писал царю, что «разрешение создать особую литературу для простолюдинов на украинском диалекте способствовало бы отчуждению Украины от остальной России»¹⁶. Такое же вето и по тем же причинам было наложено на белорусский язык.

В начале XX в. существовало мало шансов на формирование отдельной украинской или белорусской нации. Подавляющее число украинцев были неграмотными крестьянами, а украинское дворянство в большей или меньшей степени ассимилировалось в русской имперской культуре. В относительно крупных городах Малороссии в составе элит было мало украинцев — в них преобладали русские, поляки, немцы, даже греки и армяне, в то время как городское население часто состояло из евреев. Духовенство зависело от Русской православной церкви, которая не имела отдельного института церковного управления для Украины.

Тем не менее в малых городах и деревнях, среди низших слоев лиц интеллигентных профессий, особенно в земствах, имелось заметное число разночинной интеллигенции — адвокатов, врачей, фельдшеров, школьных учителей и чиновников, считавших себя украинцами; многие из них были выходцами из семей крестьян и священнослужителей. Они занимались местным хозяйством, здравоохранением и образованием, и это придавало украинскому национализму того периода своеобразную социальную окраску. В 1905—1907 гг., с ослаблением цензурных ограничений, они стали выпускать газеты и журналы на украинском языке, основывали научные общества, сельскохозяйственные кооперативы и политические партии, одно время даже были представлены в Государственной думе. В это время украинский национализм вращался вокруг нескольких дискуссионных тем: институт собственного демократического самоуправления днепровского и запорожского казачества XVI—XVIII вв.; украинская литература, особенно фигура Тараса Шевченко — крепостного поэта, ставшего своего рода украинским Робертом Бернсом; право использовать украинский язык в публичных местах; необходимость радикальной земельной реформы, которая позволила бы украинским крестьянам безбедно существовать на своей земле¹⁷.

Период 1914—1921 гг. резко изменил обстановку на Украине. Первая мировая война обострила по всей Европе чувства национальной принадлежности, это не в малой мере коснулось и России, где,

например, германское происхождение императрицы, на что до войны едва ли обращали внимание, стало вызывать подозрение. Малороссия располагалась вблизи линии фронта, и многим украинцам пришлось стать беженцами. Организации, занимавшиеся помощью беженцам, во многом имели национальную окраску, т.е. подчеркивали свою связь с местным языком и культурой¹⁸. Также и в армии офицеры и солдаты стали придавать большее значение своей национальной принадлежности, даже оставаясь верноподданными царя. Произошло массовое производство в младшие офицеры, и таким образом среди новых офицеров царской армии появилось много малороссов, принадлежавших именно к тем социальным слоям, где бытовали ультранационалистические украинские настроения¹⁹.

В результате этих событий после свержения царя, к удивлению многих современников, как грибы после дождя стали множиться разнообразные украинские общественно-политические объединения. Во главе их стояла Украинская центральная рада — местный национальный эквивалент Всероссийского съезда Советов. Когда в апреле 1917 г. в Киеве собралась Всеукраинская рада, в ее составе были налицо представители земств, воинских частей, культурно-просветительских обществ, профессиональных союзов и крестьянских кооперативов. В мае Рада потребовала автономии для Украины, представительства на мирных переговорах с Центральными державами и формирования отдельных украинских воинских частей. Собрался I Всеукраинский военный съезд, принявший меры к созданию национальной армии. В ноябре 1917 г. после окончательного падения Временного правительства Рада своим 3-м «универсалом» (так некогда назывались казацкие указы) провозгласила независимость Украинской Народной Республики. Это уже был шаг к строительству нации, каким бы внезапным и неожиданным он ни казался²⁰.

Здание национального государства достроить не удалось, чему помешала Гражданская война. Первый независимый режим продержался только три месяца и был свергнут красными, которым оказывали поддержку русские. Вскоре вся страна была захвачена немцами. Последующие три года на значительных территориях Украины устанавливалось по меньшей мере восемь самых разных режимов, но ни один из них не смог консолидироваться или даже опереться на большинство населения. Как отмечал Джеф Или, «дробление государства и гражданского общества» походило здесь на «господство милитаристов в провинциальном Китае 1920—1930-х гг.»²¹.

Самым уязвимым местом украинских националистов было отсутствие полной поддержки со стороны украинского крестьянства, большинство которого прежде всего хотело земельной реформы и было готово принять землю от любого правителя, готового ее предложить. Так или иначе, новая Украина разрывалась между амбициями старых и новых «великих держав» — Германии, Советской России и Польши, не говоря уже о своих собственных непримиримых фракциях²².

И все-таки память о независимом государстве, пусть и раздробленном в пучине войн и междоусобиц, впоследствии оставалась мощной составляющей украинского самосознания, его национального образа, особенно после того, как в 1922 г. память о нем призрачно возродилась в виде Украинской Советской Социалистической Республики — государства, конечно, не независимого и не занимавшего всей территории Украины, но все же реального института и неотступного напоминания о том, что могло бы получиться. Никто больше не мог посчитать само собой разумеющимся, что украинцы смогут смириться с русским господством, какую бы политическую окраску оно ни носило.

Что касается белорусов, то с ними ситуация была не столь ясной. В 1887 г. в городах Белоруссии с населением более 2 тыс. человек жило ничтожных 2% белорусов, и среди них почти не было интеллигенции, городское население составляли преимущественно евреи, поляки (на западе) и русские (на востоке). 90% белорусов было занято в сельском хозяйстве, и современный белорусский язык существовал главным образом в виде крестьянского диалекта. Во второй половине XIX в. интеллигенты-католики крестьянского происхождения стали пользоваться им в качестве литературного языка, и это, как мы видели, настолько обеспокоило имперских чиновников, что белорусский язык подвергся запрету наряду с украинским. Он возродился после революции 1905 г. в еженедельном журнале «Наша Нива» (1906—1915), основу содержания которого составляли материалы о тяжелой крестьянской доле: это было то, что в представлении белорусской интеллигенции являлось их национальной идентичностью²³.

В водовороте революции и Гражданской войны Белоруссия пыталась учредить отдельную республику, на каком-то этапе в тандеме с литовцами, но ей не довелось пережить периода длительной независимости, пусть даже в боях, между 1917 и 1921 гг., как это произошло с Украиной. Однако в 1919 г. большевики в Москве

санкционировали создание Белорусской Советской Республики со столицей в Минске, параллельно с той, которую пытались создать на Украине. Представляется, что им нужны были «буферные республики» между Советской Россией и ее соседями на западе, что соответствовало ленинской политике создания противовесов «великорусскому шовинизму». По каким-то мотивам этот план встретил оппозицию со стороны местных большевиков, возразивших, что белорусы не представляют собой нации и поэтому незачем искусственно выращивать местный национализм²⁴.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ МЕССИАНСТВО

В XIX в. писатели и мыслители дали новую жизнь скрытой русской мессианской традиции и переформулировали ее в современных понятиях как утверждение особой, отдельной от Европы миссии. Славянофилы утверждали, что одни только русские не поддались разрушительной волне индивидуализма, атеизма и рационализма, которая прокатилась по Западной Европе и расшатывает моральные устои ее народов. Русские сохранили первозданное чувство общинности, которое славянофильский богослов и историк А.С. Хомяков назвал *соборностью*, а вместе с ней и простую, но глубокую христианскую веру. По мысли славянофилов, эти качества наделяют Россию потенциальной силой, способной излечить духовные недуги Запада. Они негативно относились к царскому имперскому государству, которое в их представлении многое восприняло от духовной болезни Запада, и считали, что Россия должна сначала пройти очищение, прежде чем приступит к осуществлению этой миссии. Они были уверены, однако, что в конечном итоге, освободившись от всего нечистого, Россия будет в состоянии восстановить на более развитом и умудренном, но испорченном Западе истинное христианство²⁵.

Особое значение славянофилы придавали сохранению сельской общины. Как мы видели, Российское государство сохранило общину с ее круговой порукой как удобный инструмент управления простонародьем. Константин Аксаков, однако, подходил к ней с более идеалистических позиций, называя общину «моральным хором... союзом людей, отказавшихся от своего эгоизма, своей индивидуальности и выражающих свое полное единодушие, это акт любви и благородный христианский подвиг»²⁶. Соборность сдела-

лась для славянофилов основополагающей идеологией, придававшей России особую веру и силы.

Отделите эти взгляды от православия, и вы без труда получите некую форму социализма. Между 1860-ми и 1890-ми гг. целая плеяда мыслителей разрабатывала новую концепцию социализма, которая взяла марксизм за основу, но отвергла идею, что революцию может осуществить только пролетариат ведущих индустриально развитых государств и наций. Напротив, они утверждали, что явными преимуществами тут обладает крестьянство России. У него есть собственные примитивные институты, в которых фундаментальные принципы социализма, вроде демократического самоуправления или общего имущества, давно существуют вполне естественно. Крестьянство обладает потенциалом, чтобы превратить этот рудиментарный бесхитростный социализм в современный, сознательный социализм и таким образом полностью избежать пороков капитализма. С легкой руки Ленина эти мыслители остались в памяти потомков под презрительным наименованием *народников*. Они расходились между собой по вопросу о том, произойдет ли переход от примитивного к современному социализму путем насильственной революции (Михаил Бакунин), через мирную пропаганду, осуществляемую образованными и «сознательными» людьми (Петр Лавров) или с захватом власти небольшой кучкой революционеров, действующих от имени народа (Петр Ткачев). Но все они сходились в том, что крестьянская община и ее пролетарский эквивалент — артель составят фундамент нового общества²⁷.

Большинство народников были атеистами, но некоторые из них открыто признавали христианство нецерковного толка. Организатор убийства Александра II в 1881 г. Андрей Желябов заявил на суде: «Я отрицаю православие, хотя поддерживаю содержание учения Иисуса Христа... Все истинные христиане должны бороться за правду, за права униженных и слабых и, если необходимо, даже пострадать за них. Вот моя вера»²⁸.

Можно было бы подумать, что доктрина, которая, в отличие от народнической, была пролетарской и интернационалистской, будет отрицать любую форму мессианства, связанную с крестьянством или с особой русской миссией. Однако сам Маркс не всегда придерживался догматических позиций относительно того, каким путем может пойти революция. В 1881 г. он писал Вере Засулич о крестьянской общине: «Специальное исследование убедило меня, что эта коммуна — главная движущая сила русского социального обновле-

ния»²⁹. Во всяком случае, они с Энгельсом вовсе не были свободны от национализма, так как обычно они высказывались в поддержку крупных европейских наций, особенно Германии, называя их «прогрессивными», и считали «реакционными» и даже «контрреволюционными» попытки меньших этнических групп утвердить свой национальный статус в 1848—1849 гг.³⁰ Следовательно, марксистской традиции не была абсолютно чужда мысль о том, что отдельные нации могут быть носителями социального прогресса.

Кроме того, марксизм имел частично еврейское происхождение, евреем был его основатель, что особенно импонировало евреям в России. Начиная с 1870-х гг. в российском революционном движении участвовало поразительно много евреев. Многие еврей-революционеры в юношеские годы бунтовали против мнимой заскорузлости и провинциализма их этнического и расового наследия. Лишившись семейной истории и традиций и полные ненависти к самодержавию, они находили себе духовный приют среди русских социалистов, которые встречали их без всяких предрассудков и давали возможность принять участие в борьбе за интернациональное братство, свободное от национальных и религиозных догм и предрассудков. Они входили в это новое и близкое им по духу окружение, сохранив глубинные элементы своей еврейской идентичности, особенно упование на то, что смогут принести спасение человечеству. Перед казнью за участие в Иркутском мятеже 1888 г. Лев Коган-Бернштейн заявил в своем последнем слове: «Работая всю жизнь в русской революционной партии, я работал для обездоленных еврейских масс в полном сознании, что их судьба полностью связана с судьбой всех народов, живущих на территории России, и что освобождения еврейского народа от политического угнетения можно добиться только с освобождением всей России»³¹.

Во всяком случае, еврей-марксисты сыграли важную роль в подготовке интернациональной по духу революции в России. Именно еврей Александр Парвус-Гельфанд первым высказал идею, что русский пролетариат может оказаться в авангарде европейской социальной революции. За ним последовал Троцкий, выступив в июне 1905 г. с пророчеством, что российский рабочий класс будет «инициатором ликвидации мирового капитализма». Он утверждал, что российская буржуазия настолько слаба, что рабочему классу придется взять на себя задачу даже буржуазной революции и он решит ее при поддержке крестьянства, которое поднимется на собственную революцию против феодализма. После этого, однако,

российские рабочие потеряют поддержку всего крестьянства, кроме беднейшего, и для того, чтобы повести революцию дальше, до социалистического этапа, им понадобится помощь из-за рубежа. Они получают ее от пролетариата более развитых европейских стран, который, вдохновившись российским примером, к этому моменту возьмет в свои руки власть в своих странах. Вместе со своими русскими братьями они провозгласят «республиканские Соединенные Штаты Европы», а те, в свою очередь, составят фундамент «Соединенных Штатов Мира»³².

Пьянящий сценарий, в котором Россия выступает в роли детонатора мировой революции, вдохновил Ленина и в решающий момент помог выкристаллизоваться его идеям. Он манил его грандиозной картиной того, как русская революция пролетариата и беднейшего крестьянства высекает искру, от которой возгорится пламя мировой революции против империализма. В этом заключалась суть глобальной миссии Советского Союза.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ РЕЛИГИЯ

Отношение простых русских людей к обеим формам мессианства, православного и социалистического, оценить трудно. В 1870-х гг. студенты и молодые радикалы под влиянием Лаврова пошли «в народ», чтобы обогатиться многовековым опытом крестьян и проповедовать им то, как они смогли бы создать у себя в деревне истинный социализм. Народники встретили неоднозначный прием. Многие крестьяне были благодарны за помощь, особенно в сфере медицины и образования, и с готовностью соглашались, что существующая система землевладения несправедлива. Но перераспределение земли они готовы были принять только из рук царя, т.е. в рамках привычных моральных и политических установок. Социалистические идеи казались им чужеродными или, по крайней мере, приемлемыми лишь в переложении на язык Нового Завета³³.

Русские крестьяне издавна были православными верующими и ходили на службы в свои приходские церкви. В сущности, если бы у них поинтересовались, к какой нации они принадлежат, они, вероятно, ответили бы, что они «православные». И все-таки их представления и поступки лишь весьма приблизительно укладывались в рамки установок государственной церкви, и эта ситуация очень тревожила духовенство. Часть крестьян отдавали предпочтение

учениям, проповедовавшим достижение истинно христианской жизни на этом свете, но в стране Беловодье или в утонувшем граде Китеже. Некоторые из этих представлений, видимо, уходили корнями еще в идею Третьего Рима. Например, христовцы, существование которых впервые зафиксировано в начале XVIII в., верили, что временами Христос перевоплощается в членов их общины, ведущих праведный образ жизни. Одевшись в белые одежды, они собирались на моления в обычной избе или даже под открытым небом. Богослужение начиналось с чтения Священного Писания их собственным «Христом». По особым поводам они завершали службу «радением» — неистовыми плясками, во время которых, подобно тому как это делают мусульманские дервиши или американские «трясуны», выкрикивали пророчества. Скопцы, впервые упоминающиеся в конце XVIII в., пытались достичь духовной чистоты более радикальными мерами, оскоряя себя, чтобы освободиться от земных и плотских желаний³⁴.

Кроме того, многие крестьяне оставались старообрядцами. К началу XX в., около 250 лет спустя после церковного раскола, породившего это движение, сторонники старой веры составляли не менее 1/6 всех православных верующих империи³⁵. Старая вера пользовалась влиянием даже среди крестьян, не относивших себя к старообрядцам. Фредерик Конибэр, американский антрополог, занимавшийся в 1910-х гг. изучением народных верований, пришел к заключению, что силу Старой веры «нужно видеть меньше в ее открытых последователях, чем в тех массах, которые молча ей симпатизируют... Во многих районах среди простого народа (*petit people*) мы сталкивались с неожиданным мнением, что официальное православие годится только для равнодушных, что это светская религия, с помощью которой вряд ли можно достичь спасения, и что истинная религия — это старообрядчество»³⁶.

Русские социалисты середины XIX в. надеялись, что сумеют установить какую-то связь со староверами, которым, как и им, были чужды и официальное государство, и официальная церковь. Вскоре они обнаружили, что для союза со старообрядцами никакой базы нет, их взгляды оказались весьма далеки от социализма. Молодой социалист В.И. Кельсиев, побывавший в 1860-х гг. в старообрядческих общинах с целью разобраться в их убеждениях, общался, что не только они, но и народ вообще «продолжают считать, что Москва — это Третий Рим и четвертому не бывать. Другими словами, Россия — это новый Израиль, избранный народ, проро-

ческая земля, где исполняются пророчества Ветхого и Нового Заветов и где даже явится Антихрист, как в предыдущей святой земле явился Христос. Представитель православия, русский царь, самый законный император на земле, ибо занимает трон Константина»³⁷. Эти ожидания хотя были и чисто мессианскими, но вместе с тем и далекими от любой формы социализма XIX в.

В отличие от старообрядцев большинство крестьян оставалось лояльными к официальной церкви, но их отношение к ней не было бессознательным и к началу XX в. стало быстрыми темпами меняться — крестьяне становились образованнее и получали большой жизненный опыт, работая в городе и проходя воинскую службу в армии. Их религиозная культура была намного демократичнее и прагматичнее, чем у сектантов. В ней соединялись мифы и символы, почерпнутые из православия, с ритуалами, посвященными местным святыням, праздниками, отмечавшими окончание времен года и сельскохозяйственных работ, а также большее значение придавалось событиям семейной жизни³⁸. Крестьяне строили новые церкви и часовни, помещая в них «чудотворные» иконы в память о каких-то местных событиях или для поклонения определенному святому месту. Они организовывали местные праздники, прибавляя их к отмечаемым всей страной, чтобы поминать спасение от эпидемии или пожара или отмечать день особенно любимого святого — престольный (храмовый) праздник. Как и в западных странах, в религиозной жизни большее участие принимали женщины, они пересказывали случаи из своей собственной духовной жизни или поминали святую Марию, или, как почти всегда ее называют русские, Божью Матерь, она для них и путеводная звезда, и защитница, и заступница за женщин, бедных и слабых. Эти простонародные инициативы встречались с опаской многими священнослужителями, особенно епископами, представителями черного духовенства, имевшего смутное представление о жизни приходов. Сочиняя свои собственные версии христианских историй, крестьяне проявляли настойчивость в отстаивании своих прав на ведение приходских дел, что приветствовалось рядом священников, но вызывало подозрительность и недовольство у других³⁹.

В целом можно констатировать, что перед 1917 г. восприятие крестьянами религии претерпевало процесс быстрых изменений, что было связано с повышением уровня их грамотности и более близким знакомством с городской культурой. Многие отходили от официальной церкви, но это вовсе не означало готовности воспринять

социализм, исповедуемый народнической интеллигенцией. В той или иной степени крестьяне разделяли обе формы мессианства — православную и социалистическую, но ни одну из них до конца.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

В большинстве обществ одним из главных носителей национальной памяти является общенациональная церковь. Для русских это особенно верно, поскольку православная церковь являлась важнейшей составляющей национальной идентичности. В их глазах православная вера была тем, что отличало их от немцев, поляков, евреев и турок. Однако, как мы видели, в начале XX в. православная церковь испытывала нажим и со стороны конкурирующих конфессий, и со стороны собственных прихожан. К тому же внутри церкви мало кто из духовенства, все равно — белого (приходского) или черного (монастырского), был доволен своим положением. Отвечая на анкету, распространенную Святейшим Синодом в 1905 г., почти все епископы высказали неудовлетворенность существующим положением и рекомендовали реформы. Они чувствовали, что церковь недостаточно независима от государства, что она обеднела и не в состоянии нормально функционировать в условиях режима, который они называли «протестантским» и «цезаропапистским»⁴⁰.

Почти все были согласны с тем, что реформы необходимы. Но духовенство раскололось по поводу того, какого рода реформы нужны церкви. Имелось два подхода. Один, который можно назвать «епископально-консервативным», призывал к обновлению церкви сверху: рекомендовалось восстановить патриаршество в качестве устройства символической главы церкви и Поместный собор как ее суверенное собрание. Поддерживавшие эту точку зрения полагали, что в соборе ведущую роль должны играть епископы. Другой подход делал ставку на приход: утверждалось, что белое духовенство и приходские попечительства должны получить больше прав для принятия собственных решений, назначать своих священников и распоряжаться собственными финансами. сторонников этой линии можно было бы назвать «приходскими либералами» или «конгрегационистами», так как они считали, что обновление должно прийти снизу. Более всего они хотели, чтобы церковь сняла запрет с получения сана епископа белым духовен-

ством, поскольку это приближало более высокие слои церковной иерархии к нуждам приходов. Некоторые из «либералов» также желали служить отдельные части литургии на современном русском языке (а не церковнославянском), чтобы сделать их понятнее для простых людей⁴¹.

Разногласия между этими двумя реформистскими лагерями носили острый, порой ожесточенный характер. Косвенно в этом отражалось разделение российского общества на элиты и просто-народе. «Приходские либералы» проявляли склонность симпатизировать крестьянам и рабочим своих приходов, некоторые из них склонялись к социализму, который считали современным воплощением христианства. Отец Георгий Гапон, организатор рабочей демонстрации в Санкт-Петербурге 9 января 1905 г., был одним из них. В 1905 г. группа из 32 петербургских приходских священников опубликовала петицию, содержащую призыв к проведению реформ в духе «конгрегационной» линии и, объединившись с группой светских христиан-социалистов, образовала Союз церковного обновления, вооружившийся еще более широкой программой реформ⁴².

В 1905—1906 гг. церковь приступила к собственному реформированию, и противостоящие лагеря получили возможность подробно обсудить все вопросы на так называемом Предсоборном присутствии. Предполагалось, что совещание подготовит условия для созыва полномасштабного Поместного собора, что само по себе будет означать первый шаг к пересмотру внутрицерковной структуры. Однако фактически в последний момент царь отменил свое решение о созыве собора. Все планы реформы были выброшены за борт, но их сторонники все-таки продолжали страстно верить в них⁴³.

В представлении многих верующих церковь, при всех ее недостатках, оставалась носителем национальной мессианской идеи. В 1907 г. в день празднования иконы Казанской Божьей Матери архиепископ Иоанн (Восторгов) заявил: «Божественное Провидение призывая нас, русских славян... в лоно церкви Христовой, в самом географическом расположении нашей страны на границе между Европой и Азией, Востоком и Западом, возложило на нас великую миссию: донести сокровища Христа и истинную веру до отдаленной восточной и северной Европы и дальше в Азию, чтобы бороться с тьмой язычества... просвещать дикие племена инородцев и заставлять их присоединяться к Царству Божьему и к жизни просвещенного человечества»⁴⁴.

ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКОЕ МЕССИАНСТВО

Одинокая фигура возвышается на перекрестке как христианской, так и социалистической формы русского мессианства — писатель Федор Достоевский. Его взгляды на европейскую цивилизацию были схожи со славянофильскими: он обвинял ее в том, что она рационалистическая, индивидуалистическая, торгашеская и атеистическая. Он пришел к убеждению, что Россия может избавить Запад от его духовных болезней «в форме Божеской правды, в форме Истины Христовой, которая обязательно в один прекрасный день воплотится на земле и которая в полной своей целостности сохранилась в православии»⁴⁵.

В своей постоянной газетной колонке «Дневник писателя» Достоевский выдвинул то, что можно назвать классическим определением мессианского национализма: «Всякий великий народ верит и должен верить, если хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном и заключается спасение мира, что живет он на то, чтобы стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной»⁴⁶.

Когда вспыхнуло Сербское восстание 1876—1877 гг. против османского ига, Достоевский надеялся, что теперь появилась возможность претворить его мечту в действительность. Он резко осудил отказ правительства встать на сторону восставших против угнетения. Он утверждал, что миссия России выступать в качестве лидера славянских народов, завоевать Константинополь и возвестить начало царства «вечного мира» в славянском духе: «...война наша... именно первый шаг к достижению того вечного мира, в который мы имеем счастье верить, к достижению *воистину* международно-го единения и *воистину* человеколюбивого преуспеяния!»⁴⁷

Сила убежденности Достоевского была настолько велика, что породила у него непреходящую ненависть к конкурирующему мессианскому народу — евреям. Он был далеко не первым русским, испытывавшим это чувство, но его антисемитизм отличался необычайной страстностью. В своем «Дневнике писателя» он клеймил евреев за «матерьялизм, слепую, плотоядную жадность *личного* матерьяльного обеспечения», чтобы намекнуть, что они стремятся к порабощению других народов⁴⁸. Он искаженно цитировал Ветхий Завет, чтобы исподволь провести мысль, что они поставили целью непосредственно физически завоевать мир и поработить другие

народы⁴⁹. Испытание Достоевского вошло подспудным течением в плоть русского национализма. Стоит русской мессианской мечте в очередной раз дать сбой, как некоторые русские непременно начинают списывать неудачу на евреев.

Из всех русских мыслителей Достоевский ближе всех подошел к соединению двух форм мессианства, христианского и социалистического, и примирению империи и народа через один синкретический образ. Он считал, что благодаря ее размерам и мощи Российской империи выпала особая миссия и что благодаря своему смирению, готовности принимать страдания, терпимости к другим культурам и вероисповеданиям русский народ вместе с государством принял на свои плечи это бремя. В представлении Достоевского империя и народ, в монолитном единстве, в силах спасти Европу, восстановить истинное христианство и нанести социализму поражение на его собственном поле.

Примирение Достоевским трудносовместимых вещей, рисуемая им захватывающая картина будущего России, как предвестницы единого человечества, сделали его для русских людей вечно привлекательным мыслителем. Никто еще так складно не формулировал для них то, что им представлялось их национальной идентичностью. Косвенно это представление легло в основу мессианской посылки Советского государства. Не случайно начиная с 1960-х гг. Достоевский сделался любимым писателем многих русских интеллигентов.

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ МОНАРХИИ

Падение династии Романовых было тем решающим ударом, который лишил православное мессианство жизненной силы и открыл дорогу его социалистическому варианту. До самого начала XX в. русская политическая система вращалась вокруг царя как фигуры, на которой держится власть. Поддерживающее это положение представление о власти изначально сложилось в Византии: монарх — помазанник Божий и обладает той же святостью, что и священнослужители. Но считать его настоящим Богом нельзя, посему он делит власть с партнером, церковью. Дело церкви в каждый данный момент напоминать монарху о законе Божьем, дело царя — осуществлять земную власть и охранять церковь и народ.

Такова была симфония переплетения двух разных, но взаимно усиливающих друг друга форм власти.

Однако с XVIII в. император (как начал со значением называть себя теперь царь) стал претендовать на всю полноту власти, в том числе в сферах, ранее бывших прерогативой церкви. Он перестал признавать за церковью право ограничивать свою власть. Символично, что провозглашение абсолютной власти состоялось, когда Петр Великий в 1700 г. упразднил патриаршество и сам стал фактическим главой церкви. В 1709 г. после победы над шведами под Полтавой при триумфальном въезде в Санкт-Петербург Петра I приветствовали словами, которых прежде удостоивался только патриарх: «Благословен грядый во имя Господне!»⁵⁰

Подавляющее большинство русского народа, включая духовенство, продолжало смотреть на императора как на византийского *Басилевса*, фигуру могущественную, но, тем не менее, не всемогущую, подчиненную Божьему суду. Другими словами, в образе царя (так его обычно продолжали называть), сложившемся у народа и церкви, с одной стороны, и бюрократии и образованных слоев общества, с другой, таилось скрытое противоречие. Оно не было фатальным, так как царь мог представлять могущественным военачальником, разговаривающим на равных с европейскими державами, расширяющим и защищающим свое гигантское царство. Царям удавалось добиваться этого эффекта весь XVIII и первую половину XIX в. Но поражение в Крымской войне в 1856 г. стало первым знаком того, что самодержавная аура начала терять былой блеск. Контраст между образом святого богобоязненного византийского *басилевса* и безнравственным, но всемогущим императором стал кричащим и пугающим. Важно отметить, что это произошло именно в период, когда против монархии, как таковой, выступила радикальная политическая оппозиция и были предприняты первые попытки убить царя⁵¹.

К началу XX в. расхождение между двумя образами царя приобрело настолько серьезный характер, что в конце концов сделалось просто губительным. До того момента большинство рабочих и крестьян — что бы они ни думали о бюрократах, полиции и помещиках — оставались верными образу своего правителя, олицетворявшему святость и живущему по закону Божьему. На растущее недовольство рабочих среагировал священник отец Георгий Гапон из Санкт-Петербурга, попробовавший организовать их для первого политического выступления. Гапон считал, что если привлечь

внимание царя к лишениям и угнетению, в условиях которых живут рабочие, то он встанет на их защиту и издаст указы, которые заставят капиталистов уменьшить аппетиты и снизить эксплуатацию. Его движение было сходным с движением западных «возрожденцев». Выйдя 9 января 1905 г. на демонстрацию в столице, они несли не только петиции с требованием расширения гражданских прав — у них в руках были иконы и портреты царя. Однако царь их не принял, на что они так надеялись. Все произошло наоборот, нервничавшие солдаты открыли по ним огонь, и побоище закончилось гибелью 200 рабочих. Это было катастрофой гораздо большего масштаба, чем могло показаться с первого взгляда, потому что тем самым была похоронена надежда народа, вновь соединившись с обновленным и популярным монархом, вернуться к старому доброму православию. Более того, теперь, когда цензура уже не зверствовала, как прежде, газеты разнесли сообщения о кровавой бойне по всей империи, информация попала и в деревню, вызвав повсеместные волнения⁵². Сакральная связь между монархом и народом оборвалась. На проверку оказалось, что монарх вел себя совсем не как басилевс, блюдущий закон Божий, а как тиран, попирающий этот закон.

Это событие стало тем поворотным моментом, когда наиболее политически активные рабочие отвернулись от христианства, обратившись к одной из форм социализма. Один из ученых, изучавший материалы, оставленные рабочими в период после 1905 г., отмечает, что они оставались столь же религиозными, но их верования стали эклектическими по духу, т.е. они писали на темы, почерпнутые из христианского учения, но придавали им метафорический или символический смысл, соединяя с мотивами из других религий или революционного социализма. «Типичным для них было смотреть на человеческое существование... как на мифическое странствие через страдания на пути к освобождению от горестей, зла, даже смерти. Образы жертвенности, распятия, преображения и воскрешения оставались частью их творческого словаря наряду с устремлением повествования на страдания, зло и спасение». Один поэт петроградского Пролеткульта (пролетарской культурно-просветительской организации, существовавшей в 1917—1920 гг.) писал: «Богом мы провозглашаем человека, Богоматерью — машину, мессией Иисусом — сознательного социалистического героя»⁵³.

В феврале 1917 г. монархия была не только свергнута, — она полностью дискредитировала себя и утратила ореол святости. Ситуация была совершенно не похожа на Францию времен револю-

ции 1789 г., когда множество людей были готовы взять в руки оружие, чтобы защищать монархию, что и привело в 1815 г. к появлению на троне Людовика XVIII. В России на месте царя образовался вакуум. Во время Гражданской войны никто из белых лидеров, какими бы ни были их личные убеждения, не осмеливался призывать к реставрации монархии, поскольку они знали, что, лишь заговорив об этом, можно было окончательно потерять поддержку в народе. Не будет преувеличением заключить, что создавшийся вакуум вызывал невероятный разброд. Источник власти, иерархия, закон и порядок, традиция и стабильность были развеяны по ветру. Социальную память не только русских, но и большинства нерусских народов сорвало с якорей. Всем приходилось действовать в политических, правовых и моральных рамках, которые больше не гарантировались государством.

РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Вакуум заполнил русский мессианский социализм. Почему же именно Россия, единственная из европейских наций, произвела на свет особую социалистическую форму мессианства? Решающим фактором явилось длительное существование круговой поруки. Русские привыкли к скромному уровню жизни, привыкли оказывать друг другу помощь в трудной ситуации. Они никогда полностью не принимали частной собственности, индивидуализма и главенства писаного закона. Для большинства из них эгалитаризм, распределение ответственности и взаимопомощь всегда оставались идеалом и руководством к действию во всех жизненных ситуациях. Революционное движение крестьян и рабочих в 1905—1907 и 1917 гг. было отчасти вызвано материальной заинтересованностью каждого, но свою роль сыграло и представление о *правде*, т.е. о равенстве, справедливости и самоуправлении. Когда в 1905 г. царь предложил сельским сходам дать свои предложения относительно реформ, самым популярным требованием стало отмена частной собственности на землю и передача всей земли тем, кто ее обрабатывает. Как было изложено в приговоре сельского схода Волоколамского уезда Московской губернии, землей должны пользоваться только те, кто ее обрабатывает силами своей семьи или во взаимопомощи с другими, но без использования наемного труда и лишь в таком количестве, которое они в состоянии обработать⁵⁴.

У городских рабочих были более развитые взгляды на гражданские права и демократические процессы, чем у крестьян, но и они поддерживали крестьянские земельные требования, дополняя их собственными — выборности рабочих в фабричные комитеты. Осенью 1905 г. они нашли действенный городской эквивалент сельского схода — Совет рабочих депутатов. Советы избирались работниками всех основных промышленных предприятий в крупных городах, их заседания проходили в больших помещениях, а иногда даже за городом — на открытом воздухе. На заседании Совета могли присутствовать и выступать не только депутаты, но и их избиратели, а депутатов можно было в любой момент отозвать и заменить⁵⁵. Эта система была ближе всего к прямой демократии, какую только можно было себе представить в условиях российского города.

Таковыми были особенности русского общества, всегда подчеркиваемые народниками, взгляды которых строились на знании природы экономики России и взаимоотношений общества и правительства. Капитализм и соответствующие ему институты не получили в России того же развития, что в любой другой части Европы, исключая Балканы. Характерный образчик такого способа мышления виден на примере того, как официальные круги и общественность реагировали на продовольственный кризис в России во время Первой мировой войны. В то время как другие участвовавшие в войне государства закупали продовольствие для городов и армии на свободном рынке, российское правительство и общественные союзы приобретали зерно в основном у некоммерческих кооперативных организаций, удерживающих цены на низком уровне. Результатом такой политики в начале 1917 г. стало серьезное сокращение поставок хлебопродуктов, вызвавшее фатальный кризис царского режима⁵⁶.

Когда в феврале 1917 г. царя свергли и его место заняло Временное правительство, с российскими политическими партиями произошли странные метаморфозы. Кадеты, долгое время отстаивавшие либеральную демократию и самоуправление для многих народов империи, теперь склонялись к некоторым формам авторитаризма и настаивали на продолжении войны; они отказались предоставить автономию Украине и вставляли палки в колеса созыву Учредительного собрания, опасаясь, что это подорвет единство Российского государства. Что еще более поразительно, то же самое сделали меньшевики (ортодоксальные марксистские социалисты) и социалисты-революционеры (социалисты-народники), оказавши-

еся в правительстве, но их позиция вызвала решительный раскол в партии эсеров⁵⁷. Все партии, считавшие себя в ответе за судьбу России, не могли и подумать, чтобы уйти от унаследованных форм Российского государства, их просто страшила мысль хоть чем-то затронуть эти формы, поскольку это было чревато воцарением беззакония и хаоса. В 1917 г. только большевики не испытывали той же ответственности за Россию, а потому чувствовали себя свободными провозглашать лозунги о прекращении войны, призывать крестьян к захвату земли, солдат к тому, чтобы они брали контроль над армией в свои руки, а народы России — осуществлять право наций на самоопределение, хотя они отдавали себе отчет в том, что это повлечет за собой разрушение государства. Впрочем, придя к власти, большевики, как мы увидим ниже, также оказались во власти тех же имперских императивов.

В октябре 1917 г. с окончательным развалом правительства, армии, полиции и органов юстиции крестьяне получили возможность осуществить свои мечты о земле, крестьянской законности и местном самоуправлении. Новое большевистское правительство исполнило их заветную мечту: в тех словах, которыми были зафиксированы требования крестьянского съезда, состоявшегося в июне 1917 г.: оно отменило частную собственность на землю и передало всю землю сельским и волостным земельным комитетам для перераспределения между крестьянскими хозяйствами. Этот декрет, наконец, удовлетворил вековечное желание крестьян владеть всей землей и самим управлять своими сельскими делами. Чаще мирно, а порой и силой сельские сходы присвоили помещичьи и иные земли и разделили их между собой согласно критериям, которые вырабатывались каждой деревней самостоятельно⁵⁸. Рабочие же в городах в это время выбирали своих представителей в фабрично-заводские комитеты, взявшие на себя контроль за промышленными предприятиями, чтобы вскоре экспроприировать их у собственников; они также выбирали делегатов в городские Советы, вооруженные отряды которых осуществили взятие власти. Именно поэтому правительство большевиков приняло название «рабоче-крестьянской власти», а государство назвали Советской Россией, позже Советским Союзом. Реальная же власть сосредоточивалась в руках большевиков, главным образом потому, что они были единственной партией, которая в сложившихся обстоятельствах была готова пожертвовать существующим Российским государством ради выполнения народных требований⁵⁹.

В процессе революции наглядно проявились отчуждение и озлобленность, существовавшие в отношениях между народом и привилегированными, образованными сословиями старой России. При всех многочисленных нюансах марксистского классового анализа термин *буржуй* относили без разбора к помещикам старого режима, торговцам, священникам, адвокатам, профессорам и офицерам армии и флота — ко всем, кто выглядел прилично одетым или сытым. Как заметил Орландо Файджес, слово «буржуй» означало «не столько класс, сколько набор козлов отпущения или внутренних врагов, которыми можно было назвать кого угодно, чтобы списать на них полный развал торговли, трудности военного времени и общее неравенство в обществе». «Мы должны истребить всех буржуев, — заявил один заводской рабочий в январе 1918 г., — чтобы всем честным русским людям жить было легче». Троцкий рекомендовал согнать всех буржуев и заставить их расчищать от снега улицы или чистить уборные в казармах. Под лозунгом «Грабь награбленное!» рабочие, крестьяне и солдаты с очевидного одобрения нового режима захватывали заводы, нападали на помещичьи усадьбы и реквизировали апартаменты буржуазии. «Я всю жизнь прожил на конюшне, — заявил на политическом митинге один бывший слуга, — а они жили в своих прекрасных квартирах, валялись на диване и играли со своими пуделями. Хватит, говорю я! Теперь моя очередь играть с пуделями, а они пусть отправляются поработать на конюшне»⁶⁰.

Крестьяне также восприняли перераспределение земли как удар по привилегиям. Когда будущий писатель Константин Паустовский приехал в усадьбу своей тетки в Полесье (в Белоруссии), возница, везший его в своей телеге, интересовался, когда же выйдет «общее разрешение... чтобы мы, крестьяне, брали землю и стали хозяевами, а всем большим и маленьким господам всадили бы в бок вилы и послали бы всех их к чертовой матери?»⁶¹. Бывало, крестьяне иногда принимали бывшего помещика в свою общину, наделяя его обычным крестьянским наделом, ставя при этом условие, что он должен стать крестьянином и обрабатывать свою землю, не привлекая наемную рабочую силу. Напротив, помещиков, сопротивлявшихся экспроприации, могли убить вместе со всей семьей или, в лучшем случае, отвозили до ближайшей железнодорожной станции и там бросали, предупредив, чтобы они никогда не возвращались. В Усманском уезде Тамбовской губернии, например, князя Бориса Вяземского в его доме схватила толпа крестьян

и учинила над ним самосуд, поначалу решив отправить его на фронт, «чтобы узнал, что такое воевать», как это узнали его крестьяне. Но из толпы раздался крик: «Давайте приедем князя, нас тошнит от него!» — и он даже не доехал до ближайшей станции, на него набросилась и растерзала пьяная толпа⁶².

Какова бы ни была бы судьба помещика, крестьяне принимались грабить усадьбу — обычно начинали с винного погреба, растаскивали инструменты и утварь, которая могла пригодиться в хозяйстве, а затем принимались ломать мебель, музыкальные инструменты, уничтожать картины и книги — и вообще все, что напоминало о более культурном образе жизни. Под конец они сжигали усадьбу, чтобы «барин» сюда никогда не вернулся. В сентябре и октябре 1917 г. в Пензенской губернии была разгромлена 1/5 часть всех помещичьих усадеб⁶³. Так в диком разгуле крестьяне расправлялись с культивированной европеизированной обстановкой, заставлявшей их испытывать чувства отчуждения и виктимизации.

Таким образом, Октябрьская революция была одновременно и захватом власти в результате заговора, осуществленного Лениным и большевиками, и массовым движением, начавшимся с эгалитаристского бунта крестьян и рабочих и вскоре охватившим еще и солдат. Два этих аспекта революции перекрещивались и накладывались друг на друга. Социалистические взгляды во многом совпадали с устремлениями рабочих и крестьян: их объединяли, например, мысли о том, что прибыль аморальна, а собственность незаконна, если не заработана личным ручным трудом. Но представления, владевшие умами народа, на деле были почерпнуты из христианства и привычной обстановки крестьянской жизни, а не из каких-либо теорий социализма, даже несмотря на то, что к этому времени немало рабочих и крестьян научились излагать свои чаяния языком социалистов.

Точно так же основные положения мировоззрения интеллектуалов-марксистов были далеки от миропонимания русских людей. Эту разницу можно оценить, познакомившись со взглядами юного украинского коммуниста-еврея Льва Копелева в начале 1920-х гг.: «Мировая революция была совершенно необходимой для того, чтобы наконец восторжествовала справедливость, чтобы из буржуазных тюрем были освобождены заключенные, чтобы были накормлены голодающие в Индии и Китае, чтобы отобранные у немцев земли и Данцигский “коридор” были возвращены, и наша Бесса-

рабия отобрана у Румынии... Чтобы потом не стало никаких границ, и нигде никаких капиталистов и фашистов. Чтобы Москва, Харьков и Киев были такими же большими и обустроенными, как Берлин, Гамбург или Нью-Йорк. Чтобы у нас были небоскребы и улицы, полные автомобилей и велосипедов, чтобы рабочие и крестьяне гуляли в прекрасных костюмах, в шляпах и с часами... И чтобы повсюду были аэропланы и дирижабли»⁶⁴. Эти взгляды кое в чем совпадают с представлениями русских крестьян, но если взять весь ментальный комплекс с его ориентацией на современный, урбанистический, интернациональный мир, то мы увидим, что налицо безусловная разница.

Обе стороны, крестьяне и интеллигенты-социалисты, были полны решимости добиться своего и в конечном итоге должны были сойтись в жестокой схватке. Когда это произошло в конце 1920-х — начале 1930-х гг., их конфликт закончился разрушением традиционного русского уклада жизни, но вместе с тем и до неузнаваемости изменил сам марксизм⁶⁵.

И тем не менее вскоре после революции две формы мессианства неожиданно соединились в одной поэме Александра Блока. Называвшаяся «Двенадцать», что подразумевало отряд красногвардейцев, но также и апостолов, она завершается изображением Иисуса Христа, идущего во главе солдат по улицам Петрограда:

...Так идут державным шагом,
 Позади — голодный пес,
 Впереди — с кровавым флагом,
 И за выюгой невидим,
 И от пули невредим,
 Нежной поступью надвьюжной,
 Снежной россыпью жемчужной,
 В белом венчике из роз —
 Впереди — Иисус Христос⁶⁶.

Окончание удивило и самого Блока. В письме, отвечая на критику, он писал: «И мне конец “Двенадцати” не нравится... Когда я закончил, я сам удивился. Почему Христос? Мог это быть на самом деле Христос? Но чем дольше я смотрел, тем более отчетливо видел Христа. И вот тогда я отметил про себя: к сожалению, Христос. Христос и никто другой». В своем творческом воображении Блок опирался и на Библию — особенно на Апокалипсис, — и на куль-

туру собственной страны того времени. Делая так, он переносил читателя в мир дуалистических апокалипсических образов, которые хорошо передавали двойственную и противоречивую природу русской революции⁶⁷.

Среди самих большевистских лидеров Анатолий Луначарский был самым экспансивным в своем восхвалении именно русской революции. Он сопоставлял Россию с Соединенными Штатами, где механизация позволяла людям жить более вольготно, но где они оказались в подчинении машин и мелкого эгоизма капиталистов. Русские рабочие, говорил он, напротив, могут казаться на вид отсталыми и неловкими, но они показали на деле, что могут очеловечить промышленный труд: «Наша “Новая Америка” будет нацелена на использование труда машин, чтобы сделать человеческую жизнь элегантною и радостною»⁶⁸. Соглашаясь, что американские рабочие более производительны и прагматичны, чем их русские коллеги, он, тем не менее, делал вывод, оглядываясь на Октябрьскую революцию, что «русский рабочий класс смог ценой пролитой крови и невероятных жертв подняться из глубин автократии и варварства и занять место в авангарде человечества»⁶⁹. С той поры лейтмотивом советского представления о самом себе осталась формула «Америка минус капитализм плюс человеческая культура».

БЕЛЫЕ

Логично было бы ожидать, что белые армии, во всяком случае их вожди, во время Гражданской войны 1917—1921 гг. должны были выступать носителями русской национальной идеи в противовес интернациональному социализму. Этого не произошло, и по нескольким причинам.

Главной проблемой было наследие империи. Россия не была мононациональным государством, она была империей, и ее идентичность была прочно привязана к личности царя. Как мы видели, однако, и личность, и миф о царе к 1917 г. были полностью дискредитированы.

За что же тогда воевали белые? Старшие офицеры служили в старой императорской армии, внутренняя атмосфера в которой начисто исключала политику, как нечто недопустимое. В силу этого они не имели о ней никакого представления и попросту презирали. Проводившаяся ими пропаганда отличалась туманностью и

многим казалась угрожающей. Они спокойно мазали одним цветом либерализм, социализм и нерусский национализм, считая их частью одного и того же заговора, возможно, руководимого евреями и имевшего целью уничтожить Россию⁷⁰. Единственной формулой, на которой все они сходились, был лозунг «Россия, единая и неделимая!». Но этот упрощенный лозунг понимался разными людьми по-разному, единого представления о том, что означает понятие «Россия», не было. Некоторые, особенно на первых этапах Гражданской войны, воевали за разогнанное Учредительное собрание как единственный орган, могущий претендовать на статус законно избранного русским народом. Но для большинства белых Собрание само по себе было слишком левым по составу, чтобы делать из него политическую икону.

Как это ни парадоксально, но именно красные воевали за устоявшиеся (относительно) институты, а именно за Советы, которые, по крайней мере, хотя бы в известной степени представляли чаяния громадной массы русского народа. Напротив, белые, уже по определению консерваторы, создавали неустойчивые институты и предлагали смутные донкихотские идеалы, которые пользовались слабой поддержкой народа. Большинство крестьян, рабочих и солдат опасалось, что белые лишат крестьян недавно обретенной земли и самоуправления, вернут капиталистов и позволят иностранцам управлять Россией. Другой парадокс состоял в том, что, ища поддержки у бывших союзников России в Первой мировой войне, белые, при всей их преданности «России», на самом деле не выглядели патриотами, в то время как красные, у которых не было иностранных союзников, предостерегали, что империалисты будут пытаться разрушить молодое социалистическое государство. Таким образом, как ни странно, красные, когда их это устраивало, могли выступать как партия патриотов.

В результате русский мессианизм разделился на два течения, православный и социалистический, каждое из которых, по-своему, оказывало влияние на мировоззрение народа, но ни одно не удовлетворяло полностью народные нужды. Революция знаменовала видимую победу социалистического течения. Советский Союз впоследствии стал ареной двойной схватки: между коммунизмом и православием и между коммунизмом и русскими. Первая, начавшаяся пирровой победой, закончилась сокрушительным поражением коммунистов. Вторая закончилась вничью, но каждая сторона основательно изменила другую.

Глава вторая

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

КОММУНИСТЫ У ВЛАСТИ

Из великих империй, сошедших с мировой арены после Первой мировой войны, Российская и Османская были в некоторых отношениях поразительно схожи. Обе стояли одной ногой в христианском, другой в исламском мире, обе управлялись мультиэтническими элитами, обе исповедовали потенциально общемировую религию, и население обеих составляли преимущественно крестьяне самого многочисленного этноса, несшие на своих плечах основное бремя империи. После 1922 г. их судьбы кардинально разошлись. Центром Османской империи сделалось турецкое национальное государство, и с ликвидацией халифата оно перестало быть опорой исламской религии. Русские, напротив, почти полностью восстановили свою империю, они отказались от одной мировой религии, но приняли другую, отличавшуюся еще большей амбициозностью по части земных притязаний.

Победившие большевики соединили полиэтнические воззрения имперского государства с мессианством прежней русской религиозной и политической оппозиции. Впервые, по крайней мере после XVI в., Российское государство стало по своей официальной идеологии мессианским. В своем новом обличье Советского Союза оно стало знаменосцем единственной истинной веры, марксистского социализма, поставив целью распространить его на весь мир под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Необходимость прийти к поставленной цели, пройдя через горнило Гражданской войны, только утвердила большевистских вождей в убеждении, что перedelка общества была одновременно и необходима, и

возможна. Едва придя к власти, они немедленно взялись за эту переделку во имя народа. Поэтому их правительство выглядело воистину народным, душой и телом преданным идее дать народу то, чего он хотел. Но делалось это через разрушение гражданского общества и промежуточных институтов, в результате чего между режимом и народом не осталось никакой прокладки. По этой причине крайний демократизм шел рука об руку с крайним авторитаризмом. Рядом с новыми народными трибуналами правительство учредило Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), т.е. ЧК, как ее стали называть, — тайную полицию режима, не обязанную давать отчет никакому избранному народом институту. Для руководства всеми отраслями экономики создали Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), который поглотил недавно появившиеся фабрично-заводские рабочие комитеты и взял в свои руки все коммерческие операции. У крестьян теперь была своя земля, но выращенный на ней хлеб очень скоро стали насильственно реквизируют. В армии солдатские комитеты были влиты в новые «*политотделы*» режима, во главе которых стояли «*политические комиссары*»; к командованию вооруженными силами вернулись офицеры старой армии и восстановили жесткую военную дисциплину вплоть до смертной казни. Задачи строительства новоявленной империи сверху были важнее создания национальной коммуны снизу.

Ленин не видел, что демократия и диктатура несовместимы. Термин «диктатура пролетариата» удачно покрывал и то и другое, и, думая о несомненной привлекательности и безусловной поддержке в народе целей, преследуемых большевиками, Ленин объединял их в одно целое. Он верил, что достаточно будет передать командные высоты капиталистической экономики в руки рабочих и крестьян, как наступит конец эксплуатации и плоды производства станут доступны значительному большинству людей — при условии, что оно будет действовать эффективно и напористо¹. «Товарищи трудящиеся, — призывал он, выступая 5 ноября 1917 г., — помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их... Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и т.п. Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Ар-

стуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу»². Так тысячелетиями говорили революционеры, пребывавшие в уверенности, что еще один решительный бой, и вот оно — освобождение и власть, которая даст мир и изобилие.

В первом варианте программы РКП(б) предполагалось, что похожее сочетание спонтанной самоорганизации снизу с безжалостной диктатурой сверху сметет привилегированные классы и установит полное социальное равенство вместе с общинным самоуправлением. Программа предсказывала закат индивидуальной домашней экономики, на место которой придет «совместное обслуживание больших групп семей». В ней рекомендовалось заменить рынок рабочей силы «всеобщей трудовой повинностью», а торговлю «плановым организованным распределением», что в конечном итоге сделает деньги ненужными, а до этого момента все банки будут находиться под контролем государства³. В своей книге «Азбука коммунизма», написанной популярным языком для массового читателя, Николай Бухарин объяснял, что товаров не станет, будут только продукты, «их не будут ни покупать, ни продавать, они будут просто храниться на общественных складах, чтобы потом доставляться тем, кто в них нуждается. В таких условиях деньги больше не потребуются»⁴. По сути, государство теперь распространяло на всех эгалитарные принципы русской сельской общины. Но на уровне целой страны это могло быть осуществлено только централизованным, в высшей степени авторитарным и хорошо информированным правительством, больше того, — таким, которое целенаправленно работало бы, четко дистанцируясь от массового сознания и крестьянских обычаев. Семейные, социальные и экономические институты России должны были быть вырваны с корнем и заменены патерналистским полицейским государством.

Для того чтобы этот метод управления не путали с парламентской демократией, новый режим в январе 1918 г. распустил институциональное детище Февральской революции — Учредительное собрание, только что избранное на самых свободных всеобщих выборах, какие только Россия видела до того времени. Большевики получили значительное число голосов, но самой крупной единой фракцией в Собрании стали социалисты-революционеры, партия крестьянского самоуправления. Ленин утверждал, что Собрание представляло только «буржуазную демократию» и должно подчиняться «демократическим институтам более высокого поряд-

ка», т.е. Советам. Это был первый признак того, что две революции 1917 г. вот-вот сойдутся в смертельной схватке.

Первые утопические декларации коммунистов категорически настаивали также на том, что переход к социализму означает конец нации и национального государства: «Национальная вражда и неприязнь находятся в числе средств, с помощью которых оболванивают пролетариат и притупляют классовое сознание... Рабочий, который работал на капиталиста и провозглашал себя патриотом, продает за пару медяков свою настоящую родину, социализм; и тем самым становится одним из угнетателей отсталых и слабых наций... На каком бы языке ни говорили рабочие других стран, самой важной чертой их положения является то, что все они страдают от нищеты, угнетения и несправедливости»⁵. Лишь международный пролетариат способен создать подлинно гуманный мир: «Пролетариат сегодня истинный спаситель человечества от ужасов капитализма, от варварства эксплуатации от колониальной политики, непрерывных войн, голода, морального падения и ожесточения, от всех этих гадостей, которые влечет за собой финансовый капитал и империализм. В этом замечательное историческое значение пролетариата»⁶.

Возникло пьянящее видение: рождение нового вида сверхчеловека, способного воспринять и превзойти величайшие культурные и научные достижения прошлого. Свои мечтания Троцкий воплотил в слова, которыми заканчивал свою книгу «Литература и революция»: «Человек ставит перед собой цель справляться со своими чувствами, возвысить свои инстинкты до высот сознания, напрягать свою волю, и таким образом вдохновлять себя на новые планы, создавать новый социально-биологический тип, если угодно, сверхчеловека... Человек станет неизмеримо сильнее, умнее; его тело станет более гармоничным, движения — ритмичными, голос — музыкальным, формы жизни более динамичными. Обычный человек достигнет вершин Аристотеля, Гете или Маркса. И над этим хребтом поднимется новая вершина»⁷.

Работу по созданию государства международного пролетариата Советская Россия в 1919 г. начала с организации Коммунистического интернационала, или Коминтерна. С первых шагов коммунисты проводили четкое различие между старым социализмом Европы, который стремился всего лишь улучшить условия, в которых рабочие жили в рамках существующих буржуазных обществ, и новым революционным социализмом, ставившим себе задачу —

переделать мир. Коминтерн осуждал «реформистских» и «оппортунистических» социалистических вождей, допустивших, чтобы их партии стали придатками «буржуазного государства», и призывал к свержению лживых парламентских режимов, чтобы на их месте воздвигнуть здание «новой и более высокой рабочей демократии». В 1920 г. Коминтерн выдвинул двадцать одно условие для вступления в него европейских социалистических партий. В числе этих условий значились ведение пропаганды, разоблачающей фальшивую сущность существующих демократических систем власти, и подготовка к вооруженному захвату власти⁸. В большинстве стран лишь незначительное меньшинство социалистов было готово соответствовать этим требованиям и вступить в коммунистические партии, т.е. в партии, входившие в Коминтерн. Их малое число подчеркивало контраст между мессианским всемирным социализмом Советской России и преобладавшим в Европе прагматическим парламентским национально-ограниченным социализмом.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ХАОС

В мессианском мышлении спасению предшествует Апокалипсис. События 1917—1921 гг. подтверждали эти ожидания. Как заметила историк Линн Виола, «три из четырех всадников Апокалипсиса — война, голод и болезни — прошествовали по земле России, более чем буквально, в вихре смерти и опустошения»⁹. В невиданных масштабах подверглись уничтожению социальный капитал и национальная память. Было приостановлено и повернуто вспять развитие цивилизованного общества. Была ликвидирована и дискредитирована монархия, расшатаны устои православной церкви, оказавшейся ослабленной и разобщенной. Для мессианской политической партии эта вакханалия была не бедствием, а благоприятной средой. Большевики всегда исходили из того, что не смогут создать нового общества без разрушительного переворота. Но для большинства россиян эта перестройка влекла за собой катастрофический распад их общества, погружение в разброд и хаос, которые наложат свой отпечаток на десятилетия, т.е. на весь советский период.

Если межгосударственные войны, как правило, объединяют общество, то гражданская — безжалостно дробит его. В России 1917—1921 гг., несмотря на всю авторитарность большевиков, цен-

трализованная власть распалась. Империя рассыпалась на отдельные регионы и отдельные национальные территории, порой даже на отдельные деревни, предоставленные самим себе в мире, где соседям в лучшем случае нельзя было доверять, а в худшем от них можно было ждать нападения, грабежей и убийств. Экономическая жизнь лишилась разнообразия и множественности внутренних связей и сделалась примитивной и нищенской; деньги (главное средство взаимного доверия в обществе) растеряли большую часть своей цены и способность давать уверенность. Обычные коммунальные службы, ранее являвшиеся для людей само собой разумеющимся, просто исчезли. В городах окончание германской войны повлекло за собой внезапное прекращение военного производства и ускорило крах промышленной экономики, после чего не заставил себя ждать и крах вспомогательных отраслей, которые обслуживали и снабжали ее. Сотни тысяч рабочих оказались за воротами заводов и фабрик, оставшись без каких-либо альтернативных источников дохода. За последующие два года разруха охватила железнодорожный и водный транспорт, и снабжение продовольствием и топливом становилось все более случайным. В январе 1920 г. в Петроград (Санкт-Петербург) вернулась анархистка Эмма Гольдман, помнившая, как в юности была поражена его «нарядностью, оживленностью и блеском». Она нашла город, не только сменивший название на Петроград, но и совершенно преобразившийся внешне, и он произвел на нее убийственное впечатление: «Он был почти полностью в руинах, словно по нему пронесся ураган. Дома походили на разбитые старые гробницы на заброшенном и позабытом кладбище. Пустынные улицы утопали в грязи, вся жизнь с них ушла... Появлявшиеся на них люди выглядели живыми трупами... Исхудалые, кожа да кости, обмороженные мужчины, женщины и дети подстегивались одним желанием — найти ломоть хлеба или полено дров»¹⁰.

Отопление и освещение почти не работали, и к 1921 г., как сообщал один современник из Харькова, люди «жили по четыре, пять, шесть, даже семь человек в одной комнате, без света, без водопроводной воды и почти без топлива»¹¹. Большая часть России расположена много севернее Харькова, и даже трудно себе представить, что означали такие лишения во тьме холодных зим на тех широтах. Если удавалось, люди грелись у импровизированных печек, которые называли *буржуйками* (намекая на уютную гостиную в буржуазном доме), их заправляли вместо дров всяким мусором,

тряпками, книгами или бумагой. Медицинское и общественное гигиеническое обслуживание практически сошло на нет, поэтому страдающие от недоедания, истощенные и находящиеся в состоянии постоянного стресса горожане, не получая медицинской помощи, должны были бороться с болезнями собственными силами. По городам прокатывались убийственные волны эпидемий тифа и холеры. Многие люди разбегались с насиженных мест, особенно те, кто жил в расположенных к северу городах, отстоявших на больших расстояниях от хлебородных губерний, а значит, более подверженных голоду и болезням. Временами исход людей был столь массовым, что с ним не справлялся транспорт: один поезд отбыл из Петрограда настолько перегруженным, что, проезжая по мосту, перевернулся и рухнул в воды реки Невы, унеся с собой сотни жизней¹². Население Петрограда сократилось с 2,5 млн в 1917 до 700 тыс. человек в 1920 г.

Людей подстерегали не только болезни, каждый день им приходилось сталкиваться с новыми тяготами и лишениями, особенно с голодом и опасностью грабительских нападений. Они сделались пугливыми и подозрительными; ради выживания им часто приходилось преодолевать чрезвычайные обстоятельства, требующие импровизированной и жесткой самообороны. В выгодном положении оказались те, кто обладал горячим темпераментом, быстрой реакцией и готовностью сломя голову бросаться в драку. В сентябре 1918 г. писатель Михаил Пришвин записал в своем дневнике: «Я начинаю чувствовать, как даже самые лучшие и умнейшие люди, включая ученых, начинают вести себя, как бешеная собака во дворе»¹³. Люди были готовы пойти на больший риск, чем когда-либо прежде, действовать менее рационально и более импульсивно, просто потому, что попадали в незнакомые и озадачивающие обстоятельства, а также потому, что абсолютно безопасных линий поведения не существовало. Естественно, о вежливости забыли в первую очередь, и грубое, агрессивное поведение сделалось нормой. Люди стали мыслить примитивнее. Когда случалась беда, они, не вдаваясь в сложности, хватались за самое простое, поверхностное и подсказываемое их политическими руководителями объяснение: скажем, случившиеся неурядицы причинены «врагами», бороться с которыми нужно изо всех сил и, если получится, уничтожить, а если вдруг в чем-то повезло, то благодарить за это нужно «товарищей», которых следует всячески поддерживать. Такие объяснения выполняли важнейшую функцию внушения на-

дежды, так как создавали представления, будто благополучного исхода можно достичь самым простым путем. Именно они определяли русский менталитет большую часть XX в.

Огрубение и обнищание повседневной жизни очень тяжело переживалось членами высших классов, привыкших к самому вежливому общению, предупредительности и терпимости со стороны стоящих на более низких ступенях социальной лестницы. Многие члены элитарных слоев решили, что так жить невозможно, и эмигрировали. Большая часть простых людей, однако, не были в состоянии так поступить или пожелали остаться в стране, которую любили или к которой привыкли. У них была нелегкая судьба. В январе 1919 г. историк Юрий Гоц обошел всю Москву, чтобы купить 30 яиц и 3 фунта риса: «Прогулка по Москве утром в рабочее время... произвела на меня ужасающее впечатление — наверное, примерно так выглядели города, подвергшиеся нашествию Чингисхана: все окна заколочены досками, все убито, все остановилось»¹⁴.

Материальная культура и привычки буржуазного образа жизни теряли цену и полностью утрачивали прежнее значение. На заседаниях ученого совета в университете председательствовали партийные активисты, т.е. люди, на лицах которых было «написано отсутствие культуры». Портъеры из гостиной ушли в обмен на картофельную муку. Когда Гоца допрашивали в ЧК, располагавшейся в экспропрированном доме, то происходило это в «старой спальне... с коринфскими колоннами и изумительным зеркалом». Квартиру Гоца реквизировали местные власти, и в его столовую въехала чужая семья, так что, вспоминает он, «у меня осталось впечатление, что весь день за моей спиной кто-то ходит в туалет». Княгиню Софью Волконскую постигла та же участь: «Из домкома нам прислали уведомление, что нам нужно будет принять в нашу квартиру еще двух жильцов. Оказалось, что мы занимаем больше площади, чем положено по советскому закону. Наши протесты ни к чему не привели. Навязанная нам таким путем пара — молодой человек с женой — была довольно милой, но... они были коммунистами... Не могло быть ничего более неприятного, чем вот так жить в тесном контакте (готовить еду на одной плите, пользоваться той же ванной, в которой не было горячей воды) с людьми, считавшими себя выше вас и, в принципе, нашими врагами. “Осторожно”, “Прикрой дверь”, “Не говори так громко, нас могут услышать коммунисты”. Мелочи? Да, конечно. Но в этой нашей кошмарной жизни каждая мелочь разрасталась до размеров серьезной раны»¹⁵.

Люди становились эмигрантами в собственной квартире. По крайней мере, Гоц решил, что больше этого выносить не в силах, и перебрался в свой рабочий кабинет в Румянцевском музее. Стабильная, просчитываемая жизнь превратилась в кучу непредсказуемых событий: «Я-то думал, что мы переберемся из нашей квартиры на Большой Знаменской только в другой мир, но это показывает, чего стоят человеческие ожидания: пришли большевики и пустили их ко дну». Костер, которым полыхала вся культурная и социальная столица, оказался таким опустошительным, что Гоц, профессиональный историк и православный верующий, в один прекрасный день признался в своем дневнике, что «во мне не осталось ни исторического, ни религиозного чувства, и то и другое было уничтожено во мне тем, что происходит вокруг»¹⁶.

Впрочем, совершенно выбитому из колеи Гоцу каким-то образом удалось выжить в новой, полной непредсказуемости и лишений жизни. Это не получилось у петроградского инженера Нилаева, на глазах у которого закрылся его завод, подвергся секвестру его банковский счет, а комнаты в его квартире были розданы семьям рабочих. Развевалось по ветру все, что составляло смысл его жизни, и он ходил кругами по единственной оставленной ему комнате и бормотал про себя: «Что же это такое произошло с нами?» Кончилось тем, что он попал в психиатрическую лечебницу, где и скончался¹⁷.

Произошедшие перемены не потребовали от крестьян и рабочих такой перестройки культурных привычек, как это произошло с буржуазными и интеллигентскими слоями населения, в их среде произошло возрождение архаических и упрощение существующих образцов поведения. У них также весь мир стал делиться на «правильное» и «неправильное», «черное» и «белое». В декабре 1918 г. военно-революционный комитет Мотовилихи, неподалеку от Перми, состоявший в основном из рабочих оборонных заводов, заявил миру: «Наши революционные совесть и долг велят нам расправляться со всеми палачами Русской и Международной революции, будь то сознательные палачи — буржуа, капиталисты и их наймиты, или бессознательные — темные рабочие и крестьяне»¹⁸. Риторика документа обращает на себя внимание тем, что в нем врагами называются целые классы людей, независимо от того, намеренно или не намеренно они попадают в этот разряд. Гражданская война вкупе с идеологией создавала условия, в которых возникал процесс грубого упрощения категорий общественной жизни и политики.

В качестве одного из средств для быстрого скачка прямо в социалистическое общество новый режим упразднил частную торговлю сельскохозяйственными продуктами. Однако не прошло много времени, как эту меру пришлось отменить, поскольку без такой торговли наступил бы массовый голод. Парадоксальным результатом произошедшего стало превращение почти всех и каждого в «торгаша» — своеобразного мелкого торговца, либо продавца, либо покупателя, часто и того и другого одновременно. Получившаяся в результате «торговля» очень сильно отличалась от упорядоченного рынка дореволюционных времен. Это была самая примитивная форма торговли — обмен, при котором все были озабочены определением меняющейся на глазах сравнительной стоимости разных вещей и только об этом и говорили. Городским буржуа продавать было почти нечего, их самые дорогие фамильные украшения в один момент утратили былую ценность, и эти люди были готовы на всё. Баронесса Мейендорф продала алмазную брошь, чтобы приобрести мешок муки, княгиня Голицына торговала на улице домашними пирожками, а жена генерала А.А. Брусилова — спичками¹⁹. Эмма Гольдман стала свидетелем самой низшей степени падения: она видела городских девушек, «продававших себя за фунт хлеба, кусок мыла или плитку шоколада. Позволить себе покупать их могли только солдаты, потому что получали дополнительный паек»²⁰.

Рабочие были в относительно более выгодной ситуации, при условии, что их предприятие не приостановило производство: они могли тащить с завода и продавать налево инструменты или продукцию. Бывало и так, что ради того, чтобы избежать воровства, работодатели выплачивали заработную плату не в обесцененных денежных знаках, а в натуральном выражении, товарами, которые можно было продать на рынке. Были рабочие, которые открывали примитивные мастерские, где на скорую руку изготавливали или чинили вещи, без которых никто не может обходиться: сапоги, пальто, печки, кухонные плиты и т.п. Особенным спросом пользовались топоры, лемехи для плугов, примусы, карманные ножи и зажигалки — нагрузившись таким товаром, горожане растекались в разные стороны, заполняли все поезда, особенно следовавшие на юг и юго-восток, по направлению к более плодородным губерниям. Во встречном направлении тек поток крестьян с мешками, набитыми дарами земли и природы. Добравшись до города, где можно было сбыть свой товар по более выгодной цене или более

выгодно обменять на другой, крестьяне открывали торговлю прямо на улице. Власти были почти бессильны установить хотя бы подобие контроля за этими «мешочниками» — и, как бы там ни было, ввести подобный контроль было бы почти то же самое, что приговорить городское население к вымиранию от голода²¹.

Вообще же то, что города выжили, говорит о поразительной жизнеспособности русских, умеющих находить способы существовать в самых невероятных обстоятельствах. Они оказались в состоянии возродить самые примитивные производства и восстановить более архаичные формы человеческих ассоциаций, даже когда приспособляться было совсем неприятно и вовсе нелегко. Средства, которыми они пользовались для этого, на долгие годы наложили отпечаток на многие социальные институты²².

Вряд ли участь мелких городков и сельской местности была менее суровой, будь то при красных или при белых. В апреле 1919 г. А.И. Дутов, атаман Оренбургского казачьего войска, писал из уральского города Троицка своему главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку: «В прифронтовой полосе, а особенно в местностях освобожденных от большевиков, земства не существует. Налоги земские не вносятся, и служащие разъехались. Больницы в деревнях почти все закрыты, лекарств нет, денег персоналу не платят, содержать больницы нечем. Школы не работают, учителей нет, жалованье им не платили за полгода и больше... Никаких агрикультурных мероприятий нет, дороги не исправляются, мосты не чинятся, все разваливается. В деревнях нет ситца, нет сахара, нет спичек и керосину. Пьют траву, самогонку, жгут лучину...»²³ К этому времени подобная картина наблюдалась в большинстве маленьких городков и сел России.

Нельзя отрицать, что жизнь в деревне была в некоторых отношениях легче: по крайней мере, там можно производить продовольствие. Кроме того, в деревне не были совершенно забыты давние традиции кустарных промыслов, которые к тому времени уступали место фабричной промышленности, поэтому самое необходимое для жизни — одежду, мебель, инструменты — все-таки можно было изготавливать в местных условиях с помощью топора и стамески, а не токарного станка или циркулярной пилы. С другой стороны, деревни были разбросаны на большом расстоянии от других населенных пунктов и были беззащитны — при отсутствии прочной центральной власти они были оставлены на произвол любых вооруженных людей, которым придет в голову напасть на

них. Например, в ночь с 2 на 3 ноября 1918 г. поселок Кишки Уфимского уезда той же губернии был разбужен неизвестно откуда взявшимся отрядом из 60 всадников. Они потребовали 30 пудов овса, 3 воза сена и тушу барана. У одного старика они забрали водку, а когда он стал сопротивляться, избили его. Потом они послали за «девками». Вожак банды при этом прокомментировал: «Умру так умру, но погуляю!»²⁴ Такие настроения были обычным явлением, жизнь казалась мимолетной и не стоила ломаного гроша, не осталось никаких моральных ограничений.

Однако очевидно, что величайшее преимущество деревни (производство продовольствия) с неизбежностью делало ее объектом насилия. И белые, и красные обращались с крестьянскими хозяйствами как с пассивным источником продовольственного снабжения армии и городов. О том, как грабили деревню новые власти, видно из письма сыну одной крестьянки из Чердынского уезда Пермской губернии, написанном в августе 1920 г.: «У нас отбирают масло насильно, 4 фунта отдали, и хотят взять корову, отбирают хлеб два снопа на третий, или картошку — два ведра, нам третье, или так же и репу. Масло взяли все, нам не оставили, а если масла нет, то велят занять да отдать, и гонят ехать, если не поеду, то буду арестована. Федя, у нас опять стало как в прошлом году, не знаю, кому пожаловаться»²⁵. Никому не было дела, есть у крестьян на что жить или нет, хотя простейшая логика подсказывала, что они будут единственным источником продовольствия и на следующий год. Люди стали мыслить настолько примитивно, что не заглядывали дальше сегодняшнего дня.

Некоторые села объявляли себя «независимыми республиками», и для охраны своей «суверенной территории» местные власти заводили «зеленую» милицию, а в Орловской губернии одна деревня даже обнесла себя колючей проволокой и рвом²⁶. В Тамбовской губернии власть менялась с невероятной быстротой, что хорошо иллюстрируется следующими воспоминаниями: «Двадцать пятого сентября за нашим селом в деревне Окри всегда бывает ярмарка. Рассчитав, что вся милиция будет следить за порядком на ярмарке, в село из леса примчался отряд. Быстро из здания волревкома [волостного революционного комитета. — Д.ж.Х.] вынесли все столы и шкафы и зажгли. Потом конные начали гарцевать по площади, для остротки стреляя в воздух... Население попряталось. Не выходило приветствовать новую власть. И она, покругившись на площади, ускакала в лес».

Через два дня вернулись красные, они забрали двух местных парней, заставили их вырыть собственные могилы и расстреляли. «Теперь в селе не знали, кому подчиняться, кого слушаться. Каждое утро, выйдя из избы и озираясь по сторонам, все тихонько друг у друга спрашивали — какая нынче власть — зеленая или красная?»²⁷

Даже когда власть устанавливалась прочнее, далеко не всегда становилось легче. Каждый очередной режим заносил своего предшественника в «черный» список, и достаточно было единственного доноса, чтобы его сторонник или бывший служащий попал в тюрьму. При красных можно было угодить за решетку или под расстрел только за свое социальное происхождение. Язык политических выступлений становился все более враждебным, переходя на лексику профилактических санитарно-гигиенических мероприятий по отношению к целым социальным слоям. В декабре 1917 г. Ленин призывал к «очистке земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти»²⁸.

В сентябре 1919 г. в Кунгуре Пермской губернии ЧК расстреляла 16 человек просто потому, что в царское время они были полицейскими, членами кадетской партии или Союза русского народа, к ним также добавили двух монахинь. В самой Перми 15 сентября были расстреляны 42 заложника и в начале октября — еще 37. Атмосфера была такова, что если у соседей слышался «стук, возня или дикий нечеловеческий крик, застывали, широко открытыми глазами впивались в темноту и ждали, когда постучат в их дверь»²⁹. Такого рода произвольное насилие, применявшееся к целым категориям людей, продолжалось на протяжении всей Гражданской войны и оставило отпечаток на жизни страны после нее. Оно выработало привычку думать, что все проблемы можно решить, объявляя «врагами» целые социальные группы или даже уничтожая их.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Мировая война, революция и Гражданская война имели катастрофические последствия для демографического здоровья России,

а следовательно, и для русской семьи. Миллионы молодых людей были убиты за 1914—1921 гг. В то время никому не приходило в голову, что начало Великой войны откроет для народов России период таких потрясений, каких не знали их предки за всю свою предшествующую историю. Первая мировая война была только началом. За время войны 17,6 млн человек прошли через казармы, окопы, военно-морские базы и госпитали действующей армии. 11,4 млн (60,6%) из них не вернулись домой, т.е., другими словами, умерли или пропали без вести. Этот процент выше, чем у вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии, понесших в ходе войны тяжелые потери и проигравших войну. Особенно велики были потери среди офицеров и солдат, оказавшихся на фронте в самом начале боевых действий в 1914 г., т.е. среди носителей имперских воинских традиций и понятий о чести. Гражданские потери во время войны подсчитать невозможно, но они, скорее всего, составляли от 2 до 3,5 млн человек³⁰.

Вследствие военных действий во время Гражданской войны, белого и красного террора, эпидемий, исхода населения с насиженных мест (в том числе 2 млн, навсегда уехавших из страны в эмиграцию), хозяйственной разрухи, реквизиций продовольствия и разорения городов катастрофическое сокращение населения продолжалось. Наконец, засуха 1920 г. в основных земледельческих районах серьезно сказалась на урожаях 1921 и 1922 гг. Голод охватил бассейн средней и нижней Волги, а также частично Урал, Казахстан и Западную Сибирь. Подсчитано, что население на территории новых советских республик к 1922 г. сократилось по сравнению с осенью 1917 г. на 11—12 млн. Если же принять во внимание потери рождаемости в соотношении с прогнозами 1914 г., то общие демографические потери, скорее всего, составляли порядка 20 млн³¹.

Особенно тяжелые потери понесли города и села нечерноземных губерний Российской республики, меньшие — Украина и черноземные губернии; некоторый прирост населения наблюдался на Урале и нижней Волге, более значительный — в Сибири и Казахстане, т.е. в регионах, куда направлялся поток беженцев. Русские понесли колоссальные потери, но, как это ни парадоксально, впервые, по меньшей мере за 200 лет, они стали самой крупной национальной группой по численности среди населения собственной «коренной» государствообразующей территории³².

Как мы видели, смерть унесла непропорционально большее число именно молодых мужчин. Их жены, матери и дочери оста-

лись одинокими, многие лишились мужской поддержки и должны были нести на своих плечах заботу о хозяйстве, обрабатывать землю или даже трудиться в кустарных мастерских. Поскольку в деревне, малых городах и слободах гендерные роли традиционно очень сильно разграничивались, мужчины часто с презрением относились к женщинам, бравшим на себя мужскую работу по хозяйству. С другой стороны, отчасти по той причине, что не хватало физически крепких мужчин, отчасти из-за социальной политики нового режима, женщины приобретали реальный голос на сельских сходах, куда прежние обычаи их не допускали. Женщины приобрели невиданное прежде влияние в жизни села и небольших городов.

Когда, невзирая на все невзгоды, удавалось сохранить семейные узы, это оказывалось бесценным с точки зрения сосредоточения экономических и эмоциональных ресурсов, и люди, особенно женщины, держались за них. К попыткам большевиков ослабить семью и церковь, дававшую семье сакральную поддержку, они относились с большой опаской. Как бы там ни было, многие семьи постигло горе: либо не стало одного из супругов, либо превратности войны и революции раскидали их членов далеко друг от друга. В тех обстоятельствах произошло возвращение к старым формам родственных отношений, которые характеризовались расширением рамок семейной группы ради оказания взаимной помощи. Этот процесс продолжался недолго и прекратился к середине 1920-х гг., но это показывает, насколько гибкими могут быть, по необходимости, семейные отношения в русской семье³³.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПАМЯТИ

Обязательной составляющей самосознания и сплоченности общества является память. Хотя память — атрибут индивидуальный, но соткан из ткани, которую делят с другими членами сообщества, особенно с теми, кто составляет непосредственное социальное окружение человека. Память дает индивиду матрицу, по которой он изо дня в день судит о том, что видит и переживает. Совпадающие с ней и разделяемые воспоминания позволяют людям без труда общаться с другими людьми, обладающими таким же жизненным опытом. Память «сокращает многообразие и ограничивает неопределенность нашего социального окружения», позволяя людям доверять друг другу, не принимая при этом излишне рациональных и тягостных мер предосторожности³⁴.

Память не обязательно является общей для всей наций в целом. Она определяется отчасти родным городом или деревней, областью, социальным классом, религией или национальной принадлежностью человека. Дореволюционная Россия отличалась особенно фрагментарной и спорной культурной памятью, так как не существовало идеального образа страны, который разделялся бы всеми социальными слоями и национальностями. Наиболее широко принятыми элементами такой памяти были царь и православная церковь. К 1917 г. монархия не только рухнула, но была еще и в значительнейшей мере дискредитирована, а церковь готова была пасть жертвой воинствующего безбожия нового режима.

Вероятно, семья — самый сильный носитель памяти. С первых же шагов большевики стали предпринимать меры, чтобы подорвать ее, как для того, чтобы ослабить чувство собственности, так и для того, чтобы вовлечь женщин в более активное участие в жизни нового общества. Согласно новым законам, церковный брак перестал быть гражданским актом и любое устойчивое сожителство, зарегистрированное или незарегистрированное, считалось семьей. Было отменено различие между законными и незаконными детьми, так что немногие сохранившиеся наследственные права могли быть востребованы любым отпрыском. Аборты разрешались по простому обращению женщины, а для развода достаточно было уведомления партнера. Возможно, это законодательство не нанесло такого вреда семье, как революция и война, но оно усугубило нестабильность семейной жизни в 1920-х гг. и тем самым еще больше ослабило роль семьи как хранителя культуры.

Абстрактные идеи, например религия или национальность, могут быть частью культурной памяти, но нуждаются в закреплении специфической символикой в виде особых образов или обычаев, имеющих отношение к определенным местам и времени. Содержание памяти, будь оно актуализировано в символах, рассказах, песнях, танцах или святынях, дарует определенную эмоциональную окраску и символическое содержание представлению общества о самом себе. Прошлое не просто воспроизводится, оно также выборочно воссоздается каждым очередным поколением, при этом прошлое не только вспоминается, но и передается забвению, особенно те события, которые никак не созвучны потребностям нынешнего сообщества³⁵. Как выразился один ведущий теоретик культурной памяти: «Помнится только *значительное* прошлое, значительным становится только прошлое, которое *помнится*»³⁶.

То, что остается в памяти, определяется отчасти (хотя, конечно же, не целиком) авторитетными высказываниями, которые спускаются сверху, т.е. исходят от властей. Коммунисты, в сущности, хотели уничтожить социальную память, чтобы, так сказать, на освобожденных культурных строительных площадках воздвигнуть собственные храмы. По этому поводу историк Барбара Мишталъ заметила: «Они демонтировали традиционные создающие ценности институты, развалили семьи и подорвали многие предшествующие ценности, такие как ответственность, свобода и автономия»³⁷. Культурная память русских, уже раздробленная и уязвимая, деградировала еще больше. Общество сделалось бесформенной структурой, в его социальной «конторской книге» маячили более или менее чистые страницы, на которые можно было по желанию занести новые идеалы, нормы и методы поведения. Большевики приступили к этой задаче с большим воодушевлением, самоуверенностью и значительным теоретическим багажом, накопленным за время работы в подполье и переосмысленным во время Гражданской войны. Вопрос состоял в том, насколько им удастся укоренить новую реальность в разных слоях населения. Старшее поколение с трудом приспосабливалось к новому жизненному контексту, что же касается многих молодых людей, то они, наоборот, вне зависимости от социального происхождения, пытались вписаться в него, чтобы заручиться местом, посредством которого можно было бы реализоваться как личности.

Пока же, впрочем, за отсутствием согласованной культурной памяти или надежной коммуникационной системы, средством передачи информации и чувства общности служили другие каналы, главным образом слухи и сплетни. Слухи создают видимость и надежной информации, и стабильного общества. Как отмечал один историк культуры: «Слухи — это интерпретации, в обстановке большой неопределенности они создают атмосферу кажущейся логичности»³⁸. Они даже создают ложное чувство локтя, когда индивиды напуганы перспективой оказаться изолированными или побежденными: «В случае слуха ты не остаешься один, в этом его двойственная природа. Он всегда связан со страхами, надеждами и ожиданиями людей... Услышавший и передавший дальше слух становится звеном в цепи “людей”, составляющих категорию “они” — участников коллективной речи». Сплетня затем перерабатывает слух и придает ему ощущение реальности, снабжая контекстом — это механизм, с помощью которого общество поддерживает жизнь в своих нормах или пытается восстановить их, если они теряют силу»³⁹.

Военное время — естественная среда, в которой роятся слухи, так как именно тогда в обществе циркулирует больше всего искаженной информации. Гражданская война, особенно больно ударяющая по унаследованным нормам и нормальному обращению информации, делает слух и сплетню даже более важными, чем национальная война. На биваках между боями, у полевой кухни, в прифронтовом госпитале солдаты рассказывают друг другу всякие истории, затем услышанное приукрашивается, преувеличивается, комментируется и в письмах попадает в тыл, где снова начинается тот же процесс⁴⁰. Джеймс Скотт анализирует данный процесс: «Угрожающие жизни события вроде войны, эпидемии, голода и бунта [всё это было налицо в тогдашней России. — *Дж.Х.*] относятся к числу наиболее плодотворных сред для производства слухов. Еще до появления современных средств массовой информации и в настоящее время там, где средства массовой информации не доверяют, слух может выступать в роли практически единственного источника информации о жизни за пределами непосредственного общения»⁴¹. Подобные условия военного времени стали более или менее постоянной чертой жизни в Советском Союзе, и бывало, что откровенная выдумка принимала обличье официальной информации. Как язвительно заметила через полвека поэтесса Анна Ахматова: «Мы живем в догутенберговскую эпоху»⁴².

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЖИЗНИ

Это может показаться странным, но в то время для молодого человека самым лучшим способом справиться с хронической нестабильностью было вступить в Красную армию. Конечно, это было вовсе не безопасно, но, по крайней мере, он получал ружье и мог защитить себя, а также получал возможность более или менее регулярно питаться. К 1920 г. в Красной армии состояло не менее 5 млн человек. На первых порах с ними было не просто справляться. Большевики начали с попытки перенести на армию практику набора в отряды Красной гвардии, другими словами, создать добровольную милицию из граждан, но таких добровольцев оказалось немного, и пришлось вместо планировавшейся добровольной армии перейти на обязательную воинскую повинность. Призыв в армию также оказался непростым делом: поначалу Красную армию лихорадило дезертирство, вызванное усталостью от

войны и тревогой призванных солдат за свои семьи. Впрочем, к 1919 г. советские власти придумали средство снизить солдатские тревоги и успешно справляться с мобилизацией в армию — солдатам предложили ощутимые стимулы. В ставшем отчаянно небезопасном мире им гарантировали оружие, военную подготовку, регулярное питание и элементарное социальное обеспечение для их семей в форме *пайка*, право для их детей на поступление в учебные заведения и первоочередное предоставление земельных наделов из свободного государственного фонда, например, за счет конфискации их у дезертиров. В то время трудно было придумать что-нибудь лучше: красноармеец воевал за государство, в свою очередь, государство облегчало его материальные проблемы и брало на себя часть его семейных обязанностей. Это был своего рода социальный контракт, и он сыграл большую роль в становлении нового советского политического общества⁴³.

В результате этих мер для очень большого числа молодых людей, выживших в Гражданской войне, «милитаризация» оказалась решающим этапом в их жизни; по сути дела, можно сказать, что для них модернизация пришла через милитаризацию. Красная армия расширяла их кругозор, многих научила читать, дала представление о формах социальной и политической организации и познакомилась с современными технологиями. Она также решительно отрывала их от воспоминаний детства, так что нередко солдаты были готовы подавлять крестьянские мятежи даже в собственных родных местах. Обучение и военный опыт оставляли нестираемый отпечаток на их представлениях о политической жизни общества. Были ли они первоначально призваны во время Первой мировой или Гражданской войны, их командиры в процессе учебы ставили цель искоренить в них «слабости» мирного времени, подчинить строгой дисциплине, приучить к контролируемому насилию, они старались поощрять товарищескую сплоченность небольших воинских подразделений, физическую крепость и такие мужские качества, как отвага, сила, выносливость и ловкость. В Красной армии и во Всеобуче (системе допризывной военной подготовки) солдаты также проходили политическую учебу, которая должна была вдохновить их образом особого политического сообщества «трудящихся», крепкого несмотря на различное национальное происхождение его членов. Их врагами являлись «бывшие» социальные слои (купцы, помещики, попы, богатые крестьяне «кулаки» и т.д.), а также иностранные империалисты, «интервенты», подло напавшие

на Страну Советов. Потом эти основные образы, как положительные, так и отрицательные, десятилетиями господствовали в воображении большинства молодых людей Советского Союза⁴⁴.

Некоторые из этих, сформированных опытом военного времени молодых людей позже выросли во влиятельные политические фигуры; в сущности, еще 10—12 лет после окончания Гражданской войны бывшие красноармейцы составляли костяк партии и Советов, являясь «кадрами», как их симптоматически называли. В них прочно засела мысль, что военная организация и дисциплина — естественный способ решения чуть ли не всех социальных проблем. В их разговорах и выступлениях то и дело мелькали слова из военного обихода: всякая социальная и экономическая программа стала «фронтом» и выполнялась «штурмом», а те, кто плохо работал, становились «дезертирами» или даже «врагами», против которых естественно и законно вести «борьбу» не на жизнь, а на смерть. Убивать для того, чтобы не быть убитыми⁴⁵.

Эта милитаризация социализма позволяет объяснить, как случилось, что, несмотря на очевидное стремление большевиков поддерживать равенство полов, на женщин стали смотреть как на второсортных граждан. И дело тут было не в унаследованных от прошлого предрассудках, поскольку господствующий образ пролетария, человека воинственного, мускулистого, энергичного, был определенно мужским. У большевиков родилось недоверие к женщинам, потому что и телом, и «бытом» они были связаны с традициями, со всем тем, что предстояло преодолеть при строительстве социализма⁴⁶.

Поведение и стиль деятелей нового режима всех уровней также носили на себе отпечаток боевого товарищества времен войны. Товарищи, с которыми на привале ели из одного котла, в гражданской жизни становились самыми близкими друзьями. Когда кто-то получал назначение в наркомат или губком партии, то тут же приглашал своих недавних приятелей к себе на работу как людей, которых знал и которым доверял⁴⁷. Их общие воспоминания, приукрашенные и подчищенные, становились священным текстом нового режима и усваивались молодыми и честолюбивыми кадрами следующего поколения. Ветеранские связи стали рабочей моделью партийно-государственной системы. Как таковой, ветеранской организации не существовало, но историк Шейла Фицпатрик весьма удачно заметила, что «большевистская партия сама заняла место и взяла на себя функции ветеранской организации»⁴⁸. Так

родилась номенклатурная система назначений на важные посты, в скором времени создавшая новый и невероятно живучий правящий класс.

Это политическое сообщество не имело какого-то ярко выраженного национального лица; по данной причине я не называю его «нацией», и советские власти также не называли его так⁴⁹. Впрочем, определенные национальные стереотипы все-таки витали в воздухе. Большая часть личного состава Красной армии были русскими, поскольку основную массу новобранцев набирали в русских деревнях и крупных русских промышленных городах. Было там немало украинцев и белорусов, хотя, конечно, некоторые украинцы воевали против красных за независимость Украины. Красная армия в известной мере представляла собой и как бы воплощение старой императорской армии: в ней служили многие прежние офицеры, пользовавшиеся возможностью воссоздать подлинно дисциплинированную российскую армию, которую, по их мнению, фатально развалило Временное правительство. Территория, за возвращение которой воевала Красная армия, за некоторыми исключениями, была территорией Российской империи, поэтому старомодный русский патриотизм становился приемлемым мотивом для службы в ее рядах. Это было особенно характерно для периода весны 1920 г., когда только что получившие независимость поляки, извечные соперники России в господстве над ее западными областями, вторглись на советскую территорию. Генерал Брусилев, до этого момента стоявший в стороне от Гражданской войны, опубликовал в газете «Правда» обращение к своим соратникам — бывшим офицерам императорской армии, призвав оставить обиды на большевиков, «забыть эгоистические чувства классовой борьбы» и вступать в Красную армию: «Сейчас ваш долг всеми силами защитить нашу любимую Россию и отдать ваши жизни ради спасения от безвозвратных потерь», иначе «наши потомки... скажут, что мы забыли о нашем собственном русском народе и уничтожили Матушку Россию»⁵⁰.

В Красную армию призывали также и нерусских, и многие из них служили с искренним убеждением, что защищают свои родные земли от неприкрытых русификаторов — белых. Однако из них не формировали отдельные национальные части. По крайней мере, вначале их направляли в смешанные части, где они служили вместе с представителями других национальностей и где основным языком был русский. Только после Гражданской войны XII съезд партии в

1923 г. попытался сыграть на национальных чувствах, сформировав отдельные моноэтнические воинские части с национальным языком в качестве средства отдания и понимания приказов⁵¹.

Структура нового общества в значительной мере определялась методами, получившими развитие в результате войны. С 1914 г. государство, в каком бы воплощении оно ни выступало (царский режим, Временное правительство, белая генеральская диктатура или Советская республика), систематически собирало намного более подробную информацию о своих подданных, чем когда-либо в прошлом. Для определения, подлежит ли человек призыву, какой паек или другой вид помощи ему положен, а также для выявления потенциальных шпионов или внутренней оппозиции каждый должен был быть идентифицирован и отнесен к определенной классификации. Подобные процедуры рутинно существовали во всех государствах-участниках Первой мировой войны. Они пользовались ими, чтобы изучать настроения и намерения различных категорий населения и там, где это возможно, оказывать воздействие на эти настроения. В этом можно было бы усмотреть проявление свойственной военному времени общей тенденции переходить с концепции территориального управления на «менеджерскую», т.е. к формам управления, стремящегося «управлять населением, а не только территориями»⁵².

Во время Гражданской войны в России любому режиму было исключительно трудно вести подобную работу по сбору информации. Тем не менее в 1919 г. советские власти содержали около 10 тыс. служащих, перлюстрировавших и анализировавших переписку граждан, на основе чего затем составлялись «сводки о настроениях населения»⁵³. По установлении мира эта практика изучения настроений и управление ими расширилась. Особенно важен был позитивный, дидактический аспект этой информационной работы, начинавшийся с систематических занятий по «политическому просвещению» в Красной армии. Такое обучение было необходимо отчасти по той причине, что режим ставил целью переделать общество, и отчасти потому, что общество растеряло практически все ориентиры и собственную память⁵⁴. В результате было создано то, что один исследователь назвал «пропагандистским государством», продукция которого заменила социальную память и блокировала появление и выражение альтернативных точек зрения. В реальности эта система заменила собой гражданское общество и публичную сферу, и «советские люди в конце концов стали не

столько верить в мировоззрение большевиков, сколько принимать его за само собой разумеющееся»⁵⁵. Утверждения, касавшиеся сути нового общества, истинные или ложные, становились активной силой, формировавшей действия и самосознание каждого его члена.

Инструменты социальной политики были затем взяты на вооружение и использовались новой верховной властью — коммунистической партией, не являвшейся политической партией в традиционном смысле слова, а представлявшей собой, выражаясь словами одного историка, «мессианский орден, взявший на себя бремя очищения общества во имя будущего всего народа». Партия применяла административную классификацию как средство социальной инженерии. По окончании Гражданской войны, когда общество стабилизировалось, форма новой социальной иерархии стала конструироваться при помощи дифференцированного допуска к разного уровня и типа образованию. Будущие студенты заполняли специальные анкеты, предназначенные для того, чтобы получить важную информацию о них, выявить, например: социальное происхождение, партийную принадлежность и роль во время Гражданской войны. Специальные комиссии затем изучали анкеты и устанавливали очередность приема на учебу. Они искали противоречия в записях и задавали заявителю вопросы относительно таких непоследовательностей. Предпочтение отдавалось членам партии и комсомола, рабочим и их детям, крестьянам-беднякам и их детям, а также активным участникам Гражданской войны на стороне красных. Время от времени документы студента вместе со сведениями о его академической успеваемости пересматривались комиссией по «чистке». «Правильное» составление автобиографии и умение воздержаться впоследствии от «неправильного» поведения составляли целое искусство⁵⁶.

Такая социальная система явно поощряла доноительство. Как рассказывал директор Ленинградского института инженеров связи: «От всех требовали писать заявления на тех, кому, по их представлениям, не место учиться на рабочем факультете. Обсуждение происходило на собрании группы, где эти заявления зачитывались и начиналось открытое обсуждение... Заявления не считались низким предательством коллег и не рассматривались как персональное дело, их считали долгом каждого сознательного гражданина»⁵⁷. В этом сошлись потребности нового порядка и привычки, оставшиеся от «круговой поруки». Политика больше не определялась конфликтом идей или столкновением явно выраженных соци-

альных, национальных или экономических интересов, она больше касалась монополистического патронажа со стороны власти, причем в контексте мессианского социалистического мировоззрения.

НАРОДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ КОММУНИЗМА

К 1920 г. народное восстание, которое вознесло коммунистов к вершинам власти, в большей или меньшей степени исчерпало себя. Крестьяне, рабочие и солдаты добились исполнения своих мечтаний о получении земли и заводов, о том, чтобы самим распоряжаться своей жизнью, однако вскоре осознали, что их мечту экспроприировали новые правители. Контраст был настолько разительным, что некоторые сбитые с толку активисты, вспоминая мимолетные свободы 1917 г., придумать лишь невразумительный лозунг «Да здравствуют большевики! Смерть коммунистам!» — очевидно, не обратив внимания на то, что партия сменила название⁵⁸. Для смятения в умах причин было предостаточно. Выращенный ими хлеб силой оружия был отобран их бывшими благодетелями, их лошадей реквизируют, сыновей забирали в Красную армию, а общинные сходы сделались сельскими Советами под председательством коммунистов. На заводах «рабочий контроль» больше ничего не значил: заводских комитетов либо не стало, либо они превратились в твердыни «комиссародержавия», следившими за соблюдением дисциплины на конвейерах, выпускающих продукцию для фронта. Солдатские комитеты в армии бесцеремонно распустили, заменив «политотделами» во главе с комиссарами с револьвером на боку. «Вся власть Советам!» — лозунг, за который боролись массы, остался далеким воспоминанием.

Крестьяне ответили отказом отдавать зерно. Приезжавшие в деревню продотряды разгоняли или даже уничтожали. Постепенно крестьяне начали использовать оружие, которое попало к ним в руки во время войны, объединяясь в «зеленые» банды, базировавшиеся в лесах и болотах, откуда они нападали на зернохранилища или советские учреждения. Из-под коммунистического контроля выпадали целые губернии в Среднем и Нижнем Поволжье, Урале и Сибири. На Тамбовщине, вероятно, наиболее сильно охваченной «зеленым» движением, крестьяне требовали созыва Учредительного собрания, восстановления гражданских свобод, подлинных выборов в Советы и возвращения к свободной торговле⁵⁹.

В конце зимы 1920/21 г. волнения перекинулись на города. Непосредственным поводом послужило уменьшение хлебного пайка, но вскоре бастующие рабочие Петрограда и Москвы предъявили набор требований, поразительно напоминавших требования крестьян. Если коммунисты пытались присутствовать на рабочих митингах, их прогоняли как предателей дела социализма. В феврале 1921 г. собрание уполномоченных, по составу социалистическое, но настроенное антикоммунистически, объявило всеобщую забастовку в Петрограде, заявив: «Мы, представители заводов и социалистических партий Петрограда, несмотря на имеющиеся разногласия, объединились на базе следующих целей: свержение большевистской диктатуры, свободные выборы советов, свобода слова, печати и собраний для всех, а также освобождение политзаключенных»⁶⁰.

Требования бастующих подхватили матросы Балтийского флота в Кронштадте, военно-морской базе вблизи Петрограда. На публичном митинге один матрос рассказал, что ездил домой в деревню и узнал, что у его родителей только что реквизировали корову: «Когда мы с братом вернулись домой со службы Советской республике, люди смеялись над нашим хозяйством и говорили: “Вы за что служили? Что дала вам Советская республика?”»⁶¹ Матросы приняли свое постановление, повторив требования рабочих и добавив свои — упразднить в армии и на флоте политические отделы⁶². Для коммунистов это было сокрушительным ударом. Матросы Балтфлота были пионерами советской демократии, они сыграли выдающуюся роль во взятии большевиками власти в октябре 1917 г., поэтому их выступление против коммунистических вождей означало отступничество «преданнейших из преданных». Кроме того, тяжелая артиллерия их броненосцев могла разрушить самый большой промышленный город России.

Крестьяне, рабочие и матросы требовали возвращения к изначальным идеалам, за которые они сражались в 1917 г. и которые тогда называли «советской властью»: собственность на землю, право на торговлю, на самоуправление, на свободные выборы своих представителей в высшие политические органы. Коммунистическое руководство было отвергнуто своими собственными низами, оно потеряло народную поддержку, от которой зависело. Ленин с полным основанием назвал этот кризис самым критическим из всех, с какими сталкивался режим, который был, «несомненно, намного опаснее Деникина, Юденича и Колчака, вместе взятых»⁶³. Для подавления Кронштадтского восстания 1921 г. он использовал

новые специальные силы безопасности, но вместе с тем впервые пошел на компромисс со своими противниками, восстановив ряд элементов частного предпринимательства и свободной торговли, провозгласив новый курс, получивший название новой экономической политики (НЭП). Однако уступки Ленин сопроводил ужесточением политического режима: некоммунистические партии в конце концов окончательно запретили и даже фракции в РКП(б) объявили вне закона. Таким образом, две революции 1917 г. окончательно разошлись, и коммунисты приготовились продолжить борьбу за спасение мира методами неограниченного насилия.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Идеи церковных реформаторов, потерпевших поражение в 1905 г., снова со всей резкостью от долгого искусственного сдерживания вышли на поверхность в 1917 г. Падение династии Романовых обезглавило церковь и тем самым, наконец, сделало реформу неотвратимой. В августе впервые за 200 лет в Москве собрался Поместный собор, состоявший из представителей местных церковных кругов, монашества и мирян. Вскоре стало очевидно, что епископская партия берет верх над приходскими реформистами. Заседания собора проходили в исключительно накаленной политической обстановке — из Петрограда пришло известие о захвате власти большевиками. Под звуки артиллерийской канонады за стенами Кремля делегаты проголосовали за восстановление патриаршества и регулярный созыв Поместного собора в качестве руководящих органов церкви. По странному совпадению две российские формы мессианства достигли расцвета точно в одно и то же время. Патриархом выбрали епископа Тихона, за несколько месяцев до этого избранного открытым голосованием на кафедру московского митрополита. Это была фигура готовая к примиренческим шагам, так как новый патриарх поддерживал и приходских либералов, и епископальных консерваторов и имел большой опыт руководства православной церковью во враждебной атмосфере, будучи до этого священнослужителем на Аляске, в Польше и Литве. Однако никаких симпатий к социализму он не испытывал⁶⁴.

Коммунисты, выступая в качестве конкурирующего мессианского движения, не имели намерений позволить церкви вернуть себе поддержку в народе. Правительство закрыло собор, а затем

самым решительным образом оборвало связь церкви с государством, но отнюдь не так, как рекомендовали два крыла церковных реформаторов. Январским декретом 1918 г. церковь лишалась статуса юридического лица; это означало, что с этого момента она не имела права владеть собственностью, а ее центральная организация утратила всю административную власть. Результатом явилось то, что приходы оказались предоставлены сами себе. Ирония ситуации заключалась в том, что они добились независимости, к чему давно стремились реформаторы, но это была лишь бледная тень того, о чем мечтали «приходские либералы», — они получили юридически беспомощные, изолированные от общества и лишённые достаточных источников финансирования объединения.

Дальше стало еще хуже. Во время Гражданской войны многие церкви были просто закрыты или разрушены, а приходские священники арестованы или убиты как члены враждебного социального класса. Сколь-нибудь нормальную приходскую работу вести было крайне трудно. Патриарх Тихон ответил, предав анафеме «явных и тайных врагов Христа», которые сеяли «злобу, ненависть и убийственные обвинения вместо братской любви». Он призвал верующих защитить церковь от нападков и выразил уверенность, что «враги церкви будут посрамлены и рассеяны силой креста Христова»⁶⁵. При этом он не обвинял большевистский режим прямо и не призывал к оружию против него. Священнослужители, бежавшие за границу, были менее осторожны. Они собрали собственный архиерейский собор в Сремских Карловцах (Югославия), который призвал к свержению атеистического коммунистического режима и восстановлению монархии. Тем самым они дали большевикам повод объявить церковь внутри России «контрреволюционной».

После Гражданской войны большевики воздерживались от фронтального наступления на церковь, опасаясь, что это может дать обратные результаты, учитывая, что большинство крестьян и значительное число рабочих были глубоко верующими. Однако голод 1921—1922 гг. в Поволжье предоставил им возможность действовать более изощренно и расколоть церковь изнутри. Режим потребовал, чтобы церковь сдала свои многочисленные ценности — потиры, блюда, облачения, утварь и т.п., хранившиеся в храмах по всей стране, чтобы вложить их в фонды помощи голодающим. В ответ патриарх Тихон заявил, что церковь готова отдать ценности на дело помощи голодающим, но не освященные для литургических нужд, и стал настаивать, что решение относительно использования

церковной утвари должен принимать совет каждого прихода⁶⁶. Многие реформаторы осудили такую позицию, как узколобую и не достойную организации, проповедующей христианские идеалы. Группа петроградских священников предложила отдать правительству все ценности под наблюдением представителей приходов⁶⁷.

Даже «обновленцы», священники, высказывавшиеся за сотрудничество с режимом, и те разделились по вопросу о том, чего необходимо добиться и какую церковь нужно иметь в Советской России. Часть из них придерживалась традиционных взглядов, что церковь должна стараться сотрудничать с государством, как это было при царе, и при этом стремиться идти в ногу с современным обществом и приблизиться к социалистическим идеалам. Лидером этого направления стал епископ Антонин (Грановский), в прошлом ученый-востоковед, принявший сан священника уже в сравнительно зрелом возрасте.

Некоторые обновленцы, однако, искренне желали сделать церковь активным сторонником социализма и союзником коммунистического режима. Наиболее видным из них был Александр Введенский, выходец из интеллигентной семьи и выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, перед окончанием которой он защитил кандидатскую диссертацию по филологии. Он был рукоположен в сан священника в 1914 г., преисполненный желания посвятить свою жизнь обновлению апостольской миссии священнослужителей и примирить науку и веру, проповедуя «Евангелие на языке атеистов». Это была исключительно яркая фигура, он верил, что священникам должно привлекать паству, проводя службу как драматический спектакль. Свою первую службу он разнообразил молитвой «Честнейшую Херувим» (обычно не читавшейся при общем богослужении), читая ее в стиле, в каком выступали в то время модные поэты-декаденты. Яркое выступление прервал присутствовавший на службе епископ⁶⁸.

Таким образом, в момент, когда церковь испытывала сильный нажим со стороны государства, в среде священнослужителей не было единства. Как и подавляющее большинство верующих, многие из них были против любых перемен. Перед лицом переживаемых обществом потрясений им хотелось сохранить церковь как непоколебимую скалу стабильности и хранилище культуры. Когда сотрудники ГПУ приходили конфисковать освященную богослужебную утварь, часто у церкви собирались большие толпы верующих, чтобы помешать им. Так, напри-

мер, в Шуе (промышленный город неподалеку от Москвы) возникла стрельба, и несколько человек, среди них один красноармеец, были убиты. Ленин посчитал это столкновение идеальным предложением усилить наступление на церковь, в качестве политического прикрытия используя разразившийся в стране голод. Он направил в Политбюро записку, в которой написал, что «чем больше представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии нам удастся на этой основе расстрелять, тем лучше. Именно сейчас мы должны преподать урок [верующим. — *Дж.Х.*], чтобы им несколько десятков лет даже не приходило в голову думать о сопротивлении»⁶⁹. Его товарищи, тем не менее, решили организовать суд по традиционным правилам, но приговор его был предрешен Лениным: пять шуйцев, оказавших сопротивление властям у церкви, были расстреляны, и, что еще более принципиально, — за сопротивление при конфискации ценностей в петроградских приходских церквях был расстрелян митрополит Петроградский Вениамин. Патриарха Тихона объявили находящимся под домашним арестом, против него было возбуждено судебное дело по обвинению в контрреволюционной деятельности.

В течение последующих нескольких месяцев, воспользовавшись изоляцией Тихона, активизировались обновленцы. При поддержке властей они учредили новое Высшее церковное управление и выпустили обращение (текст обращения был одобрен Политбюро ЦК РКП(б)), призвав всех священнослужителей присоединиться к ним. В награду им был передан собор в Петрограде для епископа Антонина. Поначалу обновленцам удалось привлечь на свою сторону довольно большое число приходов преимущественно по инициативе священников, которые либо поддерживали их взгляды, либо хотели получить расположение властей. Некоторых священников, отказавшихся перейти в обновленчество, арестовали. Отчаянное положение сторонников патриарха Тихона показывает ситуация, в которую попал новый епископ Валериан, приехавший принять епархию в Смоленске: «В нашем соборе, как и в других тихоновских церквях, не было епитрахилей, не было священных сосудов, необходимых для проведения епископского посвящения». Однако у обновленцев в Троицком монастыре имелось кое-что из этой церковной утвари, и приходу удалось позаимствовать требуемые предметы у добротов-монахов. Церковнослужителей не хватало, и в соборе не было дьякона, знающего, как проводить по-

священие в епископы. Пришлось следовать приблизительному ритуалу, хотя и на него собралось большое количество прихожан⁷⁰.

Реакция большинства прихожан на обновленчество была в лучшем случае скептической. Во многих приходах наблюдалось массовое неприятие нововведений. Люди подозревали, что изменение слов в литургии лишит ее сакрального смысла. Самое большое неприятие вызвало введение нового календаря. В нем предписывался сдвиг на 13 дней вперед, и рядовые верующие возражали против данного новшества, так как теперь им приходилось отказываться от ряда престольных праздников. Приходские священники предупреждали, что насильственный переход на новый календарь подтолкнет многих верующих в объятия старообрядцев⁷¹.

Главная же причина сопротивления реформам заключалась в том, что у людей складывалось мнение, что обновленцы действуют в сговоре с чекистами. Происходившие на глазах у прихожан аресты сопротивляющихся, суды над ними, иногда заканчивавшиеся смертным приговором, естественно, оставляли самое тяжелое впечатление. В Москве, по сообщениям ГПУ, верующие считали, что реформаторы стремятся, заодно с коммунистами, уничтожить церковь, чтобы тем самым помочь евреям. В Липецке верующие отказывались заходить в обновленческие церкви, «опасаясь получить печать антихриста». В Петроградской губернии «члены приходского совета деревни Бегуница решительно агитировали против обновленчества и говорили, что “священники-обновленцы — это комиссары в рясах. Бог послал советскую власть в наказание за наши грехи. Если люди будут молиться, как прежде, тогда Господь спасет нас от этой напасти”»⁷².

Реформаторы получили поддержку лишь немногих прихожан. Что еще хуже, они сами были расколоты, и линия водораздела между ними была все та же, одни из них были приходскими, другие — епископальными реформаторами. Раскол достиг кульминации, когда в сентябре 1922 г. епископ Антонин неожиданно со словами «Среди нас нет Христа!»⁷³ отвернулся от отца Владимира (Красницкого), подошедшего к нему за благословением.

Новый режим также не желал, чтобы обновленцы достигли своей цели. Коммунисты стремились не к новой церкви истинных верующих, которые соединяют христианство и социализм, им хотелось ослабить и в конечном счете уничтожить существующую церковь. Даже Луначарский, в прошлом «богостроитель», наиболее склонный из большевистских вождей к принятию неорелигиозного

мировоззрения, в апреле 1921 г. в письме Ленину заметил, что церковь разваливается и что «мы должны помочь этому процессу, но ни в коем случае нельзя позволить церкви возродиться и принять новую форму.. Партия делает ставку на коммунизм, а не на религию»⁷⁴. Он советовал избегать любых контактов партии с церковью и предоставить ВЧК заниматься священниками и верующими, а обновленцев, несмотря на их симпатии к социализму, держать на расстоянии, поскольку лучший способ разделаться с церковью — это развалить ее изнутри. Эту задачу обновленцы и выполняли, особенно в первые годы своего существования, а когда она оказалась выполнена, они более режиму были не нужны.

Теперь, когда церковь была расколота, патриарх перестал быть опасен, и в июне 1923 г. власти решили его освободить, позволив выполнять свои функции, однако при определенном условии. За свое освобождение он обязан был заплатить заявлением, в котором должен был осудить свою непримиримую враждебность режиму. Он обратился к верующим с просьбой молиться вместе с ним «о помощи рабоче-крестьянскому правительству в его трудах на благо всего народа» и не участвовать в «антиправительственной деятельности» или надеяться на возвращение монархии. Он осудил «вредную контрреволюционную деятельность» Карловицкой эмигрантской церкви и кончил тем, что порвал с ней все связи. В связи с тяжелой обстановкой вокруг церкви он тайно назначил себе трех заместителей, которые могли занять его место в чрезвычайной ситуации. Однако, когда в апреле 1925 г. он умер, власти не разрешили провести положенный Поместный собор, а потому полностью легитимного преемника патриарха так и не появилось. Все три назначенных Тихоном преемника были арестованы, но один из них заблаговременно определил теперь уже своим преемником Сергия, митрополита Московского.

На этом основании Сергей стал местоблюстителем патриаршего престола, а в 1927 г. выступил с заявлением о лояльности, которое удовлетворило режим, хотя ряд формулировок заявления были двусмысленными. С одной стороны, он сказал: «Мы хотим быть православными верующими и в то же время считать Советский Союз нашей гражданской родиной, чьи радости и успехи — это наши радости и успехи и чьи несчастья — это наши несчастья». Здесь Сергей специально выказал верность не режиму, а «родине». Однако имя родины теперь содержало политический термин «советская», а не этнический или географический «российская» или «русская». Во всяком случае, в другом месте Сергей добавил: «Нам

нужно показать не только на словах, но и на деле, что... самые преданные православию могут быть истинными гражданами Советского Союза, верными советской власти». Он также издал инструкцию священникам с указаниями на молитвы за благополучие большевистского режима⁷⁵.

На том основании, что он присягнул на верность атеистическому режиму, значительное число православных верующих отказывалось признавать власть Сергия. Его обвиняли в отказе молиться за снятых со своих постов и арестованных епископов, в создании с помощью ГПУ незаконного временного Святейшего синода (высшего органа церковного управления) и в использовании его для перемещения епископов с одной епархии в другую. Митрополит Иосиф, которого Сергей отставил от служения в Ленинградской епархии, отказался сложить с себя сан, даже когда был сослан в монастырь в Ростове, и написал своим сторонникам: «Церковная власть пребывает в рабском состоянии». Когда делегация сторонников Иосифа пришла к Сергию с требованием отказаться от поддержки советской власти, так как это творение Антихриста, Сергей ответил, что правлению Антихриста предсказано продолжаться три года, а советской власти уже десять: «Да, нас преследуют, и мы отступаем! Но зато мы сохранили единство церкви». Это, конечно же, не соответствовало действительности — в Ленинграде Иосифа поддержал 61 приход из 100⁷⁶.

Сергий пошел на компромисс с тем, чтобы церковь, хотя ее и обложили со всех сторон, все же сохранилась как организация. Он верил, что, если какая-то отдельная часть церкви впадет в схизму, для Русской православной церкви это будет менее разрушительным, чем если бы она рассыпалась на куски в результате общего кризиса Советского государства⁷⁷. Он надеялся, что церковь сохранит свою нравственную и литургическую автономию и продолжит многообразную социальную и образовательную деятельность. Вскоре режим развеял все его иллюзии. Постановление о «религиозных объединениях», принятое в апреле 1929 г., запрещало любую церковную деятельность, кроме богослужбной. Не признавалось никаких религиозных процессий, воскресных школ, молитвенных собраний, групп изучения Библии, никаких богаделен и домов престарелых при церквях. Священникам запрещалось совершать богослужения за пределами их официально зарегистрированных приходов, а это значило, что не могло быть и речи о миссионерской деятельности. Церкви не разрешалось иметь центральной органи-

зации, приходы не имели юридического статуса, а это значило, что приход, например, не мог заключить контракт со строителями о ремонте церковного здания. Тем не менее, вступая в противоречие с предыдущим положением, приходы приравнивались к частным предприятиям и облагались очень высокими налогами. Для того чтобы затруднить простым людям посещение церкви, рабочая неделя была объявлена десятидневной, и, таким образом, только одна неделя из десяти имела выходной день в воскресенье⁷⁸.

Долговременный результат неудавшейся попытки реформирования церкви оказался для нее довольно печальным. Большинство православных верующих чуть ли не до нынешнего времени сохранило впечатление, что серьезная реформа или модернизация внутри церкви синонимична «обновленчеству, то есть схизме, измене и предательству»⁷⁹. Церковь лишили ее основы. По мере того как закрывались приходы, а города оставались без малейших условий для религиозной жизни, большинство людей ушло в религиозную бездеятельность. Однако многие могли сохранять некую форму деизма: неопубликованные данные переписи населения 1937 г. показывают, что 57% населения, невзирая на опасность признаться в этом, все еще были готовы сообщить, что веруют в Бога⁸⁰. Оставшееся твердым в православной вере меньшинство ушло в крайне консервативную и упрощенную форму своей веры, невосприимчивую к любым новшествам и изменениям. Поскольку не разрешалось проводить более одной службы в неделю, именно богослужение и стало единственным публичным содержанием религии, оторванным от социальной, благотворительной или образовательной деятельности. Церковь также оказалась лишена возможности привлекать молодежь из новых грамотных поколений, которые заканчивали школы во всех концах Советского Союза. Приходы состояли во все большей степени из стариков и необразованных людей. Связь между церковью и нормальной социальной деятельностью оказалась полностью разорванной, тем самым был фатально ослаблен один из главных элементов русского национального самосознания.

КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

С самого начала большевики отдавали себе отчет в том, что важно не только разрушить традицию, но и создать собственную социальную память, закрепив ее посредством выразительных сим-

волов, которые бы находили отзвук в душе простого народа, таких как общественные праздники, ритуалы, парады и театральные представления. Впрочем, осуществить это на практике было не так просто. Достаточно сказать, что время пребывания большевиков у власти на тот момент было еще столь коротким, что, очевидно, прошло недостаточно времени, чтобы народная память сколько-нибудь аккумулировала новые символы и ценности. Процесс революции и Гражданской войны носил хаотический характер, и все это было очень трудно обобщить в понятных и притягательных образах.

Не смогли создать собственных устойчивых форм культуры и ставшие номинально суверенными классами рабочие и крестьяне. Впрочем, была предпринята вполне серьезная попытка создать нечто подобное с помощью так называемого Пролеткульта, организаций, начавших создаваться еще до Октябрьской революции. Их теоретиком стал Александр Богданов, который ставил целью создать новую интернациональную пролетарскую культуру, по своей природе отличную от аристократической и буржуазной культур прошлого и отражающую коллективный, связанный с механизированным трудом дух рабочих⁸¹.

На первых этапах своего развития Пролеткульт оказался невероятно популярным среди рабочих, особенно потому, что воспринимал их человеческое достоинство намного серьезнее, чем любое культурное движение царской России. Они осаждали театральную самодеятельность, творческие писательские классы, хоровые общества, танцевальные кружки и мастер-классы художников. Они ставили пьесы, народные танцы, устраивали певческие вечера, рисовали плакаты, посылали театральные бригады выступать перед красноармейцами на фронте. При этом пролеткультовцы очень сильно разнились по стилю. Одни с радостью учились у народного фольклора или культуры прошлого, другие считали такое заимствование предательством революционного духа и требовали новых форм искусства. «Во имя нашего завтра мы сожжем Рафаэля, разрушим музеи и растопчем цветы искусства», — писал поэт-пролеткультовец Владимир Кириллов⁸².

Настроенные более новаторски члены Пролеткульта мечтали об искусстве, выражающем особое пролетарское видение мира, т.е. твердом, мускулистом, утверждающе грубом, коллективистском, уверенном в созидании нового мира, интернациональном или горделиво русском. Вот, например, стихотворение поэта-пролеткультиста из Саратова:

Вот они, мозолистые руки!
Эти огромные вилы,
Что пронзают глубины земли
Пальцами красной стали!

Вот они, эти мозолистые руки,
Они построят дом
Для свободы, искусства и науки.
В нем не будет боли и страдания⁸³.

В своей поэме «Россия» Владимир Кириллов свел эти темы воедино с гордым провозглашением всеобщей миссии:

Ты, обновленная Россия,
Подхвати знамя всеобщей борьбы,
Как солнцеликий бог-мессия
С гордо поднятой головой...
И угнетенный мир смотрит
На сияющий Восток,
Свивая тебе, Россия, венок
И веря в светлое будущее⁸⁴.

В начале 1918 г. большевики объявили конкурс на создание памятников, которыми намеревались заменить монументы в честь царей и генералов на площадях и в парках городов страны. Представленные на конкурс работы отражали всемирную, а не русскую историю, т.е. историю народной революции: среди них памятники Бруту, Роберту Оуэну, Робеспьеру, Марксу и Энгельсу. Их в спешке устанавливали, и большого воодушевления среди публики они не вызывали, некоторые из них были разбиты недоброжелателями, на многих появились всякие неподобающие надписи, и большинство их вскоре убрали с глаз долой. Большой успех имели новые общегосударственные праздники, объявленные по тем же принципам в качестве замены церковных: 1 января, 22 января (Кровавое воскресенье, 9 января по старому стилю), 18 марта (день Парижской коммуны), 1 мая (Международный день солидарности трудящихся) и 7 ноября (большевистская революция). Несколько воскресных дней, обычно дней отдыха, напротив, объявлялись субботниками, днями добровольного, неоплачиваемого труда, как символ того, что в рабочем государстве ручной труд есть форма

творческой свободы. Например, состоявшийся в 1920 г. праздник Первомая имел задачей очистить Петроград от мусора, скопившегося за годы Гражданской войны, и убрать следы старого режима⁸⁵.

Большевики также устраивали массовые представления, чтобы доходчиво указать на предначертанность роли, на которую они претендовали в мировой истории. В праздник Первого мая 1920 г. Красная армия устроила на площади перед зданием бывшей товарной биржи в Петрограде грандиозный спектакль «Мистерия освобожденного труда». Это было массовое шестичасовое представление, рассказывавшее об истории международного рабочего движения, от восстания рабов под предводительством Спартака в Древнем Риме вплоть до Октябрьской революции. Точно так же в 1920 г. для открытия конгресса Коминтерна выбрали символический центр режима — Московский Кремль в качестве сцены, подчеркивавшей важность пути от Парижской коммуны 1871 г. до будущей «мировой коммуны». Кульминационный пункт сценария торжеств описывался следующим образом: «Артиллерийский салют возвещает о прорыве блокады Советской России и о победе мирового пролетариата. Возвращается Красная Армия и красноармейцы проходят по площади парадным маршем, их приветствуют вожди революции. К их ногам швыряют королевские короны... На небе яркими буквами на разных языках пишутся приветствия Конгрессу: “Да здравствует Третий Интернационал!”, “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Общий апофеоз под пение гимна мировой Коммуны, *Интернационала*»⁸⁶.

На представлении присутствовало около 30 тыс. зрителей, и все они в этот момент запели, однако никак нельзя сказать, что подобные действия демонстрировали порывы народного творчества и энтузиазма. Они проходили в постановке ведущих театральных режиссеров, и пролеткультовцам для таких представлений требовалась помощь Красной армии⁸⁷. После 1921 г. публичные представления стали более скромными, чтобы постепенно перейти в значительно более упорядоченные и расписанные по минутам парады сталинского периода.

К этому времени партия сама начала с осторожностью относиться к спонтанным действиям рабочего класса, и «пролетарской культуре» в том числе. Ленин был решительным противником сожжения Рафаэля, наоборот, он полагал, что пролетарские художники должны изучать Рафаэля и других великих художников прошлого, прежде чем приступать к осуществлению собственных

замыслов. «Поначалу мы должны удовлетворяться реальной буржуазной культурой», — писал он. Данное им слово он держал: на следующий же день после революции он назначил комиссаров, отвечавших за сохранность музеев, художественных галерей, красивых общественных зданий и охрану их от грабежей и погромов. «Известия» сообщали народу, что он унаследовал «колоссальные культурные богатства, здания редкой красоты, музеи, полные редких и чудесных предметов, библиотеки, содержащие огромные интеллектуальные сокровища, вещи, которые просвещают и вызывают вдохновение»⁸⁸. Ленин также постоянно помогал Максиму Горькому в выполнении добровольно взятой тем на себя миссии изыскивать продукты питания, чтобы не дать умереть талантливым писателям, невзирая на их идеологическую и политическую ориентацию⁸⁹. Ленин рассматривал задачу Пролеткульта скорее как образовательную, а не творческую. По этой причине, и для усиления контроля над ним, он хотел подчинить его Наркомпросу (Народному комиссариату просвещения). К 1922 г. лидер большевиков этого добился, не в малой степени благодаря тому, что сокращение промышленности за годы Гражданской войны привело к резкому уменьшению количества членов Пролеткульта и средств, которыми он располагал⁹⁰. В связи с этими обстоятельствами жаркое творческое пламя культуры рабочего класса стало угасать.

Новые символы режима обращались как к прошлому, так и к будущему: из прошлого они перенимали традиционные элементы, к которым народ уже чувствовал определенную эмоциональную привязанность. Советский флаг был повторением красного знамени, которое десятилетиями собирало вокруг себя европейских социалистов и рабочих, на нем поместили звезду Красной армии и серп и молот, что подчеркивало революционный союз крестьян и рабочих. Социалистическая песня «Интернационал» стала новым государственным гимном. Был разработан государственный герб, объединивший серп и молот с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», восходящим солнцем, что указывало на «светлое будущее», снопом колосьев пшеницы, что подчеркивало изобилие, и классическим свитком, чье значение менее определено; возможно, он придавал композиции элегантность и целостность⁹¹.

Ритуальная и эмоциональная жизнь коммунистического режима достигла апогея в церемонии, придуманной для похорон его основателя. Режим выступал за распространение кремации, но тело Ленина сожжено не было. Наоборот, его бальзамировали и выста-

вили на всеобщее обозрение, и то, как это было сделано, привело в ужас православных верующих не в меньшей степени, чем если бы его кремировали. Анатолий Луначарский и Леонид Красин, игравшие первую скрипку в организации похорон вождя, до 1917 г. считались так называемыми «богостроителями». Они полагали, что социализму не выжить на строгой диете научного предвидения и интеллектуальных рассуждений и что он нуждается в собственных ритуалах и сакральных элементах, чтобы привязать простых людей к социалистическому мировоззрению и новому устройству общества. Луначарского и Красина привлекали взгляды философа Николая Федорова, который проповедовал, что в один прекрасный день наука сможет осуществить оживление всех мертвых. Возможно, они надеялись сохранить Ленина для потомков, т.е. для возможного оживления. На других похоронах 1921 г. Красин сказал: «Я уверен, что придет время, когда наука станет всемогущей и сможет воспроизводить заново больной организм... Освобождение человечества, пользуясь всей мощью науки и техники, силу и возможности, которые мы даже не представляем себе, сможет оживить великие исторические фигуры»⁹².

Прощание с телом Ленина и траурная процессия были организованы в более или менее традиционном стиле, со своего рода религиозным оттенком, вроде того, как провожали в последний путь героев-социалистов до 1917 г. После этого тело поместили во временный саркофаг, который вскоре заменили величественным сооружением из кубов красного порфира в качестве постоянного мавзолея. Это здание стало центром сосредоточения народного культа, поддерживавшегося коммунистическими вождями и с энтузиазмом воспринятого населением. В сущности, мавзолей Ленина приобрел значение святого места номер один во всем Советском Союзе, круглосуточно охраняемого почетным караулом, предметом паломничества для масс и трибуной для лидеров во время массовых демонстраций по случаю праздников. Теперь, когда Ленин — отец-основатель Страны Советов — был мертв, на него не могли уже бросить тень несовершенства последующих попыток воплощения мечты. Впоследствии в трудной ситуации коммунистические вожди всегда могли апеллировать к ленинскому наследию⁹³.

С самого начала коммунистический режим, хотя пока и не расставаясь с мыслью навсегда выкорчевать прошлое России, стал создавать свои собственные формы памяти и оформлять их ритуалами, разработанными таким образом, чтобы вызывать как можно

больше положительных эмоций у населения. Однако в тот момент их успех был ограниченным и непрочным. В период 1917—1921 гг. социальные структуры и социальная память подверглись невиданной деформации; уже и без того смутное и фрагментированное социальное сознание еще больше ослабло. Попытка создать новый общественный порядок, основанный на коммунистической иерархии, и новый социальный миф, основанный на коммунистическом видении мира, не могла быть успешной, поскольку новое мировоззрение еще не успело пустить корни.

Глава третья

РУССКИЕ И СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В начале 1920-х гг. подросток-чеченец Абдурахман Авторханов принялся собирать книги «неверных»: Толстого, Горького и других подобных авторов. За это он был выпорот отцом-мусульманином и исключен из *мехтеба* (религиозной начальной школы) своей деревни. Он решил уйти из дома и поискать светскую школу, чтобы продолжить учебу. Вместе со своим двоюродным братом Махмудом, прихватившим для самозащиты револьвер, он пошел через горы в большой город Грозный. Когда они туда добрались, обоих арестовали, револьвер отобрали и принялись допрашивать в качестве подозреваемых в принадлежности к банде «зеленых». Когда они стали отрицать обвинение, допрашивавший их человек бросил Махмуду: «Ну конечно! Что же ты за чеченец, если не вор, не бандит и не убийца!» Махмуд кинулся на него и, прежде чем охрана успела оттащить его, ударил обидчика в нос. На следующее утро, к их величайшему удивлению, обоих отпустили. Их проверили по месту жительства и, установив, кто они, им сообщили: «Вы честные ребята, а того, кто оскорбил чеченский народ, наказали»¹.

Ничего не подозревавшие двоюродные братья оказались заложниками запутанных взаимоотношений этнических групп и нового Советского государства. В Грозном в то время было практически два правительства: русская городская администрация и чеченский исполком². Первая арестовала их, а вторая освободила. Подобная неразбериха была лишь крошечной складкой на лоскутном одеяле этнических противоречий Северного Кавказа.

Большевистские вожди провозгласили, что учреждают интернациональную республику. В «Азбуке коммунизма» заявлялось: «Исключительно важно, чтобы рабочий класс преодолел все национальные предрассудки и национальную вражду», чтобы со-

здать «единую мировую социалистическую республику»³. Но добиться этой цели было чрезвычайно трудно, особенно на территории, населенной таким количеством перемешавшихся между собой национальностей, чьи взаимоотношения были осложнены ужасами революции и Гражданской войны.

Коммунисты считали национализм своего рода детской болезнью человечества, необходимым этапом развития человечества, но таким, который нужно миновать как можно скорее. Ленин выступал за национальную эмансипацию угнетенных народов, но всегда подчеркивал, что абсолютный приоритет остается за пролетарским интернационализмом. Сами коммунистические вожди отказывались от принадлежности к какой-либо национальности. В своем прошении о выдаче паспорта Ленин написал: «Национальности нет», а Троцкий на вопрос, еврей он или русский, ответил «Ни то и ни другое, я социал-демократ и интернационалист»⁴.

Когда большевики взяли власть, они были уверены, что создание государства международного рабочего класса не за горами. Они верили, что, вдохновленные русским примером, рабочие других европейских стран поспешат свергнуть свои империалистические правительства и присоединятся к русским товарищам. Таким путем национальная проблема быстро испарится с повестки дня. Но время шло, и советские вожди осознали, что националистическая «болезнь» может оказаться затяжной, тяжелой и опасной. Однако одновременно они стали понимать, что она создает известные возможности, которыми, если правильно это делать, можно с успехом воспользоваться. Большевистские вожди полагали, что царский режим совершил ошибку в области национального вопроса, стараясь обрусить инородцев, ошибку типичную для «тюрьмы народов», и повторять эту ошибку не хотели. В апреле 1920 г. Ленин писал председателю Кавказского бюро партии Серго Орджоникидзе, требуя «осторожности и максимального доброжелательства по отношению к мусульманам, особенно при продвижении в Дагестан. Делайте все, чтобы продемонстрировать, и самым убедительным образом, наши симпатии к мусульманам, их автономии, независимости и т.п.»⁵.

Беспокоясь о том, чтобы не повторять деспотизма царей, Ленин неоднократно выступал против «великодержавного шовинизма» русских и повторял свою решимость урезать их до статуса одной из многих национальностей республики. Однако при всем при этом он продолжал держаться ошибочного взгляда, типичного для

русских интеллигентов, считавших, что русский народ без труда может автоматически ассоциировать себя с русским имперским государством и что нет никакой разницы между русской нацией и Российской империей. Луначарский, занимавший пост народного комиссара просвещения большую часть 1920-х гг., придерживался той же точки зрения: «Мы должны так образовать людей... чтобы они относились к каждому, независимо от того, к какой национальности он принадлежит, как к своим братьям, чтобы любили каждый сантиметр нашей общей планеты и чтобы, если они у них есть предубеждения в пользу русского народа, русского языка или русского села, то они должны осознать, что это чувство — самое неразумное предубеждение»⁶. Задачей Луначарского было использовать образовательную и культурную политику для создания надэтнической интернациональной республики, прежде всего в Советском Союзе, а после и во всем мире.

Если посмотреть, какое этническое состояние страны коммунисты получили в наследство, тогда становится очевидным, что процесс создания даже интернациональной республики требовал сложной и четко сформулированной политики. Если все пустить на самотек, то вполне вероятно, что в ходе модернизации некоторые нерусские шаг за шагом ассимилируются в русском языке и культуре, а некоторые полностью отвергнут Россию и будут отстаивать свою собственную национальную идентичность. И в том и в другом случае дело интернационализма проиграет. Поэтому для выработки национальной идентичности нерусских нужна была четкая политика «позитивных шагов», политика, которая, так или иначе, ставила русских в неравное положение. Бухарин чувствовал логику этой ситуации и говорил, что русским дадут возможность «купить подлинное доверие прежде угнетенных народов»⁷.

Сталин — народный комиссар по делам национальностей — в принципе поддерживал эту линию. Однако его беспокоило создание России просто в качестве отдельной, наравне с другими, национальной республики. Для этого у него было достаточно причин. «Россия» никогда не существовала как обособленная территория внутри Российской империи. Как же теперь выстроить ее? По этому вопросу у Сталина были серьезные расхождения с Лениным. Пока в горниле Гражданской войны формировались новые советские республики, Сталину виделось, что все они просто поглотятся Советским государством в форме Российской Советской Республики, прямого преемника старой Российской импе-

рии. Но Ленин чувствовал, что такая «Советская Россия» извлечет из сундука старое имперское высокомерие. Однажды в пылу дискуссии по этому вопросу он в нетерпении выпалил: «Я объявляю великорусскому шовинизму войну не на жизнь, а на смерть!»⁸ Он выдвинул предложение, чтобы Россия не была всеохватывающим государством, а вошла в федеративное Советское государство на тех же условиях, как и нерусские республики. Это общее федеративное государство не будет иметь ни этнического, ни географического обозначения, оно будет называться просто Союз Советских Социалистических Республик⁹. Как мы знаем, так оно и произошло.

Это решение не учитывало тот факт, что, какие бы границы ни были установлены для Российской республики внутри Советского Союза, все равно большое число русских окажутся за их пределами, а также то, что в границах Российской республики будет жить большое число нерусских, в том числе много мусульман. Один из главных мусульман-коммунистов Мирсаид Султан-Галиев пошел еще дальше Ленина. Он предложил, чтобы не только крупные нерусские национальности, но и меньшие этнические образования более не подчинялись России, а стали полноправными членами СССР на равных с Россией, Украиной и т.д. Ответ Сталина Султан-Галиеву ярко подчеркивает остроту дилемм, связанных с определением места России в структуре нового Советского государства. «Такое предложение, — указывал он, — означает распыление нашей федерации на мелкие кусочки и создание не Российского, а Русского ЦИК (центрального исполнительного комитета)... Товарищи, что, нам и в самом деле это нужно?»¹⁰ Сталин указывал на опасность придания русскому этническому чувству внутри Советского Союза институционального воплощения. «Россия» воспринималась как сверхнациональное образование, как прошедший очищение призрак старой империи и как бестелесный предтеча будущего пролетарского международного государства, но никак не в качестве подлинного этноса или государства-нации. Истинное русское национальное государство в центре Советского Союза было бы настолько огромным и могущественным, что оно либо доминировало бы в Союзе, либо сделало бы его неработающим образованием.

Кончилось тем, что в декабре 1922 г. был принят ленинский вариант конституции, т.е. она была формально федеративная, а новое государство, Союз Советских Социалистических Республик, не было наименовано по названию России. И все-таки со-

держание конституции было, несомненно, «сталинским». Российская республика, РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика) занимала 90% площади и включала 72% населения Советского Союза. Около 2/3 членов коммунистической партии были русскими¹¹. Более того, несмотря на федеративный наряд, в который приодели конституцию, партия, армия и управление экономикой были жестко централизованы. При такой структуре потребовался бы очень серьезный противовес, чтобы не дать РСФСР и русским занять в стране преобладающее положение.

На первых порах такой противовес предусматривался: для ослабления потенциального доминирования русских советские вожди проводили сознательную политику «коренизации» — поддержки нерусского коренного населения. X съезд партии в марте 1921 г. объявил задачей партии «помочь трудящимся массам» нерусских граждан СССР, оказывая им поддержку в строительстве их собственных институтов, в том числе судов и административных и хозяйственных учреждений, укомплектованных их собственными людьми и ведущих работу на родном языке, и «развивать их печать, школы, театры, клубы и образовательные институты, функционирующие на родном языке». *Ликбез*, т.е. ликвидация безграмотности, также должен был проводиться на родном языке¹².

В то время во многие регионы Советского Союза проще было послать русских для развития управления и содействия экономическому развитию — они обычно были лучше подготовлены и больше знакомы с функционированием современной экономики, чем нерусские. Сделано было наоборот; проводя политику коренизации, партия сознательно решила подготовить местные кадры для выполнения этой работы, для чего организовывались учеба и стажировки, во время которых они получали необходимые знания и навыки для управления своими республиками. В результате эти республики на время становились местными нациями-государствами, хотя и под постоянным надзором Москвы. По регионам были разосланы этнографы для изучения местных языков, обычаев, верований, хозяйственной жизни, племенных отношений и других факторов, сказывающихся на этнических характеристиках народов. Результаты использовались в программе, которую можно было бы назвать «этническим конструированием», ее суть состояла в собирании новых наций из сырого этнического материала и наделения их собственными республиканскими институтами в границах, ко-

торые, насколько это было возможно, отражали этнический состав населения¹³.

Для руководства из центра программами строительства наций создали Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), который одновременно должен был содействовать программам национального строительства и стать форумом для изложения представителями разных национальностей своих трудностей. Наркомнац должен был изучать эти проблемы и пытаться принимать меры по их решению. Характерно, что в наркомате были представлены все национальности, кроме русских¹⁴.

На деле было чрезвычайно трудно провести предельно четкую демаркацию национальных территорий. Для этого применялись самые разнообразные критерии: религия, одежда, питание, повседневные обычаи, виды хозяйственной деятельности и самоидентификация. К тому же все время развивалось национальное самосознание народов. Более отсталые группы имели тенденцию ассимилироваться с более развитыми, особенно — воспринимать русский язык. Однако на этом этапе этнографы склонялись к тому, чтобы говорить о «русификации» как явлении неестественном или навязываемом насильно, пережитке старого режима и предпочитали предлагать своим респондентам какую-либо иную альтернативную идентичность¹⁵. Впрочем, главным препятствием было сложное смешение этнических групп на большей части старой российской имперской территории. Люди разного национального происхождения жили бок о бок не только в крупных городах, но и в маленьких городках и поселках и даже иногда в сельской местности. Не прибегая к масштабным перемещениям населения, было просто невозможно скомпоновать их как нацию на конкретной территории. Лидеры коммунистов изучали историю национального вопроса в старой Габсбургской монархии, где и Ленин, и Сталин некоторое время жили до 1914 г. и над которой тяготел груз тех же проблем. Они хотели избежать ошибок, приведших к распаду Австро-Венгерскую империю. И все же они не приняли совета австрийских мыслителей-марксистов, предлагавших, возможно, единственное реальное решение проблемы этнической чересполосицы: индивидуальную культурную автономию¹⁶. Такое решение подразумевало бы принятие концепции индивидуальных прав человека, которые большевики всегда считали буржуазным обманом.

Поскольку большевики отвергали индивидуальную культур-

ную автономию, то у них было только два пути решения этнических проблем, и оба коллективистские. Им оставалось либо подталкивать этнические меньшинства к ассимиляции с большинством в своей республике, либо пойти на создание крошечных национально-административных территорий. Было выбрано последнее. В итоге получилась сложная иерархия союзных республик, автономных республик, автономных областей и т.д., многие из которых дожили до конца Советского Союза¹⁷. В пределах Российской республики большевики поощряли нерусские национальности, где только возможно. В результате, например, Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика на территории РСФСР была названа именно Мордовской, несмотря на то что даже в 1926 г. ее население на 60% состояло из русских. Точно так же русские составляли более половины населения Карельской и Бурятской Автономных Республик¹⁸.

Сначала национальные Советы создавались до самого низшего уровня, вплоть до отдельных сел и деревень, и в каждой с собственными школами, судами и административными органами, что должно было защитить меньшинства от насильственной ассимиляции или слияния с более крупными этническими общностями. Наркомнац был призван вмешиваться и принимать меры к урегулированию конфликтов, когда и где бы они ни возникали. Эти национальные административные единицы были, вероятно, самыми маленькими из создававшихся где-либо в мире. Впрочем, какими бы мелкими они ни были, в их составе все равно оставалось меньшинство внутри меньшинства, беспокоящееся о достаточной защите своих национальных прав. В результате даже эта система не могла навсегда ликвидировать трения на национальной почве¹⁹.

Первой установила систему иерархии национальных Советов Украина, поскольку в ней жило необычайно много развитых и активных этнических групп, просто не желавших, чтобы ими управляли русские или украинцы, среди них были поляки, немцы, армяне, греки и болгары. Где бы ни проживали эти меньшинства, даже на уровне деревни, они получали право на собственный Совет, занимающийся проведением в жизнь «коренизации», включая поддержку национального языка и культуры и формирование национальных кадров. Сложилась, например, ситуация, когда еврейские штетлы вдруг превратились в полноправные Советы²⁰. Только одна национальность осталась без каких-либо национальных советских учреждений — русские. Если бы им это позволили, целые города

вроде Харькова и Донецка сделались бы русскими национальными анклавами. Русские, на свою беду, были слишком сильны и многочисленны, и коренизация поэтому преднамеренно ставила их в дискриминируемое положение.

В самой РСФСР было много Советов для нерусских национальностей. В дополнение к автономным республикам, о которых упоминалось выше, к 1932 г. были сформированы 290 национальных районов, помимо них имелось 7 тыс. национальных сельских Советов и около 10 тыс. национальных колхозов. Около половины из них были украинскими. Высшие учебные заведения в РСФСР отводили специальные места для кандидатов из меньшинств²¹. Таким образом, создался дисбаланс, в результате которого русские с полным основанием чувствовали себя притесненными. На Украине, например, они должны были подписываться на украиноязычные газеты и посылать детей в украиноязычные школы учить язык, который многие из них считали деревенским. На апрельской 1926 г. сессии Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Советов СССР об этих проблемах говорил Юрий Ларин, поднимая «ту часть национального вопроса, который нужно назвать русским вопросом на Украине, потому что, к сожалению, такой вопрос существует». В стенограмме заседания записано, что его слова были встречены долгими аплодисментами, по-видимому, он затронул тему, которая многих делегатов тревожила, но о которой никто не говорил. Его оппоненты возразили формальной ссылкой на то, что «к русским на Украине невозможно относиться, как к национальному меньшинству»²².

На следующий год А.С. Енукидзе выступил с подобной критикой украинцев, обвинив их в том, что их действия приведут к созданию «маленьких изолированных островков». «Наша же задача, — сказал он, — двигаясь вверх, приобщать национальные меньшинства к основной культуре их республик. Это то, что касается союзных республик. В отношении же Советского Союза в целом наша задача иная. Русская культура и русский язык — это главная ось, опираясь на которую мы должны поднимать все живущие в СССР национальности»²³. Его высказывание было встречено с негодованием, даже несмотря на то, что его противники признавали, что он выражал чувства многих коммунистов. Енукидзе попросили взять слова обратно, но он отказался. Фактически, он сформулировал альтернативную национальную политику, суть которой сводилась к постепенной ассимиляции, в результа-

те которой Советский Союз превратился бы в русское национальное государство. Эту идею вынашивали Михаил Катков и Константин Победоносцев при царях, но коммунисты готовы были бесконечно предавать ее анафеме.

Одним из первых примеров политики, которую можно было бы считать антирусской, была кампания террора, проводившаяся в 1919 г. против донского казачества, которое было сплошь русским по происхождению и внешности. Правда, эта кампания была первоначально задумана как часть классовой борьбы. Будучи одними из самых стойких сторонников старого режима, многие, но, конечно, не все, донские казаки воевали на стороне белых во время Гражданской войны. Когда в первые месяцы 1919 г. Красная армия заняла их территорию, коммунистическая партия объявила «беспошадную борьбу со всей казацкой старшиной до ее полного истребления», дополнив этот призыв конфискацией ее зерна и передачей ее земель «иногородним», крестьянам-неказакам и рабочим, жившим в этой области.

«Недопустимы никакие компромиссы, никакие полумеры», — требовал циркуляр Оргбюро от 24 января 1919 г. Руководствуясь этими инструкциями, революционные трибуналы «судили» арестованных казаков и выносили им смертные приговоры. Вероятно, что в итоге жертвами этой политики стали 10—12 тыс. человек. Местные коммунисты также хотели упразднить Область войска Донского как административную единицу. Однако вскоре им пришлось отложить этот вопрос — разразилось казацкое восстание против красных, фронт был совсем недалеко, и они не могли себе позволить настроить против себя всех казаков, подстригая их под одну гребенку, как единую этническую единицу. По предложению одного местного коммуниста террор был переориентирован и «проводился в рамках параметров классовой борьбы», а не как «аморфная зоологическая борьба». Расказачивание сделалось более выборочным, для проведения разграничения между казацкими хозяйствами использовались социоэкономические критерии, привлекая часть из них как союзников, а не объявляя всех поголовно врагами. «Товарищи, будьте внимательны к донскому казаку-средняку», — писалось в одной из инструкций²⁴.

Русские были недовольны отношением к ним не только на Украине и на Дону. Официальная политика шли против многих русских и украинских крестьян, как и казаков, осевших на Северном Кавказе и в Туркестане за десятилетия, предшествовавшие 1917 г.

На Северном Кавказе вновь созданная в 1921 г. Горская Народная Автономная Советская Республика начала свое существование со следующего решения: «Для удовлетворения отчаянной потребности безземельных горных народов начать немедленное плановое выселение казачьих поселений». В процессе выполнения этого решения были выселены со своих земель и депортированы 15 тыс. казаков²⁵.

Точно так же между 1920 и 1922 гг. в Туркестане новая советская власть проводила земельную реформу в пользу местных народов, в процессе которой многие недавние славянские поселенцы были лишены собственности и изгнаны, очевидно, по этническому признаку, вне зависимости от того, относили их к кулакам или нет. На местах эта политика проводилась крайне жесткими методами: крестьянским хозяйствам давали 48 часов, чтобы собрать вещи и покинуть свои дома и поля, не предоставляя места для переселения. В селе Высокое, неподалеку от г. Чимкента, например, как сообщал позже эмиссар ЦК РКП(б), «16 апреля приехала милиция, с помощью армии погрузила семьи на грузовики и доставила их на станцию Абаил Семиреченской железной дороги, там целых три дня они просидели на улице под проливным дождем. Большинство депортированных были стариками, женщинами с детьми, среди них грудные». В конце концов им предложили новую землю в Голодной степи, но они не согласились, сказав, что слишком стары начинать новую жизнь на новом месте. Они говорили: «Когда в России голодают 25 миллионов человек, нужно, чтобы каждый сеял как можно больше зерна, а у нас отобрали урожай, которые мы уже посеяли... Наши двадцать четыре семьи обречены на голод. И не только мы, но и семьи наших детей, которые служат в Красной Армии. Почему? Что мы такого сделали, мы ведь простые крестьяне, от века сеяли хлеб»²⁶. Представитель правительства РСФСР А.А. Иоффе, посетив эту область, докладывал, что видел «покинутые русские дома и заброшенные огороды, а рядом с ними киргизские артели, жившие в своих кибитках и не желавшие переселяться в дома, потому что не знали, как обращаться с русской печью или как обрабатывать огород». В 1921 г. русское население Туркестана сократилось с 2,7 до 2,2 млн человек, а русские пахотные угодья уменьшились с 3,3 до 1,6 млн десятин²⁷.

В Узбекистане коренизация проводилась прежде всего путем предоставления узбекам преимуществ на рынке труда, когда в ряде случаев увольняли славян, чтобы взять на работу представителя

коренного населения. В апреле 1927 г. на Ташкентской бирже труда безработный русский жаловался: «Что делать русским, или они не хотят есть? Русские воевали и принесли вам, чертям, свободу, а теперь вы говорите, что узбеки хозяева в Узбекистане. Ничего, придет время, и мы вам покажем. Мы из вас душу вытрясем!» Узбеки отвечали тем же самым: «Погодите, еще немножко, и мы попросим вас, европейцев: возвращайтесь домой и поищите работу там». В результате подобных перепалок несколько раз вспыхивали серьезные столкновения²⁸.

Строительство Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиба) от Новосибирска до Ташкента подвергло коренизацию трудному испытанию, так как казахские власти, по чьей территории проходила дорога, сознательно использовали ситуацию для создания казахского пролетариата. Эта политика выражалась в том, что кандидатам на получение работы из казахов отдавалось предпочтение, хотя Народный комиссариат путей сообщения (Наркомпуть), руководивший строительством, хотел бы нанимать русских, обычно более квалифицированных и легче приспособившихся к условиям работы в коллективе. Получалось по-разному. Довольно много казахов порывали с привычным традиционным кочевым образом жизни и, преодолев предубеждения начальников, надолго становились рабочими. Иногда русские товарищи по работе помогали им привыкнуть к новой жизни, хотя тем приходилось для этого выучить русский язык. В других случаях, однако, менее квалифицированные и не имеющие работы русские давали волю обидам и набрасывались на рабочих-казахов. В декабре 1928 г. в Сергиуполе толпа безработных славян устроила погром на бирже труда и стала избивать подряд все казахов, обратившихся на биржу за работой, потом, прокатившись по всему городу, разнесла здания ОГПУ и горкома партии. В столкновениях получили ранения около 50 казахов²⁹.

Русские были ущемлены не только этнически, но также институционно. Их республика, РСФСР, имела очень шаткий и весьма скромный статус; это был жалкий гигант среди советских республик. Конечно же, это была никакая не «Россия», если говорить о потенциальном национальном государстве. Как мы видели, это было лоскутное одеяло из автономных республик, областей и т.д. Кроме того, руководство страной продолжало отрезать от него кусок за куском. В 1924 г. из территории РСФСР были выделены Туркменская и Узбекская Советские Социалистические Республики (Узбекская республика позже была поделена на Узбекскую и Тад-

жикскую республики). Витебскую, Гомельскую и Смоленскую (временно) области передали в состав Белорусской республики. В 1936 г. огромные пространства центральноазиатских степей и пустынь, от Сибири до северной Средней Азии (эти территории можно именовать по-разному), были преобразованы в Казахскую ССР. Карело-Финскую республику выделили во время советско-финляндской «зимней войны» в 1940 г., но вернули в состав РСФСР в качестве автономной республики в 1956 г. После Второй мировой войны РСФСР приобрела Калининградский анклав, расположенный к северо-западу от Белоруссии на побережье Балтийского моря, но в 1954 г. во время празднования 300-летия «воссоединения» Украины с Россией в качестве жеста доброй воли она передала Крым в состав Украинской ССР. Эти противоречивые и обросшие далекоидущими последствиями передачи территории показывают, что РСФСР никогда не рассматривалась как родина русского народа, скорее, на нее смотрели как на остаточную территорию, которую можно кроить и перекраивать ради удобства администрирования³⁰.

Министры РСФСР, хотя и обладали соответствующей юрисдикцией над львиной долей природных ресурсов республики, были в значительной степени подчинены министерствам СССР. Что еще важнее, РСФСР не имела собственной коммунистической партии во главе со своим Центральным комитетом. Региональные лидеры в РСФСР чувствовали, что не существует кого-то, кто защищал бы их интересы в высших эшелонах партии, когда заходила речь о соперничестве с другими союзными республиками, особенно по вопросам экономической политики. В 1926 г. Михаила Калинина поставили руководить специальной комиссией для проверки «хода строительства РСФСР, национальных республик и областных органов в РСФСР». Комиссия работала 9 месяцев и представила в Политбюро доклад, но никаких решений по этому докладу не было принято. Приближалось провозглашение первого пятилетнего плана, и власти желали усилить, а не ослаблять власть всесоюзных промышленных министерств³¹.

Русские оказывались, так сказать, сиротами в Советском Союзе. У них не было коммунистической партии, не было столицы, не было Академии наук, национальной энциклопедии, радио или телевидения, так как все это было всесоюзным. У них не было средств защищать собственные интересы, когда они сталкивались с интересами других национальностей. И все же при этом все поражения в правах подчеркивали сверхнациональный статус русских

как хранителя СССР в целом, их постоянную роль «старшего брата», что бы они ни думали о других «блудных сынах» Советского государства. Историк Юрий Слезкин удачно сравнивал Советский Союз с коммунальной квартирой, в которой у каждой национальности, кроме русской, была своя комната, а русские жили в прихожей, коридоре, на кухне и в ванной, они верховодили в квартире и путались у всех под ногами, но все равно не имели своего собственного угла³².

ОСТАТОЧНЫЕ РУССКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

Невзирая на все эти огромные трудности и несмотря на весь интернационализм большевиков, с самого начала непреодолимые факторы с неотвратимостью вели к тому, что в один прекрасный день Советский Союз так или иначе окрасится в русские цвета. Никуда не денешься, ведь, в конце концов, международная революция свершилась в России, а не в какой-нибудь другой стране. Как объяснял на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. сам Ленин: «Дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, они дали нам, русским трудящимся и эксплуатируемым классам, почетную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет далеко развитие революции; русский начал — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит»³³.

Значит, Ленин все еще рассматривал русский вклад в революцию лишь как предварительный. Однако военное поражение от немцев заставило ЦК большевиков в феврале—марте 1918 г. принять судьбоносное решение, которое сцементировало отношения между социалистической революцией и Россией. Перед молодым Советским государством стал выбор: оно могло пойти на то, чтобы дать немцам вторгнуться в Россию и оккупировать страну, после чего продолжать войну с оккупантами партизанскими методами, продолжая обращаться к германским рабочим с призывом к восстанию и свержению своих эксплуататоров. Такая стратегия была равносильна объявлению общеевропейской классовой борьбы — она вполне отвечала ленинской политике, которой он придерживался с октября 1917 г. и которую приветствовали так называемые левые коммунисты во главе с Николаем Бухариным³⁴. (Это, конечно же, поставило бы немцев в тяжелое положение, потому что им

пришлось бы решать сложнейшую задачу по оккупации такой огромной страны, как Россия, и одновременно вести войну на Западе.) Советская Россия могла пойти и по другому пути — сдаться немцам и подписать формальный мирный договор, отказавшись от перспективы немедленной мировой революции и сосредоточившись вместо этого на сохранении того, что еще можно было сохранить, от суверенной российской территории в качестве временно-го бастиона социализма.

Ленин пошел по второму пути. Сделав это, он превратил Россию в родину социализма, хотя бы на время. Он переформулировал первоочередные задачи партии, говоря о «нашей несгибаемой решимости добиться того, чтобы Русь, во всяком случае, перестала быть несчастной и бессильной и стала могучей и изобильной в полном смысле этого слова... Наши природные богатства, наши трудовые резервы и замечательный стимул, который великая революция дала творческим силам народа — это все, что надо для строительства подлинно могучей и изобильной Руси»³⁵. В этих словах зародыш того, что при Сталине стало «социализмом в одной отдельно взятой стране».

Это первое и пока еще не очень определенное восхваление России ограничивалось ее трудовым народом. До этого момента ни один русский социалист не выражал восторга по поводу Российского имперского государства. Тем не менее, победив в Гражданской войне, красные стали де-факто наследниками имперской России. Парадоксально, но в 1917—1920 гг. красные показали, что могут гарантировать выживание и целостность России лучше, чем царский режим, Временное правительство или белые. Они отразили иностранную интервенцию, которую в ряде случаев поддерживали белые, несмотря на весь свой имперский патриотизм и провозглашенный ими лозунг «За единую и неделимую Россию!». Когда весной 1920 г. поляки вторглись на Украину, красные пошли на временный и невероятный союз между социализмом и призраком имперской России. На протяжении веков поляки были естественными врагами России, столетиями оспаривая ее западные области, которые русские считали своими исконными землями. Оказать им сопротивление было долгом всякого патриота России, однако теперь так утверждали и красные, впервые соединив революционный натиск с русским национализмом.

8 мая 1920 г. Карл Радек, ни много ни мало секретарь Коминтерна, обратился к белым офицерам с призывом вступать в Крас-

ную армию по патриотическим мотивам. «Советское правительство, которое защищает территориальную целостность и независимость страны, населенной русскими... для честных белых офицеров это правительство, которое защищает российскую независимость... Наша гражданская война всегда была войной национальной. Эта война возвращала русскую землю в руки диктатора — рабочего класса. Она всегда была войной за независимость от ярма иностранного и местного капитализма»³⁶. Мы уже видели, что А. Брусилов и другие генералы старого режима, до того времени сторонившиеся коммунистов, отозвались на этот призыв.

Однако несовпадение взглядов все равно оставалось. Брусилов по-прежнему считал Ленина Антихристом, а большевизм «переходящей болезнью», так как «его философия интернационализма в основе своей чужда русскому народу... Коммунизм совершенно не понятен миллионам едва читающих крестьян, весьма сомнительно, чтобы они стали за него воевать. Если христианство не сумело сплотить народ за две тысячи лет, то как может коммунизм надеяться сделать это, когда большинство народа еще три года назад ничего о нем не слышало? Это может сделать только идея России»³⁷.

По существу, взгляды Брусилова выражали традиционный *российский имперский* подход, применительно к конкретному случаю и цели. Несмотря на это, он оказался мощным оружием. Тысячи офицеров действительно отозвались на обращение и вступили в Красную армию, причем в таком количестве, что это обеспокоило советских вождей. Эти настроения оказались прочными и пережили войну с Польшей. По меньшей мере первые два десятилетия советской власти «брусиловский» гибридный патриотизм — унаследованные великодержавные убеждения плюс вынужденное приспособление к коммунизму — был обычен для советской русской интеллигенции, в том числе армейских офицеров, хотя погон у них и не осталось³⁸.

В связи с ужесточением цензуры открыто сформулировать «брусиловские» взгляды внутри страны было невозможно. Как часто случалось на протяжении нескольких последующих десятилетий, более полную информацию о том, что происходит в России, и политические выводы из этой информации распространяли центры русской эмиграции. Самым оригинальным здесь стало евразийское движение. Впервые эти взгляды были сформулированы в сборнике статей, опубликованном в 1921 г. в Софии, и ставили под сомнение всю прежнюю ориентацию российской культуры. Евра-

зийцы утверждали, что Россия и Запад несовместимы и что политика соревнования с Западом, которой следовали последние два столетия бюрократия и интеллигенция, была ошибочной. Простые русские люди по своей материальной и духовной культуре на самом деле гораздо ближе к азиатским народам, с которыми их роднит общее происхождение в степях Евразии. По представлению евразийцев, большевики вызвали в стране бедствие именно потому, что перенесли из Европы на российскую почву еще одну разрушительную идеологию, но их успех лишь разбудит дремлющие в русском народе силы, и он в конце концов стряхнет с себя влияние Запада, под наслоениями которого дремлют подлинные народные инстинкты. Сама в прошлом колониальная империя — Россия поведет за собой освобождение других колоний от господства Западной Европы и откроет эру авторитарной власти, сильной религиозной веры и этнической толерантности³⁹.

Евразийство оказалось неожиданным и радикальным поворотом мысли для большинства мыслящих русских, даже для социалистов, также отвергавших либерализм и капитализм. Оно двигалось по альтернативному пути антизападничества. Долгое время оно оставалось изолированным эмигрантским течением и не находило отзвука в Советском Союзе. Только в 1980-х гг. оно стало играть видную роль в самоидентификации русских. Самое непосредственное влияние на распространение евразийства стали оказывать те, кто видел в Советском Союзе обновленную Российскую империю.

Во главе этой группы стоял Николай Устрялов, являвшийся председателем дальневосточного отдела ЦК кадетской партии. После окончательного поражения белых он бежал в Маньчжурию, оттуда в Прагу, где в 1921 г. издал сборник статей под названием «Смена вех»⁴⁰. В нем сводились воедино новые настроения примиренчества по отношению к коммунизму, которые получили распространение среди патриотов имперской России.

Центральный тезис, изложенный в статье самого Устрялова «Патриотика», сводился к мысли, что большевистская революция, несмотря на сложившееся о ней впечатление, была абсолютно русской по духу; Советский Союз теперь возьмет на себя традиционную роль России как великой державы, рассчитывают на это ее вожди или нет. По этой причине эмигрантам следует сотрудничать с новым правительством: «Противобольшевистское движение силою вещей слишком связало себя с иностранными элементами и поэтому невольно окружило большевизм известным нацио-

нальным ореолом... Советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром — во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же — во имя великой и единой России. При всем бесконечном различии идеологии практический путь — един...» Устрялов призывал русских эмигрантов согласиться, что русская культура нуждается в обновлении изнутри, а в тот момент, утверждал он, только советское руководство могло добиться такого обновления и вместе с тем восстановить российский статус великой державы: «И так как власть революции — и теперь только она одна — способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России, — наш долг во имя русской культуры признать ее политический авторитет»⁴¹.

Устрялов полностью отвернулся от либеральной политики предреволюционных лет. Он верил, что авторитарная природа Российского государства в новую эру стала позитивным преимуществом: «Формальная демократия переживает сумерки... История словно стремится воспроизвести некоторые черты государства просвещенного абсолютизма, только, конечно, в существенно новом выражении и в новую эру». Отсюда следовало, что у России есть все, чтобы идти вперед: «Новая эра, как никогда раньше, будет отмечена влиянием России и русской культуры». Россия должна быть «мощной, великой и устрашать своих врагов», потому что только сильное государство может породить великую культуру. Его возглавит «новая аристократия, по-своему народная и прогрессивная, аристократия черной кости и мозолистых рук». По своему мировоззрению Устрялов оставался на прочных христианских позициях, но утверждал, что христианство не имеет отношения к политике⁴².

В 1925 г. он доказал искренность своих воззрений, пойдя на работу в советское учреждение и став служащим на КВЖД⁴³.

Другой участник сборника «Смена вех», бывший октябрист Александр Бобрищев-Пушкин был еще решительнее в похвалах Советскому государству, и за его авторитаризм, и за его мессианство. Он утверждал, что величайшим достижением большевиков было то, что они передали собственность народу и тем самым создали прочную базу своей власти, которой не было у старого режима⁴⁴.

Сменовеховство, таким образом, признало поражение антибольшевистских движений. Как писал один из ее авторов: «Мы идем в Каноссу. Мы были неправы, мы ошиблись. Не побоимся же

открыто и за себя, и за других признать это». И все-таки в подоплеке признания ими своего поражения лежала мысль о том, что и большевики тоже просчитались и их революция привела не к мировой пролетарской революции, а к обновлению и усилению Российского государства. Большевизм — это «болезнь, но вместе с тем это закономерное, хоть и неприятное состояние нашей страны в процессе эволюции», из которой она выйдет укрепленной и набравшей новые силы⁴⁵.

События начала 1920-х гг., казалось, подкрепляли взгляды Устрялова и его коллег. Советский Союз, наконец, консолидировался почти в пределах старой Российской империи и начал постепенно приниматься другими державами в качестве ее преемника. К 1923 г. все другие попытки осуществить европейскую социалистическую революцию закончились провалом, а в СССР была введена новая экономическая политика, что означало, даже для России, временный отказ от немедленного построения социализма и восстановление некоторых форм частной экономической инициативы. В 1925 г. Бухарин даже призывал крестьян: «Обогащайтесь!», видя в этом вклад в строительство социализма. В 1924 г. Сталин, ставший генеральным секретарем РКП(б), начал отходить от ленинской идеи мировой революции и заговорил о возможности «социализма в одной стране»⁴⁶.

В те годы советская граница еще не была «на замке», и людской поток довольно свободно тек в обе стороны. Многие эмигранты поначалу собирались вернуться только после ожидаемого ими падения советского режима, теперь же, когда этого не случилось, они стали надеяться, что он все-таки станет терпимее и можно будет отправиться домой, в свою страну. Естественно, сменевеховство импонировало им. Точно так же многие армейские офицеры, служащие и интеллигенты в Советском Союзе хотели продолжать служить своей стране и народу под любым флагом, и они тоже надеялись, что советский режим мог бы оказаться просто Россией в новом наряде.

Этой надеждой жили и некоторые писатели. В 1922 г., например, Алексей Толстой писал: «Если у истории есть разум, а я верю, что есть, все, что происходит в России, сделано ради спасения мира... Нужно сделать все, чтобы помочь революции развиваться в направлении обогащения русской жизни, в направлении извлечения из революции всего доброго и всего справедливого... в направлении усиления России как великой державы»⁴⁷. Толстой ве-

рил, что коммунизм стал национальной судьбой России. В своем романе «Петр Первый» он нарисовал картину трансформации страны, которую она уже переживала прежде, «борясь с варварством варварскими методами», как любил повторять Ленин, а в романе «Хождение по мукам» он изобразил превращение декадента начала XX в. в истинного приверженца коммунизма⁴⁸.

В 1920-х гг. некоторые книги и журналы издавались одновременно и в Советском Союзе, и в эмиграции. Один из соавторов «Смены вех» Ю.В. Ключников (бывший профессор права Московского университета, член кадетской партии и министр колчаковского правительства) основал ежедневную газету, выходящую с 1922 по 1924 г. и в Берлине, и в Москве. Она называлась «Накануне» и какое-то время финансировалась советским правительством; газета безоговорочно поддерживала Советский Союз как Русское государство, которому, благодаря его интернационализму, в грядущие десятилетия было уготовано играть первостепенную роль в качестве великой державы. Ключников призывал белых эмигрантов возвращаться и укреплять свою Родину⁴⁹. Ежемесячный журнал «Новая Россия» (позднее просто «Россия»), редактировавшийся Исаем Лежневым, вел ту же линию и продолжал печатать Устрялова (когда его перестала признавать остальная пресса) наряду с весьма противоречивым прозаиком и драматургом Михаилом Булгаковым.

Ряд эмигрантов откликнулись на призыв. Один из ведущих геологов мира Владимир Вернадский еще до 1917 г. боролся за то, чтобы убедить царский режим отпустить средства на создание Комиссии по природным ресурсам России, поскольку был убежден, что без масштабных исследований такого рода Россия не сможет полностью использовать свои ресурсы, без чего невозможно будет поддерживать статус великой державы. У него тогда ничего не получилось, и после Гражданской войны он эмигрировал. Однако на Западе ему также не повезло получить необходимые для исследований значительные суммы, и в 1926 г. он принял решение возвратиться в Советский Союз. Вернадский ненавидел коммунистов, но надеялся, тем не менее, что российские правители полны решимости повысить свой международный статус и, располагая ресурсами беспрецедентно централизованного государства, смогут помочь ему так, как не сможет никто другой. Он думал, что коммунизм в конце концов окажется эфемерным, а преданность государства науке и экономическому развитию останется. В первом он ошибался, во втором оказался прав: советский режим и вправду предоставил деньги для его исследований⁵⁰.

Что касается самих советских вождей, то многие из них оказывали сменовеховству сдержанную поддержку. Не заглядывая далеко вперед, в тот момент Советским государством необходимо было разумно управлять, причем не только внутренними, но и международными делами, иначе большевистскую революцию ждал неминуемый крах. Государство нуждалось в «буржуазных специалистах», чтобы выполнять высококвалифицированную интеллектуальную работу, потому что для нее не имелось достаточно подготовленных коммунистов и рабочих. Если «буржуазные» мыслители, исходя из собственных соображений, были готовы поддерживать Советский Союз, их стоило принять в качестве временных союзников. Такую линию проводил Луначарский, утверждавший, что авторы «Смены вех» были «национал-либералами», осознавшими, что Коминтерн «служит интересам России как великой державы, завоевывая ей друзей и на Западе, и на Востоке среди миллионов угнетенных людей». Троцкий заметил по этому поводу, что они приближаются не к коммунизму, а к Советскому государству «через ворота патриотизма», приходя к заключению, что никто не сможет защитить единство русского народа и его независимость от внешней угрозы в современных исторических условиях, кроме Советского государства. Он предлагал распространять журнал «Смена вех» среди белоэмигрантов-военных⁵¹.

Другие советские вожди относились к журналу не столь благожелательно, опасаясь, что его сторонники, в случае если их станет много и они наберут силу, смогут совратить революционный режим с пути истинного. Ленин отпустил в адрес «Смены вех» довольно двусмысленный комплимент, когда признал, что сторонники журнала предупреждают об опасностях, которые, возможно, смогут материализоваться, если коммунисты ничего не будут предпринимать для борьбы с ними⁵². Среди противников журнала выделялся Григорий Зиновьев, который в качестве руководителя Коминтерна выступал *ex officio* от имени международного измерения революции. Писатель Максим Горький также выступал против них: он не любил русское крестьянство и боялся, что возрождение русского национализма может означать готовность допустить, чтобы крестьянство взяло за горло экономическое развитие страны. Точно так же руководители нерусских республик не хотели, чтобы влияние «Смены вех» усиливалось, из опасения, что это укрепит интересы русских за счет других народов СССР⁵³.

Сталин, как это часто бывало, занял срединную позицию. На XIV съезде партии он одновременно и принимал позицию Устрялова, и призывал к осторожности: «Сменовеховство это идеология новой буржуазии, которая растет и стыкуется с кулаками и трудовой интеллигенцией. Оно исходит из того, что коммунистическая партия обязательно переродится, а новая буржуазия консолидируется, и мы, большевики, сами того не замечая, обязательно подойдем к порогу демократической республики, а затем переступим через него и наконец с помощью какого-нибудь новоявленного “Цезаря”, возможно военного, а, возможно, и гражданского, увидим, что превратились в самую ординарную буржуазную республику... Устрялов автор этой идеологии, он работает на транспорте. Говорят, работает хорошо. Думаю, что, если он работает хорошо, то пусть себе мечтает, что наша партия переродится. Мечтать в нашей стране не запрещается... Но пусть знает, что, мечтая о нашем перерождении, он должен одновременно лить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему будет плохо»⁵⁴.

Это значит, что Сталин был согласен пойти на сотрудничество при определенных условиях и для достижения ограниченных тактических целей. То же имел в виду и Устрялов.

Одновременно Сталин фактически вносил серьезные изменения в ленинизм, хотя делал это осторожно, подавая свои мысли как безукоризненно ортодоксальные. Ленин (и еще более Троцкий) всегда настаивал на том, что русская революция являлась началом мировой революции, и никогда серьезно не подходил к вопросу о том, что будет с ней, если ни одной крайней левой партии за пределами России не удастся взять власть. К 1924—1925 гг., спустя целых 7 лет после Октябрьской революции, по-прежнему не существовало ни одного другого европейского социалистического государства, вопрос оставался открытым, и решать его требовалось незамедлительно. По поводу точки зрения Троцкого Сталин язвительно бросил: «Поскольку никаких успехов на Западе не наблюдается, русской революции не остается ничего другого, кроме как либо увянуть, как винограду на стебле, либо переродиться в буржуазную республику». Как он не преминул состричь, это была «теория перманентной безнадежности». Сталин, наоборот, утверждал, — и это стало одним из главных поворотных пунктов в эволюции русского социализма, — «социализм в одной стране» был вполне возможен, при наличии воли для достижения

цели и при поддержке рабочих и социалистов в других странах, а в последнем можно не сомневаться⁵⁵.

Уже в 1920-х гг. мы видим роковой парадокс. Советское государство предано идее интернационализма, что подразумевало активную дискриминацию так называемого «шовинизма» русского народа. Им была создана Российская республика, самая большая, но вместе с тем и самая слабая из всех союзных республик. И в то же время новое государство с большой неохотой и только из соображений целесообразности постепенно все больше ассоциировало себя с российским имперским мышлением. Это противоречие не могло вызревать бесконечно. «Русский вопрос» был глубоко запрятым, но смертельно опасным дефектом в структуре СССР. Советские лидеры так и не сумели ликвидировать его до того, как он ликвидировал их.

Глава четвертая

РОССИЯ ПРОТИВ РОССИИ

В конце 1950-х гг. после смерти жены, с которой он жил с 1895 г., старовер Сергей Александрович Воронов продиктовал сыну свою автобиографию. Последняя страница описывает всю одежду, которую жена сшила за последние месяцы жизни для него и внуков, и завершается словами: «Всего раба Божия Евдокия прожила в этом мире 81 год и 8 месяцев. Со мной она прожила 62 года и 5 месяцев. Я, раб Божий Сергей, остался в этом мире живым в своем теле со многими грехами, и я прошу прощения у Господа Бога за мои прегрешения. Раб Божий Сергей». К моменту, когда он рассказывал свою историю, такая глубочайшая набожность, какая была у него, стала исключительной редкостью. Он сохранял ее всю свою долгую жизнь, полную испытаний и несчастий, о самых тяжелых из которых он рассказал сыну: «Зимой 1930 года нас раскулачили. Наш дом сдали в казну, землю передали коммуне. Нам велели освободить дом. Тогда мне было 55 лет, моей жене было 53, моей матери 80, нашим сыновьям 17, 7 и 5, дочерям 15 и 13. Всего нас было 8 человек. Как нам приказали, мы ушли из нашего дома. Мы собрали что осталось у нас и перебрались в дом нашего сына Евсея. В феврале 1930 года нас с сыном послали валить лес. Мы проработали там до 15 апреля. Потом мы вернулись домой. В сельсовете нам сказали: “Тебе дали лошадь и корову, а твоему сыну лошадь. Вот ваш план посева”. Нам выделили землю далеко от деревни и очень заброшенную. Лошадь была одна из наших, старая кобыла. Мы выполнили посевной план и стали готовить пары. Тогда моя старая кобыла заболела и умерла. Они ее осмотрели и приказали снять шкуру и сдать в казну. Мясо закопали. На этом наше задание кончилось. Больше не было нашего хозяйства. У меня не было работы и не к кому было наняться. Я решил перебраться к знакомому на станцию в Бирокане около Хабаровска, чтобы поискать там работы и место, где жить»¹.

За сухим, немногословным языком рассказа Воронова скрывается невероятность происшедшего с ним: разрушение его дома, его семьи, его хозяйства, всего уклада его жизни. Разорение сельской России в начале 1930-х гг. было кульминационным пунктом столкновения между двумя Россиями — Россией крестьян и Россией нового коммунистического правящего класса. После потрясений революции и Гражданской войны в деревню с введением НЭПа на несколько коротких лет вернулась нормальная жизнь. Но даже это время было омрачено тяжелыми предчувствиями. Коммунисты и крестьяне сотрудничали, добиваясь общей цели — экспроприации помещиков, но помимо этого они ни в чем другом не находили общего языка. Они жили в двух совершенно разных духовных мирах. Коммунисты были оптимистичны, дышали энергией, смотрели вперед и были уверены в будущем. Крестьяне всегда держались настороже, были склонны к пессимизму и боялись «темных сил». Для них время представлялось циклической сменой удач и ударов судьбы.

Сельское время измерялось циклическим ритмом дня и ночи, сельскохозяйственных работ и сменой трудовых будней и праздников. Помимо Рождества, Пасхи, Троицы, последнего дня Масленицы, крестьяне праздновали дни своих любимых святых, среди которых чаще всего почитались святой Георгий, святой Николай и пророк Илия. Накануне праздников жители деревни готовили специальные угощения и гнали самогон, чтобы в сам день праздника после церковной службы можно было собраться вместе, выпить и поговорить о деревенских делах и вообще обо всем, что есть в мире. Это также был повод собраться всей семьей, пригласить соседей и знакомых из ближайших деревень и посидеть за столом. Часто под вечер праздничного дня начинались танцы, песни, молодежь собиралась вместе и гуляла по деревенским улицам. Коммунисты пытались запретить праздники, которые выпадали на рабочие дни, отучить людей от пьянства, которое нередко приводило к хулиганству и дракам или обострению раздоров между деревенскими кланами. Впрочем, все их увещания кончались ничем — крестьяне считали, что поведение в праздники подчинялось своим законам².

Немногочисленная сельская милиция была просто не в силах справиться с незаконным самогоноварением, драками и жалобами на сексуальные домогательства, которые она должна была расследовать. Что касается коммунистов, то их на селе было мало. В Тверской губернии в среднем приходился один член партии на каждые

5—7 селений, и это были вовсе не крестьяне, а учителя или ветеринары. Даже если они проявляли активность и были настроены решительно, все равно они были отрезаны от «настоящего» Советского Союза километрами утопавших в грязи деревенских дорог при весьма ненадежном деревенском транспорте — лошади и телеге. В то время очень немногие имели моторизованный транспорт или телефон, чтобы преодолевать оторванность деревенской жизни от остального мира³.

Новый сельский Совет, который в 1917—1919 гг. недолго являлся реальной властью на селе, уступил место традиционному сельскому *сходу*, который теперь снова набрал силу. Все вопросы деревенской жизни он мог, наконец, решать без вмешательства помещика. Деревня возвратилась к старому укладу, и старики оттеснили от решения общественных дел женщин и молодежь, игравших серьезную роль в сельсоветах в 1917—1919 гг., и вернули себе прежнее традиционное влияние. С точки зрения партии сход был раздражающим пережитком прошлого с его неторопливыми пересудами о местных делах, его зашоренностью и ограниченностью интересов, вращавшихся вокруг хозяйства и деревенских событий, с его твердолобым нежеланием думать о каких-то новшествах. Более того, он символизировал деревню как единую структуру, возглавляемую представителями «лучших» семей, а не как потенциальный форум для классовой борьбы «бедняков» с «кулаками»⁴.

Ликующие мечтания и мрачные предчувствия обратились в похмелье после возбуждающего и одновременно приводящего в ужас периода революции и Гражданской войны. В Винницком уезде на Украине селяне поговаривали о Страшном суде и оживших мертвецах. Ходили слухи, что в Таштыпском уезде Сибирского края в 1926 г. одному крестьянину явился Бог и тот крестьянин обещал, что 19 июня передаст всем собравшимся крестьянам послание свыше. Собралось несколько тысяч человек, и крестьянин сказал им, что через 47 лет наступит конец света, если они веруют в Бога, или через 27 лет, если их сердца останутся закрытыми для Него. На месте, где он обращался к толпе, поставили крест, и несколько лет люди стекались к нему как на паломничество⁵.

Тем не менее наступил недолгий период нормального течения жизни. Виктор Петрович Беляев, родившийся в 1923 г. в селе Шелекша Костромской губернии, в своих мемуарах описал, как в его детстве происходили сельскохозяйственные работы. Для него деревня была сложным организмом, связанным с большим миром

отнодю не только при помощи сельского хозяйства: «Вернувшись с весеннего сплава, большинство крестьян начинали сеять, другие до сенокоса занимались плотничаньем, ближе к зиме кое-кто валил лес, кое-кто занимался извозом. Часть селян уходили в Кологрив [ближайший уездный город. — Дж.Х.], Кострому, Москву, Петроград, Нижний Новгород. Мужчины находили работу на почте, в больницах, частных лавках или пекарнях, а девушки обычно нанимались в прислугу»⁶.

Все еще широко было распространено кустарное производство. Кузнецы ковали подковы, печники клали печи, сапожники тачали сапоги, обслуживая деревни в ближайшей округе. Более древние ремесла изготавливали у себя в мастерских, к примеру, прялки и потом поставляли их в более отдаленные места по железной дороге или по воде. Эти ремесленники занимали место посередине между домашним и крупным промышленным производством, они применяли средства технической революции для улучшения жизни и быта деревенских жителей. Развитие кустарного производства достигло зенита в первые 30 лет XX в.⁷

Одно коммунистическое новшество было встречено в деревне с одобрением. В 1920 г. Чрезвычайная комиссия по борьбе с неграмотностью открыла общенациональную кампанию, получившую название *ликбез* (ликвидация безграмотности). Научиться читать и писать было объявлено долгом каждого гражданина РСФСР в возрасте до 50 лет. Отчасти эту задачу выполняла растущая сеть начальных школ: в 1923 г. было введено обязательное четырехлетнее обучение для всех детей. Грамотных людей в деревнях побуждали открывать для взрослого населения *ликпункты* (пункты ликбеза); в экспроприированных у кулаков домах открывали избы-читальни, куда желавшие научиться грамоте могли приходиться по вечерам или в зимние дни. Вот как описывала это одна молодая крестьянка из Тамбовской губернии Тамара Кудерина-Насонова: «На столах были всегда разложены кипы брошюр, плакатов, тоненьких книжечек политического содержания, которые мы зачитывали до дыр и которые хорошо раскрывали нам глаза... Часто организовывались вечера “вопросов и ответов” — в то время это был обычный способ организации массовой политической работы. И там возникало множество вопросов. Было такое впечатление, что люди вдруг внезапно прозревали, терли глаза и пытались понять, где они и как туда попали»⁸.

Столько пережив после 1914 г., крестьяне, особенно молодежь, естественно желали лучше разбираться в мире, в котором теперь жили. Революция и Гражданская война многому их научили, но в то время было не до школьных классов, и многие молодые люди сильно отстали от городских сверстников. Большинство из них с энтузиазмом ухватились за возможность найти свое место в жизни, и партия постаралась снабдить элементарные книги для чтения солидной долей политической пропаганды. Изучая азбуку, крестьяне узнавали, как был свергнут царь, экспропрированы помещики и установлено всеобщее равенство. Они узнавали намного больше и о том, как жить цивилизованно. Когда в конце 1920-х гг. в России побывал Теодор Драйзер, он писал, что повсюду видел плакаты, «убеждавшие (но никогда не приказывавшие) людей делать это и то: от причесывания волос до прихлопывания мух, чистки коровников и мытья молочных бидонов и молочных бутылочек для грудных детей, проветривания комнат с больными людьми, пахоты тракторами, удобрения земли правильными удобрениями, строительства из правильных досок, питания правильной пищей»⁹.

Перепись населения 1929 г. показала, что 87,4% населения в возрасте от 9 до 49 лет умели читать (93,5% мужчин, 81,6% женщин). Это было значительное достижение, если учесть, что в 1897 г. соответствующие показатели составляли 28,4% (40,3 и 16,6), а в 1920 г. — 44,1% (57,6 и 32,3), в 1926 г. — 56,6% (71,5 и 42,7). Самый большой прогресс, особенно среди женщин, отмечался в конце 1920-х и 1930-х гг. Впрочем, это с неизбежностью приводило к тому, что многие люди, особенно молодежь, почувствовав себя грамотными, устремлялись из деревни в город, так что в некотором отношении этот успех даже ухудшал положение. Возможно, по этой причине во время коллективизации ликвидаторы неграмотности оказывались среди тех, на кого крестьяне нападали, считая их частью общего плана посягательства на сельскую жизнь¹⁰.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Коллективизация сельского хозяйства означала всестороннее и целенаправленное уничтожение крестьянского образа жизни. Но коммунисты считали, что это делается для блага самих крестьян. Лев Копелев вспоминал, как во времена его работы партийным активистом на селе он «был убежден, что мы были солдатами не-

видимого фронта и вели борьбу с кулацким саботажем за хлеб, необходимый для пятилетки. За хлеб прежде всего, но также за души крестьян, закостеневших от невежества и низкой политической сознательности, поддавшиеся вражеской пропаганде и не осознающие великой правды коммунизма»¹¹.

Вековая «сельская община» — центр крестьянской общественной жизни и центр принятия решений — была упразднена постановлением ЦИК СССР 30 июля 1930 г. Многие из ее авторитетных членов — старосты, волостные судьи, «лучшие люди» были объявлены «кулаками» и высланы. Точно так же были закрыты рынки и ярмарки (форумы торговли и общения) под предлогом, что они служат частному капиталу. Возможно, самый деморализующий эффект произвело закрытие церквей, многие из которых были разрушены или переданы для светских нужд — под склады, клубы, кинозалы. Священнослужителей арестовывали, впрочем, многим удалось скрыться, стать подпольными «бродячими» священниками, отправлявшими службы для прихожан в подвалах, частных домах или в глубине лесов. Закрытие церквей нередко сопровождалось символическим осквернением. Иконы изымались, был даже случай, когда их поставили к стенке и «казнили», расстреляв из винтовок, а перед этим на каждой иконе надписали, какой святой был приговорен к смертной казни за «сопротивление колхозному строительству». Колокола, чей перезвон был священным голосом деревни и защитой от злых духов, наваждений и эпидемий, снимались; иногда они просто сбрасывались с колокольни и с грохотом разлетались на куски при ударе о землю, чтобы потом их увезли на переплавку для выполнения пятилетнего плана¹².

Не всегда нажим шел со стороны. Бедняки, младшие сыновья и отслужившие в Красной армии крестьяне, обзаведшиеся там политическими связями, видели для себя в колхозах новые перспективы. Коллективное хозяйство, утверждает В.П. Беляев, поначалу не воспринималось всерьез: «Но немало молодых людей из деревни поддались влиянию большевистской пропаганды. И все-таки тогда, когда создавались колхозы, решающим фактором было прямое давление власти, в котором убеждение и обещания соединялись с неприкрытым применением репрессий к противникам колхозов»¹³.

Иногда крестьяне оказывали пассивное сопротивление, молча сидели на собраниях, когда должно было приниматься решение о создании колхоза или о том, кто подлежит высылке как кулак.

Бывало и так, что они применяли другую стратегию, задавали бездну вопросов или всем залом кричали и не давали вести собрание. Если колокола еще не были сняты с церкви, то начинали бить в набат, кто-нибудь кричал: «Пожар!» — и закончить собрание не удавалось. Часто зачинщиками выступали женщины. В деревне Танеевка в Татарии женщины набросились на членов сельсовета, которые хотели закрыть церковь и отправить колокола на переплавку. Под лозунгом «Колоколов не отдадим!» и «Не нужны нам трактора и колхозы!» они даже образовали на какое-то время собственное правление¹⁴.

В марте 1930 г. в селе Большие Ящики в Центральном Черноземье кто-то пробрался в церковь после того, как ее закрыли, и ударил в колокола, собирая жителей села. Они потребовали распустить недавно созданный колхоз, снова открыть церковь, вернуть раскулаченных, отдать обратно отобранное имущество и открыть для всех общинный лес. Часть толпы кинулась выкидывать из домов раскулаченных тех, кто в них поселился. Другие, вооружившись кольями, стали угрожать секретарю комсомольской ячейки. До прибытия подмоги их сдерживали только угрозы применить оружие¹⁵.

Для многих хозяйств самым сильным психологическим ударом была передача их скота в колхоз. Особенно болезненно переживалось расставание с лошадью: «Помню, что прощание с нашей лошадью было самым тяжелым событием в нашей семье. Мы теряли не только главного производителя в хозяйстве, но еще и живое существо, без которого мы все осиротели. Первое время лошади, отданные в колхозную конюшню, по привычке возвращались с луга к своим хозяевам. Бывало, наш Пеганко днем забредал к нашей избе, потому что выпас был совсем близко, просовывал голову в открытое окно, и моя мать давала ему кусок черного хлеба, посыпанного солью»¹⁶.

Анна Никитична Черниченко, которая тогда была тринадцатилетней девочкой в сибирской деревне, также вспоминала, как ее любимая лошадь Звездочка прибежала из колхозной конюшни к ним на двор. «Кто-то из соседей крикнул: “Смотри-ка, ваша лошадь! А что это у нее с глазом?” Я глянула и увидела, что у Звездочки один глаз болтается на ниточке. Мама упала в обморок. У нее всегда было слабое сердце, но тогда у нее был первый приступ, и он оказался очень серьезным... После этого она стала инвалидом»¹⁷.

Самый большой ущерб для будущего деревни принесло так называемое «раскулачивание», с помощью которого большевики

«избавили» село от «богатых» крестьян. Все началось с обложения тяжелыми налогами. Один житель деревни, располагавшейся недалеко от Пензы, вспоминает: «Помню, как мой отец со слезами на глазах выгребал из амбара последнее зерно, оставленное на пропитание и семена. Не успевал крестьянин заплатить один налог, как тут же его облагали новыми. И так несколько раз подряд»¹⁸.

Когда налоги уже нечем было платить, приезжал с обыском уполномоченный. Одна женщина так описывала его приезд: «Я помню, пришли трое. Один в кожанке с кожаным ремнем — уполномоченный из города, второй — бедняк из комсомола, третий — из сельского совета. На боку уполномоченного висела кобура с револьвером. Они пришли искать зерно. Они заглянули под печь и под кровать, там нашли маленький самодельный сундучок из фанеры. Это был сундучок с моим “богатством”. Они принялись вытаскивать из сундучка мое постельное белье и платья и швырять прямо на пол, я до смерти перепугалась, мне показалось, что они хотят забрать мои платья, я кинулась на них, схватила свой сундучок и закричала, чтобы они мне все вернули»¹⁹.

Сергей Воронов, рассказом которого открывается эта глава, был одним из кулаков, которым «повезло» и они не были выслааны. Те же, кого сослали, пережили еще большую трагедию, когда их везли в нечеловеческих условиях, чтобы поселить в совершенно непривычных местах. Вот один рассказ о пережитом: «Нас погрузили, как скот, по сорок человек в вагон. В вагоне стояли железные печки. Там было все вместе, столовая, и спальня, и туалет — все управлялись в открытую дверь на ходу поезда. Ее немного загородили матрасами. Девушки очень стеснялись пользоваться таким “туалетом”... Мы ели то, что захватили с собой, но пить было нечего, и особенно плохо было маленьким детям. Дома им дали бы молока от коровы, а теперь у нас ничего не было»²⁰.

Только с февраля по май 1930 г. были выслано более 100 тыс. кулацких семей, по большей части из различных районов Северного Кавказа, Украины, Белоруссии, центрально-черноземных областей и Нижней Волги — в общем, из самых плодородных и хлебородных губерний. Многие во время перевозки умерли от холода, голода, обезвоживания и отсутствия медицинской помощи. Их трупы просто выбрасывали из вагонов на остановках. Жертвы были столь значительны, что один постсоветский историк обвинил большевистскую власть в «геноциде»²¹.

Такие истории были обычны. В 1933 г. начальник Сиблага (Сибирских лагерей) писал своему начальнику, что 3—4% транспортируемых осужденных умирало в дороге. Он утверждал, что причиной такой высокой смертности было то, что, вопреки инструкциям, перевозилось много больных и стариков и они не были обеспечены на дорогу достаточным количеством продовольствия и воды²².

Когда их привезли в Вологодскую область, так называемого кулака Антона Лисечко разлучили с женой и детьми, которых поместили в бывший монастырь: «Место, где жили моя Ксения с детьми, я могу назвать только лагерем смерти. Никто не считал, сколько там умерло детей, стариков и здоровых людей». Двоих детей потом отослали к родственникам. Антона отправили дальше и высадили на берегу реки: «На берегу стояли избы, во всяком случае, скелеты от изб. На снегу, без стен, торчали стропила и балки высотой метров шесть и шириной метров восемь. Крыша была покрыта тонким слоем соломы. Там нас и оставили. Было страшно холодно. Здание было восемнадцать метров в длину, и, сколько ни сжигай дров, две железные печки с длинными железными трубами не могли прогреть помещение. Со всех сторон сквозило»²³.

Ссыльных обычно отправляли подальше на север или на Урал, в Сибирь и Казахстан. Там их не помещали в тюрьму, они просто должны были регулярно отмечаться в местном отделе НКВД. Предполагалось, что они будут работать в тех отраслях промышленности, где ощущалась нехватка рабочей силы: на лесозаготовках, в рыболовстве, на шахтах, в сельском хозяйстве, строительстве. Остальных предоставляли самим себе, и они должны были сами искать работу в местной промышленности, розничной торговле, сельском хозяйстве, где угодно.

Одна женщина, сосланная в Кустанайскую область на север Казахстана, рассказывает, что ее высадили из грузовика вечером, посреди заснеженной степи. Она думала, что ее со спутниками бросили умирать в этой пустыне, когда вдруг появился директор местного совхоза. Он посетовал, что среди них много стариков и больных и мало физически крепких рабочих. Потом он распределил их на ночлег по крестьянским домам, которых они не разглядели, настолько они были засыпаны снегом. Им велели на следующее утро явиться в контору совхоза. «Там, — вспоминает сосланная, — нам сказали, что не собираются кормить нас или предоставлять жилье, мы должны были сами об этом заботиться. Нас отправили рубить деревья (саксаул, дерево с очень твердой древесиной, рас-

тушее по берегам больших озер и рек) и чистить скотный двор. За кусок хлеба и миску супа мы трудились с раннего утра до позднего вечера, как рабы. Подходящей одежды у нас не было, и мы быстро уставали. Люди постарше стали болеть и умирали»²⁴.

РЕАКЦИЯ КРЕСТЬЯН НА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ

Еще в декабре 1929 г. некоторые крестьяне начали протестовать против жизни в новом колхозе. Группа из около 40 крестьян Минского округа Белорусской ССР написала письмо председателю Совнаркома А.И. Рыкову, в котором заявляли: «Мы никогда не думали, что советская власть будет так нас угнетать... Нас заставляют вступать в коллективы, а если кто-то не хочет, у него отбирают землю... Если советские власти не изменят курса, то будет очень плохо, крестьяне уже начинают убивать друг друга, а если нам придется жить в коллективах, то будет еще хуже. Начнется сплошное смертоубийство, потому что мы не привыкли жить в бараках. Каждый старается жить для себя, а теперь мы должны все сдавать государству, почти как бы возвращаясь к барщине. Мы очень обрадовались, когда нас освободили от барщины, а теперь советские власти восстанавливают ее. Разве это справедливо?»²⁵

Почти все, связанное с колхозом, было незнакомо и отталкивало крестьян.

Они привыкли иметь свой скот, свои хозяйства, свои наделы общинной земли, работать своими орудиями и в удобное для себя время. Теперь у них отобрали весь скот, статус их домашних хозяйств был непонятен, земля была государственной собственностью, и они должны были работать на ней по приказу и в назначенное время.

Крестьяне истолковывали это явное посягательство на их образ жизни, даже на самые их жизни, с позиций космологии, унаследованной от предков. Всего одно поколение тому назад они обсуждали политические программы и голосовали на выборах в Государственную думу. Теперь же их отбросили в мир средневековой эсхатологии²⁶. Казалось, для них ожили образы Апокалипсиса. «Советская власть не от Бога, а от Антихриста», — говорили крестьяне. И еще поговаривали, что те крестьяне, которые добровольно вступили в колхозы, будут помечены знаком зверя и в Судный день прокляты. Деревенская частушка предупреждала:

Ой вы, братья! Ой вы, сестры!
 Не ходите вы в колхоз...
 Антихрист трижды вас пометит.
 Один раз в руку, второй — в лоб,
 Ну а третий — на груди.
 Коли в Бога верите,
 Не вступайте вы в колхоз...
 А уж коли вы в колхозе,
 Ой, сестренки, уходите...²⁷

Официальным заявлениям и средствам массовой информации верить было нельзя, и всюду разгулялись слухи, помогая крестьянам испытывать ощущение общности, указывая врага, которому нужно сопротивляться. В Ивановской области, на Урале и в Чувашии предсказывали «Варфоломеевскую ночь». Повсюду перешептывались о великой крестьянской жакерии или войне, в которой советский режим будет сброшен — по разным версиям — англичанами, поляками, китайцами или японцами. «Придет римский папа, правительство падет, и все коммунисты и колхозы раздавят» — так гласило еще одно пророчество. Другие были реалистичнее: «Заберут у бедного крестьянина последнюю корову, это не советская власть, а воровская и грабительская»; «Колхоз — это барщина, второе крепостничество»; «Мы будем вечными рабами».

В одном пророчестве, ходившем на Северном Кавказе, переплетались самые разные крестьянские кошмары: «В колхозе будет специальное железное клеймо, все церкви закроют, молитву запретят, мертвых будут сжигать, крещение детей запретят, инвалидов и стариков поубивают, не будет мужей и жен. Все будут спать под стометровым одеялом. Красивых мужиков и баб возьмут и свезут в одно место, чтобы рожать красивых людей. Детей отберут у родителей, будет всеобщее кровосмешение — братья будут жить с сестрами, сыновья с матерями, отцы с дочерьми и т.д. Колхоз — это звери в одном стойле, люди в одном бараке»²⁸.

Здесь переплелось множество мотивов: антирелигиозная кампания, семейная реформа, евгеника, половая аморальность, отмена собственности, утрата индивидуальности. Все это прямо или косвенно отражало политику, которую проводил режим. Коммунисты говорили, что все эти придумки исходят от попов, кулаков или «несознательных баб». Но многие слухи имели под собой реальную почву. Немало было и вполне обоснованных страхов: голод, высыл-

ки, избиения, возвращение крепостного права. Более того, они отражали неоспоримый факт, что создававшаяся обстановка была порождением схватки, которая представлялась борьбой абсолютного добра с абсолютным злом. Распространявшие эти слухи бродяги, нищие и юродивые были теми людьми, жизнь которых в результате всей этой катавасии была безнадежно перевернута вверх дном.

Женщины были главными носителями деревенской памяти и поборницами «моральной экономики». Среди них также было гораздо больше тех, кто регулярно ходил в церковь. Многие мужчины годами воевали на фронтах или зарабатывали деньги на заводах, женщины же, в подавляющем числе, всю жизнь проводили в своей деревне или неподалеку от нее, впитывая материнский опыт, знания, обычаи и традиции и передавая их дальше. Уничтожение традиций было для них намного болезненнее, чем для их мужей и сыновей. Кроме того, им меньше грозили наказания за нарушение дисциплины, так как власти (что бы они там ни говорили об эмансипации) считали женщин в принципе менее «сознательными», даже аполитичными. Им было удобнее сбрасывать со счетов женскую оппозицию, так как это преуменьшало размах и значимость крестьянского сопротивления²⁹.

Во всем этом, однако, мы не находим один из существенных элементов крестьянской эсхатологии. Начисто отсутствовал образ народного претендента на власть. Сталина, возможно, воспринимали как агента Антихриста, но ему не противостоял никакой «настоящий царь», который должен был бы взять на себя роль вождя и поднять народное восстание. Почему было так, можно только гадать. Может быть, главную роль сыграла десакрализация монархии, которая закончилась всего лишь десятком лет назад. Крестьяне больше не возлагали надежд на «святого князя», который восстановил бы низложенную династию — Романовы были полностью дискредитированы и перестали восприниматься как носители Божьей благодати.

На самом ли деле крестьяне верили в собственные мифы? Мы этого не знаем, но, во всяком случае, рассказы об Апокалипсисе помогали мобилизоваться для сопротивления коллективизации. Часто сигналом к выступлению служило закрытие церкви или арест священника. В селе Кимры Московской губернии священник произнес проповедь, предупреждая, что «приближается конец света. На землю пришел Антихрист. Приходите в церковь. Завтра я выступлю с последней проповедью». На следующий день собралась большая толпа, чтобы не дать арестовать священника³⁰.

Случалось, сопротивление крестьян принимало насильственные формы. Обычно столкновение завязывалось в момент, когда начинали защищать кулака, намеченного к высылке, или не давали забирать зерно или скот. Поскольку у крестьян было только самое примитивное оружие, они старались уклоняться от вооруженного столкновения. Но у них было одно преимущество — как правило, на местах их всегда было намного больше, чем их противников, которые не имели возможности сразу вызвать подкрепление. Часто достаточно было только предупреждения или угроз, и уполномоченные прятались или на время уезжали. Но если они продолжали искать зерно или задерживать так называемых кулаков, крестьяне могли сбежаться большой толпой, вооружившись хотя бы вилами или камнями, а то и со старыми охотничьими ружьями. В деревне Черепеха на Средней Волге в марте 1930 г. собралась толпа с требованием вернуть конфискованные домашние вещи и разгромила школу колхозной молодежи. Толпа выгнала бедняков из реквизированных домов и вернула их прежним хозяевам. В феврале 1930 г. в селе Началове Астраханской области толпа, вооруженная несколькими винтовками, напала на здание сельсовета, где забаррикадировались местные начальники, и убила шесть человек из них. В селе Сальск на Северном Кавказе толпа, численность которой оценивалась по-разному, от нескольких сотен до нескольких тысяч человек, штурмовала здание сельсовета и захватила конфискованное имущество, их примеру последовали соседние деревни. В конце концов для восстановления порядка пришлось присылать подразделения Красной армии. В Бийске на Алтае мятежникам удалось захватить арсенал и отделение милиции и освободить всех заключенных из тюрьмы. И сюда пришлось направлять войска, чтобы покончить с беспорядками³¹. В целом же крестьянское сопротивление, хотя оно и получило широкое распространение, успеха не имело, поскольку некому было его возглавить, у мятежников не было оружия и отсутствовала какая-либо организация.

Особенно много столкновений имело место на Украине. В 1930 г. приблизительно 30% «кулацких» выступлений, о которых докладывало ОГПУ, происходили в Украинской ССР, и 45% из них произошли в самом критическом месяце — марте 1930 г. Другими районами, где наблюдалось много мятежных выступлений, были Северный Кавказ (7,7%), Центральное Черноземье (10%) и Нижнее Поволжье (7,3%). Все три района находились в РСФСР, но на

границе с Украиной, и в них проживала значительная доля украинского населения³².

Что было еще хуже с точки зрения властей, мятежники сочетали сопротивление коллективизации с националистическими требованиями. Так, например, листовка из села Штримбах Крутянского района УССР провозглашала: «Граждане, долой бандитские банды, долой злодейских коммунаров. Да здравствует Украина! Селяне, готовьтесь к борьбе с большевизмом. Украина отходит от России». Прокламация из Рогачей Бердичевского округа добавляла еще один объект этической нетерпимости: «Братья крестьяне, все мы страдаем под угнетением панов коммунистов. Они грабят нас. Мы голые... Боритесь с коммунистическими жидами. Сбросим его (sic!) с власти, не верьте ему, он сидит на наших спинах, он преследует нас, он ест наш хлеб!»³³

Среди злейших врагов коллективизации были кубанские казаки. В 1920-х гг. им дали статус национального меньшинства, так как, несмотря на то что они жили на территории РСФСР, они говорили на диалекте, который был ближе к украинскому, чем к русскому языку. Им разрешили открывать украинские школы и организовать собственные училища, в которых учились украинцы-неказаки, жившие на Северном Кавказе или в близлежащих районах. У многих коммунистов были сомнения относительно таких уступок казакам, не в последнюю очередь потому, что кубанские казаки играли важную роль в Белом движении во время Гражданской войны. Эти сомнения еще не успели развеяться до того, как в области стали проводить коллективизацию, вызвавшую яростное сопротивление казаков. В феврале 1930 г., например, штаб Северо-Кавказского военного округа докладывал, что в нескольких районах в результате «кулацкой агитации» «толпы крестьян по 200—300, иногда до 500 человек, преимущественно женщины, срывают собрания по коллективизации, избивают представителей местной власти и активистов при описи кулацкого имущества, громят места сосредоточения отобранного кулацкого имущества, раздавая его обратно кулакам, освобождают арестованных кулаков и т.п.»³⁴.

И на Украине, и на Северном Кавказе Гражданская война проходила с особой жесточенностью, и там казаки воевали на стороне не как белых, так и украинских сепаратистов. Поэтому не приходится удивляться тому, что советское руководство было склонно рассматривать крестьянское сопротивление в тех местах как возобновление гражданской войны или как подготовку к польскому

вторжению. В конце лета и начале осени 1932 г., когда развертывалась реквизиция зерна, стало ясно, что в этих районах будет большой недобор. Политбюро среагировало с крайней резкостью, требуя отказаться от каких-либо послаблений: планы реквизиции должны были быть выполнены полностью, если нужно, то с применением силы. Уже в августе Сталин писал Кагановичу, недавно вернувшемуся с ответственной работы в Киеве, где он возглавлял партийную организацию республики: «В Настоящий момент самая главная вещь — это Украина. Дела на Украине дошли до точки... Реденс [руководитель украинского ОГПУ. — Дж.Х.] не готов вести борьбу с контрреволюцией в такой большой и особенной республике... Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс и Косиор [первый секретарь ЦК КП Украины]. Помните также, что в Украинской компартии [500 тыс. членов] обретаются немало гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского»³⁵.

Здесь мы видим пример тех настроений, которые через несколько лет приведут к большому террору 1937—1938 гг. Срыв хлебных заготовок рассматривался не как свидетельство крестьянской бережливости или нежелания работать в колхозе, а как намеренное подстрекательство к контрреволюции и помощь польскому вторжению на Украину. В последующие месяцы Политбюро направило в определенные области Украины и Северного Кавказа несколько особых комиссий. Каганович присутствовал на заседании Северо-Кавказского крайкома партии, на котором предупреждал относительно эмигрантов с Украины: «Не приходится сомневаться, среди тех, кто прибыл с Украины, были организованные группы, проводившие [контрреволюционную] работу, особенно на Кубани, где говорят по-украински». Крайком принял постановление о специальных экономических и карательных санкциях за срыв поставок ожидаемой нормы зерна. В качестве предупреждения три крупные казачьи станицы были занесены в черные списки, означавшие полную экономическую блокаду, арест и высылку на Север значительной части их жителей. За этим последовала чистка среди руководящего партийного состава края — из партии исключали тех, кого сочли либо слабым, либо сотрудничающим с врагами-националистами³⁶.

Подводя итоги, можно сказать, что кубанский кризис хлебозаготовок соединил и обострил несколько серьезных проблем. Украина была наиболее уязвимой республикой с точки зрения ее многонационального состава. Она играла важную роль в международных отношениях, так как граничила с Польшей, Чехословакией, Венгрией и Румынией. На территории Украины находились многие важнейшие промышленные предприятия Советского Союза, она была его житницей и ареной борьбы против крестьянского сопротивления и саботажа за снабжение продовольствием городов и вооруженных сил. Остается много разногласий по поводу голодомора 1933—1934 гг., который унес жизни 5 млн человек, по большей части украинцев. Некоторые историки выдвигают версию, что голод был вызван намеренно как акт геноцида украинского народа³⁷. Стефан Мерл не согласен с такой интерпретацией, ссылаясь на то, что голод затронул не всю Украину и ударил по ряду неукраинских областей и что устройство блокпостов на дорогах, чтобы помешать крестьянам добираться до городов за хлебом или переходить республиканскую границу, распространялось и на другие территории, а не только на Украину³⁸.

На самом деле наиболее правдоподобное объяснение этой ситуации, по-видимому, нужно искать в том, что этническая направленность политики партии на юге России не была продумана заранее, а родилась в процессе разрастания кризиса. В резолюции Политбюро ЦК от 14 декабря 1932 г. жестко критиковались украинские и северокавказские руководители за бездеятельность, позволившую «кулакам, бывшим офицерам, петлоровцам и сторонникам Кубанской рады проникнуть в руководство колхозов», и за то, что они создали условия, при которых «самые опасные враги партии, рабочего класса и колхозного крестьянства, саботажники реквизиции зерна смогли положить в карман партийные билеты». На следующий же день еще одно решение покончило с мерами по украинизации внутри РСФСР, и несколько тысяч сельских Советов и колхозов утратили особый статус украинских. В постановлении ЦК ВКП(б) от 2 января 1933 г. отмечалось, что «партийные органы на Украине не справились с порученными им партийными заданиями в области организации сбора и хранения зерна и выполнением плана хлебных заготовок». Руководство Украинской коммунистической партии подвергалось чистке не один, а *два раза*, в 1933 и 1937 гг., и каждый раз для укрепления руководства туда посылали надежных людей из центра³⁹. Несомненно, что для

Сталина Украина была ключевой проблемой при решении различных вопросов, стоявших перед ним в 1930-х гг. В результате на протяжении всех этих лет Украина оставалась самой угнетенной и эксплуатируемой из республик (возможно, за исключением Казахстана), и тогда же предпринимались значительные усилия для ее русификации и более жесткого подчинения Москве.

ЖИЗНЬ В КОЛХОЗЕ

Великий перелом 1929—1933 гг. радикально изменил лицо деревни. Вернувшись через несколько лет ухаживать за больной сестрой, крестьянка Кудерина едва узнала свою тамбовскую деревню: «Больше не было токов или дворов при домах. За стенами домов больше не ухаживали — не красили и не белили. Но почти во всех избах на окнах появились занавески, обычно газовые или тюлевые. Помнится, остались только соломенные крыши. Там, где были крепкие избы с железной крышей, зияли одни только дыры с кучами старой глины от штукатурки. Это были дома раскулаченных, которые разобрали и куда-то перевезли. Церковь стояла закрытой и разваливалась. Забора вокруг нее не было. Крышу давно не красили, местами зловеще проглядывала ржавчина. Стены были грязными с пятнами сырости. Колокольню совсем залепили гнезда гапок, которые тучей носились вокруг нее»⁴⁰.

Дезорганизация и деморализация крестьян привели к колоссальному падению производства сельскохозяйственной продукции, за чем последовал голод, особенно в самых плодородных производящих зерно областях, таких как Украина, Кубань, Западная Сибирь и Поволжье. В новом статусе колхозников крестьяне сеяли зерна меньше, чем прежде, сеяли дольше и не так тщательно ухаживали за посевами, отчего поля зарастали сорняками. Когда Виктор Кравченко в 1932 г. приехал в деревню на Днепропетровщине, он был потрясен тем, в каком ужасном состоянии находились «орудия и машины, за которыми их хозяева-частники ходили, как за настоящими драгоценностями». Лошади в конюшне стояли по колено в грязи, «читая газеты», как иронизировали в тех местах, когда лошади простаивали некормленными и без работы⁴¹.

Сталин посылал инструкции, чтобы нормы заготовки зерна, несмотря ни на что, строго выполнялись. Крестьяне отвечали си-

дьячими забастовками или просто ничего не делали. Когда подвергивался случай, они воровали зерно с полей или вовсе не убирали его, чтобы потом подобрать то, что останется. И никто не скрывал, что он делает. В Петровке Азовского района они выдвинули ультиматум: «Когда дадите нам хлеба, мы выйдем на работу, а так — убирайте сами»⁴².

Сталин пришел в ярость, для него это было возобновлением гражданской войны, но войны, которая велась другим оружием. Когда писатель Михаил Шолохов рассказал ему о том, что происходит, он ответил, что «хлеборобы практически ведут против советской власти “тихую” войну. Войну голодом, дорогой товарищ Шолохов». Сталин приказал прекратить все поставки товаров для сел, не выполнивших план поставок зерна, высылать на поселение тех, кто прятал зерно. По постановлению от 7 августа 1932 г. практически устанавливалась смертная казнь за хищение «коллективной или кооперативной собственности», т.е. всего, что произведено в колхозе, а это мог быть всего лишь сноп зерна. Дороги блокировались до тех пор, пока не становилось известно о первых случаях смерти от истощения, о том, что люди едят собак, крыс и лягушек, даже о случаях каннибализма. В Западной Сибири инспектор местного отдела здравоохранения сообщал о том, что, прийдя в семью колхозника во время обеда, увидел на столе «изглоданные кости умершей лошади», в других деревнях селяне «мололи стебли подсолнечника, льняные и конопляные семена, мякину и высушенные очистки картофеля... Люди двигались, как тени, молча, безучастно... На улице редко увидишь животное (наверное, доели последних)»⁴³.

В отличие от голода 1921—1922 гг. этот голод держали в строгой тайне, чтобы сохранить видимость успешного выполнения пятилетнего плана. Многих голодающих крестьян, которые пытались добраться до города, чтобы добыть хлеба, останавливали на дороге и отправляли назад. Все-таки многим удавалось прорваться. Как вспоминает Кудерина, «одним ясным солнечным утром все центральные улицы городов заполнились толпами пришедших в город голодающих, распухших от голода крестьян. Они целыми семьями, и старики и дети, сидели на обочинах дороги. Одни плакали, другие со слезами на глазах протягивали руки за “подающим”. Некоторые лежали на тротуаре, это были больные или умирающие. На всех кишели вши. Видеть страдания этих людей было невыносимо, но помочь никто ничем не мог. Молча, повесив го-

лову от невыразимого сочувствия, все проходили мимо». Впрочем, сочувствовали не все. Некоторые брезгливо отталкивали от себя самых назойливых нищих, опасаясь подхватить вшей⁴⁴.

В целом было подсчитано, что непосредственно от голода умерло от 4 до 5 млн человек⁴⁵.

За столетие российских трагедий бессмысленное уничтожение крестьянской деревни было, вероятно, самой ужасной из них. Поэт Борис Пастернак поехал в «творческую командировку» в уральскую деревню, чтобы написать книгу о новых колхозах. Вернувшись, однако, он так и не написал ее, настолько был ошарашен увиденным: «Словами не передать, что я увидел. Это была такая нечеловеческая, невообразимая катастрофа, такое ужасное бедствие, что это стало, если можно так выразиться, абстракцией, чем-то таким, что было за пределами разумного восприятия. Я заболел. Целый год я не был в состоянии писать»⁴⁶.

Трагедия стала результатом жестокой схватки двух русских традиций друг с другом — социалистического пророчества и пророчества крестьянского. Социалисты верили, что модернизируют деревню, поднимая ее до современного промышленного производства, техники и социальной организации. Они придумали набор терминов для трудового процесса в новой форме хозяйствования: *бригадир*, *трудодень*, *ударник* и совершенно зловещую *трудгужповинность*⁴⁷. Крестьяне же, напротив, считали, что их тащат назад во «второе крепостничество», в состояние зависимости, от которой были освобождены их прадеды 70 лет назад.

Чем закончится такая конфронтация, догадаться нетрудно. Советская власть и коммунистическая партия стали решающими силами в жизни деревни. Собственность на землю вместе с машинами и тягловым скотом отобрали у индивидуальных хозяйств и передали колхозам; с полученных земельных площадей колхозы должны были ежегодно поставлять государству определенное количество продукции в ассортименте. Это может показаться возвращением к общинному землевладению, когда землей владел «мир», но ведь в то же время отдельные крестьянские наделы были слиты воедино, образовав поля огромной площади. Во всяком случае, оставался открытым самый существенный вопрос: кто решает, как использовать землю? До 1930 г. такое решение принималось на сходе, на котором присутствовали хозяева дворов, теперь сход стал многочисленнее и включал всех членов колхоза. Чисто формально собрание (сход) теперь можно было бы счесть namного демо-

кратичнее, но на деле власть сосредоточивалась в руках председателя колхоза и горстки специалистов, на которых он опирался. Председатель был представителем партии и государственной власти, и его предложения относительно сева, сбора урожая, ухода за скотом и эксплуатации зданий, как правило, принимались без особых возражений.

Организация трудового процесса также стала коллективной. Это было настоящее нововведение для российской деревни, где испокон веков каждое хозяйство само устанавливало для себя порядок работ, правда, по договоренности с другими хозяевами — соседями по земельному наделу. Теперь же они работали в бригадах по 30 или около того человек во главе с бригадиром, которого назначал председатель. Посоветовавшись с председателем, он выдавал задания на день, собирал колхозников к началу рабочего дня (иногда звоном колокола, конфискованного у церкви), руководил работами и вел учет выполненных задач для начисления оплаты. Большинству крестьян не нравилось работать по свистку, как на заводе, и бригадирам часто приходилось с раннего утра обходить дома и стучать в окошки, вызывая их на работу. Могло быть и по-другому, как вспоминает о своей деревне Виктор Беляев: «Солнце давно уже в зените. Раньше крестьяне уже давно были бы в поле, а теперь колхозники рассиживают на чурбанчиках, которые кто-то притащил туда, и ждут, пока бригадир обговорит всё с председателем и вернется с заданиями для них. Они курят, пересмеиваются. Теперь все решения принимаются председателем, горожанином»⁴⁸.

Нежелание работать объяснялось отчасти системой оплаты. Работа фиксировалась в форме *трудодня* — умозрительно выведенной нормы труда, которые записывались в книжку колхозника и по итогам года складывались вместе для определения заработка. С точки зрения крестьян у этой системы оплаты труда имелось как минимум два недостатка. Первое — им платили только после того, как колхоз рассчитается со всеми своими обязательствами, включая поставки государству, отчисления в колхозный капитальный фонд и выплату кредитов Государственному банку. В плохой год колхозникам оставалось очень мало или вовсе ничего, так что практически они вернулись к крепостной «барщине». Второе — заработок определялся количеством работы, выполненной всей бригадой, а не отдельным колхозником; подсчитать последнюю было крайне трудно, поэтому индивидуальный вклад каждого не учитывался, если только не подтверждался его товари-

шем по бригаде. Это была «круговая порука» в новом обличье. Это приводило к тому, что плохо работающее подворье могло быть по требованию других членов бригады исключено из колхоза⁴⁹.

Победа коммунистов не была полной. После голода 1932—1934 гг. советская власть и российское крестьянство прекратили конфронтацию и достигли компромисса. Крестьяне решили, что продолжение борьбы полностью уничтожит их деревни и будущее их детей. Коммунисты также увидели, что полное осуществление их планов закончится общим голодомором, не только на селе, но и в городе. Они пришли к заключению, что обеспечить регулярные поставки продовольствия можно, только оставив крестьянам хотя бы какую-то автономию и некоторый стимул для напряженного труда. По этой причине каждому подворью было разрешено иметь небольшой частный участок земли, обычно около $\frac{1}{3}$ гектара, на котором можно было держать кур, корову и выращивать фрукты и овощи. Крестьянам позволили продавать продукцию со своих приусадебных участков за любую цену, какую только они могли получить на городских рынках (почему-то названных «колхозными рынками»). Иными словами, для сельскохозяйственной продукции был разрешен минимальный частный рынок. Этот частный рынок стал важным источником сельскохозяйственных продуктов для городов. К 1950 г., например, 47% мяса, 50% молока, 61% картофеля и 74% яиц, продававшихся на рынках, были произведены на этих частных приусадебных участках. Во всем, за исключением хлеба, горожане зависели от частной торговли⁵⁰.

Частная торговля образовала тонкую нить, связывавшую деревню с городом, но в остальном деревни стали более изолированными и менее самодостаточными в сфере хозяйственной жизни. Они утратили дополнительные виды занятости и заработка, которые обеспечивали селу многие важные виды обслуживания населения и поддерживали его связь с городом: «Власти запретили мелким ремесленникам и кустарям выделывать овчину и валенки, шить шубы, изготавливать телеги... Хозяева и пайщики небольших водяных мельниц, маслобоек и пасек были объявлены кулаками, несмотря на то что эти малые предприятия играли важную роль в сельской экономике... Жестянщики перестали приходить в деревню, чтобы чинить самовары, кастрюли и чайники, некому было залудить ведра. Исчезли старьевщики, скупщики домотканых тканей. Не стало больше плотницких артелей, потому что почти никто не строил домов. Даже печники, самые нужные деревенские

рабочие руки брались за работу, только если могли доказать, что их заработок не подпадает под категорию нетрудовых доходов»⁵¹.

Такое вопиющее разрушение деревенского уклада жизни вызывало в крестьянах чувство горечи и разочарования и окончательно деморализовывало их. Единственное, что не воспроизводилось в советской деревне 1930-х гг. из мифологем прошлых веков, — так это миф о «хорошем царе». Крестьяне ненавидели всех, кого считали имеющим отношение к навязыванию им «второго крепостничества», особенно Сталина. Финский коммунист, побывавший в российской деревне в 1930 г., писал: «Там не слышалось дифирамбов великому Сталину, которые то и дело можно было услышать в городе... Мое первое впечатление, которое не стерлось до сих пор, — это то, что все настроены контрреволюционно и что вся деревня находится в состоянии мятежа против Москвы и Сталина». Теперь, когда колхозы уже упрочились, о настоящем восстании не могло быть и речи, но во всем остальном как недавно обнаруженные документы, так и наблюдавшаяся тогда общая тенденция — бежать из деревни в города — подтверждают его слова. Шейла Фицпатрик, внимательно изучившая имеющиеся документы, делает такой вывод: «Преобладало мнение, отразившееся в распространенных тогда слухах, что Сталин, как организатор коллективизации, был непримиримым ненавистником крестьян. Ему желали смерти, его режиму скорого конца, а коллективизации — полного краха, даже ценой войны и иностранной оккупации»⁵².

Те, кто мог уехать из деревни, уезжали, легально или нелегально. Тысячи нищих или бродяг заполнили дороги, многие из них пытались незаметно осесть в городах. Для того чтобы остановить поток «беженцев», государство в декабре 1932 г. ввело внутренний паспорт, который колхозникам не выдавался. Оставаться где-либо, кроме места прописки, без паспорта было нарушением закона. Нельзя сказать, что никто из крестьян не делал этого, но отсутствие паспорта серьезно затрудняло передвижение по стране. Чтобы уехать из деревни, не говоря уже о том, чтобы поселиться в другом месте, нужно было получить разрешение председателя колхоза⁵³.

Разорение и деморализация настолько охватили деревню, что многие семьи приняли тягостное решение оставить дома, в которых жили их деды и прадеды. Некоторые из них, наиболее дальновидные или те, у кого были связи в городе, или жившие там ранее, уехали еще до того, как процесс коллективизации развернулся вовсю и когда еще можно было продать имевшееся в деревне имуще-

ство. Другие, не успевшие уехать вовремя (среди которых были и «кулаки», которых сочли не такими злостными врагами, чтобы подвергнуть высылке, но лишили дома и хозяйства), были оставлены на произвол судьбы, и им ничего не оставалось, как уезжать с насиженных мест. Позже хаос, нищета и голод сорвали с места многих из тех, кто хотел все же попытаться счастья в колхозе. В мае 1933 г. один крестьянин из Центрального промышленного района писал: «Здесь, в колхозе, я живу как голодное животное. У меня отняли мое зерно и все мои запасы. Забрали мой скот... Поэтому жить здесь нет никаких сил. Я уезжаю в город найти работу на заводе, там меня будут кормить»⁵⁴.

Многое в новой жизни, в том числе ограничения на передвижения, напоминало о крепостном праве. Однако социальная и идеологическая подоплека всего этого была совершенно иной. Всех молодых мужчин теперь обязали проходить военную службу, те же, кто имел какую-то профессию, могли завербоваться по *органбору* на одну из главных промышленных строек. Их подхватила волна социальной мобильности, которая стала отличительной чертой новой жизни, но большинство женщин и пожилых людей остались в стороне от этого процесса. 1930-е гг. стали свидетелями исхода молодежи, который через некоторое время оставил многие деревни грустными прибежищами стариков и одиноких женщин. Теперь государство стало играть в их жизни гораздо бóльшую роль, и у них стала зарождаться мысль, что не их семьи, а государство будет заботиться о них в старости или в случае болезни. Если до 1861 г. они ждали, что от ударов судьбы их выручит «барин», то эти ожидания были теперь перенесены на государство. Насильственно утверждая свою власть над крестьянским укладом жизни, Советское государство вместе с тем создавало культуру иждивенчества⁵⁵.

ГОРОДА ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ДЕРЕВНИ

За годы первых пятилеток миллионы людей покинули село и устремились в город. Одних привлекала учеба или работа в городе, другие бежали от невыносимых условий жизни — многие двинулись с насиженных мест по обеим причинам сразу. Результаты были поразительны. Между 1926 и 1939 гг. городское население Советского Союза более чем удвоилось — с 26,3 млн до 60,4 млн, удвоилось и городское население РСФСР — с 16,7 до 33,7 млн.

Население Москвы увеличилось более чем в два раза, до 4,54 млн, Ленинграда — почти до 3,4 млн. В некоторых городах рост был еще более впечатляющим. В Горьком население выросло с 220 до 644 тыс., в Свердловске со 149 до 423 тыс.⁵⁶ Большая доля прироста городского населения происходила за счет иммиграции, а не естественного процесса роста рождаемости среди городского населения. На самом деле естественный прирост населения в городах падал из-за плохих условий жизни и возрастания занятости среди женщин.

В первые годы индустриализации уровень смертности, как и уровень рождаемости, в стране в целом повысился, что объяснялось перенаселением городов, плохими санитарно-гигиеническими условиями и неустойчивым снабжением продовольствием. Многие жили в холодных, сырых подвалах или деревянных бараках и общежитиях, при отсутствии нужных условий для приготовления пищи, стирки белья, удовлетворения санитарных потребностей, нередко в плохо отапливаемых помещениях⁵⁷. Особенно плохие условия складывались в 1932—1934 гг., когда снабжение продовольствием было sporadическим, и пришлось вводить продовольственные карточки. Начиная с 1935 г. условия стали улучшаться, были проведены работы по водоснабжению и канализации, налажено медицинское обслуживание. Партийно-государственные руководители и особо отобранные рабочие начали переезжать из коммунальных квартир в новостройки.

Попав в город, крестьяне встречали нечто для них неожиданное и малопонятное — высокие дома, шум, потоки нескончаемого уличного движения, невероятное количество незнакомых лиц на улицах. Их сбивала с толку и сама работа на заводах — вместо того, чтобы работать столько, сколько необходимо для завершения начатого дела, здесь нужно было приходиться на работу и уходить с работы в определенное время, неважно — закончив или нет начатую работу, приходилось пользоваться непривычными орудиями и инструментами.

Не всё, однако, для новых иммигрантов было чужим. Многие из них устроились с жильем и работой в местах, где до них уже жили или работали их односельчане. Они обосновывались в доме как часть «землячества» — сообщества жильцов, происходивших из одной волости или уезда. Миграция уже задолго до 1917 г. стала неотъемлемой частью крестьянской жизни, а теперь она охватила вдвое большее число крестьян. Сельские жители нередко пользо-

вались связями или источниками информации, которые сложились десятки лет назад. (В 1917—1921 гг. многие горожане из бывших деревенских, напротив, перебирались обратно в деревню, чтобы спастись от нищеты в городах, даже прожив там с десятков лет.) По большей части деревенские уезжали в какой-нибудь близлежащий город по приглашению родни или, по крайней мере, земляков, которые помогали им на первых порах найти крышу над головой и работу. Одно исследование жизни московских строительных рабочих в 1930-х гг. показало, что более 80% из них нашли работу там, где работали в предыдущий сезон, или по подсказке деревенских знакомых. Мигранты, естественно, полагались на такие сведения больше, чем на красноречивые посулы уполномоченных «оргнабора»⁵⁸.

В известном смысле новые иммигранты урбанизировались, но с таким же правом можно сказать, что они превращали города в подобие деревни. Часто все начиналось с барака. Виктор Замочин позже рассказывал о месте, где он ребенком жил в Медведкове, на окраине Москвы: «Это были несколько длинных одноэтажных деревянных бараков, со всех сторон окруженных огородами. В одном конце барака находились общая кухня и туалет. Через весь барак протянулся коридор с дверями по обе стороны. У каждой семьи была своя дверь и окно, но внутри вы могли разгораживать помещение, как вам угодно. Люди делали перегородки. Но они были, скорее, символическими. Все знали всех, и все знали обо всех всё. Двери, конечно, не запирались, и никто не брал морковку или даже редиску с вашего участка, даже если вы его не огородили. Мы, дети, бегали по всему бараку. Наши матери весь день были на работе, но не беспокоились за нас, они знали, что нам ничего не угрожает. Это как в деревне, всегда оставался кто-то присмотреть за нами».

Некоторые из жильцов держали в сарае рядом с баракком свиней или кур, и весной или летом все копались на своих участках, делясь новостями с соседями. «В праздники готовили огромные кастрюли с мясом, и все угощались. Каждый приходил со своей тарелкой, кто-то играл на аккордеоне, и мы пели и танцевали». Жильцы бараков пользовались всякой возможностью вернуть в свою жизнь какие-то черты деревенского быта, даже невзирая на то, что жилье у них теперь было перенаселенное, а условия жизни коммунальные, а не такие, как в деревне.

Следующей ступенью после бараков была коммунальная квартира. Поначалу советский режим полагал, что люди будут жить в

домах-коммунах, где многие семейные функции, такие как приготовление пищи, стирка белья и уход за детьми, будут организованы на коллективной основе, чтобы освободить женщин от домашних дел и предоставить членам семьи максимум свободы для выбора по своему желанию образа жизни, совместного или раздельного⁵⁹.

Однако режим никогда не отпускал достаточно средств на строительство и ремонт такого коллективного жилья, чтобы оно обрело статус образцового. Наоборот, коллективное жилье прославилось грязью и антисанитарией. Это были как раз такие дома, в которых новая элита жить не желала. К тому же в 1930-х гг. официальная идеология вернулась к провозглашению семьи основой общества и государства. И то, что стало строиться в 1930-х гг., можно назвать семейными квартирами. Эти квартиры предоставлялись руководящим партийным и государственным работникам, рабочим-стахановцам и другим привилегированным группам населения. Простые люди продолжали жить скученно в наличных, по большей части дореволюционных, жилых строениях. Если принять во внимание масштабы иммиграции в города в период 1930-х гг., обеспечение всех жильем при любых условиях представляло бы собой большую проблему, но эти трудности усугублялись тем, что строительство жилья не являлось приоритетным для первых пятилеток. В большинстве стран такая ситуация привела бы к созданию трущобных поселений на периферии городов. Однако вследствие эгалитарных принципов советского режима и его желания управлять социальными процессами и контролировать их трущобы считались неприемлемыми (хотя в экстремальных ситуациях появлялись и они). Вместо этого, как мы видели, еще в 1918 г. местные Советы ввели *уплотнение*, т.е. конфискацию отдельных комнат в больших квартирах с подселением туда нуждающихся⁶⁰.

Для того чтобы разграничить незнакомое, суженное пространство, жильцы сооружали фанерные перегородки: «Старые комнаты и прихожая перегораживались и делились, получались мрачные угловатые закутки с окнами, смотрящими в захлащенный задний двор, или вообще без окон. Каждый жилец проявлял чудеса изобретательности, развешивая занавеси или портьеры, чтобы отделить для себя минимум уединенности»⁶¹.

Коммунальные квартиры привносили в новую структуру советского уклада жизни кое-что от деревенской общины. Поскольку прежние буржуазные члены общества утратили свое богатство, теперь все разделяли одну своего рода эгалитарную бедность, и бро-

сающиеся в глаза отступления от среднего уровня вызывали подозрения: как очень бедные, потому что представляли обузу для соседей, так и живущие в большом достатке, потому что их богатство наводило на мысль о его преступном приобретении, что могло таить угрозу всем. С другой стороны, как и в деревне, наряду с эгалитаризмом существовала иерархия жильцов. На верхней ступени располагался *квартироуполномоченный*, назначенный сверху смотритель квартиры, а также те, у кого были хорошие отношения с домовым комитетом (*домкомом*), ведавшим всеми делами дома. На этом же уровне находились члены «товарищеского суда», занимавшегося урегулированием вопросов с местным Советом, партийным комитетом и милицией. Также поближе к верхам находились старожилы дома, а потому более других заинтересованные в хороших отношениях в коллективе и лучше других знакомые с квартирным «обычным правом», т.е. неофициальными правилами, которые к этому времени сложились. Большинство жильцов получали свою жилплощадь от учреждений, где они работали, что усиливало их зависимость от работодателя.

Жильцам «коммуналки» нужно было как-то сосуществовать, и они придумывали правила, как этого добиться наиболее приемлемыми для всех способами. Правда, с 1935 г. существовала подзаконная норма в форме циркуляра «О борьбе с хулиганством в квартирах». В числе прочего он запрещал «грубое поведение, как то: устройство регулярных пьянок, сопровождающихся шумом, драками и матерщиной, избивание людей (особенно женщин и детей), оскорбление или угрозы мстью, использование официального положения в партии или государственном учреждении, дебоширство, национальное преследование, унижение личности, злобные шутки или розыгрыши (выбрасывание собственности других людей из кухни или других мест общего пользования, порча пищи, приготавливаемой другими жильцами квартиры, нанесение ущерба собственности и т.д.)»⁶². В постановлении очень подробно и впечатляюще перечислялись нарушения, которые, по-видимому, как показывал опыт, были наиболее характерными, но никаких рекомендаций о том, как бороться с ними, кроме как обращаться в товарищеский суд (подобие сельского суда), оно не предлагало.

Жизнь в коммунальной квартире требовала неформального консенсуса и совместного принятия решений, для чего необходимы были регулярные собрания, даже если не существовало никакого конкретного механизма, вроде сельского схода.

Некоторые правила, например, касательно пользования ванной или телефоном, оплаты газа или электричества, писали на листке бумаги и вывешивали в квартире на видном месте. Большая часть правил, впрочем, была совершенно неформальной, их обсуждали на кухне и проверяли на действенность во время очередного скандала, когда версия победившей стороны принималась как основная для принятия решения на будущее⁶³.

Как и в деревне, судьба семей и отдельных лиц могла быть самой различной. Поскольку многие жили, едва сводя концы с концами, было хорошо, что они могли приглядывать за соседскими детьми или воспользоваться соседской кастрюлей или решетом, перехватить у соседки соли или спичек, но для налаживания такой взаимопомощи нужно было взаимное согласие или договоренность. Более проблематично выглядела дача займы денег, но обычно, при условии добрых отношений, и это решалось. Кроме того, нужно учитывать, что отказ одолжить денег мог спровоцировать воровство, что всегда портило хорошие отношения и создавало напряженность. Если кто-то занимал деньги, то обычно старался вернуть их вовремя, чтобы не портить отношения, даже если приходилось на следующее же утро снова стыдливо просить займы⁶⁴.

В других отношениях жизнь в коммунальной квартире очень сильно отличалась от деревенской, даже от жизни в бараках, где людей объединяло происхождение и общие взгляды. Жильцы коммуналки обычно не объединялись для совместных действий, даже по праздникам. Как сказал один из них: «личная жизнь» в коммуналке выцветала, и на ее месте не возникало чувства общности. Границы личного становились пористыми, потому что многое личностное, вроде удовлетворения гигиенических потребностей, совершалось в местах общего пользования, и не было буферной зоны, не считая хлипкой двери между твоей комнатой и общественной площадью. Поскольку в одной комнате жило несколько поколений одной семьи, отсутствие возможности уединиться означало также, что, как выразился один житель коммуналки, «приходилось на глазах у тещи снимать штаны»⁶⁵.

О том, какие неприятные ситуации возникали при этом, повествует случай, который произошел в детстве Светланы Бойм, когда ее семья жила в Ленинграде. Ее мать угощала чаем иностранцев, гостей нечастых и экзотических, и рассказывала им о культурных сокровищах Эрмитажа и Русского музея, когда в их дверь ткнулся сосед-алкоголик: «Из-под дверей в комнату медленно пополз жел-

тый ручеек. Прямо перед нашим обеденным столом образовалась отвратительная вонючая лужица»⁶⁶. Ничего подобного не могло случиться в крестьянской избе, которая по сравнению с коммунальной являлась неприступным замком с разводным мостом.

Даже отправляясь на кухню налить чашку чаю, нужно было быть готовым к какому-нибудь эксцессу, а может быть, и скандалу. Эту ситуацию тяжело переживали интеллигентные люди, характер труда которых требовал длительных периодов уединения, духовного покоя и полной сосредоточенности. Не исключено, что отсутствие личного покоя способствовало сравнительно частым случаям заболевания в СССР параноидальным синдромом — чуть ли не в каждой квартире был свой душевнобольной, вроде женщины, которая «была убеждена, что в ее мыло подмешивают битое стекло и что ее хотят отравить»⁶⁷.

Минимальная приватность коммунальных квартир была очень удобна для потребностей полицейского государства, облегчая надзор за населением, особенно если вспомнить, что весь жилой фонд принадлежал государству и мог быть произвольно перераспределен. Социолог Екатерина Герасимова назвала это состояние «публичной приватностью». Соседи могли без какого-либо труда следить за поведением других; непосредственная близость друг к другу, в обстановке которой жили люди, делала любые семейные секреты достоянием всех проживающих в квартире. Даже простые разговоры легко подслушивались, особенно если происходили на кухне — месте общего пользования и общения — или в своей комнате, стены которой были тонкими и звукопроницаемыми. Обычно один или два жильца, возможно «уполномоченные», регулярно сообщали службе безопасности о том, что они узнали, такая же обязанность была у дворников. Это мог сделать любой, достаточно было написать анонимный донос. Последнее вполне могли сделать, чтобы выйти победителем в конфликте или получить дополнительную жилплощадь или какие-нибудь иные блага⁶⁸. Здесь еще больше, чем на селе, было важно сохранить чувство равенства и справедливости, и находились жильцы, которые ради поддержания гармонии были готовы обращаться к властям, если посчитают это необходимым. Делалось это с чувством убежденности, что таким образом поддерживается, а не нарушается моральный кодекс. Это было одной из причин, почему доносы стали массовым явлением.

Самым же большим отличием от деревенской общины было то, что жильцы одной квартиры часто принадлежали к разным соци-

альным группам. Обычно костяк жильцов составляли те, кто дольше других прожил в квартире, некоторые имели буржуазное происхождение и были образованными людьми, они оказывались живущими бок о бок с недавно приехавшими из деревни мигрантами. У деревенских были совершенно иные бытовые привычки и другие взгляды на жизнь, настолько разные, что установить и поддерживать коллективные формы отношений здесь оказалось несравненно труднее, чем в деревне. (В этом отношении коммуналки также отличались от бидонвилей.) Уже давно бывшие горожанами люди привыкли к приватности, гигиене и вежливости, чем не могли похвастаться их деревенские родственники, с которыми им приходилось жить в непосредственной близости. Эти различия приводили к постоянно возникавшей напряженности в отношениях и стычкам по поводу грязи в ванной комнате и туалете, по поводу поведения гостей, шума ранним утром и поздно вечером, «пропавших» личных вещей и продуктов. Эти конфликты также могли провоцировать доносы⁶⁹.

С конца 1950-х гг. режим приступил к гигантской программе жилищного строительства, многие люди переехали из коммуналок в отдельные квартиры. Как правило, они делали это с чувством огромного облегчения, однако были и такие, которые говорили, что в новой обстановке испытывают известную неустрашенность оттого, что не стало привычной компании и не к кому обратиться за помощью, если придется столкнуться с проблемами посерьезней⁷⁰.

Коммунальные квартиры и советские предприятия (как мы увидим далее) поддерживали устойчивость того, что Дэниель Берто назвал «коммунальной» моделью российской жизни: равенство, всеобщая круговая порука, дисциплина и подчинение властям вместе с вынужденной взаимозависимостью, которая порождала невольную солидарность. В целом это была та самая модель, которую прививала пастве и православная церковь, хотя в 1930-х гг. она была бессильна как-то участвовать в общественной жизни. Теперь высшим иерархом был Сталин. Так или иначе, опыт жизни в коммунальных условиях оставлял на всех жильцах свой отпечаток. Как заметила Светлана Бойм, «каждый житель коммунальной квартиры на всю жизнь сохранит шрам от... символической “взаимной ответственности”, двойственного чувства любви и ненависти, зависти и привязанности, скрытности и эксгибиционизма, смущения и компромисса»⁷¹.

Жизненный уклад ставших горожанами крестьян также оставался полудеревенским. Поддерживать религиозную жизнь, как это было в деревне, здесь было невозможно, но все-таки мигранты продолжали соблюдать дни своих святых и другие религиозные праздники, как ни старалось руководство заставить их отмечать только новые светские праздники. Режим ввел десятидневную рабочую неделю, но это мероприятие успеха не имело, потому что на многих предприятиях большинство рабочих все равно в воскресенье на работу не выходило. Несколько десятилетий сельские обычаи сосуществовали рядом с городскими в странном симбиозе. Некоторые недавние мигранты вешали в углу комнаты в бараке или общежитии рядом икону и портрет Ленина. В обществе, где они теперь жили, Ленин был обожествленной фигурой, и им хотелось воспользоваться его заступничеством вместе с заступничеством более привычных святых. В дни церковных или советских праздников они собирались с друзьями в парке, обменивались новостями, иногда пели и танцевали, только теперь под музыку, которую слышали по радио или на улицах вокруг, а не ту, что привезли с собой из деревни. Бывшие крестьяне, которым это было по карману, одевались по последней городской моде, чтобы над ними не смеялись горожане со стажем городской жизни. Особой проблемой для новоявленных горожан было то, что все их дети, без исключения, стали грамотнее и намного образованнее, чем родители. Дети научались риторике советской городской жизни и приобрели навыки, необходимые для того, чтобы не теряться в новых условиях, в чем от них сильно отстали родители, терзаемые чувством непонимания происходящего⁷².

Крестьянская культура шаг за шагом приспособлялась к городской жизни, порой изливая на нее едкий деревенский сарказм, как в следующих частушках:

На верхах всё заседали
И прозаседались.
Магазины опустели,
Без штанов остались.

Приезжали к нам ученые,
Чтобы зубы нам вставлять.
А зачем нам их вставлять,
Если нечего жевать⁷³.

Обычно условия для нормальной повседневной жизни были крайне скудны. Один из первых завербовавшихся на строительство сталеплавильного завода в Магнитогорске вспоминал, как он вылез из вагона на железнодорожной станции, огляделся вокруг, увидел только голую степь и спросил: «А далеко здесь до города?» В ответ он услышал насмешливое: «Два года». Рабочие жили в палатках, землянках или наскоро сколоченных бараках, потому что средства, предназначавшиеся на строительство жилья, были переведены на нужды промышленности. Даже туда, где промышленный город был еще только в зародыше и встречал их не слишком приветливо, крестьяне валом валили, лишь бы уйти от деревенской нищеты нового строя. В 1933 г. 57% новых завербованных в Магнитогорске рабочих были крестьянами, и большинство из них приехали на стройку, минуя «оргнабор».

Вероятно, треть из них была неграмотной и не владела самыми элементарными навыками промышленного производства. Текучесть рабочей силы была невообразимой: в 1933 г. в Магнитогорске было завербовано 53 тыс. человек, и ровно столько же бросило работу⁷⁴.

Многим потомственным горожанам не нравился этот приток грубых и подчас не умеющих себя вести мигрантов. В 1932 г. один донбасский рабочий, строгий поборник закона и порядка, писал в Центральный исполнительный комитет, жалуясь, что «в наше время жаркой борьбы и беззаветного труда, во время серьезной нехватки рабочих рук, здесь, в СССР, особенно последнее время, увеличилось количество бродячего, нетрудового элемента, по большей части из деревни, это люди, испугавшиеся при первых же трудностях работы в колхозе. Толпы этих людей слоняются вокруг вокзалов и по городским улицам, занимаются грабежами и убийствами». Больше того, добавлял он, «в связи с временными трудностями с продуктами в некоторых городах и в связи с нехваткой одежды и обуви в других многие граждане занялись спекуляцией, эксплуатируя временные трудности трудящихся. Их нужно задерживать как непримиримых врагов пролетарских трудящихся, к ним следует применять высшую меру социальной защиты и расстреливать без снисхождения или прощения»⁷⁵.

В стремлении создать новую промышленность самыми быстрыми темпами нарушались технические нормы, а непромышленные потребности игнорировались. Построенное в ударные сроки искусственное водохранилище оказалось мелким и в зимний пери-

од промерзало, т.е. совершенно не соответствовало задуманному плану. Однако официальная точка зрения гласила, что «важно то, что дамба была построена, и не только построена, но и построена досрочно — и в процессе строительства сотни молодых людей выросли в преданных сторонников нашего дела»⁷⁶.

Большую часть строительства и планирования пропитывал дух пропаганды, гигантомании и погони за рекордами. Не было никаких лавочек или мастерских «за углом», куда можно забежать по дороге. Покупка продовольствия, одежды, вообще потребительских товаров, починка ботинок, даже поездка на автобусе — ничто не обходилось без долгого стояния в очередях, где природная общительность давала пищу бесконечному ворчанию по поводу «системы».

До недавнего времени городская жизнь в России все еще оставалась по своей структуре отчасти деревенской. Интеллигенция, по крайней мере старшее поколение, культивирует традицию неформального гостеприимства и общительности, проводя немало времени с гостями на кухне. Манеры простые, и кто-то может посчитать их грубоватыми, неотесанными: в них сказываются десятилетия жизни бок о бок со слабо урбанизированными крестьянами. Большинство обычных русских людей теперь живет в отдельных квартирах, но иногда все еще продолжает собираться вместе, что бывает с ранней весны до поздней осени, во дворе дома или в скверике, чтобы посидеть на лавочке или вообще на чем угодно. Мужчины играют в домино или карты, женщины сплетничают, а дети возят-ся неподалеку в песочницах или качаются на качелях.

СОВЕТСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

По своей природе советское предприятие было сильно искажено контекстом, в котором оно создавалось и существовало. В теории Госплан (Государственная плановая комиссия) устанавливал предприятиям набор ежегодных производственных заданий как части пятилетнего плана. Их целью было выполнение этих заданий. На практике, однако, руководители предприятий не могли просто отдавать приказы, они должны были делить с рабочими многие функции контроля за трудовым процессом. Складывалась ситуация, когда можно было подумать, будто с черного хода вернулась артель, чтобы решать такие вопросы, как темпы и организация трудового процесса и качество готовой продукции. Рабочих не хва-

тало, и для того, чтобы удержать их на предприятии и заручиться хотя бы минимальным сочувствием к работе, менеджеры вынуждены были предоставлять им некую автономию в повседневной трудовой жизни и закрывать глаза на опоздания, пьянство, работу спустя рукава или неподчинение. В то же время в условиях тотального дефицита рабочие зависели от заводских начальников в отношении материальных благ, получить которые другим путем было крайне трудно, поэтому они также были заинтересованы в том, чтобы план выполнялся. Эта «взаимозависимость» воспроизводила в общих чертах круговую поруку сельской общины, с той разницей, что связь с государством была более тесной, а доля государственного патронажа намного больше⁷⁷. Более плотным сделался надзор за рабочей силой со стороны партийной ячейки, отдела кадров и НКВД/КГБ.

Поскольку рыночной экономики с предъявляемыми ею требованиями к производственной системе не имелось, столкновение трех соперничающих сил разрешалось компромиссом между Госпланом, предприятиями и рабочими. Советское предприятие сделалось институтом, призванным обеспечивать потребности этих трех главных участников производственного процесса. Госплану требовалось выполнение плановых заданий. Руководству предприятий и рабочим требовался план, но не слишком напряженный; руководство предприятия должно было «выбить» такой план у Госплана, а затем создать условия, в которых рабочие могли хотя бы формально выполнить этот план. В отсутствие рыночной дисциплины никого не интересовало, как они это делают и какво качество получаемой продукции. Советское предприятие все меньше заботилось о производстве своей продукции, что предполагалось в качестве его конечной функции, и все больше делалось учреждением, главной целью которого было обеспечение жизненных потребностей своих работников. На предприятии рабочие получали зарплату, жилье, медицинское обслуживание, условия для отдыха, социальное обеспечение и часто основные продовольственные продукты — фактически, предприятие обеспечивало элементарные жизненные потребности человека в обществе всеобщего дефицита. Руководство предприятия получало все то же самое, но помимо того еще и статус, прочное социальное положение и привычку командовать. Руководители и рабочие зависели друг от друга в поддержании этого выгодного для всех положения. Слишком требовательный начальник был угрозой для удобной жизни рабочего и

сталкивался с внутренним сопротивлением, которое в конце концов начинало угрожать уже *его* благополучию. С другой стороны, безнадежно ленивые, пьяные или неумелые рабочие не выполняют план, и отвечать придется директору предприятия⁷⁸. Вся эта ситуация наводит на мысль о жизни сельской общины, которая обеспечивала существование ее членов через кооперацию, подчеркнутое почтение к власти и согласованные традиционные методы работы, доступные каждому человеку средних способностей. Всякое техническое новшество, приносившее с собой новые методы работы, представлялось угрозой для привычных способов труда и жизни.

В результате получалась экономика, производившая базовый минимум, достаточный для обеспечения терпимого существования участников системы, но очень неудобная для тех, кто стоял вне ее, и безразличная к потребностям потребителей и требованиям новых технологий. Советское общество было задумано как эгалитарное общество, основанное на изобилии, на деле же оно стало иерархическим обществом, основанным на скудности. Текстура такого общества обнаруживается в вертикальных и горизонтальных личных отношениях, по необходимости складывающихся с целью преодоления скудности. Руководство предприятия нанимало «толкачей», чтобы получить позарез нужные дефицитные материалы, запчасти и т.п. Работа этих людей состояла в том, чтобы налаживать хорошие отношения с потенциальными поставщиками. В повседневной жизни простые граждане постоянно сталкивались с нехваткой товаров, производимых этой системой, или с их низким качеством. Создававшиеся таким образом трудности они преодолевали, находя альтернативные источники снабжения либо через влиятельных людей, либо через личные отношения, базирующиеся на взаимном обмене услугами⁷⁹. И в том, и в другом случае советские институты утверждали человека в том, что выживание зависит только от системы отношений «патрон—клиент» или от взаимовыгодных личных отношений. Те, кто не имел первого и не умел второго, оказывались в невыгодном положении, однако нельзя сказать, чтобы они совсем нищали, так как государство каждому обеспечивало минимум социальных благ. Это было началом нового типа молчаливого соглашения между государством и народной массой — советского «общественного договора». Таким способом Советская Россия достигла компромисса с традиционной Россией.

Такого рода неформальная экономическая система имела огромное достоинство, поскольку упрощала интеграцию нерусских, особенно тех, кто прибывал с Кавказа и из Средней Азии. Там население, привыкшее к обмену неформальными экономическими благами через систему широких иерархических семейных связей, без труда приспособилось к плановой экономике и номенклатурной системе назначений, которая породила собственные «кланы» в форме системы личной зависимости⁸⁰.

До сих пор мы говорили о «нормальной» жизни. Но, как позже вспоминал сын одного священника, «в тот период реальность развивалась в двух определенных измерениях. В одном поднимали звезды над Кремлем, достигали Северного полюса, молодые люди сдавали экзамены и танцевали под джаз. В другом господствовали доносы, аресты, тюрьмы, беззаконие»⁸¹. Теперь мы должны обратиться к этому другому измерению, которое сконцентрировалось в ГУЛАГе.

ГУЛАГ

ГУЛАГ появился на свет на пересечении мечтаний большевиков о тысячелетнем царстве социализма с их апокалиптических кошмаров. Их надежды возымели последствия, не менее ужасные, чем их страхи. Русские давно мечтали о том, чтобы использовать свои колоссальные природные богатства, открытые геологами: золото, платину и никель, не говоря уже об угле и нефти, большая часть которых погребена в промерзших тундрах севера Европейской России и Сибири. До революции великий химик Д.И. Менделеев опубликовал быстро разошедшийся справочник-путеводитель по богатствам России «К познанию России», в которой превозносил природные ресурсы страны: «Недра нашей земли чрезвычайно богаты минералами, не говоря даже о таких монетных металлах, как золото и медь, которых у нас, без сомнения, больше и много больше, чем в какой-либо другой стране света... Мы могли бы залить нефтью весь свет, каменным углем не только снабдить себя в изобилии для всяких видов промышленности, но и отапливать многие части Европы... а железные руды могли бы превратить в такое количество чугуна, железа и стали, с какими не могли бы соперничать не только Англия и Германия, но и Соединенные Штаты». Среди ресурсов он особенно выделял же-

лезные руды на Урале (то, что потом стало Магнитогорском) и залежи угля в Экибастузе (в Казахстане), позже добывавшегося подневольным трудом⁸².

В ту пору, однако, казалось, что объем финансовых и человеческих затрат слишком велик, чтобы вкладывать их в отдаленные области, где залежала большая часть этих ископаемых богатств. Казалось совершенно за пределами практической экономики проложить шоссейные дороги, построить железные дороги, заложить шахты, возвести заводы и жилые дома, вырубить леса, поднять из земли минералы и т.д. Менделеев предполагал, что собрать инвестиции для покрытия этих колоссальных затрат возможно, установив высокий тарифный барьер вокруг России, а затем создать условия для роста сети государственных и частных банков⁸³.

Советское государство выбрало другой путь, заменив инвестиции насилием. В конце 1920-х гг., когда Госплан рассматривал планы промышленного развития, открылись новые возможности. Привлечь трудовые ресурсы в эти отдаленные и негостеприимные места было чрезвычайно трудно, но *эков*, заключенных тюрем и концентрационных лагерей, можно было просто отправить туда. Постановление от 26 марта 1928 г. предусматривало «серию экономических проектов с большой экономией средств... посредством широкого использования лиц, приговоренных к разного рода мерам социальной защиты». Другими словами, их превращали в рабов. В 1930 г. Госплан получил инструкции «ввести работы, выполняемые лишенными свободы в плановую экономику страны»; все заключенные, приговоренные к срокам в три года или более, должны были переводиться в трудовые лагеря, и для управления этими каторжными предприятиями создавалось специальное управление в составе НКВД — ГУЛАГ (Главное управление лагерей)⁸⁴.

Соответственно, в начале 1930-х гг. партии заключенных и охраны вместе с геологами и минералогами, которые (как-то так получилось) также оказались недавно арестованными, проникли на лодках, лошадях и телегах в некоторые из отдаленных, изолированных от остального мира районов, на скорую руку построили примитивные избы и начали копать, иногда лишь при помощи кирки и лопаты. Некоторые из этих первопроходцев ничего ценного в мерзлой земле не находили, и нередко их бросали там на произвол судьбы. Другие стали основателями гигантских «лагерных империй», вроде Севлага (Северного лагерного комплекса) и Ухтпечлага (Ухтинско-Печерского исправительно-трудового лагеря), непода-

леку от Воркуты в Коми АССР на севере Европейской России. Отрезанные от цивилизации, ээки строили здесь кирпичные заводы, электростанции, склады и больницы. Для того чтобы обучить и цивилизовать своих необученных, оторванных от привычных условий жизни, выбитых из колеи «рабочих», власти создали там учебные профессиональные классы, кино, театры, библиотеки и, по крайней мере в одном случае, даже так называемый «университет»⁸⁵. Даже в глубинах советской преисподней ее стражи не теряли надежды донести до своих жертв своего рода культуру и цивилизацию.

Что было поставлено на карту в этих карательных поселениях, видно из истории самой огромной из лагерных империй — Дальстроя (Дальневосточного строительного управления, расположенного в бассейне реки Колымы на Дальнем Востоке), с подчиненными ему трудовыми лагерями СВИТЛа (Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря), с центром в городе Магадане на Охотском море. В 1920-х гг. Магадан стал базой медицинского обслуживания и образования для местных кочевников — эвенков и чукчей. Однако после начала коллективизации и принудительной оседлости бывших кочевников советские власти усилили свое непосредственное присутствие в регионе, приступив к его использованию как форпоста поисков и разработки богатых золотых и платиновых месторождений. В 1928—1930 гг. первая колымская геологическая экспедиция под руководством И.Ю. Билибина подтвердила и углубила открытия предшествовавших исследователей. Это стало сигналом для Политбюро начать насыщение этого региона ресурсами ГУЛАГа⁸⁶. Поскольку Колыма геологически относится к территории Юкона и Клондайка на Аляске, лежащими по другую сторону Берингова пролива, нетрудно представить себе, что представляла собой советская версия золотой лихорадки.

Для осуществления своей срочной программы индустриализации Советский Союз нуждался в покупке у западных стран передовых технологий, и колымское золото должно было стать средством для этого. Поскольку горные работы представляли собой дело первостепенной важности, Сталин внимательно следил за ними. Возглавить Дальстрой был направлен Эдуард Берзин, старый большевик и командир Красной армии времен Гражданской войны, который стал Великим Махараджей всего региона. Между августом 1931 и мартом 1932 г. Политбюро обсуждало ситуацию на Колыме не менее 11 раз; Сталин требовал ежедневных докладов о

развитии золотой промышленности и периодически вызывал в Москву руководство Дальстроя. В первые годы строительства поселений Берзин обращался с их жителями, как потом казалось, относительно гуманно — их нормально кормили, выдавали теплую одежду, предоставляли регулярные выходные. К 1936 г. они построили целый город-порт Магадан с населением 15 тыс. человек, с доками, дорогами, каменными карьерами, шахтами, складами и кварталами жилых домов, необходимых для жизни обслуживающего персонала.

Тем не менее ситуация быстро ухудшалась. Лагерь наполнились сначала раскулаченными в 1929—1933 гг., затем жертвами большого террора 1936—1939 гг.: это были новые, потерявшие ориентацию в советской жизни зэки с клеймом «враги народа». Их заклеямили, выражаясь словами Энтони Смита, как «изгоев... которым нет места в исполнении священной миссии и обязанностей». Поэтому их можно было выбраковывать, как отработанный материал, и загонять до смерти, если это потребуется для успеха проекта. Их приговор был длительным, не менее пяти, обычно десять или даже более лет, и для жертв они казались бесконечными. Никакой надежды на досрочное освобождение не было. Поэтому единственным средством мотивировать таких работников было чувство голода. Выполнявшие дневное задание вознаграждались полным пайком, которого едва хватало на поддержание трудоспособности работающего в суровом климате. Однако тот, кто не справлялся с заданием, получал уменьшенный паек и вследствие недоедания слабел еще больше и еще хуже справлялся с планом. Как потом вспоминал бывший зэк Юрий Марголин: «Мы никогда не были в состоянии сделать то, что от нас требовали, чтобы получить достаточно еды. Чем голоднее мы были, тем хуже работали⁸⁷. Чем хуже мы работали, тем голоднее становились. Вырваться из этого замкнутого круга было невозможно»⁸⁸.

Солженицын утверждает, что даже полного рациона не хватало, чтобы полностью насытить зэка, полностью выполнявшего план. Поэтому зэкам приходилось осваивать искусство казаться усердно работающими, не делая при этом и половины работы, а потом маскировать свою малую производительность. Это то, что Солженицын называл «великим принципом *тухты*» или «приписок», что многим позволило выжить в советской лагерной системе. Эта тактика была намного проще, чем можно подумать. Представьте себе, что лесорубы намеренно преувеличат количество

срубленных за день деревьев, чтобы обеспечить себе нормальное питание. Те, кто отвечает за транспортировку леса, отнюдь не заинтересованы в раскрытии недостачи, потому что несуществующий излишек также позволит им выполнить план и получить свою добавку к рациону; то же самое относится и к работающим на лесопилке внизу по течению реки и к тем, кто перевозит доски по железной дороге. Только в последней точке доставки леса, скажем, на мебельной фабрике, найдется кто-то, кому потребуется вскрыть обман, но к этому времени будет слишком поздно, недостачу не восполнишь, а виновных не найдешь⁸⁹.

Какие бы способы уклониться от работы ни существовали, работу нужно было выполнять, и вознаграждение за нее выписывалось на бригаду рабочих-зэков в целом. Лагерным боссам было намного легче замерять производительность бригады из 20, а то и 30 человек, чем одного отдельного рабочего. Если бригада в целом выполняла задание, то каждый член бригады получал нормальное питание, иначе его не получал никто. Этот метод намного упрощал работу охранников, призванных следить за усердием заключенных, — в интересах каждого отдельного члена бригады было, чтобы все работали с отдачей. Зэки сами поддерживали трудовую дисциплину. Как говорит Иван Денисович, герой лагерного рассказа Солженицына, «зэка заставляет работать не его начальник, а другие члены его бригады. Либо все получают премию, либо все умирают вместе». Бывший заключенный-поляк Густав Херлинг-Грудзинский подтверждает его слова: «Самыми сознательными и ревностными бригадами были сами заключенные, потому что норма определялась коллективно путем деления общей выработки на число членов бригады. Любые чувства взаимной привязанности полностью исчезали в пользу погони за процентами... Во всем этом было что-то нечеловеческое, безжалостно разбивавшее единственные естественные узы, связывавшие заключенных, — их солидарность перед лицом их гонителей»⁹⁰.

Так реагировал на происходившее поляк. Русским все это было более знакомо — это была извращенная форма «круговой поруки» крестьянской общины, артели или коммунальной квартиры. В этом отношении, как и в ряде других, трудовой лагерь был микрокосмом советского общества, которое складывалось путем постепенной абсорбции русской социальной памяти.

Солженицын, лишь полуиронически, утверждает, что зэки сформировались в отдельную нацию в форме, пользуясь формули-

ровкой Сталина, «исторически сложившейся общности людей с общей территорией, общим языком, общностью экономической жизни и общим психическим складом, проявляющимся в общности культуры». Их территорией был «архипелаг» с его широко разбросанными «островами», но необычайно строгими границами, обозначенными колючей проволокой и сторожевыми вышками. Их экономической жизнью был рабский труд ради выполнения производственного плана НКВД. Их психологический склад определялся принудительным образом жизни: он был фаталистичным, подозрительным, лукавым, сдержанным в жестах и словах, а энергичным только в борьбе за насущные жизненные потребности. Язык их был немногословным, часто нецензурным, но выразительным и обычно обходился без глаголов в будущем времени, настолько неопределенными и безрадостными были их перспективы. Их культура была вынужденно изустной, но богатой воспоминаниями о Золотом веке, т.е. о прошлой жизни до ареста, теперь безвозвратно ушедшей в небытие. Их фольклор составляли байки о произволе их господ-начальников или об их собственной лукавой изворотливости. У них не было общей религии, но они разделяли общие предрассудки и иррациональные надежды, например об англо-американском вторжении в Советский Союз или ожидании амнистии к каждому советскому празднику, в мае и ноябре (так и не проведенной при жизни Сталина). В отношении всех этих вещей эки были единой «супернацией». Являлись они русскими или нерусскими по национальности, разницы не было. Они составляли гротескную подпольную пародию на идеал, выраженный формулой «советский народ»⁹¹.

Однако после Второй мировой войны в лагерях вновь пробудились национальные чувства. Это стало результатом столкновений времен войны и депортации целых народов. Как свидетельствует Солженицын, это началось после прибытия бывших боевиков ОУН, украинских партизан, воевавших и против фашистов, и против коммунистов. В отличие от запуганных довоенных заключенных они убивали «стукачей» из своей среды и потом прикрывали друг друга⁹². У эзков начали складываться собственные этнические кланы и ассоциации взаимопомощи. Только у русских не было ничего подобного, их этническая солидарность была слабой, и они продолжали делиться по идеологическому признаку — коммунисты против некоммунистов — или по месту рождения: Москва, Ленинград, Урал, Сибирь и т.п.

«Нация ээков» стала производным обратной стороны русского мессианства. Через разделявшийся ээками общий образ жизни их коллективистские принципы вместе с русским обычаем «круговой поруки» распространились на все остальные народы СССР. Некоторые характерные особенности ээков сделались характерными чертами целого советского поколения, будучи подхваченными и развитыми в аналогичных условиях нужды и аскетизма за пределами лагерей. Все, кто посещал Советский Союз вплоть до 1980-х гг., вспоминают, как люди расталкивали друг друга локтями, чтобы забраться в переполненный автобус или вагон метро, как они ревностно отстаивали свое место в очереди за «дефицитными товарами». Даже напряженное, неулыбчивое выражение лиц советских граждан на улицах городов говорило о пережитом, если и не в самой «исправительной системе», то в условиях, мало чем отличавшихся от нее, — в них сквозила решимость бороться за редкие возможности или блага, как только для этого выпадет случай, а если не выпадет, то постараться не иметь ничего общего с публично-казенным миром и уйти в собственные чувства и свою собственную частную жизнь.

Ужасные муки и отчаянная борьба за выживание не могли не сказываться на духовной и культурной жизни советского общества до самого его конца — не в малой мере из-за того, что память о них усиленно подавлялась. Так что когда в 1962 г. она вышла на поверхность в солженицынском «Иване Денисовиче» (и в полной мере только в 1990 г. в «Архипелаге ГУЛАГ»), то произошел мощный взрыв того, что Фрейд называл «возвращением вытесненного». Вопросы, которые ставили эти взрывоопасные отношения, конфликты, ими порождаемые, стали еще одной причиной того, что даже русские в СССР не могли иметь единой культуры. В 1950-х гг., когда стали постепенно выпускать ээков, Анна Ахматова писала о столкновении «лицом к лицу» двух России: тех, кто сидел в лагерях, и тех, кто отправлял их туда⁹³.

Тень ГУЛАГа витает даже над постсоветской Россией. Здесь кризис российского мессианства все еще отбрасывает свою мрачную тень. Немцы находят в покаянии смысл, потому что при нацистах большинство угнетателей были немцами, а большинство угнетенных не немцами. Для русских это гораздо более сложный вопрос. Русские были угнетателями и палачами, но они же были и жертвами. И нерусские тоже. Этот факт не оправдывает того, что русские в современной России закрывают глаза на прошлое, но он помогает объяснить их нежелание оглядываться назад.

МАССОВЫЙ ТЕРРОР

В период террора 1930-х гг. русское мессианство переживало пик своего кризиса. Крайне ослабив крестьянскую общину и почти стерев с лица земли Русскую православную церковь, люди, совершившие революцию, принялись уничтожать друг друга. Коммунистические вожди были тесно сплоченной группой, рука об руку прошедшей через подполье, революцию и Гражданскую войну. Общий опыт заставлял их ценить решительность, безжалостность и агрессию. Взаимозависимость в борьбе не на жизнь, а на смерть придавала их личным отношениям необычайную силу — они ценили узкий круг товарищества, как солдаты на передовой. Слово «товарищ» выражало не только политическую близость, оно подходило им совершенно естественно. Они проводили глобальную перестройку страны, которой управляли, наперекор крайне сильному сопротивлению и вопреки многим традициям, сложившимся у народа. Вот почему они пользовались военной риторикой, описывая свои достижения в самых далеких от войны сферах, например, в экономике: «прорыв на зерновом фронте» и т.п. Подобно крестоносцам на враждебной, недавно оккупированной территории, они знали, что нужно держаться друг друга во всех превратностях жизни. Самое незначительное колебание, самое малое нарушение дисциплины могло оказаться фатальным для всего их предприятия.

Костяк сталинского руководства состоял из «комитетчиков», как их определил Джеральд Истер. Это были бывшие местные «вожди», которые работали в большевистском подполье между 1905 и 1917 гг., потом, в годы революции и Гражданской войны, стали региональными «политкомиссарами». Нанеся к концу 1920-х гг. поражения разного рода «оппозициям», Сталин выдвинул ряд «комитетчиков» на высшие должности: Валериана Куйбышева из Поволжья, Кагановича с Украины, где он участвовал в подпольной работе, Орджоникидзе из Закавказья⁹⁴. Естественно, они, в свою очередь, потянули за собой своих местных подчиненных, которым привыкли доверять, создавая таким образом новый слой клиентов при своих персонах. Промышленные наркоматы, созданные под руководством Орджоникидзе для выполнения пятилетних планов, были новыми и весьма обильными источниками патронажа. В условиях, когда в стране отсутствовали стабильные институты и законы, личные пирамиды власти вновь обрели решающую силу, как уже было в царской России.

«Комитетчики» по большей части происходили из мещан, рабочих или крестьян. У них чаще всего не было полного образования, и они сами пробивали себе путь в жизни. Многие из них были самоучками, восполнявшими недостаток образования запойным чтением. Они унаследовали любовь русской интеллигенции к книгам, и советская культура так до конца и осталась в высшей степени вербальной и печатной. Почти половина «комитетчиков» были русскими, остальные евреями, латышами, грузинами, армянами или поляками. Впрочем, никто из них не придавал значения национальной принадлежности — они почти полностью порвали со своим семейным окружением и выковали очень крепкие личные связи, пройдя службу в Красной армии или работу в партийных органах. Партия и армия, фактически, дали им все: веру, карьеру, дружбу и даже жен⁹⁵.

Их товарищество проявлялось и в образе жизни. У всех этих «вождей» были дачи под Москвой в живописных местах, вроде Серебряного Бора, Кратова или Зубилова, где дореволюционный нефтяной магнат построил два огороженных поместья, в каждом был особняк и по несколько небольших домиков. Сталин и несколько других партийцев делили особняк в Зубилове. Их жены с детьми проводили там теплые месяцы, а сами они приезжали на выходные или летними вечерами отдохнуть от напряженной работы. Сталин подстригал розы и гулял с детьми в лесу. Его дочь Светлана доила коров, кормила кур и чувствовала себя в своей тарелке. В этой непринужденной атмосфере вожди постоянно ходили друг к другу в гости, приносили подарки женам и детям, подолгу засиживались за застольем, иногда слушали музыку и танцевали. Внешне их встречи мало чем отличались от тех, что описаны в пьесах Тургенева или Чехова⁹⁶.

Тем не менее на этих уютных вечеринках обсуждались серьезные государственные вопросы, решались судьбы миллионов людей. Включенное в электросеть высшей политики, это товарищеское общение приобретало все больший вес и все более зловещий характер. Поэтому стоило заколебаться дружеским отношениям, как они немедленно оборачивались ожесточенной враждой. Товарищи возносились наверх общей верой, и, если один из них выказывал хотя бы самый незначительный признак сомнения, он тут же становился недостойным доверия, переставал быть настоящим товарищем, а потому объективно превращался во врага. Таковы были старинные традиции русской «кружковщины», лишь обостренные революцией и Гражданской войной.

Любая группа людей, долгое время работающая вместе для достижения общих целей, вырабатывает единый взгляд на мир, собственный стиль рассуждений, что становится обязательным для всех ее участников. Любой, формулирующий иной подход или говорящий другим языком, остается непонятым или, если вопрос представляется спорным, вызывает настороженность, как опасный чужак. Более того, стоящие у власти группы проявляют большую заинтересованность в поддержании фасада абсолютного и непоколебимого единства, особенно в моменты кризиса. Значительную роль в этом играет искусство монолога⁹⁷.

У коммунистических вождей эти тенденции реализовывались в весьма гипертрофированном виде. Они считали, что у них в руках ключи к тайнам мировой истории и это позволяет и понимать ее, и определять ее будущее. Они боролись за абсолютное добро против абсолютного зла, и любой, увидевший оттенки серого, объявлялся отступником. Во время Гражданской войны они научились видеть во всех оппонентах и даже колеблющихся своих смертельных врагов, которых необходимо немедленно уничтожить. Теперь, после 1933 г., перед ними замаячила угроза в лице германского вождя, который провозгласил своей главной целью вторжение в Советский Союз и уничтожение коммунизма. Они понимали, что нужно готовить всю страну к серьезной и крупномасштабной войне.

Таким образом, менталитет и поворот международных событий соединились, способствуя созданию жестко спаянного единства по всем вопросам доктрины и политики. «Генеральная линия», провозглашенная Центральным комитетом и еще более ярко самим Сталиным, сделалась обязательной во всех своих деталях. Разработанную во всех чертах Институтом марксизма-ленинизма, ее распространяла огромная армия консультантов, лекторов, агитаторов и пропагандистов. Любой сомневающийся или отклоняющийся от шаблонных предписаний больше не считался надежным. По мере того как подобная риторика разрасталась, сомневающиеся превращались в «оппозиционеров», потом в «уклонистов», затем в людей с «террористическими намерениями» и, наконец, в «террористов» и «шпионов» капиталистических держав, настоящих врагов народа, подлежащих искоренению⁹⁸.

Доведенные до своей крайности, эти черты лучше всего видны на примере самого Сталина. У него был талант устанавливать товарищеские отношения, и он мог быть исключительно щедрым.

Когда Анастас Микоян впервые переехал в Москву для работы в Центральном комитете, Сталин поселил его в своей квартире, затем, когда Микояну она понравилась, он просто отдал ее ему, а себе нашел другую (правда, это не составляло большого труда для руководителя его ранга). Как генеральный секретарь партии он заботился об обустройстве товарищей, следил, чтобы им предоставлялись автомобили, которые они запрашивали по делам службы, а когда требовалось, выписывал «конверт» с дополнительной суммой денег или путевку на отдых во время отпуска. Конечно же, он создавал свою клиентуру, но факт остается фактом — он умел это делать, и партийные товарищи ценили его за это. Тем не менее, как заметил Симон Монтефьоре, «его дружба, как юношеское увлечение, колебалась между любовью, восхищением и раздраженной ревностью». Если он чувствовал пренебрежение или высокомерное отношение или подозревал, что «товарищ» пытается завести себе монополию на чью-то дружбу, Сталин становился безжалостным и неумолимым, хотя всегда сохранял внешнее спокойствие, поджидая удобного момента, чтобы нанести удар. Сталин был еще и хорошим актером, продолжая до последнего изображать дружбу. Некоторые из его «товарищей» не прекращали любить его вплоть до собственной смерти по его указанию⁹⁹.

Самый горький пример этой невероятной преданности вопреки всему мы видим в письме, которое написал Сталину из тюрьмы Николай Бухарин в декабре 1937 г. Перед нами раскрывается картина параллельного столкновения противоречивых движущих сил товарищества, паранойи и приверженности великому делу. Бухарина еще не судили как члена «правотроцкистского блока» за сговор с иностранными разведывательными службами для подготовки вторжения в СССР, но он уже ознакомился с выдвинутыми против него обвинениями: «Если бы только был способ, который позволил бы тебе увидеть, как обнажилась и разрывается моя душа! Если бы только ты мог увидеть, как я привязан к тебе, душой и телом, не то что некоторые другие». Больше всего его мучает страх, что Сталин и в самом деле мог *поверить* нелепым обвинениям, которые ему предъявлялись. Но он признает, что «*великие* планы, великие идеи и великие интересы прежде всего, и я знаю, что с моей стороны было бы мелочным ставить вопрос о моей личности на одну доску с всеобщими историческими задачами, которые ложатся в первую очередь на твои плечи». Трудно поверить, но Бухарин заканчивает последнее письмо просьбой «простить его (в сердце, и только)»¹⁰⁰.

Вряд ли может быть более страстное и мучительное свидетельство того духовного мира, в котором жили коммунистические вожди.

Представления, порожденные ошестинившимся одинодушием, отравляли своим ядом даже самые интимные семейные отношения. Когда Осип Пятницкий, видный работник Коминтерна, был в июле 1937 г. арестован, выдвинутые против него обвинения вызвали у его жены Юлии страшные подозрения. Она вспоминала, что временами он становился сумрачным, неразговорчивым, что порой к нему приходили странные личности. А вдруг правда, что он служил раньше в царской охранке и продолжал поддерживать контакты с ее агентами, замышляя заговор против советского режима? В своем дневнике она аплодировала Николаю Ежову за его линию на разоблачение шпионов и террористов. После ареста ее старшего сына вера в Ежова все же дала трещину, но даже при этом она продолжала упрекать младшего сына Вовку за плохие отметки в школе, пользуясь сталинской риторикой: «Я напомнила ему, что он сын “врага народа”, что своим поведением он показывает, что он брат “врага” и т.п. У него потекли слезы, и он сказал: “Разве я виноват в том, что я сын и брат врагов? Я не хочу, чтобы ты была моей матерью. Хочу в детдом”»¹⁰¹.

Стремление к риторическому единству самым фатальным образом приходило в противоречие с системой личных отношений «патрон—клиент». В известном смысле партийно-государственный механизм представлял собой огромную сеть отношений «патрон—клиент», которая складывалась и направлялась системой номенклатурных назначений. Фактически, она функционировала вовсе не как правильно скоординированная система: средние и нижние звенья не всегда поддавались централизованному управлению. Местные партийные руководители знали свои кадры так, как не могли знать в центре. Они назначали своих директоров предприятий, председателей колхозов, директоров школ и начальников милиции, каждый из которых был заинтересован в том, чтобы прикрывать другого, нагоняя туман, сквозь который разглядеть что-либо сверху было очень трудно. Их склонность к скрытности говорила не о том, что они занимаются оппозиционной деятельностью, а о том, что им не хотелось выставлять напоказ, как они хорошо живут, не хуже начальства, и хотели бы, чтобы это продолжалось максимально долго. Они разбазаривали производственные фонды на строительство личных дач, обзаводились дорогими автомобилями с шоферами, угощались хорошими винами и изысканными блюдами, про-

водили приятные летние отпуска или «лечение» на берегах Крыма, и все это за счет местного населения, которое обходилось перенаселенными коммуналками и простаивало в очередях за дефицитными товарами.

Советский Союз сделался обществом скудности; ключом к решению повседневных проблем стало занять ступеньку на патронажной лестнице, пусть даже низшую, т.е. стать клиентом какого-нибудь патрона. Беда была в том, что скудность, иерархия и фаворитизм вовсе не были тем, что предусматривалось идеологией, а ее расхождение с реальностью, хотя никогда открыто не признаваемое, было очевидным и болезненным.

Стремительная индустриализация любой ценой, коллективизация и раскулачивание приносили одно бедствие за другим. Высшее руководство знало о миллионах, умерших от голода, но продолжало идти своим путем. «Комитетчики» в общем и целом поддерживали эти программы, но знали, от своих корреспондентов на местах, ценой каких страданий и разора они проводятся в жизнь. Возможно, они предпочитали бы идти медленнее, применять меньше репрессивных методов и более выборочно подходить к раскулачиванию. С другой стороны, они не могли предложить никакой альтернативы, во всяком случае, они со своими протезе неотвратимо втягивались в конкуренцию друг с другом за достижение все более высоких темпов преобразований¹⁰².

На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. некоторые из вождей, обеспокоенные тем, куда ведет их Сталин, обратились к С.М. Кирову, который в качестве первого секретаря Ленинградского обкома был одним из первых людей в партии, и просили его выставить свою кандидатуру на пост генерального секретаря партии в противовес Сталину. Киров отказался, но Сталину стало известно о потенциальной угрозе, и он встревожился, тем более что при последующем голосовании на выборах членов ЦК он получил более 100 голосов против, а Киров только два. Опубликованные цифры голосования были сфальсифицированы, и Сталин остался на своем посту¹⁰³.

Теперь, когда «генеральная линия» была подтверждена, нужно было объяснить трагические последствия ее реализации. Вот где встает вопрос о коммунизме как религии. Зрелые и вполне развитые религии имеют теодицею, богооправдание, т.е. способ объяснения неудач и страданий. Из них извлекают уроки и обновляют веру ради того, чтобы продолжать свое существование. У марксизма-ленинизма не было теодицеи. Если происходили неудачи и

провалы, они объяснялись, как это бывает на войне, исключительно происками врага. Если люди погибали в железнодорожной катастрофе или при взрыве газа на шахте или от утечки яда на химическом комбинате, туда направлялась комиссия, которой поручалось выяснить причины происшедшего, и она неизменно делала вывод, что причиной был «саботаж», «диверсии» или «вредители».

В попытке выкорчевать из партии внутренних «врагов» Сталин дал указание провести в 1933 г. «обмен партийных билетов», что, в сущности, означало скрытую чистку партийных рядов. Каждый член партии должен был предстать перед парткомиссией, положить на стол партийный билет, а затем подвергнуться допросу о своей деятельности и взглядах и получить (или не получить) новый партбилет, если комиссия не удовлетворялась его ответами. Поскольку этот процесс должен был проводиться на низовом уровне, местные партийные секретари, естественно, воспользовались возможностью отделаться от соперников или противников и подтвердить членство тех, кто являлся их доверенными людьми. Сталин сильно подозревал, что в результате многие «враги» остались на месте, окопавшись на своих позициях. Он решил, что нужно вводить в действие независимую внешнюю силу и повторить операцию. Этой силой стал НКВД¹⁰⁴.

Таким образом, начиная с 1935 г. орган советской «госбезопасности» получил независимый рычаг воздействия на внутрипартийные интриги. Поскольку профессиональным долгом политической полиции было разоблачать и уничтожать «врагов», этот процесс оказался беспрецедентно разрушительным. Он стал набирать обороты после убийства Кирова (независимо от того, убит он был по приказу Сталина или нет). Затем умер Куйбышев, а Орджоникидзе, самый влиятельный из партийных «патронов», покончил с собой после столкновения со Сталиным. Соперничающие сети «патрон—клиент» боролись между собой, используя тайную полицию в качестве главного инструмента. Сталин решал, кто будет конкретной жертвой, но ему не удалось уничтожить сами патронно-клиентные сети. Те, кто смог пережить репрессии в верхних эшелонах власти, и те, кто стоял непосредственно под ними на служебной лестнице и передвинулся на более высокие и ответственные посты, шагая через трупы предшественников, были опытными и безжалостными мастерами искусства монопольной патронажной политики, которая, вопреки всем сталинским кровавым усилиям, стала костяком новой русско-советской политической системы.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Митрополит Сергей сделал в 1927 г. заявление о лояльности Советскому государству для того, чтобы церковь, в какой бы осаде она ни находилась, сумела выжить как организация, способная заниматься своими делами. Однако, как мы видели, режим не выполнил своих условий сделки. Он не ограничился юридическими ограничениями церковной деятельности. Он также вел более позитивную стратегию, пытаясь создать светскую и научную контркультуру и опровергнуть религиозную доктрину путем антирелигиозной пропаганды. Был основан Союз воинствующих безбожников, который готовил агитаторов для борьбы с убеждениями верующих, учил превозносить достоинства науки и атеизма и всячески разоблачать церковь как организацию, вымогающую деньги у простых непросвещенных людей с помощью ложных обещаний и фальшивых утешений. Эти усилия дали разочаровывающие результаты. Сами атеисты часто были слишком невежественными, чтобы убеждать своих оппонентов, а верующие не доверяли им как наймитам государства¹⁰⁵. Не в их силах было создать позитивную атеистическую культуру и соответствующий образ жизни.

Невзирая на провал попыток предложить альтернативу организованной религии, режим вскоре не пожелал терпеть даже еженедельные церковные службы. Как мы видели, в конце 1920-х и в 1930-х гг., во время или после коллективизации, большинство приходов было закрыто, а церкви превращены в кинотеатры, клубы или склады. Колокола сбрасывались с колоколен, а затем отвозились на переплавку для выполнения пятилетнего плана. Таким путем были одновременно уничтожены два столпа традиционной народной России — церковь и сельская община. Священники и дьячки, равно как и активные верующие, были названы особо опасными «кулаками» — «активными антисоветскими кулаческими группами церковников и сектантов», цитируя директиву ОГПУ от 2 февраля 1930 г.¹⁰⁶ Это означало, что они все подлежали высылке.

Эти операции не всегда проходили гладко. В деревне Ольшаница Брянской области, сельсовет послал делегацию закрыть церковь и передать ее местной семилетней школе. НКВД сообщал в своем отчете, что церковный староста отказался выдать ключи от церкви, а местный священник, которого успели предупредить, появился в пьяном виде, сопровождаемый истерически кричащими прихожанками. В результате разгорелся спор относительно переда-

чи церкви, во время которого двое из толпы, прибывшей со священником, женщина Колганова и старик Дроздов (ему было за 70 лет), забрались на колокольню и ударили в набат. На колокольный звон с полей сбежалось 300—350 женщин с серпами и вилами, которые и прогнали уполномоченных, пришедших закрыть церковь¹⁰⁷.

К 1939 г. были закрыты все монастыри. Из 37 тыс. действовавших в 1930 г. приходских церквей осталось только 8032, зарегистрированные как действующие. Многие из них, однако, не функционировали, так как при них не было священников, чтобы проводить богослужения. Подсчитано, что на Украине действовали только 1116 из 4487 церквей. В Москве оставались открытыми 15 из 600 церквей, в Ленинграде — 5 из 300, а во всей Тамбовской епархии 2 из 110. В Одессе была открыта всего одна церковь по личной просьбе академика В.П. Филатова, окулиста Сталина. Официально назначенного священника там не было, но каждое воскресенье, как говорили, прихожане собирались, и среди них появлялся священник и вел службу, но в конце концов был арестован НКВД¹⁰⁸.

В апреле 1939 г. в Ленинграде Любовь Шапорина, жена композитора, в первый раз в жизни не пришла в церковь на Пасху. В своем дневнике она записала: «В городе всего три церкви, и они полностью забиты, так что нет пасхального крестного хода, и даже не услышишь на улицах слов “Христос воскрес!”»¹⁰⁹.

Из 163 епископов в 1939 г. на свободе оставалось всего четверо из продолжавших служение. Один из них — будущий митрополит Ленинградский Алексей жил в камерке при колокольне собора, помещении, предназначавшемся для церковного сторожа. Остальные либо отошли от дел, либо находились в заключении, в трудовых лагерях или в ссылке, многие были расстреляны. Подсчитано, что между 1918 и концом 1930-х гг. преждевременно умерло более 40 тыс. рукоположенных священников. В 1941 г. официально насчитывалось 5665 все еще действующих священнослужителей, в том числе «обновленцев», что составляло всего 5% от их числа в 1930-х гг. От 80 до 85% всех священнослужителей пребывали в тюрьмах или были казнены¹¹⁰.

Самым драматическим событием во всей истории гонений на церковь было разрушение храма Христа Спасителя в центре Москвы. Самое значительное место для богослужений в России, этот собор был построен в конце XIX в. в память о победе русских над

Наполеоном. Десятилетиями он доминировал над городским пейзажем и был виден из различных точек города. Предварительные работы по снятию колоколов и архитектурных деталей заняли пять месяцев. Процесс разрушения собора завершился 5 декабря 1931 г. взрывами динамита. После двух взрывов купол собора так и не рухнул, и «верующие, толпой наблюдавшие за происходящим, закричали, что Господь услышал их молитвы и не позволит разрушить церковь». Однако после третьего взрыва их надежды были развеяны¹¹¹.

Режим планировал воздвигнуть на месте собора Дворец Советов, который должен был иметь высоту 415 м, т.е. выше недавно законченного небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке, и гораздо массивнее в основании; увенчать строение должна была 90-метровая статуя Ленина, что в три раза выше нью-йоркской статуи Свободы. К дворцу должен был вести проспект шириной 20 м, проходящий через центр Москвы, чтобы по нему могли проходить колонны рабочих и солдат. Внутри дворца под 100-метровым куполом должен был быть зал заседаний на тысячу мест плюс 17 тыс. квадратных метров живописи, 20 тыс. барельефов и 17 тыс. фресок и панелей. Однако, когда были завершены взрывные работы, геологические исследования показали, что под разрушенным храмом находится мощный водяной пласт, могущий залить фундамент дворца. Строители попытались укрепить основание, загнав в почву сотни могильных камней, собранных на старых московских кладбищах. Но это не спасло положения, подземные воды продолжали просачиваться наверх, и в конечном итоге пришлось полностью отказаться от всех грандиозных планов. Вместо дворца построили плавательный бассейн. На месте того, что должно было стать символическим сердцем всего нового порядка, образовалось пустое пространство¹¹².

Многие верующие и священники просто ушли в подполье. Священники днем работали, например, больничными санитарями или гардеробщиками, а по вечерам облачались в рясу и тайно проводили службы или посещали больных и умирающих. Существовали даже тайные монастыри, некоторые из них находились в сибирских лесах, другие — скрывались в обычных учреждениях в некоторых городах. Тайные богослужения проводились в лесах или в неосвященных зданиях. Одна женщина описывала пасхальную службу в катакомбах: «Маленький домик, где жил отец Серафим, казался покинутым и нежилым. Но внутри было много людей, которые пришли сюда отпраздновать радостный праздник со своим

священником, как прежде делали в церкви. Священник занимался установкой алтаря и иконостаса... Перед началом богослужения священник послал кого-то проверить, не будет ли пение слышно на улице. Потом началась заутреня, и маленький домик превратился в сверкающий храм, где всех объединяло одно несравненное чувство Воскрешения. Крестный ход прошел внутри дома, в большой комнате и в прихожей»¹¹³.

Мы не можем сказать, насколько широко были распространены подпольные богослужения. Однако известно, что в 1937 г. перепись населения показала, что 57% взрослых советских людей все еще называли себя верующими. Эта цифра никак не может быть преувеличенной, так как и переписчики и респонденты были заинтересованы в том, чтобы занижить подлинный масштаб религиозности. Показатель был настолько шокирующим, что результаты переписи не были преданы гласности. Однако, каким бы ни было число верующих, накануне войны с фашистской Германией православная церковь как институт была почти уничтожена. В мае 1941 г. митрополит Сергей жаловался приезжему священнику: «Раньше они душили нас, но, по крайней мере, выполняли обещания. Теперь они продолжают нас душить, но больше не выполняют обещаний, которые дают, удушая нас»¹¹⁴.

СУДЬБА ОДНОГО СВЯЩЕННИКА

История одного из священников может помочь увидеть, что пережили в те годы церковнослужители, их семьи и прихожане. Об этом рассказывает младший сын священника Василий Иванович Соколов, чьи документы хранятся в архиве библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Отец Иоанн родился в 1879 г. в селе Новоспасском Смоленской губернии. После учебы в семинарии он семь лет работал приходским священником в отдаленной деревне. Все это время он читал много русской богословской литературы и пришел к убеждению, что социализм марксистского толка — это попытка объявить человечество божественным, создать богочеловека и поэтому это смертельно опасная доктрина. По этой причине он отвергал любой компромисс с ней, вроде предложенного «обновленцами» в начале 1920-х гг. Вместо этого он считал, что нужно переосмыслить христианскую доктрину, связав ее более эффективно с заботой церкви о прихожанах. Он поступил в Московскую

духовную академию, где его духовным и научным наставником в работе над диссертацией стал отец Павел Флоренский.

Закончив учебу, отец Иоанн получил назначение на место священника в Нижнениколаевской церкви, второй по значению после кафедрального собора в Смоленске. В 1923 г. его арестовали как автора обращения в поддержку недавно арестованного патриарха Тихона, но вскоре освободили, так как среди его вещей не нашли копии обращения — его надежно спрятал младший сын священника, заранее узнавший о готовящемся обыске¹¹⁵.

Затем последовали несколько лет относительно спокойной работы в приходе. Но для священников и их семей жизнь неуклонно становилась все труднее. Они принадлежали к категории *лишенцев*. Это были представители «*бывших*» классов: помещиков, купцов, духовенства, лишенных гражданских прав. Как рассказывал Василий, их «могли в любой момент мобилизовать для выполнения требующих физической силы или унижительных работ, вроде чистки уборных¹¹⁶ или ремонта дорог, их могли арестовать без санкции прокурора, взять заложниками, которых иногда расстреливали, если политическая ситуация становилась напряженной или даже если этого не было»¹¹⁷. Многие не могли вынести всего этого и отказывались от сана.

Судьба их семей была незавидной. Отца Иоанна однажды вызвали в ОГПУ и сказали, что он должен отказаться от сана, потому что он «разрушает будущее своих детей». Если у кого-то отец был священником, он мог только обманным путем вступить в партию, получить хорошую работу или поступить в специальное или высшее учебное заведение, все это — если он не был готов публично отречься от отца. Старший сын отца Иоанна ушел из семьи. Дочь также отказалась от него, но продолжала тайно поддерживать с ним контакт. Она уговорила Василия приехать к ней в Москву, где он поступил в Химико-технологический институт. Он никогда не мог забыть, как отец провожал его на железнодорожной станции: «Меня поразило и взволновало увидеть, как у моего отца, когда тронулся поезд, потекли слезы. Не обращая внимания на стоящих рядом, он снял шапку и перекрестил меня»¹¹⁸.

В институте Василий не получал стипендии из-за «темных пятен» в своей биографии. Директор института, узнавший о его прошлом, позволил Василию продолжать учебу при условии, что он и далее будет получать хорошие отметки, и посоветовал ему «потерять свидетельство о рождении и никому не говорить об отце»¹¹⁹.

В августе 1936 г. наконец случилось то, чего опасалась вся семья. Отца Иоанна арестовали и сослали на поселение в Казахстан, где ему, конечно, запретили выполнять обязанности священника, и он должен был заниматься физическим трудом. Тем не менее он мог бы выжить, если бы только в его прежнем приходе не произошел инцидент, позволивший применить к нему «высшую меру наказания».

Игравшие в развалинах старой крепости на окраине Смоленска дети «увидели как-то ранним утром, что временами к одной из башен приходит пожилая или среднего возраста женщина». Они затаились и в конце концов увидели, как к башне подъехала лошадь с телегой, из башни, поддерживаемый возницей, выбрался очень древний старик. Подкравшись к башне, дети «увидели невероятную сцену: старик, одетый в черный балахон и в шапку с белым крестом, что-то нараспев бормотал, а стоявшие перед ним люди, в большинстве своем женщины также, как замороженные, нараспев повторяли за ним и иногда опускались на колени... Одна женщина торопливо повесила занавеску и прикрепила к ней несколько икон, получилось что-то вроде иконостаса, а затем вытащила из кустов, росших в башне, обыкновенную школьную парту, набросила на нее полотенце с вышитым крестом, получилось что-то, похожее на аналой. Кто-то вытащил из чемодана и кипу литургических книг, а третий разжег углей и ссыпал их в самодельное кадило. Началось обычное богослужение, в необходимые моменты кадило раскачивалось из стороны в сторону, только вместо благовоний в нем была смола».

Дети рассказали об увиденном родителям, а те передали рассказ дальше. Однажды служба была прервана в самой середине, священника и старух куда-то забрали, а книги сожгли. В результате этого инцидента в бывшем приходе отца Иоанна, хотя он находился в ссылке за много тысяч километров, снова арестовали и на этот раз приговорили к «десяти годам» лагерей «без права переписки». Только когда Василий в 1990-х гг. смог познакомиться с делом, он обнаружил, что его отца тогда же расстреляли¹²⁰.

В конце 1930-х гг. Советский Союз охватил разрушительный социополитический психоз, порожденный революцией, Гражданской войной и мессианской борьбой вождей против национальной церкви и традиций русского народа. В условиях надвигающейся угрозы войны с Германией вождям нужно было что-то делать, чтобы восстановить в стране стабильность и социальное единство. Но

это была сложнейшая задача: социальная память русских, уже понесшая серьезные потери от революции и Гражданской войны, еще более пострадала от событий 1930-х гг. Их мало что могло объединить, потому что снова происходило крайнее социальное расслоение, а разгул государственного насилия имел крайне разрушительные последствия.

И все же, как мы увидим в следующей главе, на сцене появлялся новый правящий класс, подпитывавшийся новобранцами из всех слоев советского общества, но прежде всего из рабочих и крестьян. Этот класс создавал не только собственную монополию патронажной системы, но также собственную память и мифы. Используя свою сравнительную образованность и систему пропаганды, он был в состоянии распространять их по всей социальной лестнице, до самых низов, только недавно обретших грамотность. В низах также складывалась хотя и в изменившихся формах, но все-таки легкоузнаваемая модель российской социальной жизни. Она складывалась в коммунальных квартирах и на рабочих местах, где изменившиеся, но знакомые узы «круговой поруки» возродили нищенский эгалитаризм, подсматривание друг за другом и подчинение власти. Невзирая на все конфликты, нарождалось русское общество нового типа, хотя окончательно оно сможет консолидироваться только после Второй мировой войны. Появлялся невероятный, но, тем не менее, жизнеспособный симбиоз русских традиций и коммунистического «нового порядка».

Глава пятая

ПРОЕКТИРУЯ НОВУЮ РОССИЮ

С конца 1920-х и до середины 1930-х гг. советское общество переживало бурные времена. Институты и мифы царской России отмерли, однако на их месте не выросло ничего прочного или стабильного. В Германии к власти пришел Гитлер, провозглашающий одной из основных целей нападение на Советский Союз и уничтожение большевизма. Неожиданно страна, которую русские марксисты боготворили, как свою величайшую надежду, обернулась их злейшим врагом. Требовались какие-то объединяющие контрвлияния. В первую очередь, для всех русских, как самого многочисленного из советских народов, требовалась социальная память, легенды о достижениях и народные празднества, чтобы затянуть образовавшиеся трещины и укрепить фундамент нового общества. Официальная советская историография еще только выходила из пеленок и не стала привычной; ее герои еще не стали великими людьми, скорее это были абстрактные социальные силы, ее сражения были тяжелой и нескончаемой борьбой классов; ее хроника событий размечалась не царями и царицами, а ступенями социально-экономического развития. Возможно, самым важным в ней было то, что отечеством теперь являлась не Россия, а международный рабочий класс и этнически безликий СССР.

Можно было бы предположить, что героика и мощь горячили кровь и отпечатывались в народной памяти. Опросы, проведенные в Одессе в 1924 и 1927 гг., показали, однако, что мало кто из детей понимал, что такое коммунизм, или знал, кто возглавляет советское правительство или даже как называется страна, в которой они живут. Они знали о революции и Гражданской войне, но как о запомнившихся исторических фактах, а не как о предметах, по поводу которых они могут испытывать глубокие чувства или отвечать на конкретные вопросы. Целых 20% опрошенных в 1927 г. даже не

знали, кто такой Ленин. Более широкое исследование, проведенное педагогическим отделом Наркомпроса, также выявило поразительное незнание населением многих важнейших вещей, касавшихся Советского Союза и его институтов. Один респондент думал, что комсомол — это «международная организация бездомных», другой — что Персия и Китай готовятся вторгнуться в Советский Союз, а третий — что «империализм — самая верная дорога в социализм»¹.

Когда Великобритания в 1927 г. порвала дипломатические отношения с Советским Союзом, режим предпринял широкую публикацию в прессе материалов, которые должны были пробудить патриотические чувства населения. Доклады ОГПУ говорили о том, что реакция населения на усилия пропаганды была либо индифферентна, либо негативна. В них указывалось, что некий русский житель Кривого Рога сказал: «Англия готовится объявить войну России, но русские устали от войны, и никто не пойдет воевать. Советская власть для нас все равно что дурной сон и явление временное, рано или поздно ее не станет и тогда будет Учредительное собрание». А крестьянин из Московской области заявил: «Скоро начнется война и нам, крестьянам, дадут оружие, и мы повернем его против советской власти. Нам не нужен рабочий режим, и мы должны свергнуть его и раздавить коммунистов». На публичном митинге задали вопрос: «Почему мы не можем иметь советской власти без партии?»² На случай кризиса международной обстановки режим имел все основания интересоваться, какую поддержку он получит у народа. Создание общенародных позитивных мифов и воспоминаний сделалось настоящим приоритетом.

УКРАИНА И КРИЗИС КОРЕНИЗАЦИИ

Начало реализации пятилетних планов и коллективизации сельского хозяйства во весь рост поставило вопрос о коренизации. По самой своей природе планирование и открытие оснащенных современной техникой предприятий, осуществлявшееся под жестким централизованным контролем, носило скрытый характер русификации. Новые предприятия выпускали продукцию для общесоюзного рынка, где преобладал русский язык. Приказы, инструкции и спецификации поступали из Госплана и союзных промышленных министерств на русском. Большая часть квалифицированных кадров

обучалась на русском языке, и, каково бы ни было их происхождение, на работе они предпочитали пользоваться именно русским, а не каким-либо другим языком. Для многих это был единственный знакомый язык. Калинин, иногда говоривший о том, что другие советские вожди лишь думали, но предпочитали не артикулировать, как-то проговорился не где-нибудь, а на съезде компартии Узбекистана о том, что «национальный вопрос — это чисто крестьянский вопрос... Лучший способ ликвидировать национальность — это массовое предприятие с тысячами рабочих... которое, как мельничные жернова, перемалывает все национальности и выковывает новую национальность. Эта национальность — мировой пролетариат»³. Внутри Советского Союза такой мировой пролетариат мог быть только русским.

Мы уже видели, что Украина находилась в эпицентре кризиса, связанного с коллективизацией сельского хозяйства. То же самое можно сказать и о коренизации, которая определялась как ведущее направление внутренней политики на Украине. К 1933 г. 89% учащихся начальных школ посещали школы с преподаванием на украинском языке — впечатляющая цифра, особенно если учесть, что преподавание на украинском до 1905 г. было запрещено. Огромное большинство книг, журналов и газет выходило на украинском. Резкий рост грамотности сопровождался, как назвал это явление Бенедикт Андерсон, «печатной революцией»: к концу 1920-х гг. русские и евреи вынуждены были сражаться за места в немногих оставшихся русскоязычных школах, и это вызывало большое недовольство. Недовольна была и часть украинцев. Виктор Кравченко позже вспоминал: «В теории, мы, украинцы как часть студенчества, должны были радоваться. На деле же мы пострадали от этого нововведения так же, как неукраинское меньшинство. Те, кто, как я, с детства говорили на украинском, не привыкли пользоваться им для учебы. Несколько наших лучших профессоров были абсолютно деморализованы этим языковым переключением. Хуже всего то, что наш местный язык просто не поспевал за современными знаниями, его словарь не годился для электротехники, химии, аэродинамики и большинства других естественных наук... Мы страдали от новой нагрузки и по секрету обращались к русским учебникам, а между собой смеялись над опереточным национализмом»⁴.

Украинская «печатная революция» означала, что широкомаштабная урбанизация, когда она началась в 1930-х гг., происходила на украинском языке, а не на русском, как это могло бы про-

изойти за десять лет до этого. Впервые в истории многие города на территории Украины сделались украинскоговорящими. Даже в Донбассе, традиционном бастионе русских рабочих, к 1930 г. украинцы составляли 70% шахтеров-угольщиков, в то время как на украинском языке, как родном, говорили 44% рабочих региона. Нарком образования Микола Скрыпник с гордостью заявлял: «Теперь украинская культура не только культура песни, музыки, театра, кооперативов и школьных учителей. Теперь это культура заводов и предприятий, культура Днепрогэса и Донбасса»⁵. Это заявление было несколько преждевременным: некоторые города на востоке и юге УССР, вроде Харькова, Донецка и Одессы, оставались по преимуществу русскими по культуре. Верно было и то, что *коренизация* не была *украинизацией* в полном смысле слова, скорее это было приспособление Украины к советским структурам. И все равно перемены были неприятным ударом для русских и тех, кто привык к культурному и лингвистическому доминированию.

Поэтому вполне логичным стало то, что кризис коренизации должен был начаться именно на Украине. Для полиэтничной страны, где русские являлись самым многочисленным народом, Украина стала как бы испытательским полигоном. Выбор украинцами, а за ними и белорусами их собственной национальной идентичности определил, станет ли объединенная восточнославянская нация подавляюще господствовать в СССР или великороссы просто составят относительное большинство.

Украинцев к тому же разделяла очень болезненная и вполне реальная политико-географическая граница: почти 5 млн украинцев жили в Польше. В начале 1920-х гг. существовала уверенность, что польские украинцы захотят переселиться в СССР. Специально для того, чтобы сделать Украинскую ССР «центром притяжения массы недовольных украинцев», как обозначали украинцев, живших за рубежом, была создана Западно-Украинская коммунистическая партия (ЗУКП). К началу 1930-х гг., однако, Советский Союз стал походить на страну, которую хотелось скорее покинуть, чем перебираться туда. Партийные вожди начали опасаться, что советские украинцы могут сформировать центр недовольства или даже просить польского гражданства и эмигрировать в Польшу. Захват власти Юзефом Пилсудским в 1926 г. и его заявленная готовность сотрудничать с польскими украинцами и белорусами пробудили страхи новой антисоветской кампании, в которой против Советского Союза использовались бы этнические факторы.

Эти страхи усиливались в процессе коренизации. Некоторые члены партии подозревали, что украинизация проводится слишком крутыми методами и приобретает самодовлеющий и опасный характер. Большим символическим триумфом украинской интеллигенции было возвращение в марте 1924 г. Михайло Грушевского. Грушевский был председателем Украинской центральной рады во время ее борьбы за независимость от России в 1917—1918 гг., а потому ключевой фигурой антибольшевистского движения. По возвращении он был избран председателем исторической секции Украинской академии наук. Несмотря на свое прошлое, теперь он был готов сотрудничать с коммунистами по примеру сменовеховцев, и большинство видных коммунистов полагали полезным отвесить подобный комплимент ради сохранения украинской интеллигенции на борту советского корабля⁶.

Грушевский был дуайеном украинских национальных историков и автором истории своей страны, в которой роль москалей и имперской России в ее формировании сводилась к минимуму. Он утверждал, что господствующая русская историография, которая рассматривала великороссов, украинцев и белорусов как единую нацию, порочна, так как делала слишком большой акцент на государстве и оставляла в стороне народы. Грушевский настаивал на том, что, говоря о Киевской Руси как о праматери «русского» народа, русские историки игнорируют важные этнические различия: «Мы знаем, что Киевское государство с его законами и культурой было создано одним народом, украино-русами, Владимирско-Московское было созданием другой национальности — великороссов». Если хотите, Москва была для Киева тем же, что Галлия была для Рима. По мысли Грушевского, Киев положил начало совершенно иной традиции — Галицийско-Волынской в XIII в., литовско-польской — в XIV—XVI вв. и украинской нации сегодняшнего дня. Нынешняя белорусская нация, согласно его интерпретации, также результат параллельного развития, идущего от Великого княжества Литовского. «Не может быть “общерусской” истории, — настаивал Грушевский, — как не может быть “общерусской национальности”. Может быть история “русских национальностей”, если кому-то это угодно так называть, или история Восточных славян; так должно называться то, что в настоящее время называется “Русской историей”»⁷.

Можно было бы удивляться тому, что пересмотр далекого прошлого вызывал такие противоречия, но для изломанной советской

памяти подобные заявления обладали взрывной силой. Это радикально ставило под вопрос все то, что было безусловными представлениями всех советских правителей, даже при их антирусских настроениях, утверждавших то, что волей истории русский народ составляет основную субстанцию Советского Союза. Этот «цемент» был бы много крепче, если бы «русские» включали в себя украинцев и белорусов, и именно против этого и выступал Грушевский.

Триумфальное возвращение Грушевского было всего лишь наиболее ярким проявлением тенденций украинского национализма, которые беспокоили советских вождей, а также многих русских, евреев и других неукраинцев. Первый секретарь компартии Украины особенно опасался, что продолжающаяся украинизация угрожает поглощением большого числа русских городских рабочих, живущих на Украине. Еще в апреле 1926 г. после одного из докладов Кагановича Сталин упрекал наркома образования УССР Александра Шумского за излишнее усердие: «Мы можем и должны, соблюдая нужный темп, украинизировать нашу партию, государство и аппарат. Но мы не должны украинизировать пролетариат сверху. Мы не должны заставлять русских рабочих в массе отказываться от русского языка и культуры и объявлять украинский своим языком и культурой. Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это будет не национальной свободой, а новой формой национального угнетения»⁸.

Критика Сталина вызвала в Коммунистической партии Украины (КПУ) яростные споры. Неожиданно дискуссия обострилась в связи с вопросом о польской границе: в январе 1928 г. Коммунистическая партия Западной Украины (КПЗУ) выступила с заявлением в защиту Шумского, критикуя «бюрократическую деформацию процесса украинизации» и «отказ в необходимости украинизировать городской пролетариат». Это затронуло большой вопрос. Коминтерн отреагировал с беспрецедентной жесткостью, распустив КПЗУ и реорганизовав ее с уже совершенно новым руководством, одновременно КПУ осудила линию Шумского, как «теоретическое формулирование украинского фашизма»⁹. Такой язык был исключительно сильным для товарищей, отзывающихся о других товарищах, в этом выразилась усиливающаяся паранойя, которой к этому времени отличался партийный подход ко всем украинским проблемам.

Той же паранойей был отмечен один из самых громких показательных процессов того периода, процесс над участниками Со-

юза освобождения Украины, который проходил в Харьковском оперном театре в марте—апреле 1930 г. Обвиняемыми оказались деятели из Украинской академии наук, Украинской автокефальной церкви, некоммунистических украинских политических партий и ряда общественных организаций. Их обвиняли в разжигании националистических настроений на Украине с целью спровоцировать мятежные выступления и создать условия для иностранной интервенции¹⁰. Приговор явил собой один из первых примеров неимоверно риторических преувеличений, которые вскоре стали типичными для советской юриспруденции, с искусством иллюзиониста превращавшей безобидных, хотя и недовольных граждан в «шпионов», «врагов» и «иностранных агентов», а ничего не значащие собрания или дискуссии в «террористические заговоры».

Такие же страхи обуревали партийных вождей относительно Белоруссии, несмотря на то что национальное самосознание там было намного слабее. Во время революции и Гражданской войны Белоруссия пережила только один мимолетный период независимости, перед тем как в 1919 г. была провозглашена советской республикой. Ее созданию как независимому целому противились даже некоторые местные большевики на том основании, что Белоруссия не представляет собой национального государства, но Ленин, по-видимому, очень хотел создать надежный противовес «великодержавному шовинизму», расколов всех восточных славян¹¹.

В 1920-х гг. Белоруссия, как и все невеликорусские советские республики, выиграла от политики коренизации: впервые в местных школах начали обучать на белорусском языке. Крестьяне, составлявшие подавляющую часть населения Белоруссии, выиграли сначала от революционной экспроприации земель, а затем от НЭПа. На протяжении 1920—1930-х гг. сложилась реальная социальная база для формирования белорусской национальной идентичности, когда получившие образование крестьяне двинулись в города, находили городскую работу и получали профессию. Пускала корни и белорусская пресса, и к концу 1930-х гг. 90% населения БССР умело читать, хотя многие читали только по-русски¹².

Призрак белорусского национализма так преследовал советских вождей, что они срежиссировали в Минске показательный процесс, очень схожий с украинским. Однако здесь было одно отличие: среди обвиняемых на суде над участниками Союза освобождения Белоруссии было четыре видных руководителя Белорусской коммунистической партии. Как утверждалось, здесь

опасность национализма проникла в самые верхние эшелоны партийного руководства, поэтому нужно было удвоить бдительность. В партийной прессе появились статьи, объявлявшие белорусский национализм величайшей политической опасностью в республике. Белорусизацию — местный вариант коренизации — никто официально не отвергал, но с учетом подобных официальных утверждений этим курсом стали следовать с опаской, если вообще следовали¹³.

Снова окунувшись в умонастроения Гражданской войны, Сталин с помощниками пришли к убеждению, что сопротивление «великому социалистическому наступлению» идет от нерусских и особенно от украинцев, показавших себя не только ненадежными в экономическом отношении, но еще и перспективной пятой колонной, благодатной почвой для интриг потенциального врага — Польши. Русские, напротив, в глазах партийных вождей показывали себя не только опорой государства, но еще и надежными проводниками экономических планов партии.

ВОЗВЫШЕНИЕ РОССИИ

Логика конфликтов, порожденных «великим социалистическим наступлением», заставила советских вождей занять прорусскую позицию. Они начали придавать должное значение тому факту, что русские были носителями многонациональной идеи. Русский был официальным государственным языком страны, им больше всего пользовались для межнациональных контактов. Русские являлись самым многочисленным народом и — наряду с украинцами — наиболее географически мобильным, более всего склонным мигрировать за пределы своей «родной» республики. Начиная с 1920-х вплоть до 1950-х гг., невзирая на коренизацию, в русских сохранялась огромная нужда как в администраторах, квалифицированных рабочих и технических специалистах, особенно там, где создавались новые отрасли экономики. Вне границ РСФСР они сосредотачивались преимущественно в городах: в 1939 г., например, русские составляли 37,5% городского населения Азербайджана, 35% горожан Узбекистана, а в Казахстане огромное большинство — 57%. Общаясь с местным населением, они, естественно, ожидали, что с ними будут говорить по-русски, а не на местном языке, который удосуживались выучить лишь немногие из них¹⁴.

К этому времени программа «перемальвания всех национальностей», как выразился Калинин, постепенно снималась с повестки дня. Напротив, национальности начинали энергично отстаивать свое существование, и классовая борьба уступала место межнациональным трениям. В 1930-х гг. социальное происхождение перестало быть решающим фактором в определении судьбы человека, шаг за шагом его место стала занимать национальная принадлежность. Формально поворотный путь обозначился в 1936 г. с принятием конституции, провозгласившей, что социализм построен и что в результате упорных боев классовая борьба окончена полной победой. Но еще в 1934 г. Сталин предупреждал, что национальный вопрос представлял собой величайшую угрозу морально-политическому единству советского общества¹⁵.

Изменение подхода к классовому происхождению граждан позволило некоторым из кулаков, совсем недавно сосланных на поселение, восстановить признание в обществе. Поскольку заводы испытывали нехватку рабочих рук, часто их принимали на работу не задавая лишних вопросов. В 1936 г. им вернули право голоса; их дети смогли учиться в местных школах, а в возрасте 16 лет получать паспорт. Некоторые кулаки «списали» свой прежний статус, добровольно вступив в армию, а с 1941 г. это сделалось общепринятой практикой. Таким путем статус ссыльного постепенно размывался, хотя НКВД старался следить за тем, чтобы инструкции выполнялись, разрешения на прописку регулярно проверялись, паспорта изымались и т.д. Местные власти стали тревожиться тем, что некоторые *трудпоселенцы* снова превращались в кулаков. Из Хабаровска сообщали, что некоторые из них имели по 3, а то и 5 коров, лошадей и охотничье ружье, с которым они ходили на охоту. О других говорили, что они занимаются «спекуляцией» и делают деньги за счет колхозников¹⁶. Они действовали, как от века действовали предприимчивые крестьяне, пытавшиеся обеспечить своим семьям выживание и, если получится, благополучие, приспособившись к тяжелым природным условиям, местным экономическим особенностям и господствующей социальной иерархии.

Постепенно Советское государство начинало исходить из того, что, несмотря на то что СССР — отечество для всех социальных классов и всех народов, в первую очередь это отечество для рабочих и русских. Маркс говорил, что «рабочие не имеют родины». Тем не менее на совещании руководителей промышленных предприятий Сталин видоизменил эту доктрину, согласуя ее с современны-

ми условиями. Он заявил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества», но «теперь, так как мы свергли капитализм и власть принадлежит рабочему классу, у нас есть отечество и мы будем защищать его независимость». К этому времени приход Гитлера к власти придал новое измерение желанию защищать то, что теперь по праву можно было называть «социалистическим отечеством». В марте 1935 г. «Правда» несколько подробнее остановилась на этом вопросе: «Советский патриотизм — это горячее чувство безграничной любви, беззаветной преданности своей родине и величайшей ответственности за ее судьбу и оборону, которое возникает как мощный фонтан из глубины наших людей». Только через год «Правда» придала советскому патриотизму явно русскую окраску: «В созвездии союза республик РСФСР — самая большая звезда. И русский народ — первый среди равных»¹⁷.

На обеде с руководящими работниками Коминтерна по случаю 20-й годовщины Октябрьской революции Сталин публично изложил свое понимание русского наследия: «Русские цари сделали много плохого... Но они сделали одну хорошую вещь — они собрали огромное государство, до самой Камчатки. Мы унаследовали это государство. И впервые мы, большевики, консолидировали и укрепили его как единое и неделимое государство, как государство не в интересах помещиков и капиталистов, а в интересах рабочих всех народов, составляющих это государство». Если потерять любую часть этого государства, предупреждал он, оно «неизбежно попадет в иностранное подчинение» и нанесет ущерб делу социализма: «Поэтому любой, кто попытается нарушить единство социалистического государства, любой, кто ищет отделения любой его части или национальности, этот человек — враг, заклятый враг государства и народов СССР. И мы уничтожим каждого такого врага, даже если он старый большевик»¹⁸. Таким образом, охрана и защита интересов неороссийской империи сделались высшим приоритетом коммунистов.

Реабилитация России скоро отразилась и в политике. На протяжении 1920-х гг. советские вожди проводили линию на латинизацию различных алфавитов, которыми пользовались в стране. Они даже думали латинизировать кириллицу, чтобы, как сказал Луначарский, «придать максимум интернационализма, связать нас и с Западом, и с реформированным Востоком». Была учреждена специальная комиссия Наркомпроса для подготовки перехода с кириллицы на латинский алфавит. На заседании комиссии кириллицу

объявили «алфавитом самодержавного угнетения, миссионерской пропаганды и великорусского национального шовинизма... идеологически чуждым социалистическому строительству». Однако в июле 1937 г. комитет распустили. От латинского алфавита отказались как от продукта «буржуазного Запада». Точно так же в июне 1938 г. закрыли Союз эсперантистов, который существовал при Наркомпросе, сославшись на то, что эсперанто используется для шпионажа и контрреволюционной деятельности. Многие его активисты вместе с главой Э.К. Дрезеном были арестованы¹⁹. В 1938 г. преподавание русского языка в нерусских республиках стало обязательным, причем, на практике его введение продвигалось медленно: местные Советы тянули бюрократическую волюнку, директора школ не хотели отдавать под него часы из загруженного учебного расписания, подготовка квалифицированных преподавателей шла от случая к случаю²⁰.

Красная армия также становилась все более похожей на старую императорскую армию. Было отменено освобождение от призыва для некоторых нерусских национальностей; с 1935 г. ликвидировались территориальные резервные части. Члены этих базировавшихся на местах частей несколько дней в месяц занимались военной подготовкой и один месяц в году находились в военных лагерях. В областях со смешанным национальным составом подразделения регулярной армии также обычно были этнически практически однородными, поэтому командование и обучение там осуществлялось на соответствующем языке. Эти мононациональные формирования с 1938 г. были упразднены. С их упразднением перестала функционировать система местного набора на военную службу, и мобилизация стала намного более громоздким предприятием, что привело в 1941 г. к катастрофическим последствиям. Русский язык стал всеобщим языком командования, и начиная с июля 1940 г. было введено обучение русскому всех призывников, не знавших его²¹.

После Гражданской войны, как мы видели, казацкие воинские формирования были распущены, а вместе с ними были ликвидированы казацкие административные области со всеми их привилегиями. Казаки утратили свое самоуправление во главе с атаманами и были поделены, как и все остальные сельские жители, на богатых, середняков и бедняков. Однако с 1936 г. пять кавалерийских дивизий получили наименование казачьих и даже была восстановлена казачья военная форма. Ансамбли кубанских и донских

казаков теперь выступали в Большом театре. Впрочем, эти соединения не были казацкими в строгом смысле слова, так как на службу в них направляли новобранцев из всех социальных и этнических групп, в том числе рабочих и евреев, давних недругов казаков. Это была искусственная, а не подлинная реанимация традиции²².

На этом этапе ужесточились требования к фиксированию в паспорте национальной принадлежности его владельца. Когда в 1932 г. впервые были введены паспорта, графа пятая — национальность — заполнялась на базе простого заявления владельца паспорта. Теперь же в изданном 2 апреля 1938 г. циркуляре НКВД предписывалось документальное подтверждение записи на основе, например, свидетельства о рождении, в котором указывалась национальность родителей²³. Определение национальности теперь носило откровенно расовый характер: «выбирать» национальность можно было только в случае, если родители имели разное этническое происхождение и только в возрасте 16 лет при получении паспорта, после чего вносить изменения в паспорт не разрешалось.

Это не было расизмом в полном смысле слова, как он практиковался у нацистов. Хотя русские-советские власти серьезно относились к вопросу о расе, они не считали физиологические характеристики неизменными, и для них не существовало низших рас. Напротив, они считали, что смешанные браки и смешение рас благоприятно сказываются на эволюции высших человеческих биологических типов. Во всяком случае, НКВД интересовал не расовый статус человека, а его родственная и этническая принадлежность и ее значение для государственной безопасности. Если родина этнической группы была за рубежом, то она автоматически становилась подозрительной в нелояльности к СССР. Точно так же наличие родственников за рубежом становилось поводом для официального недоверия к отдельному человеку²⁴.

Постоянный контроль за всем населением и сбор информации о нем, классификация населения на подгруппы по социальному, экономическому, этническому и расовому критериям, накопление сведений о каждом гражданине в гигантских справочных системах сделались рутинной частью европейской политики с начала Первой мировой войны. От сбора этих данных зависела система социального обеспечения, как и обеспечение занятости, и успешность призывов в армию²⁵. Особенно ценной эта информация была для служб безопасности. В Советском Союзе это стало вдвойне значимым как политическое оружие, так как здесь подобная классифи-

кация была привязана к мессианской идеологии, которая ставила задачей создание идеального общества и делила людей на «товарищей» и «врагов». Как выразился Амир Вайнер, «советская политика чисток... соединяла современную европейскую практику социальной инженерии с большевистско-марксистской эсхатологией... Беспрецедентное разрастание функций и целей государства происходило рука об руку со взглядом на общество как на сырой материал для моделирования его идеального образа»²⁶.

Поначалу практика контроля за населением использовалась в интересах классовой борьбы, чтобы облегчить проведение политики высылки кулаков. Но уже в начале 1930-х гг. этнические критерии иногда применялись для дискриминации на социальной почве. Так, на Украине раскулачивание с особым рвением проводилось в отношении определенных этнических меньшинств, вроде немцев, евреев и поляков. Ходила даже поговорка: «Раз поляк, значит, кулак»²⁷.

Сгустившиеся тучи собиравшейся международной грозы вызвали создание в 1934—1935 гг. приграничных зон безопасности на западе страны. При определении границ этих зон власти предприняли дальнейшие шаги по депортации населения, которые на этот раз носили более четко выраженный этнический характер, чем до того. Когда из граничивших с Польшей Киевской и Винницкой областей были переселены в районы на востоке Украины 8300 семей, более половины депортированных являлись немцами и поляками, хотя они составляли там совсем небольшой процент населения. В январе 1936 г. из того же региона были выселены еще 15 тыс. немецких и польских домохозяйств, на этот раз в Казахстан, где они стали «спецпоселенцами», наподобие кулаков, которые прибыли туда перед ними²⁸.

Так депортация все более приобретала этнические черты. Впервые новый метод депортации целой национальности в масштабах страны был применен к корейцам. К 1935 г. около 200 тыс. корейцев жили в разных частях Сибири, более всего концентрируясь на Дальнем Востоке. Некоторые из них были переселены в 1931 г. из районов, граничивших с оккупированной японцами Маньчжурией. Затем в 1937 г. в связи с вторжением японцев в Китай, создавшим серьезную угрозу СССР, корейцев, вызывавших подозрения, из-за того, что они очень сильно походили на японцев и могли заниматься шпионажем, решили депортировать изо всех дальневосточных областей, а также Читы и Бурят-Монгольской АССР.

Их загоняли в переполненные и промерзшие товарные вагоны и перевозили в разные части Казахстана, Узбекистана, Туркмении и Киргизии, где «бросали посредине пустоты с несколькими одеялами и с теми пожитками, что удалось прихватить из дома». Некоторые находили работу в колхозах, ремесленных артелях или на шахтах Караганды, другие становились жертвами холода, голода, дизентерии или тифа. В этом отношении их судьба ничем не отличалась от судьбы кулаков. Но этнические ссыльные получали еще и дополнительное наказание: те, кто в конце концов находили себе место в советских институтах на новой родине, не получали права читать корейские газеты и посылать детей в корейские школы. Депортация имела целью стереть их национальную идентичность. Дома, которые их заставили оставить, занимались военнослужащими и сотрудниками НКВД, прибывавшими туда для защиты государственных границ²⁹.

Многие ссыльные нерусские, естественно, рассматривали ссылку как русификацию. Впрочем, они ошибались, потому что одной из депортируемых групп были русские. До 1935 г. Советский Союз владел в Маньчжурии Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД) и обслуживал ее работу, большинство рабочих дороги были русскими. После того как железная дорога была продана японцам, многие из этих железнодорожников вернулись в Советский Союз, где немедленно стали объектом подозрений со стороны НКВД, потому что до этого жили за границей и все еще имели там родственников. Их судьба стала прообразом судеб многих перемещенных лиц после Второй мировой войны. Этнические чистки были инструментом имперской безопасности, а не производным от общенациональных и еще в меньшей степени этнических, предрассудков³⁰.

Вспоминая эти события много лет спустя, Микоян писал: «Решение Сталина депортировать целые нации произвело на меня подавляющее впечатление. Я не понимал, как можно обвинять целую нацию в предательстве. В конце концов, у них были партийные организации, коммунисты, много крестьян и советской интеллигенции! Многие были мобилизованы в Красную Армию и сражались на фронте. Немало представителей этих народов были удостоены звания Героя Советского Союза!.. Это было отклонением от классового подхода к решению национальной проблемы»³¹. Так оно и было. По существу, с этого времени преимущественно этническая политика заняла место классового подхода как преобладающего метода советской политики.

В ПОИСКАХ «УДОБНОГО ПРОШЛОГО»

В свете вышеизложенного советские вожди, создавая захватывающую ткань новой социальной памяти, должны были, казалось бы, черпать изобильный материал в борьбе и героических подвигах из истории революции. Но именно в этот момент, в середине 1930-х гг., возникли серьезные осложнения: многие герои революционной эпохи стали объектами разоблачений как якобы «вредители», «террористы» или «империалистические шпионы». Издание «Истории гражданской войны в СССР» 1935 г. пришлось изымать и в 1938 г. переиздавать в совершенно новой редакции, сняв большинство фотографий и произведя множество купюр, поскольку почти половина упоминавшихся в ней «героев» стали «несуществующими». Эти кульбиты приводили школьников в полное недоумение: «Один день их портреты на стене в школе и в учебниках. А на следующий нам вдруг говорят, что они враги народа». Жена советского композитора Любовь Шапорина в июне 1938 г. записала в дневнике: «Люди привыкли хранить разные вещи и передавать их из поколения в поколение, хранились архивы, и создавалась история. Теперь сегодняшний день отрицает прошедший, вчерашние вожди сегодня расстреливаются, все, что осталось от предыдущего дня, уничтожается в головах молодежи»³².

Поскольку большая часть революционной истории оказалась неприемлемой, единственной альтернативой было найти безобидное русское прошлое. Если у рабочих теперь есть «социалистическое отечество», то какие воспоминания и символы (непременная часть представлений об отечестве) должны возникать у советских людей?

Центральный комитет ВКП(б) и Наркомпрос провозгласили отход от школьного образования, основанного на профессиональном и трудовом воспитании, которое было введено в школах в 1920-х гг. Ученики возвращались за парты и должны были учиться по официально утвержденным учебникам и сдавать экзамены. Уменьшился классовый подход к истории в пользу более простого и более запоминающегося изложения. На встрече с историками в марте 1934 г. Сталин пожаловался: «Мой сын попросил меня объяснить, что написано в его учебнике. Я заглянул и тоже ничего не понял... Эти учебники бесполезны... Что такое “феодальная эпоха”, “эпоха промышленного капитализма”, “эпоха формаций”?»³³ Молодые люди нуждались в более патриотичном и более воодушевля-

ющем рассказе, строящемся вокруг Российского и Советского государства, которое может обеспечить безопасность народа в тревожном международной обстановке, чего не сможет сделать никакая надуманная «интернациональная пролетарская республика».

Постановлением Совнаркома от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» учителям истории предписывалось избегать «абстрактных социологических схем» и вместо этого употреблять «хронологическую историческую последовательность, твердо фиксируя в умах учеников важные события, персонажи и даты». Михаил Покровский, старейшина историков, придерживавшихся социально-экономического направления, вышел из моды, его абстрактные построения заменились монархами, датами и сражениями, особенно теми, в которых победы одерживали русские. Экспансия царистского государства, каким бы угнетателем и эксплуататором оно ни было, подавалась как объективно выгодная и прогрессивная, потому что она создавала территорию, ставшую теперь Советским Союзом. В марте 1936 г. «Правда» писала: «Любить свою великую, свободную страну означает знать, интересоваться ее прошлым, гордиться ее яркими героическими страницами и ненавидеть ее угнетателей и мучителей»³⁴.

Задачу привести в порядок русскую и советскую историю поручили группе ученых на базе Ленинского педагогического института под руководством профессора А.И. Шестакова. Среди рекомендаций, высказанных наркомом культуры Андреем Ждановым, значилось «лучше объяснять культурную роль христианства», «подавать материал о прогрессивном значении централизации государственной власти» и «усиливать историю индивидуальных народов». Иными словами, он хотел, чтобы религия, этничность и государство занимали больше места в интерпретации истории³⁵.

Новый учебник вышел из печати в сентябре 1937 г. тиражом не менее 10 млн экземпляров. Во многих отношениях он восстанавливал историческую ортодоксию последнего царского периода. Со все большей очевидностью отвергая идеи Грушевского, он утверждал единство Российского государства, возвращаясь к нерушимой традиции вести его от Киевской Руси до Московии, от Российской империи к Советскому Союзу. В учебнике поглощение Украины в XVII столетии представлялось как освобождение и «воссоединение». В нем прославлялись русские имперские завоевания и победы; Иван Грозный, Петр Великий и Александр I рисовались великими государственными деятелями. Нерусские народы оставались

где-то на обочине, о них вспоминали, когда речь заходила о русской экспансии или о русских крестьянских восстаниях. Помещая Российское государство в центр рисуемой картины и представляя украинский и белорусский народ как часть русского народа, учебник подавал триединую «русскую нацию» как стержень Советского Союза³⁶.

Впрочем, это не было простым возрождением патриотизма дореволюционного времени, предшествовавшего 1917 г. Двадцать лет ликбеза и массовое начальное образование изменили ситуацию: рассказы о национальной государственности могли теперь дойти до несравненно более широкой аудитории, чем ранее. Миллионы русских — все, за исключением глубоких стариков, были выучены чтению и письму на родном языке. Они вселились в города, регулярно читали газеты, слушали радио, ходили в кино. Таким образом они вовлекались в радиус притяжения сознательного советского гражданства. Это был впервые народившийся массовый русский патриотизм, и он принял форму советского этатизма.

Однако, поскольку ресурсы школы не отвечали возрастающим требованиям, многие учителя имели низкую квалификацию, ученики часто отвлекались на уроках, студенты и простые граждане, как правило, сильно упрощали предлагаемые им исторические доктрины. Новая историография была достаточно противоречивой и трудной для понимания. Если царская Россия была «тюрьмой народов», тогда как могла быть «прогрессивной» ее экспансия? И как в таком случае можно оправдать борьбу против нее революционного движения? Вопрос, заданный на лекции в Ленинграде, обобщал возникавшую дилемму. Студент, только что прочитавший, что генералиссимус XVIII в. Суворов был «героем», заметил: «Несомненно, Суворов был блестящим военачальником и никогда не терпел поражений, но в то же время сам он был орудием царской политики, жандармом европейской политики. Так правильно ли называть его народным героем?»³⁷ Большинство детей, а также и учителей не ломали голову над этими сложностями, в их воображении сохранялся образ простодушного русского военачальника, и этатистский патриотизм переносился с царского на Советское государство, не вдаваясь в диалектические тонкости, которых требовал такой перенос.

Новым элементом российско-советского патриотизма стало стремление видеть себя в контрасте с Соединенными Штатами Америки. Уже в 1920-х гг. Маяковский написал оду Бруклинскому

мосту, превознося его «стальную» конструкцию как триумф технического совершенства, с которым должна соперничать Россия. Он утверждал, что американцы циничны, лицемерны и одержимы торгашеством. Он описал воображаемое удивление американцев, когда они увидят, с каким энтузиазмом, абсолютно не ради денег, работают русские для выполнения пятилетнего плана: «Мистеры, у вас практикуется исстари / деньгой окупать строительный норов. / Вы не поймете, пухлые мистеры, / корни рвения наших коммунаров / [...] / вашу быстроногую знаменитую Америку / мы и догоним и перегоним»³⁸.

«Догнать и перегнать» стало общепонятным клише, даже без пояснений: оно говорило об одном из приоритетов режима. Эта формулировка подразумевала уважение к Соединенным Штатам, которое поощрялось Сталиным, советовавшим соединить русский «революционный задор» с «американской деловитостью», если только это не сведется к пустым мечтаниям или увлечению изданием постановлений. «Соединение русского революционного задора с американской деловитостью, — говорил отец народов, — это суть ленинизма в партийной работе»³⁹. Новый российско-советский патриотизм содержал в себе микрочастицы американизма, закодированного в его генетическую структуру со всеми его положительными и отрицательными признаками. США стали одновременно и оппонентом, и моделью, что таило в себе важные последствия для судьбы страны.

Следует заметить, что реабилитация России была абсолютно имперской и этатистской, а не этнической. Она была, если хотите, неороссийской, а не русской. Сталин презирал этническую Россию и в 1930-х гг. непрерывно проводил политику, нацеленную на разрушение двух ее самых важных цитаделей: православной церкви и сельской общины. Кроме того, подавлялась или, в лучшем случае, игнорировалась русская литература, искусство и музыка, не удовлетворявшие установленным государством канонам. Не было покончено и с коренизацией, даже несмотря на то что в 1930-х гг. она претерпела очевидные смягчения в пользу русских.

Новый патриотизм, возможно, и был этатистским, но это не мешало русскому народу с радостью воспринимать его. Они идентифицировали себя с Советским государством, потому что оно символизировало неохватные пространства их страны и многонациональную солидарность, которую им нравилось считать характерной чертой своей нации. Об их реакции можно было судить по тому, с

каким энтузиазмом был встречен фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», вышедший на киноэкраны в 1938 г. Фильм рассказывал о событиях XIII в., борьбе новгородцев, представленных как однозначно русские, против тевтонских рыцарей. Их князь Александр Невский был показан мудрым, веселым, решительным героем, способным вдохновить простой народ против жестокого и вероломного противника. В фильме присутствовала и православная церковь, но только как символ национальной идентификации, без какой-либо религиозной роли. В самом конце, например, Александр выбирает соборную паперть для своей заключительной речи, предупреждая, что «тот, кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет».

Этот кинофильм устанавливал непосредственную связь исторических символов с событиями новейшего времени. Один командир Красной армии высказался так: «Фильм тронул меня до глубины души, это настоящий шедевр советской кинематографии. Незабываемое Ледовое побоище характеризует патриотизм русского народа, его стойкость и глубокую любовь к родине». Или, как выразился один рабочий-металлург: «Слова Александра Невского, произнесенные семьсот лет назад, звучат даже сегодня. На каждый удар врага мы ответим тройным ударом. Русский народ всегда бил, бьет и будет бить своих врагов»⁴⁰. Можно себе представить, как ободряюще звучали эти слова для русских, которым угрожало, о чем они уже прекрасно знали, наверное, самое опустошительное нашествие в их истории. Таким способом даже легенды и исторические эпизоды 700-летней давности могли быть полезными в 1930-х гг. для подъема массового патриотизма.

Были ли эти изменения и в национальной политике, и в их общественном восприятии одновременно молчаливым признанием правоты сменовеховской школы? Было ли это «великим отступлением», которого они ожидали?⁴¹ Не совсем, поскольку не ушло в прошлое мессианское видение освобождения человечества через международное пролетарское движение. Но процесс, посредством которого она должна была реализоваться, принимал существенно новые формы. Теперь цель должна была быть достигнута не с помощью мировой революции, а благодаря деятельности Советского Союза как великой державы. Конечно же, это было сменой направления, но вовсе не «великим отступлением». Напротив, это совпало с самым вопиюще-безумным кризисом русско-коммунистического мессианства, Большим террором конца 1930-х гг. и играло ему на руку.

РУССКИЕ И ЕВРЕИ

Русский массовый патриотизм советского разлива особенно беспокоил евреев. На первых порах советский проект был столь же еврейским, как и русским. Евреи, как и русские, а может быть, и в еще большей мере, получили в наследство от прошлого традицию мессианства, находившую мало отклика в повседневной жизни предреволюционной России. Тогда евреи были самой угнетенной нацией — большинство их жило в «черте оседлости», в городах и местечках Польши, Белоруссии, Украины и Новороссии. Квалифицированное, образованное или состоятельное меньшинство проживало (иногда нелегально) в главных городах империи, где его представители были купцами первой гильдии, адвокатами, врачами, банкирами, профессорами, актерами, музыкантами и художниками. Накануне 1917 г. большинство этих городских евреев уже обрусели, как правило, давали детям образование на русском языке и воспитывали их в русской культуре, отдаляясь от синагоги.

Мы видели, что евреи занимали видное место в разных крыльях русского революционного движения и что самым большим интернационалистом среди них был Троцкий. В апреле 1917 г. 3 из 9 членов большевистского ЦК были евреями, а в августе — 6 из 21⁴². В первые годы нового режима евреи занимали несколько ключевых постов: Троцкий — народного комиссара по военным делам, Свердлов — председателя Всероссийского ЦИКа, а также секретаря ЦК партии, Зиновьев был председателем Коминтерна, а Каменев и Зиновьев возглавляли партийные организации Москвы и Петрограда-Ленинграда соответственно.

В партии в целом евреи были представлены слабее. По переписи членов партии 1922 г. евреями были 19 600 большевиков, т.е. чуть более 5% всех членов, позже их процент постепенно сокращался, хотя оставался высоким на Украине (около 12%) и особенно в Белоруссии (около 24%). Вплоть до середины 1930-х гг. они продолжали занимать много важных постов: в 1936 г. 6 из 20 народных комиссаров были евреями. В целом на них приходилось около 6% высших административных постов. В известном смысле они заняли место немцев в царской администрации как этническая группа, обладающая влиянием, непропорциональным своей доле в составе населения, что стало возможным благодаря их более высокому уровню образования и сильной преданности правящей системе⁴³.

Советский Союз открывал всем евреям широкую жизненную дорогу, и не только тем, кто стремился к высокому политическому положению. Черта оседлости была упразднена вместе со всеми другими формами дискриминации евреев. Как самая грамотная советская национальность, евреи воспользовались открывшимися возможностями и устремились в образовательные учреждения, особенно высшие и специальные. Между серединой 1920-х и серединой 1930-х гг. они составляли от 13 до 15% студенчества, а в 1934—1935 гг. евреями были 18% аспирантов. На Украине в 1923 г. они составляли 47,4% всех студентов, почти вдвое больше, чем сами украинцы. Из них после окончания учебных заведений выросли выдающиеся деятели культуры, науки и техники, талантливые инженеры, бухгалтеры, архитекторы, агрономы, журналисты, профессора, администраторы⁴⁴.

Новые возможности побудили евреев перемещаться из штетлов в города. Это была по преимуществу еврейская молодежь, стремившаяся вырваться из заскорузлого местечкового окружения и принять участие в строительстве советского общества. Уже в 1926 г. 21% еврейских браков были смешанными, т.е. намного больше, чем в 1917 г. В 1926 г. почти 25% советских евреев заявили, что их родным языком является русский, в 1939 г. их доля выросла до 54,6%. Большое число евреев, сознательно или по инерции, порывало со своим окружением, связанным с синагогой и говорившим на идише. Не забывая о том, что они евреи, они не только учили русский язык (если он уже не был их родным), но и ассимилировались в русской культуре⁴⁵. Как рассказывал Виталий Рубин, позже ставший видным китаеведом, «все евреи знали, что они евреи, но считали всё, что относилось к еврейству, принадлежностью прошлого... Никакого активного намерения отказаться от еврейства не было. Просто такого вопроса не существовало».

Он немного преувеличивает, однако среди евреев, живших в 1920-х и 1930-х гг. в больших городах СССР, такие взгляды были обычными. Это подтверждает еще один ученый, рассказывая о ситуации в одесской школе в 1930-х гг.: «В классе, где я учился, из примерно тридцати пяти учеников тридцать были евреями. Большая часть учеников в той или иной мере владели идишем. Говорили мы между собой по-русски, но в речи звучали многочисленные словечки и выражения на идише. На протяжении всех лет моей учебы в школе никакого антисемитизма я не ощущал. В гражданском плане мы не выделяли себя из остального советского народа.

В школе мы не изучали ничего из еврейской истории, но много времени уделяли русской истории и литературе. Могу сказать, что мы, ученики-евреи, воспринимали их как свою историю и литературу, не сознавая, что мы — пришельцы в этой стране. Таков был парадокс: мы сознавали себя частью единого русского народа, хотя и знали, что мы евреи»⁴⁶.

Многослойное ощущение национальной принадлежности, чувство, что ты еврей, русский и советский, и отсутствие ощущения противоречия между ними было весьма распространенным среди урбанизированных евреев в 1930-х гг. Они были одними из самых убежденных и мотивированных советских граждан: они страстно верили в международную социалистическую коммуну, в которой этнические различия останутся лишь как колоритный реликт.

Однако даже тогда ползучий антисемитизм порой врвался в их сознание. Журналист Виктор Перельман вспоминал, что, когда он мальчишкой рос в Москве 1930-х гг., русские подростки кричали ему на улице: «Эй, Абрамович, еврей!» Один раз на него напали и пришлось отбиваться. Важно отметить, что он ничего не рассказал матери о случившемся: «Возможно, я интуитивно чувствовал, что, как бы она ни любила меня, она была такой же беззащитной, как и я, против этих несовершеннолетних уличных хулиганов». Больше того, такие инциденты не укладывались во взгляды его семьи на мир. Однажды, когда он заговорил о том, что евреи — отдельный народ, его мать возразила: «Как тебе не стыдно! Что имеешь в виду, когда говоришь “мы” и “они”? Я еврейка по национальности, но я горжусь, что выросла среди великого русского народа... Пока существуют партия и советская власть, еврейскому народу не нужно будет чьей-то защиты»⁴⁷.

Евреи занимали видные посты в советском руководстве, находились на ответственной работе в ОГПУ, милиции, прокуратуре, которые с 1920-х гг. играли ведущую роль в коллективизации и раскулачивании, а также в закрытии церквей и арестах священников. Конечно, в этих организациях работали представители и других национальностей, в основном русские, но под действием предвзвешенных враждебно настроенным людям всегда могло казаться, что эти жестокие действия — дело рук еврейского заговора. Широко распространенная нелюбовь к коммунистам легко могла принять антисемитские формы.

В конце 1930-х гг. евреи стали опасаться, что новая русофильская линия будет подогревать такие настроения. Во время террора

многие евреи были арестованы, но в пропорциональном отношении не более, чем представители других национальностей. И все-таки то, что многие высокопоставленные подсудимые на процессах обвинялись в троцкизме, придавало этим показательным судам скрытый антисемитский подтекст. В январе 1939 г. В.И. Блюм, известный театральный критик, написал Сталину письмо, пожаловавшись на то, что «искажается характер советского патриотизма... и он начинает приобретать все черты расистского национализма». Он предупреждал, что молодое поколение никогда не видело буржуазного национализма в действии, а тем более не видело еврейских погромов, развязанных царским режимом, и поэтому не понимает, что «мы не можем победить фашистского врага его собственным оружием (расизмом), мы можем победить его гораздо лучшим оружием, интернационалистским социализмом»⁴⁸.

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Теперь, когда имелась приемлемая для нового режима история, нужно было позаботиться о настоящем. Как сделать так, чтобы советские люди, особенно русские, вновь обрели чувство общности? Мы видели, что в первые годы советские вожди сталкивались с трудностями, придумывая праздники, которые удовлетворяли бы и народным чувствам, и требованиям идеологии. Попытки найти такое эффективное сочетание продолжались большую часть 1920-х и даже 1930-х гг. В целом в 1920-х гг. упор делался на относительно незначительные мероприятия, участие в праздниках работников отдельных предприятий или учреждений. Так, в 1922 г. знаменитый Путиловский завод в Петрограде был переименован в «Красный путиловец». Старое название снимали, а новое устанавливали на воротах под пение хора, затем рабочие прошли процессией вокруг завода с факелами в руках, явно противопоставляя этот ритуал крестному ходу вокруг православного храма. События жизненного цикла отмечались новыми ритуалами, вроде «октябрин» вместо крещения. Самым горячим сторонником подобных новшеств был Троцкий, и они постепенно сошли на нет после его высылки в 1927 г.⁴⁹

Постепенно праздники принимали все более централизованные и иерархичные формы. Празднования Первой и годовщины Октябрьской революции 7 ноября начиналось парадом на Красной

площади, за парадом наблюдали вожди с ленинского мавзолея, ставшего самым священным местом Советского Союза. Они выстраивались по порядку, согласно все более жесткому протоколу, и принимали рапорт командующего парадом. Построение участников парадов показывало новую социальную иерархию: сначала по площади маршировали воинские части, за ними рабочие, потом студенты и последними — колхозники. Порядок, в котором проходили рабочие, определялся успехами их предприятия в выполнении и перевыполнении пятилетнего плана, впереди шли ударники и стахановцы⁵⁰.

В конце 1920-х и на протяжении 1930-х гг. «советский» жизненный цикл медленно, но верно обретал устойчивую форму и был призван заменить церковный календарь. День сбора урожая в октябре заменил Покров, а Первое мая — Пасху. Подготовка к каждому празднику начиналась за несколько недель до него, о чем сообщалось в прессе. Проводилась работа, направленная на то, чтобы производственные задания выполнялись к празднику, чтобы новый цех или жилой дом мог быть торжественно передан новым хозяевам во время самого праздника.

Еще в начале 1930-х гг. две трети городских семей отмечали религиозные, а не советские праздники. Но позже ситуация быстро изменилась, поскольку церкви были закрыты, а заводские планы производства стали напряженнее. Кроме того, столь любимые всеми массовые развлечения, как футбольные матчи, кинопоказы, музыкальные концерты и танцы, приурочивались к советским праздникам, чтобы привлечь к ним простых людей. В магазины за несколько дней до праздника завозились дефицитные товары и продукты питания, чтобы публика могла радоваться на сытый желудок, праздновать новое изобилие и испытывать глубокую благодарность своим вождям⁵¹.

Советские праздники стали важнейшим поводом для публичной раздачи грамот и медалей. Начиная с 1936 г. были установлены праздники для нескольких привилегированных профессий: железнодорожников, служащих военно-морского флота, военно-воздушных сил и физкультурников. После войны добавились Дни шахтеров, связистов, артиллеристов и танкистов. Советские выборы, поскольку в них отсутствовал элемент соревновательности, сделались публичными празднествами, сопровождающимися музыкой, танцами, увеселительными представлениями в общественных местах⁵².

Большое значение для самоопределения Советского Союза как нового рода многонационального коллектива имели Всесоюзные физкультурные парады. Делегации союзных республик не только заверяли в своей верности Сталина и показывали свою физическую готовность к труду и обороне и выполнению любых заданий родины, но и демонстрировали разные аспекты своей родной культуры и экономики. Например, узбеки — строительство канала для ирригации хлопковых полей, а грузины — массовый сбор винограда и чая. Они шествовали в национальных костюмах и исполняли народные танцы, но исключительно в стилизованной и предварительно одобренной форме: никакого незапланированного веселья, не говоря уже о пьянстве, на фольклорных фестивалях не допускалось. В июле 1939 г. делегация РСФСР шла во главе колонны и несла плакат с надписью: «Первая среди равных», подтверждая официальную линию, одобренную в «Правде», на утверждение статуса России в Советском Союзе⁵³.

Для многих участников эти демонстрации, скорее всего, были нудными и даже раздражающими мероприятиями. Тем не менее подобные чувства могли сменяться чувством ликования от принадлежности к столь огромному коллективу. Один советский студент, впоследствии — эмигрант, так описывал свои чувства: «Большинство участников, включая комсомольцев, испытывали какое-то внутреннее сопротивление, что-то похожее на раздражение и унижение, когда приходилось нести «большевицкие иконы»... Иногда чувство унижения переходило в противоположное чувство — чувство исключительной гордости и бурного энтузиазма». Все это было важной частью советского курса на перековку индивида, который был бы готов с энтузиазмом полностью растворить себя в коллективе⁵⁴.

Новая эпоха нуждалась в новых героях. Одной из таких широко распропагандированных фигур стал донбасский шахтер Алексей Стаханов, добившийся за время обычной рабочей смены невероятной производительности труда. Такое восхваление героя было вполне в духе курса на поднятие сознательности, проводимого режимом, однако то, что в центре его оказался индивид, входило в противоречие со сложившимися русскими трудовыми традициями. Подвиги Стахановых требовали поддержки коллег-рабочих, ему нужно было подносить подсобные материалы и инструменты, следить за нормальной работой транспортеров, обеспечивать освещение, обогрев и т.д. Монополия стахановцев на славу и вознаграж-

дение вызывала возмущение их коллег, так как после их рекордов повышали общие производственные нормы⁵⁵.

С гораздо большим энтузиазмом встречались подвиги авиаторов и полярных исследователей, вероятно, потому, что они не планировались от начала до конца, и, уж конечно, авиаторы и полярники не эксплуатировали простых рабочих. В 1932 г. Отто Шмидт возглавил команду полярных исследователей на корабле «Челюскин», который смог пройти по Северному морскому пути за одну навигацию. Но во время второй экспедиции в 1933—1934 гг. «Челюскин» был затерт паковым льдом и затонул, на далекой льдине остались 104 человека. Спешно организованная авиаэкспедиция для спасения челюскинцев вызвала в народе искреннее участие, а потом праздничное ликование, когда она успешно закончилась; вся эта история скоро стала хрестоматийным рассказом о героизме, находчивости и технических достижениях советского общества. «Известия» заявляли: «Техника победила природу, человек победил смерть». Когда исследователь Иван Папанин высадился на Северном полюсе и разбил там базовый лагерь, он и его соратники-исследователи говорили, что не чувствуют себя одинокими в этой ледяной пустыне: «Никакие расстояния не могут отделить нас, граждан СССР, от нашей страны, первой в мире социалистической страны, от большевистской партии, от теплоты нашего народа»⁵⁶.

Года через два рекордные полеты Валерия Чкалова, сначала из Москвы на Советский Дальний Восток, а потом через Северный полюс в США, вызвали столь же праздничные настроения. Они давали новую возможность не только воочию представить себе размеры и многообразие СССР, но и убеждали в том, что современные средства связи и транспортная система в состоянии сделать страну управляемой. В то же время была сохранена иерархия мест — Сталин приветствовал героев-полярников, авиаторов и т.д. именно на Красной площади и в Кремле, где устраивались их чествования. Советский Союз теперь представляли как пространство, концентрирующееся вокруг Москвы, но имеющее блестящие перспективы на Востоке, в бескрайних заснеженных просторах Сибири, которые можно завоевать только самой современной техникой, соединенной с героизмом и высокой коллективистской моралью⁵⁷.

Новая песня 1936 г. соединила мотивы размеров, многообразия, свободы и твердой решимости защищать границы страны и создавала ощущение, что Советский Союз — это огромная семья:

Широка страна моя родная.
 Много в ней лесов, полей и рек.
 Я другой такой страны не знаю,
 Где так вольно дышит человек.

От Москвы до самых до окраин,
 С южных гор до северных морей
 Человек проходит, как хозяин
 Необъятной родины своей.

Но сурово брови мы нахмурим,
 Если враг захочет нас сломать.
 Как невесту родину мы любим,
 Бережем, как ласковую мать⁵⁸.

Города становились витринами нового социалистического образа жизни, исподволь очерчивая его иерархию, поскольку колхозники, все еще составлявшие большинство русского населения, были лишены паспортов, без которых невозможно было поселиться в городе. Уютные, но обветшалые и похожие на деревни города уступали место не прямолинейным, функциональным стеклянным зданиям, как можно было ожидать в 1920-х гг., а необарочным дворцам из камня, украшенным лепниной. Москва, как вершина этой урбанистической иерархии, получила собственный Генеральный план реконструкции, одобренный только в 1935 г., но введенный в действие на несколько лет ранее. Торговые ряды в Охотном Ряду уступили место монументальному зданию Госплана и гостинице «Москва», а старая Тверская улица была значительно расширена и стала улицей Горького с ее длинным рядом пышных фасадов, арок, колонн и капителей, украшенных транспарантами и статуями. Это был город, предназначенный для массовых праздничных парадов, сходящихся к эпицентру — Красной площади и Кремлю⁵⁹.

Новая архитектура выражала то, что Владимир Паперный назвал «культурой два». Советская «культура один» была модернистская, строгая, антииерархичная, интернационалистская и не привязанная к месту. «Культура два» была традиционной, чувственной, иерархичной, с национальным колоритом и географической спецификой. Она отвечала потребности советского народа в стабильности и определенной идентичности, чувстве места, времени и традиции⁶⁰.

Возможно, самым выдающимся аспектом новой столицы были ее подземные дворцы. В московском метро каждодневная масса пассажиров проходила через райское царство, прообраз коммунистического изобилия. Просторные, демократичные пещеры-дворцы были построены с упором на барочные, классические или авангардистские элементы, собраны в новых образах и выполняли новые функции. Фрески превозносили историю революции, экономическое развитие и дружбу советских народов, как, например, серия фриз на станции «Киевская», содержащая сцены из истории отношений России с Украиной. Ансамбли заливал свет, но не солнечный, а искусственный. Откуда он исходил, догадаться было нелегко, но назначение его было несомненным, казалось, он должен был воплотить в реальность футуристскую оперу 1912 г. Бурлюка и Крученых «Победа над солнцем» и ленинский лозунг «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны»⁶¹.

СПОРТ И ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Самой популярной всегда была общественная деятельность, содержащая элемент настоящего соревнования и непредсказуемости. Отсюда — важность спорта в СССР. Коммунистические вожди с самого начала видели большой потенциал в развитии спорта, но в 1930-х гг. в него стал незаметно вкладываться новый смысл. III съезд комсомола провозгласил, что спорт должен помогать созданию «гармонически развитых людей, творческих граждан коммунистического общества», особенно готовить их к труду и обороне своей страны. В 1931 г. была развернута всесоюзная физкультурная кампания под лозунгом «Готов к труду и обороне» (ГТО)⁶².

На этом этапе партия считала нужным делать упор на физическое развитие каждого и не поощряла специализации, соревнований или широкого развития зрелищных видов спорта. Однако к середине 1930-х гг. возобладала иная точка зрения: наблюдая, скажем, за игрой профессиональных футболистов, новые горожане получают прекрасную возможность заполнить свободное время, у них будет вырабатываться своего рода местный патриотизм, а возможно, это будет для них и отдушина, способ вырваться из перенаселенных коммунальных квартир. Как и многими другими социальными вопросами и благами, спортом занимались профсоюзы по месту работы граждан. В Москве команда «Локомотив» представ-

ляла железнодорожников, «Спартак» — производственную кооперацию, «Красное Знамя» — работников текстильной промышленности. В Сталинграде в команду «Трактор» набирали рабочих известного в городе предприятия, в Харькове футбольная команда называлась «Сельмаш» по названию завода по производству сельскохозяйственной техники. Вооруженные силы также продвигали спорт в массы: Центральный дом Красной армии (ЦДКА) был представлен одной из лучших московских команд, а другая команда — «Динамо» — курировалась НКВД, а позже — МВД и КГБ (хотя об этом предпочитали поменьше говорить вслух). Ведущие игроки оставались работниками своих организаций, но большую часть времени посвящали тренировкам и выступлениям перед зрителями: фактически, они превратились в профессионалов, хотя номинально оставались любителями⁶³.

Организация спорта как массового зрелища началась уже в 1920-х и 1930-х гг. Уже в 1927 г. из Донбасса сообщалось, «что большие игры собирают столько зрителей, что на шахтах просто никого не остается». К концу 1930-х гг. в большинстве крупных городов были построены достаточно вместительные стадионы. В 1936 г. было учреждено деление команд на группы, что должно было придать соревнованиям определенную структуру и стимулировать общий интерес, а также вписать спорт в генеральную линию на создание регулируемых иерархических структур, которые приводили бы к публично вознаграждаемым достижениям. Все команды были из крупных городов: из 26 команд I группы 6 представляли Москву, 5 — Ленинград, по 2 — Киев, Харьков и Тбилиси. Спортивные общества также играли ведущую роль в организации праздничных парадов, чтобы показывать свои достижения и пропагандировать свою деятельность⁶⁴.

К началу 1940-х гг. спорт, как занятие или развлечение, удовлетворял потребности «трудовых масс», что давало людям здоровье, вовлечение в полезное времяпрепровождение, чувство идентификации с данным местом, привычку добиваться успехов в соревновании и чувство иерархии достижений. Но даже на этом этапе этническая идентификация не поощрялась. Массовые спортивные соревнования — спартакиады — проводились не по республикам, а по городам и регионам, и общенациональная спортивная команда, когда она начала после войны принимать участие в международных соревнованиях, представляла весь Советский Союз, но не русскую или другую национальность.

СЕМЬЯ

Социальная память и социальные ценности передаются более всего через семейное воспитание. Но, подобно всем другим русским институтам, семья пережила между 1914 и 1945 гг. такие катаклизмы, что редко когда могла эффективно выполнять свою роль. Дело не только в том, что родители или деды умерли, оказались разбросанными или затерянными в круговороте событий тех 30 лет, но было утеряно фамильное наследство, а жилье экспроприровано или занято случайными жильцами. Пошли прахом книги, орудия труда, сады и огороды, все то, что давало детям возможность перенимать у родителей умения, — все это было растащено, распродано или конфисковано. Культурный и социальный капитал оказался в весьма плачевном состоянии.

Мало этого, семья как таковая подверглась атаке со стороны закона. На протяжении 1920-х гг. новый режим отменил почти все наследственные или имущественные права, связанные с семьей. Упразднились различия между законными и незаконными детьми, а процедура развода упрощалась настолько, что теперь для получения развода было достаточно сообщить супругу о прекращении брака. Женщины получили больше свободы, например, делать аборт по первому требованию, а их имущественные права (то, что от них осталось) были уравнены с мужскими. Ослабление семейных уз дало резкое увеличение числа разводов, еще больший рост числа абортных и падение уровня рождаемости. На улицах городов появилось огромное количество сирот, банды беспризорников слонялись по рынкам или железнодорожным вокзалам, попрошайничали или даже нападали на прохожих, чтобы добыть еду, одежду, выпивку или деньги. Государственные детские дома не могли справиться с этим бедствием и часто становились источниками преступлений и болезней⁶⁵. Беспризорные, как правило, были жертвами социальных потрясений, но государственное законодательство о семье, конечно же, не способствовало их реинтеграции в общество. Предполагалось, что женщины должны выиграть от новых законов, но на деле получилось так, что часть мужчин, воспользовавшись новой свободой, просто бросила семьи, переложив таким образом ответственность за семью на плечи женщин.

К середине 1930-х гг. режим осознал, что неустойчивые семьи и низкая рождаемость представляют опасность для экономического роста и ослабляют обороноспособность страны. Процедуру разво-

да усложнили и стали разрешать только после судебного разбирательства. Неплательщики алиментов стали подвергаться преследованиям. Аборты запретили, оставив исключение только для случаев, когда рождение ребенка угрожало жизни матери. Для свадеб, проводившихся без должной торжественности в обшарпанных конторах и коммуналках, придумали некую церемониальность, регистраторы в ЗАГСах начали произносить короткие напутствия, напоминая парам об их ответственности. Восстановили право наследования семейного имущества. В советских условиях наследство было скромным, но, при общей скудности, существенным, — оно могло, например, включать городскую квартиру, что в условиях того времени представляло бесценный дар. Поскольку отпрыски незарегистрированных браков такими правами не обладали, представление о «законности» супружества было негласно восстановлено⁶⁶.

Изменилось и отношение режима к женщине. Государство не отказалось полностью от идеала придания им равного с мужчинами статуса, но, тем не менее, было склонно считать, что их функции отличны от функций мужчин. В 1936 г. Каганович, выступая перед женами руководящих работников Наркомата путей сообщения, заявил им, что «забота о мужьях» должна быть для них главным делом. «Хорошо кормите их, не раздражайте, пусть в доме будет удобно и приятно, создайте спокойную семейную атмосферу». Жена профессора-путейца Галина Штанге заметила в своем дневнике: «Если у нас остаются силы, мы можем участвовать и в производстве. Он не будет против, если мы будем это делать, но не это главное»⁶⁷.

Способность семьи передавать традиции, умения и ценности молодому поколению зависела от того, обладает ли хотя бы один из ее членов профессиональной специализацией, которую можно приспособить к нуждам нового общества. В новых обстоятельствах профессии адвокатов или священников были бесполезны и даже опасны. Другие же — например, врача, лингвиста, военного, инженера, ученого — без особого труда находили применение. Но были и такие профессии, как музыкант или журналист, требовавшие умения приспособливаться и готовности к компромиссу⁶⁸.

Еще одним способом сохранения социального капитала было обзавестись протекцией влиятельного при новом режиме лица. Дмитрий Журналистов до революции был земским статистиком из небогатой дворянской семьи в Черниговской губернии. Он был знаком с революционерами Щорсом и Подвойским и в начале

1920-х гг. воспользовался этим знакомством, чтобы сохранить от заселения свой фамильный дом в Стародубе, хотя вишневый сад, в котором он стоял, был экспроприрован и урезан, точно как в известной чеховской пьесе. Остаться в старом доме значило сохранить место для книг, музыки, игр и облегчить детям возможность найти себе пару из своего круга. Сын Дмитрия Иван, перед самой революцией изучавший право и экономику, смог выполнять административную работу в строительных трестах и завершил карьеру руководящим работником министерства, получил квартиру в центре Москвы, телефон и дачу в престижном месте. Занимая такое положение, Иван Дмитриевич дал дочери хорошее образование и смог устроить ее на перспективную работу⁶⁹. Так одна семья восстановила свое положение, не утратив культурных и социальных накоплений.

Арбат — район, где жил Журналистов, — находится в самом центре Москвы. Здесь жили несколько видных писателей и мыслителей, он стал бастионом славянофильской аристократии и интеллигенции. Многим из центральных улиц с приятными, просторными зданиями удалось избежать московской перестройки. Среди них, например, дом Герцена в переулке Сивцев Вражек. Значение Арбата в сохранении и передаче культурного наследия отметил в 1960-х гг. популярной песней под гитару Булат Окуджава, сам бывший сын видного советского госслужащего. Он называет Арбат своим «призванием», своей «радостью и печалью». «От любви твоей вовсе не излечишься, / сорок тысяч других мостовых любя. / Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое отечество, / никогда до конца не пройди тебя!»⁷⁰ Так важно было для русских людей иметь прочную и культурную среду; те, у кого она была, могли возродить дореволюционные традиции и воссоздать бессмертное чувство национальной идентичности.

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ

Одним из результатов Большого террора было то, что дореволюционных специалистов и администраторов заменили «красными специалистами». Формировалось новое общество. Официально ведущим классом был рабочий класс, на самом же деле контуры зарождающейся иерархии определялись номенклатурной системой и сопровождающими ее отношениями «патрон—клиент», паспор-

тной системой и «иерархией потребления». Одним из путей подняться наверх был способ стать стахановцем или ударником. Лица, добившиеся рекордных результатов в производстве во время своей рабочей смены, вознаграждались повышенной зарплатой, первоочередным получением жилья и продвижением вверх — из рабочего класса, в конечном итоге, в советский «новый класс». Важным обозначением социального статуса было награждение грамотами и медалями. Как Наполеон создал свою собственную иерархию послереволюционной Франции через институт ордена Почетного легиона, так советские вожди установили порядок отличий в зависимости от достижений в труде и на поле боя. В сентябре 1918 г. был учрежден орден Красного Знамени, в 1920 г. за ним последовал орден Трудового Красного Знамени. Высшие гражданские и воинские награды — Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда были учреждены в 1930 и 1934 гг. Орденосцы имели право на первоочередное получение квартиры, иногда на дополнительную площадь и меньшую оплату жилья, повышенную пенсию, бесплатный проезд по железной дороге и бесплатный курортный отдых и лечение⁷¹. Таким образом создавались условия, в которых трудности и лишения жизни в советском обществе были не столь чувствительны. У них было больше, чем у простых рабочих, возможностей быть избранным в Верховный Совет или местный Совет или же получить повышение и перейти из рабочего класса в номенклатурную элиту.

Важнейшим для социального восхождения было искусство заполнять анкеты, т.е. приспособливать описание своей жизни к официальным ожиданиям. Для получения каких-либо социальных благ — работы, квартиры, места в учебном заведении и т.д. — нужно было ответить на вопросы, указанные в специальном бланке и касающиеся социального происхождения, образования и профессиональной подготовки, политической и трудовой деятельности и т.п., а также получить характеристику с места работы. На этом этапе было важно промолчать при ответах на одни вопросы, на другие ответить языком советской политической корректности, другими словами, «говорить по-большевистски», как выразился Стивен Коткин. Это не было просто вопросом техники — нужно было научиться думать о собственной жизни определенным образом и даже переделывать ее так, чтобы делать вещи, которые будут хорошо смотреться в анкете. Затем нужно было заручиться протекцией влиятельного лица, чтобы получить нужную характеристику⁷².

В 1920-х гг. правящий класс все еще сохранял некоторые черты идеалистического подпольного движения студентов или недавно демобилизованных солдат, привычных к трудностям, лишениям и взаимопомощи. Образ жизни большинства из них остался скромным, даже аскетическим, они продолжали держаться непосредственно, откровенно, «по-пролетарски», как они любили говорить, и, естественно, не пользовались в своей речи эвфемизмами, которыми обычно изъясняется истеблишмент или высшее общество. Их по-прежнему вдохновляла научно обоснованная определенность окончательной победы, невзирая на все временные неудачи их поддерживало братство тех, с кем они прошли огонь, воду и медные трубы. Первые 15 лет после революции это были комиссары в кожаных куртках с маузером на боку, жесткие, прямолинейные, не знающие усталости, готовые добиваться своего любой ценой и, если надо, с помощью силы — таков был идеал, которому подражали ориентированные на партийную карьеру молодые люди⁷³.

На протяжении середины и конца 1930-х гг. эта модель постепенно уступала место совершенно иному образу, в общем более мягкому и менее конфронтационному. Обновленный правящий класс приобрел стремление к комфорту, стильному и сытому образу жизни, который первое революционное поколение презрительно называло «*мещанством*». Теперь складывался идеал «*культурного человека*», что означало нечто близкое «джентльмену». Но, конечно, буржуазно-аристократическое звучание слова «джентльмен» (не говоря об его статусе исключительности) здесь совершенно не к месту. Ленин всегда говорил, что одна из целей революции — создать новую культуру, как труда, так и досуга, при которой люди будут вести себя по отношению друг к другу вежливо и тактично, получать должную подготовку для своей работы, выполнять свои обязанности сознательно и пунктуально, а также придерживаться высоких стандартов личной гигиены. Все это означало подъем простых людей на новый уровень сознания, а это, как он считал, уже одна из важнейших задач партии, особенно после взятия ею власти. Вот что значило понятие «культурного человека»⁷⁴.

Множество статей, брошюр, агитационных листовок, других эпистолярных произведений было написано, чтобы прививать более культурный образ поведения советским людям. Самым простым их примером были объявления, вывешивавшиеся в коммунальных квартирах и указывавшие ответственных за уборку мест общего пользования и сроки дежурств, запрещающие плевать на

пол, ходить по коридору в грязной обуви или шуметь в тихий час. Для размещения на заводских стенах Центральный институт труда под руководством А.К. Гастева издал плакаты «Как работать» и серию руководств по «научной организации труда». П.М. Керженцев, занимавшийся ее пропагандой, опубликовал огромными тиражами три брошюры под названием «Организуй самого себя», «Борьба за время» и «Как читать книгу». Как можно судить из названий, он давал конкретные советы: как методично и правильно выполнять повседневную работу, как избежать потери времени на курение, болтовню, длинные перерывы на чай или гигиенические процедуры; как заняться самообразованием, регулярно пользуясь книгами, журналами и газетами; как делать заметки и выписки, задавать самому себе вопросы и обсуждать с коллегами содержание прочитанного⁷⁵.

Среди предложенных Керженцевым практических рекомендаций находим следующее: «Если вы не можете читать в библиотеке, найдите самый освещенный уголок. Проверьте, не нужно ли проветрить комнату... Лучше всего читать за столом, выбрав удобный стул или лавку. Если вам нужно делать выписки во время чтения, положите блокнот или лист бумаги справа от книги, рядом поставьте чернильницу. Словарь иностранных слов, энциклопедию или другую справочную литературу (какая вам может понадобиться) расположите с левой стороны»⁷⁶.

Можно подумать, он давал советы для человека, сидящего ни много ни мало, а в профессорском кабинете, — жилец средней коммуналки, скорее всего, мог улучшить пару минуток, чтобы поставить тарелку с супом на колченогий стол, которым пользовались главным образом для еды или глаженья (какие уж там энциклопедии!) в лучшем случае под звуки радио в углу. Такому расхождению между *культурным* идеалом и убогой действительностью суждено было сделаться одним из источников разочарования в жизни среднего русского горожанина.

Мечты о минимуме приватности и домашнем комфорте подерживались рядом журналов, особенно тех, которые предназначались для женщин, вроде «Работницы», «Крестьянки», «Общественницы» и «Советской женщины». Хотя в них было немало политики и идеологии, они чем-то походили на современные британские «Vogue» или «Homes and Gardens». В них можно было прочитать о том, как одеваться, готовить вкусную и питательную пищу или как наводить порядок в квартире, чтобы в ней было чисто, аккуратно

и комфортно. Их заметки давали информацию об автомашинах, мебели, косметике, радиоприемниках и детских игрушках. Советы подавались в поддержку идеи «советского образа жизни», поэтому сопровождалась предвыборной агитацией и портретами передовых колхозниц и рабочих. В опубликованной в 1939 г. «Книге о вкусной и здоровой пище» приводились рецепты приготовления дичи, ростбифа, голландского соуса, карпа, начиненного кашей, ингредиенты для которых, мягко говоря, нельзя было найти в среднем советском гастрономе. Для большинства читателей этой книги она являлась приблизительно тем же, что рассказ об океанском круизе ценой 5 тыс. долларов; очевидно, такая книга была выпущена для тех, у кого был доступ к особым спецраспределителям⁷⁷.

Расхождение между этими устремлениями к материальному и тем, что реально можно было получать, усиливало желание обзавестись *блатом* как способом обойти экономику скудности. Это также порождало острое противоречие между восхищением западным (особенно американским) уровнем жизни и непринятием западного образа жизни.

Чреватая напряженностью и вовсе нежеланная близость между соседями по коммунальной квартире вовсе не походила на эти идиллические картины. Те горожане, которые могли это сделать, на лето, на выходные или даже вечер стремились исчезнуть за городом. Это облегчение делала возможным дача, загородная хибара, коттедж или особняк (в зависимости от статуса). Простейший путь нанять или купить дачу был — прибегнуть к помощи работодателя. Русские могли построить дачу и сами, но для этого нужна была земля, строительные материалы и квалифицированные рабочие руки — все эти ресурсы можно было получить либо через работодателя, либо с огромным риском и за большие деньги на черном рынке. Поэтому дача — символ свободы, цивилизованных ценностей и личного выбора — стала еще одним каналом зависимости от персонифицированной иерархии, еще одним показателем положения индивида или влияния в ней⁷⁸.

СОЗДАНИЕ НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА

Во время и после Гражданской войны партия не предпринимала попыток навязать литературе свою обязательную линию. Это не было ее целью, во всяком случае, у нее не имелось для этого инст-

румента. На протяжении 1920-х гг. писатели, со своей стороны, делились на враждующие кланы, и каждый из кланов искал патронажа партии, представляясь знаменосцем будущей и настоящей культуры социализма. К началу 1930-х гг. партия решила взять на себя создание объединяющей весь народ культуры и заставить писателей принять ее. Творческих работников, однако, не так-то просто организовать и еще труднее ими руководить. Партия подошла к решению этой проблемы, учредив Союз советских писателей, членство в котором гарантировало писателям скромные привилегии: хорошую квартиру, приличное медицинское обслуживание, приятный дом отдыха; все это отгораживало их от худших форм советской борьбы за минимально приемлемый уровень жизни. Руководили Союзом чиновники, часто сами посредственные писатели, назначенные на свои посты в соответствии с логикой номенклатурной системы. Их манипулирование доступом к жизненным благам было эффективным средством управления как культурой, так и другими сферами жизни общества⁷⁹.

Новый Союз ставил своей целью представить советскую литературу не как отказ от аристократического и буржуазного наследия, а, напротив, как его развитие в новой, внеклассовой массовой культуре. Она должна была также быть наднациональной. На I съезд Союза пригласили видных европейских писателей: Луи Арагона, Андре Моруа, Теодора Пливье, Эрнста Толлера; это должно было поддержать претензию устроителей на то, что современная русская литература строится на базе лучших достижений европейской культуры⁸⁰. Как и в области архитектуры, модернизм был подвергнут остракизму. Новая литература должна была стать традиционной и реалистичной по форме, но ее реализм должен был оставаться специфически «социалистическим» и описывать советское общество в свете его великого будущего, его «революционного развития» («социалистического», а не «пролетарского», так как классовое происхождение становилось не столь значимым, как на заре революции).

Многие русские писатели, скептически относившиеся к коммунистическому правлению, поддержали эту инициативу. Например, Пастернак и Горький при поддержке Бухарина, теперь редактора «Известий», надеялись воспользоваться случаем и реорганизовать советский литературный мир на широкой несектантской основе и работать вместе с европейскими писателями-антифашистами против тоталитарных режимов и их сторонников как дома, так и за рубежом⁸¹.

Символизируя его связь с традициями демократических писателей, новому союзу отвели здание дома Герцена на Тверском бульваре в Москве, которое одновременно стало и своего рода литературным университетом — Литературным институтом имени А.М. Горького. Здесь честолюбивые молодые писатели из всех социальных слоев — среди них, естественно, были рабочие и крестьяне — изучали классическую мировую литературу от Гомера, Данте, Шекспира, Вольтера и Гете до Толстого и самого Горького. Под руководством профессиональных писателей они сочиняли свои первые литературные произведения и потом обсуждали их с коллегами на семинарах. На вершине организационной пирамиды, олицетворяя апостольскую преемственность, восседал сам Горький. Выпускники института составили основной костяк советской литературы. В них сочетался сравнительно высокий уровень литературной техники (обычно довольно традиционной) с желанием найти свое место в обществе, в котором они росли и достигали зрелости. Их попытки выполнить требования партийной доктрины представляли «социалистический реализм “на практике”»⁸².

В августе 1932 г. на I съезде Союза советских писателей выступил Андрей Жданов — главный идеолог партии, изложивший основные идеологические требования, которым обязаны были следовать писатели. Они включали *народность* (писать о народе в доступной для него форме) и *партийность* (писать в «партийном» духе)⁸³. Практически, идеологические предписания были, наверное, менее важны, чем список уже имевшихся работ, которые Жданов и другие представили как образцовые для советского писателя. Это был «канон», отличавшийся от библейского только тем, что он постоянно пополнялся новыми сочинениями советских писателей. В центре архетипического романа в стиле социалистического реализма стоял герой, происходящий из народа и черпающий силы из его простой, бесхитростной мудрости. Столкнувшись с социальным злом, он поначалу реагирует на него с примитивной страстностью, которая впечатляет, но не приносит плодов. Затем, однако, на помощь приходит старший и более опытный ментор из партии и научает героя понимать себя, умерять свой пыл и направлять свой гнев в более продуктивное русло, преодолевать слабости и сомнения. Руководствуясь партийной идеологией, он находит свое место в решающей исторической борьбе, ведомый образом Великого общества будущего. Этот

внутренний конфликт между «стихийностью» и «сознательностью» дает романам духовный ориентир, а развитие сюжета привлекает атрибутами приключенческой литературы⁸⁴.

Жанр социалистического реализма в некотором отношении напоминал *житие* — традиционное описание жизни русского святого. Однако более близкая параллель — это пуританская духовная биография типа «Путешествия пилигрима в Небесную страну» Джона Буньяна. Его герой стремится найти «прекрасный город», избегая соблазнов, одолевая свои страсти и работая в общине ради утверждения добра, искоренения зла и проповедуя Божие провидение. Герой социалистического реализма имеет свою особенность, он всегда более тесно связан со своей общиной, простыми рабочими и крестьянами, чем его пуританский коллега, более озабоченный индивидуальным спасением. Обоих героев сближает то, что они следуют «неорелигиозной доктрине спасения и воскресения... простирающейся за пределы этого мира и всего земного». Отвечая всеобщности советского общества, такого рода роман имел целью отобразить самосознание всех слоев общества. На деле он был обращен к молодым, амбициозным членам новой элиты 1920—1950-х гг. В нем советские люди видели образ самих себя и воспринимали социальную память, которая им, как читателям, импонировала; в то же время авторы, со своей стороны, также создавали собственный идеальный образ⁸⁵.

Партия стремилась сформировать не только новый тип писателя, но и новый тип читателя. Поскольку социальная память была утрачена, общую культуру аудитории или даже ощущение собственного прошлого нельзя было принимать за само собой разумеющееся. Поэт Осип Мандельштам однажды заметил, что «ныне европейцы выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз». Люди «без биографий» сделались героями века. Во всяком случае, формирование читателя сделалось одной из главных целей культурной политики сталинизма. Как было записано в резолюции ЦК партии, принятой в августе 1931 г., «книга должна быть мощным средством образования, мобилизации и организации масс в целях экономического и культурного строительства»⁸⁶.

Процесс начинался в школах и продолжался в публичных библиотеках, которые действовали одновременно и как распространители новой культуры, и как механизм обратной связи, что позволяло руководителям культуры оценивать полученные результаты.

Эти институты теперь обладали практически полной монополией на распространение книжной культуры — последние коммерческие издательства были закрыты в годы первой пятилетки, а журналы и газеты принадлежали официальным институтам того или иного рода. Многие частные библиотеки были разграблены или растащены во время революции, другие сократились в результате *уплотнений*, и дореволюционные книги сохранились только в государственных библиотеках и в небольшом числе уменьшившихся и постоянно находившихся под угрозой изъятия личных коллекций.

К середине 1930-х гг. школы прекратили пользоваться литературой исключительно для иллюстрации социологических теорий и возвратились к обучению по утвержденному списку русских и иностранных классиков, что должно было формировать эстетические вкусы юных читателей. Теперь к ним добавили новых социалистических классиков. От библиотекарей же требовалось больше, чем просто выдавать книги читателям. Им рекомендовалось вести учетные карточки на каждого читателя и еще один набор карточек с пометками об их интересах, чтобы поощрять их к развитию своих вкусов. В библиотеках периодически проводились публичные обсуждения популярных книг, организовывались читательские кружки, где зачитывались и обсуждались отрывки из произведений. Чтение перестало быть чисто личным занятием, его социально поддерживали и интерпретировали, что соответствовало процессу целевого формирования аудитории⁸⁷.

Можно было предполагать, что литература, от которой ждали популярности и доступности рядовому читателю, будет черпать содержание и форму в значительной степени из фольклора. Горький поддержал эту мысль в своем выступлении на I съезде Союза советских писателей, заявив, что фундаментальная миссия фольклора состоит в том, что «он выражает стремления простых работников облегчить свой труд и увеличить его производительность». «Чем лучше мы узнаем прошлое, — говорил он, — тем легче, глубже и радостнее мы станем понимать великое значение настоящего, которое мы создаем»⁸⁸. Отвечая на его призыв, стали публиковать антологии фольклора и переиздавать дореволюционные сборники подобного материала. Исполнителям и артистам предлагали освежить память, используя их в своих выступлениях.

Однако народная культура не могла быть просто привнесена в социалистическую без значительных изменений. Многие коммунисты считали, что народные сказки отражают кулацкую менталь-

ность, пассивный фатализм или суеверия. Поэтому фольклористов настраивали на то, чтобы они не столько пользовались старым материалом, сколько находили для него новую форму и создавали новое. Фольклор сделался письменным и текстуальным, а не устным и импровизационным, что, конечно же, облегчало работу цензуры. Создавались эпические поэмы о Ленине, Сталине, революции, Гражданской войне, пятилетке. Ведущий фольклорист СССР Юрий Соколов говорил певцам, что они должны описывать «величие их эпохи, рассказывать всем о гигантской пропасти между старой и новой жизнью и показывать всем, какое счастье жить в Советском Союзе». Переделанные поэмы называли *новинами* — «сказами о новом», в противоположность традиционным *былинам* — «сказам о прошлом»⁸⁹. Так Советское государство смогло создать даже свой собственный синтетический фольклор.

Перспектива новой массовой культуры привлекла композитора Сергея Прокофьева, и он вернулся в СССР. В 1935 г., после того как он побывал на концерте своей музыки на Урале, он написал в газетной статье: «Должен прямо сказать, что челябинский рабочий слушатель проявил гораздо больше интереса к программе, чем некоторые квалифицированные аудитории западноевропейских и американских центров. Музыка прежде всего нужно сочинять большую, то есть такую, где и замысел и техническое выполнение соответствовало бы размаху эпохи... Но, обратив внимание на большую музыку, композитор должен считаться с тем фактом, что в Советском Союзе с музыкой соприкасаются миллионные массы, которые раньше были вне ее или в слабом соприкосновении с ней. Об этих новых кадрах и должен позаботиться современный композитор... Музыка, которая здесь нужна, я бы назвал “легко-серьезной” или “серьезно-легкой”... Простота должна быть не старой простотой, а новой простотой»⁹⁰. По возвращении он сочинил, вероятно, самое известное музыкальное произведение фольклорного нового стиля — музыкальную сказку «Петя и волк».

Русская литература пропагандировалась как старшая литературная культура среди советских народов, покровитель и защитник других, которые должны развиваться по русской модели. Пушкинский праздник 1937 г. (столетие со дня смерти поэта) очень хорошо показывает, как это осуществлялось. Упор делался на имперские и многонациональные стороны пушкинских произведений. Многократно цитировалось его стихотворение «Памятник», потому что в нем были строки:

Слух обо мне пройдет
По всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый сын славян, и финн,
И ныне дикой тунгус,
И друг степей калмык.

Подразумевалось, что Пушкина переведут на все языки народов СССР, а также что нерусские будут учить русский язык и, читая произведения великого поэта, тем самым станут полноценными советскими гражданами⁹¹. Однако, вводя Пушкина в таком виде в советский контекст, режим шел на явный риск: Пушкин — и другие утвержденные писатели прошлого: Гоголь, Толстой или Чехов были слишком значительными, чтобы втиснуть их в советский шаблон. Они оставались трудными фигурами, преуменьшить которые было просто невозможно, они задавали культуре, к которой их хотели приспособить, много тонких вопросов и отсылали назад к несоветскому русскому прошлому.

Пушкин не был единственным поэтом, которого чествовали с такой помпой в 1937 г. Отмечались также юбилеи грузинского поэта Шота Руставели и украинского поэта Тараса Шевченко, сопровождавшиеся публичным чтением стихов и их обсуждениями, в школах вывешивались соответствующие портреты и плакаты. Празднования проводились на национальных языках в Грузии и на Украине, а также на русском — в РСФСР. Многонациональность и «дружба народов» были центральными темами советской литературы. I съезд Союза советских писателей был отсрочен на год, поскольку ведущие русские писатели разъехались по нерусским республикам, чтобы познакомиться с «национальными» писателями и их произведениями. Важно было пригласить на съезд и этих нерусских писателей. Французский делегат съезда Владимир Познер упомянул в своей речи об этом разнообразии: «Представители 52 литератур, от грузин с их пятнадцативековой культурной историей за спиной, до якутов, у которых до 1917 г. на родном языке имелаась только одна книга — православный катехизис; от русских, которые дали миру Пушкина и Толстого, до лезгин из Дагестана, представленных на съезде неграмотным ашугом, который поет свои стихи, но не может их записать, все они объединены в единой советской литературе узами, крепче уз крови или языка». Армянский писатель Е.А. Чаренц пошел еще дальше, приветствуя съезд как

арену, «на которой мы можем видеть рождающийся у нас на глазах образ общей для всего человечества единой культуры»⁹².

Это значит, что русская литература воссоздавалась *одновременно* и как русская, и как интернациональная, т.е. как апогей развития мировой литературы, но теперь обретший форму доступную простым людям, благодаря тому, что они стали образованнее, и помогающую им подготовиться к решению великих задач строительства социализма. Получилась дидактичная и однородная, даже одноцветная культура, которую ее критики обвиняли в удушающей монотонности. Она не была примитивной или неразвитой, не опиралась на вульгарные, несформировавшиеся вкусы. С одной стороны, не было дешевых романов или боевиков, с другой — никакой экспериментальности, только рафинированный или замаскированный аскетизм. Советскую литературу можно было бы назвать «обывательской». По этому поводу Евгений Добренко заметил: «Эгалитаризм советской культуры лежит не столько в примитивном расчете на “неразвитый вкус масс”, сколько в продуманной стратегии усреднения и поглощения анклавов автономии»⁹³.

Даже художественная литература писалась полубюрократическим стилем, лишенным семантического подтекста или словесного богатства и передающим единственное безошибочно определяемое значение, которое без труда можно было связать с партийной идеологией. В конечном итоге эта тенденция оказалась самоубийственной — люди стали читать тексты не из-за того, что в них написано, а выискивая в них подразумеваемое или даже заведомо опущенное. Читатели стали невосприимчивы к отупляющей вездесущей норме и остро реагировали на мимолетные отклонения от нее. Культурная коммуникация сделалась предательски зыбким болотом завуалированных намеков или эзоповских аллегорий, в которых терялись все, кроме хорошо информированного читателя. Этот разрыв связи между печатным текстом и реальностью как раз и означал то, что Анна Ахматова называла «догугтенберговой эпохой», где слух и анекдот заняли место публичной культуры.

По этой причине происшедшее несколько десятилетий спустя новое открытие русской литературы, которая была прочно связана с реальностью, должно было стать существенным вкладом в создание несоветского русского самосознания. В скрытых нишах советского культурного мира этот процесс уже начинался.

СОКРЫТЫЙ КОНТРАКАНОН

Одна из важнейших функций национальной культуры — следить за состоянием социальной памяти с тем, чтобы изображение национальной жизни не слишком отдалялось от реальности. Ложное отображение жизни общества не может долгое время служить базисом национальной культуры, поскольку вызывает разъедающее чувство невыраженной вражды и скорби, растет внутреннее ожесточение, и нация раскалывается⁹⁴. Тем не менее в Советском Союзе новый героический, оптимистичный, устремленный в будущее миф, распространявшийся разными культурными союзами и поддерживавшийся цензурой, постепенно предал забвению жертвы катастрофических процессов периода первых пятилеток. В нем также напрочь отсутствовали другие аспекты основной линии развития русской культурной традиции, особенно православного христианства.

По этим причинам, абсолютно неприметно для широкой публики, начал складываться своего рода скрытый контрканон. Этот процесс шел в среде писателей, которых активно выдавливали из официальных изданий и которым удавалось пробивать в печать только тривиальные поделки, причем многие из них предпочитали вовсе не печататься в удушающей культурной атмосфере 1930-х гг. Я остановлюсь только на трех из них: прозаиках Андрее Платонове и Михаиле Булгакове и поэтессе Анне Ахматовой. Все они разделяли с официальной культурой мессианские притязания и апокалиптический страх, но придавали этим чувствам совершенно другую форму и показывали совсем иные элементы советской действительности. Начавшееся с 1960-х гг. новое обретение и публикация их наиболее важных произведений оказали существеннейшее формирующее влияние на обновленное чувство русской национальной идентичности, которая начала складываться именно в то время.

Андрей Платонов

Надежды и отчаяние обыкновенного русского крестьянина и рабочего с наибольшей адекватностью и остротой выразились в произведениях Андрея Платонова. Он родился в 1899 г. в семье железнодорожного электрика, вырос на рабочей окраине Воронежа, где привык к полугородскому-полудеревенскому образу жизни, типичному для множества русских в конце XIX — начале XX в.

Воронеж находится на границе лесной и степной частей Европейской России, здесь леса постепенно редуют и вскоре исчезают совсем, уступая место степям, которые, кажется, простираются без конца и края на юг и восток. Платонов обычно изображает их то ли с восторгом, то ли с отчаянием. Ему пришлось оставить школу в 14 лет и пойти работать механиком в то же самое локомотивное депо, где работал его отец, но он не бросил учебу. Записавшись в вечернюю школу, позже он закончил Воронежский политехнический институт. Платонов стал инженером-электриком, работал на строительстве ирригационных сооружений в засушливых степях своей родной губернии, участвовал в электрификации малых городов и сел. Подобно Ленину, он был убежден, что электрификация преобразит общество и позволит людям взять в руки свою судьбу, эту веру он сопрягал с мистической надеждой философа Федорова на воскрешение мертвых с помощью техники⁹⁵.

Во время Гражданской войны Платонов работал военным корреспондентом газеты красных и вступил в Пролеткульт, чей оптимистичный космический мистицизм он тогда разделял. В 1921 г. он написал в газете: «Русский народ, в лице своего пролетариата, выйдет вооруженный машиной и точной мыслью на завоевание вселенной... Русскому мужику тесны его пашни, и он выехал пахать звезды»⁹⁶. Его первые рассказы были посвящены ученым, инженерам и ремесленникам, работающим над изобретениями, которые должны изменить будущее человечества. Со временем, однако, яркие, открытые тона его первых работ начали уступать место более темным перспективам, отчасти потому, что надвигающийся НЭП откладывал на неопределенное время любые надежды на быструю социальную трансформацию.

Самая известная его книга, к тому же лучше всего передающая эти настроения, называлась «Котлован». Она была написана в 1929—1930 гг., в первую зиму коллективизации, но так и не была опубликована в Советском Союзе и впервые увидела свет в эмигрантском журнале в 1969 г. В России ее напечатали только в 1987 г.⁹⁷ Когда Платонов писал этот роман о будущем, то, сам того не подозревая, предвосхитил фиаско реального Дворца Советов, который планировали построить в Москве. В основе сюжета лежит проект создания Всепролетарского дома, который должен вознестись в центре города и заменить все прежние крошечные, отгороженные друг от друга жилища: «Через год весь местный пролетариат выйдет из мелкоимущественного города и займет для жизни

монументальный новый дом». Но этим дело не кончится, потому что «через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли»⁹⁸.

Когда начали копать котлован под Дом, рабочие-строители обнаружили целый склад гробов, которые заготовили жители близлежащих деревень, ждавших, что помрут с голоду в результате коллективизации. Рабочие выбились из сил и были совершенно деморализованы перенапряжением и ценой в тысячи человеческих жизней, которыми они расплачивались за свой идеализм: «Хотя они и владели смыслом жизни, что равносильно вечному счастью, однако их лица были угрюмы и худы, а вместо покоя жизни они имели измождение»⁹⁹. Огромное здание так и не поднимается выше фундамента, и в конце концов глубокая яма становится всеобщей могилой.

Роман Платонова — это *reductio ad absurdum* советского проекта построения совершенного мира в форме интернациональной пролетарской республики. Он основывается на библейском мифе о Вавилонской башне и представлениях Чернышевского о Хрустальном Дворце (в его романе «Что делать?»), которые уже были высмеяны Достоевским и превращены в сатиру Евгением Замятиным. Замечательным в Платонове было то, как именно он позволял утопическому воображению захватывать героев и полностью поглощать их существо. Мысль становится действием, а действие другой формой мысли. Абстрактное и конкретное невероятно переплетаются. Один из персонажей — Вошев, уволенный и выселенный из общежития за «личную слабость и задумчивость среди общего трудового темпа», спит на земле. Его находят двое рабочих и спрашивают: «Ты зачем здесь ходишь и существуешь?» А он им отвечает: «Я здесь не существую... Я только думаю здесь... У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу, я задумывался на производстве, и меня сократили...»¹⁰⁰

Странный несвязный язык господствует не только среди героев романа, это язык и рассказчика. Подобно своим героям он чувствует в своем теле абстрактные идеи и переводит их в форму физического движения и усилия. Таким образом он отображает общество, где язык воображения заменил реальность и приговорил всех к погоне за миражами. Как говорил Иосиф Бродский, «Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее — о самом языке, оказавшемся способным породить фик-

тивный мир и впавшем от него в грамматическую зависимость»¹⁰¹. Это писатель, который чувствует, что утопия стала тюрьмой, что его величайшие надежды сделались ничего не значащими абстракциями, которые позже приобрели устрашающую власть над умами и действиями людей.

В результате получилась отнюдь не сатира, автор которой спокойно взирает на свой предмет со стороны и с уверенностью судит о нем. Платонов идет изнутри, он разделяет надежды своих героев, а также делит с ними их растерянность и разочарование тем, что все повернулось так, как они не могли себе и представить. Теперь, когда мы имеем доступ к большому количеству писем, написанных простыми русскими в «Правду» и лично Сталину, мы можем видеть, что они часто говорили платоновским языком. Он лучше, чем кто-либо другой, выражал настроения рабочих и крестьян, их безнадежный и пугающий утопизм.

Во всяком случае, в представлении Платонова крестьяне просто желают жить, как жили, но становятся жертвами неумолимой исполинской бюрократической машины, которая сгоняет их в потерянные и пассивные коллективы. Энтузиазм и оптимизм перестают быть настоящими человеческими чувствами и становятся обыкновенными инструментами власти. Котлован так и не становится основой великого здания, он становится могилой девочки-сиротки Насти, которая должна была представляться надеждой на будущее, а на самом деле умирает от болезни и отсутствия заботы. Воцрев стоит над ней и думает, «где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?»¹⁰².

Теперь мы знаем, что Платонов сначала хотел закончить роман словами: «Умрет ли Советский Союз, как Настя, или вырастет взрослой личностью, новым историческим обществом? Тема книги, когда ее писал автор, родилась из тревоги за это. Автор, может быть, ошибался, представляя смерть советского общества через смерть маленькой девочки, но эта ошибка порождена излишней тревогой за что-то любимое, что-то такое, потеря чего равносильна уничтожению не только всего прошлого, но и будущего»¹⁰³.

Михаил Булгаков

Михаил Булгаков получил воспитание, которое совершенно не годилось для жизни в СССР. Он был сыном профессора богословия Киевского университета. Его отец участвовал в предпринимавшихся в начале XX столетия попытках сблизить науку, философию и богословие. В юности Михаил жадно читал работы неокантианцев и идеалистов — Николая Бердяева, Семена Франка, Льва Шестова и своего дальнего родственника Сергея Булгакова. Он оставался верующим христианином в атеистическом государстве и старомодным русским имперским националистом, оказавшимся на территории сначала независимой, а затем советской Украины. Более того, по натуре он был чужак, а по характеру бунтарь и любитель драмы в стране, где балом правили бюрократический конформизм и серая посредственность даже в артистической среде¹⁰⁴.

Столкновение утопии с действительностью у Булгакова совершается абсолютно не так, как у Платонова. Действие его главного романа происходит в двух городах, где история человечества приходит к своему поворотному пункту — в Иерусалиме времен Христа и Москве 1930-х гг. Таким образом, весь замысел романа напоминает о том, что в XVI в. Москву называли «вторым Иерусалимом». Однако, вкладывая в это всю свою иронию, автор меняет местами научный факт и чудо: святой город Иерусалим описывается с сугубым реализмом, и все, что там происходит, имеет свои очевидные причины, а Москва — город материализма, техники и атеизма — показывается как фантастический призрак и превращается в арену действия сверхъестественных сил. Там ни с того ни с сего исчезают или умирают люди, без всякой причины возгорается пожар, материальные вещи меняют свою природу или исчезают.

В Москве все вращается вокруг литературной жизни. Писатели занимаются духовными ценностями, не веря в них, а по материальным причинам: за квартиры, которыми их вознаграждают, и за хорошую еду, которую им подают в ресторане «Дома Грибоедова», где расположено правление Союза писателей. В одной из фантазмагорических сцен Воланд дарит зрителям Театра варьете доллары и модные заграничные наряды, но после представления все это испаряется так же волшебным образом, как перед тем появилось, и зрителям приходится разъезжаться по домам в нижнем белье.

Мастер — писатель, вокруг которого вращается сюжет романа, — творческая личность, но совсем не боец. Он совершенно

беспомощен, когда сталкивается с властью. На него доносит сосед, жаждущий получить его жилплощадь. Когда в печати появляются статьи, критикующие опубликованные отрывки из его романа, он начинает нервничать, впадает в депрессию и сжигает рукопись. Его вместе с романом спасает только вмешательство Маргариты, в которой совмещается роль Фауста и Мефистофеля и которая подписывает договор с дьяволом, чтобы спасти любимого человека.

Литературный текст Мастера о распятии Христа делается средством для завершения исторической драмы, оставшейся незавершенной (по крайней мере, в интерпретации Булгакова) со смертью Христа. В иерусалимских главах Понтий Пилат знает, что его диалоги с Христом ведут его к важной истине, что они отвечают его собственной потребности. Он — человек образованный и городской космополит-скептик, принимающий власть потому, что она кажется господствующей реальностью в этом мире, но в глубине души чувствующий ее пустоту. Он отдает Иисуса палачам потому, что этого хотят еврейский Первосвященник и жители Иерусалима, в поддержке которых нуждался Рим. Но он чувствует потребность завершить свой прерванный разговор с Иисусом. Диалог о власти и любви происходит только в конце романа в измерении вне Москвы и Иерусалима, и только благодаря посредничеству Маргариты, во время космического полета, в котором Пилат возносится над эмпирическим, отягощенным властью миром своего имперского консульства.

«Мастер и Маргарита» проникнут образами Апокалипсиса, особенно связанными с лошадьми. Последние три главы — это изящное подражание Книге Откровений. Москва с ее разложившимися, материалистичными, жаждущими власти жителями остается позади, а Мастер и Маргарита несутся с четверьмя Всадниками Апокалипсиса сквозь бескрайнее пространство и время; вскоре освобождают Пилата, воссоединяют его с Иисусом и тем самым приводят текст Мастера к завершению¹⁰⁵.

Булгаковский воображаемый мир и подобен сталинскому, и противоположен ему. Оба верят в абсолютные истины, в спасение человечества и вселенскую борьбу добра и зла. Только булгаковский герой не хочет иметь ничего общего с властью и совершенно беспомощен в практических делах. Его писания выявляют истины, которых не понять политикам, но которые делают возможным окончательное примирение между истиной и властью, но только за пределами этой земли и жизни.

Анна Ахматова

Представительница аристократической семьи, родившаяся в Царском Селе (императорской резиденции под Санкт-Петербургом), Анна Ахматова впервые получила известность перед самой революцией как автор изысканной любовной лирики, уверенно вторгшейся с описанием женских чувств в литературный мир, где господствовали мужчины.

После революции стихи, которые она писала, быстро вышли из моды, и издатели вскоре отвернулись от нее, даже несмотря на то что она не потеряла популярности среди читающей публики и ее поклонницей оставался один большевистский вождь — Александра Коллонтай, называвшая ее стихи «поэтическим выражением борьбы, которую ведет женщина, поработанная буржуазным обществом». С другой стороны, критик Корней Чуковский, которому тоже нравились ее работы, назвал ее «последним поэтом православия», что вряд ли должно было вызвать к ней благосклонность правящих кругов. В 1925 г. негласным указанием сверху ее работы было запрещено печатать¹⁰⁶.

Ахматова ненавидела большевистскую революцию с ее атеизмом и, как ей виделось, с ее презрением к культуре, но она решила, тем не менее, остаться в России, чтобы делать, что она сможет, для защиты и поддержания культуры. Она не присоединилась к большому числу друзей и коллег-литераторов, кто в то время эмигрировал из страны:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
 Оправдан будет каждый час;
 Но в мире нет людей бесслезней,
 Надменнее и проще нас¹⁰⁷.

Случилось так, что Ахматова жила в доме постройки XVIII в. на берегу Фонтанки, когда-то принадлежавшем семье графов Шереметевых. Ее второй муж Владимир Шилейко был археологом, учителем последних царских детей, и новый режим позволил ему жить там и хранить ценные вещи. Так получилось, что Ахматова действительно и буквально сыграла роль в сохранении прошлого. Расставшись с Шилейко, она продолжала жить в доме на Фонтанке со своим следующим партнером, художественным критиком Николаем Пуниным, но в одной квартире с его бывшей женой, поэтому в ее жизни было много тревог и переживаний, и она часто испытывала серьезные материальные затруднения, так как ее работы не печатали. Она с полным правом говорила: «Мы ни единого удара / Не отклонили от себя», а ее положение как женщины еще больше усложняло ее жизнь¹⁰⁸.

Самое большое испытание обрушилось после 1935 г., когда арестовали Пунина и сына Ахматовой Льва Гумилева. На протяжении нескольких последующих лет она проводила несчетные часы в очередях у ворот тюрьмы, пытаясь узнать о судьбе любимых или передать им пакет с едой или одеждой. Создатель утонченной любовной лирики, она сделалась поэтом безысходности России, особенно женского отчаяния (она как-то написала о «царскосельской веселой грешнице»: «Что случится с жизнью твоей...»). Ахматова нашла свое призвание, спасая от забвения реальность их страданий и память о времени, когда «ненужным привеском качался возле тюрем своих Ленинград». Она стала голосом этих женщин, одна из них прямо дала ей подобный наказ. Женщина узнала ее, несмотря на то что ее давно не публиковали, и шепотом спросила: «Вы можете описать *это*?» «И я ответила: “Могу”. Тогда что-то, похожее на улыбку, пробежало по тому, что когда-то было ее лицом».

Ее неизгнание стало теперь глубоким и горьким фактом:

Нет, не под чуждым небосводом,
 И не под защитой чуждых крыл,
 Я тогда была с моим народом,
 Там, где мой народ, к несчастью, был.

Она описывает свои собственные страдания, сливаясь с муками серых очередей, в которых женщины стояли и в лютую стужу, и в изнуряющую жару. Ее голос — это голос, «которым кричат миллионы людей». Ахматова сравнивает себя с Богородицей Марией, но видит свою судьбу неотделимой от подруг по несчастью:

И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной,
Под красною ослепшею стеною.

Это был ее ответ оптимистической, лживой и атеистической культуре Союза писателей.

Опору в своей одинокой самозванной миссии народного трибуна Ахматова находила в общности ее судьбы с судьбой прошлой литературы России, особенно с пушкинским «Памятником», что она выразила, пусть даже заносчиво, заговорив о собственном памятнике:

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его
Ни около моря, где я родилась
(Последняя с морем разорвана связь),
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов¹⁰⁹.

Так Ахматова изобразила то, что стало мучительной, сумбурной и совершенно непонятной жизнью, и представила это совсем не так, как требовала советская анкета. В открытую отказываясь от императива «говорить по-большевистски», она выступила свидетелем страданий, переживавшихся такими же, как она, женщинами, летописцем задавленной правды и хранителем той, глубинной русской культуры, которая скрывалась под официальной советской.

Самые важные работы Платонова, Булгакова и Ахматовой были знакомы только тесному кругу безусловно доверенных друзей. Только в конце 1950-х — начале 1960-х гг. они начали распростра-

няться в среде несколько более широкой публики, но даже и тогда только в узких кругах ученой и творческой интеллигенции, доверявших друг другу и передававших друг другу то, что позже получило название *самиздат*. Знакомство с этими текстами и долгая борьба за их публикацию стронули с места процесс формализации контрканона, который безоговорочно поставил всю советскую «официальную» литературу под вопрос.

К 1941 г. общество в целом едва начало восстанавливаться после физической разрухи и культурной амнезии, начало строить новую социальную иерархию и создавать свой репертуар мифов, воспоминаний, праздников и способов действия. На посты в руководстве партийно-государственного аппарата, вооруженных сил, общественных организаций все больше назначались очень молодые люди. Эти новые лидеры выступали за новую культуру, которая укрепляла веру в их миссию, но вместе с тем подавляла многое из окружавшей их действительности, а заодно и важнейшие элементы русской традиции. Несмотря на это, впервые складывался русский сверхнациональный патриотизм, окрашенный, но еще не проникнутый верой вождей в строительство социализма и интернациональную миссию Советского Союза. В то же время многие были травмированы потрясениями, от которых они только-только начинали оправляться; им хотелось защитить себя и свои семьи, и они искали гарантий в горизонтальных и вертикальных структурах личных связей там, где они работали и жили. В таком парадоксальном и нестабильном состоянии умов русские вдруг встали пред величайшей угрозой в своей истории¹¹⁰.

Глава шестая

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Однажды в 1950 г. русский писатель еврей Эммануил Казакевич сел писать обличение за подписью Неизвестный гражданин. В отличие от большинства обличений оно было адресовано не политической полиции, а «будущему». Он намеревался записать правду о десятилетиях, которые прожил, чтобы эта правда, внутри своего рода капсулы времени, невидимкой переплыла океан советской цензуры и ее выбросило на какой-нибудь будущий берег свободы слова. Он надеялся, что там ее подберут читатели, желающие узнать о прошлом, которого им повезло избежать. Принявшись за работу, он понял, однако, что взвалил на себя бремя, которое ему не по плечу: «Чтобы дать представление о событиях последних десятилетий, нужно написать сотни томов такой же реалистической многогранности и точности, как “Война и мир” или “Божественная комедия”». Позже фрагмент этой машинописной рукописи он сжег¹.

Казакевич не мог не чувствовать гигантской ответственности, которая ложилась на его литературный талант. С жестокой неожиданностью разразившаяся 22 июня 1941 г. война явилась кульминацией четверти столетия, которое уже познало мировую войну, революцию, Гражданскую войну, следовавшие один за другим голодные годы, коллективизацию сельского хозяйства, первые пятилетки, бурную урбанизацию и большой террор. Если Казакевич ощущал, что невозможно описать все это, то насколько же труднее стороннему наблюдателю из более благополучной страны понять, через что прошли в то время русский и многие другие советские народы.

Всякая война обрекает жителей страны на испытания, непредставимые в мирное время, в особенности это касается войны, развязанной немцами, войны, открыто объявленной расовой войной

на уничтожение. Война перед каждым ставит вопрос, кому он в первую очередь верен, а в XX в. — к какой стране он принадлежит. Категории гражданства и национальности соединяются, т.е. права и обязанности человека, как никогда прежде, зависят от общности, к которой он принадлежит. Как люди воспринимают свою общность, зависит, однако, от нескольких факторов: конечно, от официальной пропаганды, но также и от культурного контекста и осознаваемого жизненного опыта различных социальных слоев².

Советский контекст в этом отношении явно не сулил много позитивного. За предшествующие четверть века были уничтожены национальные институты и национальная память, и все общество пережило потрясение, которое столкнуло в непримиримом конфликте его классы, настроило друг против друга национальности, простых людей против правителей и привилегированных. Зарождающаяся неорусская имперская традиция еще не успела сложиться и пустить глубокие корни. Война, хотя, в общем, не стала ни для кого полной неожиданностью, все равно, начавшись по-настоящему, оказалась страшным ударом почти для каждого.

В первые месяцы войны советские люди в своем большинстве предчувствовали только бедствия и лишения, испытывали глубокую неуверенность и тревогу за будущее. Над ними все еще витали страхи, обиды и сомнения 1930-х гг. Они чувствовали растерянность и негодовали по поводу того, что советские вожди не смогли подготовиться к удару лучше. Многие считали, что их снова обманули, что их армия уступает германской и что Советский Союз скоро проигрывает войну. Более того, коллективизация и раскулачивание, террор и уничтожение довоенного офицерского корпуса в армии оставили глубокие шрамы на советском социуме, к чему добавился еще и осадок растерянности и цинизма, оставшийся после подписания нацистско-советского пакта Молотова—Риббентропа. В Москве многие молодые люди отказывались вступать добровольцами в армию, призывники скрывались от призыва. В Архангельской области, по словам НКВД, рабочие и крестьяне говорили: «Нас уверяли, что мы нанесем поражение врагу на его территории... Получается все наоборот... Два года наше правительство кормило немцев, лучше бы сохранили продовольствие для своей собственной армии и народа. А теперь мы будем помирать с голоду». В июле 1941 г. в Калужской области шахтер вслух заявил, что пойдет на фронт и будет защищать советскую землю, а не тех, кто сидит в Кремле³.

В августе 1941 г. уполномоченный по эвакуации машинно-тракторных станций (МТС) из Калининской области писал Сталину, что отступающие солдаты сеют панику в тылу. Они отбирают у советских учреждений машины и бензин, чтобы уехать как можно дальше от фронта. Некоторые партийные и советские руководители начали делать то же самое. Ходили слухи, что сняли маршала С.К. Тимошенко и он сбежал за границу. Один из источников того периода негодуяше вопрошает: «В тылу никакой дисциплины. Каждый делает что хочет. Разве это правильно? Все возмущаются, но молчат». Из Беляевки и Овидиополя в Одесской области также сообщали, что местные руководители «сидят на чемоданах»⁴.

К ноябрю 1941 г., после того как сомкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда, многие его жители считали, что стоит восстать против коммунистических вождей и сдать город немцам, чтобы не умереть с голоду⁵. НКВД сообщал, что один рабочий заявлял: «Если придут немцы, у нас будет в достатке еды, но, если останется советская власть, мы все помрем с голоду». Один экономист из местного отдела Госплана говорил: «Наша армия обречена на постоянные поражения, потому что русский народ потерял всякий идеал, за который стоит воевать. Крестьяне не хотят воевать за колхозы, потому что идеал коллективного хозяйства не прижился». Когда немцы приближались к Москве, НКВД докладывал, что одна работница завода жаловалась: «У нас нет единого и прочного внутреннего фронта. Люди озлоблены, и внутри страны произойдет конфликт, который еще больше усложнит положение. Война будет кровопролитной и разорительной»⁶.

Однако пессимизмом были заражены не все. Некоторые, особенно внутри вооруженных сил и номенклатурной элиты, где традиционно преобладала официальная идеология, были значительно более уверены в победе. С середины 1920-х гг. в армии велась пропагандистская работа по специальной образовательной программе, цель которой заключалась в том, чтобы приучить отдельных солдат находить на карте свою родину (город или деревню и ближайшую округу) и видеть ее частью большей территории, потом союзной республики, СССР и в конечном итоге международного коммунистического сообщества государств, которые Советский Союз в один прекрасный день освободит. Советских граждан приучали думать о себе как о жителях осажденной крепости, обложенной со всех сторон врагами, империалистами всех стран, которые только того и ждут, чтобы раздавить их. По этой причине со-

ветская военная доктрина предусматривала большую войну, но представляла ее как сравнительно недолгую классовую войну преимущественно на территории противника и малой кровью, так как пролетариат вражеских стран немедленно поднимется, свергнет своих правителей и встретит Красную армию с распростертыми объятиями. Правда, в конце 1930-х гг., по мере нарастания японской и германской угрозы, военные стратеги начали смотреть на перспективу войны более трезво и готовиться к продолжительной войне с вовлечением крупных сил, возможно, отчасти на территории Советского Союза⁷. Об этих дискуссиях, однако, мало что было известно даже среди большей части номенклатурной элиты, не говоря уже о более широких массах. Большинство «идеологически сознательных» граждан оставалось уверенным в быстрой победе.

Рассказывали, что некоторые московские заводские рабочие в начале войны рассуждали о том, что немцы совершили оплошность: «На кого, они думают, они напали? Они что, с ума сошли?.. Конечно, немецкие рабочие поддержат нас, и все остальные народы поднимутся... Все кончится через неделю». Даже проникательные интеллигенты, вроде Льва Копелева, тешили себя такими иллюзиями. Как он вспоминал в 1979 г. в беседе с немецким писателем Генрихом Бёллем, «когда 22 июня 1941 года пришли первые сообщения о войне, должен вам честно признаться, я был настолько глупым, что пришел в восторг. Я думал: “Это священная война, теперь германский пролетариат поддержит нас, и Гитлера немедленно свергнут!”»⁸

Настоящая война выглядела совсем по-другому. Должно было пройти немного времени, чтобы непредвиденное стало явью. Поначалу многие разделяли иллюзию, будто Советский Союз ведет интернациональную классовую войну. Солдатам на фронте также потребовалось некоторое время, чтобы понять, с чем они столкнулись. Один из них записал в своем дневнике 20 июля 1941 г.: «Какими же наивными филантропами мы были! Во время допроса мы пытались вызвать у них чувство классовой солидарности. Мы думали, что они поговорят с нами и увидят свет, и закричат “Рот фронт!”. Но они жрали кашу из наших котелков, закуривали из наших от души предложенных кисетов с табаком, а потом нагло усмехались и кричали нам в лицо “Хайль Гитлер!”»⁹.

В западных частях Советского Союза, особенно в недавно аннексированных областях, многие вначале приветствовали немцев как освободителей от Сталина. Увидев, однако, как ведут себя нем-

цы, они очень быстро одумались. Русский мастер-часовщик из Киева, глубоко верующий православный христианин, потом вспоминал, как он и другие встретили немцев хлебом-солью, но вскоре настроились против них: «Уж если быть под господами, то уж лучше иметь своих собственных господ, а не иностранцев». Крестьянин из Западной Белоруссии, некоторое время служивший в немецкой армии, испытывал те же чувства: «Лучше русское рабство, чем немецкое рабство»¹⁰.

Постепенно возобладали именно такой минимальный национализм. С разворачиванием военных действий он вызрел в убежденный патриотизм. Беспощадная жестокость немцев и проповедуемая ими доктрина физического уничтожения евреев и порабощения славян, как недочеловеков, сделали свое дело, и большинство советских граждан, невзирая на их прежние взгляды, также стало считать войну делом всего народа и преисполнилось решимости вести ее до последней капли крови. Письмо рядового красноармейца в «Комсомольскую правду» показывает, как германский натиск сплавил воедино советский и русский патриотизм. Оно было написано в октябре 1942 г., в момент, когда немцы все еще продолжали одерживать победы, но когда уже была освобождена часть захваченных ими территорий и стали со всей очевидностью известны зверства оккупантов: «Фашистский оберпаразит арийских кровей хочет поработить наши свободолюбивые сердца. Этому не бывать! Чудовищным вампирам никогда не овладеть нашими сердцами, полными свободы, гордости и бесконечной преданности нашей любимой и многострадальной Родине. Русские сердца, выкованные в большевистской кузнице, никогда не поддадутся немецким подонкам!»¹¹ Возвышенный пафос этой риторики дает хорошее представление о том, что в это время объединяло сталинский режим с большинством обычных русских людей.

Даже несмотря на то, что Советское государство оставалось верным принципам интернационализма, для большинства граждан война была не схваткой между империализмом и трудящимися, а войной между немцами и русскими. В повседневной речи слова «фашист» и «гитлеровец» звучали реже, чем просто «немец». В отличие от Первой мировой войны, когда русские солдаты видели в противнике людей, теперь врага сравнивали с диким зверем или преступником. Наглядное представление об этом новом отношении к противнику дают чувства, которые пережил русский еврейский писатель и военный корреспондент Илья Эренбург. В 1936—

1937 г. он был прикомандирован к одной из интернациональных бригад во время гражданской войны в Испании, которую описывал как крестовый поход трудящихся против империалистов. В первые же дни новой войны он понял, что впереди совсем другая война и что евреи, вроде него самого, должны считать себя частью России: «И вдруг я почувствовал, что есть очень важное и цепкое — земля. Я сидел на московском бульваре. Рядом сидела женщина с ребенком, некрасивая, печальная, с бесконечно знакомыми мне чертами, она говорила: “Петенька, не шали, пожалей меня!..” Я понял, что она родная, что за Петеньку можно умереть»¹².

Это чувство одной большой семьи, не разделенной классовым происхождением, выразил Сталин в своем первом выступлении по радио 3 июля 1941 г., заменив обычное коммунистическое обращение «Товарищи!» и нейтральное «Граждане!» словами «Братья и сестры!». В этом было что-то от традиционного обращения православного священника к пастве. Началась не обычная война, подчеркивал Сталин: «Это великая война всего советского народа против немецко-фашистских армий». Он призвал «все народы Советского Союза» встать как один на защиту своей «земли» и своей «родины» от «жестокого и вероломного врага». Он напомнил всем о том, что русские в конце концов сумели изгнать из страны монголов, шведов Карла XII и французов Наполеона¹³.

Эренбург стал одним из самых страстных глашатаев нового взгляда на войну как национальную борьбу не на жизнь, а на смерть между русскими и зверями-немцами. Он писал в «Правде»: «Если ты не убил немца сегодня, то это потерянный день... Если ты убил одного немца, убей другого. Ничто не радует меня так, как зрелище немецких трупов». Будучи евреем, Эренбург имел не одну причину ненавидеть немцев, но русский поэт Константин Симонов выразил те же самые чувства в стихотворении «Убей его!», которое было напечатано в «Правде» в 1942 году: «Если дорог тебе твой дом... Убей немца, как только увидишь его»¹⁴.

В этой атмосфере идея *Родины*, в том числе маленького городка или деревни, где семья чувствует себя дома, стала самой важной. В 1920—1930-х гг. эту идею развенчивали, как пережиток прошлого, оставшийся в утешение только сентиментальным и старомодным поэтам, вроде Сергея Есенина. Теперь же ленинградская поэтесса Ольга Берггольц, успевшая к 1941 г. разочароваться в коммунизме, приветствовала ее возвращение: «Чудесно, что понятие Родины стало ближе рядовому человеку, сделалось та-

ким непосредственным — спасти жизнь друга в бою, это значит сражаться за Родину»¹⁵.

С таким же равнодушием раньше относились и к быту, повседневным заботам, презренной материи, которая скоро должна уйти в прошлое, уступив место новому образу жизни, который строился наукой и техникой и вдохновляющей партийной идеологией. Теперь все изменилось. Мысли о доме и семейной жизни приобрели значение высших ценностей именно потому, что им теперь грозила страшная опасность. Хотя к середине 1930-х гг. вожди оставили старания подорвать семейные устои, все равно до войны официальная пропаганда отодвигала дом и домашний очаг на второе место по сравнению с общественными местами и общественными обязанностями. Ухаживание и супружеская любовь ценились не сами по себе, а как органическая часть строительства социализма. Теперь же многое воспринималось по-другому, и симоновское стихотворение «Жди меня, и я вернусь» уже воспевало самое обыкновенное ожидание возлюбленного с войны как высший человеческий долг. Оно было опубликовано в январе 1942 г. в «Правде» и во фронтовых газетах и мгновенно приобрело необычайную популярность. Солдаты вырезали его из газет и отсылали домой своим возлюбленным, печатались и некоторые импровизированные отклики¹⁶. Одна женщина, фронтовая связистка, писала Симонову: «Вы, человек, который меня не знает, помогаете мне жить... Я долго не получала писем от мужа и начинала терять надежду. И вдруг “Жди меня”. Я прочитала его в годовщину нашей свадьбы. Можно было подумать, что это Юра сам написал эти строки, потому что именно это он сказал бы, если бы мог связаться со мной. Мне все время хотелось плакать, но после этого я почувствовала большое облегчение. И я послала ему письмо по радио, длинное-длинное и в стихах»¹⁷.

Теперь частная жизнь и любовь получили официальное одобрение и как таковые, и как часть жизни традиционного сообщества. Большинство солдат носили в кармане или в медальоне на шею фотографию дома, членов семьи или возлюбленной, это являлось и памятью, и оберегом. Давно сложившийся жизненный цикл, сельская община и роль предков снова зазвучали в литературе, исподволь бросая тень отрицания на советский атеизм, как это написано в другом стихотворении Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?»: «Как будто вокруг каждой русской околицы

цы, / Крестом своих рук ограждая живых, / Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в Бога не верящих внуков своих»¹⁸.

Поскольку эти ценности защищала Красная армия, русское национальное чувство и слава советских военных побед слились воедино. Как писала историк Лиза Киршенбаум: «Родина, дом и семья стали составной частью советского патриотизма»¹⁹.

Война потребовала добавить и новое измерение интеграции женщин в советское общество. Конечно, марксистско-ленинская теория считала женщин во всем равноправными с мужчинами. Они и на практике имели уже право голоса, пользовались теми же гражданскими и политическими правами, что и советские мужчины, могли работать по любой специальности. Теперь их вклад в жизнь общества стал еще более важным и их статус соответственно вырос. На промышленных предприятиях женщины брались за все существовавшие формы труда, в том числе и самые физически тяжелые, чтобы заменить ушедших на фронт мужчин. К августу 1941 г. они составляли уже 90% рабочих на Кировском заводе в Ленинграде. Половина врачей в армии и практически весь вспомогательный медицинский персонал составляли женщины. Теперь в армии были женские части, они имелись среди защитников Одессы и Киева осенью 1941 г. Впрочем, это не означает, что полностью испарились мужские предрассудки: не прекращались ехидные шуточки про «напудренные полки», а некоторые командиры считали беременность нарушением воинской дисциплины²⁰.

В общественном дискурсе военного времени женщины фигурировали преимущественно как хранительницы домашнего очага, дома и семьи. Взять, например, письмо из Челябинска на фронт, которое было напечатано в «Комсомольской правде» в ноябре 1941 г.: «Мой любимый! Теперь длинными ночами я сижу у постели нашего малыша и думаю о тебе... Где ты сейчас? За тысячу километров этот город, о котором думает весь мир [скорее всего, Москва. — *Дж.Х.*]. И сейчас ты, со своими артиллеристами находишься там. Возможно, мало спишь. И делишься махоркой с друзьями, и вспоминаешь нас, меня, твоего маленького сына, твой ЧТЗ [Челябинский тракторный завод]». Сказать наверняка, было ли это настоящее письмо или его сочинили в редакции «Комсомольской правды», трудно. Но само по себе появление подобных писем в массовой печати подтверждало новый официальный подход и наверняка было созвучно общественному настроению. Дом и семья теперь оправдывали войну, и наоборот. Один из самых популярных плакатов того времени «Родина-мать зовет!» изображал женщину

средних лет, держащую в руке текст военной присяги и призывающую колеблющихся вступить в армию²¹.

Растущее чувство общности, военной и гражданской, мужской и женской, сопровождалось приятием того, что до войны считалось в высшей степени авторитарным и милитаристским стилем руководства. Даже в МИФЛИ (Московском институте филологии, литературы и истории), бастионе космополитичной, свободно мыслящей интеллигенции, согласились с ужесточением дисциплины и коллективизмом. Как позже вспоминал бывший студент МИФЛИ: «Нам всем хотелось быть вместе, а не сражаться в одиночку с нашими сомнениями. И мы хотели, чтобы кто-нибудь твердый, умный, разбирающийся в происходящем сказал нам, что делать, организовал нас и руководил нами... Вот как, кстати говоря, партия приобрела в России такой авторитет, потому что могла направлять массы людей в желаемом направлении». То же самое поведал позже Виктор Некрасов, автор популярных книг о войне и неисправимый нонконформист: «Мы прощали Сталину все: коллективизацию, 1937 год, его месть соратникам... И мы, мальчишки из интеллигентных семей, стали солдатами и с чистой совестью поверили в весь этот миф. С открытым сердцем мы вступили в партию Ленина—Сталина»²².

Встречалась и прямо противоположная реакция. Историк М.Я. Гейтер, который в 1941 г. был молодым интеллигентом-евреем, вспоминал, что в результате поражений первых месяцев войны произошла «спонтанная десталинизация». Оглядываясь на прошлые десятилетия, Вячеслав Кондратьев заявлял: «У этой войны была одна странность: мы чувствовали себя свободнее, чем в мирное время... Если повезет и доберешься до вражеских окопов, тогда придется доказать, что можешь постоять за себя. Никто тобой не командует, и многое в твоих собственных руках... В определенном смысле чувствуешь, что судьба России в твоих руках. Это было настоящее, подлинное ощущение себя гражданином, отвечающим за свое Отечество»²³.

Такие, со всей очевидностью противоречивые, чувства, вероятно, могли уживаться в душах многих людей. Чувствовать себя свободным и гражданином вполне совместимо во время страшной войны с мощным ощущением общности и желанием иметь твердое руководство. Катрина Мерридейл интервьюировала в 1990-х гг. одну женщину, и та выразила эту мысль, сравнивая ситуацию с той, которая сложилась позже: «Мы знали нашу Родину, мы знали Ста-

лина, мы знали, куда мы идем». На передовой такие чувства переживались еще сильнее, вкуче с накрепко спаянным солдатским товариществом, оставшись самым сильным воспоминанием большинства солдат Красной армии, вернувшихся с фронта живыми. В декабре 1945 г. один из них писал невесте погибшего товарища: «Жизнь на фронте очень быстро сближает людей. Достаточно провести с кем-нибудь день или два, и ты знаешь его характер, все его чувства, как ни за что не узнаешь в мирное время даже за целый год. Нет ничего сильнее, чем фронтовая дружба, и ничто не может нарушить ее, даже смерть»²⁴.

Однако не каждый принимал новое товарищество или необходимость авторитарного руководства. Александр Столповский, выпускник сельскохозяйственного института в Омске, в сентябре 1941 г. писал родителям: «В армейских условиях процветают люди только определенного сорта, грубые и властные... У меня нет желания учиться убивать людей, и я не могу забыть те специальные знания, которые получил с таким трудом и энтузиазмом»²⁵.

В 1930-х гг. официальная реабилитация России была монопольной государственной задачей. Теперь режим посчитал необходимым возродить еще и ряд гражданских и этнических аспектов русского наследия. В частности, произошло молчаливое разрешение частной торговли. По дороге из Мурманска в Москву Александр Верт видел на железнодорожных станциях торгующих крестьянок и солдат, «менявших маленькие кусочки мыла, крошечные пакеты табака или коробки спичек на молоко и яйца... Милиция, как было видно по всему, относилась к этим “бартерным рынкам” достаточно терпимо, потому что, благодаря им, крестьяне получали возможность добывать самый минимум нужных товаров, которыми государство больше не могло их снабжать»²⁶.

С помощью подобной мелкой торговли крестьяне получали промышленные товары и «городские» продукты, которые не могли купить в другом месте. Призыв здоровой молодежи в вооруженные силы означал, что для работы в сельском хозяйстве оставались только мужчины среднего возраста или старики, а также женщины и дети. Более того, значительная часть плодородных земель большую часть войны оставалась в руках оккупантов. Поэтому требования к сельскому хозяйству были намного выше, чем до 1941 г., а ресурсов намного меньше. Для того чтобы решить эту проблему, режим, с одной стороны, увеличил число обязательных трудодней, которые должен был выработать каждый колхозник, в том числе и подросток. Не выполнивших норму без уважительной причины

отдавали под суд и приговаривали к шести месяцам принудительных исправительных работ²⁷.

С другой стороны, в отличие от большевистской практики времен Гражданской войны советские вожди закрывали глаза на «неправильное» использование колхозной земли для частного производства сельскохозяйственной продукции и ее продажи на открытом рынке. Колхозники не получали продовольственных карточек, поэтому использовали свои несколько увеличившиеся земельные участки для собственного прокормления, а также продавали значительное количество продуктов голодным горожанам. Частные земельные участки назывались «подсобными хозяйствами», но фактически являлись основным источником средств к существованию для сельских жителей, позволявшим им, как и многим горожанам, остаться в живых. В 1942—1945 гг. производство молока в частных хозяйствах увеличилось в 2,5 раза, картофеля — в 3,5 раза, овощей — в 4,8 раза. Подхлестываемые инфляцией цены росли очень быстро: перед войной литр молока стоил 2 руб. 28 коп., теперь оно стоило 38 руб., а цена килограмма ржи поднялась с 1 руб. 88 коп. до 53 руб. 80 коп.²⁸ В некоторых областях было широко распространена система *звеньев*. В звене объединялось около 12 человек колхозников, т.е. обычно в основе лежала одна семья, которая весь год полностью отвечала за участок земли, решая, что растить, какую часть урожая отдавать государству и потребить или продать его остаток на частном рынке²⁹.

К 1945 г. у некоторых крестьян появились серьезные надежды, что продолжение практики частной торговли приведет к ликвидации колхозов. Информационный отдел НКВД докладывал, что в Псковской, Пензенской, Воронежской, Ростовской и Днепропетровской областях «усилились провокационные слухи о якобы предполагаемой ликвидации колхозов». Говорили, что, выступая в Сан-Франциско, Молотов предложил вновь открыть церкви, ликвидировать колхозы и разрешить свободную торговлю, чтобы избежать войны с Соединенными Штатами. На ряде ферм в Псковской области колхозники не стали подписывать традиционное поздравительное письмо Сталину. Свой отказ они объясняли традиционно-патриархальным способом, указывая, что в этом письме есть скрытый смысл, поскольку «товарищ Сталин» просил народ потерпеть колхозы еще 7 лет, а местные начальники решили их не распускать и теперь собирают у колхозников подписи. Если письмо подписать, то колхозы не ликвидируют³⁰. Это были явные при-

меры слухов, выдававших желаемое за действительное, так как не существовало никаких достоверных подтверждений этому.

Во время войны велась и более просвещенная политика в области средств массовой информации. Конечно, из соображений безопасности военную цензуру ужесточили, но в остальных отношениях она была несколько смягчена. Это произошло не сразу. В первые дни войны важную информацию заменяли слухи. Советское информационное агентство (Совинформбюро) давало туманные сообщения о поражениях, но это вызывало только недоверие, потому что достаточно было иметь элементарное представление о географии, чтобы увидеть, что боевые действия продвигаются все дальше на восток. Один москвич писал в письме: «Боязнь фактов... один из факторов, которые помогают распространению неофициальной информации и слухов». Признание Сталиным 3 июля, что Советский Союз потерял Литву, Западную Белоруссию и большую часть Западной Украины, в сущности, вызвало облегчение, потому что многие слухи рисовали еще более удручающую картину катастрофы³¹.

Совинформбюро постепенно осознало, как важно во время тотальной войны заручиться доверием населения. Осенью 1941 г. возобновились запрещенные в 1937 г. радиопередачи, шедшие в прямом эфире. Командирам воинских частей было предписано оказывать содействие военным корреспондентам. Иногда они вели передачи прямо с поля боя, сопровождаемые звуками выстрелов и другими звуками сражения. Серия ежедневных радиопередач «Письма с фронта» и «Письма из тыла» помогала поддерживать связь между солдатами и гражданскими людьми; многие люди регулярно слушали такие передачи в надежде услышать новости о родственниках или друзьях, с которыми была потеряна связь³². Упорное поддержание родственных и дружеских связей помогало скреплять чувство общности в условиях тяжелого стресса.

В «Правде» также наблюдался сдвиг от проповеди идеологии, возвеличивания руководства партии и партийной дисциплины в сторону рассказов о жизни и чувствах конкретных рядовых граждан, раскрывающих их личную мотивацию в борьбе за семью, друзей и родную землю. Прославлялись уместность, инициатива и убежденность простых солдат и рабочих, наравне с качествами военного и политического руководства. Еще в октябре 1941 г. в армейской газете «Красная звезда» Эренбург утверждал, что «разница между большевиками и беспартийными, между верующими и марксиста-

ми стерлась... За Красную Армию молятся в старых церквях, купола которых были покрыты темной краской, чтобы не привлекать внимание немецких пилотов. За Красную Армию молятся муллы и ребе»³³. До войны было бы просто невозможно представить себе подобный политический и религиозный эклектизм.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Весной 1941 г. будущее церкви казалось отчаянным. Митрополит Сергей, все попытки которого найти компромисс с властями успеха не имели, с горечью говорил: «Мы доживаем последние дни Русской православной церкви». Однако война перевернула ситуацию. С самого начала церковь связала себя с советской властью как воплощением России. Митрополит Сергей выступил с призывом к верующим бороться за родину, и во всех церквях возносились молитвы о победе Красной армии. Прихожане собирали для фронта деньги и вещи, как, например, теплую одежду, и Государственный банк открыл специальный счет для приема этих средств, исходя из молчаливого признания церкви в качестве единой структуры и юридического лица. Один из ленинградских приходов предложил создать, обслуживать и финансировать полевой госпиталь, другие собирали деньги для создания специальной танковой колонны, названной в честь Дмитрия Донского. В ноябре 1941 г. митрополит Киевский Николай был назначен членом государственной комиссии по расследованию нацистских преступлений на оккупированных территориях. Комиссия так и не успела ничего расследовать, но само назначение было важным явлением, поскольку священник впервые был приглашен участвовать в советской структуре, созданной Советским государством³⁴.

Незаметно сошло на нет официальное преследование церкви, и советские руководители постепенно стали разрешать открытие приходских церквей. Во время национально-освободительной войны, когда немцы стали вновь открывать церкви на оккупированной ими территории, возможно, поступить по-другому было и невозможно. В сентябре 1943 г. Сталин, однако, пошел еще дальше. Он неожиданно пригласил в Кремль трех высших иерархов Русской православной церкви — митрополита Сергия, митрополита Крутицкого Николая и митрополита Ленинградского Алексия. В беседе с ними он объявил о намерении восстановить патриаршество и

разрешить более широкий подход к восстановлению приходов. Прежде всего Сталина интересовало, сколько времени потребуется, чтобы собрать митрополитов и формализовать восстановление патриаршества. Они подумали и назвали месячный срок. Сталин спросил: «А нельзя ли большевистскими темпами?» Оказалось, что с помощью государственной авиации, действительно, это можно сделать. Через четыре дня епископов самолетами доставили в Москву. Многие из них были одеты кое-как, ничего не понимали, их взяли прямо из лагерей, но собор прошел как положено и избрал митрополита Сергия Патриархом всея Руси.

Главным мотивом Сталина здесь было не желание поддержать русский патриотизм, как часто считают. О его цели говорит то, к какому времени был приурочен этот шаг. Красная армия только что выиграла Курскую битву, и после этого успеха логично было задуматься об окончательной победе и послевоенной Европе. Если Сталин хотел обеспечить безопасность Советского Союза, создав на его границах санитарный кордон из союзных государств, то помощь православной церкви была бы ему очень полезна. Сделанные им крупные уступки церкви были вызваны не желанием получить народную поддержку, которую он имел и без того, а стремлением обеспечить Советскому Союзу после войны положение великой державы.

Соответственно, впервые после 1918 г. церкви позволили учредить центральное управление (в помещении бывшей резиденции германского посла). Церкви вернули Патриарший собор в Москве вместе с Троице-Сергиевской лаврой в Загорске со всеми предметами религиозного культа, хранившимися в местном музее. Церкви также выделили иностранную валюту для открытия и содержания зарубежных представительств (Сталин особенно обращал на это внимание). Было разрешено выпускать собственный журнал (под советской цензурой) и даже открыть Духовную академию и три семинарии для подготовки священников. Три высших иерарха получили автомашины с шоферами и право обслуживаться по государственным (а не рыночным) ценам. Не прошло и нескольких недель, как фактически бывшие изгоями высшие чины церкви стали частью привилегированной номенклатурной элиты³⁵.

Церковь получила эти блага ценой жесткого подчинения государству. Московский патриархат был поставлен под надзор Совета по делам Русской православной церкви, первым председателем которого был назначен Г.Г. Карпов, одновременно являвшийся на-

чальником специального отдела НКВД, отвечавшего за «борьбу с церковной и сектантской контрреволюцией». Совет должен был консультировать церковь в вопросах назначения всех епископов и для этого завел самые свежие досье на всех потенциальных кандидатов для назначения на церковные посты и делал это в лучших традициях истинно номенклатурного стиля. За религиозное рвение их оценивали отрицательно, за участие в движении за мир — хвалили. В каждой епархии совет имел своих уполномоченных для связи с местными властями и надзора за соблюдением законов о религии. Имелась также специальная группа инспекторов, осуществлявшая надзор за этими уполномоченными³⁶.

Разрешения на возрождение приходов и открытие церквей выдавались с большой неохотой — даже после встречи Сталина с митрополитом Сергием и его коллегами. Многие местные чиновники, недовольные такой перспективой, тянули волокиту как можно дольше. Со всех концов страны приходили сообщения, что члены Союза воинствующих безбожников ничего не могли понять и выражали недовольство, даже возмущение. Некоторые связывали эту новую политику с восстановлением воинских званий и знаков различия. Один солдат выразился так: «Снова появились погоны, а теперь и церкви открывают. Остается только вернуть кандалы и кнуты, вот вам, пожалуйста, вернулся старый режим!»³⁷

Новая политика была не просто уступкой традиционному русскому патриотизму. Были вновь открыты мечети, исламские организации получили новые права. В дополнение к существующему муфтияту в Уфе были открыты три новых с центрами в Махачкале, Баку и Ташкенте. В мае 1942 г. мусульманам было разрешено провести съезд, который принял обращение к Сталину и призвал всех мусульман поддерживать военные усилия страны. В среднеазиатские республики из европейской части СССР прибыло много эвакуированных, в большинстве своем славян, вместе с перемещенными оттуда многочисленными новыми промышленными предприятиями. Призыв в армию осуществлялся в мусульманских областях на тех же основаниях, что и в других частях страны, и выходцы из среднеазиатских республик сражались на фронте, где получали, возможно из политических соображений, больше боевых наград в среднем на одного, чем солдаты и офицеры славянского происхождения³⁸. В отличие от Первой мировой войны на этот раз мусульмане пронесли свою долю военного бремени до победы.

Эти уступки традиционной религии способствовали поддержанию социальной солидарности среди переживавшего страшные испытания населения. Постоянные страхи и неопределенность, скорбь по павшим товарищам и членам семей создавали вечно напряженную атмосферу, в которой, не боясь осуждения, возвращалось религиозное чувство, особенно среди женщин и пожилых людей, но также и среди солдат на фронте. Что касается солдат, то открытое поклонение Богу было просто невозможно, но многие красноармейцы незаметно носили на шее крестик или какой-нибудь талисман и перед боем шепотом молились³⁹.

Так или иначе, компромисс с религией повлек за собой радикальные изменения в советской ментальности, в которой до этого соединялись социалистическое мессианство и атеизм. Эти уступки вызывали большое беспокойство у ярых последователей коммунизма, которые прежде были абсолютно уверены, что старая вера скоро изживет себя и ее место займет новая. Когда верующие христиане обращались с просьбой вновь открыть их церкви, они, напротив, апеллировали к чувству солидарности, которое было архаичным, традиционно русским и общим, вне зависимости от классов: «В открытых церквях в Москве и других городах отправляют службы в едином согласии и возносят молитвы за победу над врагом. Так почему же нашей церкви и нам, трудящимся колхозникам, не быть вместе со всеми?» Или еще короче: «Внутренняя борьба закончилась. Наш народ Всея Руси един»⁴⁰. Теперь коммунистической партии нужны были именно такие чувства. Война заставляла режим решительно уходить от универсалистского мессианства в сторону традиционного прагматического великодержавного мировоззрения, базирующегося на неороссийском империализме.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Вести войну на основе лжи и затыкания ртов невозможно. В своем романе «Доктор Живаго» Борис Пастернак вспоминал: «Когда вспыхнула война, ее ужасы и настоящая опасность, угроза настоящей смерти были благом по сравнению с бесчеловечным господством фантазии, и... колдовской власти мертвого слова». Нельзя сказать, что «мертвое слово» совершенно исчезло. Все-таки общая борьба за выживание вырабатывала чувство общности там, где раньше были страх, подозрительность и разлад. Сам Пастернак

одно время дежурил на крыше двенадцатиэтажного дома, где он жил, и тушил падавшие на крышу зажигательные бомбы. Некоторые его работы начали публиковаться, и он отметил воссоединение со своими читателями серией стихов, назвав их «На ранних поездах»: «Сквозь прошлого перипетии / И годы войн и нищеты / Я молча узнавал России / Неповторимые черты»⁴¹.

Нигде возродившееся ощущение общности не чувствовалось так остро, как в Ленинграде, который большую часть 1930-х гг. был, по словам Ахматовой, «ненужным привеском своих тюрем». Как мы могли видеть, до войны Ахматова была практически изгнанницей. Она уже много раньше сделала выбор — добровольно осталась в России и приняла все последствия этого выбора. Начало войны, при всех ее ужасах, дало ей новую причину продолжать жить. Она отказалась эвакуироваться из Ленинграда, даже когда немцы подошли к городу, и вступила в отряд самообороны. Ольга Берггольц вспоминает, как Ахматова шила мешки для песка и дежурила на крыше, чтобы тушить «зажигалки», «у нее было суровое и в то же время сердитое выражение лица, через плечо перекинут противогаз, и она несла противопожарную службу, как настоящий солдат»⁴². Несмотря на то что она уже давно не участвовала в культурной жизни, власти знали, что она пользуется популярностью. Теперь впервые к ней относились уважительно, как к полноправному гражданину страны, в которой она решила остаться. Ей, наконец, разрешили публиковаться, и она выпустила сборник стихов под названием «Из шести книг» — возможно, название отражало ее молчаливый протест против того, что шесть ее книг так долго лежали неопубликованными, а теперь печатаются только в отрывках.

Ахматову пригласили выступить по радио, чтобы поднять дух ленинградцев, и она сделала это со всей убежденностью: «Город Петра, город Ленина, город Пушкина, Достоевского и Блока. Этот великий город культуры и труда может быть разрушен... Я, как все вы в этот момент, живу только непоколебимой верой. Что Ленинград никогда не сдастся фашистам... Мы знаем, что за нами вся наша страна, весь ее народ. Мы чувствуем, как она тревожится за нас, мы чувствуем ее любовь и поддержку»⁴³. У Ахматовой в этой войне была своя цель, которая одновременно была одной из причин не покидать Россию, когда уехало столько друзей. Это она выразила в стихотворении «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.

Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово!
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!¹⁴⁴

Ахматова пожертвовала всем ради сохранения подлинной памяти и культурной традиции, когда и тому и другому грозила смертельная опасность. Для нее русская идентичность состояла прежде всего в языке и культуре, и эта мысль находила мощный отклик среди ее образованных соотечественников.

Композитор Дмитрий Шостакович, прежде отличавшийся необычайной творческой плодовитостью, в конце 1930-х гг. умолк. В 1936 г. он подвергся публичным нападкам за оперу «Леди Макбет Мценского уезда» и не осмеливался исполнять свою четвертую симфонию, которая честно передавала ужас и отчаяние того времени. Она достигала кульминации самым жутким неразрешимым диссонансом, какой только можно найти во всем мировом музыкальном репертуаре, чтобы тут же обрушиться и раствориться в напряженном повторяющемся ритме. Это была не та музыка, которая могла вдохновить рабочих на труд во имя выполнения пятилетнего плана. Теперь Шостаковича также не только реабилитировали, но даже восславили.

Поначалу он просил отправить его на фронт, но вместо этого его отправили рыть окопы, потом, как и Пастернак, он дежурил пожарным на крыше Консерватории. Он принимал участие в радиопередаче вместе с Ахматовой и объявил, что закончил работу над двумя частями своей Седьмой симфонии. Это был величайший вклад Шостаковича в военные усилия народа, но, как и во многих его произведениях, заложенный в симфонии смысл мог толковаться двояко. Навязчивая жесткая тема марша первой части могла быть истолкована и как антинацистская, и как антисоветская. Музыка, несравненно меньше, чем любая другая форма искусства, может быть привязана к одной-единственной интерпретации, хотя, если учесть особенности того времени, возможно только одно толкование. Первое исполнение симфонии состоялось в Куйбышеве,

но величайшим событием стала ленинградская премьера, состоявшаяся 9 августа 1942 г. Для нее разыскивали музыкантов, ушедших на пенсию, даже вызывали с передовой, и выделяли им специальные пайки. Ноты доставили в Ленинград на самолете, и целая команда переписчиков работала день и ночь, чтобы для оркестра были готовы все части. Конечно же, неудивительно, что исполнение было далеко от совершенства, но оно транслировалось по радио через громкоговорители, и на улицах стояли примолкшие толпы людей, жадно ловившие звуки музыки. Исполнение Седьмой симфонии в Ленинграде много способствовало поднятию духа ленинградцев⁴⁵.

Будучи военным корреспондентом армейской газеты «Красная звезда», Василий Гроссман был свидетелем катастрофических поражений и стремительного отступления Красной армии 1941—1942 гг. Он также писал репортажи о Сталинградской битве. Его коллега Семен Липкин вспоминает его «в пропитанной бензином и заляпанной грязью шинели». Его живые и честные фронтовые репортажи пользовались большой популярностью. Сталинград также подсказал ему тему для его самого крупного литературного произведения, первая часть которого «За правое дело» была написана в 1945—1949 гг. и опубликована в журнале «Новый мир» в 1952 г. Если учесть, что Василий Гроссман был евреем, то опубликовать такое откровенное описание войны на пике разгара официального антисемитизма было делом непростым, и напечатать роман ему удалось, только несколько раз переписав его по требованию редакторов⁴⁶.

Но это не шло ни в какое сравнение с многострадальной судьбой второй части романа «Жизнь и судьба». К 1950-м гг., после десяти лет труда над романом, Гроссман пришел к мысли, что грань между добром и злом проходит не между коммунизмом и нацизмом или Россией и Германией, а, как однажды выразился Достоевский, через сердце каждого человека. Он рисует советскую и нацистскую системы деспотическими и бесчеловечными двойнями и описывает похожие сцены из ГУЛАГа и немецких концентрационных лагерей. Армии обеих сторон — это авторитарные автоматы, от которых солдаты парадоксальным образом спасаются в тесном товариществе небольших фронтовых подразделений. Эта особенность войны в самой выразительной форме прослеживается в «Доме 6/1», изолированном наблюдательном пункте и укрепленном аванпосте, максимально приближенном к немецкой линии обороны, куда можно добраться только ночью по замаскированной траншее. Его

командир Греков — натура крайне независимая, он думает только о том, чтобы среди его солдат царила теплая дружеская атмосфера. Не стесняясь друг друга, они открыто обсуждают политические вопросы, включая коллективизацию и террор, зная, что их не может услышать ни один политрук. Греков отказывается посылать своим командирам письменные донесения, со злостью бросая: «Бумажные дела я решаю только с немцами». Его солдаты преданы ему, и их боевой дух отбрасывает немцев. «Дом 6/1» символизирует для Гроссмана причину конечной победы в Сталинграде⁴⁷.

Гроссман потратил много послевоенных лет, чтобы сформировать собственное видение борьбы между добром и злом. Когда он к нему пришел, его взгляды на сто процентов расходились с официальной мифологией. Возможно, не полностью отдавая себе в этом отчет, он выверял и восстанавливал память нации во всех ее грандиозных противоречиях. В начале 1960-х гг. он был едва ли не единственным представителем советской интеллигенции, придерживавшимся столь резко отрицательного отношения к режиму. К концу 1980-х гг. это отношение стало обычным явлением, и оно подготовило почву для того восторга, с которым многие из интеллигентов приветствовали демонтаж коммунистической системы. Михаил Сулов, главный идеологический страж режима, познакомился с текстом и, как говорят, воскликнул: «Это не может увидеть белый свет по меньшей мере еще лет двести!» Если Сулов и на самом деле произнес эти слова, то это было признанием и значения романа, и его взрывной силы. Возможно, по указанию Сулова книга претерпела самую ужасающую судьбу, какую только может иметь литературный текст. Ее арестовал КГБ, все экземпляры были конфискованы в редакции журнала «Знамя» и в доме Гроссмана, а вместе с ними все черновики, даже копирка и машинописная лента, которые использовались в процессе написания романа⁴⁸. Такова была судьба еврейско-русского писателя, который, вдохновленный пережитым во время войны, попытался фундаментально переосмыслить мессианскую идею СССР.

ВСЕСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ

Война заставила советских вождей совершенно по-новому, абсолютно неизведанными способами активизировать общественное мнение и массовые настроения. Одно из направлений новой

стратегии заключалось в поощрении русской и славянской солидарности не только внутри страны, но и за пределами Советского Союза. Многие из оккупированных немцами стран были населены славянами: белорусами и украинцами внутри СССР, поляками, чехами, словаками, словенцами, сербами, хорватами и болгарами за пределами страны. Больше того, значительные славянские диаспоры жили в эмиграции в США, Великобритании и других странах мира с конца 1920-х гг. СССР считал их политически неблагонадежными, и контакты советских граждан с ними считались предосудительными. Однако в годы войны нужно было изучать и поощрять к патриотическим действиям любой источник потенциальной поддержки.

В августе 1941 г. был создан Всеславянский комитет, в его состав вошли культурные и политические лидеры, оказавшиеся на тот момент в Советском Союзе. Комитет передали под крыло Совинформбюро, и он расположился в его элегантном московском особняке. Такое решение было вполне логичным, так как Совинформбюро занималось координацией новостных радиопередач и пропагандистских материалов, передаваемых за границу, в том числе и на страны оккупированной немцами Европы. Возглавил Комитет начальник Военно-инженерной академии генерал А.С. Гундоров, осенью 1941 г. руководивший также противовоздушной обороной Москвы. Всеславянский комитет был одним из нескольких общественных антифашистских комитетов, созданных приблизительно в это же время для мобилизации общественных настроений. В числе прочих были Женский комитет, Молодежный комитет, Комитет ученых и наиболее известный Еврейский антифашистский комитет. Эти организации были учреждены по инициативе А.С. Щербакова, возглавлявшего и Совинформбюро, и Агитпроп; их создание было связано с курсом партии на привлечение новых членов, а также на завоевание большей популярности среди населения через доведение до сведения правителей проблем, тревоживших гражданское население⁴⁹.

Однако, по словам югославского коммуниста и бывшего руководителя партизанского движения Милована Джиласа, Всеславянский комитет был всего лишь «антигерманским фасадом для советского патронажа славянских народов за пределами СССР» и апеллировал в первую очередь к коммунистам, которым обещали радужные перспективы прихода к власти после победы⁵⁰. Не все присутствовавшие на учредительном съезде славяне согласились с

такой перспективой: польский генерал Андерс, например, присутствовал на заседаниях, но участия в работе съезда не принимал. Он отказался войти в комитет, потому что не признавал советской аннексии Западной Украины и Западной Белоруссии, а также потому, что подозревал (с полным основанием), что советские власти организовали массовый расстрел польских военнопленных офицеров в Катынском лесу.

Главной задачей комитета была пропаганда идеи борьбы с фашистской Германией среди славянской аудитории по всему миру, а также сбор вещей или финансовой помощи среди тех, кто жил вне территорий, оккупированных немцами. На страницах своего журнала «Славяне» и в радиопередачах Комитет рассказывал о ходе войны, делая особый упор на героических усилиях русских, украинцев, белорусов, сражавшихся на фронте или сохранявших тепло домашних очагов в тылу. С воодушевлением рисовались картины партизанского движения славян против вражеской оккупации. Главное, Комитет проводил мысль о том, что в прошлом славянские народы терпели поражения и бывали поработаны из-за своей разобщенности и что сейчас, как никогда, необходимо сплотиться, чтобы противостоять величайшей за всю их историю угрозе.

Во многих западных странах эти усилия приносили значительные плоды. Например, в Соединенных Штатах создавались комитеты помощи СССР, они собрали и прислали продовольствия, одежды и других вещей на 16 млн долларов в 1943 г. и на 22,7 млн долларов в 1944 г. Некоторые славяне за рубежом оставались непримиримыми, как по причине неприятия коммунизма, так и по причине существования ряда иных претензий к Советскому Союзу. Напротив, некоторые бывшие белые считали, что нацистская угроза их родине оправдывала примирение с их бывшими врагами красными⁵¹.

Название Комитета и многое в его пропагандистских материалах возбуждало воспоминания о панславистах XIX в., старавшихся убедить свое правительство проводить более активную политику вмешательства в судьбу славянских народов, проживавших на территории Габсбургской и Османской империй. Учредительный съезд Комитета, однако, недвусмысленно отмежевался от этого наследия, как «абсолютно реакционной тенденции, которая эксплуатировалась русским царизмом в его собственных политических интересах и которая глубоко враждебна высокой цели равенства народов и национальному развитию всех стран»⁵².

И все-таки в общеславянской пропаганде временами сознательно использовались архаические мотивы, восходящие к 1870-м гг. Взять, например, обращение к болгарскому народу, выпущенное в 1944 г.: «Дорогие братья болгары! Русский [N.B. не «советский». — Дж.Х.] народ наносит гитлеризму смертельные раны, очищает святую русскую землю от врага, готовит окончательное поражение гитлеровской Германии и несет освобождение поработанным славянским народам... Болгарские квислинги забирают у крестьянина все, что заработано его трудом, помогают немцам уничтожать тысячелетнюю болгарскую культуру. С их благословения тевтоны оскверняют ваши национальные святыни и подвергают осмеянию вашу национальную гордость». Затем следовало обращение к священникам: «Священнослужители Болгарской православной церкви. Пусть в ваших церквях прозвучит призыв к борьбе с Гитлером и пусть раздаются молитвы за скорейшее освобождение вашего народа от власти германского супостата»⁵³. Почти каждое слово этого обращения вполне могло быть написано панславистами за 70 лет до этого. Особенно обращает на себя внимание слово, использованное в конце для обозначения врага, — *супостат*. Это архаический и исторический термин, которым пользовались почти исключительно в религиозном контексте, это не просто «враг», это враг в смысле — «злой дух», враг в значении «дьявол».

Такого рода риторика приносила плоды, или, по крайней мере, так докладывал Гундоров в конце войны, утверждая, что «общественная природа комитета и популярность его лозунгов позволила нашей пропаганде найти отзвук в зарубежных кругах, что не было бы возможным для официальных советских пропагандистских органов и привлекло к нашей работе людей разных политических убеждений»⁵⁴.

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Если бы в то время солдата Красной армии спросили, что он понимает под Россией, он вполне мог бы сослаться на необычайно популярную поэму Александра Твардовского «Василий Теркин», которую по частям печатали во фронтовых газетах. Создаваемый в поэме образ русского патриотизма заметно отличался от того, что подразумевалось под ним перед войной. Теркин — самый обычный

солдат, простой деревенский парень, не слишком образованный, он не интересуется ни наукой, ни техникой, ни промышленностью. Он совершенно аполитичен: в тексте не найти упоминаний о коммунистической партии или даже Сталине. Преданность Теркина своей стране вращается вокруг его малой *родины* в Смоленской области: в одном месте он разговорился с солдатом из Тамбова, который похвалялся, что подвигам смолян далеко до подвигов тамбовцев. И все же Теркин гордится тем, что воюет за спасение России, которую он, как все его соотечественники, ассоциирует с Советским Союзом:

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.
От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия⁵⁵.

У него нет своей семьи, но он считает семьей свою часть, и жители русской деревни видятся ему огромной семьей, которая представлена в образе пожилой пары, которой он чинит часы, когда его часть проходит их деревней. Закончив работу, он выпивает с хозяином дома, воевавшим на Первой мировой войне, и этим символично восстанавливается связь с прошлыми войнами России.

С точки зрения довоенного пролетарского интернационализма, даже в его неороссийской стадии, Теркин — странная и архаичная фигура, стоящая гораздо ближе к фантазии народников XIX в., чем к чему-либо такому, что могло прийти в голову Ленину или Сталину. И все-таки это был герой, про которого советские солдаты любили читать в свободную минуту, и книгу Твардовского многие носили в своих вещевых мешках. Цензура иногда придиралась к некоторым мелочам в тексте, но в общем относилась благосклонно, давая поэме зеленый свет — она была необычайно популярна⁵⁶. Кроме того, в этой работе не было ничего антисоветского, в ней просто снова подчеркивались характерные черты русского народа, которые забылись или предавались забвению в предвоенные годы. Теркин фактически явился первым, с честью восстановленным после 1917 г., образом *русского* человека.

В целом изменения в политике времен войны консолидировали чувство, которое разделяло большинство русских и нерусских, к каким бы классам общества они ни принадлежали. Они чувствовали, что являются частью общества, природа которого определяется его «русскостью». Роджер Брубейкер высказал мысль, что национальная идентичность может образовываться внезапно. В сущности, он говорит о «национальном бытии», а не о национальной идентичности и описывает это явление как «не-что такое, что кристаллизуется внезапно, а не развивается постепенно, меняясь под влиянием обстоятельств и составляя неустойчивую структуру взглядов и базу для индивидуальных и коллективных действий»⁵⁷. Можно сказать, что за 1941—1945 гг. «русскость» именно так и кристаллизовалась, как сплав русского, российского и советского. В 1945 г. СССР был близок к тому, чтобы стать целостным неороссийским государством-нацией, как никогда в своей истории — и, как оказалось, как никогда в будущем.

Словно специально для того, чтобы придать этой неороссийской идентичности некую символическую форму, в 1943 г. Советское государство восстановило полный набор воинских званий и знаков различия в том виде, в каком они были в царской армии: с погонами и петлицами, а также ввело новый набор воинских наград для офицеров и младших чинов, включая ордена Александра Невского и М.И. Кутузова. Также был распущен Коминтерн — институциональное воплощение старого пролетарского интернационализма. Как докладывал информационный отдел партии, этот шаг огорчил и обеспокоил многих коммунистов. На московском предприятии один инженер хотел знать, и его легко можно понять: «Что теперь будет с лозунгом “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”? Что будет вместо него?»⁵⁸ В самом деле, что?

Вместо «Интернационала» был утвержден новый национальный гимн, первые слова которого архаичным языком утверждали концепцию России, как сердца СССР:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народа
Единый, могучий Советский Союз⁵⁹.

Ту же концепцию подтвердил Сталин, когда выступал в Кремле на банкете с участием высшего командного состава Красной

армии 24 мая 1945 г.: «Я пью за силу русского народа, потому что в этой войне она заслужила всеобщее признание как ведущая сила народов Советского Союза»⁶⁰.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА

Прошло полвека, и Советский Союз распался, нерусские республики объявили независимость и от России, и от коммунизма. Напрашивается вопрос: что случилось с этим духом воодушевляемой русскими солидарности?

Один из ответов заключается в том, что даже во время войны, но особенно после нее режим продолжал подрывать этнические и гражданские стороны национальности как таковой, причем как русской, так и нерусских. Его вожди продолжали видеть себя во главе огромной державы, а не отдельной нации. Хотя, будучи гораздо умнее Гитлера, они были готовы идти на компромисс там, где это было необходимо, и с русскими, и с другими народами, они никогда по-настоящему не считали себя частью этих народов и всегда оставляли за собой право властвовать над ними любой ценой и любым способом.

Такие настроения хорошо иллюстрируются отношением государства к советским солдатам, оказавшимся в немецком плену, — их просто бросали на произвол злой судьбы. Советский режим отказывался оказывать Красному Кресту какую-либо помощь или предоставлять какую-либо информацию, чтобы им передавали продовольственные посылки или письма. В результате большинство советских военнопленных, особенно в первые месяцы войны, были оставлены на милость врагу. Рейхскомиссар германского имперского министерства оккупированных Восточных территорий так описывал условия в лагере для военнопленных в Польше осенью 1941 г.: «Лагерь был плотно окружен колючей проволокой и охранялся часовыми с пулеметами. Там были несколько изб для лагерной администрации, но пленные жили в землянках и спали на голой земле. Стояла холодная погода, но 40% военнопленных не имели шинелей, тужурок, иногда даже не имели обуви... Утром и вечером каждый пленный получал по кружке горячей воды, на (так называемый) обед литр жидкого супа и ломоть хлеба на день... полуодетые, грязные, изможденные, небритые, они пребывали в полном отчаянии. Никого не заботила их судьба, их собственное правительство объявило их вне закона»⁶¹.

В этих ужасающих условиях до конца войны дожили только 2,4 млн из 5,7 млн советских военнопленных, захваченных немцами за время войны. Остальные, приблизительно 57%, умерли в плену. Самыми страшными были первые 6 месяцев войны, когда немцы разбили попавшие в окружение большие советские армии и еще не решили, что делать с пленными. На этом этапе лагеря военнопленных почти в буквальном смысле слова были центрами истребления. Позже немцы сообразили, что советских военнопленных лучше эксплуатировать на черной работе, чем оставлять гнить заживо. Их стали лучше кормить, чтобы у них хватало сил на работу, поэтому после весны 1942 г. процент выживших увеличился. В целом во время войны от 9 до 10 млн советских граждан, в тот или иной период, были захвачены в плен или вывезены в Германию с оккупированных территорий; до конца войны дожила едва ли половина из них⁶².

Первоначально в намерения советского правительства не входило именно так поступить со своими гражданами и бросать их на произвол судьбы. Тем не менее с самого начала оно заявляло, что будет соблюдать международные конвенции о правилах ведения войны только в той мере, в какой немцы будут придерживаться этих соглашений. Столкнувшись с расизмом и беспредельной жестокостью немцев на оккупированных ими территориях, Совнарком в августе 1941 г. отказался сообщить Красному Кресту информацию относительно имен захваченных в плен германских военнослужащих. Нарком иностранных дел Молотов заявил, что «ввиду систематического нарушения гитлеровской Германией международных соглашений и конвенций, советское правительство будет соблюдать в отношении Германии Гаагские и Женевские соглашения и конвенции только в той мере, в какой они соблюдаются Германией»⁶³.

На первый взгляд эта позиция кажется логичной. На деле же это означало, что советские вожди стали руководствоваться нацистскими стандартами и даже проводить нацистскую расовую политику, отрекшись от граждан, которые всего лишь попали в большую беду, как это нередко бывает во время военной невзгоды. Просматривается и более глубокий мотив. Как мы видели, в 1930-х гг. для советского режима его границы с враждебным внешним миром стали не возможностью получать выгоду от общения с ним, а источником постоянной угрозы. Любой человек, живший за границей, знал вещи, которые никому из советских граждан не следовало знать, и мог оказаться шпионом враждебной державы. А теперь вдру

сразу в результате войны миллионы советских граждан, по большей части не по своей вине, оказались в этом положении. В любом случае они представляли угрозу для режима. По этой причине пленение рассматривалось как акт трусости или преднамеренного предательства. Попавшие в окружение части получали приказы сражаться до последнего солдата. Директива Ставки от 16 августа 1941 г. провозглашала, что «трусы и дезертиры должны уничтожаться», и предписывала: «Командиры и политработники, которые во время боя срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл или сдаются в плен, должны рассматриваться, как злостные дезертиры, а их семьи подлежат аресту, как семьи дезертиров, нарушивших присягу и предавших Родину. Вышестоящие начальники должны лично расстреливать таких дезертиров среди начальствующего состава»⁶⁴. Эту директиву зачитали во всех частях, но публиковать не стали. Хотя, строго говоря, она относилась только к офицерам и политкомиссарам, на практике советский режим распространил ее на всех военнослужащих. В 1943 г. в ответ на запрос папы римского относительно советских военнопленных советский посол в Турции заявил папскому нунцию, что советское правительство не интересуется никакой информацией о них, так как считает их предателями. Правительство также лишило семьи военнопленных дополнительного пайка, который обычно выдавался семьям проходивших службу солдат⁶⁵.

У советских военнопленных оставался один-единственный способ прокормиться и получить одежду — добровольно вступить в вооруженные силы Германии. Большинство таких добровольцев использовалось во вспомогательных частях под командой немецких офицеров, так как Гитлер не допускал создания русских национальных формирований, даже антикоммунистических. Впрочем, некоторые из его командиров считали, что шансы Германии выиграть войну значительно увеличивались, если на ее стороне из патриотических побуждений и антикоммунистических убеждений воевали бы русские. Летом 1942 г. они привлекли к сотрудничеству генерала Андрея Власова, который был захвачен в плен, когда его войска попали в окружение на Северном фронте. Они убедили Власова, что он может стать руководителем национально-освободительной армии, пользующейся поддержкой Германии для свержения Сталина и коммунистической системы.

Власов — это своего рода пробный камень дилеммы русского патриотизма во время Второй мировой войны. В декабре 1942 г. он

выступил со Смоленской декларацией, в которой излагалась политическая программа для свободной от коммунизма России или, как выразился сам Власов, «новой России без большевиков и капиталистов» — поскольку он считал, что англичане и американцы находятся в сговоре со Сталиным, чтобы эксплуатировать русских. Это говорит о том, что Власов принимал многие цели коммунизма: идеал социальной справедливости, защиту от эксплуатации, право на труд, образование, отдых и обеспеченную старость. Его декларация также обещала нереализованные гражданские права, гарантированные советской конституцией 1936 г., такие как свобода слова, совести, собраний и т.д. С другой стороны, она призывала покончить с террором и принудительным трудом, ликвидировать колхозы и восстановить частное производство и торговлю. Примечательно, что программа, опубликованная при поддержке нацистов, не содержала ни следа антисемитизма. Трудно сказать наверняка, но очень вероятно, что эта программа в большей степени отражала устремления русских, чем проводимая коммунистической партией политика. Во всяком случае, эмигранты времен Второй мировой войны, с которыми беседовали в Гарварде в конце 1940-х гг., конечно, отнюдь не настроенные просоветски, точно так же тепло отзывались о советской системе социального обеспечения и критиковали именно те аспекты советского строя, с которыми предлагал покончить Власов. Его политические взгляды также, по видимому, вызвали положительный отклик в нескольких оккупированных немцами городах, где он побывал весной 1943 г., — в Смоленске, Могилеве, Бобруйске и Пскове, хотя есть данные, что некоторые из его слушателей обвиняли его в сотрудничестве с оккупационным режимом, который поработает русских⁶⁶.

Они были правы. Политически Власов находился в безвыходном положении. Надеяться на то, что Гитлер позволит ему сформировать русскую армию, не имелось никаких реальных оснований, во всяком случае до самых последних месяцев войны, когда его миссия сделалась абсолютно безнадежной. Его Смоленская декларация содержала явно лживые утверждения, вроде того, что «Германия ведет войну не против русского народа и его Родины, а только против большевизма» или что «Германия не посягает на жизненное пространство русского народа или его национальные и политические свободы». Те, кто вступил во власовское движение, должны были присягнуть на верность не только «русскому народу», но также и «Гитлеру как верховному главнокомандующему всех антибольшевистских сил»⁶⁷.

К власовской армии изъявили желание присоединиться немногие советские офицеры, находившиеся в лагерях военнопленных, отчасти из-за нежелания давать такую присягу и отчасти потому, что видели, что дело Власова обречено. В немецкой армии в разное время служило около 250 тыс. советских граждан, в их числе 165—170 тыс. военнопленных. Если прибавить к ним власовские части и полицию, то это составит 800 тыс. человек, т.е. 8% общего числа советских граждан, оказавшихся на территории, оккупированной врагом, — необычайно низкий процент, если учесть, какая страшная альтернатива грозила им⁶⁸. Проект создания антикоммунистического русского патриотического движения был безнадежной мечтой, раздавленной между жерновами сталинизма и нацизма.

Тем не менее сталинский режим с большим недоверием относился ко всем советским гражданам, возвращавшимся из плена или проживавшим на ранее оккупированных территориях. Один английский моряк собственными глазами видел, какой прием им оказывали: «Когда мы доставили русских в Одессу, мы разгружали пароход с шести утра до четырех часов дня, на причале не было встречающих... После окончания разгрузки представители НКВД построили мужчин и увели куда-то на допрос. Женщины и дети остались на причале, и если у них были тяжелые вещи, то им пришлось всю ночь просидеть под открытым небом, ожидая, пока за ними приедут грузовики»⁶⁹.

Теперь мы знаем, куда повели этих людей. Еще в финскую войну были созданы специальные фильтрационные лагеря НКВД для принятия и допроса репатриантов перед принятием решения об их будущем статусе. В декабре 1941 г., когда Красная армия начала отвоевывать захваченные оккупантами территории, эти лагеря были расконсервированы, и в 1943—1945 гг., когда постепенно освобождались от врага значительные территории, их число сильно увеличилось. Условия в этих лагерях напоминали исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа. Многие из них находились в промышленных или шахтерских областях, и задержанным часто приходилось выполнять тяжелую физическую работу⁷⁰.

Сергей Терпиловский, прошедший такой Сталиногорский лагерь в Тульской области, где он работал на угольной шахте, вспоминает: «Бараки, плохое питание, работа. По вечерам или днем, если работали в ночную смену, нас вызывали на допрос. Вопросов было тьма: как ты попал в плен? тебя взяли или ты сдался сам? почему ты не застрелился? почему ты работал на военном предпри-

ятии? — будто я туда пошел по собственному желанию, а не под дулом пулемета. Все сводилось к одному: быстрый приговор — виновен». На Западе России Евгений Муршель жил в палатках и должен был перевозить камни и покрывать дороги асфальтом. Там «каждого регистрировали в соответствии с профессией: механик, рабочий-металлист, ткач и т.д. Специалистов распределяли между воинскими частями. Но большинство, вроде меня, не имели никакой специальности. Во время пребывания в лагере нас отправляли крыть дороги, таскать камни (точно, как в оккупированном Симферополе). Младшие офицеры, которые надзирали за нами, иногда вели себя не лучше немцев, погоняли нас, орали. Был случай, когда кто-то из нашей бригады взобрался в кузов грузовика, перевозившего камни для другого взвода, и стал сбрасывать лишние. К нему подскочил на лошади командир и изо всех сил хлестнул плеткой, у него случился сердечный приступ»⁷¹.

Потом Муршеля перевели в лагерь недалеко от Перми, где он валил деревья на 30—40-градусном морозе в отрепьях, сношенной обуви и без теплых рукавиц. Заработок зависел от производительности. Наконец дело дошло до допросов: «Пришел совсем молоденький следователь в форме и принялся заполнять анкеты. Нас вызывали по одному. После допроса все возвращались, совершенно упавшие духом или еле сдерживаясь от гнева. Наконец настала моя очередь. И что вы думаете? Предо мной был какой-то сумасшедший, заполнявший графы анкеты. Какой был смысл разговаривать с ним? Я сказал, что попал в плен после того, как перестал существовать мой полк. Немцы выгнали меня из болота в бассейне Удаи, где-то под Пирятином. “Мы об этом все знаем”, — завопил он. Наверно, знаешь, подумал я, это такие, как ты, погубили армию. “Я тебя насквозь вижу, — опять заорал он. — Ты шпион!” Он схватил меня за волосы, оттянул голову назад и уставился мне в глаза»⁷².

В конце концов, когда он получил сообщение, что его отец умер в Казахстане, Муршелю позволили поехать туда и жить с матерью, но только в качестве спецпоселенца. К декабрю 1946 г. через фильтрационные лагеря пропустили 5,4 млн репатриантов, из них 1,8 млн военнослужащих и 3,6 млн гражданских лиц. Разбирательство вели следователи НКВД, НКГБ (Народный комиссариат государственной безопасности), военная прокуратура и новая контрразведывательная организация Смерш (от лозунга «Смерть шпионам!»), которую создали для того, чтобы выявлять агентов, засылаемых в СССР иностранными разведывательными службами.

Иногда следствие занимало несколько лет, и для некоторых подследственных дело кончалось казнью или длительным сроком заключения. В других случаях, уже накануне возвращения домой, с бывшими военнопленными проводили общее собрание, и, как вспоминает один солдат, «политработник сказал нам, что мы совершили серьезное преступление против Родины и народа, и предложил нам добровольно законтрактоваться на пять лет на строительство на Урале, и это единственный путь искупить нашу вину»⁷³.

Особенно поразительным был случай с генерал-лейтенантом И.А. Ласкиным, который в 1943 г. принимал в Сталинграде капитуляцию фельдмаршала Паулюса и был награжден и советскими, и американскими орденами. Ранее, в августе 1941 г., будучи еще полковником, он попал в окружение под Уманью, немцы взяли его в плен, где он был допрошен невысоким чином. Через несколько часов ему удалось бежать и вернуться в свою часть. Зная о расследованиях НКВД, он решил скрыть свое кратковременное пленение. Однако в 1943 г. этот факт всплыл, его арестовали, и следствие длилось 9 лет, пока в 1952 г. его не приговорили к 15 годам исправительных работ⁷⁴.

Из тех, кто прошел допросы, около 340 тыс. (а именно те, кто служил в немецкой армии, в армии Власова или в полиции) были переданы НКВД. Некоторых расстреляли как предателей, некоторых отправили в лагеря строгого режима, а некоторых, как депортированных, отправляли в «специальные поселения», где они жили на правах ссыльных. Приблизительно 600 тыс. направили в «трудовые батальоны», работавшие в таких местах, как угольные шахты Донбасса, или валившие лес на севере Европейской России. Чуть более миллиона послали для прохождения военной службы в Красной армии. Даже те, кто не был мобилизован или не подпал под приговоры, страдали от дискриминации, и нередко — до конца своей жизни. Все документы, которые у них были, отбирались в момент ареста, а взамен выдавались «временные удостоверения», где указывался факт пребывания на оккупированной территории. Затем их направляли в определенное место (не обязательно туда, где они жили ранее) и предоставляли право обратиться в местные органы для получения прописки, но не гарантировали, что прописка будет дана. Другими словами, на их документах ставили постоянную черную метку и отдавали на милость местной милиции и партийных чиновников⁷⁵.

Александра Федоровна Лучагина, например, была вывезена в Германию для работы на ферме. Летом 1945 г. она два месяца, че-

рез разные лагеря перемещенных лиц, добиралась до своего дома в Мичуринске, неподалеку от Тамбова.

Там она обнаружила, что ее муж Михаил, майор Красной армии, с которым они поженились как раз накануне войны, в настоящее время служит на Дальнем Востоке и что ее родители продали общий дом и переехали в другое место. Она поселилась у своей влачившей нищенское существование старшей сестры, жившей с мужем (который вернулся с войны безногим) и детьми, а потом явилась в местное МВД (так переименовали тогда НКВД). Там, как она записала в своем дневнике, начальник предупредил ее, что, «пока я не пройду расследование и не получу паспорт, я не имею права покидать город. Если я нарушу его предупреждение, меня арестуют и посадят на пять лет». Не будучи в состоянии ни поехать к своим родителям, ни отправиться к мужу, она обратилась в горсовет, и там ее встретили еще более жестко. Секретарь партийной районной организации, вспоминает она, сказал, что ее «следует сослать в Казахстан за то, что она была в плену в Германии. Ей не место здесь». Через 6 месяцев после бесплодных посещений МВД и столь же бесплодного писания писем «всесоюзному старосте» Калинину она записала в дневнике: «Я не живу нормальной человеческой жизнью. У меня нет паспорта, нет права жить, что должно быть у человека, живущего в своей собственной стране. Я очень жалею, что не умерла во время войны».

Брак Александры распался, так как она не могла поехать к Михаилу, и она стала жить с другим мужчиной, Костей, которого знала еще по школе. Но брат Кости отговорил его жениться на ней, «потому что на мне пятно. Костя сказал мне об этом, и мы расстались». Потом она узнала, что Михаил снова женился, но что брак был неудачным и он покончил с собой, бросившись под поезд. А перед этим послал жене телеграмму со словами: «Твоего мужа убили»⁷⁶. Вряд ли можно утверждать с уверенностью, что клеймо, ставившееся на тех, кто вернулся из плена, разрушило ее брак, но это определенно лишило ее возможности предпринять что-либо серьезное, чтобы спасти его.

До самого конца Советского Союза, как неистребимый знак недоверия, все граждане Советского Союза, поступая на работу, на учебу или обращаясь по поводу прописки, должны были отвечать на вопрос анкеты: «Были ли вы или ваши родственники в плену или на оккупированной территории?» Этот вопрос был удален из анкет только в 1992 г.⁷⁷

Недоверие режима распространялось и на партизан, самых стойких защитников Советского Союза, тех, кто сражался за него за линией фронта, в тылу немецких войск. Советские вожди не думали, что придется вести партизанскую войну, и не готовились к ней, отчасти потому, что предполагали только наступательную войну, и отчасти потому, что не доверяли собственному населению. Хотя в обращении Сталина по радио к народу 3 июля 1941 г. прозвучал призыв к развитию партизанского движения на оккупированных территориях, на деле советские вожди на первых стадиях войны проявляли осторожность в отношении таких действий, так как опасались санкционировать формирование вооруженных банд, контролировать которые они будут не в состоянии. Первыми партизанами были молодые люди, жившие на оккупированных территориях, стремившиеся уклониться от немецкой насильственной трудовой мобилизации. Реакцией советских властей было создание сети подпольных партийных ячеек и ячеек НКВД и требование, чтобы партизанские отряды создавались под наблюдением ответственных руководителей этих ячеек.

Советское руководство, однако, столкнулось с тем, что самоchinные партизанские отряды в глубоком немецком тылу создавались представителями местного населения и рассеянными частями Красной армии и не всегда под чьим-либо контролем, поэтому оно ускорило, насколько это было практически возможно, материальное обеспечение этих отрядов, чтобы получить на них определенное влияние. Был организован Центральный штаб партизанского движения, связанный с Верховным командованием Красной армии. Штаб имел представителей на всех фронтах, они должны были поддерживать радиоконтакт с партизанскими отрядами в тылу немцев в своем секторе. Начальником штаба стал первый секретарь ЦК Коммунистической партии Белоруссии П.К. Пономаренко. Таким образом, командование партизанским движением было возложено на наиболее видную номенклатурную фигуру союзной республики с самым большим числом партизан. В каждом партизанском отряде НКВД имело свой *особый отдел*, отчасти для предупреждения вражеского проникновения в отряд, но также, несомненно, для того, чтобы следить за самими партизанами и местными жителями. По той же причине в каждый отряд назначили комиссаров, они сохранили все свои полномочия и тогда, когда в октябре 1942 г. в регулярной Красной армии политработники их в значительной степени утратили⁷⁸.

Летом 1942 г. в немецком тылу воевало около 150 тыс. партизан. Особенно много партизан было в Белоруссии и на севере Украины, где их действиям благоприятствовала болотистая лесистая местность. В дальнейшем их число постоянно росло, как и эффективность их операций. Белоруссия частично находилась под их контролем, и даже в других местах передвижения немецких войск и их линии снабжения находились под непрерывной угрозой. Вермахту пришлось отвлечь с фронта около 10% живой силы для охраны находившихся в глубоком тылу складов и коммуникаций. Несмотря на это, в конце войны большинство партизан должны были пройти проверку, и, если не могли доказать абсолютную лояльность, что, совершенно очевидно, было непросто в условиях большой неразберихи, они могли подвергнуться дискриминации и даже наказаниям. Это было странной «наградой» за то, что могло бы считаться подлинной демонстрацией отваги и патриотизма.

С другой стороны, у властей было достаточно оснований для подозрительности: хотя многие украинцы были готовы стать гражданами Советского Союза, но некоторые были непримиримо враждебны. Вспоминая спровоцированный государством голод и террор 1930-х гг., а также жестокое присоединение Западной Украины в 1939—1941 гг., они были полны решимости не допустить восстановления советской власти после войны. Основанная в 1943 г. УПА (Украинская повстанческая армия) воевала и против коммунистов, и против фашистов и не сложила оружия даже после окончания войны. Окончательно ее сопротивление было сломлено только в середине 1950-х гг.⁷⁹

Сложилось так, что многим из тех, кто в тяжелейших условиях проявил себя самым беззаветным борцом с немецкими оккупантами, было отказано в полноправном участии в патриотическом сообществе победителей после войны.

Если и существовала какая-то перспектива для сплоченного Советского Союза под предводительством России, то она была уничтожена депортациями, осуществлявшимися в 1939—1941 и 1944—1947 гг. Они имели место в Прибалтике, Западной Белоруссии, Западной Украине, Молдавии и на Северном Кавказе. Теперь эти факты хорошо известны и не нуждаются в подробном рассмотрении⁸⁰. Но на некоторых аспектах этой проблемы следует остановиться подробнее. Депортации имели целью не только очистить определенные территории от потенциально ненадежных лиц, но часто на деле должны были привести к полному уничтожению эт-

нических групп, о которых шла речь. Из прибалтийских республик в 1940—1941 гг. было депортировано «всего лишь» от 1,5 до 4,0% населения, но это была интеллигенция и специалисты — врачи, ученые, архитекторы и т.п., т.е. люди, которые могли возглавить антисоветские политические партии или движения за независимость. Другие около 3% были высланы после 1945 г., в большинстве своем это были «кулаки», ставшие жертвой местной коллективизации. После оккупации Западных Украины и Белоруссии в 1939 г. было депортировано около 900 тыс. человек, половина в качестве заключенных и половина в качестве спецпоселенцев, технически не бывших арестованными, но обязанных проживать в определенных местах и регулярно отмечаться в милиции. Из их числа 52% были поляками, 30% — евреями и 18% — украинцами и белорусами. В Молдавии прокатившаяся по республике сразу после аннексии Советским Союзом в 1940 г. волна арестов и депортации унесла 90 тыс. жертв и еще больше в процессе раскулачивания и во время голода 1946—1947 гг. — вероятно, голодали 115 тыс. крестьян и около 16 тыс. семей были переправлены в Сибирь и Казахстан. Во всех «освобожденных» регионах прошла коллективизация, национализация промышленности, а культура и образование перешли под контроль цензуры коммунистов по советскому образцу, причем безо всякого учета особенностей каждого из населявших их народов⁸¹.

В других случаях были депортированы целые народы: поволжские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы. С ними обращались безжалостно, и многие умерли в дороге — от холода, голода и отсутствия врачебной помощи при заболеваниях. Те, кто выжил, были поселены в областях совершенно непривычных для них. Например, кавказских горцев расселяли в полупустынных степях Казахстана, где им было трудно восстановить их былую экономическую жизнь. Больше того, их лишили возможности получать образование и пользоваться средствами массовой информации на родном языке. В сущности, эта политика представляла собой попытку осуществить геноцид путем физической смерти или лишения культурной идентичности⁸².

У этих людей, что вполне понятно, развились крайние антирусские и антисоветские настроения, а также сплотивавшее их чувство общности преследуемых, что сделало их непримиримыми противниками советской власти. В послевоенные трудовые лагеря они привнесли новые настроения. В то время как довоенные заключен-

ные заискивали перед охранниками и уголовными «авторитетами», эти новые контингенты заключенных принесли с собой чувство этнической солидарности и неудержимой решительности, что перекрывало путь к проникновению в их ряды и срывало попытки манипулировать ими. Информаторов из своей среды они убивали. Александр Солженицын пишет, что в лагере, где он находился, все боялись информаторов, пока один из бывших солдат УПА не разделался с ними: «Иные узы человеческой ассоциации связывали людей более тесно, чем совместная работа в трудовых бригадах, созданных по приказу администрации... Никто не выбирал руководство, но его состав настолько справедливо отвечал требованиям старшинства, мудрости и страдания, что никто не оспаривал его главенство над своей собственной национальностью»⁸³.

Так во время и после войны складывались новые, специфические антисоветские формы социальной солидарности. Позже, после смерти Сталина, политика национальных преследований была пересмотрена, и многим сосланным позволили вернуться к себе на родину. Несмотря на это, память о попытке геноцида сохранилась неуничтожимым наследием, легла тяжким грузом горькой обиды. Эти люди сделались и остались непримиримыми противниками советского и русского господства. В конечном итоге они внесли главный вклад в окончательный развал Советского Союза, — как мы увидим, первыми о выходе из него объявили Балтийские республики, а результаты украинского референдума в декабре 1991 г., на которые серьезно повлияли настроения западных украинцев, прозвучали погребальным звоном по нему. Последним, но не менее значимым было выступление чеченцев, создавшее для постсоветской России самый длительный и наиболее неразрешимый внутренний конфликт. Все это было наследием ошибок, а вернее было бы сказать, страшных преступлений, совершенных советскими вождями до, во время и сразу после войны.

Что касается самих русских, то благодаря войне на какое-то время у них появилось чувство единения со своими партийными вождями. Война создала возможность сближения элит и масс, упрочила и подтвердила патриотическую традицию, которой пользовалась партия на протяжении 1930-х гг., обеспечив ей широкую народную поддержку. Получили новое освящение, как «ценности в себе», понятия Родины, дома, семейной жизни и супружеской любви. Именно из этих кирпичиков строится здание нации. Но умонастроение, порожденное длительным доминированием но-

менклатуры, губительно тормозило процесс утверждения нового патриотизма. Зачатки гражданских институтов, дарованных русским во время войны (свободный сельскохозяйственный рынок, открытие церквей, смягчение цензуры в области культуры, несколько более свободная и откровенная печать), вскоре после нее были ликвидированы или выхолощены. Зарождению гражданской солидарности между бывшими солдатами мешала политика запретов на полковые или ветеранские организации либо тактика подчинения их жесткому партийному контролю⁸⁴. Более того, в 1946 г. Сталин высказал мысль, что было бы нецелесообразно публиковать воспоминания о войне, так как прошло еще недостаточно времени, чтобы о ней можно было отзываться с достаточной объективностью. Фактически, это было объявлением запрета на военные мемуары, и он действовал десять лет. Даже после снятия запрета мемуары подвергались тщательному редактированию и цензурированию⁸⁵. Военных мемуаров не должно было быть много, они должны были отвечать целям режима, а не способствовать созданию подлинной народной памяти.

Там, где память не закреплена в средствах массовой информации, где она время от времени публично не освежается неангажированными воспоминаниями, там она становится фрагментарной, несущественной и не может служить основой национального самосознания. Это было особенно верно в стране, где оплакивалось столько смертей и стольким страданиям предстояло зарубцеваться. Вместо этого память в Советском Союзе сделалась частью официальной традиции, которой пользовались для прославления и укрепления режима, к иной памяти относились с большим подозрением. Это привело к тому, что советский патриотизм по большей части остался достоянием правящей элиты, им манипулировали в интересах политической власти, а потому он отзывался среди рядовых граждан в смазанных и искаженных формах.

В определенном смысле исход войны все-таки подтвердил мечты убежденных сторонников коммунистической партии о тысячелетнем царстве. Правда, совершенный социализм построен не был, и не имелось перспективы, что он будет построен в ближайшем будущем. Но, с другой стороны, Советский Союз *действительно предотвратил* апокалипсис, каким стала бы победа нацизма, и спас от него Европу. Это не значило, что приходилось довольствоваться меньшим, а было выполнением подлинно интернациональной миссии наперекор неимоверным трудностям на пути к победе. Но

этот успех странно отразился на коммунистических мечтах о тысячелетнем коммунистическом рае. Центр тяжести символической жизни Советского государства, а потому и советского общества перенесся из будущего, из ожиданий отдаленной победы социализма, на воспоминания об очень реальной и абсолютно несомненной победе советского оружия в войне, которую все единогласно могли назвать Великой Отечественной войной. Эта поглощенность прошлым вкупе с дроблением национальной идентичности — *русский, российский и советский* — опустошала духовную жизнь советских народов, подрывала их чувство общности. Так советский режим шаг за шагом сводил на нет свою собственную величайшую победу, ослаблял свою связь с русским народом, проложив тем самым широкую дорогу к своему конечному падению.

Глава седьмая

СЛАДКИЕ И ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ ПОБЕДЫ

День 9 мая 1945 г. был величайшим днем в русской истории. Английский журналист Александр Верт находился в Москве в день объявления о безоговорочной капитуляции Германии и писал: «Непроизвольная радость двух или трех миллионов людей, которые толпились в тот вечер на Красной площади, на набережной Москва-реки, на улице Горького до самого Белорусского вокзала, была такой силы и глубины, какой я никогда еще до этого не видел в Москве. Люди танцевали и пели на улицах, всех солдат и офицеров обнимали и целовали, перед американским посольством толпа выкрикивала: “Рузвельту ура!” (невзирая на то, что он уже месяц как умер). Они были так счастливы, что им не нужно было даже выпивать, и молодые люди, под снисходительными взглядами милиции, даже мочились у стен гостиницы “Москва”, и по мостовой разбегались ручейки. Ничего подобного никогда не бывало в Москве»¹.

Для восторженной раскованности, патриотизма и спонтанного интернационализма у москвичей были все основания. Как уже упоминалось в предыдущей главе, 24 мая 1945 г. во время приема в Кремле командного состава Красной армии Сталин поднял особый тост за советский народ и, прежде всего, за русский народ, «самый выдающийся из всех наций, составляющих Советский Союз... движущую силу всех народов нашей страны... [за его] ясный ум, стойкий характер и терпение». Он признал, что правительство делало ошибки. «Другой народ сказал бы своему правительству: “Вы подвели нас. Уходите, и мы поставим на ваше место другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам спокойную жизнь”. Но русский народ не сделал этого, потому что верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы наверняка победить Германию.

Эта вера русского народа в советское правительство была решающей силой, которая гарантировала победу над врагом человечества — фашизмом»².

Мы можем допустить, что на этот раз Сталин был искренен. То, что он сказал, четко формулировало те соображения, по которым после 1945 г. режим сделал русский патриотизм центральным пунктом своей политики. Никогда прежде режим с такой сердечностью не превозносил *русский народ*, это явно противоречило традициям Российского государства. Сталин отказался от довольно презрительного отношения к русскому народу, каким отличались Ленин и Бухарин, и недвусмысленно провозгласил русских центральной опорой советского многонационального государства. Но то, в каких словах он превозносил их, раскрывает истинную подоплеку его высказываний: он имел в виду, что высоко ставит русских за то, что они терпеливы и стоворчивы, не склонны к возмущению, за то, что они — идеальное сырье в руках режима для осуществления его политики, даже очевидно ошибочной. Это было скрытое предупреждение — не ждать настоящей конституции или демократических выборов.

Такое предупреждение требовалось сделать, потому что Победа пробудила величайшие ожидания. Народ, добившийся такого выдающегося успеха, ожидал, что к нему будут относиться хотя бы с уважением. Такое отношение никак не вязалось, в числе прочего, с тогдашним состоянием колхозов, на что жаловался анонимный автор в письме к Сталину: «Неужели народ Сибири заслужил быть приговоренным медленно помирать с голода? Ведь это героический народ, народ-богатырь... Не отвечайте мне. Ответьте русскому народу. Он хочет знать, ценит ли его государство или считает его просто ненужной обузой»³.

Таким образом, восхваление Сталиным русского народа объяснялось его смиренностью и полным подчинением потребностям государства. Этот официальный патриотизм зиждился на двух особенностях общественных настроений. Первое — сознательная национальная гордость поддерживалась в народе намного шире и чувствовалась намного глубже, чем когда бы то ни было ранее. В 1920—1930-х гг. почти все русские, мужчины и женщины, за исключением только людей очень преклонного возраста, научились читать и писать на родном языке и узнали многое об истории и культуре своей страны. Многие из них урбанизировались, интегрировались в системы социального обеспечения и участвова-

ли в других изменениях, закреплявших национальное сознание, что предвидели в своих теориях такие социологи, как Карл Дойч, Эрнест Геллер, Бенедикт Андерсон и др. Во время войны многие люди слушали радио и читали газеты с бóльшим вниманием, чем когда-либо прежде. К тому же молодежь прошла через сближающие испытания вооруженной борьбы в великой национальной войне России с Германией. Русский патриотизм, таким образом, впервые за все времена стал массовым явлением, что произошло отчасти благодаря советской политике, даже если это поначалу не входило в намерения самих вождей.

Второе — *русский* и *российский* в значительной степени слились, и эта единая форма стала называться «*советский*». Русские, как никогда ранее, примирялись с правом государства вмешиваться в их жизнь и фактически полностью регламентировать многие ее стороны. Многие нерусские (хотя, как мы увидим, далеко не все) также смирились с легитимностью Советского государства, во главе которого стояли преимущественно русские, транслировавшие свои ценности через русский язык, историю и культуру. Люди всех национальностей, особенно молодые и социально мобильные, стремящиеся сделать карьеру, видели подтверждение этой легитимности в недавней победе, в обретении Советским Союзом статуса сверхдержавы, в величественных планах построения коммунизма, причем не только для советских народов, но в конечном итоге для эксплуатируемых и угнетенных всего мира⁴.

Этот патриотизм проявлялся в послевоенные годы как позитивно, так и негативно. Многие люди получили предметный урок того, что ни одной империалистической державе доверять нельзя, поэтому они были расположены жертвовать многим во имя укрепления обороноспособности страны, для отражения агрессии Соединенных Штатов. В октябре 1950 г. одна жительница Ленинграда писала заместителю председателя Совета министров СССР Клименту Ворошилову: «Наше правительство и товарищ Сталин должны знать, что мы хотим, чтобы наша армия и наш Советский Союз были очень сильными. Если для армии необходимо, пусть подорожает хлеб, пусть будет новый займ, делайте все, что нужно... Простите, что вмешиваюсь не в свои дела, но Советский Союз принадлежит всем нам, и армия тоже. Мой муж участвовал в войне, и мой сын пойдет воевать»⁵.

Русские считали, что имеют право на руководящую роль в Советском Союзе не только потому, что являлись самой многочислен-

ной национальностью, но также и потому, как выразился один русский инженер, что «русские думают не о национальности, а о государстве». По его мнению, если спросить армянина или украинца на русской территории, кто он, тот ответит: «Русский». Он полагал, что у русских к тому же более высокая культура и поэтому другие национальности с готовностью смотрят на них снизу вверх, не роняя при этом своей национальной гордости. Инженер-украинец сказал, что русские не националистичны, а «чувствуют гордость за социалистическое государство — Россию, которое должно покончить с капиталистической системой по всему миру». Он добавил: «Я украинец, но моя родина — Советский Союз»⁶.

Более того, осознание интернациональной миссии, распространяющейся далеко за пределы Советского Союза, стало еще шире и выше. Оглядываясь назад через десятилетия, русско-еврейский историк Михаил Гефтер сказал: «То, что мы имели, было наше собственное, русское, российское, советское, но мы также принадлежали Миру»⁷. Существенно, что эту мысль высказал еврей: многие нерусские, но особенно евреи, в тот момент были более чем готовы признать русское превосходство именно из-за интернациональной и вселенской миссии СССР.

Конечно, на русский мессианский национализм можно было бы посмотреть в другой конец телескопа. Один украинец, с которым беседовали после войны, вылил на русских целый поток обвинений: они считают себя «избранным народом», плюют на местные традиции и повсюду разговаривают на своем языке и отказываются учить местные языки. Другие советские народы, считал он, напротив, более открыты и склонны помогать друг другу, невзирая на этнические различия. Молодой русский офицер невольно подтвердил эту точку зрения о своем народе, заметив, что «украинцы спят и видят свою независимость... Они считают себя оскорбленными, но это ничего им не даст, особенно в борьбе с большевизмом»⁸.

Мудрое руководство могло бы сохранить и русский патриотизм, и руководящую роль русских и сцементировать Советский Союз в более гармоничное и единое целое. Но мудрого руководства не получалось. А произошло то, что номенклатурная элита, после войны усилившая свои позиции, укрепила господствующее положение среди потерявшего под ногами почву и растерянного после тяжелой войны населения, к которому она всегда относилась с недоверием.

Недоверие, однако, было обоюдным. Многие люди из всех слоев населения, русские и нерусские, по-прежнему не доверяли советскому режиму и питали надежду, что союзники времен войны заставят его пойти на уступки своему собственному народу. Недоверие порождало слухи. Вот что говорил по этому поводу учитель математики из Воронежа: «Интеллигенция... думала, что после войны Сталину придется пойти на уступки Рузвельту и Черчиллю... что будет новый НЭП, что будет изменена монополия внешней торговли и что улучшатся и вырастут связи, и культурные, и материальные, с Западом, особенно с Америкой. Я много слышал, как об этом говорили разные люди»⁹. Такое принятие желаемого за действительное было неизбежным следствием отсутствия открытых средств массовой информации.

ИСТОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В то самое время, когда Советский Союз одержал свою величайшую победу, сложилась парадоксальная и крайне тревожная обстановка, когда перед страной замаячила опасность, потенциально страшнее любой из нависавших над ней раньше — атомная бомба. «Успешная» бомбардировка американцами городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г. подала миру сигнал о том, что в истории войн наступила новая эра, в которой многомиллионная Красная армия и ее недавние стремительные победы на колоссальных пространствах вдруг стали почти несущественными. Как выразился посол Великобритании в СССР А.К. Керр, «Россия была остановлена Западом, когда казалось, что все в ее руках. Ее три сотни дивизий утратили большую часть своей цены»¹⁰.

Если Советский Союз должен был остаться верным своей, избранной им самим цели — распространению социализма по всему миру, то совершить это он мог только в качестве великой державы, способной вступить в противоборство с Соединенными Штатами как центром силы империализма. Во всяком случае, Сталин полагал именно так, и по его логике было очевидно, что СССР должен, как и США, обладать атомной бомбой. Политическая структура страны и ее милитаристская ментальность позволяли использовать ресурсы в первую очередь на то, чтобы максимально быстро собрать в кулак научный и технический потенциал и построить лаборатории, заводы и испытательные полигоны. Для грязной и

опасной работы — добычи урана на шахтах Средней Азии и возведения ядерного реактора под Челябинском — государство располагало рабским трудом лагерей НКВД. Работавшие там заключенные не имели противорадиационной защиты, и большинство из них довольно быстро умирали. Не лучше было защищено и обычное местное население. О случаях заболеваний неподалеку от челябинского реактора докладывали в 1949 г., а в 1951 г. было обнаружено (хотя, конечно, в средствах массовой информации об этом не сообщалось), что тобольская речная система заражена ядерными отходами. Тысячи людей эвакуировали, а зараженные зоны блокировали¹¹.

Такого соперничества, каким стало соперничество с США, Россия не знала никогда. Русские привыкли иметь дело с врагами, которые непосредственно угрожали их границам. Соединенные Штаты находились за океаном и не имели к СССР каких-либо территориальных претензий. Противостояние носило идеологический характер. В некотором отношении эти две страны напоминали друг друга. Обе были частично европейскими, частично неевропейскими, обе выросли из представлений о совершенном обществе (порождении эпохи Просвещения XVIII в.), и обе имели целью распространить свои идеи на весь мир. Новая советско-русская национальная идентичность делала упор на науку, технике, росте городов и высококачественной массовой культуре — во всех этих областях Соединенные Штаты шли впереди всего мира. По этой причине даже убежденные советские коммунисты восхищались США, которые сделались объектом подражания. На всем протяжении периода идеологического противостояния советские граждане сохраняли тенденцию судить о собственном обществе через призму того, что им было известно о Соединенных Штатах. Непрерывающаяся конфронтация посеяла в них подспудное представление, что если дома все пойдет совсем плохо, то, возможно, Соединенные Штаты будут знать, как с этим справиться. Эта тенденция оказалась судьбоносной, когда СССР окончательно распался.

Однако в тот исторический момент США были для СССР международным врагом номер один, и его ненавидели за социальное неравенство, этнические конфликты и ничем не сдерживаемую демонстрацию силы. Если бы им удалось распространить свои взгляды на весь мир, то Советский Союз был бы обречен. То же самое произошло бы с Соединенными Штатами, если бы в мире воцарились идеи СССР; поэтому, невзирая на отсутствие территориальных споров, эти две страны сделались смертельными врага-

ми. Создание в 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО) во главе с США подтвердило это враждебное противостояние. Для обеих сторон противник стал центральным и определяющим фактором их внешней политики и военной стратегии.

В послевоенной Европе Советский Союз пользовался преимуществом сильного соседа. Для того чтобы закрепить это преимущество, в 1944—1948 гг. он построил «внешнюю империю» — санитарный кордон из центрально- и восточноевропейских стран с политическим и социальным устройством, аналогичным установленному в самом СССР. У власти были поставлены единолично правившие коммунистические партии, национализированы экономические предприятия, работа которых строилась на базе планирования, произошла экспроприация фермеров, которых согнали в колхозы, а образование, культуру и средства массовой информации поставили под жесткий контроль государства¹².

Как и в Советском Союзе, от этого выиграли верные приверженцы социализма, а также чиновники, ведавшие новыми институтами. Большая же часть народа, однако, относилась к введению чуждого ему малопривлекательного образа жизни с недоверием и устойчивой неприязнью. Нужно также иметь в виду, что, несмотря на разрушительный характер Второй мировой войны, она не стерла социальной памяти до той степени, как это случилось после революции в России. Национальная идентичность в Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии не утратила своей силы и теперь сделалась, в разной степени, антирусской и антикоммунистической. Вот этого русские так никак и не могли понять. Разве они не принесли гигантские жертвы, освобождая эти народы от нацизма? Разве не оказывали им экономическую и научную помощь даже в то время, когда сами русские находились в крайне тяжелом положении?

С самого начала выгоды пограничных окраин империи оказались далеко не столь существенными или вовсе сведены на нет молчаливой враждебностью большинства населения этих стран. За десятилетия эти настроения превратились в вынужденное согласие, но не исчезли совсем. Советский блок обеспечивал территориальные выгоды, но в век баллистических ракет этот фактор все более терял свое значение. «Соцлагерь» также становился постоянным источником проблем и еретических идей. Это было частью платы за превращение мессианской России в супердержаву.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Русско-советский патриотизм выкристаллизовался в последовавшие за 1945-м годы полнее и всестороннее, чем любая другая предшествующая форма русского национализма. Он сохранялся, с периодическими поправками и дополнениями, в качестве господствующей идеологии до самых последних дней Советского Союза и все еще серьезно влияет на взгляды постсоветских националистов. Новый патриотизм одержал верх не только потому, что активно продвигался через средства массовой информации, но еще и потому, что был близок возглавлявшемуся русскими мультиэтническому правящему классу, а также динамичному слою тех, кто пережил войну и теперь получал первую ответственную должность — «новой буржуазии», с которой, как впервые показала историк Вера Данхэм, режим заключил «большую сделку»¹³. Эта идеология отводила СССР ясную и недвусмысленную роль в холодной войне с бывшими союзниками.

Идеология создала сплав революции и Второй мировой войны в виде «священного прошлого» и новой формы мессианства, интернационализма под водительством русских. Согласно его постулатам, за Россией остается ведущая роль вдохновителя и руководителя мирового социализма. Смысл этих постулатов сводился к тому, что Советский Союз, с русским народом в качестве его вечного двигателя, ведет рабочих, крестьян и колониальные народы мира к победе в великой борьбе с империализмом. В официальной интерпретации это звучит так: «Ленинизм, родившийся в России и тесно связанный с революционным движением российского рабочего класса, сумел воспользоваться достижениями прогрессивной русской культуры и использовать их в интересах рабочего революционного движения. По этой причине ленинизм справедливо считается высочайшим достижением русской культуры». В то же время ленинизм «воспользовался достижениями культуры всех народов, спасенной от фальсификации буржуазными реакционерами и оппортунистами, критически переработал наиболее ценные достижения человечества в науке и культуре и поставил их на службу пролетарской революции»¹⁴. Это был «мессианский национализм» самой чистой пробы.

Стандартный учебник по историческому материализму, изданный Институтом философии Академии наук СССР, утверждал, что «русский народ, под руководством русского рабочего класса, ока-

зывал и продолжает оказывать щедрую и широкую помощь в экономике, политике и культуре всем народам СССР, чтобы они могли построить и развивать социалистическую промышленность, национальную и социалистическую государственную систему и культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию. Благодаря советской социалистической системе многие народы СССР — узбеки, таджики, киргизы, туркмены и казахи, а также другие — совершили огромный исторический прыжок от древней сохи к трактору, от серпа и косы к уборочному комбайну, от бродячего кузнеца к гигантским машиностроительным заводам». Сталин сформулировал это так: «Советский патриотизм гармонично соединяет в себе национальные традиции народов с жизненно важными интересами всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разделяет, а напротив, соединяет все нации и народности нашей страны в одну братскую семью»¹⁵.

На случай возможных возражений, что большинство социалистов, включая Ленина и его товарищей, до этого считали патриотизм буржуазной идеологией, брошюра, опубликованная Гослитиздатом полумиллионным тиражом, поясняла: «Сегодня подлинным выразителем и защитником национальных интересов народов выступает не буржуазия, а рабочий класс. Это ведущая патриотическая сила советского общества, самый верный и последовательный борец за дело Родины». Подлинный патриотизм был невозможен в буржуазном обществе: «Частная собственность ограничивает патриотизм, разделяя людей и действуя как источник вражды между ними, а социалистическая собственность, которая сложилась в СССР, напротив, объединяет людей, сближает их жизненные интересы, стремления и действия... Советский Союз — это родина трудящихся всего мира»¹⁶.

Таким образом, теперь патриотизм стал официально признанным чувством. «Преодоление национальных предрассудков», которое «Азбука коммунизма» рекомендовала в качестве главного долга коммунистов, теперь заклеили как «космополитизм». Под этим подразумевалось «безразличие к собственной родине, отечеству, национальной культуре и национальным традициям». Космополитизм «пытается искоренить представления народов о национальной гордости, притупить их патриотические чувства и тем самым подорвать их волю к борьбе за независимость и интернациональные интересы трудящихся»¹⁷. Как мы увидим, космополитизм связывался главным образом с евреями.

В 1947 г. Сталин пригласил к себе писателей Александра Фадеева и Константина Симонова и сказал им: «Есть очень важная тема... которой должны заняться писатели. Это тема советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию... скажем, профессоров, докторов, у них недостаточно развито чувство советского патриотизма. Они показывают неоправданное благоговение перед иностранной культурой... Они все еще чувствуют себя незрелыми... они привыкли быть вечными студентами». Сталин подкрепил свою мысль экскурсом в историю: «Это отжившая традиция, и она уходит к Петру I. У Петра было несколько хороших идей, но у нас обосновалось слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами»¹⁸.

Победа во Второй мировой войне использовалась в качестве демонстрации «превосходства советской системы» и «ее непобедимой силы». «Нанеся поражение германским и японским агрессорам, советский народ спас народы Европы и Азии от фашистской тирании, и эта великая услуга человечеству пробуждает в сердцах советских людей законное чувство национальной гордости»¹⁹. Однако угроза еще не миновала: международный рабочий класс стоял перед лицом нового и опасного врага в виде мирового империализма, возглавлявшегося Соединенными Штатами и олицетворявшегося НАТО.

В разгар кампании против преклонения перед Западом русским приписывали изобретение паровой машины, электрической лампы, радио и самолета, а М.В. Ломоносов превозносился как основатель современной науки. В учебнике по истории науки утверждалось: «В истории открытий и исследований русские люди справедливо занимают первое место... Русская нация всегда была нацией открывателей. Мужество и настойчивость в достижении своих целей, стойкость и непреодолимое желание открытий характеризовали ее сыновей на протяжении многовековой истории России»²⁰. И все-таки комплекс неполноценности подспудно сохранялся, а с ним и тенденция оценивать советские достижения в свете опыта «буржуазных» обществ.

До самых последних лет Советского Союза этот советско-русский патриотизм служил основой гражданского образования населения, особенно молодежи. Он напоминал Исае Берлину, работавшему в конце 1940-х гг. в британском посольстве в Москве, «религию в английской частной школе, которую активно исповедовало небольшое меньшинство и пассивно поддерживали осталь-

ные»²¹. Идею патриотизма методично разрабатывали и формулировали. Подобно академии Ханлинь в императорском Китае, Институт Маркса—Энгельса—Ленина хранил священные тексты, периодически пересматривал их, толковал, писал к ним комментарии и в спорных ситуациях излагал их авторитетную интерпретацию. Целые институты, возглавлявшиеся Академией наук СССР, Высшие партийные школы, Академия общественных наук при ЦК КПСС разрабатывали, объясняли и находили те или иные единственно верные трактовки этой доктрины. Находившиеся под их контролем и влиянием отделы идеологии, пропаганды и культуры, союзы творческих работников и прочие профессиональные объединения, а также целая армия идеологических работников — лекторов, консультантов, агитаторов и пропагандистов распространяли идеи советско-русского патриотизма через средства массовой информации и на всех уровнях системы образования. Идеи в советском обществе приобрели еще более исключительное значение, чем даже до 1941 г. Жизнь сговорчивого интеллектуала, хотя ее нельзя было бы назвать богатой, была более обеспеченной и стабильной, чем где-либо в мире.

Ни один студент не мог получить университетского диплома, не сдав экзамена по марксизму-ленинизму, истории КПСС, политической экономии, научному атеизму и т.п. В комсомоле, ДОСААФе (Добровольном обществе содействия армии, авиации и флоту) и школах всех уровней стремились прививать патриотизм, знакомя слушателей с родным городом, районом, республикой, Советским Союзом, наконец, международным пролетариатом. Таким путем создавалась многослойная идентичность, например, жителя Риги — латыша, советского гражданина, а значит, почетного россиянина, а также члена трудящихся классов всего мира²². Даже для неславянских народов изучение истории и культуры России стало обязательным.

Что касается Украины и Белоруссии, то тут скрыто подразумевался или открыто объявлялся еще один уровень патриотизма: помимо того, что человек мог быть украинцем или белорусом и советским гражданином, он мог быть также русским, членом триединой русской нации. Впервые за много веков все украинцы и белорусы были объединены в своих собственных государствах и связаны теснейшими узами с Россией (короткая прелюдия 1939—1941 гг. была прервана грубым германским вторжением). Эти отношения не были простыми. В результате политики советской власти украинцы и белорусы пережили раскулачивание, уничтожение

многих крепких хозяйств, Украина пережила страшный голод; затем они испытали годы террора и волны чисток их политических лидеров, а позже вообще последовала утрата всей их территории, оккупированной немцами. После войны советизация означала безжалостное установление коллективного сельского хозяйства, плановой экономики и советско-русской культуры в только что заново интегрированных регионах. Партизанское движение было подавлено, политические оппоненты арестованы и высланы²³.

Чувствовавшие себя украинцами и белорусами вполне могли бы заключить, что советским вождям доверять судьбу их страны нельзя, именно в этом были убеждены те, кто присоединился к Организации украинских националистов (ОУН) и воевал в составе партизанских армий, сначала против немцев, а затем против наступавшей Красной армии. Такие же партизанские группы действовали в белорусских болотах и лесах. Их взгляды были естественными, хотя и крайними, производными от окрашенной в этнические цвета советской политики и испытанной на себе нацистской идеологии. ОУН требовала немедленной независимости и считала врагом, подлежащим изгнанию или уничтожению, любого, кто будет против абсолютно независимой Украины. Они вели войну за национальную исключительность по очереди сначала с немцами, потом с поляками и, наконец, с возвращавшимися русскими. Их идеи отражали типичную для XX в. болезнь — всеобщую одержимость навешиванием ярлыков и стремлением к категорическим обобщениям. Подобно нацистам, ОУН ставила своей целью сделать население страны «этнически чистым»²⁴.

Впрочем, все говорит о том, что большинство украинцев и белорусов *было готово* предать забвению совершенные против них преступления, отказаться от борьбы за этническую чистоту и заняться восстановлением своей страны как части многонационального Советского Союза. Отчасти их отношение стало отражением неизбежного — когда стало ясно, что Германия проиграла войну, а Соединенные Штаты и Англия не собираются воевать с Советским Союзом, альтернативы не оставалось. Впрочем, дело было не только в фатализме. Сталин не только объединил территории Украины и Белоруссии, но еще и убедил основателей Организации Объединенных Наций, что обе эти республики должны получить места в Генеральной Ассамблее наряду с СССР. Таким ловким маневром СССР обеспечивал себе три голоса и одновременно торжественно отметил возрождение триединой восточнославянской нации.

Намного существеннее тот факт, что Украина и Белоруссия были впервые объединены и что в начальной школе этих стран преподавание велось на украинском и белорусском языках. Война похоронила воспоминания о прошлых преступлениях при помощи недавних и ужасающих впечатлений. Главное же, у советских граждан не было особого выбора, кроме как собрать осколки разбитого мира и искать себе место в новом мире. Для этого требовалось заполнять анкеты и представлять автобиографию в наиболее благоприятном свете, опуская кулацкое или еврейское происхождение, замалчивая или приукрашивая сомнительное поведение во время немецкой оккупации, подчеркивая периоды службы в Красной армии или участие в партизанском движении. Выжить можно было, только «запамятовав» неудобные моменты своего прошлого и приукрашивая те, которые удобно вписывались в новое навязанное видение мира. Война дала людям миф, позволявший переоценить прошлое и преподнести себя украинскими, белорусскими и русскими патриотами Советского государства²⁵.

Одной из самых сильных сторон советско-русской патриотической идеологии было то, что она легко усваивалась и понималась на разных уровнях. Вряд ли можно было найти много советских граждан, которые, сдав экзамены, сохраняли бы интерес ко всему комплексу сложных и высокоакадемичных доктрин. Большинство советских граждан пользовались идеологией в намного более будничных целях, как оправданием своих повседневных действий и взглядов. На этом уровне, если отбросить изощренную казуистику, эта идеология больше напоминала неприкрытый и примитивный неорусский империализм: подразумевалось, что Советский Союз — одна из двух мировых супердержав, лидер в борьбе добра против зла, русские — ведущая сила в этой борьбе и они побуждают и воодушевляют другие советские народы и другие страны социалистического блока играть в этой борьбе активную роль. Победа во Второй мировой войне подтвердила верность этой точки зрения и способствовала возрождению революционной веры начала 1920-х гг., которой, как оказалось, не была суждена долгая жизнь²⁶.

Эта государственная идеология на практике давала номенклатурной элите уверенное положение в партийной, государственной, военной структурах, в органах госбезопасности и среди работников сферы умственного труда. Все они могли утверждать, что так или иначе делают вклад в укрепление мощи, престижа и идеалов Советского государства.

Сомнительный комплимент всему этому комплексу идей и чувств отвечивали несколько подпольных оппозиционных групп, существовавших в послевоенные годы. В них входили молодые люди, получившие образование в советских вузах и полностью, в теоретическом и практическом плане, воспринявшие преподававшуюся им идеологию. Они создавали тайные кружки с антуражем, знакомым им по комсомолу: уставы, программы, партийные кадры, значки. Свое несогласие с советской системой они излагали при помощи марксистской терминологии, называя ее «государственным капитализмом» или даже «империализмом». Вдохновлялись они воспоминаниями о патриотическом подъеме военных лет, идеалы которого, как они считали, предавало поколение их родителей²⁷.

В Воронеже, например, 17—18-летние школьники создали Коммунистическую молодежную партию (КМП), в которой в какой-то момент числилось более 50 членов. Их партийная программа объявляла целью «построение коммунистического общества во всем мире». Предполагали действовать, проникая в советские учреждения и «переориентируя их на “истинный социализм”». Подобно КПСС, КМП имела собственный ЦК и свой Воронежский обком. Ее члены делились на ячейки по 5 человек в каждой, и только один из членов ячейки был знаком с кем-то из членов партии, не входившим в их ячейку, — это был принцип конспирации, о котором они прочитали в учебниках по истории. Новые члены давали клятву в погруженной в темноту комнате: «Клянусь хранить священную тайну КМП. Клянусь бороться до последнего дыхания и высоко нести знамя ленинизма до окончательной победы!»²⁸ В то время даже оппозиция вдохновлялась советской мессианской идеей.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Окончание войны поставило народы СССР перед страшным парадоксом. Они только что победили в величайшей в истории войне, но их страна лежала в руинах, и они оплакивали миллионы погибших. Демобилизующиеся солдаты знали, что дома их не ждет благополучная страна. И все-таки то, что они видели, производило ужасающее впечатление: целые города и села, превращенные в груды камня и железа, живущие в землянках и подвалах или скученные в немногих оставшихся домах люди и т.д. Например, население Воронежа сократилось на 80% по сравнению с довоенным

периодом. Английский журналист писал, что один солдат Красной армии сказал ему: «От Сталинграда не осталось ничего. Ничего. Если бы от меня зависело, я бы выстроил Сталинград в каком-либо другом месте, это было бы намного проще. И я бы превратил все это место в музей»²⁹.

На большей части европейской территории России были серьезно повреждены или вообще полностью уничтожены заводы, школы, колхозные фермы, сельскохозяйственные машины, коммуникации — системы водоснабжения, газоснабжения и электроснабжения, так что нормальная жизнь была практически невозможна. С оккупированных немцами территорий были вывезены в Германию или ее страны-сателлиты более 2,5 млн человек, и единственной рабочей силой оставались только старики, старухи и совсем молодые люди³⁰.

На предвыборных собраниях в январе 1946 г. многие говорили о трудностях, с которыми сталкивалось население, его усталости, тревоге за будущее, чувстве ущемленной гордости, возбужденном патриотизме, окрашенном терзающим душу недоверием к режиму. Подобно крепостным, которые не получили освобождения после войны с Наполеоном, люди чувствовали себя обманутыми и лишенными награды за свои жертвы. В Свердловске и Вологде люди спрашивали: «Война закончилась полгода назад. Почему постоянно не хватает спичек, соли, керосина?» В Ростове-на-Дону: «Почему не отпускают домой рабочих, которых мобилизовали на завод до конца войны?» В других местах: «Когда жителей Новгорода переведут из землянок и подвалов в дома?»; «В Троицке два месяца не работал водопровод. Электричества не было в школах и больницах, не говоря уже о жилых домах. Негде купить угля или дров»³¹. Такие вопросы отражали усталость, разочарование, обманутые надежды и всеобщее ожидание того, что государство должно позаботиться о своих гражданах.

Некоторые жаловались на сам предвыборный процесс при выборах в партийные органы. Как сообщал Пензенский обком партии, токарь (и кандидат в члены партии) буркнул: «Эти выборы сплошное жульничество. Депутатов выдвигает не народ, а марионетки наших начальников!» Землемер жаловался: «Слишком много денег и энергии тратится на подготовку выборов в Верховный Совет. Это же простая формальность, просто подтверждение кандидатов, которых уже выбрали». Конюх утверждал: «Эти будущие выборы ничего нам не дадут. Ну, если бы они проводились как в других стра-

нах, это было бы другое дело. В России свободные выборы были при Керенском, а коммунисты выберут кого надо, не советуясь с нами»³². Русские знали свое прошлое и знали, что происходит в других странах, а война наполнила многих из них чувством, что они заслуживают лучшего от своих правителей.

Людей задевали также неравенство и несправедливость. Как пишет в своем исследовании Англии военного времени Соня Роуз, патриотизм заставляет людей остро реагировать на равенство или неравенство в разделении тягот и вдвойне остро воспринимать несправедливость. Главным становится всеобщее «равенство приносимых жертв». В марте 1947 г. московский партийный агитатор написал Сталину, спрашивая, как ему отвечать на трудные вопросы, которые задают перед выборами простые люди. Почему цены на продукты питания выше, чем перед войной, и почему те, у кого высокая зарплата, имеют доступ в специальные магазины с дешевыми товарами, в то время как большинство отовариваются в государственных магазинах, которые плохо снабжаются, или на рынках, где такие высокие цены? Из Молотова (Перми) рабочий написал в Совет министров, с едкой иронией задавая вопрос, не делится ли общество на «сверхдостоянных» и «недостойных». «“Сверхдостоянные” живут в роскоши, у них персональные автомобили, дачи, курорты, огромные зарплаты. Но “недостойные” (подавляющее большинство) не могут даже прокормиться, как бы ни работали. Раньше у нас была “обезличка” людей и труда, а теперь слишком “переличка”. Один получает 4000 рублей зарплаты, а другой 250. Как можно жить на 250 рублей? Но ведь “дешевый” человек тоже человек. Он работает и хочет есть. У него тоже есть дети. И они тоже хотят есть»³³.

Благополучие людей зависело далеко не только от денег. В основном люди жили на талонах, на получение которых нужно было доказывать свое право, предоставляя чиновникам те или иные документы. Поэтому каждый зависел от работодателей или от бюрократов, которые могли выдать соответствующие талоны. Те, кто не мог доказать какие-либо из своих прав, толпились на рынках и железнодорожных станциях, пытаясь продать какие-нибудь жалкие пожитки или ждать, не подвернется ли случай чего-нибудь украсть.

Мелкие кражи стали обыденным явлением, и бывшие солдаты, сохранившие оружие, были теперь в более выгодном положении. Когда один демобилизованный солдат обратился за восстановлением потерянного партийного билета, расследование установило,

что он потерял его во время вооруженного ограбления в поезде! Напротив, как сообщали из Саратова, в октябре 1945 г. один офицер, приехавший прямо из Берлина и прошедший всю войну, был убит на центральной улице ударом ножа в спину. Люди писали в газеты, жалуясь, что «банды разбойников безнаказанно царят на улицах и терроризируют население. С наступлением темноты граждане боятся выходить на улицу. Рабочие не выходят на работу в вечернюю и ночную смены. Партийные пропагандисты не могут ходить по домам. В некоторых городах (Саратов, Архангельск и др.) пустуют театры и кинотеатры, отменяются важные политические и культурные мероприятия»³⁴.

Многие солдаты-фронтовики, вернувшись, находили свой дом разрушенным, а семью распавшейся или рассеянной по стране. Некоторые жены не выдерживали долгой разлуки и сходились с другими мужчинами. Жизнь оказывалась разбитой, и ничем помочь уже было нельзя. Все это было неизбежным следствием войны, и во всех воевавших странах возвращавшиеся с фронта солдаты сталкивались с похожими горькими ситуациями. Хуже всего было то, что они испытывали страшное потрясение, видя, что качества, выше всего ценившиеся на войне, — мужество, храбрость, решительность, преданность товарищам — дома никому не были нужны и никак не помогают в попытках получить помощь от гражданских чиновников. Бывший фронтовик Алексей Тарасов, вернувшись в Москву, обнаружил, что всю его мебель распродали, а жену с детьми выселили из квартиры и они жили в чьей-то ванной. Когда он написал в свой заводской комитет и попросил пальто для жены и одежду для старшей дочери, ему выписали пару женских ботинок. Когда его дочь пригласили на празднование 28-й годовщины Красной армии, она расплакалась, потому что ей нечего было надеть. В феврале 1946 г., разуверившись в местных властях, Тарасов обратился на самый верх. Он написал Молотову, попросив у него помощи. Это помогло: Молотов дал указание наркомупромышленности А.В. Любимову разобраться и помочь³⁵. Местное начальство было беспомощным или просто ничего не желало делать, и только обращение на самый верх давало результаты — и такая система еще долго существовала после войны. За время войны партийно-государственная элита укрепила свое влияние в обществе и не собиралась сдавать своих позиций после победы. Возможно, самым ужасным было отношение к солдатам, ставшим полными инвалидами во время боевых действий. Этим людям давали инвалидность

первой категории, но если учесть общую экономическую ситуацию, то получаемые ими пособия были более чем скромными. В Москве студенты-инвалиды жили в неотапливаемых переполненных общежитиях вместе со всеми другими студентами и должны были добираться до учебы трамваями и автобусами. В апреле 1946 г. два таких студента не выдержали и покончили жизнь самоубийством. В октябре 1948 г. генеральный прокурор СССР докладывал, что предприятия не выполняют своих обязанностей по выделению квот на рабочие места для инвалидов или созданию для них условий для производительного труда. Что же до самих искалеченных, то им ничего не оставалось, как горбиться на уличных углах или у входов на рынки, попрошайничая или торгуя какой-нибудь мелочью. Однако в 1947 г. вездесущие нищие разом исчезли, их собрали и отправили в «специальные колонии» на север³⁶.

Когда, наконец, в 1956 г. разрешили создать Советский комитет ветеранов войны, среди немедленно поднятых им вопросов было плохое отношение к тем, кто полностью потерял на войне здоровье. Один выступающий на первом заседании секции фронтовиков сказал, что видел старого солдата-инвалида, который пришел за помощью в райком партии в Ленинграде, его прогнали со словами: «Много вас таких здесь ходит». Выступавший посетовал, что несколько раз писал по этому поводу Жукову, но никакого ответа не получил. Когда он пришел на прием в Министерство обороны, от него отмахнулись³⁷.

Людей, жаловавшихся на невнимание бюрократов, могли обвинить в «клевете на советскую власть и партийные органы» или в проведении «антипартийной линии». Как высказывался в письме, отправленном в ЦК партии, один руководящий работник угольной промышленности, большинство партийных, профсоюзных, экономических организаций считали внутренние проблемы «второстепенными». «Во время войны руководители привыкли работать с военнопленными, репатриантами, интернированными, заключенными, мобилизованными... и продолжают относиться к рабочим, как будто они люди под военной охраной»³⁸. Победив в великой войне, номенклатурный правящий класс укреплял свои позиции и выстраивал новые пирамиды зависимых отношений «патрон—клиент». Привычка навешивать ярлыки, командовать, угрожать, миловать и казнить, жаловать или отнимать блага помогала ему укреплять свое господство.

ДЕРЕВНЯ ПОСЛЕ 1945 г.

Нигде последствия войны и последующего вооруженного мира не были столь длительными и до такой степени удручающе кричащими, как в деревнях. Когда закончилась война, очень многие надеялись, что колхозы будут распущены. В Псковской области одного партийного работника спросили: «Скоро ли распустят колхозы? Если бы их не было, мы бы жили лучше и приносили бы больше выгоды государству». Сообщалось, что в Пензенской области крестьяне говорили: «Настоящая победа придет тогда, когда распустят колхозы, потому что положение там безнадежное. Люди получают по сто граммов зерна на трудодень. Союзники заставят [наших руководителей] покончить с колхозами»³⁹.

Вопреки их надеждам, колхозы не только остались, но было покончено с относительной свободой торговли сельскохозяйственными продуктами, получившей некоторые послабления во время войны. От колхозников требовали производить большие добровольные поставки государству — и не только из коллективного сектора (как во время войны), но еще и с приусадебных участков, за эти «пожертвования» платили очень мало, цены иногда были ниже себестоимости. В мае 1946 г. из Пензы поступила такая жалоба: «Мы пошли воевать, чтобы наша жизнь стала лучше, но она, наоборот, становится все хуже. Теперь с нас требуют налоги [т.е. обязательные поставки. — *Дж.Х.*] в два раза больше, чем мы платили во время войны». Из Рязанской области: «Жить в Коростово невозможно, потому что обкладывают очень высокими налогами: 300 литров молока, 40 килограммов мяса, 75 яиц, да еще 1500 рублей. Где я все это добуду, когда я сам едва жив и ем один крахмал. Мы все голодаем, ходим босые и полуголые». Из Ставрополя в июне 1946 г.: «Солдаты возвращаются из армии, но скоро уезжают снова. Так что работать могут только дети, и они голодные. Для тех, кто работает в степи, нет обеда, и женщины отказываются идти в поле. Работает одна вторая бригада, остальные поля заросли сорняками»⁴⁰.

Поэт Ольга Берггольц ездила в мае 1949 г. в деревню в Новгородскую область и записала в дневнике: «Весенний сев превратился в тяжелый, почти принудительный труд. Власти хотят быстро вспахать большие площади, но пахать нечем. 14 лошадей на 240 хозяйств и всего два трактора. Поэтому женщины руками, с мотыгами и лопатами, вскапывают поле под пшеницу»⁴¹.

Сельских жителей также время от времени заставляли выполнять тяжелые физические работы — валить лес, ремонтировать дороги, добывать торф. Как и до войны, колхозникам платили по трудодням и то лишь после того, как колхоз расплатится по всем своим финансовым обязательствам — заплатит налоги, произведет обязательные поставки, погасит долги в госбанке. Ряд колхозов платили своим членам очень мало или вовсе ничего. В то же время цены на товары, которые сельские жители покупали в магазинах, росли. По драконовскому закону от июня 1948 г. любой колхозник, «злостно уклоняющийся от работы и ведущий антиобщественный, паразитический образ жизни», должен был высылаться в «отдаленные области». К 1953 г. около 33 тыс. человек постигла именно эта судьба, среди них были старики, инвалиды, даже подростки⁴².

В 1946—1947 гг. оставленное войной разорение усугубилось неурожаем, после которого начался голод, сильнее всего ударивший по зернопроизводящим областям. Например, Калужский обком партии докладывал, что «колхозница Царева Евдокия, муж которой погиб на фронте и у которой трое детей, заработала 300 трудодней, но не получила [по ним] зерна. У нее нет скота и закончился хлеб и картофель. Она с детьми болеет от недоедания». Такие же сцены наблюдались на обширных территориях России и Украины. Ведущий историк голода подсчитал, что в СССР недоедало до 100 млн человек, 2 млн по этой причине преждевременно умерли (из них по меньшей мере полмиллиона в России) и около 2 млн на долгое время потеряли трудоспособность из-за употребления в пищу вредных суррогатов⁴³.

Те, кто мог, покидали деревню. Мужчины, которым посчастливилось вернуться с войны живыми, часто перебирались в другие места, даже не приезжая домой в деревню. Они не только не создавали новых хозяйств мирного времени, но оставляли те, в которых до этого жили. Между 1945 и 1958 гг. число хозяйств в колхозах сократилось на 20%, а в северных и нечерноземных областях — на 25—30%. Между 1950 и 1958 гг. в этих областях число активных мужчин сократилось с 1,9 до 1,7 млн, а число женщин — с 3,9 до 2,7 млн, так что избыток женского населения сократился незначительно. Число пожилых людей осталось на прежнем уровне — 1,9—2 млн, но число подростков 12—15 лет резко упало, от 1,2 млн до 500 тыс., что создавало тяжелую угрозу будущему. Это объяснялось тем, что в этом возрасте молодые люди уезжают для получе-

ния среднего и профессионального образования, получив которое обратно в деревню возвращались немногие. Нехватка молодых людей привела к сокращению числа детей, с 3,5 до 2,5 млн⁴⁴.

ПОМИНОВЕНИЕ ВОЙНЫ

Вопрос о том, сколько советских граждан погибло в результате войны, долгое время оставался настоящим табу. Эту цифру было довольно трудно подсчитать и крайне мучительно осмыслить. Советские вожди, чьи ошибки отчасти были причиной таких масштабных потерь, предпочитали не пытаться вести подсчеты. Как-то однажды Хрущев упомянул «20 миллионов», но при этом заметил, что «никто не считал». Только с кончиной Советского Союза стало возможным произвести более основательные подсчеты. Теперь число убитых в боевых действиях или умерших в результате вызванных войной голода или болезней принято исчислять цифрой около 27 млн, которая неизбежно включает тех, кто умер от рук советских органов, например, в трудовых лагерях. Из них приблизительно 8,7 млн пали в боях. Полные демографические потери для Советского Союза были даже намного значительнее. Поскольку высокий процент погибших составили молодые люди в детородном возрасте, послевоенное население Советского Союза было на 45—50 млн человек меньше, чем прогнозы на период после 1939 г. (178,5 млн в 1950 г. вместо ожидавшихся 225—230 млн). Доля русских, украинцев и белорусов в этих «теневых» демографических потерях была непропорционально велика⁴⁵.

Дело было не только в абсолютной величине потерь. Произошло искажение гендерной структуры, что было связано с диспропорцией между числом мужчин и женщин. В 1959 г. (когда проводилась первая послевоенная перепись населения) на каждую тысячу женщин приходилось 825 мужчин (в РСФСР — 814). Для некоторых возрастных групп это расхождение было еще большим. Из каждых 1000 человек в возрасте 35—39 лет (в 1941 г. им было 17—21 год) 385 были мужчинами и 615 женщинами. В группе 40—44 года (соответственно 22—26 лет) данные цифры составляли 401 и 599, в группе 45—49 лет (27—31 год) мужчины составляли 399 человек, женщины — 601, в группе 50—54 лет (32—36 лет) цифры были — 381 и 619. В целом 600—700 мужчин в возрасте 30—50 лет приходилось на каждую тысячу женщин того же возраста. Для многих женщин та-

кой разрыв означал, что они не смогут иметь детей или будут воспитывать ребенка без партнера-мужчины. Детям это сулило безотцовщину. «Новый Социалистический Человек... воспитывался легионом бабушек», что привело к тому, что многие дети получили более архаично-традиционное воспитание, чем это было бы в «нормальной» семье⁴⁶. Это обстоятельство помогает пролить свет на то, что моральный облик советских граждан, детство которых пришлось на 1940—1950 гг., как правило, был традиционным и вовсе не революционным. Члены семьи оказывались разбросанными друг от друга на большие расстояния, и это осложнялось разрывом в последовательности поколений внутри семьи и отсутствием для многих детей модели мужского поведения. Этот фактор помогает объяснить беспрецедентно непрочную семейную жизнь русских в последние десятилетия советской власти, а следовательно, и демографический спад в РСФСР.

Гибель такого количества людей не могла не задеть большинство советских семей. Почти все, пережившие эти страшные времена, оплакивали кого-нибудь из близких. Кто-то погиб, кто-то остался инвалидом. И все же режим целенаправленно создавал препоны на пути культивирования памяти. Русское и советское национальное самосознание, наверное, лучше всего было бы поддерживать общественными мероприятиями и празднованиями, учреждением торжественных ритуалов в память колоссальных потерь. На практике же все происходило наоборот. 9 мая 1947 г. — День Победы сделали обычным рабочим днем, и так продолжалось до 1964 г. Более того, в записке Сталина от 1946 г. рекомендовалось не публиковать военных мемуаров, поскольку прошло слишком мало времени, чтобы объективно судить о войне. (Словно функция воспоминаний состоит в том, чтобы быть объективными!) Возможно, он опасался, что мемуары отвлекут внимание от его роли как гениального вождя обезличенной машины побед, т.е. образа, который он в то время конструировал. «Совет» Сталина был, конечно, приказом к неукоснительному исполнению, и военные мемуары оставались под запретом, во всяком случае до периода, последовавшего после его смерти⁴⁷.

Разрешались и даже поощрялись праздничные церемонии в виде военных парадов. Но до 1956 г. создание ветеранских организаций сдерживалось, причем даже на высоком уровне. В мае 1945 г. С.А. Лозовский, руководитель Совинформбюро, предложил учредить две элитные ветеранские организации, одну — Совет марша-

лов под председательством Сталина, и вторую Общество Героев Советского Союза. Его предложение не приняли. Даже на таком «августейшем» уровне Сталин не был склонен поощрять собрания людей, которые могли бы критиковать его между собой. А в самых нижних слоях общества такие организации были просто невымыслимы. Ветераны встречались неофициально, чтобы утопить свои печали в кафе и пивных, которые тогда называли «Голубыми Дунаями». Писатель Эммануил Казакевич записал в своем дневнике 9 мая 1950 г.: «День Победы... Зашел в пивную. Два инвалида войны и водопроводчик пили пиво и вспоминали войну. Один из них заплакал, а потом сказал: “Если будет еще война, я снова пойду добровольцем”»⁴⁸.

ВСЕСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ

С окончанием войны цели и характер славянского движения радикально изменились. Представители различных славянских народов вернулись к себе на родину и стали там влиятельными фигурами, филиалы Всеславянского комитета в этих странах стали более самостоятельными, и советским вождям сделалось труднее следить за ними и тем более руководить ими.

Эта децентрализация поставила руководителей Комитета в сложное положение. Они всегда с тяжелым чувством понимали, что можно испортить дело, обращаясь к словацким партизанам или канадским духоборам дубовым языком советской бюрократии, и что каждая аудитория требует своего особого подхода. Но они мало что могли с этим поделать, поскольку каждый подготовленный ими к отправке документ должен был получить одобрение наверху. Теперь война закончилась, но цензура не ослабла, наоборот, она ужесточилась. Выговаривая корреспонденту Совинформбюро за вольности в интерпретировании советской внешней политики, Лозовский стал объяснять: «Мы не можем выступать в прессе так, как делают в английской прессе журналисты, ученые и политические деятели, они излагают свои личные взгляды на международную политику. Это не наш путь, мы не можем так делать». Говоря о том, что «мы не можем так делать», он имел в виду, конечно же, политическую линию и цензуру. Секретарь Всеславянского комитета В.В. Мочалов позволил себе прокомментировать эту ситуацию колоритной смешанной метафорой: «Если нам поручили работу,

дайте нам заниматься ею. Если мы не туда наступили, поправьте нас, но держать нас за фалды и не давать никуда двигаться — это невыносимо»⁴⁹.

Руководители Комитета намеревались провести в Белграде в мае 1946 г. Всеславянский конгресс, чтобы обсудить различия в подходах и разногласия, которые во все большей степени мешали их работе. Конгресс отложили из-за того, что советская делегация посчитала, что ей не предоставили достаточно сильных позиций в оргкомитете. В конце концов конгресс собрался в декабре 1946 г. Сразу же проявились трудности в отношениях между советской и остальными делегациями. Большинство представителей других стран хотели возродить и восславить свою культуру и утвердить свою политическую автономию, а советские участники имели в виду более единый и дисциплинированный подход, который должен был способствовать поддержанию мира и усилению социалистического блока.

В течение следующего года с ужесточением холодной войны все эти разногласия вышли на поверхность. Было условлено, что второй конгресс будет проведен в Праге в июне 1948 г. Советский славянский комитет поначалу поддержал это решение, но потом решил пересмотреть свою позицию, поскольку становилось очевидным, что чехи планируют воспользоваться случаем и отпраздновать столетие первого Славянского конгресса, состоявшегося также в Праге в июне 1848 г. В СССР не имели желания вспоминать националистические апофеозы прошлого, наоборот, здесь стремились стимулировать будущее развитие социалистической международной солидарности. На подготовительной встрече летом 1947 г. советская делегация настаивала на том, что конгресс «не должен оглядываться назад, он должен быть посвящен настоящему и будущему и должен вооружить славянские народы для борьбы за жгучие вопросы современности, против опасности возрождения фашизма и против тех, кто захочет развязать новую войну»⁵⁰. Советская делегация оказала сильное давление на чешскую делегацию с целью отложить конгресс на конец 1948 г., чтобы он больше не выглядел преимущественно как празднование столетия конгресса 1848 г.

Конгрессу не было суждено собраться. Внутри движения произошел фатальный глубокий раскол. Югославию исключили из Коминформа, преемника Коминтерна. Это было первым недвусмысленным признаком того, что деспотическая природа русско-советского империализма подрывала солидарность стран его же

внешней империи. Раскол произошел в связи с тем, что югославский лидер маршал Тито пожелал осуществить более масштабный план промышленного развития и коллективизации сельского хозяйства, чем Сталин посчитал целесообразным. Югославские коммунисты, освободив свою страну собственными силами, не хотели следовать советской линии так же покорно, как большинство их восточноевропейских коллег. Этот разрыв оказался смертельным ударом по идее славянской солидарности. Фронты холодной войны сформировались, и Югославия оказалась не на той стороне. Одно из главных славянских государств теперь было во вражеском стане. Если судить по этому же признаку, то несколько неславянских наций встали на «правильную» сторону фронта: Албания, Венгрия, Румыния. Разделительная линия конфликта для холодной войны характеризовалась социально-экономическими и политическими, а не этническими признаками. Панславизм теперь утратил актуальность. Интернациональный Всеславянский комитет атрофировался, и в 1949 г. в ряде функций его заменил Совет экономической взаимопомощи. Советский Славянский комитет сократили и численно, и по бюджету, и он стал фактически подразделением советского Движения сторонников мира⁵¹.

Судьба Всеславянского комитета еще раз показывает, что социальные и общественные инициативы, которые поддерживались Советским Союзом, имели целью исключительно защиту и лоббирование интересов СССР как великой державы. Как только деятельность комитета столкнулась с этой предопределенностью, он тут же потерял свое значение. Пропась между советскими гражданами и эмигрантами сделалась еще глубже, чем до войны. Между русскими эмигрантами или эмигрантами-украинцами и их соотечественниками в Советском Союзе не устанавливались обоюдные контакты, как те, которые существовали между израильтянами и евреями в диаспорах или, например, даже при коммунистической власти между китайскими эмигрантами и жителями Китайской Народной Республики. Русские не чувствовали, что существует некое всемирное сообщество русских, независимое от политического режима.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

К концу войны Сталин вынашивал самые амбициозные планы в отношении Русской православной церкви. Как всегда, они пред-

полагали усиление образа Советского Союза как великой державы. Есть материалы, говорящие о том, что он видел церковь главой всех православных церквей и средоточием истинной веры для православных верующих всего мира. Ликвидировав Коммунистический интернационал, Сталин теперь намеревался создать своего рода Православный интернационал во главе с патриархом Московским как соперником Ватикана. По его концепции, такой церковный интернационал усилил бы позиции Советского Союза, особенно в Восточной Европе и на Ближнем Востоке.

Процесс начался с упразднения униатской церкви на территориях Украины и Белоруссии, которые были аннексированы в 1939 г. «Журнал Московской Патриархии» отметил это событие как окончательное поражение «полонизации и латинизации», являвшихся там господствующими тенденциями еще с XVI столетия. Русская церковь «продемонстрировала свою универсальную миссию, воссоединив весь православный мир и все славянские народы под общим церковным и национальным покровом, как с самого начала задумали бессмертные святые Кирилл и Мефодий. “Москва — Третий Рим” остается символом этой универсальной всеобъемлющей концепции, противовесом папству с его стремлением к духовной тирании, епископальной аристократии и его маниакальным мечтам о власти над миром»⁵².

В январе—феврале 1945 г., всего лишь во второй раз после 1700 г. в Москве собрался Поместный собор русской церкви, на нем присутствовало несколько иерархов зарубежных православных церквей. Поскольку патриарх Сергей к этому времени умер, главной задачей собора было избрание его преемника, митрополита Ленинградского Алексия (Симанского). Сталин позаботился о том, чтобы мероприятие был щедро профинансировано: для встречи зарубежных иерархов, прибывающих на Собор, было выделено 65 м шелка на драпировки и 35 м коврового покрытия. Из Государственного исторического музея возвратили церковные ценности, иностранным гостям преподнесли дорогие подарки. Было сделано все, чтобы произвести на делегатов впечатление и дать им почувствовать, какое положение занимает Русская православная церковь в СССР и какой поддержкой своего правительства она пользуется⁵³.

После собора архиереи Русской православной церкви посетили своих коллег на Балканах и Ближнем Востоке, а патриарх Алексий I прислал приглашения на консультации о проведении в 1947 г. Все-православного предсоборного совещания. Митрополит Крутицкий

Николай (Ярушевич) посетил церковных иерархов на Балканах и Ближнем Востоке, чтобы заручиться их поддержкой, иногда сопровождая свою просьбу деньгами. Поначалу дело шло исключительно успешно. Карловицкая церковь утратила влияние среди эмигрантов из-за того, что оказала поддержку Гитлеру. Кроме того, Николай обладал даром располагать к себе собеседников, убеждать их и своей эрудицией покори́л многих сомневающихся⁵⁴.

Консультации о примирении должны были снять противоречия, такие как церковный календарь, дата Пасхи, отношения с другими христианскими конфессиями. Таким образом готовилась почва для международной встречи на высшем уровне — Вселенского собора православной церкви. Однако к 1947 г. стала разворачиваться холодная война; Ватикан и американские протестантские церкви также активизировали свои дипломатические усилия. Приглашение Алексея I приняли только церкви «стран народной демократии». Патриархи Иерусалимский и Александрийский отклонили приглашение, сославшись на то, что консультации лучше было бы проводить в Иерусалиме или на горе Афон, «где мы были бы свободны от великой суеты земной жизни, от любого политического влияния или давления». Архиепископ Кипрский Леонтий, вероятно намеренно, предпочел не понять приглашения и ответил, что приехал бы, если бы его пригласили уже на Вселенский собор, который, как он возразил, может быть собран только Константинопольским Вселенским Патриархом⁵⁵.

Подлинной консультативной встречи, не говоря уже о Вселенском соборе, не получилось. Фактически, церковь подвела Сталина, и отныне он обращался с ней с меньшим почтением, сохраняя ее в резерве в качестве вспомогательного орудия международной дипломатии. Начиная с осени 1947 г. было открыто очень немного приходов, а после марта 1948 г. — вообще ни одного. А некоторые церкви, открытые немецкими оккупационными властями, были снова закрыты. Местный Совет мог заявить, что срочно требуются помещения для хранения зерна или иных целей; в результате в некоторых случаях немедленно следовавшее закрытие церковей проводилось во время службы, в грубой и оскорбительной для верующих форме⁵⁶.

Даже там, где церкви все же открыли, на их деятельность были наложены строгие ограничения. Главным их занятием должны были быть еженедельные службы в утвержденном местными властями здании. Им позволялось собирать прихожан на молитву ко-

локольным звоном, но на деле очень немногие церкви имели колокола после массового разграбления в прошлые годы, а отливать новые из металлолома запрещалось. Во всех других отношениях запреты, наложенные постановлением о религиозных объединениях 1929 г., остались в силе. После 1948 г. публичные религиозные ритуалы были ограничены непосредственной близостью к церкви⁵⁷.

У власти были основания для беспокойства. Религиозные чувства бурно проявлялись среди значительного числа русских, украинцев, белорусов, особенно в западных областях, находившихся до 1939 г. под властью поляков, а затем оккупированных немцами. Религиозная активность наблюдалась и в других местах. В 1946 г. Совет по делам Русской православной церкви сообщал, что в Сталинграде на Пасху около 8 тыс. верующих пытались попасть на службу в одну из церквей и по 6 тыс. в две другие. В Ульяновске на праздник Николая Чудотворца собралось около 10 тыс. верующих, и все они участвовали в массовой молитве перед его иконой. В Калининской области сельское население отмечало религиозные праздники вне зависимости от того, имеется ли поблизости открытая церковь или нет; в деревне Оковцы церкви не было, и верующие собрались у святого источника, чтобы вместе помолиться. Сообщалось, что в Кировской области священники выходили на поля для проведения молебна о даровании дождя, а в Псковской области священники зарабатывали деньги, совершая обход по приходам, где не было церкви, и совершая по просьбе верующих требы. Светские власти позволяли себе использовать эти чувства населения. В Днепропетровской области они даже попросили священников в проповедях перед крестьянами подчеркивать богоугодность трудолюбия и охраны коллективной собственности, а в нескольких областях обычным делом стало просить церковь о помощи больным и инвалидам⁵⁸.

Часто мотивом для проявления религиозных чувств была скорбь по тем, кто не вернулся с войны. В городе Кимры Калининской области слепой пел на улице, и многие люди подавали ему деньги, чтобы он сходил в церковь и помянул их родственников, которые погибли или числились без вести пропавшими. В Новосибирской области вернувшийся с войны военный моряк в возрасте 21 года принял крещение, потому что его корабль подорвался на mine, все его товарищи погибли, а он, держась на воде, поклялся креститься, если выживет⁵⁹.

Совет по делам Русской православной церкви получал множество обращений с просьбами открыть церкви. Часто какая-нибудь инициативная группа верующих в ожидании ответа занимала пустующее церковное здание и там без разрешения властей начинали служить Божественные литургии. В Центральной России к 1948 г. действовало, вероятно, в два-три раза больше неофициальных православных молитвенных домов, чем легально функционировавших церквей. В деревне Рязанцы Московской области жители заявили, что бросят работать в колхозе, если у них в деревне не откроют церкви, а в деревне под Волоколамском угрожали написать в иностранное посольство и рассказать правду о «свободе религии» в СССР⁶⁰.

Председатель Совета по делам церкви Г.Г. Карпов предупреждал правительство, что отказ в открытии приходов только стимулирует религиозный фанатизм и тем самым играет на руку врагам советской власти. Он предложил передать право принятия решения об открытии церквей от местных властей его Совету, но получил отказ⁶¹.

Дело дошло до того, что сами высшие церковные иерархи стали беспокоиться по поводу ничем не сдерживаемого возрождения религиозной жизни и реакции на это склонных к восторженности малообразованных священников. Когда в 1947 г. архиепископ Лука попробовал организовать воскресную школу в Тамбовской епархии, патриарх Алексей написал ему: «Предположим, что случится невероятное и воскресные школы будут открыты, сколько же поводов будет у них обвинять нас в контрреволюционном уклоне и антисоветской деятельности и т.д.! Сколько будет новых жертв! Так уж лучше не ввергать слуг Господних в эту опасность»⁶².

Опасности, которые таились в массовой религиозности для отношений церкви и государства, были продемонстрированы в Саратове во время празднования Крещения в 1949 г. В крестном ходе вокруг собора приняли участие около 10 тыс. человек, они спустились к набережной Волги, чтобы отпраздновать Крещение Христа в реке Иордан и получить благодать от погруженного в воду Креста. Несколько сотен человек не удовольствовались этим формальным обрядом и после службы, прорвав милицейский кордон, бросились в реку, чтобы полностью окунуться в воду и в такой архаичной форме получить благодать. Подобные массовые несанкционированные религиозные спектакли были именно тем, что вызывало у властей аллергию. Карпов пытался защитить церковные

власти. «Такие погружения, — объяснял он, — не представляют собой религиозный ритуал. Наоборот, как указывает помощник патриарха митрополит Николай, это древний, возможно, языческий обряд, во всяком случае, ему следуют неисправимые фанатики. Священники не поощряют таких купаний... Такое нарушение общественного порядка должны были пресечь местные органы власти». В «Правде» напечатали фельетон «Саратовские купанья», и Патриарх сделал местным священникам выговор за то, что те не предвидели и не предотвратили подобные беспорядки. Он запретил впредь проводить «богомолья к реке Иордан» и повелел, чтобы в будущем Крещение праздновалось в помещении церквей⁶³.

Так церковь и государство сотрудничали в сдерживании несанкционированной религиозной деятельности. «Удовлетворение религиозных потребностей» отныне должно было быть отделено от остальной социальной жизни, как будто церковь была герметично изолированным помещением, где наркоманы могут втайне отдаваться своей страсти. Не разрешалась никакая социальная активность, церковь не имела права вести благотворительной или образовательной деятельности, на которой зиждется братство прихожан. Церковь не должна была претендовать на активную роль в общественном процессе, и в богослужении могли участвовать только взрослые граждане, специально зарегистрированные и давшие на это свое личное согласие. Вряд ли можно преувеличить значение такого ограничения для общинной жизни православных верующих. Церковь, не имеющая гражданского измерения, не может питать духовную жизнь общины и не может поддерживать и развивать национальное самосознание, даже настолько тесно связанная с понятием нации, как православная церковь.

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

В 1949—1951 гг. в Ленинграде прошла чистка, затронувшая около 2 тыс. руководящих работников и ликвидировавшая все партийно-государственное руководство Ленинграда. Чисток такого масштаба не проводилось за весь период после 1945 г. В целом около 220 ведущих работников были осуждены и приговорены к смерти или различным срокам тюремного заключения. Первопричина этой чистки до сих пор остается неясной, хотя многие комментаторы связывают ее с попыткой Берии и Молотова вернуть себе

позиции, которые они временно уступили Жданову и А.А. Кузнецову — ленинградским партийным секретарям, соответственно во время и после войны⁶⁴.

У Сталина были все основания с подозрением воспринимать любой намек на тревожную ситуацию в Ленинграде. У города были собственные революционные традиции, в 1920-х гг. он уже был центром партийной оппозиции, а значительную часть войны был отрезан от остального СССР и теперь окружен своим собственным героическим ореолом.

Но дело не только в этом. Много лет спустя Молотов вспоминал, что в «ленинградском деле» был «намек на русский национализм», хотя он связывал это главным образом с идеей, одобренной Н.А. Вознесенским (председателем Госплана и заместителем председателя Совета министров СССР) относительно проведения Русской торговой ярмарки в Ленинграде по образу и подобию ярмарок, проводившихся в Нижнем Новгороде до 1914 г. Поскольку Жданов был первым секретарем обкома партии в Горьком (Нижнем Новгороде) до перехода в Ленинград, возможно, именно он выдвинул этот план. По словам Молотова, горьковские и ленинградские партийные руководители собрались вместе и разработали эту идею, не посоветовавшись со Сталиным. Берия донес на них Сталину, и тот пришел в ярость⁶⁵.

Более вероятно, что объяснение жестокости «ленинградского дела» лежит намного глубже, чем споры вокруг ярмарки. В обвинительном заключении, зачитанном главным военным прокурором в сентябре 1950 г. на суде, говорилось, что П.Г. Лазутин (бывший секретарь Ленинградского обкома партии) сказал: «Продемонстрировав шовинистические взгляды, Кузнецов, Попков [бывший председатель исполкома Ленинградского городского совета. — Дж.Х.], Капустин [второй секретарь Ленинградского обкома] и я клеветнически заявляли, что Центральный Комитет не уделяет достаточного внимания РСФСР и больше внимания уделяет другим республикам СССР». Говорили, что Кузнецов выступал даже еще более определенно: «Мы несколько раз с вражеских позиций обсуждали необходимость создания Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) и желательности переноса столицы РСФСР в Ленинград. В личных беседах Попков и Капустин называли меня будущим секретарем РКП(б), и я уже представлял себя лидером коммунистов Российской Федерации»⁶⁶.

Вот в этом, вероятно, и заключалась суть дела. Если ленинградцы всерьез предлагали план создания Российской коммунистической партии или перенос столицы России в Ленинград (с оставлением столицы СССР в Москве), то это означало, что они предлагали структурную революцию внутри партийного аппарата, против чего решительно выступали и Ленин, и Сталин. Если бы Россия получила серьезный институционный статус в составе Советского государства и (особенно) в коммунистической партии, тогда бы это не могло не создать угрозы высшему эшелону советского руководства. (И действительно, когда случилось и то и другое, то это прозвучало как ясный сигнал о приближении конца Советского Союза.)

Нужно сказать, что из 37 страниц обвинительного заключения тема потенциального создания Российской коммунистической партии занимала лишь полторы страницы, и впоследствии новых документальных доказательств того, что эти планы обсуждались всерьез, опубликовано практически не было⁶⁷. Большинство доказательств в обвинительном заключении касалось других вопросов: создание «антипартийной группы», «неуважение к центральным партийным и советским органам», критика их решений и заговор с целью сделать Вознесенского советским премьер-министром. Говорилось также, что обвиняемые расставили своих ставленников на ключевых позициях в Ленинграде и других местах РСФСР и подчиняли их себе с помощью взяток, обмана и насилия. Многие обвинения касались коррупции и семейственности среди ленинградского партийного и советского аппаратов — устройства «банкетов» и «коллективных пооек», в то время как Ленинград голодал, получения дорогостоящих краденых предметов (в одном случае речь шла о серебряном потире), растраты городских средств и строительства роскошных личных дач. Указывалось, что Вознесенский прикрывал все эти безобразия, передавал Ленинграду фонды, предназначенные для других целей, «практиковал кумовство и круговую поруку в Госплане СССР и поощрял бесчестный подход к главной функции планирования национальной экономики»⁶⁸.

Это значит, что одним из главных компонентов «ленинградского дела» было бюрократическое соперничество. И все-таки нельзя списать чистку только на это. Поведение, в котором обвинялось ленинградское руководство, было абсолютно нормальным для номенклатурной элиты этого времени и после победы в войне стало еще более неприкрытым и самоуверенным. Как правило,

Сталин смотрел на это сквозь пальцы, поскольку такая ситуация позволяла ему легче манипулировать кадрами в своих интересах. Однако положение, сложившееся в Ленинграде, грозило более серьезными последствиями. Если бы Ленинград сделался центром сети «патрон—клиент», то это могло бы охватить всю РСФСР, что создало бы существенную угрозу вождям СССР и ЦК партии. Сталин, не хотевший выпускать из рук абсолютного контроля над высшим руководящим составом, должен был считать одну только возможность этого очень серьезной угрозой, даже если дело дальше ничего не значивших разговоров не пошло⁶⁹.

Более того, есть достоверные свидетельства, что партийные руководители в Ленинграде действительно думали о повышении статуса России. Разрыв между мнимым положением русского народа как «старшего брата» и вечной неприглядной нищетой малых городов и сел в РСФСР был настолько разительным, что замалчивать это, развертывая прорусскую пропагандистскую кампанию тех лет, было невозможно. По словам Н.С. Хрущева, Жданов поднимал этот вопрос в разговоре с ним после войны. Каждая республика, говорил он, имеет свой ЦК, который может консультироваться с областными и низовыми партийными организациями и выходит во Всесоюзный ЦК или Совет министров СССР с предложениями по экономическим, политическим или культурным вопросам. Только российская партийная организация не имеет своего ЦК, и в результате «каждая область варится в собственном соку», не имея соответствующего статуса, чтобы выходить на такой высокий уровень.

Хрущев согласился с ним: «Правильно. Российская Федерация находится в невыгодном положении, и в результате страдают ее интересы». С другой стороны, он напомнил, что Ленин предупреждал: если Российская Федерация будет иметь свой Центральный комитет, то станет довлеть над другими благодаря тому весу, который имеет русское население, промышленность и сельское хозяйство. «Одновременно у нас было бы в Москве два Центральных комитета: один межреспубликанский, другой для РСФСР». Для того чтобы избежать разрушительного соперничества наверху, Жданов предложил создать не отдельную Российскую коммунистическую партию, а Российское бюро при ЦК Всесоюзной коммунистической партии, вроде того, которое существовало в 1930-х гг.⁷⁰

Что касается Хрущева, то дело так и не двинулось дальше этого разговора, поскольку Жданов вскоре умер, и лишь много лет спустя он снова услышал от Маленкова и Берии о «русском наци-

анализе». Однако открытое предложение о создании Российского бюро все-таки было сделано. И внес его не Жданов, а его протеже (тоже из Горького), М.И. Родионов, в то время председатель Совета министров РСФСР. В письме Сталину от 27 сентября 1947 г. он вышел с предложением, которое назвал «необходимым для предварительного обсуждения проблем РСФСР перед представлением их в Центральный комитет ВКП(б) и союзное правительство». В письме говорилось, что такое бюро позволит местным партийным и советским организациям лучше использовать свои ресурсы для выполнения пятилетних планов, особенно в области городского и дорожного строительства, сельского хозяйства, местной промышленности, образования, культуры и пропаганды⁷¹. Судьба этого предложения неизвестна, но примечательно, что Родионов, несмотря на то что он никак не был связан с Ленинградом, был одним из высокопоставленных руководящих работников, оказавшимся обвиняемым на последовавшем процессе.

Интересно отметить, что Бюро ЦК ВКП(б) по делам РСФСР существовало около года в 1936—1937 г. Судя по материалам архива Бюро, его учредили для того, чтобы улучшить партийное руководство неприоритетными секторами экономики, которые, по общему признанию, находились в плачевном состоянии. За период своего недолгого существования Бюро попыталось наладить работу таких отраслей, как лесная и строительная промышленность, жилищное строительство, производство товаров народного потребления, сельское хозяйство и местная промышленность. Из документов Бюро видно, что оно тонULO в бесконечных препирательствах по поводу того, какое из хозяйственных министерств должно подчиняться ему, а какое должно остаться в ведении Всесоюзного ЦК партии. Возможно, что именно эта малопродуктивная междоусобица и послужила причиной того, что Бюро прекратило свое существование, но в документах эти причины отражения не нашли⁷². Ни на одном этапе своего существования оно не занималось ключевыми проблемами, составлявшими главную заботу руководства страны, такими как общественная безопасность, тяжелая промышленность или вопросы обороны. Похоже, что любому отчетливо русскому органу поручались исключительно второстепенные участки работы.

В свете сказанного наиболее вероятное объяснение раскручивания «ленинградского дела» нужно искать в том, что, по меньшей мере, между ждановскими протеже велись разговоры о возможно-

сти создания Российской коммунистической партии и превращения Ленинграда в столицу России. Эти разговоры, вероятно, нигде не были зафиксированы, но дали повод для использования их на процессе. Важно подчеркнуть: речь шла не об этническом русском национализме, а всего лишь о том, чтобы придать России определенный институционный статус в рамках СССР, а также о том, чтобы усилить авторитет партии, связав ее более явно с российским патриотизмом⁷³.

Важным дополнительным побудительным мотивом для чистки стали тесные связи Жданова и ленинградской партийной организации с руководителями Югославской компартии. В январе 1948 г. югославская делегация, возглавлявшаяся Милованом Джиласом, побывала в Ленинграде, где нашла общий язык с партийным руководством города, от которого получила информацию о внутреннем положении страны. Эта утечка вызвала у Сталина раздражение. Мысль о том, что Ленинград может проводить самостоятельную внешнюю политику, была абсолютной анафемой. Тяжелым поражением для Жданова было исключение Югославии из Коминформа, и собрание, на котором об этом было объявлено, стало последним, на котором он появился на публике. Двумя месяцами позже он умер от сердечного приступа, вызванного отчасти злоупотреблением алкоголем⁷⁴.

Разрыв с Югославией стал еще одним поводом для нападков на Ленинград. Вместе с «неудачей» Русской православной церкви и Всеславянского комитета он означал серьезную утрату советского влияния на Балканах — в регионе традиционных российских интересов — и, несомненно, помог Берии и Маленкову вытеснить своих ленинградских оппонентов из аппарата. Коммунизм в Европе к этому времени продолжал оставаться одним из орудий советских великодержавных притязаний, а русский язык, культура и история стали постоянным инструментом для их реализации, но при этом РСФСР оставалась ущемленной и отстающей в развитии, а русский народ поставлен во многом в менее благоприятные условия, чем остальные народы СССР.

КУЛЬТУРА И НАУКА

К 1948 г. холодная война заняла центральное место в политике Советского государства. Потенциальные клеточки гражданского общества сжались под гнетом возродившегося номенклатурного

господства, и российским имперским национализмом еще раз воспользовались как инструментом державного контроля, и на этот раз в условиях вдвойне неблагоприятного климата, созданного противостоянием великих держав. Как это уже было в конце 1930-х гг., система работала с помощью традиционных русских иерархических сетей «патрон—клиент», но с одним важным отличием. В 1930-х гг. Сталин пытался разрушить эти сети, прибегая к террору, сейчас он проявлял больше сдержанности, так как осознавал фатально разрушительные последствия массового террора. Вместо этого он использовал коррумпированные патронажные схемы в своих собственных целях, чтобы разделять подчиненных и властвовать над ними. Его подручные, тем не менее, также учли уроки и террора 1930-х гг., и только что закончившейся войны. Члены правящей элиты, не только в партийно-государственном аппарате, но и в среде интеллигенции, обрели достаточный опыт и были полны решимости сохранить свои позиции и привилегии и уже умели оказывать верховному вождю некоторое сопротивление. В частности, они научились прибегать к риторике, обязательным разговорам «по-большевистски», чтобы защищать свои сети и где только возможно продвигать свои интересы. Эта система утвердилась в мире советской культуры. В конце 1940-х гг. официальные функции контроля за творческим процессом были переданы главным творческим союзам, где сложились свои сети патронажа. Секретари Союзов писателей, художников и композиторов распределяли блага по своему усмотрению, и в число этих милостей входили издания книг, исполнение музыкальных произведений, студии, квартиры, дачи, «дома творчества», лечение в санаториях и т.д. — все неоценимые для обнищавшего и неуютного послевоенного Советского Союза блага. Они обхаживали партийно-государственных руководителей ради получения большей оплаты, больших тиражей, лучших концертных залов и репетиционных помещений, строительства жилых домов — и даже для того, чтобы добыть качественные гвозди, электролампочки и унитазы для туалетов в этих домах!⁷⁵

Однако новая власть литературных «баронов» подразумевала и новые жертвы. Посредственности боялись подлинных талантов, а в мирное время правда уже не была столь востребована. Относительная культурная свобода, которая казалась необходимой во время войны, была вытеснена становлением новой сети патронажа. Самый тяжелый удар пришелся по Анне Ахматовой и писателю Михаилу Зощенко, которые оба умели с помощью одних лишь язы-

ковых средств противопоставлять высокие цели советской риторики и убогость советской действительности. В августе 1946 г. оба писателя вместе с редакциями журналов «Звезда» и «Ленинград» подверглись нападкам в резолюциях ЦК за «низкопоклонство перед иностранщиной». Зощенко обвинили в проповеди «гнилого идеологического нигилизма... имеющего целью сбить нашу молодежь с пути и отравить ее сознание», Ахматову же заклеили «как пропитанную духом пессимизма, декаданса... и буржуазно-аристократического эстетизма». Ни одного из них не арестовали, но обоих исключили из Союза писателей, а такое наказание было равносильно приговору к гражданской смерти, поскольку они лишались возможности публиковаться и получать продовольственные карточки. Ахматова сожгла большую часть своих рукописей. Обоим пришлось жить впроголодь или зависеть от помощи друзей, среди которых был и Борис Пастернак. Сын Ахматовой Лев Гумилев был повторно арестован⁷⁶.

Остракизму Ахматовой предшествовала замечательная встреча, которая привела ее в восторг, но которой она в то же время приписывала свое последующее развенчание. Поэтессу в ее квартире посетил первый секретарь британского посольства Исайя Берлин. Берлин был русским евреем, родился в Риге в 1909 г., эмигрировал в Англию, где получил известность как ученый, выпустив книгу о Карле Марксе. Приехав в Ленинград, он узнал, что Ахматова, с несколькими стихами которой он был знаком и восхищался ими, жива и проживает в городе. Они просидели за разговорами всю ночь, целых двенадцать часов, он рассказывал ей о западной литературе, об ее друзьях в эмиграции, с которыми она была разлучена более двух десятков лет. Она рассказывала о своей жизни, прочитала две большие неопубликованные работы «Поэма без героя» и «Реквием». Он увидел, что это замечательные произведения, и захотел сразу переписать их. Для Ахматовой его визит стал кратковременным, но чудесным освобождением из интеллектуальной и духовной тюрьмы. С возвращением мирного времени она особенно остро чувствовала утрату восхитительной культурной среды, уничтоженной с началом Первой мировой войны. Как вспоминает Берлин, она говорила ему, что «Ленинград после войны стал для нее не больше, чем кладбище, где покоятся ее друзья». Его появление было для нее космическим явлением, даром Божьим: «В мире, умолкнувшем навеки, / Всего два голоса, твой и мой». В И. Берлине она увидела мир культуры, которого жаждала, она испытала

встречу со своей молодостью и русской культурой эмиграции, от которой была отрезана. Развившееся у нее к этому времени чувство одинокой борьбы с режимом было таким сильным, что она даже приписала начало холодной войны этой встрече⁷⁷.

Ученые, подобно писателям, пытались защищать себя через институты Академии наук СССР. В каждом институте был директор и свой ученый совет, институт развивал собственный официальный набор теорий и методов. Отношения между директором и его персоналом держалось отчасти на личном длительном знакомстве и, возможно, на доверии, а отчасти на общем интеллектуальном подходе к дисциплине. Используя эти отношения, директор, наделенный партией и государством властью, действовал более или менее авторитарно. Его оппонентов вызывали на собрания, на которых происходили дискуссии, которые назывались по-разному и отличались разной степенью открытости и свободы. «Дискуссия», например, имела целью внести ясность в разницу точек зрения по вопросам, относительно которых не было еще принято окончательного решения. «Обсуждение», напротив, обычно означало выступление по принятому положению или тексту, и в таких случаях решение было заранее predetermined. От оппонентов обычно требовалось выступить с «самокритикой» и выслушать нарекания, а затем они могли быть понижены в должности или вовсе уволены. Однако чистки и аресты, бывшие обычным явлением в 1930-х гг., прекратились. Теперь оппонентов могли перевести в менее престижное учебное заведение или лабораторию, но позже им иногда удавалось вернуть себе утраченные позиции. В своем большинстве научные вопросы не имели политического значения, а потому не требовали сохранения жесткого идеологического единогласия⁷⁸.

Такая политика помогала социализации новых членов научного сообщества и поддержанию политической, социальной и интеллектуальной иерархии, избегая разрушительных последствий для науки и образования. Она отвечала русским общинным традициям сочетания сильного лидерства с формальными демократическими процедурами и значительной долей «круговой поруки».

Во время войны советская наука пользовалась значительным престижем. Государственный Комитет Оборона учредил специальный Научный совет с участием ведущих фигур научного мира, вроде физиков Абрама Иоффе и Петра Капицы или биолога Сергея Вавилова. Задачей Совета было наблюдать за стратегическими направлениями научных исследований. Главным была эффективность

исследований, и поэтому стало принято, что советская наука — просто часть «единой мировой науки». В течение войны ведущие советские ученые имели возможность поддерживать контакты со своими зарубежными коллегами, выезжать к ним и даже выбирать их в Академию. Бюллетень Академии наук имел постоянную рубрику, где в сжатом виде сообщалось о зарубежных научных исследованиях⁷⁹.

По мере развязывания холодной войны ситуация коренным образом изменялась, и зарубежные контакты стали вызывать у властей подозрения. Поворотный момент наступил в 1946 г. Два советских ученых, Нина Ключева и Григорий Роскин, работали над лекарством от рака, поддерживая тесные связи с американскими коллегами, и опубликовали в Соединенных Штатах книгу о своих исследованиях. В июне 1946 г. их посетил посол США в СССР У.Б. Смит, помогавший им в получении нужных культур из своей страны. Он предложил совместный американско-советский исследовательский проект, который бы финансировался США и поддерживался оборудованием и материалами. Его предложение вызвало большой шум — советские руководители уже проявляли к работе Ключевой и Роскина большой интерес, но теперь увидели в ней нечто большее, нежели образец многообещающего направления международной науки. Скорее всего, они надеялись, что лечение рака станет советским ноу-хау, выгодным предметом для пропаганды за рубежом, а может быть, открытие советских ученых станет возможным использовать в качестве предмета торга при обсуждении с США вопросов, связанных с атомным оружием. Другими словами, наука перестала быть сферой международного сотрудничества, из нее сделали инструмент великодержавной дипломатии⁸⁰.

И все же в отношении своевольных, настроенных на международное сотрудничество ученых советские власти не просто вернулись к жестоким методам конца 1930-х гг. Их стали обрабатывать по-новому, старясь заставить заниматься самоосуждением. Для этого в учреждении, где работали Ключева и Роскин, устроили «суд чести», тем самым возродив институт, существовавший у дворян и офицеров царской России. «Суды чести» были снова введены в Красной армии в 1939 г., а в 1947 г. их распространили на гражданские учреждения, причем в соответствующем указе говорилось, что их целью является «перевоспитание работников государственных учреждений в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства»⁸¹. Эти суды могли выносить только

порицания, и это не наносило ущерба профессии, что было следствием арестов 1930-х гг., наоборот, это поддерживало и утверждало профессиональную гордость. Этот метод говорит о том, что политическое руководство искало пути принудить ученых и работников свободных профессий самих надзирать за исполнением установленных правил, избегая таким образом применения суровых репрессивных мер 1930-х гг. и к тому же способствуя росту чувства профессиональной гордости и патриотизма. Таков был еще один вариант «круговой поруки».

Во время суда чести Роскин признал, что поступал неправильно, поддерживая контакт с американцами. «Думая, что есть гражданская наука и есть наука военная, — заявил он, — я думал, что то, чем мы занимались, — это гражданская наука. Но после войны все науки стали военными, против нас используют все науки, и раковую тоже». Последний довод можно считать лозунгом всей послевоенной советской науки. Каждый институт, каждая лаборатория оценивались с точки зрения их вклада в усиление советской позиции в противостоянии великих держав. Суд вынес Ключевой и Роскину публичное порицание за антипатриотические поступки, создание угрозы государственным секретам и низкопоклонство перед западной наукой. Но их не арестовали и позволили продолжать работу в лаборатории поменьше⁸².

После суда ЦК разослал письмо партийным организациям государственных учреждений и академических институтов с осуждением низкопоклонства перед Западом в вопросах науки, предписывая им провести собрания и сообщить предложения по борьбе с этой тенденцией⁸³.

Ряд научных проблем все-таки имел непосредственное политическое значение. Самым знаменитым из отягощенных идеологией случаев было дело Т.Д. Лысенко. Он утверждал, что его исследования позволяют сделать вывод, будто изменения, полученные живыми организмами под влиянием окружающей среды, могут передаваться по наследству. Это значило, что изменения в социальной и окружающей среде могут приводить к изменениям внутри видов растительного и животного мира и даже в биологии человека. Отсюда делали вывод, что и на производительность сельскохозяйственных культур, и на эволюцию человечества можно воздействовать на генетическом уровне. Утверждения Лысенко сулили возможность «генетически модифицировать коммунизм», и при этом изменения могли быть намного быстрее и самопроизвольнее,

чем обычные генетические процессы. Лысенко похвалялся, что его теория чисто русская и обещает победу русской социалистической науки над космополитической западной биологической наукой. В августе 1948 г. его сторонники победили на выборах в Академии сельскохозяйственных наук. За этим последовала волна чисток, во время которых ученые выступали с «самокритикой», обвиняя себя в низкопоклонстве перед Западом и обещая перестроить свои работы в духе «мичуринской практики», невзирая на то, имело это отношение к их индивидуальным сферам исследований или не имело⁸⁴.

О том, какие перемены произошли к этому времени в отношении власти к науке, можно говорить на примере ситуации, сложившейся в лингвистике. Здесь в 1930-х гг. господствовали последователи Николая Марра, который считал, что в свое время на пространстве от Малой Азии и Кавказа до Пиренеев преобладала так называемая яфетическая семья языков. Яфетические языки якобы впоследствии сменились индоевропейскими, и теперь их следы с трудом отыскиваются лишь в нескольких изолированных этносах, вроде грузинского, албанского и баскского. Яфетические языки и культуры, утверждал он, сформировали «этнический субстрат» средиземноморского мира и «исторический источник мировой цивилизации». Мановением марровской волшебной палочки первенство индоевропейских языков было сброшено со счетов, и высоко вознесенными оказались прежде забытые и колонизированные народы. По его утверждению, проникновение индоевропейцев на данные территории вызвало «смешение... гибридизацию, появление новых смешанных лингвистических типов и конец взаимопонимания»⁸⁵.

Эта теория была очень созвучна антиимпериалистическому интернационалистическому и основанному на классовом подходе марксизму. Такой же была и другая марровская гипотеза, согласно которой языки проходят в своем развитии различные стадии, тесно связанные с экономической и материальной эволюцией общества. Первая коммуникация, писал он, осуществляется посредством жеста и мимики, но произносимые звуки со временем усложняются и семантически обогащаются, а затем превращаются в законченные языки. Эти языки, в свою очередь, взаимно обогащают друг друга, фонологические и семантические элементы при этом переносятся из одного языка в другой, создавая языки более высокого порядка, более пригодные для международного общения. Эта теория вытеснила и классическую индоевропейскую лингвистику, и

современный структурализм и в 1929 г. на конференции в Коммунистической академии объявила себя истинно марксистской лингвистикой⁸⁶.

Марр умер в 1934 г., но его «новую теорию языка» продолжал преподавать и пропагандировать новый академический бастион — Институт языка и мышления Академии наук СССР. Однако установить полную научную монополию его последователям не удалось, они даже пострадали в массовом терроре конца 1930-х гг. Но они все-таки повели борьбу за утраченные позиции и к 1949 г., казалось, добились полного успеха, когда Президиум Академии наук принял постановление, осуждавшее их оппонентов. И тогда, неожиданно, в июне 1950 г. они подверглись атаке со стороны высшей инстанции — лично Сталина. В «Правде» он осудил ошибки Марра и обвинил его сторонников в установлении «аракчеевского режима в лингвистике». С теоретической точки зрения самое важное утверждение Сталина сводилось к тому, что язык не является частью «базиса» или «надстройки» общества, а потому не меняется вместе с общественными изменениями. Русский язык, например, по своей грамматической и синтаксической форме в основном остался таким, каким пользовался Пушкин, несмотря на далекоидущие социальные изменения, произошедшие в России с его времени и особенно после Октябрьской революции. «[Язык] создается не каким-то одним определенным общественным классом, — продолжал Сталин, — а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создается, как единый общенациональный язык, и для всех членов общества». После вмешательства Сталина Академия наук отменила свое постановление 1949 г. Институт языка и мысли был слит с Институтом русского языка, и директором его был утвержден основной оппонент Марра Виктор Виноградов⁸⁷.

Что вызвало такой крутой поворот политики? Четкого ответа на этот вопрос не существует, но можно предположить, что такая перемена была запоздалым отходом от классово-интернационального подхода к строительству социализма в сторону подхода, основанного на русской культуре и имперского по своей сути. Из теории Марра вытекало, что в результате перекрестного оплодотворения существующих языков было возможно создать единый интернациональный язык пролетариата, однако отличный от каждого из существующих языков. Тем не менее Сталин совершенно определенно теперь полагал, что наиболее соответствующим ситуации интернациональным пролетарским языком был и останется русский. Ми-

ровой социализм должен был стать бесконечно разросшейся русско-советской империей, по крайней мере до окончательной победы над империализмом⁸⁸.

АНТИСЕМИТИЗМ

Вторая мировая война радикально изменила положение советских евреев, во-первых, конечно, потому, что нацистский геноцид истребил почти половину из тех, кто жил в штетлах, еврейских местечках, и в бывшей черте оседлости⁸⁹. После войны почти все выжившие евреи жили в крупных городах и в большинстве своем обрусели. Доля тех, кто все еще говорил на идише или регулярно посещал синагогу, была относительно невелика. Во-вторых, война усилила самые разные национальные и этнические чувства, включая распространенный в массах антисемитизм, который никогда совершенно не исчезал, особенно на западе России. Ходили слухи (как показывают факты, совершенно необоснованные), что во время войны евреи не хотели идти на фронт, что они плохо проявили себя в бою и старались устроиться поуютнее на тыловых должностях или в торговле и что они якобы повинны в повышении цен в военный период. В 1942 г. имели место нападения на евреев, эвакуированных с другими служащими из России в Узбекистан и Казахстан, где, как и многие другие эвакуированные, они жили мелкой торговлей или находили работу в местных снабженческих учреждениях⁹⁰.

В тот период у простых русских, украинцев и белорусов бытовал ряд часто противоречащих друг другу стереотипов относительно евреев. Во время опроса, проводившегося в начале 1950 г. Гарвардским университетом среди недавних эмигрантов из Советского Союза, удалось выявить следующее — многие из них считали, что евреи:

— это чисто городское население, занимающееся торговлей и живущее тесно сплоченной группой: когда один еврей получал хорошую работу, он приводил за собой всех своих друзей и родственников, и они избавлялись от всех сослуживцев других национальностей;

— занимают множество постов в партийно-государственном аппарате, особенно в милиции и госбезопасности, поэтому на них лежит ответственность за все беды, постигшие православное крестьянство и простых тружеников;

— трусы и во время войны делали все, чтобы не попасть на фронт, поэтому они монополизировали тыловые службы; фактически, многие из них отсиделись, делая деньги, в отдаленных местах вроде Ташкента;

— ненадежные и даже предатели; многие хотели эмигрировать в Палестину (один респондент обозвал их «палестинскими казаками»)⁹¹.

Многое из этого можно объяснить попыткой отыскать козла отпущения. В этих стереотипах отражалось то, что возмущало большинство населения в партийно-государственном аппарате, поведению представителей которого респонденты давали более чем точное описание. И все-таки режим взял эти стереотипы на вооружение и использовал в качестве инструмента пропаганды для усиления русско-советского патриотизма. Евреи были удобной мишенью для навешивания всех на свете грехов: коррупции, корыстного карьеризма вместе с излишним интернационализмом — космополитизмом и низкопоклонством перед заграницей.

В годы войны официальное отношение к евреям было двояким. С одной стороны, как и в отношении славян, советское правительство делало все возможное, чтобы как можно шире использовать еврейские связи в других частях мира для достижения победы. Как мы видели, правительство учредило Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). На его первом публичном собрании еврейский писатель Илья Эренбург объявил: «Я вырос в русском городе. Мой родной язык русский. Я русский писатель. Как все русские, я теперь защищаю свою родину. Но нацисты напомнили мне еще кое о чем: мою мать звали Хана. Я еврей. Я говорю об этом гордо. Гитлер ненавидит нас больше всего на свете. И это наполняет нас гордостью»⁹².

Председателем комитета был артист Соломон Михоэлс. ЕАК выпускал газету на идише «Einikait», статьи из которой перепечатывались по всему миру. Газета регулярно печатала информацию на еврейские темы, включая нацистскую программу истребления, о которой нельзя было прочитать в самом СССР. Заместитель руководителя Совинформбюро Лозовский сам был одной из главных фигур в ЕАК. В августе 1941 г. он попросил еврейских писателей собирать информацию о судьбе советских евреев на оккупированной территории, но в Советском Союзе ничего из собранного ими опубликовано не было, даже несмотря на то что советская пропаганда для зарубежной аудитории описывала в больших подробнос-

тях все репрессии нацистов против евреев. Члены комитета разъезжали по всему миру, устанавливая связи с другими антифашистскими организациями, выступали с лекциями и собирали деньги. Михоэлс, Ицик Фефер и другие в июне 1943 г. провели особенно удачный визит в США, где выступали перед массовой аудиторией и пользовались такой же популярностью, как Пол Робсон, Иегуди Менухин или Чарли Чаплин⁹³.

В то же самое время в самом СССР проводилась совсем другая политика. Велась согласованная кампания по сокращению числа евреев на руководящих постах. В августе 1942 г. Гитпроп стал жаловаться на большое число нерусских в руководстве институтов русской культуры, таких как, например, Московская и Ленинградская консерватории. В результате выдающийся еврейский пианист А.Б. Гольденвейзер был смещен с поста директора Московской консерватории. Некий руководящий работник Комитета по делам кинематографии проявлял недовольство тем, что известная актриса Фаина Раневская получила одну из главных ролей в фильме Эйзенштейна «Иван Грозный», по его мнению, «семитская внешность Раневской бросается в глаза, особенно при крупном плане»⁹⁴.

Когда война благополучно завершилась, Сталин просил Г.Ф. Александра проверить Совинформбюро. Александров доложил, что многие его журналисты ниже среднего уровня, что кадры «подбираются по личным и семейным связям» и что там наблюдается засилье евреев. Лозовского обвинили в слабом контроле за расходованием бюджетных средств и безответственности: «Во всем Советском Союзе нет другой такой семейственной организации, дойной коровы для всяких корреспондентов и редакторов. Это злокачественная опухоль на здоровом теле». Лозовского сняли с постов заместителя наркома иностранных дел и начальника Совинформбюро, и многие его сотрудники, в большинстве своем евреи, также были уволены⁹⁵.

Создание Государства Израиль в 1948 г. подхлестнуло антисемитские настроения в советском руководстве, несмотря на то что СССР поддерживал кампанию создания еврейского национального государства в Палестине. Советское правительство предложило помощь *yishuv*, постоянно выступало в ООН поддержку Израиля и в мае 1949 г. проголосовало за прием нового государства в члены ООН. Представляется, что Сталин надеялся, что Израиль, как своего рода социалистическое государство, могло бы сыграть роль, подобную той, которую играли страны народной демократии Цен-

тральной и Восточной Европы, и стать бастионом советского влияния на Ближнем Востоке. Но его иллюзии быстро развеялись. Почти с первых своих шагов Израиль занял проамериканскую позицию, и на том этапе холодной войны, какого она достигла в 1949 г., это неизбежно означало позицию антисоветскую. Более того, само существование Израиля усугубляло аномальность статуса евреев в Советском Союзе — у них не имелось там своей национальной территории (если не брать в расчет неудачный эксперимент с Еврейской автономной областью с центром в Биробиджане на границе с Китаем), но теперь у них была национальная родина за рубежом — и к тому же добивавшаяся все новых успехов.

Таков фон, на котором мы должны рассматривать возрастающий антисемитизм последних сталинских лет. Сталин мог видеть Израиль аванпостом советского великодержавного влияния, но наверняка никогда не имел намерений подталкивать евреев к поиску там родины. Хотя Советский Союз поддерживал Израиль, но сионизм как политическое движение никогда не пользовался его поддержкой, и паспортов советским евреям, изъявлявшим желание эмигрировать в Израиль, не выдавали. Другими словами, к советским евреям относились так, как будто они отдельный этнос, никак не связанный с новым еврейским государством на Ближнем Востоке: они были просто советскими гражданами, обязанными ассимилироваться в общей советско-русской идентичности⁹⁶.

В ноябре 1948 г. Еврейский антифашистский комитет был распущен как «центр антисоветской пропаганды, который регулярно снабжает антисоветской информацией иностранные разведывательные службы». В последующие месяцы большинство его ведущих активистов были арестованы. Во время продолжительных допросов их подробно расспрашивали о зарубежных поездках в США, которые совершали некоторые из них во время войны, и о попытках получить за рубежом благотворительную помощь советским евреям. В июле 1952 г. 15 из них, в их числе Лозовский, предстали перед Военной коллегией Верховного суда и в ходе закрытого судебного заседания были признаны виновными в измене Родине, 14 обвиняемых были приговорены к смертной казни⁹⁷.

Пока шла тщательная подготовка к процессу, в стране разворачивалась широкая кампания против различных еврейских организаций. В Москве, Ленинграде и ряде провинциальных центров закрывались еврейские культурные учреждения, музеи, театры, журналы и газеты. Были даже арестованы многие руководящие

работники Биробиджана, что похоронило надежду превратить эту область в действительную еврейскую автономию. Впрочем, важно отметить, что в тот отрезок времени синагоги и еврейскую религию, наряду с другими «официальными» религиями СССР, оставили в относительном покое⁹⁸. Советские власти беспокоила не традиционная еврейская вера, а признаки нового динамичного светского еврейского национального сознания — сионизма, полностью независимого от Советского Союза с его неорусской официальной идеологией, а на деле противостоящего ей.

По той же причине советские вожди намеренно замалчивали информацию о холокосте, и советская публика либо оказывалась не осведомленной о масштабах массовых убийств евреев, либо узнавала об этом по догадкам и слухам. В 1946 г. два видных советских еврейских писателя Илья Эренбург и Василий Гроссман предложили опубликовать свою «Черную книгу», которую они подготовили по заказу Совинформбюро. В ней подробно рассказывалось о зверствах немецких оккупационных войск против советских евреев, и предполагалось, что она должна будет выйти одновременно в СССР, США и Палестине. Советские власти затянули издание книги, а затем и вовсе наложили на нее запрет, а уже сделанный набор разобрали⁹⁹.

Очередное нагнетание антиеврейской кампании произошло в связи с опубликованными 13 января 1953 г. в коммюнике ТАСС обвинениями в адрес ряда ведущих советских медиков, которым инкриминировали заговор с целью убийства высокопоставленных партийных работников. Подобно многим пожилым людям, Сталин испытывал хроническое недоверие к врачам. В 1952 г. он обнаружил сведения, что Жданов перенес инфаркт, который пропустили врачи, что, возможно, и способствовало его смерти. Сталин был убежден, что речь идет о заговоре против советских лидеров. Он приказал арестовать врачей из ведущих медицинских институтов и медуправления Кремля. У большинства арестованных были еврейские фамилии. Постепенно службы безопасности сплели паутину так называемого «дела врачей», в котором участвовали бесчестные медики вместе с сионистской международной еврейской благотворительной организацией «Джойнт» и американской и британской разведками (в том числе и Исайя Берлин)¹⁰⁰. Сразу после смерти Сталина, в марте 1953 г. обвинения были сняты, а арестованные освобождены. Точки кульминации эта антисемитская кампания не достигла.

К началу 1950-х гг. быть русским значило принадлежать к ведущему народу великого многонационального государства, которое одержало блестящую победу в войне и теперь провозгласило поход в защиту угнетенных и эксплуатируемых народов мира против могущественного общего врага, Соединенных Штатов и стран НАТО. Такое представление о международных делах отводило советским народам, особенно русским, грандиозную геополитическую роль, которая требовала подкрепления в виде массивированного вооружения, в первую очередь ядерного, и создания большого и всепроникающего аппарата безопасности. Как пишут два современных ученых, «сталинское наследие... включало перераспределение ресурсов в сторону производства вооружений и тяжелой промышленности, биполярный мир, сцепившийся в обоюдных подозрениях и конфликте, и стукачей и секретных агентов, не боящихся “запачкать руки”». Сталин также усилил «традиционное в России желание иметь твердого сильного лидера, который может указывать путь вперед и спасти страну и политический порядок от самой себя»¹⁰¹.

Вот почему, когда умер Сталин, миллионы людей стекались в Москву, чтобы увидеть похороны, и вот почему они стояли и плакали, когда похоронный кортеж проезжал мимо них. Каковы бы ни были его преступления, Сталин был их вождем и отцом во времена величайшей опасности в их истории. Он был воплощением их российско-советской отчизны, человеком, который спас их от рабства.

Потребности гигантского военно-промышленного комплекса (ВПК), необходимого для поддержания роли супердержавы, определяли в последующие десятилетия ту форму, какую приняла советская экономика, и во многих отношениях и само общество. В середине 1980-х гг. ВПК потреблял около 20% валового национального продукта СССР¹⁰². Его объем держался в тайне, и о нем не знали даже работавшие в оборонной промышленности. Не подлежавшие обсуждению требования ВПК определяли иерархию материально-технического обеспечения и финансирования Госпланом. Доминирование ВПК в экономике приводило к тому, что снабжение населения товарами народного потребления было недостаточным или страдало низким качеством поставляемых продуктов, а также к тому, что доходы подавляющего большинства советских людей оставались низкими. В условиях, когда ВПК требовал полной секретности, общественность не могла влиять на такое распределение ресурсов, да и не было ничего такого, что можно было бы в полном смысле слова назвать «общественностью». Большинство совет-

ских людей оставались бедными, но не кричаще бедными, потому что Советское государство стало гарантировать бедным горожанам удовлетворение основных потребностей. При этом население не имело средств для выражения политической оценки происходящего, находясь в зависимости от иерархических сетей «патрон—клиент» или более неформального и эгалитарного «блата», пригодного для получения материальных и других благ, в том числе социального обеспечения.

Создалась ситуация, при которой сохранялось зияющее расхождение между мнимым величием ведомого русскими Советского Союза и реальной бедностью большинства русских людей, деморализацией их деревень, относительным демографическим спадом, неспособностью свободно развивать свою культуру и униженным положением их национальной церкви. Статус супердержавы обошелся ценой национальной деградации. В этих условиях даже патриотически настроенные русские могли разочаровываться в Советском Союзе.

Глава восьмая

ВОЗВРАЩЕНИЕ УТОПИИ

Сталин оставил своим преемникам и народам СССР парадоксальное и во многом тяжелое наследство. Он вознес Советский Союз до уровня сверхдержавы, более могущественной, чем любое прежнее Российское государство. Для того чтобы сохранить это положение, он вверг страну в колоссальные расходы и массовое перекачивание талантов и ресурсов в военную сферу, оставив большую часть общества бедными и деморализованными. Он создал полицейское государство, какого также не знала российская история, изолированное от внешнего мира, заключенное в кокон узколобой идеологической догмы, отрезанное от собственного прошлого — даже во многом от советского прошлого. И, кроме того, он оставил в наследство российский имперский шовинизм и межнациональную ненависть — государство, не принимаемое балтийскими народами, многими западными белорусами и украинцами, многими мусульманами Северного Кавказа и возрастающим числом евреев, что позже подорвет попытки сохранить Советский Союз как многонациональное государство.

Ужасающие преступления Сталина против народов СССР поставили его преемников перед тяжелой дилеммой. С одной стороны, замалчивание его преступлений могло дать опасное оружие в руки их будущих политических противников. Это также означало опасность появления среди них еще одного, пока неизвестного, Сталина, который уничтожит их всех. С другой стороны, разоблачить Сталина и открыть всему миру его зверские преступления означало развенчать «великого генералиссимуса» — героя войны, подорвать основы идеологии, на которой строилась система, и опорочить разделяемую всеми социальной память, ту, которая вызрела за годы «социалистического строительства» и войны.

Новый первый секретарь ЦК партии, Никита Хрущев, все-таки решил, что сталинские преступления больше нельзя полностью скрывать от страны. Это нелегкое дело он взял на себя и на XX съезде

партии в феврале 1956 г. выступил с так называемым «секретным докладом», который прозвучал не на открытом, а на специальном закрытом заседании, состоявшемся уже после закрытия съезда, делегаты допускались на него по особым пропускам. Их проинструктировали по приезде домой вкратце информировать коллег на закрытых собраниях и не разглашать содержание доклада среди беспартийных. Сама речь была выдержана в жестких тонах, но сохранила минимум обвинений в адрес лично Сталина. Она была направлена почти целиком против волн террора, прокатившихся по стране в 1935—1939 и в 1949—1953 гг. Хрущев подробно сообщил о многих конкретных жертвах и об унижениях, которым их подвергали, перечислив при этом далеко не все аресты и казни — он назвал имена только высокопоставленных членов номенклатурной элиты. Кроме упоминания о высылках конца 1930-х и 1940-х гг., он обошел молчанием страдания простых людей. Тем самым он подразумевал, что они всего лишь простой расходный материал и что все остальные жестокие меры сталинского режима были приемлемыми и даже правильными: и объявление вне закона разных внутрипартийных оппозиционных групп в 1920-х гг., и вся программа коллективизации и раскулачивания, и закрытие церквей, и аресты и убийства священнослужителей.

Хрущев доказывал, что сталинские преступления — результат временного «культа личности» и они были ограниченными во времени и пространстве. Он внушал мысль, что партия все это время вела какое-то обособленное существование, ведя борьбу за поддержание порядка, законности и «ленинских норм партийной жизни», даже когда Сталин нарушал эти нормы и опустошал ее ряды. Он внушал своей аудитории, что партия и народ одинаково пострадали от сталинского беззакония. Другими словами, он пытался сохранить ауру партийной чистоты риз и созданный партией миф об особой ее связи с народом. Если верить ему, то и советские институты, и общественная память все еще полны жизненной силы, великая идея построения социализма фатально не опорочена переходящим помутнением разума одного вождя и партия может теперь очиститься от своих ошибок и возобновить движение к коммунизму¹.

Однако, невзирая на все старания смягчить урон, Хрущев нанес страшный удар по священным ценностям памяти режима. Он обнажил кулисы, святая святых власти, и глазам открылась залитая кровью пыточная.

Секретный доклад оказался для партии, как движения искренне верующих коммунистов, на которых она и зиждилась, губительным ударом. Некоторые из ее собственных членов стали публично задавать вопрос, имеет ли она право на монополию политической жизни. На партсобрании в Ленинграде задали вопрос: «Разве культ личности не поддерживается партийной системой и почти полным слиянием правительства и партийных органов?» В Молотове (Перми) ответственный партийный работник сетовал: «Когда избираются партийные комитеты, списки для тайного голосования обсуждаются молниеносно — боже упаси кому-нибудь выставить нежелательного кандидата!» В Куйбышеве (Самаре) какой-то бесстрашный участник партийной конференции дерзнул утверждать: «Трудно представить себе, чтобы один человек мог навязать свою волю шести миллионам членов партии... Это стало возможным из-за неправильного воспитания членов партии, из-за трусости, пресмыкательства, низкопоклонства. Появились безответственные партийные начальники, ни перед кем не подотчетные, имеющие по несколько квартир, дач, получающие неограниченное количество продуктов и товаров и изолировавшие себя от партийных масс, забывшие об их нуждах»².

Нелицеприятные вопросы, которые они же сами и спровоцировали, вызвали у вождей панику и настоящую ярость. Людей, усомнившихся в священных правах партии, исключали из ее рядов, поносили в средствах массовой информации как «гнилые элементы»³. Для того чтобы свести к минимуму ущерб, агитпроп поспешно соорудил корректирующий миф, по которому, начиная с Ленина, партией руководила плеяда сменявших друг друга вождей, причем из нее загадочно исчез Сталин. Пропагандистская машина принялась активно штамповать многочисленные портреты и статуи Ленина, посвященные ему книги и статьи, при этом лично Хрущев и его преемники позволяли себе лишь малую партию в могучем хоре восхвалений.

Сменявшие друг друга ипостаси Российской империи были уязвимыми благодаря тому, что многие из ее «колоний» оказались более развитыми, чем метрополия, и имели собственные достаточно полнокровные, но полузадавленные гражданские институты. Порожденная секретным докладом взрывная волна вызвала летом и осенью 1956 г. интеллектуальный разброд и народные мятежи против коммунистического правления в Польше и Венгрии. Волнения распространились и на прибалтийские республики, где про-

тест вылился не только в форме антикоммунистических, но и антирусских выступлений. В ноябре 1956 г. литовцы вышли на демонстрации с требованиями свободы католической церкви, выкрикивая лозунги «Сделаем как в Венгрии!» и «Смерть русским оккупантам!». На студенческом собрании говорилось: «Мы могли бы решить жилищные проблемы в Тарту, выселив всех русских»⁴.

Вследствие того, что комсомольские собрания носили менее формальный характер, чем партийные, на некоторых из них в 1956 г. разгорались самые серьезные споры. На собрании в Ленинградском университете, например, участники ставили вопрос о снятии запрета с Ахматовой и Зощенко и о прекращении обязательных аплодисментов после речей Хрущева. Один из его участников заявил: «Мы, молодые граждане СССР, студенты и комсомольцы, хотим знать из первых рук о том, что происходит в Венгрии и Польше»⁵. Откровенные требования обеспокоили комсомольских вожаков, и они попытались перевести собрание в русло более безобидных предметов, вроде «Физики или лирики?» или «Дружба, товарищество и любовь».

Те, кто предпочитал разбираться в серьезных вопросах, отправлялись в другие места. Например, на митинги на площади Маяковского, где в 1958 г. торжественно открыли памятник поэту. Для участников митингов протеста Маяковский был фигурой приемлемой для партии и в то же время олицетворением юношеского неповиновения и бунтарства. Митинги открывались публичным декламированием его стихов. Однако постепенно выступавшие начинали говорить о тяжелых конфликтных вопросах, и сходки превращались в подобие Уголка ораторов в лондонском Гайд-парке, тогда вмешивался КГБ и собравшихся разгоняли. Юного Владимира Быковского забрали в отделение милиции, где избили, предупредив: «Чтобы на площадь Маяковского больше не ходил. В следующий раз мы тебя убьем»⁶.

Другие искали неформальные и подпольные площадки, чтобы обмениваться информацией и идеями. Некоторые излагали свое мнение в стенгазетах, которые вывешивались в университетских коридорах, а потом по приказу руководства срывались. Некоторые собирались с надежными друзьями в дискуссионных кружках, читали Гегеля, раннего Маркса, менее известные работы Ленина и источники по советской истории, о которых не упоминалось в сталинском «Кратком курсе». Или делились тем, что удавалось разузнать о событиях в Венгрии, Польше, Югославии. Эти моло-

дые люди не были настроены антисоветски, им просто хотелось узнать правду о настоящем и недавнем прошлом, чтобы обсуждать возможные пути дальнейшего развития. Их цели были одновременно и интеллектуальными и практическими и вполне вписывались в рамки социалистического репертуара⁷.

Новый способ выражения нонконформистских идей нашел Борис Пастернак. К этому времени он стал таким же дуаиеном русских поэтов, как и Ахматова. После войны, почувствовав установившуюся на время более свободную общественную атмосферу, он принялся за новый роман «Доктор Живаго». Герой романа, врач и поэт, своим сумасбродным характером и запутанным жизненным путем никак не вписывался в идеал «позитивного героя», каковым он тогда представлялся. В 1956 г., после «секретного доклада» Хрущева, Пастернак предложил журналу «Новый мир» опубликовать роман, но редакция отклонила предложение на том основании, что произведение *«пропитано откровенно индивидуалистическим духом, аполитично и отрицает коллективистские начала»*. Пока «Новый мир» еще рассматривал рукопись, Пастернак предложил черновой вариант романа захвавшему к нему итальянцу для передачи миланскому издателю-коммунисту Фельтринелли. Как и многие другие поступки Пастернака, этот жест был совершенно импульсивным, необдуманым, хотя нельзя сказать, что он не понимал значения такого шага, — своему гостю он заметил: «Ну, вот, вы приглашены на мою казнь»⁸. Так или иначе, Фельтринелли издал «Доктора Живаго» в 1957 г. Публикация романа и последующее присвоение Пастернаку Нобелевской премии по литературе вызвали бурю посыпавшихся на поэта официальных нападок. Его поносили, как «Иуду», «литературного Власова», «свинью, которая гадит в собственном хлеве», и конечно же исключили из Союза советских писателей⁹.

Пастернак был одиночкой. Он не входил ни в какие подпольные организации и сам не занимался распространением своих напечатанных на машинке рукописей среди знакомых. Тем не менее «Доктор Живаго» появлялся в квартирах советских писателей и ученых. Кроме того, текст романа читали по зарубежному радио и экземпляры напечатанной Фельтринелли книги скрытно завозили в СССР. Как само содержание романа, так и способ его распространения стали новшеством: так еще никто не пытался думать о Советском Союзе и никто не пробовал так распространять нежелательные идеи. В первые два года после этого стали появляться

первые подпольные литературные журналы, вроде «Синтаксиса», «Феникса» или «Бумеранга», неумело распечатанные в нескольких экземплярах на пишущей машинке и передававшиеся из рук в руки. В них печатались стихотворения молодых поэтов, но «переиздавалась» и давно попавшая под запрет поэзия Ахматовой, Мандельштама и Пастернака. Дело было не просто в распространении запретной культуры — знакомство с текстом было знаком принадлежности к новой форме общения: «Достаточно было произнести несколько строчек любимых поэтов, и единомышленники узнавали друг друга»¹⁰. Получалось, что «царским жандармам приходилось читать социалистические трактаты, чтобы проникнуть в молодежные круги того времени, а теперь агенты КГБ, хочешь не хочешь, были вынуждены становиться поклонниками поэзии»¹¹.

Жажда вольного творчества и подлинной памяти была настолько сильной, что даже аскетическая, туманная и явно аполитичная поэзия еврейского поэта Осипа Мандельштама смогла стать символом отстраненности русской культуры от советского режима. Особенно многозначительным пропуском в контркультуру, благодаря своей элэгичности и заложенному в нем протестному заряду, был ахматовский «Реквием». Родился новый способ распространения литературы, о котором с благодарностью вспоминал Владимир Быковский: «Я бы воздвиг памятник пишущей машинке... Она вызвала к жизни новую форму изданий, *самиздат*, — пиши сам, редактируй себя сам, цензурируй себя сам, сам себя издавай, сам распространяй, сам за это отправляйся в тюрьму»¹². Тем не менее самиздат не был индивидуальной затеей — распечатка, дальнейшее распространение и порой чтение текстов было коллективным действием, в котором каждый рисковал попасться. Это была «круговая порука» в творческом смысле, воссоздававшая русское культурное сообщество, которое исчезло из советских «творческих» институтов.

Даже те советские граждане, которые не имели доступа к самиздату, начинали получать альтернативные источники информации. Они слушали нессоветскую версию событий с помощью ставших популярными коротковолновых радиоприемников. Настраиваясь на затухающий потрескивающий сигнал русскоязычного вещания Би-би-си, «Голоса Америки» и «Немецкой волны», они ловили похожие на всплески гармоники сумасшедшего гармониста волны вещания «вражеских голосов». От них они узнавали, что многие люди, бывшие до этого убежденными коммунистами, после докла-

да Хрущева и его жестокой расправы с рабочим классом в Центральной Европе разочаровались и вышли из партии. Коммунизм, во всяком случае в его советском обличье, утрачивал характер всемирного движения, пользующегося страстной поддержкой свободно мыслящих людей.

ПЕРЕСТРАИВАЯ БУДУЩЕЕ

Пришедшие на смену Сталину вожди чувствовали, что перед ними возникает проблема кризиса доверия как внутри страны, так и за ее рубежами. В эпоху «мирного сосуществования», которая последовала за первым этапом холодной войны, им настоятельно требовалось заменить принципами порядка и законности грозивший эффектом бумеранга террор, усугублявшийся русско-советским шовинизмом. Основная стратегия теперь заключалась в том, чтобы создать впечатление, что их целью остается построение коммунизма, соединенное с задачей «догнать и перегнать» Соединенные Штаты. Совершенно новым в их подходах было то, что они обозначили дату достижения поставленной цели — 1980 г. При этом подчеркивалось, что теперь, когда осужден «культ личности», наступило время более системного, спокойного и, прежде всего, основанного на законности руководства страной. Теперь советские вожди обязались осуществлять на деле «социалистическую демократию». Для рядовых граждан должны были расшириться права на участие в управлении государством, а также на получение более ощутимых благ.

Эти идеи зрели в глубинах партийного аппарата уже с послевоенного периода¹³. Но в качестве официальной политики они были приняты только в середине и конце 1950-х гг., став составной частью послесталинского возрождения «советского проекта». В самой полной форме возобновление похода за утопией было провозглашено в речи Хрущева в 1961 г. на XXII съезде партии. Поскольку социализм уже построили (теоретически еще в 1936 г.), Хрущев утверждал, что Советскому государству больше нет необходимости осуществлять «диктатуру пролетариата», так как оно уже стало «государством всего народа». Созданы условия для того, что Маркс называл «отмиранием государства», которое окончится с построением полноценного коммунизма. Тем временем массы будут играть гораздо большую роль в управлении страной. Принятие наи-

более важных законов будет предваряться всенародным обсуждением. В комиссии, надзирающие за работой официальных учреждений, будут входить рядовые граждане. Органы государственной власти будут выбираться на демократической основе и постепенно перерастут в инструменты «общественного самоуправления», и в этом процессе коммунистическая партия будет играть «ведущую и направляющую роль». Для того чтобы сама партия стала демократичнее, ее руководящие работники должны отныне избираться только на ограниченный период времени и сменяться в результате демократической процедуры выборов с применением тайного голосования¹⁴.

Для того чтобы установились новые отношения между государством, партией и народом, была необходима новая, более стабильная и беспристрастная концепция закона. Хрущев предложил реализовать то, что он назвал «социалистической законностью», которая отличалась от буржуазного права, но признавала ряд схожих принципов. Реформа уголовного кодекса в 1958 г. предусматривала, что обвиняемый может быть осужден за уголовное преступление только судом, составленным в установленном законом порядке и только на основании серьезных доказательств, помимо признания подозреваемого, и только за нарушение конкретной статьи уголовного кодекса. Больше не допускалось заключение в тюрьму чрезвычайными комитетами или военными судами на основе секретных предписаний или за расплывчато сформулированные преступления, то есть, например, за «террористические намерения» или «контрреволюционную деятельность». Отныне никто не мог понести наказания просто за принадлежность к определенному социальному классу или этнической группе¹⁵.

Более демократичная политика требовала, чтобы народные массы получили доступ к более высокому уровню жизни, благодаря чему, а не из страха они оказывали бы поддержку режиму. Вожди послесталинского периода начали осуществлять широкую программу производства товаров народного потребления, которая небезуспешно реализовывалась все 1960-е и 1970-е гг.

Самые заметные перемены произошли в области жилищно-строительства. С середины 1950-х гг. приезжавшие в СССР иностранцы видели, что любой крупный город был окружен лесом башенных кранов и широкими котлованами строительных площадок, там возводилось колоссальное количество жилых домов. Для многих горожан это строительство означало давно

желанное бегство из коммунального рая и переезд в отдельные семейные квартиры, возможно, не столь просторные, но зато оборудованные современными домашними удобствами. Только между 1955 и 1964 г. жилой фонд СССР почти удвоился — с 640 до 1182 млн кв. м, а к 1980 г. он снова практически удвоился, достигнув цифры 2202 млн кв. м¹⁶.

Строительство нового жилья было огромным сдвигом в жизни людей и затронуло больше всего русских и украинцев, составлявших большинство населения крупных городов. Теперь они могли строить свою жизнь в условиях большей приватности и вести разговоры, не опасаясь ушей потенциальных доносчиков. Теперь не было нужды ходить в общественные бани, чтобы как следует помыться, и стало утрачивать притягательность общение на людях. Горожане все больше обустроивали свою личную жизнь, постепенно приобретая радио и телевизионные приемники, более презентабельную мебель, красивую посуду в сервантах, собственные библиотеки. Они могли приглашать к себе гостей, хотя и в небольшом числе, поскольку размеры большинства квартир были невелики, но при условии взаимного доверия теперь можно было открыто и без оглядки вести разговоры на любые темы. Люди создавали для себя скромный уровень личного комфорта и культуры общения вне публичной арены, где господствовала партия. Теперь, впрочем, приходилось с оглядкой строить доверительные отношения, отсюда — разраставшаяся групповщина и более отчетливое разделение между общественной и личной сферами жизни. Складывавшаяся атмосфера очень сильно отличалась от 1930-х гг. и первого послевоенного десятилетия, когда почти все аспекты повседневной жизни так или иначе были связаны с жизнью общественной.

Программа строительства жилья также вызвала новые формы стратификации в советском обществе. Большинство людей получали квартиры от местных властей или от предприятия, на котором работали. Крошечная группа номенклатурных работников, занимавших самые высокие посты в государстве, получала от государства более благоустроенные и недорогие квартиры (степень удобства зависела от служебного положения работника). На среднем уровне появился новый слой, это была интеллигенция или высококвалифицированные рабочие, которые могли посредством работодателя или профсоюза купить квартиру, внося 30—40% ее стоимости под низкий процент с рассрочкой до 20 лет. Такие «кооперативные» квартиры встречались по преимуществу в больших городах, были

несколько бóльшими по площади и лучше расположены, чем дома, принадлежащие городским властям, их можно было передавать по наследству, что представляло собой большое достоинство в стране, все еще переживавшей нехватку жилья. Создавался небольшой, но существенный класс скромных «собственников»¹⁷.

Улучшалось и социальное обеспечение, расширялся круг людей, пользующихся им. Мужчины, имевшие стаж работы 25 и более лет, получали право выйти на пенсию в возрасте 60 лет, женщины с 20-летним стажем трудовой деятельности могли выходить на пенсию в 55 лет. Эти условия были щедрыми, но отвечали потребностям населения, перенесшего тяжелейшие годы войны. Это стало одной из законодательных инициатив, которые были поставлены на всенародное обсуждение в прессе и на собраниях трудящихся¹⁸. Народ приобретал свое законное и гарантированное место в обществе, получив бесплатное образование, здравоохранение, пенсионное и социальное обеспечение. Таким образом, люди переставали зависеть исключительно от патронажных отношений на рабочем месте, которые ранее были единственным источником социальных благ. Большинство подобных благ было, однако, весьма скромным и распределялось профессиональными союзами, а потому на практике они оказывались доступны только тем, у кого был стаж постоянной работы, и, таким образом, это лишь усиливало зависимость людей от системы «патрон—клиент», существовавшей в огосударственной экономике. Но проблема была не только в этом, в известном смысле система социального обеспечения подчеркивала социальную поляризацию — колхозники не имели на него права вплоть до 1965 г. и не получали паспорта до 1974 г., и это исключение подчеркивало их низкий социальный статус.

СПОРТ

В последовавшие после войны два десятилетия спорт развивался быстрыми темпами, и как зрелище, и как массовый вид активного отдыха. В городе, где все на одно лицо, он в каком-то смысле заменял собой *родину*. Он представлял собой превосходную замену гражданского самосознания — игроки и зрители могли быть лояльными советской системе и в то же время наносить удары по ее авторитарности и монолитности. В центр всеобщего внимания вышли футбольные команды. Самые известные команды собира-

ли огромные толпы, которые часами блокировали дороги и всю систему городского транспорта перед началом и после окончания главных футбольных матчей¹⁹. Среди страстных футбольных болельщиков был композитор Дмитрий Шостакович, он покупал сезонный билет на все матчи ленинградского «Динамо» и планировал расписание занятий в Консерватории так, чтобы успевать на стадион²⁰.

Фиктивный характер любительского спорта и система спортивных наград усиливали значение советской патронажной системы. Предприятия были в буквальном смысле патронами игроков своих команд. Директора предприятий подсказывали им тактику и состав команды, увольняли тренеров и даже подкупали судей, чтобы получить желаемый результат. Платить своим игрокам напрямую они не имели права, но могли удерживать лучших из них, предоставляя отдельную квартиру, пропуск в закрытые спецраспределители товаров и вообще разные привилегии, доступные только номенклатурной элите. Когда в 1975 г. спорткомитет Узбекской ССР поинтересовался у игроков ташкентской футбольной команды, что им нужно, чтобы они играли лучше, ни один из них не вспомнил об улучшении условий для тренировок, наоборот, «оказалось, что одному игроку нужна квартира получше, второму требуется установить телефон, а другие попросили дефицитного ширпотреба»²¹.

Оказалось, что массовый спорт развивается намного медленнее, не в последнюю очередь из-за того, что строительство спортивных сооружений требовало больших капиталовложений. Тем не менее после войны в школьных программах значительное место отводилось урокам физкультуры. К 1956 г. оказалось возможным провести Спартакиаду народов СССР, своего рода внутренние Олимпийские игры по всем основным видам спорта. К участию в квалификационных соревнованиях приглашались коллективы всех районов, областей, городов и республик. Финалы соревнований состоялись на стадионе «Лужники» в Москве перед партийными вождями, важными зарубежными гостями, среди которых был президент Международного олимпийского комитета Эвери Брандаж. Бегуны, сменявшие друг друга через каждый километр, принесли на стадион факел, зажженный от Вечного огня на Могиле Неизвестного Солдата подле стен Кремля. Спартакиада началась и завершилась огромными гимнастическими представлениями под лозунгами «Готовы к труду и обороне!», «Слава Родине!» и «Слава

КПСС!». Общекомандное первое место досталось Москве, второе — РСФСР, а третье — Ленинграду, этот результат очень верно отражал сложившиеся к тому времени в стране иерархии — национальную и «прописки»²².

С тех пор спартакиады проводились каждые четыре года с участием всех областей и народов СССР. В 1971 г. председатель Государственного комитета по физической культуре и спорту Сергей Павлов назвал спартакиаду «подлинным праздником братской дружбы народов нашей многонациональной страны». Но высшие награды продолжали доставаться Москве, Ленинграду, РСФСР, Украинской и Белорусской ССР²³.

Режим решил также начать серьезно участвовать и в международном спортивном движении. Подобно другим странам, СССР хотел победами в спорте укрепить позиции в международных делах и поднять свой престиж в глазах собственных граждан. Впрочем, его ставка на спортивные успехи имела гораздо большее значение, чем для других стран. Открыто провозглашенной целью стало «обеспечить успешные выступления советских спортсменов как средства широкой пропаганды наших достижений в строительстве коммунизма и развитии физической культуры и спорта». Советские руководители проявляли большую осторожность, когда нельзя было гарантировать успеха: в 1948 г., несмотря на полученное приглашение, Советский Союз не принял участие в Олимпийских играх, поскольку Сталину сказали, что его страна может плохо выступить. И все-таки в 1946 г. советские спортивные организации начали вступать в соответствующие международные объединения, начиная с футбола, баскетбола, лыж и тяжелой атлетики. Еще в 1945 г. московская футбольная команда «Динамо» приехала в Англию сыграть с «Арсеналом», «Челси», «Кардифф-сити» и «Глазго Рейнджерз», одержала две победы и свела две игры к ничьей. В 1947 г. советская баскетбольная команда, в составе которой были два русских, два литовца, два эстонец и два грузин, выиграла в Праге чемпионат Европы²⁴.

В сущности, с самого начала советские «профессиональные любители» имели хорошие шансы на успех в Олимпийских играх, выступая против настоящих любителей из других соревнующихся стран. На семи Олимпийских играх, состоявшихся за период с 1952 по 1976 г., Советский Союз шесть раз занимал первое общекомандное место на летних и зимних играх и был вторым на всех остальных. Его успехи хорошо распределялись по всем видам спорта.

Когда в высшей степени централизованная советская система концентрировала ресурсы и организационные усилия на определенной кампании, она добивалась успехов на самом высоком международном уровне, будь то производство ядерного оружия, межконтинентальных ракет и проведение космических исследований или достижение спортивных результатов. Приоритет развития спорта побеждал даже артритную медлительность бюрократии. Рассказывали об «одном футболисте, который внезапно понадобился [для встречи «Великобритания против остального мира». — Дж.Х.]. Его вызвали с курорта, где он отдыхал, на самолете доставили в Москву, оформили документы во всех учреждениях, в том числе визу, и отправили из Москвы в Англию, где прямо из аэропорта отвезли на стадион — и все это за какие-то 24 часа»²⁵.

К 1960-м гг. спорт в СССР выполнял ту же функцию, что и в большинстве европейских государств, но только в Советском Союзе ему придавали большее значение, потому что в стране наблюдался дефицит других форм гражданского самосознания. Он одновременно работал в двух направлениях: был формой коллективной идентификации, когда политический коллективизм переживал период упадка, но также стимулировал соревновательность и личные устремления к успеху. Кроме того, спорт предоставлял Советскому Союзу безболезненный способ доказывать свое право называться великой державой, в периоды, когда он сдавал позиции в политической и экономической сферах. Однако нужно обратить внимание еще на один момент. В отличие от Соединенного Королевства, где английские команды, принимающие участие в международных соревнованиях, считаются именно английскими, болельщики из ведущего этноса отождествляли свои команды с Советским Союзом, а не с Россией, которая никогда не выставила собственной команды на международные соревнования.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЦЕРКВИ

Возвращение к воинственному мессианскому социализму не могло не породить возобновление нападков на религию. С 1941 г. в стране наблюдалось мощное возрождение религиозного сознания, особенно в признанных конфессиях. К концу 1950-х гг. верующие отличались от тех, кто пережил 1930-е гг. Война наложила глубокий отпечаток на то, как все люди воспринимали свою страну, и

породила всеобщую заботу о доме и семье. Большинство людей познали крайности переживаний страха, отчаяния, надежды и горя. Выросло целое новое поколение молодых людей, которые, несмотря на то что в детстве не прошли религиозной социализации, слышали о том, что пережили их деды и родители, и задумывались о судьбе своего народа, испытывая тягу к его познанию, как правило, с патриотических позиций. Небольшое, но значимое меньшинство населения привлекала православная церковь, потому что была для них мостиком к прошлому и служила источником духовной пищи.

Немногие выжившие, прошедшие через страдания и теряющие последние силы дореволюционные священники и епископы имели теперь возможность передавать свое наследие новому поколению священнослужителей, выпускникам семинарий, вновь открывшихся в 1940-х гг. Служение церкви вряд ли сулило завидную карьеру, поэтому священники молодого поколения уже в силу этого обстоятельства были людьми сильных убеждений, некоторые из них пришли к вере через перевернувшее их жизнь обращение. От них можно было ожидать, что они успешнее, чем их предшественники, смогут найти в себе волю и преисполниться желанием донести веру до паствы, унаследовавшей культуру религиозного невежества. В силу тех же самых причин намного привычнее стали выступления с проповедями, и некоторые священники проводили беседы, стремясь глубже раскрыть церковные догматы и содержание церковной жизни²⁶. Другие священнослужители пошли даже дальше. Епископ Костромской Арсений (Крылов), например, читал откровенно антимарксистские проповеди, позволял проводить службы у стен закрытых храмов и поощрял паломничество к святыням в своей епархии. 15 мая 1956 г. в отсутствие заболевшего уполномоченного Совета по делам религий он провел массовую службу под открытым небом²⁷.

Обеспокоенный такими возрожденческими тенденциями и заметной общественной реакцией на них, ЦК партии предпринял попытку противопоставить этому собственные меры. В сентябре 1958 г. по партийным организациям была разослана записка «О недостатках в научно-атеистической пропаганде», в которой предупреждалось, что благодаря «искажению церковной политики социалистического государства» создались возможности для «распространения “реакционной идеологии” и для активизации открытых и скрытых врагов советской власти»²⁸. Как всегда, рели-

гиозное возрождение объяснялось военным языком, как борьба между добром и злом.

Почувствовав, что тучи сгущаются, патриарх Алексей I безуспешно пытался добиться приема у Хрущева, чтобы обсудить с ним ситуацию. Затем в феврале 1960 г. он сам перешел в наступление. На конференции по разоружению он напомнил международной аудитории, что Библия — это «источник идеи всеобщего мира»²⁹, ради которого собрались все делегаты, и что православная церковь представляла миллионы советских граждан. Более того, он напомнил, что церковь сыграла решающую роль в создании Российского государства. «На заре русской государственности, — заявил патриарх, — церковь помогла установить в России гражданский порядок... укрепить правовые основы семьи, утвердить положение женщины как юридического лица, осудила ростовщичество и рабство, развивала в человеке чувство долга и ответственности и часто с помощью своих канонов заполняла бреши в государственном законодательстве». Церковь «создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и все еще остающиеся предметом национальной гордости нашего народа». Она помогла сплотить разрозненные земли в одно единое целое, «защищая значение Москвы как единственного церковного и светского центра Российской земли». Она вела и вдохновляла русский народ во время иностранных вторжений, до самых недавних памятных событий. «Она оставалась с нацией во время Второй мировой войны, помогая всеми имеющимися у нее средствами одержать победу и добиться мира».

Эта речь была не чем иным, как попыткой перехватить идеологическую инициативу. Указав на важное место церкви и в создании русской идентичности, и в международном движении за мир, Алексей исподволь бросил партии вызов в двух ее важнейших идеологических крепостях. Автором речи Алексея был митрополит Николай, после войны возглавивший кампанию за превращение Русской православной церкви в лидера мирового православия. Речь вызвала резкую реакцию зала: «Вы хотите сказать, что вся русская культура была создана церковью, что мы всем обязаны ей, но это неправда!»³⁰

Ответ партии был жестким. Через несколько месяцев митрополита Николая сняли с поста начальника отдела внешних сношений патриархата и удалили с кафедры Московской митрополии, невзирая на личное обращение к Хрущеву. Вскоре он внезапно умер, поговаривали, что от сердечного приступа. На пост председателя

Совета по делам Русской православной церкви (с 1965 г. — Совета по делам религий) вместо Карпова был назначен В.А. Куроедов, который превратил свою должность из посреднической между церковью и государством в пост чрезвычайного и полномочного представителя государства в церкви. Как видно из недавно ставших открытыми документов, Карпов пытался быть справедливым и следить за тем, чтобы церковь могла на деле функционировать в узких рамках, установленных советским законом³¹. Под тяжелой дланью его преемника уже и без того урезанная автономия была еще более сокращена. В июле 1961 г. Куроедов собрал Синод, который под его нажимом согласился реформировать приходы, в результате чего священники теряли большую часть своих возможностей. С этого момента все мирские дела прихода, включая закрытие церкви, должны были вершиться местным исполнительным комитетом в составе трех человек. Священник должен был стать их простым наемным работником, на которого возлагались обязанности по надзору за духовными делами прихода. Новая структура облегчала партийным активистам возможность проникать в приходские советы и направлять их деятельность по курсу, приемлемому для местного Совета, и рано или поздно выносить «демократическим путем» решение о том, что деятельность данной церкви не соответствует общественным потребностям, а посему может быть закрыта³². Административные меры сопровождались усилением кампаний по «научно-атеистическому» образованию. В 1959 г. был основан новый журнал «Наука и религия», активизировалась атеистическая пропаганда на собраниях, посредством лекций и на киноэкране. Молодых людей, о посещении которыми церкви становилось известно, вызывали на «специальную беседу». Для того чтобы затруднить подготовку следующего поколения священнослужителей, закрыли пять из восьми семинарий, а прием в оставшиеся ограничили³³.

Естественной трибуной для нападок на церковь стал XXII съезд КПСС, который собрался в 1961 г. для того, чтобы принять программу строительства коммунизма. Второй секретарь Московского областного комитета КПСС О.П. Колчина подчеркнула: «Мы не можем не видеть, что некоторые из нас, в том числе молодежь, попали в сети попов и сектантов, которые заметно активизировались за последнее время... Нужно добавить, что, благодаря самоуспокоенности, некоторые товарищи своими действиями созда-

ли условия, которыми духовенство может воспользоваться для возрождения религиозных верований и празднования церковных праздников»³⁴.

Результат не заставил себя ждать. К 1965 г. православные храмы были закрыты в таких больших городах, как Рига, Орел, Брянск и Чернигов. Из все еще функционировавших в 1958 г. церквей оказались закрытыми 43% (их число сократилось с 13 430 до 7560). В Киеве из 25 осталось только 8 церквей, в Одессе — 9 из 23, в Ростове-на-Дону — 4 из 12. В ряде крупных городов и регионов, таких как Калининград и Камчатка, церквей вообще не осталось. Много закрытий произошло и на западе СССР, в Западной Белоруссии и Западной Украине, где церкви оставались открытыми с момента аннексии в 1939 г. или были вновь открыты во время германской оккупации. Цифры значительно разнились от епархии к епархии, что свидетельствует о том, что многое зависело от рвения представителей Совета по делам религий и их взаимодействия с духовенством и местными властями³⁵. Во время проведения антирелигиозной кампании бывали случаи, когда церкви закрывали прямо во время службы или разгоняли собрания верующих. В одном городе группа молодых людей ворвалась в церковь во время службы, неся высоко поднятую над собой обнаженную девицу. Когда они попытались вломиться в алтарь и положить девицу на стол, на котором готовили причастие, вмешались прихожане, и завязалась драка³⁶. В некоторых церквях дело доходило до вандализма, когда иконы и другие предметы церковного обихода разворачивались или уничтожались, отмечались случаи изнасилований и даже убийств, запугивания и нападений на верующих. В некоторых регионах местные Советы требовали установления опеки над детьми верующих под тем предлогом, что их родители страдают психическими расстройствами. Священников (среди них архиепископов Казанского Иова (Кресовича) и Черниговского Андрея (Сухенко)) и верующих арестовывали, обвиняя в «тунеядстве» и «растрате церковных средств»³⁷.

Еще больше пострадали монастыри. Их число сократилось с около 90 до менее 20. Вероятно, на них особенно яростно напали потому, что они играли существенную роль в воспитании религиозной культуры и памяти. Они являлись центрами, где могли останавливаться паломники, посещавшие святые места, куда могли приходиться прихожане, чтобы в уединении почитать или предаться размышлениям; там священнослужители могли пользоваться биб-

лиотеками, часовнями, обогащать свою духовную жизнь в беседах со старшими и мудрейшими. Закрытие монастырей нередко происходили внезапно, как снег на голову, — монахам и монахиням не предлагали жилья, а просто советовали расходиться по родственникам или отправляться в дома для престарелых. Бывали случаи, когда верующие, вооружившись палками, камнями и вилами, организовывали круглосуточную охрану монастырей и закрытие монастыря сопровождалось стычкой с верующими. Среди закрытых монастырей оказалась и Киево-Печерская лавра — первый из православных монастырей Древней Руси и сердце русского православия³⁸.

В конечном итоге возобновившееся преследование ужесточило последствия предвоенной религиозной политики. Снова отсеялись нетвердые в вере и карьеристы, а искренне верующие ушли в глухую оборону упрощенной версии своей веры. Число преданных верующих, видимо, прямо соотносилось с числом церквей в регионе, о чем можно судить по исследованию 1988 г. Оно показало, что во Львовской области, где традиционно было большое количество действующих церквей, число людей, считавших себя верующими, было в несколько раз выше, чем в Кемеровской области, где десятками лет почти не имелось действующих храмов³⁹.

Главное же, церковь осталась в подчинении государства во всем, что она делала. Ее старшие священнослужители были частью номенклатурной иерархии, регулярно сдавая отчеты о своем служении партии, а не церкви. Усердие в богослужении или разъяснении церковного учения оборачивалось для них черной меткой, соблюдение налагаемых государством ограничений и энергичное участие в движении за мир удостоивалось высокой похвалы⁴⁰. Сделанные во время и после войны послабления в конце концов были ликвидированы, и любая форма религиозной активности снова стала невозможной. Церковь осталась замкнутой общиной, полностью посвящающей себя еженедельным литургическим службам. Действительно, посторонние могли посещать службы, и некоторые так и делали, но они привлекали их как чарующий и таинственный спектакль, который возбуждал их любопытство, но оставался малопонятным.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ГУЛАГА

В своем «секретном докладе» на XX съезде партии, посвященном сталинским преступлениям, Хрущев дал понять, что несправедливо осужденным следует позволить вернуться из тюрем и трудовых исправительных лагерей и получить полную реабилитацию. Этот процесс начался даже до хрущевской речи и всю середину 1950-х гг. набирал обороты. Для миллионов эзков внезапно стало явью то, что годами грезилось им, как несбыточный сон, — они стали свободными, могли вернуться домой, перед ними замаячила перспектива оправдания и возвращения к полноценному участию в жизни общества.

На деле же их доля оказалась вовсе не такой радужной. Евгения Гинзбург, освобожденная после десяти лет колымских лагерей, пришла со справкой об освобождении в специальную комнату для получения «бланка А», необходимого для получения паспорта. Она вспоминает: «Окошко, в котором выдавали документы, было глубоко в стене, и сидевший за ним человек виделся так, словно смотришь на него в бинокль с обратной стороны стекол». Когда он попросил ее протянуть руку, она подумала, что он хотел пожать ее в знак того, что несправедливое заключение позади и что теперь она принимается в среду полноправных членов общества. Однако она была жестоко разочарована: «Вы просидели десять лет и все еще не знаете порядков», — рявкнул он, указывая на подушечку с чернильной мастикой, к которой она должна была приложить палец. «А я-то думала, что свободна. Все мое освобождение сводилось к тому, что я могла пока ходить без конвоя. Я оставалась с тюремщиками на всю жизнь. Даже теперь, после десяти лет тюрьмы, они снова требовали от меня отпечатков пальцев, они хотели запугивать и преследовать меня до самой гробовой доски»⁴¹.

Пережитое этой женщиной было характерным явлением. Редко бывшему эзку удавалось вернуться к нормальной жизни и стать полноправным членом общества. Действительно, существовала процедура, с помощью которой через суд устанавливалась незаконность их заключения и тогда они реабилитировались, но лишь незначительное число эзков полностью прошли через нее. Подсчитано, что между 1954 и 1958 гг. было освобождено около 4 млн заключенных. Из них в тот же период были полностью реабилитированы лишь около 700 тыс. За годы перестройки в 1987—1989 гг. реабилитацию получили еще 840 тыс. человек. В 1991 г. все еще не

были рассмотрены дела 2 млн человек, из них 500 тыс. были реабилитированы к 1993 г., но к этому времени накопилось еще гораздо больше нерассмотренных дел, и это через 40 лет после ликвидации ГУЛАГа и закрытия большинства лагерей⁴².

Дело в том, что большинство советских руководителей, сознательно или подсознательно, считали всех, кто «сидел», в той или иной степени виновными и не желали их возвращения в общество в качестве полноправных граждан. Евгений Эдуардович Гаген, журналист, «просидевший» 14 лет, был полностью реабилитирован в 1955 г., но даже при этих условиях наткнулся на большие трудности с получением временной прописки в Москве, не говоря уже о паспорте. Когда он стал жаловаться, чиновник ответил: «Ну и что? Это вам Москва, а не деревня!» Потенциальный работодатель дал ему понять, что его лагерное прошлое будет всегда висеть над ним — «даже несмотря на то, что я был реабилитирован, в его глазах я оставался личностью с темным прошлым»⁴³.

В худшем случае те, кто фабриковал обвинения, испытывали страх перед встречей со своими жертвами. Как писала в 1956 г. Анна Ахматова: «Теперь вернуться все заключенные, и две России будут смотреть в глаза друг другу: те, кого сажали в тюрьму, и те, кто сажал их туда»⁴⁴. Даже и без таких личных очных ставок быстрая общая реабилитация все тех, кто был безвинно обвинен, как позже признавал Анастас Микоян, показала бы, «что страной командует не законное правительство, а шайка бандитов с большой дороги»⁴⁵.

Часто восстановить право собственности и социальный статус реабилитированного было невозможно. Квартиру теперь занимал кто-то другой, и в условиях серьезной нехватки жилья существовало мало вероятности получить что-либо в какой-то степени сопоставимое. Некоторые бывшие эки пытались получить назад награды, но наталкивались на непреодолимые препятствия: из 73 тыс. граждан, лишенных правительственных наград между 1938 и 1953 гг., только немногим более 2 тыс. сумели вернуть их к 1958 г. Из тех, кто подал заявления о восстановлении в коммунистической партии, восстановлены были лишь около половины⁴⁶.

Судьбы людей, их гордость своим общественным положением и затем их приверженность существующему строю — все это оказалось перемолото сталинской мясорубкой и просто не могло быть снова сшито воедино.

Те же проблемы проявлялись и с семьями эков, так как не везде ждали их возвращения. Во многих случаях прошло слишком

много времени (нередко около 20 лет), немногие семьи могли просто вернуться к исходной точке после такой долгой разлуки. Жизнь продолжалась: супруги устраивались по-новому, переходили на другую работу, переезжали на новое место жительства, в одиночку или с другими партнерами растили детей. В любом случае заключение накладывало свой зловещий отпечаток. Одной маленькой девочке мать сказала, что ее отец погиб на войне, и она всегда спала с его фотографией под подушкой, это был герой ее детства. Потом в середине 1950-х гг., как гром среди ясного неба, она получила от него письмо, он писал, что его только что освободили из лагеря и что единственное, что помогало ему выжить все эти годы, были мысли о дочери. Мать девочки оцепенела, услышав о письме, и заявила: «Да, это от твоего отца. Он был в тюрьме. Он враг народа». Поскольку девочка привыкла уважать чувства матери, она ответила отцу: «Я не хочу тебя знать»⁴⁷. У человека отняли семью, а у ребенка ее героя. Так тени прошлого, его параноидальные образы продолжали пожирать свою страшную жатву.

Даже тем кому удалось вернуться к своим семьям, испытывали трудности, когда речь заходила об их лагерной жизни. Как солдаты, вернувшиеся с войны и привыкшие к зрелищам зверств, они обнаруживали, что обычная гражданская жизнь совершенно не похожа на ту, к которой они привыкли. Им никак не удавалось найти подходящую форму рассказа, и они мучились, опасаясь, что могут травмировать сознание своих слушателей. Прошлое лучше всего преодолевается в беседе с сопереживающим слушателем, но сопереживание требует чего-то глубоко общего, каких-то общих представлений⁴⁸. Одна женщина встретила с матерью, с которой не виделась 13 лет, они расстались, когда она была девятилетней девочкой: «Мы были самыми-самыми близкими людьми, каких только можно себе представить, мать и дочь, и все-таки мы были чужими, говорили о пустяках, больше плакали или молчали»⁴⁹.

Приходилось преодолевать и другие барьеры. Некоторых эзков при освобождении принуждали подписывать документы о неразглашении сведений о лагерной жизни. Они боялись, что нарушение подписки может вернуть их обратно. Некоторые просто не желали вспоминать о прошлом, забыть о котором казалось лучше всего. Над другими, наоборот, настолько довлело пережитое, что оно пронизывало все стороны их жизни, заставляя просыпаться, крича от ночных кошмаров. Некоторые убирали с входных дверей звонок, потому что дорога в ад началась для них со звонка в дверь.

Другие прошли через длительные периоды тревожных состояний или депрессий, которые советская психология не умела лечить. С такими людьми семьи уживались с огромным трудом, и нередко это заканчивалось новым расставанием⁵⁰.

Возможно, доставшиеся им от прошлого неопределенность и отсутствие уверенности способствовали всплескам энергии, даже неистовства, с которыми некоторые русские погружались в поиски лучшего коллективного будущего. Историк Кэтрин Мерридейл, чье исследование смерти и горя глубоко вникает в русскую социальную психологию, выдвинула гипотезу, что многие русские так никогда и не восстанавливали личное равновесие и старались вместо этого затеряться в коллективе. Ее работы были написаны в 1990-х гг., и она обратила внимание на то, что «русские, по-видимому, и в самом деле уживались с воспоминаниями о невыразимых утратах, отдаваясь работе, пению или размахиванию красным флагом. Некоторые теперь не могут вспоминать об этом без смеха, но почти каждый испытывает ностальгию по утраченным теперь коллективизму и общей цели»⁵¹. Как бы ни толковать их реакцию, ясно, что подобные проявления мало помогали, если помогали вообще, залечить раны прошлого и восстановить более тесно сплоченное русское или советское гражданское сообщество. Вместо этого старые формы дробления и разногласий заменялись новыми, которые камуфлировались показными демонстрациями единодушия.

МЕЧТАНИЯ О ТЕХНИЧЕСКОМ ПРОГРЕССЕ

Самым убедительным элементом хрущевского возвращения Утопии была космическая программа. Своими корнями она уходит в утопизм русских мыслителей начала XX в. Она развилась из фантастического прозрения Константина Циолковского (1857—1935), который был пионером в области авиации и ракетостроения. Он всегда мечтал о том, чтобы сделать возможным космический полет, дать человечеству возможность использовать энергию солнца, колонизовать Солнечную систему и построить космические города. Он питал некие надежды на установление контакта с высшими, интеллектуально более развитыми существами из других частей космического пространства и тем самым победить смерть. Циолковский руководствовался виталистическим пантеизмом, сходным с пантеизмом Федорова. «Смерть — это одна из ил-

люзий слабого человеческого ума, — однажды высказался он. — Смерти нет, потому что существование атома в неорганической материи связано с памятью и временем — как будто их вообще не существовало»⁵².

Циолковский разработал много основополагающих принципов, которые позже были применены в космических полетах, в том числе жидкое топливо и многоступенчатые ракеты-носители. Они были развиты дальше при поддержке маршала Тухачевского. Однако в 1930-х гг. Циолковский умер, а Тухачевского арестовали, программа утратила институционную поддержку и сошла на нет. Ее возобновили после Второй мировой войны, но теперь уже совершенно в ином контексте, не для космической колонизации, а как часть щедро финансируемой программы достижения военного паритета с Соединенными Штатами с помощью создания межконтинентальных баллистических ракет, способных нести разрушительное оружие. Это был второй этап оборонной революции, которую начал Сталин, приступив к созданию атомной бомбы. Книга «Военная стратегия» (1962) начальника Генерального штаба маршала В.В. Соколовского показала, что СССР отошел от концепции огромных сухопутных вооруженных сил, осознав пользу глобальной агрессивной мощи, основанной на межконтинентальных баллистических ракетах с ядерными боеголовками⁵³. В соответствии с этой стратегией в конце 1950-х гг. Хрущев сократил сухопутные войска и создал новый вид вооруженных сил — Ракетные войска стратегического назначения. Так космическая программа в конечном итоге превратилась в дорогостоящее ответвление зловещего военно-промышленного комплекса.

Но в целом программа оказалась эффективной. 4 октября 1957 г. ракетой СС-6, представлявшей собой усовершенствованную германскую ракету В-2, был запущен на орбиту Земли первый искусственный «Спутник-1», что вызвало в США бурю сомнений и обеспокоенности. Вскоре за ним последовал еще один спутник с Лайкой (черно-белым фокстерьером) на борту, которая таким образом стала первым земным живым существом, оказавшимся в космосе. На собаке были закреплены датчики, передававшие на землю биологические данные о реакции ее организма на перегрузки космического полета. В октябре 1959 г. СССР запустил еще два спутника, сделавшие фотографии обеих сторон Луны⁵⁴.

Хрущев использовал эти достижения, чтобы подчеркнуть не только научное, но и военное значение спутника: «Мы теперь мо-

жем посылать ракету в любую точку мира и, если понадобится, с ядерной боеголовкой. Наше заявление об этом было встречено недоверием и рассматривалось как попытка советского руководства внушить уверенность своему собственному народу и запугать западные правительства. Но когда Советский Союз, используя межконтинентальную баллистическую ракету, запустил искусственный спутник Земли, и когда он начал вращаться вокруг земного шара, и когда все, если они не слепые, смогли увидеть его, посмотрев на небо, наши противники замолчали»⁵⁵. Эти хвастливые слова произнес руководитель государства, стараясь преодолеть комплекс неполноценности и подтвердить статус своей страны как одной из двух сверхдержав.

Своего апогея советская космическая программа достигла в апреле 1961 г., когда летчик-испытатель Юрий Гагарин стартовал с космодрома Байконур (расположенного в полупустынных степях Казахстана к востоку от Аральского моря), чтобы стать первым человеком, побывавшим в космическом пространстве. Не менее важным было то, что через 1,5 часа ему удалось вернуться на Землю, не сгорев при вхождении в атмосферу, и приземлиться почти точно в заданной точке⁵⁶. Ему присвоили звание Героя Советского Союза, и Хрущев лично встречал его на Красной площади. Новаторские победы 1930-х гг. были повторены на еще более высоком уровне, и на какое-то время советский священный миф, по-видимому, успешно обновился и даже наполнился новым горением. «Правда» писала, что полет Гагарина «убедительно продемонстрировал всему миру огромное превосходство новой социалистической системы над капитализмом»⁵⁷. Журналист Николай Грибачев говорил о том, что Соединенным Штатам следует извлечь из этого урок: «Мы все еще не сняли лозунга “Догоним и перегоним Америку!”. Теперь американцам придется выставить лозунг “Догоним и перегоним Советский Союз!”»⁵⁸.

Второй космонавт Герман Титов, более образованный и развитый человек, нежели Гагарин, сообщал из космоса словами, которые возрождали в памяти поэтов-космистов или супрематизм картин Малевича или Кандинского: «Пугающая агрессивная яркость солнца контрастирует с чернильно-черной тенью планет, алмазным блеском сверкают звезды, и планета светится красивым зеленовато-голубым нимбом»⁵⁹. Какое-то время казалось, будто фантастические наития Циолковского сбываются.

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Неожиданной поддержкой советским утопическим фантазиям оказался захват власти на Кубе Фиделем Кастро в январе 1959 г. Кастро открыл перед Советским Союзом и идеологические, и стратегические возможности. Он предложил модель социалистической революции, независимой от Москвы и способной распространяться по странам третьего мира, особенно Латинской Америки. Тем самым он возродил международную устремленность социализма и память о надеждах 1920-х гг.

Для Советского Союза не меньшую роль играли и полученные в результате стратегические преимущества на мировой арене. Куба была потенциальным плацдармом для советских ракет. Советский Союз только что приступил к производству межконтинентальных баллистических ракет, способных нанести удар по территории Соединенных Штатов со стартовых площадок на своей территории. Но на Кубе СССР мог разместить ракеты среднего радиуса действия, которыми располагал в значительно большем количестве; они могли поражать цели от Далласа (Техас) до Вашингтона. Как заявил Хрущев на заседании Совета обороны: «Американцы окружили нашу страну военными базами и угрожали нам ядерным оружием, а теперь они узнают, как себя чувствовать, когда на тебя направлены ракеты противника... Соединенные Штаты находятся теперь не на таком недостижимом расстоянии от Советского Союза, как прежде. Фигурально выражаясь, в случае необходимости советские артиллеристы могут поддержать кубинский народ своим ракетным огнем в случае, если агрессивные силы в Пентагоне осмелятся начать интервенцию против Кубы». Когда партизаны Кастро начали добиваться успеха, КГБ символически переименовал свое оперативное дело по Кубе, сменив кодовое название с «Юнцы» на «Аванпост»⁶⁰.

Именно по этой причине президент Кеннеди был преисполнен решимости уничтожить Кастро и вернуть Кубу в орбиту своей гегемонии. С этой целью в апреле 1961 г. он направил вооруженные формирования для вторжения на Кубу в заливе Кочинос и продолжал скрытные военные приготовления после того, как высадка не удалась. Когда в сентябре—октябре 1962 г. Хрущев ответил доставкой на Кубу ракет с ядерными боеголовками, то имел при этом в виду и защиту Кубы от нападения США, и одновременно преодоление ракетно-ядерного дисбаланса, который в то время начал складываться не в пользу Советского Союза.

Инициатива Хрущева была чревата колоссальным риском. Когда ЦРУ обнаружило ракеты и Кеннеди потребовал у советского руководства ответа, у последнего не было иного выхода, как признать поражение — альтернативой был ядерный конфликт с бесчисленными жертвами, так как Хрущев понимал, что США обладают полным военным превосходством в Карибском бассейне⁶¹. Хрущев отступил и вывел с Кубы свои ракеты. Своим решением он раскрыл тот блеф, на который пошел, считая, что это было необходимо для поддержания позиций Советского Союза как сверхдержавы. Всем стало ясно, что СССР по-настоящему не может равняться с Соединенными Штатами.

Эта капитуляция серьезно ослабила советские претензии на роль лидера социалистического движения, которые до этого едва ли кто-либо ставил под сомнение. Китайское руководство получило бесценную возможность поиздеваться над советскими претензиями. Кастро был взбешен, узнав, что поначалу им воспользовались, как заложником в игре великих держав, а затем бросили, вооружив одним только устным обещанием Кеннеди не нападать на него. А восточноевропейские руководители хотели быть уверенными, что СССР поддержит *их* в возможных будущих кризисах⁶².

Преемники Хрущева были полны решимости больше не допускать подобных просчетов. Как отмечал американский историк Адам Улам, с геостратегической точки зрения Карибский кризис означал «провал самой широкомасштабной и далекоидущей политической линии, которая проводилась в Советском Союзе после конца Второй мировой войны, теперь приходилось собирать рассыпавшиеся кусочки и переосмысливать всю проблему»⁶³. Продолжая расширять программу производства ядерного оружия, Советский Союз одновременно вернулся к массивированному наращиванию традиционных видов вооружения, включая надводные и подводные военно-морские силы, с тем чтобы распространить советскую мощь на все зоны земного шара, где может возникнуть международный кризис. Советские граждане, особенно русские и украинцы, были приговорены к дальнейшим десятилетиям вынужденного аскетизма и нищеты ради финансирования роста обычных вооружений. Это стало высокой ценой, заплаченной за статус сверхдержавы.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ БЕСПОРЯДКИ

К моменту смерти Сталина после коллективизации сельского хозяйства выросло практически целое поколение. Обнищание и деморализация деревни сделались признанным фактом. А также и то, что ее результатом стала хроническая нехватка продовольственных товаров. В городских продовольственных магазинах потенциального покупателя встречал удручающий набор: горка увядших кочанов капусты, кучка сморщенного картофеля и пирамиды пылившихся месяцами консервных банок. Желавший приобрести более качественную пищу мог ее найти, но только по распределению по месту работы или по более высоким ценам на рынках, где крестьяне продавали продукцию, выращенную на небольших приусадебных участках.

Партийному руководству пришлось решать эту проблему. Если городские рабочие, считавшиеся ведущим классом общества, не будут в достаточной степени обеспечены питанием, партия утратит свою легитимность. Более того, низкая производительность сельского хозяйства и удручающее моральное состояние колхозников не только создавали угрозу питанию городов, но также наносили удар по представлениям русских о себе как о народе с глубокими деревенскими корнями.

Хрущев успел сделать несколько недолговечных уступок колхозам и совхозам, но его главной программой стало поднятие так называемых «целинных земель», прежних пастбищных угодий в Северном Казахстане и Западной Сибири. Это были не совсем «целинные» земли, поскольку на них в начале XX столетия осели «столыпинские крестьяне», но потом они были раскулачены и в 1930-х гг. высланы, после чего большая часть земли осталась заброшенной. Теперь было намечено сделать эти земли главным источником продовольственного зерна для советских мукомолов и булочных, а традиционные производители зерна на Украине и в Черноземье должны были выращивать кукурузу на корм скоту, чтобы восстановить отстающий мясо-молочный сектор. Для ускорения реализации программы мобилизовали комсомольцев-добровольцев, которые должны были восполнить нехватку рабочей силы до того времени, когда наладится работа новых хозяйств. Об их энтузиазме рассказывалось в газетах и пропагандистских фильмах

на фоне рядов комбайнов,двигающихся по бескрайним степям среди бесконечных рядов пшеничных колосьев, раскачиваемых легким ветерком.

Впрочем, с самого начала эта инициатива стала пробуксовывать из-за недостатков, заложенных в самом советском строе. Подобно пятилеткам, программа поднятия целинных земель проводилась как военная операция — с максимальной быстротой и стремлением непрерывно трубить о «победах». Хрущев подгонял реализацию программы, не дожидаясь результатов научных исследований почв и без принятия соответствующих мер по сохранению плодородного слоя. Несколько лет дело шло хорошо, год от года росли поставки хлеба, и создавалось впечатление, что угроза голода навсегда ушла в прошлое. Но без интенсивной ирригации, лесопосадок и севооборота или применения удобрений почвы оказались уязвимыми к длительным засушливым периодам. Между 1960 и 1965 гг. в результате следовавших одна за другой пыльных бурь большая часть плодородного слоя оказалась выдутой. Некоторые участки сделались аридными, и плодородность еще большего количества полей серьезно упала. Производство зерна снова сократилось⁶⁴.

Таким образом, в 1950-х гг. Казахская ССР стала важнейшей республикой для развития СССР. Здесь реализовывались космическая программа и план поднятия целины, т.е. именно здесь пребывала самая сердцевина надежд на возвращение Утопии. Но и тут оптимизм и социальный динамизм, вызванный Хрущевым у молодежи, натолкнулся на барьеры, оставшиеся со времен сталинской тирании. С 1930-х гг. Казахстан использовался как выгребная яма советской системы исполнения наказаний. Он весьма подходил для этих целей и по своим огромным размерам, и по суровому климату, и по необходимости развивать инфраструктуру в условиях тотальной нехватки свободных рабочих рук для такой тяжелой работы. Ручной труд для крупных промышленных проектов выполнялся зэками, спецпоселенцами и представителями «репрессированных народов», высланными из своих родных мест. Подсчитано, что около $\frac{1}{8}$ части населения Казахстана составляли такие «репрессированные» жертвы Советского государства. Особенно высокая концентрация таких лиц наблюдалась в индустриальном городе Караганде и его окрестностях, где сооружался громадный металлургический комбинат, который иногда называли «Второй Магниткой»⁶⁵. Пьянство, хулиганство, стычки между бандами и тому подобные акты насилия были обычным делом, и местная милиция привыкла разбираться с этим с присущей ей быстротой и нередко жестокостью.

Приток молодых рабочих в новые промышленные центры и проезд комсомольских добровольцев на целинные земли принесли в регион совершенно другой дух. Это были честолюбивые, хорошо образованные, часто идеалистически настроенные молодые люди, вдохновленные целями и духом официальной пропаганды, полные желания «построить социализм», а также нередко и сделать карьеру. Они столкнулись с более примитивными условиями жизни, чем большинство из них когда-либо встречалось, а также с пьянством, азартными играми, драками и воровством. Часто жертвами этих инцидентов становились юные комсомольцы. В условиях плохого снабжения, неорганизованности, подозрительности, а порой враждебности местного населения новички объединялись в собственные импровизированные организации в проверенном временем русском стиле. Они создавали скрепленные «круговой порукой» группы самообороны со своими выборными вожаками⁶⁶.

Летом 1959 г. на Карагандинский металлургический комбинат в пригороде Темиртау в дополнение к активистам-целинникам прибыло около 2 тыс. добровольцев-комсомольцев в возрасте 17—20 лет. Это был один из крупнейших индустриальных объектов эпохи, гордость Казахстана. Несмотря на это, вновь прибывших разместили в огромных коллективных палатках, зиявших дырами и протекавших под дождем, без необходимых условий для принятия душа или стирки и сушки белья. Молодой комсомолец Нурсултан Назарбаев (будущий президент постсоветского Казахстана) был одним из них. «Прожив какое-то время в мокром и грязном подвале, мы перебрались в неотапливаемое помещение, где согревались, укладываясь спать по двое на железных койках, накрытых матрацами. Негде было даже повесить высушить одежду... Не было никаких условий для отдыха, единственным развлечением были большие драки. Обычным делом были убийства и серьезные преступления»⁶⁷. Радио не было. Газеты доставляли только изредка. На стройплощадки оборудование часто привозили с запозданием или в нерабочем состоянии, из-за больших простоев нормальной работы не получалось. Хуже всего было то, что питание было нерегулярным, а вода нередко заражена. Подобные условия как будто специально были рассчитаны на превращение идеализма в озлобление и агрессивность⁶⁸.

1 августа 1959 г. вернувшиеся со стройплощадки в свои палатки рабочие увидели, что нет воды ни для питья, ни для умывания. Такие перебои с водой бывали достаточно часто, но на этот раз

разгорелись нешуточные страсти, и молодые рабочие проникли в столовую, избили ночного сторожа, разворовали еду и напитки. Под конец приехала милиция и арестовала двух первых попавшихся под руку участников беспорядков. Добровольцы ответили групповой солидарностью и направились к отделению милиции, чтобы освободить своих товарищей. Поскольку большая часть милиционеров все еще находилась в помещении столовой, толпа сумела ворваться в отделение и переломала там все, хотя задержанных освободить не смогла. На следующий вечер милиция согласилась их освободить, но к этому моменту прибыли солдаты, и конфликт вспыхнул с новой силой. Толпы молодых людей напали на отделение милиции и разнесли его, потом попытались повторить то же самое с универсамом и зданием управления металлургического комбината. В создавшейся обстановке солдаты открыли огонь, и 16 человек были убиты или смертельно ранены, 27 — получили ранения. Столкновение было серьезным: было ранено 109 солдат и милиционеров, 190 человек арестовали, среди них 75 комсомольцев⁶⁹.

Весь этот инцидент показал, насколько казахская милиция и Советская армия были не готовы к операциям по контролю за поведением толпы. Характерной была и явно паническая реакция советского руководства. Хрущев с коллегами все еще не оправались от реакции общественности на раскрытие правды о сталинских преступлениях.

К тому же они только что огласили на XXI съезде КПСС масштабную программу экономического развития страны, в результате выполнения которой Советский Союз должен был к 1980 г. догнать Соединенные Штаты по основным экономическим показателям. Они не могли допустить попадания на Запад или даже в собственную советскую аудиторию информации о серьезных социальных потрясениях и экономических провалах. О Темиртау, как и других конфликтах внутри Советского Союза, не сообщало ни одно советское средство массовой информации.

На протяжении 1955—1963 гг. обычными были небольшие случаи рабочих волнений. Они проистекали из недовольства, которое накапливалось с конца войны, особенно по поводу продолжавшегося неравенства и несправедливости, беспомощности и произвола милиции или, наконец, из ожиданий, возникших после критики сталинского террора и перехода к «социалистической законности». Рабочие, которым внушали, что они правящий класс, были разочарованы дважды: сначала после окончания войны и потом после «секретного доклада» Хрущева⁷⁰.

Самые серьезные беспорядки произошли в июне 1962 г. в Новочеркасске. К этому времени, когда «на целине» прошли пыльные бури, снова стало плохо с продовольствием. Города испытывали серьезную нехватку продуктов питания, и недовольные жители бурно обсуждали в очередях неудовлетворительное состояние экономики. Как это часто бывает, недовольство было особенно сильным потому, что перед этим несколько лет трудностей с продовольствием не было и стало забываться, что они снова могут вернуться. К этому времени для рабочих стало само собой разумеющимся, что государство через предприятия, на которых они работали, было обязано за их нормальный труд обеспечивать им прожиточный минимум. Поэтому их недовольство касалось не только заработной платы и условий труда, но еще и жилищных условий, снабжения продуктами питания, городских коммунальных служб и поведения милиции. Пенсионер из Куйбышева писал Хрущеву: «Нужно поменять местами подписи под плакатами о нищете и безработице в капиталистических странах и улучшении жизни в нашей стране». Другой подтверждал: «Радио не перестает бахвалиться, что мы приближаемся к коммунизму. Пока мы до него доберемся, помрем с голоду. У вас, конечно, есть свой собственный коммунизм, но то, что есть у нас, это голодизм и дороговизм»⁷¹.

По особенно неудачному стечению обстоятельств 31 мая в локомотивном депо Новосибирска были понижены тарифные ставки рабочим, а 1 июня в городе объявили о повышении цен на продовольствие. Буденновское депо было типичным советским предприятием того периода, и условия на нем были типичными для тех, в которых жили многие российские горожане. Предприятие пользовалось хорошей репутацией, но нуждалось в новых капиталовложениях. Оборудование устарело, и ручной труд был обычным делом, а столовая, душевые и комнаты отдыха находились в жалком состоянии. Однако совсем недавно было отстроено самое современное здание администрации. Многие рабочие годами жили в бараках, некоторые даже в палатках. Текущая рабочей силы была очень велика, и для того, чтобы залатать дыры, дирекции завода часто приходилось принимать на работу неквалифицированных работников, нередко имевших судимости; впрочем, преступления этих людей нередко состояли лишь в случайной мелкой краже на производстве, что было более или менее обычным делом. В городе сложилось особенно тяжелое положение с продовольствием, людям приходилось выстаивать многочасовые очереди за картош-

кой, не говоря уже о масле или мясе, которых часто просто не бывало на прилавках⁷².

По докладам КГБ, повышение цен вызвало в народе разговоры о том, что лучше бы вместо этого сократили зарплату толстопузым начальникам. Один пожилой уважаемый рабочий в ответ на слова, что повышение цен — явление временное и что «придет время, когда все будут жить хорошо», ответил: «Я сорок лет ждал такого дня, а пока я ждал, жизнь становилась все хуже». Другие высказывания сводились к тому, что «нам нужно перестать помогать слаборазвитым социалистическим странам», «советское правительство “кормит” другие государства, а про своих рабочих забывает»⁷³. Эти жалобы говорили о том, что рядовые русские расставались со своими интернационалистскими чувствами и начинали отдавать предпочтение созданию приемлемых условий жизни дома по сравнению с обязательствами перед зарубежными странами, «обществу потребления» перед «революцией».

К полудню перед зданием заводууправления собралась толпа, рабочие обменивались комментариями подобно приведенным выше. Директор обозвал рабочих «бездельниками» и небрежно бросил: «Если у них нет денег на мясо и колбасу, пусть едят пирожки с печенкой»⁷⁴.

Это бестактное перефразирование знаменитых слов Марии-Антуанетты о пирожных, возможно, стало той искрой, от которой возгорелось пламя пожара. Один из рабочих, в прошлом комсомольский активист и целинник, живший в это время с беременной женой в маленькой каморке, в ярости выбежал из толпы и включил заводскую сирену. Звук сирены (это некое подобие набатного колокола, которым созывали крестьян на деревенский сход) заставил еще большее число рабочих сложить инструменты, выбежать из цехов и собраться во дворе. Все они были возбуждены сообщением о повышении норм выработки и повышении цен. Некоторым пришло в голову остановить поезд на магистрали Саратов—Ростов, лежавшей в каких-то нескольких сотнях метров от предприятия. Как останавливают поезда, они видели в многочисленных фильмах о 1905 и 1917 гг. — они построили баррикаду, сломав деревянную ограду и подняв над баррикадой красный флаг. Забравшись на стоявший на приколе локомотив, они вывесили лозунг: «Сделаем из Хрущева колбасу!» Другие сорвали портреты Хрущева и вломались в здание заводууправления, там они побили стекла и переломали мебель и телефоны. Директор завода Б.Н. Курочкин и первый

секретарь местного обкома партии А.В. Басов пытались урезонить толпу с балкона, но их прогнали, закидав камнями и бутылками с криком «Лучше скажите нам, как жить, когда зарплата уменьшилась, а цены выросли»⁷⁵.

К этому моменту разгоряченная толпа обозленных людей только и ждала, когда кто-нибудь бросит спичку, пусть даже совершенно пьяный алкоголик. Популярная русская поговорка гласит: «Что у трезвого на уме, у пьяного на языке», т.е. на языке современной социологии «скрытый смысл» американского социолога Джеймса Скотта внезапно овладел толпой. За ночь подхлестываемые сиреной беспорядки распространились на другие части города. Ранним утром следующего дня, прорвавшись сквозь войсковой кордон на мосту, в город пришла большая делегация буденновских рабочих и вышла на главную площадь, где к ней присоединились рабочие других заводов и много рядовых граждан. Некоторые несли красные флаги и портреты Ленина, а также плакаты «Хлеба, мяса и повышения зарплат»⁷⁶. Ночью информация о кризисной ситуации подняла на ноги руководство в Москве, и несколько членов Президиума ЦК КПСС прилетело в Новочеркасск, чтобы лично разобраться в ситуации на месте. Обстановка накалялась с каждым часом, и они приказали перекрыть все ведущие в Новочеркасск дороги, в том числе и железную дорогу, разрешив ввести в город танки, один из которых задавил демонстранта.

Рабочие оказались в ситуации противостояния, знакомой им по пропагандистским фильмам: танки и рабочие. Только теперь стороны баррикад поменялись местами: танки были на противоположной стороне. Больше того, у рабочих не было какого-то определенного руководства, организации или цели. Некоторые из выкрикивавших новые лозунги были пьяны. Раздавались требования, чтобы к бастующим вышел и провел с ними переговоры Микоян, присутствовавший на месте член Президиума ЦК КПСС. Говорили, что Микоян был готов сделать это, но коллеги отговорили его. По их словам, переговоры не могли дать серьезных результатов, поскольку у бастующих не было лидеров, с которыми можно было бы договариваться, не имелось и последовательных требований, которые можно было бы обсуждать. Тем не менее отказ выйти к ним привел толпу в ярость. Отдельные группки стали отделяться от собравшейся толпы и бросились громить находившиеся тут же, на площади, здание горкома партии. Один из погромщиков вышел на балкон с бутылкой водки и двумя блюдами, полными сыра и колбасы, и заорал: «Смотрите, что они жрут!»⁷⁷

В этот момент к толпе с призывом разойтись обратился армейский офицер с мегафоном. Когда на его слова никто не отреагировал, стянутые вокруг площади войска начали стрелять, сначала в воздух, потом по толпе. Есть данные, что первые выстрелы на поражение сделали внутренние войска МВД, рассредоточенные по крышам или близлежащим зданиям, солдаты Советской армии продолжали делать предупредительные выстрелы. Сначала толпа замерла, не веря тому, что случилось, что их собственная армия пытается убить их. Потом началась паника, люди кинулись спасаться в разные стороны, но площадь была плотно забита народом, выбраться было очень трудно, а за спиной продолжали греметь безжалостные выстрелы. На площади были убиты 16 человек, еще пятерых убили, когда очищали здание горкома партии. Около 70 человек получили серьезные ранения, сколько демонстрантов было легко ранено, никто не считал. Некоторые раненые не обращались в больницы, опасаясь ареста⁷⁸.

Гибель людей разделила демонстрантов. Большинство предпочло подчиниться, а меньшинство воспользовалось атмосферой испуга и негодования, чтобы еще больше подхлестнуть разгулявшиеся страсти. Следующим вечером в городе ввели чрезвычайное положение и произвели массовые аресты. Наутро с речью по радио выступил член Президиума ЦК КПСС Фрол Козлов, обвинивший «хулиганствующие элементы» в провоцировании насилия. О снижении цен он ничего не упомянул, но пообещал рассмотреть жалобы рабочих⁷⁹. Власти сфабриковали обвинения против тех, кого посчитали «зачинщиками», инкриминировав им «организацию массовых беспорядков» и «оказание вооруженного сопротивления властям». Было решено не сообщать о суде на территории СССР, но в самом Новочеркасске на заседание суда пригласили представителей «общественности», чтобы преподать им пропагандистский урок. Приговоры, включавшие семь смертных и тюремные заключения до 15 лет, были встречены аплодисментами⁸⁰.

Вся эта трагедия продемонстрировала, насколько было утрачено в России искусство обыкновенной политики и насколько полно политическая арена оказалась монополизирована крайними и параноидальными взглядами. Рабочие действовали в соответствии с убеждениями, усвоенными ими, несомненно, как из русской, так и из советской культуры, о том, что распределение ресурсов должно быть эгалитарным, что богатство и роскошь отвратительны, что существует молчаливый «общественный договор», по которому

власти принимают решения, но на них лежит обязанность обеспечивать подданных, и, наконец, что царь / первый секретарь — это воплощение справедливости, он является хранителем истины, а местные чиновники продажны и насквозь лживы. Здесь ситуация резко отличалась от той, что сложилась в тот же период в Польше: не было никакого контакта между рабочими и интеллигенцией, они жили в разных интеллектуальных и этических мирах.

Более того, несмотря на то, что рабочие разделяли большинство из объявленных целей Советского государства, у них не было средств для защиты своих интересов и вынесения наверх жалоб, пока невзгоды не брали свое, и тогда малейший инцидент мог вызвать применение насилия в больших масштабах. Солдаты вооруженных сил и внутренних войск, не имевшие серьезной подготовки применительно к контролю за действиями толпы, были брошены на усмирение невооруженной (хотя и разгневанной и неконтролируемой) толпы гражданских лиц. Партийные руководители в Москве также зашли в своих действиях слишком далеко. Пугающая внезапность и быстрота, с какой развивались события, говорили им, что их партийный и милицкий аппарат, казавшийся очень мощным, мог вдруг и без видимых предпосылок потерять контроль над крупным промышленным городом. Из истории КПСС им было известно, что рабочие волнения, успешно начавшиеся в одном центре, могут быстро распространиться на другие. Они были полны решимости никогда больше не попадать в подобные ситуации.

С другой стороны, они осознавали, что, не прибегая к жесточайшим сталинским методам, больше не удастся ни пренебрегать протестами рабочих, ни подавлять их. Поэтому Хрущев решил принять критическое решение нейтрализовать их, используя бесценную иностранную валюту на закупку зерна за рубежом, и, таким образом сдерживать рост цен на хлеб. Это являлось величайшим унижением для Советского государства. Царский режим, над которым не уставали издеваться, зерно экспортировал, а советский должен был теперь импортировать. «Профессиональный политик» Хрущев, надавав в этой сфере столько обещаний, продемонстрировал, что не владеет даже элементарными основами профессии. Как и следовало ожидать, его провал не мог не отождествляться со всей партией, первым секретарем Центрального комитета которой он являлся, — она не только не привела народ к высотам коммунизма, похоже, она не справлялась даже с простой задачей нормально накормить его.

Режим извлек из происходящего несколько уроков: сдерживать рост цен на продовольствие, направив в сферу сельского хозяйства такие капиталовложения, что один экономист назвал это «самым большим субсидированием продовольственной политики и сельского хозяйства в истории»⁸¹. Между 1965 и 1985 гг. дотации на основные продукты питания выросли более чем в 16 раз, с 3,5 до 58,8 млрд рублей. Особенно резко дотации росли в 1971, 1976 и 1980 гг., когда рабочие волнения в Польше, причиной которых также были цены на продукты питания, напоминали советскому руководству о том, насколько это опасно. В 1980 г. субсидии сельскому хозяйству составили 11% расходов государственного бюджета и продолжали увеличиваться⁸².

Эта колоссальная сумма являлась ценой за отказ от массового террора и за выполнение условий «общественного договора» с городскими рабочими, а также за поддержание цен на продовольствие на невысоком уровне при достаточной оплате сельскохозяйственных производителей, чтобы сдерживать обнищание и деморализацию деревни и создавать определенные стимулы для того, чтобы квалифицированные специалисты оставались работать на селе. Короче говоря, чрезмерные дотации подобного рода стали абсолютной необходимостью, если руководители Советского государства хотели помешать противоречиям советской политики окончательно разрушить традиционную Россию.

Выделение дотаций проходило нелегко, так как власти одновременно тратили гигантские средства на массированное вооружение ради распространения влияния советской системы по всему миру. Единственным способом совершить невозможное было позволить рядовым рабочим принимать скромное участие во всеобщей коррупции, закрывая глаза на плохую работу и «теневую экономику». Таков был молчаливый общественный договор: «Они делают вид, что платят нам, а мы делаем вид, что работаем». Для занятых на постоянной работе эта формула означала неторопливую жизнь, при которой большинству работников в той или иной форме гарантировались минимальные блага, как бы они ни работали. Это также гарантировало бóльшую стабильность в обществе: в 1969—1977 гг. отмечалось намного меньше всплесков общественного недовольства⁸³. Но это был такой образ жизни, при котором могли процветать только «начальники» и нормой стали некачественные товары и подхалимство. Подобный образ жизни не имел ничего общего со стремлением создать более гуманное общество, не

говоря уже о строительстве коммунизма, и на нем не мог бесконечно долго держаться статус великой державы. Оба этих обстоятельства способствовали тому, что молчаливый договор размывал общественное доверие, все еще существовавшее в 1960-х гг., о чем можно судить по лозунгам и плакатам, пытавшимся воздействовать на массовые настроения того десятилетия. Сложилась обстановка, в которой национальные или потребительские устремления вытесняли интернациональные и социалистические.

ЭТНИЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

Политика послесталинского руководства страны по национальному вопросу носила менее русификаторский характер, чем сталинская. Было прекращено антисемитское «дело врачей», и арестованных по нему освободили. Национальным республикам была предоставлена бóльшая степень культурной и экономической автономии. С другой стороны, вожди продолжали мыслить исходя из посылки, что Советский Союз — это преимущественно русское государство и что у социализма должно быть русское лицо. Республики также воспринимали как само собой разумеющееся, что национальный вопрос окончательно решен, что этнические конфликты принадлежат прошлому, а имеющиеся вспышки представляют собой явную аномалию. В 1961 г. на XXII съезде КПСС Хрущев заявил, что «партия разрешила одну из самых сложных проблем, которая веками преследовала человечество и по сей день остается острой в мире капитализма, — проблему межнациональных отношений». В резолюциях съезда утверждалось: все национальности СССР «объединяются в единую семью общими жизненными интересами и вместе продвигаются к общей цели — коммунизму»⁸⁴.

Ключевым понятием в решении национального вопроса стало «слияние» национальностей. Это должно было означать создание гармонических межэтнических отношений и постепенное создание сверхэтнического сообщества рабочего класса. Основной шаг в этом направлении был сделан языковой реформой 1958 г., сделавшей русский язык обязательным предметом для изучения во всех советских школах, местные национальные языки объявлялись предметом по выбору. Нескрываемой целью закона было превратить русский во «второй родной язык» всех «нерусских»⁸⁵. Самым существенным нововведением стало предоставление родителям

права выбирать для своих детей между русской школой или школой с преподаванием на родном языке. В большинстве республик, даже в тех, где русских любили меньше всего, как это было в Прибалтике, большой процент родителей сделали выбор в пользу русских школ с тем, чтобы их дети имели больше возможностей в образовании, поиске работы и карьерном росте на всей территории СССР. Впрочем, вопреки заложенной в законе мысли он спровоцировал напряженность, вызвав новые страхи всех этнических групп. Нерусские были обеспокоены тем, что теперь их «слияние» с Россией грозит их собственному существованию. Как ни парадоксально, но и русские также проявляли тревогу по поводу того, что при «слиянии» они утратят собственный облик, поскольку оно приведет к созданию однородной интернациональной культуры, возможно, при доминировании, как это получилось в других странах мира, вездесущих Соединенных Штатов⁸⁶.

Открытый межнациональный конфликт стал более частым явлением в 1950-х гг. Теперь, когда сократилось число исправительных трудовых лагерей и угроза войны перестала казаться неизбежной, солдат часто использовали на требовавших большого количества рабочей силы масштабных стройках, вроде сооружения шоссейных и железных дорог и крупных предприятий. Строительные батальоны стали той средой, где зарождались межэтнические столкновения. Старшие офицеры нередко отправляли в них тех, кто показал себя плохим солдатом, нарушал дисциплину, был слаб физически или имел склонность злоупотреблять алкоголем. Поскольку на строительной площадке дисциплина была слабее, чем в казармах, а условия жизни часто плохими, солдаты «стройбатов» объединялись в мелкие банды, чтобы воровать или торговать на черном рынке. Они напивались и терроризировали гражданское население, избивали торговцев, которые, как они считали, обманывали их. В результате на городских улицах иногда происходили драки между бандами, случались нападения на милиционеров, которые пытались остановить или задержать солдат. Иногда этнический элемент примешивался к взаимной неприязни. Например, в Климовске (Московская область) в мае 1955 г. три солдата-строителя, азербайджанцы, подрались с другими солдатами, их побили. Когда их товарищи захотели отомстить, местная молодежь напала на их казарму с криками «Бей чучмеков! Они бериевские!»⁸⁷. В этом призыве крылись два особенно негативных этнических стереотипа. «Чучмек» — оскорбительное прозвище, которым русские наде-

ляли выходцев из Центральной Азии и с Кавказа. Русские подозревали их в том, что они орудуют на черном рынке, а также, что совершенно нелогично, в том, что они особенно тесно связаны со службой госбезопасности, возможно, потому, что долгие годы ею руководил Берия, который был грузином.

Еще более серьезный и длительный межнациональный конфликт возник в связи с попыткой исправить несправедливости, связанные со сталинскими депортациями целых народов. В 1957 г. восстановили Чечено-Ингушскую АССР (в границах 1944 г., за исключением Пригородного района, оставленного за Северо-Осетинской АССР). Власти были готовы дать разрешение на постепенное возвращение тех чеченцев и ингушей, которые изъявляют желание вернуться, но нужно было время, чтобы должным образом организовать и направить этот поток людей. Многие чеченцы и ингуши не желали ждать и вернулись прежде, чем им было выделено жилье. Естественно, они увидели, что в их старых домах живут русские, аварцы и представители других национальностей. Возвратившиеся стали пытаться выселить «захватчиков». Это надолго породило неутихающее озлобление и вызвало немало актов насилия⁸⁸.

Самые серьезные из них произошли в Грозном, столице Чечено-Ингушской АССР. С самого основания город был многонациональным, в нем всегда жило много русских, чеченцы никогда не составляли здесь большинства населения. Тем не менее возвращавшиеся чеченцы требовали вернуть им их прежние дома и квартиры. 23 августа 1958 г. в Грозном во время пьяной драки чеченцами был убит русский, рабочий химического завода, скончавшийся от удара ножом. Его товарищи поставили гроб с телом убитого перед домом его невесты, проживавшей в том районе, где жило большинство рабочих химзавода. Прощание с убитым переросло в митинг протеста. Пожилой рабочий химзавода Л. Мякинин выступил с речью. Мякинин был очень уважаемым ветераном Гражданской войны, всю жизнь проработал в химической промышленности, в 1955 г. был награжден орденом Ленина. Он призвал присутствующих к действию: «Чеченцы убивают русских. Они не хотят жить в мире. Мы должны написать коллективное письмо от имени русского народа, собрать подписи и выбрать человека, чтобы отвезти письмо в Москву, с просьбой прислать в Грозный комиссию, а если комиссию не сформируют, то пусть товарищ Хрущев сам придет и разберется на месте»⁸⁹.

Таков был старый традиционный русский путь подачи жалоб: составляется коллективная петиция, затем к правителю посылают ходяков с просьбой лично вмешаться и восстановить справедливость.

Похороны превратились в античеченскую демонстрацию. Составленная петиция призывала к выдворению чеченцев из Грозного, и это требование вызвало поддержку у горожан, не имевших никакого отношения к похоронам. Обстановку подогрела речь одного пожилого человека, который еще в 1922 г. был членом ЧОНА (частей особого назначения) и долго состоял в комсомоле и партии, хотя потом был исключен. Он напомнил демонстрантам о зверствах, якобы совершаемых чеченцами, потребовал изгнать их из города и обвинил тогдашних партийных вождей в том, что они — не настоящие коммунисты. Он добавил, что «Великая Русь просыпается», и призвал к забастовке, если требования протестующих не будут выполнены. Вечером того же дня толпа напала на здание горкома партии и захватила его, освободившая здание милиция задержала около 20 человек. На следующее утро у горкома собралась толпа, требовавшая освободить задержанных. Были вызваны войска. Солдатам удалось разогнать толпу, не прибегая к огнестрельному оружию (что говорит об определенной степени их подготовленности). И все-таки беспорядки закончились смертью двух и ранением 32 человек. Многие из раненых были милиционерами или партийными работниками, из чего следует, что насилие затронуло их так же, как и чеченцев⁹⁰.

Симптоматично, что во время этих столкновений самые горячие речи произносили искренне верующие социалисты — ветераны 1920-х гг. Они в грубой и поджигательской форме говорили о том, что в тот момент проповедовал Хрущев, — о возвращении к революционному идеализму первых лет Советского государства. Однако теперь эта идея претерпела изменения, получив влияние концентрированного русского национализма. Свойственным мятежникам представление о властях также было традиционным, только происходило оно от дореволюционных традиций «хорошего царя». Местные коммунисты виделись «лжекоммунистами», их обвиняли в дурном управлении и пренебрежении интересами народа и ждали справедливости от вышестоящих товарищей из священного града Москва. Ни о каком интернационализме 1920-х гг. не было и речи. Наоборот, в них явно просматривалось влияние стереотипных националистических настроений: по-видимому, русские надеялись, что ЦК КПСС спасет их от «злых чеченцев». Их

стремления были сформулированы в резолюции, написанной русским инженером на пенсии из гудермесского совхоза и представленной им в местную партийную организацию. В ней призывалось отменить все «привилегии» чеченцев и ингушей (т.е. их право на возвращение), а Чечено-Ингушскую АССР переименовать в Грозненскую область или вообще сделать советской социалистической республикой, в которой чечено-ингушское население не могло бы составить более 10%⁹¹.

Ясно, что если бы по этому пути пошли в других частях Советского Союза, то ему был бы положен конец как жизнеспособной многонациональной великой державе. Ползучая этнофикация страны начинала брать свое.

ЗНАЧЕНИЕ ПАДЕНИЯ ХРУЩЕВА

К этому времени Хрущев растерял свою популярность не только среди народа. Высшие партийные работники, утрачивая иллюзии, забеспокоились за свои привилегии, штатные должности и клиентурные связи, которым стали угрожать действия их лидера. В октябре 1964 г. Хрущева вызвали на пленум ЦК КПСС, где секретарь ЦК по идеологии Михаил Сулов зачитал документ, равнозначный предъявлению первому секретарю обвинительного заключения. Его обвинили в грубых ошибках в руководстве сельским хозяйством, непоследовательности в области внешней политики, одержимости реорганизациями внутри партии и в nepoтизме (хотя у всех партийных секретарей были свои протезы, о карьере которых они пеклись), а также в «грубых нарушениях ленинских норм партийного руководства»⁹².

Период хрущевского руководства был последней попыткой соединить неороссийскую империю с золотым веком социализма. Его неудача развеяла самый убедительный аргумент в пользу русской имперской миссии. Для нерусских было мало резонансов соглашаться с господством русских иначе, чем в качестве партнеров по великой державе. Сложилась ситуация, при которой русские стали всего лишь одним из многих этносов в СССР, хотя и самым большим, но при этом нередко сталкивающимся с трудностями, которых не было у других этнических групп. На протяжении последующей четверти века даже русские стали задумываться над тем, довольны ли они Советским Союзом.

Глава девятая

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ РОССИИ

К середине 1960-х гг. Советский Союз стал стабильным, иерархическим и консервативным обществом, и после потрясений предшествующих десятилетий это устраивало большинство населения страны. На вершине пирамиды находилась Москва, а в Москве — Кремль, Старая площадь и здание Центрального комитета КПСС. Отсюда, с этой фокальной точки ко всем российским областям и национальным республикам протягивались шупальца назначений, контроля и снабжения. В этой иерархии каждое предприятие и институт имел свое место в зависимости от того, считалась ли его работа имеющей «всесоюзное», «республиканское» или местное значение. Заработная плата и льготы руководителей и работников предприятий зависели от этого рейтинга. Положение каждого города на этой лестнице зависело от статуса его предприятий, и от этого же, в свою очередь, зависело качество их оборудования и снабжения. На самой нижней ступени этой пирамиды стояла деревня.

Стремившиеся к индивидуальному росту граждане сначала поступали в учебное заведение, а затем устраивались на работу в городе с более высоким статусом, если получится, в Москве или Ленинграде, а если не получится, в столице одной из союзных республик. Получение прописки в избранном ими городе зависело от нескольких факторов: от образования или специальности, национальности, военной службы, положения в партии и от поддержки покровителя или начальника. Таким путем иерархия поддерживалась и контролировалась начальниками, власть которых в конечном итоге исходила со Старой площади. Единственным способом не карабкаться по этой нелегкой лестнице вверх было устроить брак с кем-либо из стоявших на более высокой ступени — эта практика была распространена не меньше, чем браки по расчету в буржуазном обществе.

К середине 1960-х гг. выкристаллизовалась этническая конфигурация правящего класса, и с тех пор она оставалась практически неизменной. В ней преобладали славяне, особенно русские, но их большинство не было подавляющим. Например, в составе ЦК КПСС в 1981 г. славяне составляли 86% членов (русские — 67%) по сравнению с 52% в составе всего населения страны. Напротив, представители мусульманских республик составляли 5,4% членов ЦК и 11,6% от общего числа населения СССР¹. В союзных республиках первым секретарем ЦК компартии обычно являлся представитель местной национальности, но вторым секретарем, командующим военным округом и председателем местного КГБ обычно были славяне — по сути, русские, поскольку украинцы и белорусы за пределами их национальных республик воспринимались как русские. Такое же положение существовало и на предприятиях «союзного значения», оборонных заводах и в секретных «почтовых ящиках»².

Несмотря на то что в руководстве сидели славяне, национальные союзные республики находились под влиянием своих собственных этнических элит. Когда вставал вопрос о материальных благах, решающим моментом была принадлежность к титульной национальности. По словам Михаила Горбачева, который знает это не понаслышке, между Брежневым и местными партийными секретарями существовало своего рода джентльменское соглашение, по которому он предоставлял им свободу рук в делах их собственных республик взамен на их постоянную поддержку и восхваление. В Азербайджане, например, семья Алиевых и Нахичеванский клан сосредоточили в своих руках принятие политических решений и распределение экономических ресурсов. Если из Москвы приезжала комиссия для расследования возможных нарушений, республиканские бонзы встречали ее с тороватым гостеприимством в самых красочных национальных традициях. В то же время они принимали все меры, чтобы не знающие азербайджанского языка члены комиссии не разобрались в том, что там происходит. «Проверяющие» возвращались на Старую площадь с головной болью от похмелья и с пустыми руками³.

Для брежневской эпохи главным было сохранение статуса сверхдержавы, и, соответственно, ядро системы власти составлял военно-промышленный комплекс (ВПК). Более половины членов ЦК КПСС в разное время служили в вооруженных силах или работали в оборонных отраслях промышленности. В 1950 г. на военные расходы уходило почти четверть внутреннего валового продук-

та страны. Позже эти расходы сократились, но в 1955 г. ВПК получил почти половину промышленных инвестиций. Когда в 1985 г. Горбачев стал первым секретарем ЦК КПСС и впервые получил доступ к цифрам военных расходов (даже будучи членом Политбюро, он не владел подобной информацией), они составляли 40% государственного бюджета и около 20% внутреннего валового продукта. Как пишет в своих мемуарах Горбачев, «фактически, во всех отраслях экономики военные расходы высасывали самые ценные соки», так что, например, одно и то же предприятие могло производить самый современный танк вместе с самым примитивным трактором⁴.

Военно-промышленный комплекс был преимущественно русской или, по крайней мере, славянской монополией. Языком управления здесь был русский, традиции и боевая символика также были обязаны происхождением русской истории и культуре.

Значительное большинство, около 75% исследований в военно-промышленной сфере и военных производств были сосредоточены в РСФСР, 15% — на Украине. Также около 7% территории Казахской ССР, преимущественно на севере республики (где проживала большая часть русского населения Казахстана), было занято под испытательные полигоны ядерной промышленности, ракетных систем и космических спутников. Самая высокая концентрация оборонной промышленности приходилась на Москву и Ленинград и прилегающие районы, а также на Сибирь и Урал. Самое большое сосредоточение работников оборонной промышленности наблюдалось в Свердловске, Москве, Горьком, Московской области, Перми, Куйбышеве и Новосибирске (т.е. в городах с преобладающим русским населением), а также в Татарстане (где в 1983 г. русские составляли 43,2% населения) и в Удмуртии (58,8% русских). Некоторые города и области особенно зависели от оборонного сектора, в Удмуртии, например, в оборонной промышленности было занято 60% работающего населения⁵.

В РСФСР находилась половина промышленных предприятий СССР, военных и гражданских, здесь производилось $\frac{2}{3}$ промышленной продукции и была особенно высока концентрация тяжелой промышленности. В конце 1980-х гг. 69% производства российской промышленности имело союзное значение (на Украине ее составляющая равнялась 58%, в Эстонии — 28,5%), и 51% населения РСФСР (58% — в городах) работали в промышленности, строительстве, связи и на транспорте, что дает самую крупную цифру по

сравнению с другими республиками. Но производство и доход не совпадали по величине: Россия занимала десятое место по доходу на душу населения. В некоторых других республиках, особенно прибалтийских, было значительно больше современных производств и доходы населения много выше⁶. Это значит, что русские производили больше, чем зарабатывали.

Многие города, связанные с «оборонкой», были в той или иной степени закрытыми. В конце 1970-х и начале 1980-х гг. существовало не менее 400 «объектов» и «особо режимных» городов трех уровней секретности. Самый нижний уровень секретности имели анонимные заводы, обозначавшиеся просто почтовым кодом, но располагавшиеся в открытых городах. Второй уровень секретности имели предприятия в городах, закрытых для иностранцев. Третий составляли специальные поселения, изолированные даже от советских граждан и известные по своим кодовым наименованиям: Арзамас-16 (построенный на месте монастыря Серафима Саровского в Курской области), Челябинск-40, Пенза-19, Красноярск-26 и т.д.⁷

Эти производственные комплексы охранялись войсками МВД и располагались в некотором удалении от города, имя которого носили. Жившие и работавшие в поселке должны были получать разрешение на выезд из него, предоставлять для официальной цензуры письма, написанные адресатам во внешнем мире, не могли приглашать в гости друзей и родственников, телефонная система такого поселка была отключена от телефонной сети страны. С другой стороны, закрытые города снабжались продуктами питания и промышленными товарами, как никакие другие населенные пункты в стране, магазины всегда были полны товаров, работники в этих городах получали высокую зарплату и хорошее пенсионное обеспечение. Самое же главное, что работа в этих специальных комплексах являлась особо престижной, их сотрудники испытывали гордость за то, что выполняют важную миссию, пользуются за это уважением и получают достойное вознаграждение. Они верили, что исполняют важный и насущный патриотический долг, гарантирующий оборону их родины и сохранение мира, создавая противоядие военной мощи империалистических держав. Закрытые города без труда привлекали лучших выпускников соответствующих технических факультетов вузов, отчасти из соображений престижности, отчасти потому, что вновь прибывшие высококвалифицированные специалисты получали квартиру, место в благоустроенном детском саду для их детей и хорошую школу, когда дети подрастут⁸.

Какими бы секретными ни были «объекты» и окружавшие их населенные пункты, они так или иначе привлекали внимание рядовых граждан, проживавших поблизости от них. В ряде случаев это происходило из-за утечки радиоактивных отходов, которые сказывались на здоровье людей, особенно в первые годы существования объектов, прежде чем были приняты должные меры по защите от радиоактивных заражений. В августе 1956 г. Булганин, бывший тогда председателем Совета министров, получил анонимное письмо из Челябинской области с жалобой на то, что «страдает здоровье тысяч людей на Урале и в Сибири... Не секрет, что существует так называемый Челябинск-40. Его обширная территория окружена колючей проволокой. Что происходит за ней, мы, простые смертные, не знаем, да и знать не хотим. Но мы чувствуем его пагубное дыхание». Далее автор предлагал: «Говорят о сокращении армии, так не могли бы мы сократить и эти заводы?» В секретариате Булганина к письму прикрепили информационную записку к сведению председателя Совета министров о том, что одно из предприятий Челябинска-40 сбрасывает радиоактивные отходы в местную речку Течу⁹.

Многие россияне мирились с этими лишениями ради того, чтобы поддерживать статус своей страны как супердержавы. Служба в вооруженных силах считалась очень престижной. Дочь офицера инженерных войск вспоминает, что ее отец закончил военное училище в 1951 г., потому что это был самый лучший способ избежать нищеты и голодной жизни в деревне. Позже он начал чувствовать, что в этом его благороднейшее призвание, к тому же наилучшим образом обеспечивающее материальное благополучие: «Если бы отец был верующим, он бы молился на армию, потому что армия для него все равно что мать родная, которая накормит, оденет, придаст уверенность в будущем и обеспечит ему жизненный уровень среднего класса, очень хороший для России». Далее она разъясняла, что «жизненный уровень среднего класса» для армейских условий означал, что армия обеспечивала почти все жизненные потребности: «Часто, когда приходилось переезжать на новое место службы, они захватывали с собой только простые кровати, кресла и пару чемоданов, другой мебели у них не было. Но у них было хорошее положение — к армейским офицерам относились с большим уважением»¹⁰.

В последующие советские десятилетия очень важной частью ощущения себя русским была гордость за вооруженные силы стра-

ны и ее обороноспособность, но вместе с тем это ощущение было двойственным, поскольку у многих зрели обиды на претерпеваемые лишения в качестве платы за это.

УРБАНИЗАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

За 1950-е гг. русское население претерпело большие изменения: в своей массе оно урбанизировалось. Согласно переписи населения 1959 г., 52% русских жило в городах РСФСР и 58% населения — в городах других республик. К 1979 г. это соотношение составило 69% и 74%¹¹. Большие города росли быстрее малых. И всех обгоняла Москва, население которой, по официальным данным, только за 1970-е гг. увеличилось на 13%. В реальности рост, вероятно, был значительно бóльшим, поскольку многие работодатели, отчаянно нуждавшиеся в рабочей силе, набирали на работу так называемых *лимитчиков*, рабочих, получивших разрешение проживать в Москве (или другом большом городе) *лимитированное* время. На деле многие из них после истечения дозволенного лимита времени оставались в Москве нелегально. Становилось невозможным получить в Москве прописку, поэтому иммигранты расселялись по большим подмосковным городам за пределами Кольцевой автодороги (в Люберцах, Мытищах, Одинцове). В результате население городов Московской области выросло еще больше, чем в столице, — на 21%, а тех, что находились в пределах 50 км от столицы, — на 27%¹².

Прописка, в сущности, подталкивала тех, кто мог бы уехать, если бы не имел ее, оставаться: в случае утраты московской прописки получить ее заново было исключительно трудно. Однокомнатная квартира в Москве стоила столько же, сколько двухкомнатная в Горьком, Харькове или Свердловске, трехкомнатная в провинциальном городе средних размеров или дом в деревне. Соревноваться в росте с Москвой могли только места, где велось строительство огромных промышленных производств, такие как Тольятти на Волге, где производились легковые автомашины, или Набережные Челны на Каме с заводом грузовиков КамАЗ¹³.

Причины столь быстрого роста понятны: крупные города, и Москва в особенности, нуждались в рабочих руках, там имелись широкие возможности для образования, в магазинах — широкий выбор товаров, многообразные формы развлечений, не говоря уже о более широком круге человеческого общения вообще. Молодежь

привлекало отсутствие родительской опеки, которая еще чувствовалась в небольших городах и сельской местности. В конце XX в. эти тенденции наблюдались во всех столичных городах по всему миру. Если что и отличало Москву, так это то, что советская «иерархия потребления» была особенно чувствительной и особенно закостенелой. Непропорциональное разрастание мегаполисов и перенаселение жилого фонда — нормальное следствие модернизационных процессов, но советская политика в социальной сфере и система номенклатурных назначений усугубили эти последствия, увеличив относительную ценность проживания в больших городах и ущерб от продолжения жизни в малых городах или сельской местности¹⁴.

И тем не менее большие города были непривлекательными местами для жизни. Невзирая на очень большое жилищное строительство, многие продолжали существовать в коммунальных квартирах. К тому же им приходилось страдать от тяжелого промышленного загрязнения окружающей среды. Когда советские средства массовой информации наконец признали существование этой проблемы, вот что писали из Стерлитамака: «Огромные трубы, выбрасывающие в небо облака дыма, и нависшая над горизонтом сизая пелена ядовитого смога — вот с чем просыпается второй по величине город Башкирии, где живет 270 000 человек». Эта картина довольно типична. Как сообщалось, в приполярном городе Никель, чье название говорит о том, что там живут металлурги, выплавляющие никель, $\frac{9}{10}$ жителей страдали респираторными заболеваниями. В Нижневартовске — центре нефтегазовой промышленности — концентрация вредных выбросов в атмосфере в 6 раз превышала допустимый уровень. В Братске из-за выбросов алюминиевого комбината концентрация бензопирена в воздухе была в 17 раз выше разрешенной. Даже в Москве, в Измайловском парке, где москвичи любят гулять летними вечерами, были развешаны объявления «Прохода нет!», предупреждавшие о свалке химических и радиоактивных отходов, оставшейся там с 1950-х гг.¹⁵

Не лучше положение складывалось и в сельской местности. Строительство гидротехнических сооружений и ирригационных систем должно было сказаться на течении реки Волги, которая, говоря словами одного комментатора, «перестала быть рекой, а сделалась цепью водохранилищ». В Волге и многих других реках сократившийся водный поток был сильно загрязнен неочищенными канализационными и промышленными стоками, а также вымываемыми с полей пестицидами и химическими удобрениями. Вы-

лов рыбы упал настолько, что стали опасаться за судьбу осетровых, дававших любимую русскими черную икру¹⁶.

Перенаселенные, дышащие загрязненным воздухом города стали неблагоприятной средой для детей. Начиная с 1960-х гг. резко падает рождаемость у наиболее урбанизированных народов СССР, особенно прибалтийских народов и русских. В новых, не коммунальных квартирах можно было хотя бы не опасаться чужих глаз, но все равно в них жили скученно. Во всяком случае, многоэтажные жилые блоки не создавали благоприятной среды для воспитания детей, у которых не было своего места и негде было встречаться с соседскими детьми и играть на открытом воздухе под присмотром родителей. (В построенных до середины 1960-х гг. кварталах меньшей этажности, пяти и менее этажей, дети еще имели возможность играть во дворах, пока их матери болтали на скамейках, а отцы неподалеку играли в домино.)

Еще в 1972 г. демограф Виктор Переведенцев предупреждал, что русское население не воспроизводит себя¹⁷. Для поддержания устойчивого уровня народонаселения каждая пара должна была иметь в среднем 2,65 ребенка, однако по СССР реальная средняя цифра была 2,4, а в Москве и вовсе 1,6. При опросе населения 43% москвичек заявили, что не хотят иметь больше одного ребенка. Для такой ситуации было несколько причин, связанных с особенностями жизни советских горожан того времени. Современная система здравоохранения обеспечивала выживание подавляющего числа детей до взрослого возраста, поэтому одного ребенка было достаточно, чтобы иметь опору в старости, не было нужды в детях для поддержания семейной экономики, как это было 50 лет назад в маленьких городках и сельской местности. Кроме того, теперь гораздо больше людей имели высшее образование, добивались карьерного роста, а потому позже обзаводились семьей. Женщины шли работать по нескольким причинам: для пополнения семейного бюджета, для того, чтобы воспользоваться профессиональной подготовкой, или для получения личного статуса и роли в обществе¹⁸. В результате у них оставалось меньше времени для ухода за детьми. Как правило, оба родителя работали, но нужно было еще выстоять в очередях за скудным продовольствием или дефицитными услугами, после чего оставалось мало свободного времени или энергии. Как рассказывала одна мать: «После работы очереди в магазинах. Правда, в больших магазинах за четверть часа найдешь все, что хочешь, но, чтобы туда добраться, потратишь полчаса, а

потом стой снова в очереди на выходе... Детский сад работает, только пока “мать на работе”. Боже упаси прийти за Вовочкой на пятнадцать минут позже. Но вчера мне пришлось двадцать минут ждать автобуса»¹⁹.

Немногие из мужчин готовы были взять на себя долю этих забот, поэтому женщины тянули двойную нагрузку, работая полный рабочий день да еще заботясь о доме и семье. Быстро рос процент разводов. К началу 1970-х гг. в России каждая десятая семья распалась в течение первого же года совместной жизни, и еще одна десятая часть семей — в течение пяти лет. Среди факторов, оказывавших влияние на эти обстоятельства, были такие, как усталость, недостаток досуга, а также тяжелое пьянство мужчин. Помимо этого, брак все больше воспринимался как вопрос сугубо личного характера, а не как часть прочных отношений расширенной семьи, а потому подход к расторжению брака нередко был довольно легким²⁰.

В то же время на Кавказе и в Средней Азии, наоборот, число работающих женщин было меньше и больше людей продолжали жить в домах, традиционных для сельской местности или малых городов. Там было меньше современных удобств, но больше места и зачастую двор рядом с домом, недалеко жили родственники, так что семьи охотно заводили больше детей, и рождаемость была выше, чем в России²¹. В итоге в последние советские десятилетия население Кавказа и Средней Азии постепенно возрастало по сравнению с населением республик европейской части СССР. Там особенно заметно было увеличение доли молодых людей, что означало больший процент призывников в вооруженные силы из данных республик.

Внешний вид новых индустриальных городов или новых пригородов старых был гнетуще однообразен, где бы они ни строились. Возводились обширные жилые кварталы, сначала из желтоватопрозрачного кирпича, затем, начиная с 1970-х гг., из железобетонных блоков и панелей, что позволяло собирать дома быстрыми индустриальными методами. Побывавший в сибирском городе Братске американский журналист Хендрик Смит писал: «На меня произвела удручающее впечатление обнаженная орвеллианская монотонность одинаковых, ряд за рядом, серых сборных жилых домов»²². Подобные микрорайоны выглядели впечатляюще в виде картонных макетов для бюрократов и партийных боссов, но часто строились кое-как и располагались далеко от мест работы их обитателей. Они

становились спальными «ульями», из которых долготерпеливые жильцы совершали неблизкие путешествия на работу в битком набитом общественном транспорте²³.

Эти огромные жилые блоки теперь не обязательно группировались вокруг двора, да и к тому же дворы нередко были слишком просторными, часто открытыми всем ветрам и утратили былую камерность и уют, которого требует неформальный человеческий контакт. Такое окружение не могло быть благоприятным для традиционного русского обычая тесного социального общения. Целая группа зданий и часто еще и один-два завода снабжались теплом районными теплоэлектростанциями, выбрасывавшими в атмосферу клубы дыма. Трубы теплотрасс, часто обернутые в асбестовую ткань, бесконечно тянулись вдоль автомобильных дорог и железнодорожных путей, выгибаясь арками над встречающимися на пути препятствиями.

Районы, где располагались общественные здания и площади, напротив, формировались согласно традиционной символической географии и были более привлекательно распланированы. Главные улицы обрамлялись зелеными насаждениями, иногда украшались и клумбами с цветами. Они были широкими и просторными, не столько для того, чтобы вместить большое количество автомашин (в 1960-х гг. машины имелись лишь у немногих, хотя в последующие годы число машин быстро росло), сколько для проведения военных парадов и демонстраций по особым случаям. Там, где это было возможно, бульвары сходились у главной площади, где стоял памятник Ленину, военный мемориал, возможно, трибуна для объявления о местных достижениях, а также величественные здания с классическими колоннами, где располагался городской совет, партийный комитет или местный университет. Эти городские территории рассказывали о великом (хотя и недавнем) прошлом и о том, каким будет еще более великое будущее. С другой стороны, на памятниках обычно не было имен конкретных людей. Русская скорбь выражалась вообще, безлично, в монолитных камнях, а не как совокупность индивидуальной скорби.

Позади общественных зданий или буквально тут же за углом все выглядело совсем иначе: строительные организации редко убирали за собой стройплощадки, так что возведенные здания годами оставались окруженными кучами мусора, брошенными панелями, обрезками металлических труб и бетонными блоками с торчащими из них кусками ржавой арматуры. Пышность весьма близко соседствовала с убожеством.

К 1960-м гг. в большинстве российских городов стало трудно или даже невозможно увидеть следы прошлого. Писатель Алан Силлитоу, посетивший СССР в 1964 г., писал: «По всей Москве прошлое выдирают, как гнилые зубы»²⁴. Старые здания были снесены, а церкви разрушены или, в лучшем случае, лишились крестов на куполах — из них делали кинотеатры, склады или Дворцы культуры. Монолитные высотные дома, дороги с двусторонним движением и широко расползающиеся промышленные предприятия не оставили места для большинства реликвий, напоминающих о том, что было на этом месте, о старых полях и дорогах. Занимаясь своими повседневными делами, большинство русских видело очень мало такого, что напоминало бы им об их истории или национальной культуре.

МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

Непосредственно до 1960-х гг. в Советском Союзе не было целого ряда социальных моментов, которые давали жизнь особой молодежной культуре на Западе, — относительного благополучия, длительного «инкубационного» периода между детством и переходом к взрослой жизни. Вернее сказать, эти социальные условия существовали только в среде привилегированных номенклатурных слоев, семей руководителей высшего государственного и партийного звена и наиболее известных представителей творческой и научной интеллигенции в больших городах. Уже к началу 1950-х гг. эта горстка привилегированных лиц жила сравнительно обеспеченно, т.е. в достатке, позволявшем их детям затрачивать годы на учебу и выбор карьеры. Именно в этой среде появились первые ростки молодежной культуры. Советские дипломаты, а за ними и партийные работники стали одеваться по западной моде и примеряться к западному стилю жизни, заводить у себя коктейль-бары, пить джин с тоником (а не водку), танцевать фокстрот. Их отпрыски сходили с ума от этих перенятых с Запада диковин и доводили их до крайности, преступая официальные табу и полагаясь на «папу», который выручит в трудную минуту. Это были *стиляги*. Они увлекались джазом, который в 1950-х гг. все еще осуждался, как «буржуазная мода», затем пришла очередь рок-н-ролла. Через свои связи они добывали модную западную одежду, парфюмерию, а

позже коротковолновые радиоприемники и прочие предметы показного потребления задолго до того, как они стали достоянием остального населения²⁵.

В 1957 г. в Москве прошел Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который способствовал более широкому распространению имиджа западной молодежной культуры. В то же самое время в более приемлемом советском стиле комсомольские отряды добровольцев работали на разных стройках и участвовали в освоении целинных земель в Казахстане. Другие отправлялись в геологические экспедиции или охраняли природные заповедники от браконьеров или незаконной вырубке лесов. Эти группы придумывали свои способы развлечений с гитарой или магнитофоном вечером вокруг костра или во временном бараке²⁶.

К 1970-м гг. в советском обществе представления молодежи о жизни изменились. До этого она всегда была на передовых участках или в авангарде социалистического строительства, которое служило делу войны или мира. Теперь же молодые люди жили в большем достатке и были лучше образованы, и отчасти по этой причине у них выросло желание обладать более качественными вещами, а также потому, что они больше узнали о жизни на Западе (который Советский Союз все еще старался «догнать и перегнать»). Кроме того, выпускники высших учебных заведений больше не могли по завершении учебы автоматически получать престижную работу, все должности были заняты менее подготовленными представителями предшествующего поколения, крепко державшимися за свои места. Приговоренные к скучной работе, которую они считали ниже своего достоинства, такие молодые люди склонялись к иным способам самоутверждения. Они собирались на *тусовках*, подальше от глаз и ушей комсомола, на открытом воздухе летом, по подвалам — в другое время года, танцевали под музыку, которая им нравилась, пили, принимали наркотики, быть может, даже занимались случайным сексом. Появились *рокеры*, *битники*, *панки*, *металлисты* и другие подражатели западной музыкальной моде. У футбольных клубов завелись неформальные клубы болельщиков, которые ездили за своими кумирами, одевались в их цвета, вступали в перебранки, а нередко и в драки с болельщиками соперничающих команд. Некоторые пробовали наркотики, другие ударялись совсем в другие направления, увлекаясь модой на восточную духовность, предаваясь медитации или занимаясь йогой. Хиппи проповедовали учение примирения и всеобщей любви, что, хотя не создавало ни-

кому никакой угрозы, совершенно не укладывалось в рамки официальной идеологии классовой борьбы²⁷.

К 1980-м гг. молодежная культура определенно заявила о себе как об отдельной социальной категории и проявлялась во множестве разнообразных форм. Часть из них была более или менее приемлема для комсомола и могла быть им воспринята, другие входили в совершенный конфликт и с русской традицией, и с провозглашенными идеалами советского общества. Запретный плод сладок, и именно потому, что общинные нормы по-прежнему были очерчены намного более жестко, чем на Западе, соблазн греха часто оказывался сильнее.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

С середины 1960-х гг. колхозам стали уделять больше внимания и регулярно инвестировать в них гораздо больше средств, чем в предшествующие десятилетия. Однако к этому времени обнаружилось, что производственные мощности хозяйств были настолько подорваны, что они не были в состоянии в полной мере осваивать эти средства, и капиталовложения в известной мере углубляли и ускоряли «раскрестьянивание» деревенской жизни. Партия была полна решимости «стереть различия между городом и деревней». Это означало укрупнение колхозов и там, где представлялось возможным, превращение их в совхозы, т.е. государственные хозяйства, землей которых владело государство; работникам здесь выплачивалась твердая заработная плата, и на них распространялось социальное обеспечение в полном объеме, в каком ее получали промышленные рабочие. Это также означало отказ от малых сельских поселений, которые теперь официально называли «неперспективными деревнями», и концентрирование сельских жителей в более крупных центрах, где для них строились многоэтажные дома.

Во многих отношениях это была гуманная политика, она уничтожала кричащую деревенскую бедность и делала возможным обеспечить людям удовлетворительные условия для получения образования, медицинской помощи и социального обслуживания, не говоря уже об освещении, отоплении и водопроводе. Но эта же политика вела к исчезновению характерных черт деревенской жизни, которые многие русские, возможно даже именно те, кто от них бежал, все еще считали неотъемлемой частью своего наследия.

Человеку, живущему на пятом этаже, трудно было присматривать за коровой или огородом, который мог располагаться отнюдь не рядом с домом. Кроме того, расставание с привычным селом или деревней влекло за собой ослабление родственных или дружеских связей с соседями и, возможно, подрывало привязанность к предкам, поскольку семейные могилы оставались без постоянного ухода²⁸.

К тому же укрупнение хозяйств и населенных пунктов оказалось не очень продуктивным. Строительство многоквартирных домов, прокладывание водопровода и канализации, создание дорог с твердым покрытием было довольно дорогим для обширного сельскохозяйственного сектора, и увеличение производства зерна, фруктов или овощей не всегда оправдывало эти затраты. Достаточно высокими оставались цены, которые государство платило за специальные или технические культуры, вроде хлопка в Средней Азии или цитрусовых, чая и винограда на Кавказе. Но закупочные цены на зерно, овощи, яблоки и персики в России, Белоруссии и на Украине были подвержены колебаниям, как правило, оставаясь на низком уровне, порой даже ниже себестоимости²⁹.

Исход молодых и энергичных людей из деревни происходил не только из-за низкой оплаты труда, но по причинам общих условий жизни вне городов. Коммуникации были весьма ненадежны, они целиком зависели от состояния разбитых грунтовых дорог, которые часто становились непроезжими во время весенней распутицы или осенних дождей. В деревенских магазинах нередко не имелось самых элементарных потребительских товаров — и если в 1920-х гг. большинство хозяйств самостоятельно изготовляло для себя одежду, обувь и мебель, то теперь этого уже никто не делал. Нужно было каким-то образом добираться до города и приобретать все эти предметы первой необходимости.

Сельскохозяйственные училища готовили немало трактористов и механиков. Но большинство из них уходило на работу в город. Причину объясняет рассказ одного из таких рабочих: «Я получил направление в совхоз “Зарайский”, где жили мои родители. От совхоза была заявка на трактористов. Когда мы с товарищами приехали, нам вместо тракторов дали вилы и лопаты — набивать мешки сеном и соломой. Мы просили работы по специальности, но нам всегда отвечали: “У нас нет тракторов”. Зачем только мы поступали в училище? Мешки грузить можно и без учебы»³⁰.

В 1981 г. колхозник из Тульской области писал в газету «Сельская жизнь»: «В коровниках, где разливают молоко, грязь по коле-

но. Нет никакой спецодежды. Иногда не горит свет, и работать нужно в темноте. Коров доят только через день, а бывает и так, что доить некому. Учет труда организован плохо, зарплата маленькая. В результате люди уходят из колхоза. И такое плохое руководство у нас всего в ста километрах от Москвы». Отсутствие машин и рабочего инструмента сделалось легендарным. Как пели в одной популярной частушке:

Я и лошадь, я и бык.
Я и баба, и мужик.
Я и сею, я и жну.
На себе дрова вожу³¹.

В сельской местности условия для организации общественно-го досуга были минимальными. В больших селах были клубы, причем нередко в здании перестроенной церкви. Как рассказывали, в одной деревне Вологодской области «церковь была прекрасным кирпичным зданием с множеством икон. После ареста отца Сергия ее превратили в клуб. Некоторые иконы уничтожили, другие растащили, остались одни голые стены»³². В конце концов стены покрасили, а помещение оборудовали для показа кинофильмов, танцев, игры в шахматы и шашки, чтения газет. Впрочем, большинство деревень поменьше вообще не имели никаких культурно-досуговых учреждений. С такими условиями жители села мирились веками, но для жителей села середины и конца XX в. они стали неприемлемыми.

Самым же, наверное, негативным для людей детородного возраста было то, что многие сельские школы помещались в обветшавших деревянных зданиях, отапливались дровяными печами, не имели ни водопровода, ни канализации и не могли давать адекватного образования. У учителей не было желания работать в таких условиях, а те, кто работал, не имели достаточной квалификации, и важные предметы школьной программы могли месяцами оставаться без преподавания. Воспитывать ребенка в деревне было равносильно тому, чтобы приговорить его или ее к пожизненному отставанию в интеллектуальном развитии и занятию непрестижными видами деятельности. Проблема сельского образования относилась к одним из самых трудных. Многие деревни не могли содержать общеобразовательной школы. Крупные села, которые могли себе это позволить, отстояли на значительные расстояния от небольших

поселков, а для доставки детей из этих поселений в школу и обратно не хватало транспорта³³.

Отток населения из села был особенно значительным в конце 1950-х и в 1960-х гг., когда многообещающие стройки и широко рекламируемые экономические проекты зазывали рабочих в города и отдельные местности Советского Союза. На председателей колхозов оказывался со стороны партийных органов сильнейший нажим, и они были вынуждены выдавать паспорта сельским жителям, изъявлявшим желание отправляться туда. Между 1959 и 1973 гг. число сельских жителей в возрасте 20—30 лет сократилось на $\frac{2}{3}$. Только между 1959 и 1964 гг. трудоспособное население колхозов Псковской области уменьшилось с 200 до 110 тыс. человек. И.С. Густов, секретарь партийной организации области, выступая в 1965 г. на пленуме ЦК КПСС, предупреждал: «Если сокращение трудоспособного населения продолжится в том же темпе, через десять лет в колхозах не останется ни одного работоспособного человека»³⁴.

Миграция из села несколько снизилась в 1970-х и 1980-х гг., так как оставалось меньше молодых людей, готовых перебираться в город, а городские работодатели проявляли намного меньше желания брать на работу неквалифицированных рабочих. И тем не менее потери сельского населения в нечерноземных областях между 1959 и 1989 гг. повсюду составляли от 40 до 60%. К 1974 г. люди в возрасте 60 лет и старше составляли 45% рабочей силы в сельском хозяйстве Новгородской области и 40% — в Псковской. Эти люди не справлялись с тяжелой работой во время сбора урожая зерновых и картофеля, поэтому на помощь им присылали студентов из учебных заведений ближайших городов³⁵.

В результате оттока молодых людей свадьбы в сельской местности стали редкими, и, соответственно, упала рождаемость. В преимущественно сельской Вологодской области, например, рождаемость, составлявшая 42 155 детей в 1940 г. и 23 651 — в 1959 г., сократилась до 9647 новорожденных в 1967 г.³⁶ Поскольку сельские жители традиционно имели больше детей, чем горожане, это сокращение затронуло все русское население.

Деревенская жизнь подверглась такой деморализации, что многие мужчины предавались тяжелому пьянству. Благодаря государственной фискальной политике водка была единственным потребительским товаром, который неизменно имелся на прилавках сельских магазинов, а если ее там случайно не оказывалось, крестьяне варили вместо нее самогон. Как жаловалась в 1969 г. одна

женщина из Орловской области: «Напиваются на собраниях, на молочных фермах и даже в красном углу. Вместо пропагандистских брошюр, что мы видим на столе? Пол-литра. Возчики сидят с доярками, пьют и матерятся друг на друга. Председатель и зоотехник не обращают внимания, словно это так и должно быть»³⁷.

Так оно и было. Продажа алкогольных напитков между 1940 и 1965 г. выросла в 6 раз и еще раз удвоилась к 1975 г., причем цифры для отдельных частей РСФСР были повсеместно несколько выше средних по СССР. Исследования семейного бюджета показали, что в 1967—1968 гг. в городах 8—9% семей расходовали 40% и более на алкоголь, а колхозники — 10—11%. Эти цифры отражают лишь продажи алкоголя через государственную торговую сеть и не включают значительных расходов на самогон. Согласно закрытому исследованию, в 1971 г. почти 12% населения были «запойными пьяницами» или алкоголиками, такое же число людей хотя бы один раз проходило через выпрезвители. Получить сравнительные цифры по другим странам трудно, но эти цифры, несомненно, относят СССР в целом и Россию в особенности к числу самых крупных потребителей алкоголя в мире³⁸. Среди мужчин трудоспособного возраста самой обычной причиной смерти была алкогольная интоксикация или травмы и несчастные случаи, связанные с употреблением алкоголя. Смертельные случаи чаще имели место в сельской местности, чем в городах, хотя и там они были достаточно распространенным явлением. Хронический алкоголизм был также более распространен в сельской местности: в 1991 г. данный показатель для России, Украины, Молдавии и Литвы составлял 152 случая на 100 тыс. человек по сравнению с 123 случаями на 100 тыс. для всего населения СССР³⁹.

Для тех, кто не был приговорен к постоянному проживанию в деревне, в деревенской жизни было нечто трогательное и жизнеутверждающее. Например, преподаватель вуза Людмила Селезнева (1956 г. рождения) вспоминала, как в детстве, в 1960-х гг. каждое лето ее отвозили к бабушке: «Жизнь в деревне была такой же, как 40—50 лет назад. Не было никаких удобств. Люди жили в маленьких деревянных домах с двумя-тремя комнатами... Когда мы приезжали в гости к бабушке, мы помогли ей таскать на кухню воду из пруда. Это был единственный источник воды. Не было ни газа, ни керосина. Люди пользовались старинными каменными печами. Для того чтобы готовить и согреть дом, нужны были дрова, поэтому одной из главных забот было заготовить достаточно дров,

чтобы хватило на всю зиму». Одним из заданий, которое выполняли дети по хозяйству, было помогать бабушке в огороде, от которого зависело пропитание семьи, в колхозе покупали только хлеб. «Это был очень правильный метод воспитания детей, — отметила Людмила, — нас приучали участвовать в труде, и нам это очень нравилось. Но с точки зрения экономики все это выглядело безнадежно неэффективно. Ситуация была типичная. Бабушка обеспечивала всю семью — они с мужем и его сестрой жили вместе — и картошкой, и луком, и капустой, и морковью, и кукурузой, и вишнями, и яблоками, и сливами». Некоторые русские связывают человеческую душевность своей культуры и свою потрясающую способность к выживанию в труднейших условиях с деревенским воспитанием, через которое до самого недавнего времени проходило большинство из них.

Впрочем, этот образ жизни постепенно отмирал. Когда в 1984 г. Виктор Беляев приехал в свою родную деревню Шилекша, то, что он увидел, произвело на него самое удручающее впечатление: «Осталось стоять восемь домов — еще крепких, не заколоченных, как обычно, когда уезжают в дальнюю поездку, а просто оставленные. Двери не были заперты, одна или две были даже широко раскрыты, и на пороге дома, что ближе всего к реке, стоял самовар. Я заглянул внутрь — в нем можно было бы жить. Огромная русская печь была цела, целы были и окна, дверь, пол. Дом стоял на просторном дворе. Деревенские улицы заросли травой, а огороды покрылись густыми зарослями крапивы и лопухов. Поле, которое двадцать восемь колхозников, подняв целину, засеяли рожью, заросло деревьями и кустами. Другие поля были совсем заброшены. Чудесные луга, на которых четыре деревни, бывало, весь год косили сено, заболотились, повсюду торчала осока»⁴⁰.

МИГРАЦИИ

Даже несмотря на то, что вихри социальных перемен 1930-х гг. и потрясения войны остались позади, продолжающийся рост промышленности, масштабные программы технического развития, совершенствование транспортных и коммуникационных связей, начиная с конца 1940-х и до 1970-х гг., вызывали небывалое по масштабам перемещение по стране русских и украинцев (белорусов это коснулось в меньшей степени). Внутри РСФСР, как мы

видели, люди покидали малые города, деревни и центральные области и перебирались в большие города и периферийные области, где легче было найти работу и где был более благоприятный климат. При этом ряд регионов России — Волго-Вятский бассейн, Западная Сибирь, Северо-Запад и аграрное Черноземье — понес серьезные потери, утратив значительную долю населения. К 1989 г. более половины всех русских хотя бы раз в жизни совершали серьезное изменение места жительства, перебравшись из своих родных городов или областей в другие части СССР.

Такая же картина была характерна и для прибалтийских народов, но соответствующая цифра для Грузии составляла всего $\frac{1}{3}$, для Киргизии — $\frac{1}{4}$ и лишь $\frac{1}{7}$ часть населения для Узбекистана⁴¹. Наибольший приток русских в период с 1940-х по 1960-е гг. испытали Украина (особенно ее восточные и южные области, где города стали преимущественно русскими), Казахстан (особенно его северная часть), Узбекистан, Эстония и Латвия. Большое число представителей русской элиты жило в Крыму, который в 1954 г. передали Украине. До 1960-х гг. русские составляли костяк квалифицированного рабочего класса и технических служащих почти по всему Советскому Союзу. Особенно это касалось среднеазиатских республик, Азербайджана и Молдавии, где большая часть местного населения была занята в аграрном секторе, кустарных промыслах и розничной торговле. Русские преобладали в тяжелой промышленности этих республик вплоть до 1980-х гг. Можно было увидеть их и на самой нижней ступени социальной лестницы, в качестве полуквалифицированных или разнорабочих на шахтах или промышленных предприятиях, особенно на Украине и в прибалтийских республиках. Для русских характерным было то, что русские женщины занимались почти теми же видами труда, что и мужчины, включая тяжелые физические работы, на которые не соглашались нерусские женщины, особенно мусульманки, считая их недостойными или даже позорными для женщины⁴².

До 1960-х гг. русские также занимали большую часть руководящих постов или должностей, связанных с интеллектуальным трудом, особенно на предприятиях, изготовлявших продукцию «все-союзного значения», где важно было иметь хорошие контакты в Госплане и московских министерствах. Это были, так сказать, «все-союзные русские», которые рассматривали свое пребывание в той части СССР, где им довелось работать, как временное. Немногие из них овладели местным языком в большей степени, чем нужно

для того, чтобы покупать на местном рынке хлеб, сыр и дыни, и имели весьма смутное представление об истории и культуре местного населения. Один русский в Баку на вопрос, говорит ли он по-азербайджански, ответил: «Ругаться умею»⁴³.

Отток славян из своих республик привел за эти десятилетия к заключению множества смешанных браков. В результате почти во всех смешанных браках (97%) одним из партнеров был славянин. Процент таких браков был самым высоким в 1960-х гг. и затем пошел на снижение (хотя и неравномерно), особенно в Средней Азии и Казахстане. В РСФСР дети от смешанных браков при получении паспорта, как правило, выбирали своей национальностью русскую. Если они жили в одной из нерусских союзных республик, то обычно выбирали национальность местной коренной нации, за исключением Украины и Белоруссии, где чаще отдавали предпочтение национальности «русский»⁴⁴.

Обращает на себя внимание то, что в большинстве смешанных браков соединялись женщина-славянка с мужчиной-неславянином, а не наоборот. Возможно, это было следствием того, что русские, особенно те из них, кто жил за пределами России, чувствовали меньше религиозных или традиционных ограничений, от которых в особенности страдают женщины. В этом смысле русские на всем пространстве СССР являли собой некий «секуляризм». Среди русских социальный контроль семьи сделался слабее, чем среди многих нерусских, особенно представителей народов Средней Азии и Кавказа, большая часть которых предпочитала не покидать своего места жительства в деревне или небольших городах. В связи с тем, что такой контроль за вступлением в брак молодых женщин был строже, чем за вступлением в брак молодых мужчин, женщины в этих регионах действовали в соответствии с ожиданиями родственников, а потому выбирали мужей из своего круга⁴⁵.

Поворотный момент наступил в 1970-х гг., когда внутриреспубликанские потоки миграции начали поворачивать вспять. Впервые в РСФСР наблюдался прирост населения, а Казахстан, Киргизия, Туркмения и Молдавия испытали относительный спад этого показателя. Часть людей, уезжавших из республик, были неславянами, имевшими высокую квалификацию в своих специальностях и стремившимися получить лучшую работу в быстрорастущих городах РСФСР. Однако другие были русскими, утратившими надежду на то, что их язык, культура и образование дадут им преимущества в получении самой выгодной работы, комфортабельного жилья и

других полагавшихся элите привилегий. Чаще всего представители коренных национальностей получали преимущества при поступлении в вузы и назначении на престижные должности, особенно в Средней Азии и Казахстане⁴⁶. До конца 1980-х гг. ухудшение положения русских не приводило к массовой эмиграции из нерусских республик. Впрочем, даже там, где число русских за пределами России продолжало расти, в процентном отношении оно относительно коренного населения сокращалось, так как рождаемость в их среде была ниже. Так 1970-е гг. наглядно продемонстрировали, как перспектива образования «единого советского народа» становилась все более эфемерной. Углублялась и тенденция группирования народов на своих национальных территориях, особенно в Средней Азии и Закавказье⁴⁷.

ЯЗЫКИ

Тенденция подчеркивать свою национальную принадлежность, которая начала отчетливо проявляться в 1960-х гг., отнюдь не означала, что нерусские перестали учить русский язык. Модернизация породила в СССР две несомненные, хотя на первый взгляд и противоречивые, лингвистические тенденции. С одной стороны, пользоваться русским стали больше, с другой стороны, возросла роль языков важнейших союзных республик, за исключением Украины и Белоруссии⁴⁸. В сущности, это объясняется просто: многие нерусские учили русский язык из практических соображений, потому что это открывало дорогу на рынок труда по всему Советскому Союзу. Точно так же в национальных союзных республиках меньшинства, разговаривавшие на местных диалектах или своих национальных языках, учили язык титульной нации из соображений социальной мобильности. По этой причине модернизация укрепляла и всесоюзный, и национальные языки основных союзных республик. Украинский и белорусский языки составляли исключение, так как были с точки зрения лингвистики близки русскому. Настроенные на социальный рост украинцы и белорусы не испытывали трудностей в усвоении всесоюзного языка и предпочитали идти этим путем.

Расширяющееся использование русского языка было вызвано и другими факторами, прежде всего миграцией русских в национальные республики, где, как мы уже видели, они не стремились

изучать местные языки. Во-вторых, нерусские реализовывали свои амбиции, поднимаясь по служебной лестнице в вооруженных силах или получая высшее образование в условиях, когда преподавание естественных и технических дисциплин почти повсеместно велось на русском языке. В-третьих, постоянно нарастал поток бумаг из центра, и все эти документы были на русском⁴⁹.

Тенденция ко все более широкому использованию русского языка была ускорена языковой реформой 1958 г., целью которой было сделать русский язык «вторым родным языком» всех нерусских, хотя это делалось не ради русификации, а ради советизации⁵⁰. Получив право выбора обучения детей на русском или нерусском языке, высокий процент родителей в большинстве республик останавливался на русском, с тем, чтобы их дети могли реализовывать свои возможности на всей территории Советского Союза. Так обстояло дело даже в прибалтийских республиках и Грузии, где многие люди не принимали русский язык из принципа — русофобски настроенные родители могли, тем не менее, считать, что русский язык пойдет их детям на пользу. С другой стороны, эта тенденция в меньшей степени проявлялась в среднеазиатских республиках, где социальной мобильности придавалось меньше значения.

На Украине и в Белоруссии родители чаще всего предпочитали отдавать детей в русские школы, так как в этих республиках, по крайней мере, образованные люди свободно говорили по-русски и часто пользовались им и дома⁵¹. Так, в 1955 г. на Украине 73% детей учились в украинских школах, но в 1967 г. эта цифра упала до 62%, что же касается начальной школы, то между 1953 и 1973 гг. процент детей, учившихся в ней на русском языке, удвоился. В 1959 г. белорусским языком как родным пользовалось немногим более половины городского населения республики, но затем их доля пошла на снижение. В 1959 г. 60% газет в БССР выходили на белорусском, но к 1970 г. эта цифра упала до 36%⁵². Урбанизация, которая поначалу дала толчок более широкому использованию белорусского языка, теперь все больше снижала его значение в пользу русского. Естественно, многие украинцы и белорусы были обеспокоены этой тенденцией, опасаясь за судьбу собственной национальной идентичности. Если же взять Советский Союз в целом, то к 1974—1975 гг. в русских школах училось 64% учащихся (данные для первой смены), и при этом доля населения, заявившего о свободном владении русским, выросла с 49% в 1970 г. до 62% в 1979 г.⁵³

Нерусские были склонны принимать русский как средство личного преуспеяния, но отнюдь не как инструмент власти. В 1978 г. предложение сделать русский в Грузии официальным языком, имеющим равный статус с грузинским, вызвало массовые студенческие демонстрации в Тбилиси. Грузины боялись, что русский хотя теоретически и будет равным с грузинским, но пройдет немного времени, и он станет вытеснять грузинский во многих областях жизни. Москва настолько боялась вызвать недовольство грузин, что это предложение было снято⁵⁴. Точно так же осенью 1980 г. учащиеся эстонских средних школ вышли на улицы Таллина с требованием положить конец «русскому засилью». Их протест подхватили видные эстонские интеллектуалы, которые в открытых письмах выступили против въезда в республику все возрастающего числа русских рабочих для работы на крупных промышленных предприятиях и сетовали на то, что в официальных эстонских учреждениях все в большем числе работают русские и что русский язык постепенно вытесняет эстонский в школах и продукции местных издательств⁵⁵.

Происходила произвольная дифференциация лингвистических функций: русский использовался в промышленности, науке, технике, военном деле, оптовой торговле и управлении, а также когда вопросы административного характера были связаны с центром, местным же языком — республиканским или региональным — пользовались в сельском хозяйстве, розничной торговле, сфере обслуживания, гуманитарной сфере и местном управлении. За пределами РСФСР русских редко принимали на работу в этих сферах, поэтому они и не старались выучить местный язык. Большинство русских, которые все-таки удосуживались выучить второй язык, вероятно, составляли женщины, вышедшие замуж за нерусских. Во всяком случае, на работе в сферах, требующих знания местного языка, женщин постоянно было занято больше, чем мужчин⁵⁶.

Особенно сложная ситуация сложилась на Украине. Это была вторая по численности населения республика СССР, житница страны и средоточие значительной части ее промышленности. И все-таки ее язык и национальная культура отступали под русским лингвистическим натиском. В городах востока и юга УССР наиболее распространенным разговорным языком был русский, хотя и с примесью украинских слов, оттенком украинского произношения и характерным украинским синтаксисом. В 1980-х гг. родным языком $\frac{3}{4}$ населения Одессы был русский, на украинском говорило

менее четверти одесситов, а те, кто говорил, перемежали украинские слова русскими. Большинство одесситов считали украинский языком деревенщины. В Донбассе большинство людей знали украинский, потому что учили его в школе — после 1958 г. таких стало меньше, — но дома между собой разговаривали по-русски. Странная ситуация сложилась на киностудии имени Довженко. Большинство актеров не знали украинского, поэтому фильмы с их участием дублировали на украинском для показа внутренней украинской аудитории. Затем для широкого показа на территории других советских республик эти фильмы снова дублировались на русском, первом языке большинства актеров⁵⁷.

Подобного рода нелепости заставляли некоторых украинских интеллектуалов утверждать, что советские власти намеренно русифицируют их страну. В 1979 г. украинская Хельсинкская группа распространила письмо украинского самиздатовского писателя Юрия Бадзю с жалобой на то, что научные работы и произведения иностранных классиков печатаются не на украинском, а на русском языке, что спектакли в Киевском театре оперетты ставятся на русском языке, а теле- и радиопередачи в Киеве также идут преимущественно на русском языке. Даже в украинских школах «учителя... разговаривали друг с другом и с учениками, по-русски, и тем самым развивали в детях презрительное отношение к украинскому языку и культуре». Украине, заключил Бадзю, была уготована судьба пограничной области Российского государства. Литературовед И.М. Дзюба сокрушенно вздыхал, что украинские города стали «гигантскими русифицирующими мясорубками», и с иронией заметил, что «может иметь место своего рода украинофобия, которая происходит от великой любви к Украине как “жемчужине” России»⁵⁸.

СОВЕТСКИЕ РИТУАЛЫ

Антирелигиозная кампания начала 1960-х гг. поставила вне закона многие почитаемые обычаи, и тем самым с новой силой заявил о себе вопрос о необходимости дать советским гражданам приемлемый набор ритуалов, совершая которые они могли бы осмысливать свою жизнь. С середины 1920-х гг. священнейшим из советских ритуальных святилищ был Мавзолей Ленина, а Красная площадь перед ним стала главным священным пространством СССР. Когда вожди стояли на Мавзолее, принимая парады и при-

ветствуя демонстрации Первого мая и Седьмого ноября каждого года, они, так сказать, получали свежую инъекцию ленинской харизмы и передавали ее солдатам, рабочим и молодежи, проходившим рядами перед ними, демонстрируя производственную активность и военную мощь страны. Начиная воинскую службу, солдаты посещали Мавзолей. Молодожены ходили туда, чтобы освятить свой брак и будущее семьи. Обычно после этого они поворачивали за угол Кремлевской стены, чтобы постоять перед Могилой Неизвестного Солдата и вспомнить тех, кто погиб, защищая Советский Союз⁵⁹.

Обеспокоенные падением рождаемости, власти с конца 1950-х гг. пытались восстановить некоторые торжественные символы брака, чтобы тем самым подчеркнуть значение семьи как для семейной пары, так и для всей страны. Городские советы строили или приспособляли специальные помещения для Дворцов бракосочетаний, куда приходили молодые пары с друзьями и родственниками, чтобы перед тем, как надеть обручальные кольца и расписаться в регистрационной книге, выслушать наставление о мире, любви и согласии. Играла музыка, иногда в исполнении оркестра, но чаще в магнитофонной записи. В некоторых избранных дворцах горел Вечный огонь, от которого жених зажигал факел. Церемониймейстер наставлял пару: «Возьмите этот факел. Пусть он будет вашей семейной реликвией. Пронесите через всю вашу жизнь пламя любви и преданности нашей родине, огонь сердец героев, которые защищали ее свободу и независимость»⁶⁰. Тем самым эта церемония имела целью скрепить связь между Родиной, памятью о погибших в войне и созданием новой семьи.

Церемонии были разработаны и для других событий жизненного цикла, вроде первого шага в гражданскую жизнь, когда он или она посвящались в пионеры. Вступающий в пионеры получал новый красный галстук и перед тем, как повязать его, произносил пионерскую присягу: «Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь: горячо любить мою советскую Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин и как учит коммунистическая партия!..» Раз в году все пионеры маршировали у памятника павшим в Великой Отечественной войне, отдавали салют и возлагали венки, а затем произносили слова гимна: «Вечная слава героям». Точно так же в первый в своей жизни учебный день дети приходили нарядными, выстраивались в ряды и торжественно направлялись в актовый зал положить цве-

ты перед бюстом Ленина, после чего лучшие ученики предшествующего года дарили им их первые учебники⁶¹.

Отношение русских к началу жизни было, однако, более традиционным. Даже в самые суровые периоды преследования церкви многие родители или бабушки пытались крестить детей. Это делали даже некоторые неверующие — они следовали народной традиции, как бы обеспечивая детям страховой полис и заручаясь для них здоровьем и успехом в жизни⁶².

Режим не предавал прошлое полному забвению. Он старался приспособлять ритуалы, взятые из христианских или даже языческих праздников, которые еще до революции пользовались любовью народа. Но эти празднования теперь организовывались не сельским сходом, они больше не были инициативой деревенских жителей и четко отграничивались от прежних религиозных праздников. Примером может служить начало уборочной страды, прежде это был Ильин день, день святого Ильи-пророка. Кто-нибудь из старейших колхозниц начинала жать и вязала первый сноп, украшала его цветами и лентами и несла в Дом культуры в сопровождении местного фольклорного хора. Праздник урожая во второе воскресенье октября заменили Всесоюзным днем работников сельского хозяйства, когда особо отличившимся бригадам вручались переходящие знамена и премии. То же случилось с *Масленицей*, которая лишилась своего религиозного звучания и была заменена церемонией Прощания с зимой, состоявшей в конькобежных соревнованиях, катании на лошадях, пении и танцах. Эти ритуалы постепенно отмирали по мере оттока населения из деревни. Возрождаясь в городах, они, несомненно, начинали носить искусственный характер и становились такими же развлечениями, как любое театральное представление. Людям они нравились, и мало кто видел в них глубокий смысл⁶³.

Смерть являлась для коммунистического режима самой трудной проблемой, отчасти оттого, что советская политика привела к такому количеству преждевременных смертей, а также потому, что трудно положительно думать о смерти, когда больше не веришь в жизнь после смерти. Опубликованный в 1977 г. справочник по гражданским церемониям ни словом не упоминает о похоронах. Для последовательного материалиста единственным здравым выводом было отделаться от тела как можно быстрее и как можно гигиеничнее. Режим с самого начала экспериментировал со строительством крематориев, но они прививались медленно. В новом

символическом царстве население оставалось верным предписаниям православной церкви (которая запрещала кремацию, поскольку она делала невозможным воскрешение тела), и в данном случае дольше, чем многим другим ее предписаниям. С 1950-х гг. кремация становилась обычной в больших городах, где закрытие церквей часто сопровождалось их уничтожением и «перепланировкой» старых городских кладбищ⁶⁴.

На практике же, когда дело доходило до этого, самого пафосного из ритуалов, люди забывали о материализме и, насколько могли, придерживались знакомых обычаев, что бы там ни думали власти. Погребальный религиозный ритуал, даже без священника, был самым незыблемым из всех ритуальных обычаев. В деревне Вирятино Тамбовской области, как показало одно исследование, за пять лет с 1952 по 1956 г. все похороны, за исключением трех, проводились по церковному ритуалу, жители деревни сами читали над телом умершего то, что могли вспомнить из священных текстов. Все еще сохранялся древний обычай на Масленицу, когда пожилые женщины клали первую стопку испеченных блинов под икону, чтобы помянуть семьи усопших родственников⁶⁵.

Даже официальные похороны, хотя и проходили без религиозных обрядов, все-таки сохраняли традиционный церемониал, насколько он был совместим с атеизмом. Тело обмывают, кладут в гроб с открытой крышкой, потом с фотографией и наградами выставляют в траурном зале или Доме гражданских панихид. Официальное лицо произносит прощальное слово, в котором звучат слова: «Гражданин РСФСР.. закончил свой жизненный путь. Родина прощается со своим/своей сыном/дочерью. Память о нем/ней навсегда сохранится в наших сердцах». Затем родственники провожают покойного на кладбище, где происходит торжественное захоронение, и прощающиеся бросают землю на крышку гроба. Затем они собираются на поминки с речами и воспоминаниями об усопшем. Часто поминки собирали на девятый, двадцатый и/или сороковой день после смерти⁶⁶.

Похороны известных личностей приобретали сильный общественный резонанс, особенно если покойный находился в сложных отношениях с режимом. Когда в мае 1960 г. хоронили Бориса Пастернака, его гроб от дачи до кладбища в Перedelкине несли, сменяя друг друга, писатели, печатающиеся и непечатающиеся. Философ Валентин Асмус произнес над могилой речь и открыто заявил, что преследование Пастернака официальными властями ускорило

его смерть⁶⁷. Казалось, такие похороны придают людям гражданское мужество и некое чувство безнаказанности, возможно, потому, что они говорили об измерении существования, которое не поддается контролю даже самого мощного тоталитарного государства. Они свидетельствовали о том, что есть духовная жизнь, в которой говорить пошлости или лгать — недостойно человека.

В конце 1970-х гг. английский социолог Кристел Лейн пришла к выводу, что самыми успешными советскими ритуалами были те, которые отмечали переходные моменты жизни, особенно молодых людей, и те, в которых вспоминалась Вторая мировая война. Церемонии, которыми заменили религиозные или сезонные праздники, не имели такого успеха, вероятно, потому, что носили на себе отпечаток искусственности, навязывались сверху и содержали официальную, ненародную символику. И все-таки люди в них участвовали, возможно, потому, что старые ритуалы отошли, или потому, что они вносили в жизнь разнообразие, позволяли устанавливать новые контакты, создавали торжественное праздничное настроение, что придавало некую значимость общению между людьми. Участие в них создавало «некую видимость единения с политической системой»⁶⁸.

Единственным праздником, который действительно носил все-народный характер, был 9 мая — День Победы. Как в 1985 г. о его праздновании рассказывал видному американскому историку один случайный знакомый: «День Победы — это единственный настоящий праздник, единственный, который что-то значит. Что касается их праздников — их Первого мая, их годовщины революции, да пошли они к черту! Но День Победы... Вы можете себе представить?! — Двадцать миллионов погибших! Столько страданий... Я всегда плачу в День Победы». Его восстановление в 1965 г. было главным поворотным пунктом в эволюции символики режима... Люди наряжались в лучшую одежду, ветераны надевали награды, и все направлялись на местное кладбище помянуть на могиле стаканом водки ушедших друзей и родственников, и не только убитых на войне. Ветераны собирались в парках, чтобы встретиться с боевыми друзьями, вспомнить свой полк, помянуть павших товарищей и с грустью посетовать на упадок нравов современной молодежи. Потом они соберутся у кого-нибудь на квартире, посмотрят по телевизору военный парад на Красной площади и за самым богатым для многих за год пиршественным столом будут перебирать воспоминания. Это было самое великое ежегодное русское празд-

нество памяти, когда пытаются живой нитью связать прошлое с настоящим⁶⁹. Некоторым образом День Победы заменил все праздники, которые русские потеряли вместе с деревенским образом жизни, своей национальной религией и какой бы то ни было приемлемой для всех версией своей национальной истории.

В последние десятилетия существования Советского Союза военные мемориалы стали главными местами общественного поминовения и притягательными центрами общественных ритуалов. Они символизировали то, в чем власти и большая часть русских могли найти общий язык.

Они напоминали людям, почему они приносят такие великие жертвы ради обороноспособности страны. Они усиливали гордость офицеров Советской армии, придавали смысл тяжелой службе солдат-срочников, оправдывали и восславляли труд и лишения миллионов. Однако в них воплощалась не только память, но и забвение. Гигантская алюминиевая женская фигура со щитом и поднятым в руке мечом на берегу Днепра в Киеве одновременно и воскрешала, и подавляла память. Этот монумент в 1980 г. открывал сам Брежнев, и женская фигура взывала помнить о колоссальных потерях солдат и гражданского населения во время сражений за Киев в 1941 и 1943 гг. Но стояла она над Киево-Печерским монастырем, самой древней святыней Русской православной церкви, золотые купола которого можно было увидеть на некоторых фотографиях, но он был два десятка лет закрыт для посещения. Фигура женщины с мечом и щитом предавала забвению тот факт, что многие украинцы в 1941 г. радовались уходу советских войск и что некоторые из них так полностью и не примирились с их возвращением. Она покрывала густым туманом миллионы смертей военного времени, причиной которых было не германское нашествие, а советская политика. И еще — на мемориале не найти ни одного имени погибшего. Как писали по поводу советских военных памятников, они «говорили о героическом и грандиозном и никогда о скромном и конкретном»⁷⁰.

ЗАСТОЙ

К концу 1960-х гг. новая попытка достичь Утопии себя исчерпала. Хрушев попал в опалу. В 1968 г. оккупация Чехословакии войсками стран Варшавского договора развеяла надежды на плюралистическую форму социализма или «социализма с человеческим

лицом». В 1969 г. Соединенные Штаты высадили первого человека на Луну и тем самым положили конец советским притязаниям на ведущую роль в исследовании космоса — это не было катастрофой, но символическим поражением на территории, которую Советский Союз вроде бы уже застолбил за собой.

Упоминания о 1980 году, в свое время провозглашенном датой окончательной победы коммунизма, постепенно исчезли с газетных полос. Режим больше не обещал, что нынешнее поколение «будет жить при коммунизме», вместо этого в средствах массовой информации зазвучали более обтекаемые формулировки. Политическая пропаганда все больше обращалась к прошлому, к тому, что уже достигнуто: обыгрывался статус сверхдержавы, которого добился СССР, оборона «социалистического лагеря» и, превыше всего, великая, неоспоримая победа во Второй мировой войне. Общественная жизнь вращалась вокруг празднования годовщин событий прошлого, часто весьма искусственных, вроде 175-летия со дня рождения Пушкина, которое отмечали в 1974 г. Процесс этот начался, по крайней мере, с круглой даты, 100-летия со дня рождения Ленина, которое праздновали в апреле 1970 г. и подготовительные мероприятия к которому начались в средствах массовой информации почти за два года до того. Ко времени, когда, наконец, этот день настал, официальную лихорадку уже зашкаливало, на что народ ответил поговоркой «нам остоеубилело!»⁷¹.

Характерный контраст можно увидеть, обратившись к двум произведениям художественной литературы: одного, относящегося к 1965 г., и другого, изданного в 1976 г., так как они оба посвящены одной и той же теме, строительству Братской гидроэлектростанции на реке Ангаре. Более ранняя работа — поэма Евгения Евтушенко «Братская ГЭС» — была длинной одой построению будущего. В ней прославлялась новая плотина как апогей, во-первых, вековой традиции монументального строительства, уходящего корнями к египетским пирамидам, а во-вторых — русского революционного наследия, бравшего начало с мятежного казака Степана Разина, освобождавшего рабов-крепостных, подобных тем, которые трудились на пирамидах. Вначале Евтушенко обращается к поэтам прошлого — Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Пастернаку и просит их помочь ему. В конце они возвращаются, чтобы увидеть завершение строительства плотины и поэмы. И Евтушенко взывает к главным составляющим русской традиции: литературе, мятежу, восстанию:

И, как самой России повеленье
не променять идею на слова,
глядели Пушкин, и Толстой, и Ленин,
и Стенькина шальная голова.
Я счастлив, что в России я родился
со Стенькиной шальной головой.
Мне в Братской ГЭС мерцающе раскрылся,
Россия, материнский образ твой⁷².

Через 11 лет вышел роман иркутского писателя Валентина Распутина «Прощание с Матерой», история о деревне на острове, которую должно затопить при строительстве Братской плотины. Здесь атмосфера совершенно иная. Никакого воспевания свободных творческих сил человека, никаких ожиданий великого будущего. Совсем наоборот — уничтожение деревни показывается как невосполнимая потеря, поскольку оно разрушает связи человека с предками, а еще с тем образом жизни, которым они жили веками. Вместо евтушенковского пафоса, декларативной риторики, у Распутина все погружается в приглушенные элегические тона, с любовью наводя на воспоминания о смене времен года и подробностях повседневной деревенской жизни в обреченной деревне. Дарья, пожилая женщина, последней уезжающая из деревни, верит, что попытки человека переделать природу говорят не о самоосвобождении человека, а, наоборот, о его подчинении новой форме рабства: «Человек думает, что он хозяин жизни, но он да-а-а-вно не хозяин... Жизнь перехитрила его, села ему на шею и погоняет»⁷³.

К 1976 г. Распутин чувствовал настроение читательской публики намного тоньше, чем Евтушенко. Такая переориентация советской культурной жизни вкупе с идейным тупиком, в который зашел режим, ограничивала возможность изменений в советском обществе и сковывала даже проектирование таких изменений. Но уже сам факт тупиковой ситуации подсказывал необходимость поиска новых путей выхода из нее, даже невзирая на невозможность открыто говорить об этом. Споры по этому поводу шли в среде элиты, писались записки «для своих», интеллигенция обменивалась самиздатом, собиралась на обсуждения в полуполигальных кружках, складывавшихся в научных институтах. Косвенные отражения этой осторожной полемики иногда выливались на страницы литературных журналов, ставших, как когда-то в XIX в., выразителями идей, слишком спорных для того, чтобы выносить их на общее обсуждение.

«КРУГОВАЯ ПОРУКА» БЕРЕТ ВЕРХ

Итак, мессианскому социализму как вере и системе ценностей, направленной в будущее, к 1970-м гг. пришел конец. Но чувство особой миссии осталось как 1) основа притязания на положение сверхдержавы; 2) вера и система ценностей, подпитываемая из прошлого, особенно военными победами; 3) идеологический балласт общества, обретшего устойчивые иерархические и консервативные формы. Это было, если хотите, «окаменевшим мессианством». Только теперь, в отличие от 1930-х гг., Советский Союз имел собственную устоявшуюся социальную структуру, собственную иерархию и свою социальную память, базировавшуюся на русской почве. Определенные черты этой основы проступали отчетливее и консолидировались в попытке сформировать саморегулируемое «государство всего народа». Как мы видели, привычным для русских принципом саморегулирования была круговая порука. Она продолжала служить свою службу в новых условиях, правда, в несколько измененных формах.

Самым глубоким, хотя временами непоследовательным аналитиком советского общества на тот момент был Александр Зиновьев, специалист по математической логике из Института философии Академии наук СССР в Москве. Первая его книга, содержащая анализ происходящего, называлась «Зияющие высоты» и вышла в 1976 г., конечно, не в Советском Союзе. В ней, фигурально выражаясь, вызываются духи ушедшего в прошлое мессианского мировоззрения. Зиновьев утверждал, что советское общество организовывалось и регулировалось не сверху, а снизу, коллективами «или коммунами», т.е. его составными частями. Эти коллективы складывались на рабочем месте — на предприятиях (или в отдельных цехах внутри предприятий), в колхозах и совхозах, железнодорожных депо, школах, больницах, научно-исследовательских институтах, низовых организациях профсоюзов и т.д. Коммуны составляли среду, в которой индивиды проводили основную часть своей жизни: «На уровне первичных коллективов люди не только работали, они проводили время в компании людей, которых лично хорошо знали. Они обменивались новостями, развлекались, совершали разного рода действия, чтобы сохранить и улучшить свое положение, устанавливали контакты с разными людьми, от которых зависело их благополучие, сидели на бесчисленных собраниях, получали путевки в санаторий или дом отдыха, ордер на квартиру или

талон на продовольственный заказ»⁷⁴. По словам Зиновьева, коммуна была полем боя, на котором разыгрывались гоббсовские войны всех против всех, но ее члены были жизненно заинтересованы в ее сохранении. Получавшаяся взаимосвязь между индивидуальными и коллективными побуждающими мотивами составляла ткань повседневной жизни в коммуне. Предполагаемая экономическая цель коммуны — производство какой-то продукции и услуг для общества — была делом вторым.

Существование вне коммуны было делом более или менее невозможным — в обществе дефицита коммуна гарантировала получение минимума. Она создавала обстановку, в которой люди обменивались теми товарами и услугами, распределение которых не могла обеспечить официальная экономика⁷⁵. Во всяком случае, те, кто пытался жить вне коммуны, либо уходили в преступный мир, либо могли быть в любое время арестованы за «тунеядство». Напротив, жизнь в коммуне во многом устраивала людей. Членам коммуны можно было не утруждать себя напряженной работой — воровство, приписки, взаимное укрывательство, отсутствие свободного рынка создавали возможность того, что все сходило с рук, какими бы плохими ни были производственные показатели коллектива. С другой стороны, талантливые или непохожие на других люди оказывались в коммуне белыми воронами. Для того чтобы гарантировать выживание коммуны, ее членам приходилось принимать меры против индивидов, не желавших стать конформистами и подчиниться господствующей идеологии или социальным нормам. Вот почему меры госбезопасности и партийных органов, в том числе дисциплинарных, были почти излишними, так как коммуны сами могли навести порядок и даже отторгнуть членов, которые не подчиняются воле коллектива. Как всегда, важнейшей функцией коллектива, связанного круговой порукой, оставалась взаимная слежка. «Отдел кадров» и тайная полиция являлись, таким образом, не более чем «концентрированной» сущностью советского общества⁷⁶.

Коммуна была неотъемлемой базовой составляющей системы, но в то же самое время она фатально подрывала ее. Неэффективность производства в конечном счете подорвала экономику страны, а следовательно, и претензии Советского Союза на статус великой державы. Она также давала возможность обходить официальные источники информации и идеологическую пропаганду — через сплетни, которыми обменивались на работе, можно было узнать очень многое из того, о чем умалчивали средства массовой инфор-

мации, проверить свои мысли и выслушать их неформальную оценку. (Любой посторонний, кто попробовал бы всерьез заниматься делом в советском учреждении, тут же заметил бы, с какой неохотой служащие отвлекаются от бесконечных разговоров, составлявших истинное содержание их рабочего дня.) Всегда можно было ждать доноса за политическую вольность, но там, где внутригрупповые связи были крепкими, эта опасность угрожала гораздо меньше, бóльшая опасность состояла в нарушении групповых норм.

Еще одним социальным «институтом» была очередь (неизбежное явление в обществе хронического дефицита), которая выполняла ту же функцию. В очередях люди простаивали часами в общении с другими людьми, хочешь не хочешь, а разговор заходил о дефиците, о котором все невольно думали в этот момент. От нечего делать мужчины собирались по трое, сбрасывались по рублю на бутылку водки и вместе распивали ее за непринужденными разговорами.

Хрущевская кампания за вовлечение простых людей в поддержание правопорядка и превращение советского общества в самоуправляемое увеличила влияние первичного коллектива на его членов. Восстанавливались законы времен революционного горения начала 1920-х гг. Местные Советы, профсоюзные организации и домовые комитеты получили право создавать так называемые товарищеские суды, состоящие из судей, избираемых коллективом из своей среды. Товарищеским судам были подсудны мелкие правонарушения, не влекущие за собой наказания в виде лишения свободы, на них выносились решения о небольших штрафах, порицании, исправительных работах или, в случае более серьезных нарушений, об увольнении с работы. В том же духе, для того чтобы сократить число заключенных в тюрьмах, уголовные суды теперь в случае мелких нарушений передавали нарушителей *на поруки* трудовым коллективам, чьей задачей было надзирать за их поведением и периодически сообщать о нем суду⁷⁷.

В задачу товарищеских судов входило разоблачение и выставление на общественное осуждение запойных пьяниц и *самогонщиков*. Кроме того, товарищеские суды должны были заниматься изучением образа жизни людей, которые имели больше денег или имущества, чем могло быть оправдано их законным заработком. Еще одной их функцией было выявление «тунеядцев», людей, не занятых общественно полезным трудом. Если за определенный период времени они не находили постоянного места работы, това-

риши могли передать дело о них властям для уголовного преследования. Это положение оказалось весьма неприятным для людей творческих профессий, которые работали вне официальных структур и не являлись членами зарегистрированных союзов⁷⁸.

В соответствии с этим положением поэт Иосиф Бродский в 1964 г. был осужден районным судом за «тунеядство». В то время ему было 24 года, уже несколько лет он писал и переводил стихи, по большей части, с точки зрения режима, нонконформистские, и не был членом какого-нибудь официально признанного литературного союза. Во время суда над ним газета «Вечерний Ленинград» обвинила его в том, что он бросил кружок начинающих писателей в местном Дворце культуры, чтобы «взбираться на гору Парнас своими силами... Он продолжал вести паразитический образ жизни. Здоровый двадцатишестилетний парень четыре года не занимался общественно полезным трудом. Он живет на случайный заработок, в крайнем случае отец дает ему небольшие суммы... Давно пора Бродскому взяться за ум, начать работать и прекратить тунеядство за счет родителей и общества»⁷⁹.

Это язык завистников, старающихся отторгнуть необычного и талантливого индивида. Перепалка между Бродским и судьей представляет собой классический конкретный образец столкновения двух разных духовных миров:

«Судья: Какая у вас специальность?

Бродский: Я поэт, поэт и переводчик.

Судья: А кто признает вас поэтом? Кто подтвердил ваш статус как поэта?

Бродский: Никто. (*Примирительно.*) Кто подтвердит мой статус как человека?

Судья: Вы учились?

Бродский: Чему?

Судья: Быть поэтом. Вы не пытались учиться в... там, где учат...

Бродский: Не думаю, чтоб этому нужно учиться.

Судья: Тогда как вы стали поэтом?

Бродский: Думаю... (*подбирая слова*)... это от Бога»⁸⁰.

Судью это не убедило, и она приговорила Бродского к пяти годам ссылки за «тунеядство». В общем и целом суды ужесточили надзор и усилили насильственный эгалитаризм традиционных русских институтов.

У каждого коллектива была своя ведущая группа, которую называли *активом*. Членами актива были люди, олицетворявшие со-

бой нормы коллектива, и поэтому к ним прислушивались другие члены коллектива, фактически это были коллективные *старосты*. У них были личные связи с внешним властным миром: отделом кадров, профсоюзным комитетом, местным отделением милиции и местной партийной организацией, и они могли рассчитывать на их поддержку в решении самых сложных и трудных проблем. Начиная с 1960-х гг. власти начали все больше опираться на такой «актив» в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях⁸¹.

Советские руководители прибегали к помощи активов в вооруженных силах, что имело весьма негативные последствия. В 1950-х гг., когда Хрущев решил переориентироваться на ракетные войска, большое количество офицеров обычных родов войск были уволены из армии, что привело к падению престижа и морального состояния офицерского корпуса в целом. К этому времени также изменился социальный состав армии, стало относительно меньше покладистых новобранцев-крестьян и больше новобранцев-горожан. Эти были более искушенными в жизни и больше подвержены проблемам города (алкоголизму, наркомании), также они были более склонны манкировать приказами, которые считали необоснованными. Такие изменения подрывали дисциплину в казарме и делали младший командный состав, традиционно слабое звено русской и советской армии, еще уязвимее. Часто сержантский состав реагировал на ситуацию, банально перекладывая поддержание дисциплины среди новобранцев на солдат второго и третьего года службы.

В результате такого небрежения в армии получило распространение пьянство и употребление наркотиков, установилась атмосфера самоуправства. Проявлявшаяся у молодых солдат, мужчин, которые живут без женщин, агрессивность брала верх над присутствующими традиционным русским коллективам пуританством и консерватизмом, превращая армейские части в самую дурную пародию на круговую поруку, когда мужское братство скрепляется пьяным угаром, наркотиками и унижением младших. В периоды между занятиями и службой в казарме верховодили деды, заставляя первогодков выполнять физические работы, чистить за них оружие, сапоги, стирать их вещи и вычищать уборные. Любое неподчинение, мельчайшее нарушение сложившихся отношений наказывалось, подчас с невероятной жестокостью, ритуальным унижением, побоями, даже изнасилованием. Это была *дедовщина*. Сержанты не имели охоты вмешиваться, могли даже поддерживать ее как сред-

ство укрепления дисциплины. Офицеры, знавшие о проявлениях дедовщины, старались не докладывать о них, потому что это свидетельствовало об их неумении работать с личным составом. Поэтому, раз установившись, эти порядки трудно поддавались сдерживанию, не говоря уже об искоренении.

По мере того как развивалось национальное самосознание народов и нарастала этническая напряженность, дедовщина часто принимала этническую окраску. Новобранцы из Средней Азии и с Кавказа иногда отказывались выполнять физическую работу, на том основании, что это женская работа. Молодые солдаты из этих республик или из Прибалтики в ответ подвергались нападению, и тогда из соседних казарм спешили их земляки, неформально объединявшиеся в *землячества*, чтобы вступить за них и проучить нападавших. Так зарождалась длительная вражда, сопровождавшаяся жестокими драками с участием десятков солдат, причем некоторые из них получали серьезные и даже смертельные ранения⁸².

Рост дедовщины нес катастрофу не только для вооруженных сил, но также и для всего советского общества. После 1945 г. армия была гордостью страны. У нее была не только высокая репутация среди простых советских граждан, она была образцом в смысле интеграции национальных меньшинств. Брежнев называл ее «школой интернационализма». К 1970-м гг. она представляла собой уже совершенно иную картину. Это были авгиевы конюшни алкоголизма, наркомании и пороков, а также арена межнациональных междоусобиц. Слухи об инцидентах, имевших место в казармах, часто обогащенные зловещими подробностями, плодами фантазии рассказчиков, широко распространялись в обществе, и поэтому молодые люди и их родители, особенно неславяне, предпринимали любые шаги, лишь бы избежать военной службы. Один призывник, прибыв к месту службы, рассказал, что слышал рассказы от старослужащих, по которым выходило, что армия — «это тюрьма, где людей бьют, унижают и оскорбляют»⁸³.

Деградация армии подрывала русско-советский патриотизм и чувство интернациональной миссии, которые бытовали у многих простых русских. К 1985 г. солдатские матери писали советским руководителям, требуя вывода советских войск из Афганистана: «Интернациональный долг? Во имя чего? А сами афганцы хотят этого? Стоит ли он жизни наших детей, которые не понимают, зачем их туда послали, за что они воюют, убивая стариков и детей?»⁸⁴ За несколько лет солдатские матери создали свою собственную

организацию «Материнское сердце», чтобы выявлять случаи оскорблений, небоевых ранений и смертей и выступать в защиту гарантированных прав солдат. Организация имела отделения по всей России и агитировала против использования Советской армии для подавления национально-освободительных движений внутри СССР, устраивала большие демонстрации, например когда армия вступила в Баку в январе 1990 г.⁸⁵ Движение матерей явно свидетельствовало о том, что русские утрачивают желание мириться с жестокой платой молодыми жизнями за имперское стремление поработать народы.

Дедовщина стала особенно разрушительной максимой, поскольку бросала тень на репутацию Советского Союза именно там, где она была особенно значительна: на военную мощь страны и культивирование межнационального сотрудничества. Она подрывала попытки выковать новую идентичность для страны после того, как идеал «строительства коммунизма» ушел в небытие.

Из сказанного следует, что между серединой 1960-х и серединой 1980-х гг. Советский Союз, несомненно, претерпевал процесс этнизации, другими словами, национальное самосознание становилось главным маркером социального и политического статуса народа. Этот процесс тяжело сказался на той национальности, которая по определению была «пансоветской», на русских. Русские начинали видеть, что жизнь в национальных республиках не давала им жизненных шансов, поскольку становилось ясно, что все более крепнущие местные национальные сети патронажных отношений не желают допускать их в свою сферу. Но и так называемая Российская Советская Республика не сулила им молочных рек с кисельными берегами. Ее города были перенаселены, невероятно загрязнены и не располагали к тому, чтобы обзаводиться семьей и растить детей, деревни в то же время обезлюдели, производство в них падало, а сельские жители были очевидно деморализованы. Советская армия, которая еще недавно обещала престижную и желанную карьеру, перестала быть гордым образцом прочного многонационального общества. Начинало казаться, что Советский Союз не в состоянии осуществить провозглашенных им идеалов, но, продолжая пытаться добиться их осуществления, только подрывает собственную культуру, экономику и российскую идентичность. Сложилась обстановка, в которой русский вопрос должен был стать Немезидой Советского Союза.

Глава десятая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Повторное открытие «России», отдельной от Советского Союза, началось в самом сердце советского истеблишмента, т.е. вовсе не среди освобожденных узников ГУЛАГа или депортированных народов, не среди раскулаченных крестьян, даже не в рабочем классе, у которого так откровенно отобрали роль «ведущего класса». Фактически, возрождение России началось среди писателей и ученых, которые, по крайней мере пассивно, освоили догматы коммунистической идеологии и работали в институтах, союзах и журналах, созданных советскими властями и существовавшими на их деньги.

Возрождение России было заложено в самой природе советского общества. С самого начала официальная идеология и опубликованная конституция находились в нелегком симбиозе с неформальными персонифицированными структурами, без которых страна вообще не могла функционировать. На всех уровнях и во всех слоях населения первичные коллективы ограждали индивидов от превратностей жизни и неэффективности системы, а в послесталинский период эти коллективы получили еще больше новых обязанностей для саморегулирования общества.

Неформальные коллективы играли важную роль как вне официальной сферы, так и внутри ее. По мере того как в период 1950-х гг. пошла на убыль страхи перед доносами, расширялось жилищное строительство и люди стали переезжать из коммунальных квартир в отдельные, единомышленникам, где бы они ни работали или жили, стало проще собираться в приватной обстановке в квартирах общих знакомых и обмениваться мыслями обо всем, что их тревожило. Новые квартиры не были большими, и одна комната выполняла одновременно несколько функций, поэтому обычным местом для таких разговоров была кухня, где можно было вынуть

из холодильника водку с закусками и вскипятить на плите чайник. С быстрым ростом уровня высшего образования в 1960-х и 1970-х гг. у значительно большего числа людей пробуждались интеллектуальные интересы и появлялось желание обменяться идеями. Соблазн запретного плода и давняя одержимость Соединенными Штатами определяли то, что эти идеи приходили с Запада.

Иосиф Бродский называл молодое поколение данного периода «самым книжным в истории России». «Это было единственным поколением, для которого Джотто и Манделштам были важнее, чем собственная личная судьба. Плохо одетые, но как-то умудрявшиеся сохранять некую элегантность, помыкаемые их прямыми начальниками... они, несмотря ни на что, сохраняли любовь к несуществующей (или существующей только в их лысеющих головах) вещи, называемой “цивилизацией”. Безнадежно отрезанные от остального мира, они думали, что, по крайней мере, мир был таким же, как они»¹.

В обстановке сборищ этих кружков было что-то от деревенского уюта. Тем не менее в больших городах эти кружки привлекали способных, высокоинтеллектуальных людей, которые в реальном (отличном от воображаемого) Западе с головой ушли бы в профессиональную и административную работу, но в Советском Союзе испытывали недоверие властей, а потому в большинстве своем не имели поглощающего их занятия. Более того, некоторые из них из-за свирепствовавшей цензуры были лишены возможности регулярно публиковаться. Получалось, что у них было много вынужденно свободного времени и имелось желание общаться и обмениваться мыслями. В сталинские времена их вполне могли бы за их нонконформистские идеи наречь «врагами народа». Теперь же они были относительно свободны и могли без оглядки излагать то, о чем думают, — во всяком случае, в устной форме и при условии, что они доверяют своим собеседникам. Снова стало важным знать, кому доверять, а кому нет.

Это стало естественной атмосферой для диссидентства. В 1950-х и 1960-х гг. многие участники подобных кружков были интеллигентами, которые в прошлом с энтузиазмом поддерживали коммунистический проект — только для того, чтобы увидеть, как на их глазах он померк и начал распадаться сначала в годы террора 1930-х гг., затем в мелочных стычках, последовавших за «секретным докладом» Хрущева. Теперь они стали самыми ожесточенными и откровенными противниками коммунизма и в теории, и на практи-

ке. Если они были нерусскими, и особенно евреями, у них была дополнительная, национальная причина презирать и предавать анафеме существующий режим. Такая атмосфера породила первую поэзию подполья, чуть позже полноценные художественные произведения, а затем политические, философские и религиозные сочинения².

«Почему советские власти создали своих собственных могильщиков, советскую культуру?» — задавал вопрос литературный критик после падения Советского Союза³. Они сделали это, потому что коммунистическая партия продолжала зависеть от идеологии, без которой не могла доказать своей легитимности, и это настоятельное требование предопределяло высокий статус тех, кто занимался производством идей. Режим платил им за производство и пропаганду этих идей и обеспечивал сравнительно хорошие деньги и привилегии тем, от чьей работы это особенно зависело. Среди них были ученые, разрабатывавшие новые технологии, писатели и журналисты, доводившие эти идеи до широкой публики. До последних недель жизни СССР интеллектуалы, занимавшие даже самые скромные места, имели гарантированную работу и гарантированный минимальный доход. С прекращением тотального террора структура «круговой поруки» в лице творческих организаций, придуманная в 1930-х гг. для подчинения творческих работников влиянию партии, теперь начала, как это ни парадоксально, выполнять обратные функции, создавая маленькие оазисы свободомыслия. Эти факторы существовали прежде всего в академических и культурных институтах, где кружки людей с такими настроениями находили убежище и поддержку коллег для изучения и обсуждения проблем, остающихся вне поля зрения официальных программ и планов.

Академия наук выборочно защищала некоторых из главных диссидентов. Знаменитый русский физик Петр Капица однажды заметил: «Чтобы управлять демократически и законно, каждой стране абсолютно необходимо иметь независимые институты, служащие арбитрами во всех конституционных проблемах. В США такую роль играет Верховный суд, в Британии Палата лордов. Похоже, что в Советском Союзе эта моральная функция выпадает на Академию наук СССР»⁴.

Это значит, что в науке и искусстве первичные коллективы образовывали крошечные форпосты свободы слова. Они выступали в такой роли, потому что их функции входили в скрытые

противоречия с официальной идеологией. Наука на своем высшем уровне требует свободы мысли, условий для того, чтобы идти в ногу с современными мировыми исследованиями, и возможности обсуждения идей с ведущими иностранными коллегами, т.е. у режима не было иного выбора, кроме как создавать такие условия, пусть и в строго ограниченных дозах. Советское руководство также понимало важность искусства и особенно литературы, как для образования молодежи, так и для поддержания культурного престижа СССР во всем мире. При этом нужно иметь в виду, что репутация русской литературы XIX в. придавала ее наследникам середины XX в. высокий моральный статус, какой в советском обществе мало кто имел.

Литература играла роль греческих классиков в формировании викторианского джентльмена-христианина. Она давала элемент дозволенной, даже почитаемой идеологической неортодоксальности, полученной в наследство от официально одобренного прошлого. Если твои родители были культурными людьми или если ты мог пользоваться услугами хорошей библиотеки, то ты мог свободно читать абсолютно еретического и антисоциалистического Достоевского. Его непризнанная близость к имперским сторонам официальной доктрины превращала его в своего рода «теневого» идеолога советского периода. Но даже в высшей степени приемлемый Толстой наводил на мысли о совести, правдивости и вызывал подозрительность в отношении государства. Чтение их произведений было откровением для многих молодых русских. Например, учитель московской школы № 2 в 1960-х гг. позже рассказывал западному ученому: «Читая Толстого, я понял, что я враг советской системы... Мое духовное сознание [сформировалось] через русскую литературу»⁵. Нередко читатели находили религиозное звучание даже у писателей, которые отнюдь не считались приверженцами общепринятого православия, — в совершенно нерелигиозном смысле слова литература питала духовную жизнь образованных русских⁶.

В этой среде новое открытие Ахматовой, Мандельштама, Булгакова и Платонова, чьи отдельные произведения с трудом, но продвигались через советские издательства, а другие распространялись в самиздате, было открытием русской идентичности, которую многие люди считали давно похороненной под советским монолитом.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ И «НОВЫЙ МИР»

Фигурой литературного мира, которая в наибольшей степени воспользовалась этими возможностями, был Александр Твардовский. Это была исключительно сложная личность, в чьем характере отразились многие противоречия современного русского сознания. Он родился в крестьянской семье на Смоленщине. В начале 1930-х гг. его отца раскулачили, как раз тогда, когда только началась литературная карьера Твардовского, и какое-то время, пока он утверждался как молодой поэт, он держался в стороне от своей семьи. Как мы видели, во время войны он создал самый популярный символ простого русского человека, вымышленный литературный персонаж — солдата Василия Теркина. Он был главным редактором «Нового мира» с 1950 по 1954 и с 1958 по 1970 г., и это значит, что ему доверили самый престижный литературный ежемесячник страны. Более того, с 1961 по 1966 г. он был членом ЦК КПСС и, следовательно, одним из 200 самых высокопоставленных членов советской политической иерархии.

В качестве главного редактора ведущего журнала Союза советских писателей Твардовский проводил линию официальной доктрины «социалистического реализма», но придавал ей такой ракурс, что это в конце концов подорвало ее. Он отвергал эстетику героического отказа от быта во имя будущего. Для него «социализм» означал нечто более прозаическое: попытку улучшить жизнь людей, чтобы они были достойно накормлены, одеты, жили в хороших домах и получали образование. «Реализм» означал публикацию произведений, создающих откровенную картину советской общественной жизни и истории советских народов. «Народность» означала сосредоточение внимания на жизни простых людей, использование их языка и представлений.

Особенно активно не принимал Твардовский идею «положительного героя», главного действующего лица художественной литературы сталинского периода. Он жаловался, что «превознесение личности главного героя... неизбежно означало презрение к “рядовой массе”»⁷. Сквозной темой «Нового мира» было отсутствие у крестьянина чувства «хозяина», что означает одновременно и «господин» и «собственник». Значит, по его мысли, крестьяне страдали либо оттого, что у них не было собственности, либо потому, что они не были хозяевами собственной судьбы, а скорее всего, и от того, и от другого. В русской традиции категории собственности и

политической власти обычно имеют тенденцию сливаться, поэтому вполне закономерно читать это слово как имеющее гибридное значение.

Вполне можно утверждать, что Твардовский (думал он об этом всерьез или нет) пытался возродить два идеала крестьянских общин периода до 1930-х гг. — *мир* и *правду*. Его девизом была *правда жизни*. «Неудача многих наших книг, — писал он, — прежде всего в недостатке *правды жизни*». Он определенно имел в виду не ту правду жизни, какую пропагандировали официальные идеологи, а, скорее, правду, которой учит сама жизнь, ту правду, которой живут простые люди в своих сообществах. В России до недавнего времени ими были крестьянские общины⁸. Большую часть своей жизни он верил в основные достоинства советской системы, но понимал их иначе, чем официальные идеологи, он видел их в свете нравственных заповедей, на которых держалась крестьянская культура⁹.

Твардовский возрождал и еще одну русскую традицию, а именно «толстого журнала». Он следовал примеру Николая Некрасова, который, как и он, был и редактором влиятельного журнала, и поэтом, описывавшим жизнь простых русских людей. «Новый мир» объявлял на своем титульном листе, что он является «художественным и общественно-политическим журналом», и Твардовский исключительно серьезно относился к обоим аспектам издания. Он верил, что в России «толстый журнал» имел, в общем, более широкую функцию, чем специализированные журналы на Западе, — он играл познавательную и гражданскую роль, помогая формированию взглядов образованной публики. «Вторая половина подзаголовка на титуле не простая или случайная формальность, — заявлял он. — Редакторы знают, что многие из наших подписчиков и читателей не всегда имеют доступ к специализированным журналам, и поэтому мы делаем все, что можем, чтобы удовлетворить их интерес к проблемам современной политики и науки, проблемам борьбы за мир, проблемам экономики, культуры, искусства, образования и т.д.»¹⁰

Для того чтобы выполнять свою гражданскую роль, считал Твардовский, серьезный журнал должен иметь собственное направление — гражданскую или эстетическую позицию, тенденцию или облик. Он должен печатать писателей и критиков, близких ему по духу, и не только печатать, но и вовлекать в свою работу и в контакт со своими читателями. Журнал должен стать фокусом интел-

лектуальной и духовной жизни единомышленников, преданных одним и тем же человеческим идеалам, являвшимся, по сути, и идеалами партии, хотя они и не всегда ею поддерживались. Как заметил по этому поводу один ученый: «Редакцию “Нового мира” — по крайней мере при Твардовском — нельзя было представить просто как кабинеты и столы редакторов и других редакционных работников. Это было еще и место, где собираются активные, заинтересованные писатели и интеллигенты, которые заходили поговорить, обсудить какие-то волновавшие всех проблемы, приносили рукописи, которые считали стоящими, или просто так, побыть в товарищеской компании»¹¹. «Новый мир» был обычной ячейкой советского общества, похожей на многие другие, но вместе с тем он был пристанищем контркультуры, которая в конечном итоге подорвала официальную советскую культуру.

Добиваясь своих редакционных целей, «Новый мир» публиковал художественные произведения, которые в реалистическом стиле, насколько возможно откровенно (и это было одним из предметов постоянных стычек с цензурой и руководством Союза писателей) рассказывали истории простых людей, переживавших критические моменты советской истории — Гражданскую войну, коллективизацию сельского хозяйства, первые пятилетки и Вторую мировую войну¹². В нем печатались многочисленные *очерки* — характерный русский полухудожественный и полурепортажный жанр, в котором описывалась современная жизнь рядовых советских граждан в колхозе, на заводе, в учреждении. Как говорил Твардовский, очерк лежит на границе между двумя функциями журнала: «художественной» и «общественно-политической», и цель его заключается в выражении «правды жизни»¹³.

«Новый мир» начал выполнять свое ключевое дело — публиковать произведения, которые преследовались начиная с 1930-х по 1950-е гг.: Ахматовой, Пастернака, Булгакова и др.¹⁴ Он печатал мемуары, дневники и другие документы, в которых отражалось непосредственное прошлое. Тем самым «Новый мир» выполнял функцию хранителя памяти, которую польский социолог Барбара Миштал назвала исключительно важной для поддержания реального национального самосознания. Эта функция подразумевала исправление ошибочных впечатлений, восстановление забытого или подавленного, а также ведение диалога вместо монолога. В начале 1960-х гг. публика жадно поглощала мемуары Ильи Эренбурга, который в 1920-х гг. активно участвовал в европейской куль-

турной жизни и близко знал многих ведущих лиц художественного мира, чьи имена долгое время пребывали в забвении: Ахматова, Бабель, Татлин, Малевич, Жид, Марлоу. Многие читатели впервые с гордостью узнавали о великом и новаторском вкладе России в культурную жизнь Европы первых десятилетий XX в.¹⁵

Самым знаменитым вкладом Твардовского в политику и в литературу была публикация рассказа Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В тот момент Солженицын был абсолютно неизвестной фигурой. Во время службы в армии в 1945 г. его арестовали за письмо с критикой Сталина. Теперь, после девяти лет тюрьмы и лагерей, а затем ссылки в Казахстан, он был всего лишь заштатным учителем в рязанской школе. Тем не менее «Иван Денисович» был в нескольких отношениях новаторской работой. Это был первый честный рассказ о жизни в сталинских лагерях. И это был также шаг в сторону от устоявшегося советского менталитета, потому что этот рассказ предложил новый и непривычный подход к повествованию. Вместо всеведущего рассказчика, который зрит развитие истории и знает, куда в ее ткань вплести то или иное действующее лицо, то или иное явление, вместо стерильно безупречного героя, ведущего за собой по тернистой дороге к социализму колеблющихся и сомневающих, Солженицын выводит героя, говорящего, как говорят *в народе*, в деревне, в армии, на строительной площадке и в лагерях. Он понимает, что в такой речи отражается ограниченность героя: необразованность, политическая неграмотность, слабое представление о событиях или личностях. Сюжет развивается без особых достижений, без прорыва к новым знаниям, в сущности, повествование подводит к мысли, что время идет по кругу, а не развивается по прямой. Именно таковой была точка зрения русских людей, ставших жертвами потрясений своей эпохи.

За публикацией «Ивана Денисовича» хлынул поток воспоминаний, необычайно острое «возвращение подавляемого», крик души в письмах в редакцию и самому Солженицыну. Возрождение памяти пережитого вызвало самые разнообразные чувства от осознанной гражданской гордости до мыслей о самоубийстве: «Сейчас я читаю и плачу, но за десять лет заключения в Ухте я не пролил ни слезинки». «После того, как прочитаешь это, остается одно, вбить гвоздь в стену, сделать петлю и повеситься». «Хотя я плакал, читая это, я чувствовал себя гражданином с такими же правами, как другие»¹⁶.

Твардовский пытался соединить в себе и своей работе несколько несовместимых миров. Сын кулака, он старался стать совершен-

но лояльным поэтом, позже, важный член номенклатурной элиты, он отвечал за журнал, который сделал больше любого другого для разрушения системы верований этой самой элиты. В целом он пытался добиться того же, что и Достоевский, хотя и совершенно другим путем, совместив крестьянскую правду и коллективизм с империей и великой державой, которой пока еще являлся Советский Союз. Эти вещи были несовместимы. Твардовский разрывался между этими противоречиями, что, возможно, объясняет его тяжелые запои.

Наследие Твардовского было достаточно гибким и всесторонним и подходило обоим крыльям литературного сообщества — и русофилам, и космополитам. Его преданность высококачественной литературе и свободе слова, заступничество за писателей, ставших жертвой политических преследований, честность в показе неприглядной стороны советской жизни и его сражения с цензорами и чиновниками от культуры — все это относило его к лагерю либералов. И тем не менее в то же самое время его приверженность гражданским традициям русской литературы, которые он считал «святыми», его решимость писать правдивую историю русского народа и особенно крестьян литературным языком, близким к разговорному, — все это сближало его с русскими националистами¹⁷. После того как в 1970 г. Твардовский вынужден был оставить свой литературный пост, коллектив его авторов разбрелся в двух направлениях. Большинство деревенщиков (хотя и не все) ушли в «Наш современник», олицетворявший националистическую тенденцию¹⁸. Большинство остальных либо перешли в «Дружбу народов», одно название которого говорило о его либеральном направлении, либо просто эмигрировали, чувствуя, что в самом Советском Союзе писать откровенно больше невозможно.

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ПАРТИИ

Этнофикация Советского Союза поставила и интеллигенцию, и партийных вождей в РСФСР в аномальное и затруднительное положение. Нерусские партийные руководители могли с определенной мерой осторожности искать политическую и культурную поддержку среди националистов «своих» республик. Они могли, не вызывая у союзных руководителей нареканий, формулировать и формировать культуру открыто этнического характера, привлека-

тельную для нерусских интеллигентов, смягчая горечь национального унижения и неполноценности¹⁹.

Русским, однако, невозможно было культивировать русскую идентичность. У них не было своей национальной родины, прибежища их национального чувства. Более того, попытка создать таковую родину означала бы поражение их национальных целей, так как национальное самосознание русских связывалось с Советским Союзом в целом. «Освободить» Россию от СССР означало бы разрушить его и, следовательно, Россию тоже.

Так какую же русскую идентичность они должны были развивать? Искать ее истоки в прошлом? История давно стала «непредсказуемым» и противоречивым путеводителем в силу множественности национальных идеалов русских. Для России имелось несколько различных моделей существования, и в важнейших аспектах они противоречили одна другой:

1. Сталинистское государство, победившее во Второй мировой войне.

2. Российская империя Романовых.

3. Крестьянская община и связанная с ней традиция коллективной солидарности и принятия решений консенсусом.

4. Русская православная церковь.

Во многих отношениях легче всего и наиболее очевидно было принять первую модель. Год 1945-й стал моментом, когда советский режим пользовался массовой поддержкой народа, это был исторический апогей русского национального сознания. У многих людей еще не поблекла память о нем, пользуясь этим обстоятельством, тогдашнее партийно-государственное руководство укрепило свою власть. В этом кроется причина того, почему сталинистские взгляды не утратили привлекательности и оставались властителями умов вплоть до последних советских лет. Тем не менее те, кто воспринял их, должны были задаваться серьезными вопросами. Сталин отвечал не только за победу в войне, но еще и за то, что почти поставил страну перед поражением, а потому именно на нем лежала ответственность за продолжительность и цену войны. Он развернул массовый террор, погубивший миллионы невинных людей, многие из них были русскими. Он уничтожил или пытался уничтожить главные элементы русской общественной и культурной традиции: православную церковь, деревенскую общину, большую часть лучших деятелей искусства, литературы и музыки. После «секретного доклада» Хрущева и возвращения миллионов из ГУЛАГа об этих преступлениях

думали многие, даже если не были обработаны средствами массовой информации времен «оттепели». Как можно было воспринимать Сталина как русского национального героя?

Что касается царского имперского государства, то удовлетворительной моделью оно само по себе восприниматься не могло. Вопрос о восстановлении монархии не стоял. Но коммунисты могли сохранить некоторые элементы царского наследия, представляя Советский Союз носителем российской государственности — таковой была теория «единого потока», предлагавшаяся А.В. Шестаковым в его предвоенной книге. Авторитаризм обеих моделей мог подаваться как более подходящая для России политическая форма, если брать ее в сравнении с западной либеральной демократией. Но если коммунист соглашался с этими посылками, как он мог объяснить, почему Ленин поддерживал свержение царизма? Разве Февральская и Октябрьская революции, убийство царской семьи и миллионы «бывших» были всего лишь колоссальными историческими недоразумениями?

Идея крестьянской общины не годилась по существу, но в некой приспособленной форме имела определенную привлекательность. Можно было утверждать, что у русских всегда были сильные традиции общинного консенсуса и взаимопомощи, а на Западе господствовали более ярко выраженный индивидуализм, гедонизм и торгашеский материализм. По этой теории коммунизм представлял собой видоизмененную форму русского традиционного уклада.

Более жизнеспособным вариантом была православная церковь, по крайней мере, так думала часть оппозиционной интеллигенции, поскольку она только что показала свою жизнестойкость, пройдя через потрясения советских десятилетий. Но долгое сожительство церкви с режимом делало ее ненадежным прибежищем для тех, кто искал надежного духовного оплота и независимости в этом сотрясаемом бурями мире. Оставался открытым вопрос вопросов: был ли компромисс митрополита Сергия 1927 г. предательством веры или мерой, достойной сожаления, но необходимой ради большего блага — выживания церкви? И что должны думать люди о тех священнослужителях, которые пошли в услужение атеистическому режиму и сотрудничали с кровавой тайной полицией?

Можно было говорить, что православная церковь олицетворяла древний русский дух общинности, который перевоплотился в коммунистической партии, но только если согласиться забыть десятилетия атеистической пропаганды и официального преследования церкви.

Советский Союз был неотторжимой частью российской истории, но он уничтожил слишком многое в России. Советская модель в определенных отношениях преуспела: она дала массам образование, создала современную промышленность, науку и технику и победила Германию в войне. Но в то же время она ввергла страну в демографическую катастрофу, разорила российское сельское хозяйство, уничтожила русское крестьянство, подорвала русскую церковь и парализовала русскую культуру. Она была русской и антирусской. В этом состояла основная дилемма.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Противостояние «России» и Советского Союза отражено в мемуарах Станислава Куняева, в 1990-х гг. главного редактора «Нашего современника». Куняев был русским по национальности, уроженцем Калуги, учился в Московском университете, затем, до перехода в «Наш современник», работал в редакции литературного журнала «Знамя». Он пишет, что еще в юности задумывался о будущем России: «Я видел все еще зияющую, не затянувшуюся рану между прошлой историей России и советской эпохой. Я понимал, что у нас не будет полноценного будущего без возрождения всего прочного и цветущего, что было создано до революции. Но как мы можем начать это возрождение, не уничтожив реальную историческую жизнь последних семидесяти лет? Как мы можем примирить белых и красных? Бунина и Есенина? Шолохова и Солженицына? Русское и советское?»²⁰

Одним из способов ухода от этих парадоксов было свалить все «плохие» деяния советской власти на евреев. Это был «достоевровский соблазн» в новой форме, этим путем и пошел Куняев. Этот подход очень устраивал молодых писателей из российской глубинки, вроде него, т.е. тех, кто старался выбиться в люди в высокоразвитом литературном мире Москвы и Ленинграда. Все трудности, которые ему пришлось преодолевать на заре карьеры, он приписывал еврейскому засилью в литературном мире. Он в издевательской манере описывал «надменное выражение» на лице признанных писателей-евреев, их «бросающиеся в глаза золотые цепочки и оттянутые челюсти». Как он утверждал, писатели-евреи процветали, а их русские коллеги арестовывались и убивались «соплеменниками одесситов, Аграновым и Ягодой», т.е. якобы руководившими

НКВД евреями²¹. (Он предпочел позабыть о судьбе Мандельштама и Бабея, если вспомнить только самых известных писателей-евреев — жертв НКВД.)

Литературная жизнь, как и все формы советской жизни, вынуждала людей спланиваться с единомышленниками-коллегами в борьбе за то, во что они верили. Каждый чувствовал себя членом осажденного со всех сторон меньшинства, осужденного бороться с величайшими трудностями, в то время как «другие» — противники, «они», не пошевелив пальцем, осыпались всяческими официальными благами. «Русская партия» исключения не составляла, несмотря даже на то что ее члены уютно сидели в редакциях официальных журналов и издательствах, составлявших глубокоошеломленные боевые позиции на литературном поле боя. Многие из них учились в Московском университете в начале 1950-х гг. и пропитались советско-русским антисемитским патриотизмом сталинской эры. Впрочем, позже, в конце 1950-х — начале 1960-х гг., став студентами Литературного института имени Горького, они оказались совершенно в иной атмосфере: тон здесь задавала «оттепель», название которой произошло от романа, написанного евреем Ильей Эренбургом (хотя в свое время это был ярый адепт самого монолитного советско-русского патриотизма).

Русские националисты чувствовали себя в меньшинстве и в невыгодном положении. Их беспокоило, что по сравнению с героями «оттепели» они оказывают мало влияния на читающую публику и не имеют каких бы то ни было сторонников за рубежом. В их глазах испытываемое ими небрежение очевидно доказывало, что речь идет о международном заговоре против истинно русских ценностей. Молодой поэт Евтушенко собирал полные стадионы, выступая со стихами, которые читал мелодраматичным голосом, почти помпезно, и это раздражало его противников, особенно когда он пользовался этим приемом, чтобы напасть на антисемитизм, вызвать призрак Бабьего Яра и напомнить, что наследники Сталина ждут своего часа, чтобы вернуться. Он отождествлял себя с Дрейфусом, Анной Франк, жертвами Белостокского погрома и кровавой бойни в Бабьем Яре: «Я настоящий русский!»²² Один ярый антисемит, некий А. Марков, показал, что Евтушенко прав, посвятив последнему стихотворение «Что ты за настоящий русский?»²³.

Конфликт между литературными фигурами «патриотов» и «космополитов» приобрел исключительно серьезные формы. В сущности, насколько было известно, это был вопрос жизни и смерти.

Каждая из сторон обвиняла другую в том, что та в недавнем прошлом занималась доносительством, а для некоторых тогда донос был равносителен гарантированному смертному приговору. Московское отделение Союза писателей было крепостью «либералов». В 1953 г. почти треть его составляли евреи, а большинство остальных, как Евтушенко, считали антисемитизм отвратительным и пахнущим сталинизмом²⁴. Они развернули кампанию по выяснению правды о недавнем прошлом, особенно относительно истории тех, кто был арестован или убит за свое участие в Еврейском антифашистском комитете, а также пытались выявить, кто из писателей доносил на своих коллег-евреев или «космополитов». События прошлого были свежи в памяти, прошло менее 10 лет, а никто из повинных в этом не лишился должности, не говоря уже о наказании. Кроме того, официального осуждения антисемитизма не было. Не было ровным счетом никаких гарантий, что в любой момент не начнется новая кампания террора²⁵.

Все это определило накал, с каким предъявлялись и парировались обвинения. Несмотря на то что после «секретного доклада» Хрущева эти обвинения стали предметом законных разбирательств, никакой ясности в ситуацию внесено не было.

Те, кто находился под подозрением, решили защититься организационными методами. Воспользовавшись реакцией советского руководства на «эксцессы», вызванные «секретным докладом», они получили в 1957 г. разрешение на создание Союза писателей РСФСР в качестве противовеса всеильному влиянию московского отделения Союза писателей СССР. Это был судьбоносный шаг. Мы уже видели, что советские лидеры не были склонны к созданию каких-либо русских институтов — ни в коммунистической партии, ни в научной сфере, ни в средствах массовой информации. Тем не менее новый Союз стал русским институтом в самой чувствительной сфере из всех. Он имел целью придать больший вес русским писателям, жившим в провинциальных городах и на селе в противовес тем, кто жил в Москве и Ленинграде. Его газета «Литературная Россия» и журналы «Наш современник» и «Литература и жизнь» сделались важной трибуной для «русской» точки зрения, и не только в литературе. Одновременно были созданы союзы композиторов и художников РСФСР²⁶.

«ДЕРЕВЕНСКАЯ» ПРОЗА

С середины 1960-х и до середины 1980-х гг. многие из широко читавшихся произведений художественной прозы были написаны уникальным поколением русских литераторов: выпускниками Литературного института имени Горького, которые когда-то были деревенскими мальчишками, выросшими на селе. Они соединяли подлинный литературный профессионализм с непосредственным знанием сельской жизни. Родившиеся между 1910-ми и 1930-ми гг., эти писатели были живыми свидетелями последних лет традиционного крестьянского хозяйствования на русской земле и создания колхозов или, по крайней мере, слышали рассказы родителей об этих временах. Никто, как они, не мог в художественной форме передать огромный социологический и психологический разлом в сердце их поколения между неторопливыми циклическими ритмами традиционной деревенской жизни, ориентированной на прошлое, и лихорадочным, однолинейно устремленным вперед, в будущее, темпом современной городской жизни.

Первым делом они должны были составить своего рода устную историю, собрать воспоминания и зафиксировать их, пока они окончательно не истерлись в памяти людей. Как писал один писатель-деревенщик, сибиряк Сергей Залыгин: «Я чувствовал, что корни моей нации в деревне... на вспаханном поле, в хлебе насыщенном. Кроме того, мне казалось, что мое поколение будет последним, увидевшим своими глазами тысячелетний образ жизни, в котором все мы выросли. Если мы не напишем о нем и о его полной трансформации за короткое время, то кто это сделает?»²⁷

Деревенские писатели были, следовательно, летописцами, но в то же время и моралистами. Не случайно их работы стали выходить в то время, когда порыв создавать лучшее будущее начал утрачивать убедительность. Теперь рассказ об обычаях прошлого перестал быть удовлетворением обыкновенного этнографического любопытства, он перерос в поиск нравственных ценностей. Многие русские уехали из деревни с облегчением, перебираясь в города с надеждой хорошо устроиться. Теперь они начали спрашивать себя, что они выиграли и что потеряли. Множество рассказов начиналось с возвращения автора или его героя в деревню своего детства, где он не был десятки лет. Он видит церковный двор, знакомый родной дом, обветшалый, но все еще не развалившийся, баню, самовар, «мир, который он считал давно ушедшим в небытие»²⁸.

Этот прием вопроса к себе очень хорошо виден на примере рассказа вологодского писателя Василия Белова «Привычное дело». Он был опубликован в 1966 г. в «Севере» — до того момента мало-читаемом журнале архангельского отделения Союза писателей СССР. Сюжет рассказа очень прост. Речь в нем идет об Иване Африкановиче, его жене Катерине и их девяти детях. Работая в колхозе, Иван не зарабатывал достаточно, чтобы прокормить и одеть их. Деверь уговаривает его, что ему лучше уехать в город, заработать денег и обосноваться там со всей семьей. Как ему ни не хотелось уезжать, но он поддался на уговоры и уехал, но, как только покинул деревню, столкнулся с чужим и непонятным миром, справиться с которым не сумел. Он даже не доезжает до города, его высаживают из поезда, потому что у него нет билета. Добравшись до дома, он узнает, что у Катерины, смертельно уставшей от тяжелой работы и тяжести разлуки, случился сердечный приступ и она умерла.

В этом произведении деревня предстает как микрокосм, живущий в ритме смены времен года и привычной работы, где мужчины, женщины, дети и животные живут одной жизнью. (Характерно, что одна из глав представляет собой автобиографию коровы.) Если они работают на совесть и помогают друг другу в тяготах, другими словами, если они соблюдают традицию «круговой поруки», они выживают физически и обогащаются нравственно. Но выписанные Беловым картины городской эксплуатации вторгаются в этот патриархальный микрокосм, приняв вид колхоза с его ни с кем не считающимся начальством, запрещающими инструкциями и обязательными поставками зерна. Так, расставшись с первозданным Эдемом, Иван приносит погибель себе и своей семье²⁹.

В разной форме этот нравственный микрокосм воспроизводится в других произведениях деревенской прозы. Конечно же, это было отступлением от морали социалистического реализма. Местом действия была деревня, мирная, не меняющаяся, но оказавшаяся под угрозой *родина*, а не *отечество*, где происходили великие перемены. Всплывавшие в памяти впечатления часто были связаны с детскими годами, временем непосредственного, без посторонних влияний, чувства и спонтанного слияния с окружающим миром. Идеальный мир находился в прошлом — не в будущем, его версия времени была цикличной, а не однолинейной, содержание пессимистическое, а не оптимистическое; главные герои, обычно и сам рассказчик — люди необразованные, говорят на разговорном языке, их кругозор ограничен, великие шаги

истории им неведомы. Эти неторопливые непринужденные эссе наводили на воспоминания о «несоветском» прошлом, которое легко было представить в виде модели русского национального существования, разрушенного вторжением вестернизирующей или «ожидовающей» (выбирайте на свой вкус) идеологии марксизма. Эта модель потенциально могла превратиться, выражаясь словами британского этнолога Энтони Смита, «в идеализированный золотой век и героическое прошлое, образцы коллективного возрождения в настоящем»³⁰.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СВОБОДА СЛОВА

Духовный скептицизм 1960-х гг. также дал совершенно иной взгляд на мораль, отличный от того, который подразумевала «круговая порука». Его нельзя было назвать по своей сути русским, но, тем не менее, он имел глубокие корни в русской интеллектуальной традиции — следование общечеловеческим идеалам и связь с международными институтами, которые их воплощали. Эта тенденция была одним из возможных толкований официальной идеологии. Десять из двенадцати пунктов «Морального кодекса строителя коммунизма» были общечеловеческими, т.е. не особыми, свойственными только социалистическому или коммунистическому движению. Кроме того, в 1961 г. партийная программа утверждала, что «коммунистическая мораль включает фундаментальные общечеловеческие моральные нормы, которые были выработаны народными массами на протяжении тысячелетней борьбы с социальным угнетением и нравственными пороками»³¹.

Ведущим борцом за права человека и свободу личности был человек, работавший в святой святых самого военизированного научного учреждения Советского Союза, — физик-ядерщик, академик Андрей Сахаров. Наука занимала видное место в учебных программах советских образовательных учреждений, и ученым отводилось видное место в советском пантеоне славы. Но необходимые для подлинных достижений в науке качества ученых и методы исследований — скептицизм, рациональное мышление, постоянное сомнение в устоявшихся представлениях, знакомство с последними идеями и новостями мировой науки, регулярный контакт с иностранными коллегами — все это противоречило тому, что поощрялось советской системой. Наука требует культуры доверия,

ибо ученый не может в одиночку повторить все эксперименты и измерения, которые ему нужны для верификации фактов. Он должен уметь доверять своим коллегам, верить в то, что свою работу они выполняют добросовестно и честно³². Точно так же он должен иметь возможность обмениваться идеями вне государственных границ, открыто оценивать и обсуждать их. Отсюда парадокс, засевший в самой основе официального преклонения перед наукой, — закрытое общество возвеличивало открытую систему познания.

Сахаров начал свою карьеру, увлекшись тем, что он считал «величественной наукой». Но в то же время он чувствовал, что Советский Союз должен противостоять Соединенным Штатам. Для того чтобы защитить то, что едва не было потеряно во время Второй мировой войны и создать, по крайней мере, равновесие глобальных международных угроз, СССР не мог позволить США сохранить монополию на ядерное оружие. Позже, критически размышляя о себе, Сахаров признавал, что поддался «военной психологии», но это было подлинное веяние того времени³³.

Однако, когда ему с коллегами удалось создать действующую советскую водородную бомбу, он в смятении осознал, что испытание таких бомб в атмосфере Земли неизбежно повлечет за собой смерть неизвестного, но потенциально огромного числа людей вследствие выбросов радиации. Он также понял, что отдал ужасное оружие в руки политиков, деятелей, возможно, и энергичных, но способных принимать решения, руководствуясь неприемлемыми для него критериями. Он обнаружил к своему ужасу, что даже его собственные коллеги не разделяли его опасений: «На протяжении 1950-х годов я пришел к выводу, что испытания в атмосфере — это преступление против человечества, не отличающееся от тайного заражения городского водопровода болезнетворными микробами, но мои коллеги не разделяли моих взглядов, и я увидел, с какой легкостью люди приспособливают свои мысли к тому, что считают собственным интересом»³⁴.

Он попытался, хотя и безуспешно, убедить Хрущева не возобновлять атмосферные испытания в 1961 г. Это оказалось поворотным пунктом в жизни физика. «Это было мое окончательное поражение, — вспоминал он. — Должно было совершиться ужасное преступление, и я ничего не мог сделать, чтобы предотвратить его... Это был, вероятно, самый ужасный урок в моей жизни — нельзя сидеть на двух стульях. Я решил, что посвящу себя прекращению биологически вредных испытаний»³⁵.

Духовный кризис Сахарова был парадигмальным. Он разрывался между разными и, в конечном счете, несовместимыми идеалами советской системы. Он решил, что будет в своих поступках и мыслях следовать некоторым из них — интернационализму, гуманности, преданности науке — и в то же время с такой же решимостью отвергать другие: утопизм, классовую борьбу, статус сверхдержавы. Он осуждал советский мессианизм вместе с «заблуждением относительно уникальности общества... догматизмом, авантюризмом и агрессивностью»³⁶. В своей записке «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» он изложил свои представления о мире, управляемом на научных принципах, т.е. методами, «основанными на глубоком изучении фактов, теорий и мнений и предполагающими открытое обсуждение, непредвзятое и бесстрастное в своих выводах». Он предупреждал, что нынешняя разобщенность человечества угрожает ему полным уничтожением, что люди должны приложить больше усилий к тому, чтобы жить в мире и взаимной терпимости, и что для этого им нужна интеллектуальная свобода и возможность выбирать свои собственные правительства. Он указал на опасности, которыми чреват ядерная война, голод, деградация окружающей среды, а также закрытые общества и тиранические политические режимы, которые попирают законы и пренебрегают стремлениями своих собственных народов. Сахаров предлагал, чтобы государственные деятели направили свои усилия на устранение разделяющих их барьеров, совместно решали проблемы, с которыми можно справиться только совместными усилиями и обеспечили власть закона и демократии в своих собственных странах. Особо он призывал советских руководителей положить конец преследованию неконформистских мыслителей, пытавшихся распространять свои взгляды, и провести полную ревизию сталинских преступлений с тем, чтобы с полученными результатами была ознакомлена широкая общественность³⁷.

Как когда-то, за полвека до этого, Ленин с товарищами, Сахаров был убежденным интернационалистом, но совершенно иного рода. Хотя он временами говорил о «социализме», источник его идеалов был совершенно иным. Он стал ярчайшим примером того, как контакты с Западом изменили взгляды многих советских интеллектуалов. Его вдохновляли принципы, на которых была основана Организация Объединенных Наций и которые, в теории, поддерживал и Советский Союз. Сахаров недвусмысленно реко-

мендовал конвергенцию социалистической и несоциалистической систем вместо борьбы между ними. В последующие годы Сахаров постоянно обращался к документам ООН, требуя укрепления власти закона в Советском Союзе, особенно после того, как СССР в 1975 г. подписал Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. После этого события международные соглашения о мирном сосуществовании, вроде бы поддерживавшиеся Советским Союзом, стали главным источником идей и вдохновения для поколения активистов движения за права человека, среди которых Сахаров был ведущей, но далеко не единственной фигурой.

Главным органом движения за права человека был самиздатовский журнал «Хроника текущих событий». На титульном листе каждого номера журнала была напечатана цитата из ст. 19 Декларации ООН о правах человека 1948 г., гарантирующая свободу слова. В журнале печатались только голые факты без политических комментариев, в нем просто перечислялись случаи, когда советские власти нарушали собственные законы в процессах против советских граждан. Каждый выпуск журнала, незамысловатый на первый взгляд, был хорошо обдуман и должен был способствовать поднятию власти и значения закона до уровня высшего принципа жизни общества. Каналы сбора информации (проходившие в одном направлении) и распространения журнала (ведущие в других направлениях) составляли прочную сеть тесного общения сторонников диссидентских воззрений³⁸.

Проблема с такой постановкой дела заключалась в том, что ее без труда можно было представить подрывной, питающейся западными «буржуазными» идеалами. Больше того, поскольку активисты движения за права человека не могли публиковать свои материалы в советских средствах массовой информации, они были вынуждены обращаться к иностранным печатным изданиям и зарубежным радиостанциям, что их противники клеймили в лучшем случае как отступничество, а в худшем как предательство.

Самый широкий, даже шире, чем права человека, резонанс среди неконформистской интеллигенции получил идеал *совести*. Для разных людей это понятие имело различные значения, но было одинаково приемлемо и для православных верующих, и для западных либералов, и для марксистов-реформаторов. Даже режим не мог выступать против него. Одна из предписывающих норм Кодекса строителей коммунизма формулировалась следующим образом:

«честность и правдивость, моральная чистота, скромность и простота в общественной и личной жизни», что было своего рода перечнем качеств, присущих чистой совести³⁹.

Принятие «совести» за абсолют казалось особенно приемлемым — безжалостная жестокость первых советских десятилетий заставила многих людей с недоверием относиться к относительной морали. Мысль о том, что людям не стоит отдавать свою совесть на откуп государству или любому политическому движению, а возможно, даже любому массовому движению, была притягательной и убедительной. Этот идеал уходил глубокими корнями в русскую культуру. До революции писатели видели свой долг в том, чтобы использовать свое литературное призвание и выступать за угнетенный и обездоленный народ, а в своих произведениях прославлять просвещение, мораль, здоровую совесть и творческую свободу⁴⁰. Кроме того, в русской эмигрантской философии совесть и личность являлись ключевыми постулатами, именно как реакция на огосударствление и того и другого в Советском Союзе. В начале 1950-х и в 1960-х гг. интеллигенция обнаружила, что еще задолго до 1917 г. некоторые русские социалисты выступили против марксизма по причине того, что он не оставлял места свободной личности и вере в трансцендентные идеалы. Советская интеллигенция с жаром набросилась на неокантианский сборник «Вехи» и труды Соловьева, Бердяева, Булгакова и Франка и сквозь призму их взглядов вернулась к Достоевскому и открыла в его наследии новые смыслы. Ряд представителей советской интеллигенции ушел в православие и отрекся от социализма⁴¹. Таким образом, идея совести и личности предстала в виде общезначимой ценности в дискурсе многих русских, чьи убеждения в других вопросах коренным образом расходились. С 1960-х по 1980-е гг. русские интеллигенты верили в «личность» и «совесть» намного более стойчески и горячо, чем огромное большинство западной интеллигенции, которую они воспринимали как модель для подражания.

В самой яркой форме идея необходимости возродить здоровую совесть прозвучала самым крутым образом в самиздатовском письме Солженицына незадолго до его высылки из СССР в 1974 г. Отбросив ссылки на беспомощность перед лицом власти, которыми многие оправдывались перед самими собой за непротивление духовному и идеологическому угнетению, он заявлял: «Это не “они” виноваты во всем, это мы *сами* и только мы!.. Насилию нечем, кроме лжи, прикрыть свою наготу, а ложь может держаться только на

насилии... Вот где простейший и самый непосредственный ключ к нашей самоэмансипации: *личное неучастие во лжи!* Хорошо, ложь обволакивает все, все держит за горло... но не с моим участием! Никогда нельзя идти вперед, сознательно поддерживая ложь». По этому рецепту советским гражданам следовало никогда не писать то, в правдивости чего они не убеждены, им не следовало носить плакаты с лозунгами, в которые они не верят, и присутствовать на собраниях, где оратор под общие аплодисменты вещал официозную ложь⁴².

СОСТОЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Роль Советского Союза как великой державы и стремление к модернизации страны влекли за собой безжалостное отношение к окружающей среде. С 1920-х до 1950-х гг. потребности индустриализации, военной мощи и экономического роста имели статус первоочередных — говоря словами большевиков, «природу нужно покорить». Безудержная гигантомания захватила всех. Министерства соревновались между собой в грандиозности проектов — огромных гидроэлектростанций, предприятий химической и оборонной промышленности, выбрасывавших в атмосферу тучи дыма и ядовитых отходов.

Но даже в самый разгар всей этой деятельности внутри истощенного все же существовали небольшие и не особенно прочные островки, где люди были преданы идеям защиты окружающей среды. Это наблюдалось прежде всего в Академии наук СССР и некоторых министерствах РСФСР, где занимались сохранением *заповедников*, созданных для того, чтобы фауна и флора могли развиваться по своим собственным законам в среде, свободной от загрязнения. Другие занимались спасением неповторимых элементов истории и культуры России, стремясь к сохранению ее древних строений (многие из них церкви), ее лесов, озер и рек для того, чтобы ими могли любоваться и украшать свою жизнь последующие поколения⁴³.

В конце концов в период «оттепели» 1960-х гг. охрана окружающей среды стала политическим вопросом. Первая крупная кампания была связана с вопросом, близким сердцу всех русских: что будет с их столицей? Москва олицетворяла русскую идентичность и до начала 1930-х гг. сохраняла многое от своего внешнего вида,

который сложился в XIX в., — свободно раскинувшийся город-полудеревня, без определенного плана разбросанная вокруг древнего Кремля. Однако, как мы видели, в 1930-х гг. режим принялся в широких масштабах взрывать и перестраивать город по «генеральному плану», который никогда не представлялся на обсуждение общественности. Планом предусматривался массовый снос большей части домов XIX в. небольшой этажности в районе центра и возведение на их месте более монументальных строений. Хрушев с энтузиазмом поддерживал эту концепцию и прославился презрительным отношением к старым церквям, которые саркастически называл не иначе, как «спасы на яйцах».

Основную оппозицию этому разрушению составлял П.Д. Барановский, архитектор и реставратор, начавший свою карьеру еще в дореволюционное время. В конце 1950-х гг. он собрал инициативную группу для обращения с письмом о сохранении зданий, которым угрожал снос. Потерпев поражение, он завел правило фотографировать каждую деталь здания перед его сносом. Члены группы собирались вечером в среду в его квартире в Новодевичьем монастыре, обсуждали свою работу, слушали лекции и сообщения по истории архитектуры. Барановский небезуспешно обращался в такие организации, как Советский комитет защиты мира, Академия художеств и Московское отделение Союза художников, и в результате получил поддержку писателя Владимира Солоухина, скульптора Сергея Коненкова и художника Ильи Глазунова. Высокую оценку работа клуба получила на декабрьском пленуме ВЛКСМ 1965 г.⁴⁴

В 1962 г. группа архитекторов, инженеров и художников опубликовала в журнале «Москва» открытое письмо, протестуя против продолжавшегося сноса зданий старой Москвы. Ссылки на эстетические и исторические традиции они дополняли возражениями против недемократического решения данной проблемы. Эти акты вандализма осуществлялись без какого-нибудь публичного обсуждения, писали авторы письма, даже несмотря на то, что архитектура была частью искусства, принадлежавшего народу, а любовь к родному городу есть важная составляющая патриотизма. «Генеральный план развития и реконструкции Москвы» был небезразличен практически каждому москвичу, но его держали в тайне: «Время покончить с ситуацией, когда москвичей ставят пред свершившимся фактом и магическая формула “Решение уже принято” останавливает любое дальнейшее обсуждение вопроса»⁴⁵.

Подобная угроза нависла не только над Москвой. Многие молодые люди, выросшие в русских городах в 1950-х и 1960-х гг. в окружении новых зданий, построенных после разрушений времен войны, слабо представляли себе, насколько изменился городской ландшафт, и ничего не знали о старой русской архитектуре. В 1964 г. студенты Химико-технологического института в Москве совершили поездку на автобусе в Переяславль-Залесский, Ростов Великий и Углич — центры средневековой церковной архитектуры. Они были настолько поражены увиденным, что встретились с Барановским и начали организовывать субботники, расчищая от мусора территорию старинных построек, таких как Крутицкое подворье (административный центр Московской патриархии). Они основали клуб «Родина», ставивший целью сохранение старых зданий. В его общественный совет входили ведущие советские писатели, такие как Леонид Леонов и Владимир Солоухин, а также некоторые комсомольские работники⁴⁶.

В июле 1965 г. Совет министров РСФСР объявил о создании организации для сбережения исторических памятников — Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Этот шаг, несомненно, отражал растущую обеспокоенность разрушением старых построек, особенно церквей, которое в это время все еще продолжалось. ВООПИК стал тем, что в Великобритании можно было бы назвать «кванго», т.е. учреждением, финансируемым государством, но не являющимся государственным, так как, хотя формально оно было неправительственной организацией, на самом деле в нем работали высокопоставленные служащие. Огромная цифра его членов — 7 млн к 1972 г. и 15 млн к 1985 г. — говорила о том, что его главной движущей силой стали не энтузиасты-подвижники, а что это была организация-ширма, вроде Советского комитета борьбы за мир. Возможно, таким образом правительство РСФСР хотело укрепить свои позиции в советской общественной иерархии, опираясь на широко распространенное русское национальное чувство и возмущение уничтожением старинных зданий⁴⁷.

Впрочем, это еще не все. Общество охраны памятников способствовало развитию туризма по так называемому Золотому кольцу древних русских городов к северо-востоку от Москвы. Оно публиковало брошюры и путеводители, чтобы знакомить рядовых людей с древними зданиями и памятниками старины. Оно поддерживало возрождение фольклорных ансамблей песни и пляски, а также

празднование значительных для истории России дат, вроде 600-летия Куликовской битвы в 1980 г., вело борьбу против сноса наиболее древних построек. Сообщали, например, что ему удалось выселить из монастыря в Смоленске колбасный завод и заставить Калининский горсовет ликвидировать ущерб, нанесенный двум старинным домам. Оно организовывало студентов на волонтерскую работу по реставрации Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей⁴⁸.

В помещении ВООПИК, расположенном в обветшалом, но все еще крепком Петровском монастыре в Москве, каждую неделю собирались заседания единомышленников, получившие позже наименование «Русский клуб», на которых обычно председательствовали либо литературный критик Петр Палиевский, либо историк Сергей Семанов. Здесь, поначалу с оглядкой, но со все возрастающей смелостью, участники заседаний обсуждали вопросы религиозного искусства, физического состояния русских церковных зданий, немарксистской русской философии, также говорили о сионизме и ситуации в Израиле. Для участвовавших в заседаниях «Русского клуба» это было школой самообразования по русской национальной культуре. Многие из обсуждавшихся вопросов затем в более осторожной форме ставились на страницах журналов, вроде «Молодой гвардии» и «Нашего современника»⁴⁹.

Молодежь начала мобилизовываться для сопротивления бездумной эксплуатации природы. Одним из неожиданных плодов хрущевского эксперимента с «народными дружинами», или народной милицией, было создание студенческих дружин по охране природы. Высокопоставленные партийно-государственные работники имели обыкновение строить дачи и приглашать гостей поохотиться на диких зверей, часть из которых была занесена в Красную книгу. В некоторых университетах, в том числе на Биологическом факультете Московского университета, в начале 1960-х гг. сформировались студенческие дружины. Они патрулировали местности, пользовавшиеся популярностью среди охотников, и проверяли у них документы. Об охотниках, которые не имели специальных лицензий, сообщали по месту их работы как о браконьерах⁵⁰.

Предпринимались попытки ввести более цивилизованные и рациональные методы эксплуатации природных ресурсов. Студенты Ленинградской лесотехнической академии во главе с Сергеем Шипуновым объявили, что собираются защитить участок кедровника на Алтае и вести там экологически устойчивое хозяйство

ние и сбыт кедровых орехов, а также древесины и мехов. Этот так называемый Кедроградский эксперимент получил поддержку правительства РСФСР и руководства Алтайского края. И тем не менее студентам пришлось вступить в конфликт с лесозаготовителями, которым нужно было валить как можно больше деревьев. Последовала длительная борьба, ставшая притчей во языцех. Главным сторонником защитников природы во всесоюзной прессе стал Владимир Чивилихин, журналист «Комсомольской правды». На каком-то этапе их поддержал даже Юрий Гагарин, выбравший в качестве материала для поручней внутри своего космического аппарата сибирский кедр. К 1963 г. Кедроград стал приносить прибыль от торговли орехами, древесиной и мехом соболя и белки. И все-таки студенты в конечном итоге проиграли соперникам. Министерство лесной промышленности послало на их участок лесозаготовителей, отведя студентам участок леса заведомо худшего качества⁵¹.

Чивилихин был сибиряком, родился в шахтерском Кузбассе и учился в Московском университете. В юности на него оказал огромное влияние роман Леонида Леонова «Русский лес», который предупреждал против безостановочной вырубке лесов; причем роман вышел в 1953 г., когда было немодно говорить о том, что ресурсы России не безграничны. Судьба Кедрогграда подтвердила мысли Чивилихина и сделала его убежденным сторонником борьбы за улучшение экологии, по проблемам которой он 30 лет выступал в газете «Комсомольская правда» и регулярно печатал свои очерки, позже включенные в роман «Память», опубликованный в ежемесечном журнале «Наш современник».

Для Чивилихина охрана окружающей среды была неразрывно связана с защитой культурной памяти нации. Эту связь он называл «экологией культуры»: «Естественная среда обитания создает то, что мы поэтически называем душой народа, и то, что в действительности определяет бросающиеся в глаза характеристики национальной культуры... Без неохватных лесных просторов невозможно представить себе русский национальный характер». Как и Солженицын, Чивилихин видел в Сибири средоточие сущности России — она не знала иностранных завоевателей и оккупации, и ее жители, никогда не бывшие крепостными, собственными силами и умением, несмотря на суровый климат, построили жизнеспособную экономику. «Почти каждое лето я испытываю приступ “сибирской тоски” и приезжаю на родину», говорил Чивилихин, в землю «сильных характеров и неиспорченного языка»⁵².

Отсюда понятно, почему Чивилихин одним из первых вступил в борьбу за озеро Байкал, ставшую самой важной экологической кампанией последних десятилетий советской власти. Байкал (самое большое в мире пресноводное озеро), несомненно, уникальный ресурс, центр экосистемы, включающий рыб и растения, которые больше нигде в мире не встречаются. К началу 1960-х гг. образовались две угрозы озеру: безоглядная вырубка лесов по его берегам и планировавшееся строительство двух промышленных предприятий: по производству специального целлюлозного корда для самолетных покрышек. Ученые уже обращались с протестом в заинтересованные министерства, собирали конференции, публиковали открытые письма, но Чивилихин первым привлек к этой проблеме внимание широкой общественности, напечатав в апреле 1963 г. статью «Светлое око Сибири». Его статья вызвала поток писем от обеспокоенных читателей, все они выражали тревогу по поводу задуманных планов. В последующие годы к нему присоединились другие писатели, включая Михаила Шолохова, который, выступая в 1966 г. на XXIII съезде КПСС, воскликнул: «Наши потомки не простят нам, если мы не сохраним славное озеро, наш священный Байкал!» Впервые самые известные писатели страны объединились с ее ведущими учеными в единой и скоординированной кампании протеста⁵³.

Формально кампания успеха не имела. В 1966 г. целлюлозно-бумажный комбинат начал производство без сложной системы очистных сооружений, установить которую требовали участники кампании. Но поражение имело примечательные последствия для русского национального самосознания. Пусть даже первоначально по одному-единственному вопросу, но создалось хорошо информированное общественное мнение. Оно определило ту центральную точку, в которой необходимость поддержания статуса великой державы сталкивалась не только с потребностями охраны окружающей среды, но также с прочно укоренившимися убеждениями в том, что значит быть русским. Это прозвучало предупреждением о том, что быть русским порой может означать выступление против Советского Союза или, по крайней мере, против политической линии его руководства.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

И движение за права человека, и возрождение русского национализма поставили перед партийным руководством трудную дилемму. Ему нужно было мобилизовать общественное мнение в поддержку Советского государства с его стремлением к статусу сверхдержавы и вместе с тем сохранить иерархическое и консервативное общество, которое оно унаследовало от Сталина и спасло от Хрущева. Между тем закон для них был инструментом в руках государства, а не автономной системой ценностей. И они понимали, что безудержное выдвижение русских национальных ценностей — и в еще большей степени русских национальных институтов — может взорвать Советский Союз, непременно вызвать враждебность со стороны как нерусских внутри СССР, так и общественного мнения за его пределами.

Поэтому руководство страны предпочло компромисс. Оно подерживало марксизм-ленинизм в качестве официальной идеологии, но проявляло терпимость в отношении простодушного русского имперского национализма как «рабочей идеологии», системы обычных повседневных взглядов, особенно распространенных в вооруженных силах и на среднем и нижнем уровне аппарата. Секретари обкомов партии из РСФСР были назначены на многие высшие посты в аппарате ЦК КПСС⁵⁴. РСФСР получила предпочтение при распределении бюджетных ассигнований на оборонную промышленность (большая часть которой располагалась в РСФСР и УССР), на субсидии для сельского хозяйства и программы по поддержке экономики Нечерноземья. Поддержка различных русских националистических групп не носила столь однозначного характера, но большую часть периода с 1965 по 1985 г. считалось важным позволить русским националистическим журналам иметь высокие тиражи, обеспечивать их авторам выгодные условия по договорам и удостоивать их государственных премий. Научный работник Ицхак Брудный назвал это «политикой включения», имевшей целью оказать русским националистам реальную поддержку системы, не идя при этом на полное удовлетворение их требований⁵⁵.

Сами русофилы стремились превратить эту непризнанную «теневую» идеологию в официальную идеологию Советского государства. На высших уровнях госаппарата русофильские настроения наиболее сильную поддержку получали в комсомоле. Это было вполне естественно, так как вожди комсомола вполне отдавали себе

отчет, что для молодежи официальная идеология утрачивает привлекательность. Они также понимали, что после «секретного доклада», подавления венгерской революции и еще более после расправы с Пражской весной советский коммунизм перестал быть привлекательным для социалистов всего мира, как это было прежде. Возникла угроза изоляции и упадка. Проще всего было бороться с этой угрозой, игнорируя западное общественное мнение и поддерживая тот русский патриотизм, который показал свою эффективность во время Второй мировой войны. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов, выступая на пленуме Центрального комитета комсомола в декабре 1965 г., сетовал на «непатриотический» характер молодежного журнала «Юность». Другие ораторы обвиняли писателей в подрыве национальной морали, когда они описывают ужасы сталинских лагерей или вспоминают о пренебрежительном отношении Советского государства к своим же солдатам, попавшим в немецкий плен. Резолюция заседания предупреждала об опасности, исходившей от западных средств массовой информации, которые «проповедуют пацифизм, абстрактный гуманизм... и мирное сосуществование в области идеологии». В резолюциях сознательно возрождался сталинский жупел «низкопосклонства» перед Западом и содержался призыв к более эффективной патриотической пропаганде и военной подготовке молодежи⁵⁶.

Самыми важными союзниками Павлова в деле распространения этих идей были деятели литературы и издатели, возглавлявшие в первую очередь периодические издания Союза писателей РСФСР. Комсомольский ежемесячный журнал «Молодая гвардия» (название которого напоминало о подпольной комсомольской организации, действовавшей на оккупированной немцами Украине) и связанное с ним издательство взяли на себя ведущую роль в распространении взглядов, изложенных в резолюции ЦК ВЛКСМ. 1965 г. стал для них самым важным, поскольку именно в этот год в первый раз Девятое мая — годовщина Победы над фашистской Германией во Второй мировой войне отмечалась как всенародный праздник. Павлов надеялся воспользоваться этим событием, чтобы побудить школьников и молодежные группы к посещению мест победных боев, заботе о могилах, поиску документов о войне и ее героях, встречам с бывшими солдатами Красной армии, готовыми поделиться своими воспоминаниями о боях с фашистами. Павлова и его приверженцев поддержали на самом высоком уровне — член Политбюро ЦК КПСС Алексей Шелепин и начальник Главного политическо-

го управления Министерства обороны СССР Алексей Епишев. Издательство «Молодая гвардия» выпустило мемуары нескольких генералов Красной армии времен войны, иногда написанные авторами-«призраками», т.е. редакторами данного издательства⁵⁷.

В конце 1960-х гг. серией статей в журнале «Молодая гвардия», где редактором был Анатолий Никонов, была предпринята попытка выстроить связную русскую национальную идентичность, которая могла бы поддержать статус СССР как великой державы. Каждый месяц в рубрике журнала, называвшейся «Берегите нашу святыню», публиковался очередной очерк, автор которого проводил мысль о том, что русскую культуру отличает то, что она коренится в коллективной жизни простых людей, демонстрируя при этом высокие моральные ценности и отражая универсальные общечеловеческие интересы, чем определяется участие СССР в международных делах. Этот аргумент рисовал русскую национальную гордость абсолютно совместимой с национальной идентичностью нерусских советских народов. Например, Виктор Чалмаев подчеркивал «глубоко русскую особенность — способность сочувствовать страданиям других людей вплоть до забвения собственных. Сегодняшний русский, который в свое время многое пережил, который активно участвовал в борьбе с фашизмом, не может безразлично смотреть на страдания далеких конголезцев... Разве можно, чтобы в мире после уничтожения фашизма не было покончено со злом и преступностью? Этот вопрос задает себе советский воин-гражданин, когда слышит о зверствах реакции в разных уголках планеты»⁵⁸.

Некоторые авторы пытались опираться в своих морально-нравственных притязаниях на иные основы, обращаясь не к пролетарской солидарности, а к православной церкви. Для этого они прибегали не к превозношению религиозной веры или даже церкви как института — ни то ни другое не было бы принято цензурой, а преподнося церковь как часть народного наследия, которую следует защищать. Они протестовали против пренебрежительного отношения к церковным постройкам, их разрушения, чему не было видно конца, ссылаясь на то, что церковная архитектура, иконы и фрески были прекрасными образцами народного искусства и выражали протест трудящихся масс против злоупотребления властью со стороны правящего класса. Писатель Дмитрий Балашов говорил, что «в церковных зданиях архитектор имел возможность выразить в возвышенной и чистой форме единство всех людей, отразить народный дух и характер... Живя в обстановке мрачной и жестокой

реальности, мастер мог выражать идеалы справедливости, добра и гуманизма». Художник Илья Глазунов писал, что икона Андрея Рублева «Троица» «отражала коллективные черты русского народа в эпоху, когда русские начали осознавать, что победа достается тем, кто един и морально возвышен... [Это] всегда останется призывом к вечному миру и братскому единению нашей нации»⁵⁹.

Писатель Владимир Солоухин нарушил давнее табу, выступив с осуждением произведенного Сталиным разрушения храма Христа Спасителя, «самого высокого и самого величественного здания в Москве, которое было видно со всех точек города». Оно ведь было построено москвичами в ознаменование великой победы русского народа над Наполеоном в войне 1812 года и в благодарность за спасение их города, несмотря на великий пожар, охвативший его в том году. Его взорвали, язвительно писал Солоухин, чтобы построить плавательный бассейн⁶⁰.

Новые русские патриоты превозносили непрерывность русской традиции авторитарной государственности и военной мощи: «Веками русский народ утверждал и защищал Россию — и как государство, и как свое особое моральное достоинство — не молитвами, а с оружием в руках при поддержке с таким трудом созданного могучего организованного государства и интегрированной патриотической философии... Сергей Радонежский не отрицает воина Дмитрия Донского, Пушкин — строителя государства Петра Первого, Сергей Есенин — великого революционера Ленина! Величие русского характера в том, что он воплотился в очень разных исторических фигурах от Аввакума до Чехова, от Чаадаева до Кирова»⁶¹.

Чалмаев не упустил возможности напасть на главного антагониста Советского Союза — Соединенные Штаты. Русский патриотизм, говорил он, абсолютно не похож на преобладающую на Западе бездуховную интернациональную культуру потребления, «патриотизм автомобилей и холодильников», сопровождающийся «стандартизацией образа жизни, предметов потребления, условий работы и уравнивания человеческого характера, распада религиозных, общинных и семейных уз», которая обратила представление о Родине в «раздутую абстракцию». Он утверждал, что «деньги, которые, как хорошо известно, не имеют запаха и родины, не терпят чувства родины у тех, кто подпадает под их господство»⁶². Михаил Лобанов предупреждал, что «многие глубокие русские умы переболели желанием заменить духовную и культурную особенность России, ее уникальный национальный образ жизни новой “европеи-

зированной”, стандартизированной, как страны Запада, Россией. Либо Россия останется самобытной и будет разговаривать с миром своим языком, либо станет буржуазной и безликой по западному образу и подобию»⁶³. В таком истолковании русская революция была логическим развитием, а не отрицанием предшествующей истории России.

В целом теперь авторы «Молодой гвардии» преподносили Россию как вековую великую державу, пользовавшуюся таким статусом благодаря церкви и царям, защитницу общечеловеческих ценностей, нематериалистической веры и социальной солидарности, опиравшейся на древние крестьянские институты. Их рассуждения напоминали страстную защиту церкви патриархом Алексием I в 1960 г. и, конечно, не имели ничего общего с революционной, обращенной в будущее, атеистической «пролетарской» риторикой, с которой Советский Союз вот уже несколько десятилетий выступал на мировой арене⁶⁴.

На это обратил внимание «Новый мир», который взял на себя роль главного оппонента нового великорусского шовинизма. Один из редакторов «Нового мира» — Александр Дементьев в своей статье обвинил Чалмаева в том, что тот разговаривает языком «славянофильского мессианства», превознося не революционные традиции России, а, наоборот, консервативные, патриархальные и мистические идеи. Чалмаев якобы реабилитировал православный обскурантизм, расизм и сталинизм. Дементьев писал, что борьба с Западом была не национальной, а социально-экономической, фактически классово-борьбой. Программа КПСС «требует от нас вести решительную борьбу против любого рода национализма и шовинизма», — напоминал своим оппонентам Дементьев⁶⁵.

Скоро нападкам подверглась статья самого Дементьева, которого обвинили в ослаблении бдительности против западных «буржуазных» идей, что подрывало безопасность Советского Союза. Одиннадцать писателей и редакторов в невиданно единодушном порыве «руссофильских» чувств написали в еженедельник «Огонек» открытое письмо с обвинениями в адрес «Нового мира». В феврале 1970 г. Союз писателей принял их протест и вывел большинство коллег Твардовского из состава редакционной коллегии «Нового мира». Положение Твардовского стало невыносимым, и он сам попросил освободить его от должности главного редактора журнала. По иронии судьбы его журнал пострадал не за оппозиционность, а за статью, отстаивавшую партийную ортодоксию. Несколь-

ко месяцев спустя, словно для того, чтобы выровнять ситуацию, связанную с уходом Твардовского, Союз журналистов сместил с поста и Анатолия Никонова⁶⁶. Центральный комитет КПСС оставлял за собой право отмерять дозы русского национализма, прописываемые больному советскому пациенту.

После этого, до начала 1980-х гг., русский национализм проповедовался менее систематически и фрагментарно как в официальных журналах, так и более откровенно в самиздатовских изданиях (например, альманаха «Вече»), которые появлялись спорадически и распространялись по почте в период между 1971 и 1974 гг. «Вече» выражал широко разделявшуюся озабоченность растущей преступностью, алкоголизмом, индивидуализмом, расшатыванием семейных устоев и низким уровнем рождаемости. В нем проводилась идея о том, что русский народ нуждается в возвращении к своей традиционной коллективной морали, для чего необходимо вернуться к православному христианству⁶⁷.

Свой довольно своеобразный вклад в эти дебаты внес и Солженицын. Его «Письмо вождям Советского Союза» 1973 г. также призывало к возрождению русских национальных ценностей, но, в отличие от авторов «Молодой гвардии», он утверждал, что классовая борьба и международная революция не укрепляли этих ценностей, напротив — они их ослабляли. Он требовал, чтобы советские руководители отказались от своей идеологии, потому что она нанесла России огромный ущерб — ее коллективизированное сельское хозяйство было непродуктивным, воды и воздух загрязнились, ее промышленность сделалась гиганто-маниакальной и извращенной ради военных нужд, ее школы набивали головы утративших интерес учащихся пустыми идеологическими лозунгами, а ее города потеряли малоэтажную застройку и зеленые пространства в пользу бездушных современных бетонных коробок, в которых люди жили буквально на головах друг у друга. Впавшие в депрессию деморализованные люди сделались пьяницами, потребляя единственный товар, который никогда не исчезал с полок магазинов, а женщины занимались неженским трудом, приводившим их к деградации, и не имели времени заниматься детьми. Все это зло Солженицын приписывал Единственно Верной Идеологии, которая пренебрегала подлинными национальными интересами ради надуманных интернациональных. В целом, как утверждал автор письма, это стоило России жизни 66 млн человек. Россия не готова к демократии по-европейски, поэтому, полагал он, Советы мож-

но сохранить, но только в качестве костяка системы, в которой люди смогут влиять на свою собственную судьбу, а не в качестве вечных объектов партийной диктатуры⁶⁸.

Как считал Солженицын, возрождение России возможно при условии, если она отбросит все международные амбиции и прекратит финансировать революционные партии по всему миру. Она также должна избегать западных иллюзий бесконечного материального прогресса, которые полностью взял на вооружение марксизм. Вместо этого русские должны посвятить себя созданию экологически устойчивой, не растущей скачкообразно экономики, развивая единственный ресурс, которым они обладают в неиспорченном изобилии, — землю. Они должны освоить обширные пространства северо-востока России, Сибири, которую Солженицын ярко и образно называл «нашей надеждой и нашим отстойником», т.е. территорией, которая может быть очищена от материального и духовного загрязнения жизни тоталитарной Идеологией и где может быть начато национальное выздоровление⁶⁹.

Солженицын вовсе не был типичным русским националистом. Огромное достоинство его позиции заключалось в том, что она четко указывала на различие между русским народом и Российско-Советским государством, как никогда ранее. Его русские критики не видели различия между *русским* и *российским*, они считали само собой разумеющимся, что русское национальное чувство автоматически принимает имперские формы и имеет на это право. Русские либералы также проходили мимо этого различия, они просто исходили из того, что исповедуемые ими ценности носят универсальный характер, и не обращали внимания на этнические черты. Взгляды Солженицына были в этом отношении более разборчивы, но его можно было обвинить в противоположном — непризнании того, что русское национальное чувство, хотя оно и отличается от российского империализма, в сущности, находится под влиянием универсальных «мессианских» идеалов и поэтому все-таки имеет тенденцию претендовать на гегемонию относительно других наций. Социализм, возможно, действительно пришел в Россию с Запада, но мессианский социализм — явно крайне своеобразная его русская форма.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ЗАПАДНИКИ

Нельзя сказать, чтобы русский национализм во всех отношениях брал верх на самом высоком партийном уровне. Либеральные и прозападные тенденции также имели своих сторонников, исподволь получая поддержку даже от главы КГБ Юрия Андропова. Особенно сильными позициями они обладали в Международном отделе ЦК КПСС, являвшемся своего рода преемником Коминтерна и, следовательно, интернационалистских традиций партии. В функции отдела входило консультирование советского руководства по вопросам международных отношений и поддержание связей с коммунистическими партиями вне советского блока. Преобладавшая в отделе атмосфера отличалась от царившей в большинстве отделов ЦК, и некоторые работники аппарата партии смотрели на него как на «белую ворону». В международном отделе работали настоящие профессионалы, люди, отдававшие много сил изучению иностранных языков и культур стран, за которые они отвечали. В основном это были люди начитанные, повидавшие современный мир и знавшие многих зарубежных деятелей. Они были «космополитами» в лучшем смысле этого зачастую неверно употребляемого в СССР слова. Они высоко ставили статус Советского Союза как великой державы, без которого большинство из них не имело бы работы, но бездумными шовинистами они не были. Они знали, что капитализм в его ревизованной кейнсианской форме поднимает жизненный уровень рабочих значительно эффективнее, чем советская плановая экономика. Многие из них были за своего рода эволюцию в сторону европейской социал-демократии и даже либерализма. Другие просто хотели постепенного и плавного реформистского процесса в советском тигле и смотрели на русский национализм с опаской, так как ассоциировали его со Сталиным — такова была позиция и самого Андропова⁷⁰.

Подходы Международного отдела получали сильную поддержку хорошо информированных исследовательских мозговых центров ЦК партии, таких как Институт США и Канады, многие годы возглавлявшийся Георгием Арбатовым, и Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), директором которого был Н.Н. Иноземцев, а с 1983 г. — Александр Яковлев. В 1981 г. Михаил Сулов, обеспокоенный «подрывными» советами, исходившими от этих «мозговых трестов», предпринял попытку закрыть ИМЭМО, но его предложение не поддержало большинство членов

Политбюро. Космополиты-интеллектуалы имели свою ценность для руководителей партии и благодаря своим знаниям, и благодаря тому, что исправно поставляли «оружие» для идеологической борьбы против Китая⁷¹.

В течение 20 лет, с середины 1960-х до середины 1980-х гг., наблюдалось напряженное противостояние как внутри советского руководства, так и неофициальной интеллектуальной элиты по вопросу о пути, которым должен следовать Советский Союз, чтобы обновить привлекательность своей идеологии и повысить эффективность социальной и экономической системы. Марксизм-ленинизм оставался непоколебимой официальной идеологией, но начал раскалываться на русский и западный компоненты. Одно течение мысли хотело более прочно привязать Советский Союз к русской этатистской традиции, другое — стремилось вернуться к западноевропейским корням марксизма, т.е. на главную дорогу, с которой Сталин или, как намекали некоторые, еще Ленин свернул. Горбачевская перестройка представляла собой финальный, краткий всплеск этого озападного марксизма, соединенного с возвращением к первоосновам миссионерского коммунизма — гуманизму (общечеловеческим ценностям), просвещению, «общеевропейскому дому»⁷².

Конфликт был серьезным, но линия фронта никогда не обозначалась отчетливо и однозначно. Вопросы, как мы видим, не являлись простыми, и люди колебались в своих интерпретациях, ассоциируясь с разными личностями и группами в зависимости от тонкостей каждого дебатированного вопроса.

ЛЕВ ГУМИЛЕВ И ЕВРАЗИЙЦЫ

Русофильские идеи получили новый импульс в начале 1980-х гг. Косвенно он исходил от эмигрантского движения евразийцев, чьи мысли расширил и по-новому истолковал сын Анны Ахматовой Лев Гумилев. Он провел много лет в лагерях, где встречался с последним оставшимся в живых евразийцем Петром Савицким и позже долго переписывался с ним. Гумилевские идеи относительно этнической идентичности вообще и о судьбе России в особенности вызвали жесткие споры среди официальных ученых-этнологов, и его работы в своем большинстве остались неопубликованными. Тем не менее ему в конце концов удалось защитить и депонировать в Ленинграде свою диссертацию⁷³.

Гумилев полагал, что движущей силой истории является этногенез, подъем и упадок народов, что, по его мнению, определяется географией, ландшафтом и климатом, частично силами космоса и биосферы (здесь он использовал идеи Владимира Вернадского) и отчасти лидерством пассионарных личностей, наделенных колоссальной энергией и решимостью добиться коллективных целей. Соседствующие этносы порой объединяются в суперэтносы, и, когда это происходит, начинается целая эпоха мировой цивилизации. Но этносы с разным прошлым, историческими и культурными корнями, или, как называл это Гумилев, принадлежащие к разным «галактикам», не должны предпринимать попытки смешаться, потому что это заканчивается разрушительными войнами. Так произошло в XIII в., когда католики и православные христиане попробовали объединиться в Крестовых походах против сарацин, но оказались настолько несовместимыми, что вместо этого выступили друг против друга⁷⁴.

Применяя свою теорию к России, Гумилев утверждал, что она была одним из самых великих суперэтносов, совершенно отличным от Западной Европы и Северной Америки. Конечно, в известном смысле эта идея бытовала еще со времен славянофилов. Но у Гумилева она звучала много радикальнее. Россия, утверждал он, страна «евразийская», т.е. ее образ жизни унаследован от кочевников евразийских степей и финно-угорских и тюркских народов. Это заявление повергло бы славянофилов в ужас, как оно ужасало и более традиционных русских националистов⁷⁵. По Гумилеву, Российская империя и Советский Союз были наследниками великой средневековой империи монголов. Ее суперэтносы характеризуются коллективной моралью, религиозной терпимостью, недеструктивным использованием природы и признанием авторитарного правления. Из своих рассуждений Гумилев выводил, что русским не следует пытаться принимать формы социально-политической жизни, происходящие из Западной Европы или Северной Америки, где господствовала этика индивидуализма и политика строилась на базе конституционализма и парламентаризма. Любая попытка пойти этим путем угрожает бедственными последствиями⁷⁶.

В 1970-х гг. Гумилев не имел возможности публиковать свои труды в научных социологических журналах, но это удавалось делать в географических и естественно-научных изданиях Ленинградского университета. В те годы его статьи неофициально об-

ращались среди ученых и оказывали такое влияние, что в 1974 г. известный этнолог В.И. Козлов выступил с разгромной статьей, в которой говорилось, что теории Гумилева «мешали истинно научному пониманию» этнического развития, препятствовали межэтническим контактам, не объясняли «появления новой исторической общности, советского народа» и «оправдывали жестокие завоевания и кровавые межэтнические конфликты»⁷⁷.

Идея о том, что Россия представляет собой отдельный евразийский этнос, приобрела новое звучание в последнее десятилетие существования Советского Союза, когда обострился его внутренний кризис. Заместитель редактора «Нашего современника» Юрий Селезнев, специалист по творчеству Достоевского, выступил с пропагандой этой идеи в номере своего журнала в ноябре 1981 г. Важнейшая статья номера была написана литературным критиком Владимиром Кожинным. Он отрицал, что русская культура пришла с Запада, и приводил мысль Достоевского о том, что она «общечеловеческая». «Гений русской души, возможно, намного способнее, чем любая другая нация, чтобы принять идею общечеловеческого единства, — писал он. — Русский одинаково хорошо понимает социальный пафос француза, практичность англичанина, туманную философию немца». Россия, утверждал Кожин, не должна просто перенимать западные социальные структуры или культурные установки. Самое важное, что Россия многонациональна и не знает национального эгоизма, который искалечил европейские народы и заставил их эксплуатировать другие культуры, обращаясь с ними как с предметами. Отсюда дополнительное духовное измерение в русской литературе, отсюда повышенная способность русских воспринимать бахтинскую «эстетику диалога»⁷⁸.

Кожин призывал пересмотреть русское отношение к Азии, на что указывал Достоевский в последних своих произведениях. До этого практически все русские интеллигенты просто копировали европейское высокомерие по отношению к Азии. На самом же деле, по сравнению с европейцами, азиаты обладают большей способностью к терпимости и взаимопониманию, что позволило русским плодотворно взаимодействовать с ними. Здесь Кожин одобрительно ссылается на работу Льва Гумилева и опирается на его мысли, чтобы объяснить значимость Куликовской битвы как борьбы не против татар, а против космополитической рабовладельческой плутократии, обосновавшейся в Генуе, которая в тот момент оказалась союзницей татарского отщепенца Мамай⁷⁹.

Кожиновская концепция была своего рода «оксидентализмом» (в противовес «ориентализму» Эдварда Саида). Он закладывал основу новой геополитической концепции, которая приобрела большой вес с развалом Советского Союза и заключалась в идее, что России следует искать свое будущее не блокируясь с Западом, который будет эксплуатировать и подрывать ее, а в положении евразийской державы.

Математик Игорь Шафаревич, широко печатавшийся в самиздате 1980-х гг., нарисовал очень яркий образ врага, против которого могли сплотиться русские. Он утверждал, что социализм — это опасный мираж, который соблазнял людей на протяжении всей человеческой истории, но всегда на деле оборачивался орудием укрепления абсолютной власти небольшого круга элит⁸⁰. За последние несколько сотен лет европейской истории он связывал эту тенденцию с малыми группами, чьей целью было подорвать и разрушить установившийся образ жизни. В качестве примеров он указывал на кальвинистов в Англии XVII в., якобинцев Французской революции и левых гегельянцев в Германии 1840-х гг. Естественным местом обитания таких людей были клубы, академии и масонские ложи. Они отвергали преобладающие нормы и традиции общества, в котором жили, с его религией, монархией и народными обычаями, и вместо них проповедовали абстрактные идеи об обществе, измышленные в их рабочих кабинетах. Они проникали в общественные институты или захватывали власть силой, чтобы осуществлять свои идеи, не демонстрируя ничего, кроме презрения к взглядам простых людей и тех, кого удовлетворял унаследованный их нацией образ жизни⁸¹.

Сегодняшним «малым народом» Шафаревич прямо называл евреев. Он обвинял их в преднамеренном распространении «руссофобии», так как, по его мысли, евреи постоянно изображают русских народом холопов: «Почти с пеной у рта они доказывают нам, что европейская демократия абсолютно чужда духу и истории нашего народа, и в то же время требуют, чтобы мы приняли эту самую политическую систему». Их заботили права человека, но «судьба крымских татар привлекает их внимание намного больше, чем судьба украинцев, а судьба украинцев больше, чем судьба русских». Евреи не хотели разделить судьбу народа, который считали «холопским», и вместо этого требовали права эмигрировать «в далекую тропическую страну.. которая влечет их не иконами, перед которыми молились их отцы и деды, а Храмом, разрушенным две

тысячи лет тому назад!». Их подлинной целью было «полное уничтожение религиозных и национальных принципов жизни», в результате чего русский народ прекратит свое существование⁸².

К середине 1980-х гг. русофилы создали свою собственную идеологию. Переформулированный ими национализм гласил, что великие конфликты в мировой истории не были социально-экономическими, а носили этнический характер, что Россия играет особую роль в качестве суперэтноса с его особым коллективистским менталитетом и авторитарной политикой, примерами чего были царское и Советское государства, и что при разрешении своих современных проблем России не следует пытаться следовать западным принципам.

Глава одиннадцатая

НЕПРЕДВИДЕННОЕ СОЗДАНИЕ: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Как бы это ни казалось парадоксальным, Советский Союз разрушила Россия. Как заметил один политолог: «Что отличает последнюю фазу Советской империи от большинства других подобных империй [XX века], так это удивительное и довольно быстрое превращение русской национальной идентичности из имперской в сепаратистскую»¹. Еще более удивительным было то, что мало кто из русских, каких бы убеждений они ни придерживались, стремился к этому. Скорее вследствие того, что вопрос об аномальном и неудовлетворительном положении России в рамках Советского Союза так и не находил решения, а когда разразился серьезный кризис, аномалия обнаружилась с еще большей очевидностью и начала диктовать логику всей политической борьбы.

Начало кризису положил Михаил Горбачев. Программа «перестройки и гласности», которую он провозгласил вскоре после того, как в 1985 г. стал генеральным секретарем ЦК КПСС, поставила всех русских в новую и непривычную ситуацию, которая заставляла переосмысливать привычные представления, к чему они не были сколько-нибудь подготовлены. Перестройка узаконила частные компании, включая те, которые давно уже процветали на черном рынке. Вновь обретенная свобода рук позволяла им переигрывать государственные предприятия, перекачивая товары из государственного сектора экономики, от которого зависело большинство рядовых граждан. Как жаловался в «Правду» рабочий из Саратова: «Магазины опустели, а у частников всего становится больше и больше. Как все это попадает туда? За пару женских туфель теперь нужно платить рублей 250, а то и 300. Моей дочери нужны туфли, а она получает в месяц только 115 рублей»². Механизмы «блата» и

патронажа, которые позволяли большинству фактически работающих граждан держаться на плаву, стали давать сбои, создавая угрозу их существованию. Уютные, если не сказать клаустрофобные, «коммуны» последних лет Советского Союза не могли выжить в условиях рыночной экономики.

Рыночные отношения распространялись не только на товары. Гласность впервые создала первоначальный рынок публичных идей и инициативы. В 1986 г. Министерство юстиции РСФСР выпустило «Положение о добровольных объединениях», которое позволяло учреждать клубы или общества без обращения за официальным разрешением, просто выполнив определенные формальности. До этого даже для создания клуба филателистов требовалось получить разрешение, поэтому это было существенным изменением прежних установлений. В крупных городах возникли различные неформальные объединения, клубы, движения, по преимуществу в сфере культуры, спорта и увлечений. Однако ряд из них носил определенно гражданственный характер, например, группа, которая вела борьбу за сохранение от сноса гостиницы «Англетер», где покончил с собой любимый многими русский поэт Сергей Есенин. В Москве жители большого района многоэтажных домов Братеево объединились против строительства перед их окнами предприятия, выбрасывающего в атмосферу токсичные отходы, и взяли в свои руки многие функции по текущему надзору за жилым комплексом³.

Большинство членов подобных объединений составляли молодые люди в возрасте до 30 лет. Они использовали опыт неофициальных молодежных движений — были деятельными, могли действовать спонтанно, не имели структурированной организации и часто пребывали в зависимости от вдохновения и энергии одного человека. Участники таких объединений не были ни диссидентами, ни активистами движения за права человека, но они горели желанием участвовать в общественной жизни и найти в ней применение своим силам. Некоторых из них поддерживали местные Советы или комсомольская организация, которые хотели привлечь общественную поддержку или преследовали некие местные цели. По мере ослабления политического давления и контроля гражданские объединения начали искать контакта друг с другом, вступали в переписку или собирались на конференции для обмена идеями или планирования масштабных кампаний. Одно такое объединение, представлявшее 12 городов, провело в августе 1987 г. встречу в Москве⁴.

Многим студентам и ученым хотелось использовать свои специальные знания при обсуждении серьезных социальных вопросов и предпринимать определенные эффективные шаги по их решению. Дискуссия по вопросам новых экономических реформ, имевшая место в 1987 г. в Центральном экономико-математическом институте, привела к образованию целого ряда групп, занимавшихся конкретными вопросами, например, правовой защитой или проблемами окружающей среды⁵.

Одна из таких групп оказалась особенно значимой. Движение «Мемориал» началось со сбора подписей под призывом воздвигнуть памятник жертвам сталинских репрессий. Выдвинутое требование было рассчитано довольно точно. С точки зрения партии оно было вполне приемлемым, так как осуждение Хрущевым «культы личности» никогда открыто не пересматривалось, и идею создания такого монумента даже одобрили на пленуме ЦК КПСС летом 1988 г. Вместе с тем кампания за создание памятника жертвам сталинских репрессий находила отклик в сердцах многих советских граждан, желавших вернуть из забвения социальную память и добиться достойного признания перенесенных ими страданий и скорби по родным и близким. В ноябре 1988 г. «Мемориал» провел «неделю совести». Была построена Стена памяти с фотографиями тех, кто был арестован при Сталине. Люди внимательно всматривались в них, разыскивая потерянных родных, и оставляли надписи, вроде таких: «Никто не узнаёт моего отца?»⁶

«Мемориал» стал движением, впервые в Советском Союзе выразившим подспудные надежды и страхи самых разных по своему происхождению и социальному положению советских граждан. Его значение в том, что наконец было наглядно показано, насколько важна эта забетонированная память и для русских, и для нерусских. Движению пришлось взять на себя необычайно разнообразные функции. Выступая на учредительном съезде общества, один из его основателей, историк Юрий Афанасьев, так суммировал задачи объединения: «Самая важная задача “Мемориала” — восстановить для нашей страны ее прошлое. Но прошлое живо в настоящем. Поэтому “Мемориал” — политическое движение, поскольку день сегодняшний еще не рассчитался со вчерашним. Наша проблема — человек в истории. Но для нас история не только политика, обращенная в прошлое, так как историческая среда обитания человека — культура. Поэтому “Мемориал” также культурное движение. Говоря о терроре и беззаконии, мы помогаем формированию в со-

знании общества представлений о законности. Поэтому «Мемориал» также правовое движение»⁷.

«Мемориал» способствовал появлению организаций там, где их никогда не существовало. Впервые он свел вместе молодых «неформалов» с бывшими диссидентами и активистами движения за права человека, а также с ведущими фигурами из Академии наук и мира культуры — в его Общественный совет входили Сахаров и Солженицын, поэты Евгений Евтушенко и Булат Окуджава, академик Дмитрий Лихачев, актер Михаил Ульянов (прославившийся своими театральными ролями, когда он играл своего однофамильца — Ленина) и Борис Ельцин, недавно выведенный из состава Политбюро ЦК КПСС за требования более радикальных реформ. Еще за год до этого невозможно было даже подумать о союзе столь разных общественных фигур. Успех «Мемориала» принес уверенность в том, что возможно организовываться вне партии, даже иногда против ее желания, и получить при этом поддержку известных людей⁸.

В свою очередь, такая уверенность способствовала зарождению значимых политических споров вокруг конкретных проблем и определенных личностей. Политическое влияние исходило теперь не только из покрытых завесой тайны кондовых кабинетов на Старой площади, его оказывали и шумные публичные собрания, телевидение и предвыборные кампании, которые становились все более откровенными и жаркими. «Демократы» создали неформальные движения и «народные фронты за перестройку», которые овладевали воображением общества и успешно соперничали с политической монополией коммунистической партии под лозунгом, который она сама же и одобрила. Молодежь устремлялась на улицы с лозунгами и плакатами, родившимися не под сенью местных партийных бюро, а на бурных общественных собраниях.

Например, в Ярославле в июне 1988 г. на митинге возникло движение против автоматического выдвижения без обсуждения в первичных парторганизациях давнего первого секретаря обкома партии Ф.И. Лощенкова в качестве делегата XIX партконференции. Десятки лет это было в порядке вещей, но Лощенков утратил популярность после того, как дал согласие на строительство в городе химического комбината. На общегородском митинге было принято требование отозвать его и провести открытые, без постороннего вмешательства выборы другого кандидата. В конечном итоге с помощью инструментов гласности это требование восторжествовало.

После успеха этого митинга на местном стадионе стали организовывать новые митинги и обсуждать на них другие проблемы, включая ликвидацию спецраспределителей для номенклатурной элиты, что давно витало в воздухе, но о чем до сих пор не говорили публично. Даже теперь это требование не было удовлетворено. Редактор местной партийной газеты отказался опубликовать материалы митингов, сославшись на знакомый механизм власти: «Я отвечаю перед партией. Если мне скажут опубликовать это, я опубликую. Но мне не сказали, поэтому я не буду этого делать»⁹.

Однако защитный партийный механизм больше не срабатывал автоматически. В марте 1989 г. на выборах делегатов Съезда народных депутатов народному фронту удалось в нескольких избирательных округах одержать сенсационные победы над кандидатами, выдвинутыми партаппаратом. Самым замечательным успехом было избрание Бориса Ельцина в Москве. В обстановке стремительных политических перемен ведущей становится фигура, которая, порвав с господствующей элитой, выступает с критикой вызывающих всеобщее раздражение ценностей этой элиты. Именно это и сделал Ельцин. Он заработал популярность, публично осудив привилегии и порочный образ жизни номенклатурной элиты, того, что вызывало у людей самое большое возмущение, — и был выброшен из Политбюро за невыдержанность и прямоту. После успеха на выборах в марте 1989 г. он сделался народным трибуном, выразителем многих долгое время подавлявшихся и противоречивых устремлений русского народа.

Тревожную ситуацию для русских создавал ускоренный ход политических событий в некоторых нерусских республиках, особенно прибалтийских и Грузии, где оппозиция одержала решительную победу. Затем в Молдавии, а позже и на Украине «народные фронты» под разными названиями стали требовать большей автономии для титульных наций и зачастую навешивали на русских ярлыки «оккупантов», «иностранцев» или «иммигрантов». Русские, уже давно во все возрастающей степени чувствовавшие себя маргиналами в повседневной жизни и экономической сфере, оказались теперь еще и объектом направленной против них политической агитации.

Политическую ситуацию изменил I съезд народных депутатов СССР, собравшийся в мае—июне 1989 г. Его заседания полностью транслировались по телевидению, и порой до 3/4 городского населения сидели у телевизоров, наблюдая за происходящими на съезде

событиями. То, что люди видели на экране, было ускоренным курсом по изучению советской политической реальности. Депутаты открыто ставили под сомнение мысли Маркса столетней давности, нападали на КГБ за «преступления, неслыханные в истории человечества», призывали покончить с монополией коммунистической партии на власть и требовали вынести Ленина из мавзолея. Многие иллюстрировали свои обвинения ужасающими историями из жизни конкретных людей¹⁰. По окончании съезда мало у кого из советских граждан оставались иллюзии относительно системы, при которой они прожили 70 лет. Однако во многих отношениях услышанные откровения были слишком многочисленными и слишком ошеломляющими — на их основе было трудно вывести разумные предложения относительно того, что же нужно делать в этой ситуации, особенно с учетом того, что экономическое положение быстро ухудшалось и создавалось впечатление, что необходимы кардинальные решения. Большинство людей придерживалось политических взглядов, которые постепенно складывались на протяжении предшествующих десятилетий. Среди русских широкое хождение имели три системы взглядов: западная либерально-демократическая, русофильско-имперская и родившаяся в профсоюзах — экономическая, являвшаяся реакцией русских рабочих на длительную эксплуатацию со стороны аппарата и ВПК. Многое зависело от того, каких союзников будет искать эта третья сила¹¹.

Существовала и другая проблема. На съезде впервые представилась возможность для публичного выражения межнациональной ненависти. Русские с ужасом обнаружили, что гнет, который в их представлении был связан с коммунизмом, прибалты, грузины и армяне считали проявлением русского авторитаризма. Их нападки заставили писателя Валентина Распутина язвительно заметить: «А может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее, и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления?.. Без боязни оказаться в националистах мы могли бы тогда произносить слово “русский”, говорить о национальном самосознании... Создали бы наконец свою Академию наук... Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки»¹². Едкий сарказм Распутина, возможно, был просто ироническим красным словом, но в нем выразилась аномальность положения России в стране, где национальная принадлежность сделалась самой важной характеристикой. Часто правду говорят в насмешку.

В качестве конструктивной альтернативы межнациональным перепалкам и ради укрепления общего фронта борьбы против коммунистического аппарата Ельцин собрал вокруг себя «межрегиональную группу депутатов», состоявшую как из русских, так и нерусских, преданных идее «перехода страны от тоталитаризма к демократии» и «экономической независимости республик и областей»¹³. Такая расплывчатость целей подразумевала, что нерусские национальности должны иметь возможность сами определять свое будущее, причем если пожелают даже вне СССР. Таким путем русские либералы из тактических соображений вступили в альянс с движениями, подспудной (а вскоре и открытой) целью которых был выход из состава СССР.

Первым массовым объединением русских либералов была «Демократическая Россия». Его на скорую руку слепили в январе 1990 г. из большого числа неформальных движений ради организации кампании за непартийных кандидатов на предстоявших в марте республиканских выборах в Советы. Симптоматично, что учредительный съезд «Демократической России» удалось собрать только много позже. «Демократическая Россия» так и осталась сметанной на живую нитку ассоциацией персонифицированных политических групп с весьма смутными, амбициозными и отчасти противоречивыми целями, — едва ли не единственным, что скрепляло ее, был антикоммунизм. Движение ставило целью пропагандировать «идеи Сахарова» (только что ушедшего из жизни), что означало приверженность «свободе, демократии, правам человека, многопартийной системе, свободным выборам и рыночной экономике». Наиболее очевидной моделью движения была польская «Солидарность» в ее формате десятилетней давности, в виде движения антикоммунистического национального возрождения. Среди особых целей «Демократической России» значились прекращение партийной политической монополии, проведение парламентского расследования деятельности КГБ, создание «нормальной рыночной экономики» и провозглашение независимости РСФСР¹⁴. Но Россия представляла собой совсем не то политическое образование, каким была Польша.

Главным требованием стала независимость РСФСР. Оно было заимствовано у русофилов и косвенно у прибалтийских «народных фронтов». Трудно сказать, насколько серьезно на том этапе воспринималась эта идея и даже понимали ли люди, что именно оно означало. Сахаров и все русские либералы ранее исходили из того,

что предлагаемые ими реформы будут относиться ко всему СССР в целом. Они никогда не придавали важности национальной принадлежности и никогда всерьез не занимались национальным вопросом. Эти два слова «Демократическая» и «Россия» вряд ли даже когда-либо раньше употреблялись вместе, и людям понадобилось какое-то время, чтобы понять, что, написанные вместе на транспаранте, они означали отделение от СССР, который не был ни демократическим, ни Россией.

Для либералов выборы в республиканские Советы в марте 1990 г. прошли исключительно успешно. Они получили контроль над Москвой, Ленинградом и рядом других крупных русских промышленных центров, нанеся поражение партийным кандидатам и получив председательские кресла в районных Советах. Однако им не удалось возобладать над партийными кандидатами в Верховном Совете РСФСР, которых Юрий Афанасьев по другому поводу назвал «агрессивно молчаливым большинством». В попытке довести дело до конца и покончить с властью коммунистической партии либералы предприняли два важных шага: они укрепили свой союз с Ельциным и стали использовать лозунг «российского суверенитета» как собственное политическое оружие.

РУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ

В отличие от своих либеральных «коллег», которые были спонтанно объединены неформальным общением и неприязнью к коммунизму, русофилы не успели мобилизоваться и сплотиться, частично из-за того, что привыкли к защите сверху, частично из-за противоречий прошлого. Как могли люди, которые держали дома портреты Николая II и его министра-реформатора Петра Столыпина, вступать в союз с теми, у кого в рабочих кабинетах висели портреты Маркса и Ленина? Как можно было Василию Белову или Валентину Распутину, в своих рассказах искренне и пылко громивших сталинскую коллективизацию сельского хозяйства, примириться с таким неосталинистом, как Егор Лигачев, или энтузиастом-милитаристом, как Александр Проханов, которого называли «соловей Генерального штаба» за хвалебные высказывания по поводу военных успехов Советского Союза в Афганистане. И как мог сталинист обнимать иерарха Русской православной церкви, которую Сталин столь долго пытался разрушить? Несмотря на

это, те, кто верил в «Россию» — что бы они ни разумели под этим словом, — стали в конце концов продумывать, как бы сплотиться, по одной простой причине: они осознали, что опасность, с которой они столкнулись, была намного серьезнее, чем разделявшие их разногласия. К осени—зиме 1989/90 г. стремительное политическое развитие страны стало грозить всему, что было им дорого. Падение Берлинской стены, ликвидация Союза экономической взаимопомощи и Варшавского договора, коллапс коммунистических правительств привели к краху «внешней» империи и стали угрожать «внутренней». Германия, старый враг, давно разделенная и бывшая в подчинении, теперь встала на путь воссоединения. В феврале 1990 г. КПСС сдала свою политическую монополию, дав дорогу более жестким, соревновательным выборам и «политикам улиц», которые стали буквально вездесущи. В марте 1990 г. Литва декларировала свое отделение от Советского Союза. Латвия и Эстония объявили о своем намерении последовать ее примеру. Русофилы осознавали, что они стоят перед лицом распада СССР — а следовательно, в их понимании и развала России. В газете российских писателей «Литературная Россия» Александр Проханов рисовал ужасающую картину коллапса Советского государства, что, по его утверждению, приведет к гражданской войне, которая будет вестись «со всей беспощадностью последней войны, с новыми кошмарными элементами, созданными военными технологиями цивилизации». Он предсказывал, что «мир будет с ужасом взирать на нашу залитую кровью страну, извергающую ядерный и химический дым в атмосферу и океан» и начнет интервенцию, чтобы попытаться стабилизировать ситуацию¹⁵.

Менее апокалиптическим и все еще угрожающим был фантом «вестернизации», который некоторые русофилы считали столь же разрушительным, как и гражданская война. Нашествие поп-музыки, порно, массовой культуры, желтой прессы, а также рыночная экономика, ориентированная в первую очередь на максимизацию прибыли, как им казалось, подрывают весь строй и образ русской жизни. Первыми, кто забил тревогу, были писатели на Всесоюзном съезде советских писателей в апреле 1987 г. Редактор журнала «Москва» Владимир Крупин заявил в своем выступлении, что «Элвис Пресли, легкий рок, затем тяжелый рок, затем панк-рок — это и есть виды наркотиков». Выдающийся писатель военного поколения Юрий Бондарев использовал воспоминания о военном времени, чтобы определить тогдашнюю ситуацию в русской лите-

ратуре как июль 1941 г., когда передовые отряды Красной армии, оказав неорганизованное сопротивление, отступали под огнем нападающих цивилизованных варваров... «Если бы это отступление продолжилось и время Сталинграда не наступило, тогда это закончилось бы уничтожением наших национальных ценностей» и все, что составляло гордость советских людей, улетело бы в пропасть¹⁶.

Некоторые русофилы стали осознавать, что их долгий молчаливый союз с советской властью фактически являлся источником их нынешней слабости. В документе об основании Товарищества русских художников, сформированного осенью 1988 г., говорится: «Становится общепринятым — отождествлять административно-бюрократический аппарат с убеждениями русских людей, несмотря на то что Россия совершенно точно находится в самом критическом положении и близка к коллапсу. И ее коллапс неизбежно приведет к потере единства политической и государственной системы всей страны»¹⁷.

Первыми избирателями, которых русофилы попытались мобилизовать, стали рабочие. Их стратегия основывалась на том, что среди рабочих большее число русских, особенно занятых в ВПК, на фабриках и заводах всесоюзного значения. Эта стратегия разжигала в русских рабочих недовольство своим низким социальным статусом в некоторых национальных республиках. Организации движений рабочего протеста начались в прибалтийских республиках зимой 1988/89 г.: интернациональный фронт трудящихся в Латвии, интердвижение и Союз трудовых коллективов в Эстонии, «Единство» в Литве. Примечательно, что их названия носили интернационалистский, а не национальный оттенок: на этом этапе русофилы еще видели себя носителями идей единого советского народа. Они протестовали против планов прибалтийских правительств ограничить иммиграцию и ввести языковые тесты, которые, по их мнению, станут дискриминацией прав русских и будут угрожать единству Советского Союза в целом. В марте 1989 г. 15 тыс. рабочих промаршировали через весь Таллин, неся плакаты, предостерегающие от «надвигающейся контрреволюции, подрывающей социализм в Эстонии» и требующие: «Русскому языку — статус официального языка!»¹⁸

В июле 1989 г. в Ленинграде был основан Объединенный фронт трудящихся, который уже в сентябре провел в Свердловске свой первый съезд. Корреспондент «Литературной России» Анатолий Салуцкий предупреждал, что при всем своем интернационализме

русские в данный момент должны защищать свои интересы: «Русские люди показали в действии свою непоколебимую приверженность социалистическому интернационализму. Но это не противоречит мысли русских считать своим патриотическим долгом делать все возможное, чтобы усилить экономическую жизнь России и возродить ее исторические и культурные ценности»¹⁹.

Тем не менее даже рабочие крупных промышленных предприятий стали ненадежными союзниками русофилов. Большинство из них не хотели, чтобы политический выборный процесс возвращался в партийные кабинеты. Одним из самых серьезных выражений решительных намерений рабочего класса стала волна забастовок на предприятиях угольной промышленности летом 1989 г. Хотя многие их участники были русскими, живущими в союзных республиках (Украине, Казахстане), забастовки были направлены не против местного нерусского населения, а против партийно-государственного аппарата, который обрек шахтеров на низкую зарплату, на убогие и опасные условия труда, тесное жилье и неудовлетворительные поставки продовольствия. Забастовщики на самом деле поддерживали горбачевские реформы, но хотели, чтобы они активно продолжались. Они требовали конца партийной монополии и права освободить свои шахты от диктата Госплана, а также возможности продавать свой уголь на свободном рынке²⁰. Протесты бастующих ни к чему не привели, так как по причине новых экономических реформ шахтеры стали еще более зависимы от своих работодателей, чем были ранее.

Первой политической организацией, призванной выразить позиции русофилов перед электоратом, стала ассоциация Объединенный совет России, основанная в сентябре 1989 г. Среди ее членов были культурные общества, советы по охране окружающей среды, военно-патриотические организации, рабочие объединения российских городов и «международные объединения» из прибалтийских республик и Молдавии. Совет также пользовался консультативной и административной поддержкой местных комитетов КПСС; это был тот момент, когда коммунисты перестали воспринимать русских националистов как сырой материал, который можно использовать, и стали принимать их в качестве союзников²¹. Основным намерением ассоциации Объединенный совет России было защитить «государственный суверенитет СССР как добровольного союза республик» и «содействовать развитию суверенитета РСФСР и ее международному статусу как полноценного чле-

на ООН». Эти две цели в корне противоречили друг другу: и Ленин, и Сталин уверяли, что достижение суверенитета РСФСР губительно бы ослабило СССР. Тем не менее идея о необходимости российского суверенитета звучала очень патриотично и была одной из причин популярности демократических движений в то время. Когда Ельцин захватит власть и выступит против русофилов, выяснится, что это было роковой ошибкой.

В течение зимы 1989/90 г. Объединенный совет России привлек под свое крыло блок из других русофильских организаций, включая ВООПИК, Объединенный фронт трудящихся, Товарищество русских художников и Всероссийский фонд культуры. Перед выборами в Верховный Совет РСФСР в марте 1990 г. они издали общий манифест Патриотического блока. Манифест предупреждал о разрушении «установленной администрации и экономической структуры» и их замене «неконтролируемыми рыночными механизмами». КПСС упрекалась в позиции уступчивой пассивности перед лицом такой опасности, «продолжающихся уступок блоку сепаратистов и “левых радикалам”, которые готовы выйти из состава СССР и продать наши национальные богатства западным “партнерам”». Как контрмеру авторы манифеста рекомендовали, чтобы Россия предъявила свои полные права как полноправный член СССР и создала собственную систему экономической администрации и собственную Российскую коммунистическую партию, следуя рекомендациям Российской академии наук, которая бы разработала специфическую программу экономического развития России. Россия могла бы прекратить выплаты в союзный бюджет, которые идут на субсидии союзным республикам, и потребовать ренты со всесоюзных образований, которые захотели бы базироваться на российской территории²².

Исходящая от людей, которые некогда настаивали на объединении СССР, эта программа была невероятным отходом от традиций прошлого. К тому же в ней крылось противоречие: ее целью стало — усилить СССР, при этом отказываясь от российского лидерства и финансовой поддержки, которая делала этот союз возможным. Такое противоречие было вызвано разочарованием и страхом русских, которые видели, что их статус превосходства в СССР слабеет, и которые столкнулись с возможностью оказаться не в состоянии защитить свои скромные, но реальные права, уже принадлежащие другим национальностям. Это была дилемма доминировавшего до сих пор этноса, вынужденного защищать себя в условиях реальной политики.

Сами русские, тем не менее, реагировали довольно прохладно на публичные обращения русофилов. На республиканских выборах в марте 1990 г. патриотический блок выступил плохо. В первом туре ни один из его 61 кандидата не набрал необходимых 50% голосов, чтобы победить. Только 16 добрались до второго тура, но проиграли уже на этом этапе. Соответственно, русофилы опять вернулись к тому, чтобы действовать через существующие силовые структуры. Чтобы одновременно и сохранить коммунистическую партию, и «русифицировать» ее, в июне 1990 г. они основали Российскую коммунистическую партию, официально — как часть КПСС, но в действительности как оппозиционную ей организацию или, по крайней мере, ее нынешнему руководству. Это был шаг, имевший огромное значение. И Ленин, и Сталин недвусмысленно предостерегали от любого подобного шага по той причине, что это подвергнет опасности единство СССР. Не позднее как в ноябре 1989 г. секретарь ЦК Юрий Манаенков предупреждал: «Формирование Российской коммунистической партии... могло усилить центробежные силы в КПСС и, очевидно, заодно и в стране»²³. Однако, по иронии судьбы, именно сторонники СССР организовали Российскую компартию, для того чтобы придать вес своей оппозиции горбачевским реформам. Для обеих сторон идентичность Российского государства стала инструментом жесткой политической борьбы.

ЕЛЬЦИН И СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ

По всей вероятности, до 1990 г. Ельцин не считал русский суверенитет важным вопросом. Среди русских он пользовался авторитетом, так как символизировал их неприязнь к номенклатурной элите и, по-видимому, был олицетворением того аспекта коммунистической политики, который не утратил своей популярности, — провозглашаемого ею стремления к социальной справедливости. Этот лозунг и поддержка неформальных демократов привели его к победе на выборах в Москве в марте 1989 г.

Обеспечив себе возвращение в политику, Ельцин, однако, скоро понял, что русский суверенитет можно применить в качестве оружия в борьбе против Горбачева. Он воспользовался этой идеей в предвыборной кампании 1990 г., к чему его подтолкнуло

недавнее провозглашение независимости Литвой, и предупредил, что Россия больше не может оставаться «придатком центра» и что «как союзная республика она также имеет право на выход из Союза, и это не только формальное право»²⁴. В конечном итоге российская автономия сделалась его основным орудием, и 12 июня 1990 г. он провел через съезд народных депутатов РСФСР Декларацию о государственном суверенитете. За нее проголосовали и депутаты-русофилы, и демократы, впрочем, каждый по своим соображениям.

К этому времени ельцинские идеи получили широкое признание: по данным социологического опроса, проведенного в сентябре 1990 г., 48% населения РСФСР высказалось за то, чтобы их республика имела право отменять решения союзного правительства на территории РСФСР, и лишь 22% полагало, что этого делать не следует²⁵. Главный оппонент Ельцина, Александр Власов, которого поддерживал Горбачев, также поддержал декларацию, где отмечалось, что Россия страдала от «ненасытного советского режима еще больше, чем другие», и содержался призыв вернуть себе контроль над своими природными ресурсами и промышленным потенциалом. Ельцин критиковал «давнюю политику центра», подразумевая, что Россия не является этим центром и что русские были жертвами, а не ведущей национальностью СССР. На этом этапе Ельцин, по-видимому, представлял себе Россию не отделившимся государством, а самоуправляемой республикой в своего рода конфедерированном СССР. Возможно, он надеялся, что российский суверенитет вольет новую кровь в советскую систему и позволит провести переговоры о новом союзном договоре. Употребление им слов «суверенитет» и «независимость», как и у всех других, могло иметь самое широкое толкование²⁶.

К концу 1990 г., после принятия решения Россией, которое узаконивало и даже подгоняло их, все союзные республики и большинство автономных республик выступили с заявлениями, что на их территории их собственным законам отдается приоритет перед союзными²⁷. К этому времени ведущие аппаратчики в нерусских республиках начали думать о том, как повернуть лозунг о независимости в свою пользу, и стали искать альянсы со своими местными националистами, чтобы таким образом получить альтернативу поддержке из Москвы. С националистами у них была общая почва для сотрудничества: для националистов «суверенитет» означал де-

мократию и национальное самоопределение, а для аппаратчиков — конец вмешательства Москвы.

В течение следующего года Ельцин превратил российский суверенитет из символической декларации в реальность. Главной идеей было получить экономическую и административную свободу рук. Летом и осенью 1990 г. русские либералы видели для себя перспективу союза с Горбачевым, такой союз ускорил бы и усилил республиканскую автономию, хотя все еще в рамках реструктурированного СССР. Они также надеялись получить от Запада финансовую помощь на осуществление своего плана — на этом этапе большинство русских либералов все еще питали в высшей степени идеалистические иллюзии относительно истинно демократического, истинно цивилизованного Запада, готового в союзе с ними бороться с тоталитаризмом. Эта идея воплотилась в плане, предложенном экономистом Станиславом Шаталиным, призывавшим ввести рыночную экономику за 500 дней. Этот план исходил из получения помощи от США и международных финансовых институтов. Он также предполагал передачу большинства экономических решений на уровень республик. Законодатели РСФСР план приняли, но Международный валютный фонд высказал большие сомнения, и вскоре Горбачев предпочел отказаться от шаталинского плана. Ельцин после этого избрал более агрессивную тактику. Он решил, что сможет провести экономические рыночные реформы, которые планировались им и его советниками, только при условии, что российский суверенитет что-нибудь да значит. Как мы видели, благодаря тому, что Россия играла ведущую роль в ВПК, многие предприятия на территории РСФСР являлись всесоюзными и работали под эгидой союзных министерств²⁸. Центральным пунктом стратегии Ельцина было получить контроль над ними.

Горбачев надеялся преодолеть разногласия, предложив переговоры о новом союзном договоре, который намного расширил бы автономию всех республик. Противоречия и трения между ним и Ельциным серьезно затрудняли проведение таких переговоров. Подвергаясь нажиму со стороны как русофилов, так и «демократов», которых возглавлял Ельцин, Горбачев, фактически, быстро утрачивал контроль над событиями. В прибалтийских республиках русофилы и ортодоксальные коммунисты объединились в Комитетах национального спасения, которые в январе 1991 г. объявили, что берут власть в свои руки, чтобы «избежать экономического

коллапса» и предотвратить установление «буржуазной диктатуры». Воздушно-десантные войска и войска МВД попытались захватить стратегические здания в Вильнюсе и Риге, но были остановлены большими толпами народа. После напряженного противостояния они отступили. «Центр» больше не мог удерживать периферию.

Приблизительно в это время до некоторых ведущих деятелей в «Демократической России» наконец дошло, что альянс с русскими либералами и нерусскими националистами против КПСС ставит под угрозу Советский Союз. Такой ситуации вряд ли кто-нибудь из них желал — все они исходили из того, что задуманные ими реформы будут проводиться в более демократичном государстве, но в СССР. Николай Травкин, Виктор Аксюциц и Михаил Астафьев сформировали временный альянс («Народное согласие»), чтобы вернуть союзному договору поддержку либералов²⁹. Но к этому моменту Горбачев был уже слишком слаб, чтобы оказать им поддержку, а набранный Ельциным темп неотвратимо вел к разрушению Союза. Не будучи в состоянии предотвратить распад СССР, Астафьев и Аксюциц позже постепенно перешли в лагерь Фронта национального спасения.

Тем не менее к марту 1991 г. Горбачев подготовил проект нового союзного договора, который он выставил на референдум. Как в целом в СССР, так и в России он получил поддержку голосовавших, в некотором отношении противоречивую — и за суверенитет их собственных республик, и за членство в реформированном Советском Союзе. Ельцин воспользовался случаем и вставил в договор статью о создании в РСФСР поста президента, чем обеспечил себе бóльшую легитимность. Тем самым требования русских либералов наконец полностью отождествлялись с требованием российского суверенитета³⁰. Формулировки референдума носили отпечаток двусмысленности, и некоторые республики по его результатам признали несколько измененные версии союзного договора. Примечательно, что Ельцин использовал общегражданский термин *российский*, а не этнический *русский*. Он считал всех, кто жил в РСФСР, «россиянами», невзирая на их этническую принадлежность, и не предусматривал особой стратегии в отношении этнических русских, живших за пределами республики. На этой основе 12 июня 1991 г. Ельцин стал первым в истории демократически избранным лидером России.

КОНЕЦ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Все это еще не означало окончательного распада СССР. По иронии судьбы, его конец ускорили действия его самых убежденных сторонников. 19 августа 1991 г. так называемый Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), в который входили самые важные министры и глава КГБ СССР, захватил власть в Москве, выступив с заявлением, что «экстремистские силы встали на путь ликвидации Советского Союза, уничтожения государства и захвата власти любой ценой». Комитет утверждал, что его целью является «преодоление глубокого и всестороннего кризиса, политической, национальной и гражданской вражды, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза». Путчисты намеревались арестовать Ельцина и, если будет необходимо, штурмовать Белый дом, где располагался Верховный Совет РСФСР³¹. Примечательно, что в их публичном заявлении не было ни слова в защиту коммунизма, оно было посвящено сохранению Советского Союза, предотвращению экономической катастрофы и поддержанию общественного порядка.

Заговор не удался отчасти по причине явной некомпетентности участников. Руководители заговора привыкли занимать ответственные посты в безупречно работающей государственной машине. У них всегда имелись подчиненные, решавшие частные вопросы, и они не предвидели последствий, которые могло повлечь за собой неподчинение их приказам со стороны даже нескольких мелких чиновников. Поэтому Ельцину удалось избежать ареста, факсимильные и телефонные линии не были перехвачены, а оппозиционеры по-прежнему имели возможность публиковать свои взгляды в газетах и даже озвучивать их по телевидению.

Что еще важнее, заговор споткнулся о собственные внутренние противоречия. Было что-то несообразное в том, что заговорщиками стали носители власти — премьер-министр, министр обороны, министр внутренних дел и председатель КГБ. Как выразился заместитель командующего воздушно-десантными войсками и далеко не демократ Александр Лебедь: «Как могли эти люди захватывать власть? Они и так были воплощением власти»³². Но в том-то и дело. Действия руководителей заговора были реакцией на обстоятельства, которых старались всячески избежать все советские руководители после Ленина: превращение России в серьезного игрока на политической сцене. Что было еще хуже с их точки зрения, так это

то, что Ельцин был всенародно избранным главой государства, а они — нет. Даже по советской конституции этот факт придавал президенту РСФСР ту легитимность, которой у них не имелось. Это дало Ельцину возможность театрально взобраться на один из посланных на Белый дом танков и, позируя перед фото- и видеокамерами, обвинить заговорщиков в «государственном преступлении» против «законно избранных властей Российской республики» и предупредить, что те, кто оказывал им содействие, будут осуждены по Российскому уголовному кодексу³³.

Этого предупреждения оказалось достаточно, чтобы парализовать намеченные военные действия — никакому командиру не хотелось отдавать приказ открыть огонь по гражданскому населению, если его действия с большой вероятностью могли быть позже объявлены незаконными. Тысячи русских встали вокруг Белого дома, чтобы защитить его, воодушевленные широко освещавшимся в прессе приездом Мстислава Ростроповича, знаменитого виолончелиста, который срочно прилетел из Парижа через все еще открытый московский аэропорт. Несколько скоротечных горячих дней русское гражданское общество не только подавало признаки жизни, но оказалось непобедимым.

Выступление ГКЧП было, таким образом, заговором Советского Союза против России. Теперь, когда путч потерпел неудачу, Советский Союз был обречен, даже несмотря на то что Горбачев еще несколько месяцев пытался удержать распад, возобновив переговоры о подготовленном им союзном договоре. На следующий же день после провала заговора Ельцин ритуально унизил Горбачева, подписав указ о прекращении деятельности КПСС на территории России. Парламент пошел дальше и утвердил новый российский флаг — красно-сине-белый триколор, который с декабря 1991 г. развевался над Кремлем³⁴. Все это выглядело очень театрально, но не создавало прочной институциональной базы для ведения российской политической игры.

1 декабря 1991 г. население Украины подавляющим числом голосов проголосовало на референдуме за независимость. Украина еще раз продемонстрировала свое решающее значение: без нее, как предупреждал Горбачев, не может быть Советского Союза, даже в урезанном составе. Но теперь надо было решить, как могли без Союза продолжать сосуществование Украина и Россия? Нужно было срочно создать новую многостороннюю структуру, которая включала бы и ту и другую, не ущемляя суверенитет обеих респуб-

лик. Этого пытался добиться Ельцин, когда 8 декабря встретился с руководителями Украины и Белоруссии в Беловежской Пуще. Они вместе создали Содружество Независимых Государств (СНГ), которое должно было координировать, хотя и косвенно, экономическую, внешнюю и оборонную политику всех бывших советских республик, желавших вступить в него³⁵.

Этот шаг был ратифицирован Верховным Советом РСФСР 12 декабря, так что, строго говоря, он был вполне конституционен, несмотря на предпринятые позже попытки это оспорить. В то же время это был скоропалительный шаг, предпринятый без должной проработки, и результаты его оказались мизерными. Что касается эффективной координации политических процессов, то в последующие годы СНГ добилось ничтожных результатов. Получилось, что распался не только Советский Союз, распавшейся оказалась и отброшенная в границы XVI в. Российская империя. Россия, Украина и Белоруссия, а потом и остальные республики СССР, с которыми даже не подумали проконсультиться, начинали новую жизнь как национальные государства чуть ли не с нуля. Приходится ли удивляться, что русофилы посчитали этот процесс актом сознательного предательства. Однако вина лежала и на них: идея российского суверенитета принадлежала им, и они пальцем не пошевелили, чтобы помочь не любимому ими Горбачеву, когда тот пытался спасти дорогой их сердцу СССР.

В целом формы возродившейся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. политической жизни в России несли на себе отпечаток той системы, из которой они выросли. Десятки лет компартия оккупировала политическую сцену своими эрзац-институтами и монополизировала все коммуникации сверху донизу через своих людей, поставленных на ключевых властных постах. По этой причине для тех, кому это стало необходимо, оказалось исключительно трудно создавать подлинные институты или горизонтальные коммуникации. Новые политические объединения начинались в виде неформальных ассоциаций и до самого создания Российской Федерации сохраняли многие из своих «неформальных» характеристик. Почти все политические движения строились вокруг конкретных личностей, выступали с весьма декларативными идеологиями и не находили для своей деятельности места в системе наличных институтов и законодательства. Вся их деятельность проходила либо на очень ограниченной местной базе, либо на огромной и неструктурированной политической арене. По той же самой причине они не были в со-

стоянии выразить интересы конкретных групп населения — почти все политические движения пытались выступать от имени всего населения России³⁶. Вместе взятые, эти причины делали строительство последовательной соревновательной демократии исключительно трудным делом.

Эти проблемы усложнялись сложившейся институциональной ситуацией. С концом Советского Союза Россия приобрела свободу, но утратила свое обширное наследие. Как политическое образование она появилась на свет в протестной форме — «не-СССР». Не имели места законные выборы, не прошло учредительного съезда, и по-прежнему не было новой конституции. Российский Верховный Совет продолжал существовать по мандату, унаследованному от СССР — как союзник Ельцина в победоносной борьбе с ГКЧП, и распустить его было нельзя. Однако большинство депутатов были номенклатурными выдвигенцами КПСС, их имена внесли в избирательные списки еще до того, как сумели организоваться оппозиционные партии. Таким образом, получалось, что не существует того символического момента, который можно было бы назвать датой расставания России со своим советским прошлым и создания ею своих собственных институтов. КПСС запретили, но никакого расследования ее преступлений или суда над теми, кто несет за них ответственность, не было. Поскольку органы КПСС были де-факто органами исполнительной власти правительства в СССР, ее устранение оставило зияющие дыры в системе административных связей.

«Россия» была аморфным и неопределенным образованием, ящиком Пандоры для хранения надежд неисчислимого числа индивидов и общественных движений, многие из которых были несовместимы между собой. Над всем маячила несколько неопределенная фигура Бориса Ельцина, своего рода отца рожденной в муках русской нации. Поскольку Россия родилась в обстановке глубокого кризиса, сразу же после августовского путча, было решено, что Ельцин должен управлять на основе законов о чрезвычайном положении.

Это значит, что институты новой России формировались бессистемно и фрагментарно. Как в то время выразилась ученый-политолог Лилия Шевцова: «То, что получилось, являло собой хаотический набор отдельных блоков власти, которые не только принадлежали к разным периодам социального развития, но даже к разным социальным системам»³⁷. В общем, они приняли моди-

фицированную, но неоспоримо советскую форму, так как попросту не существовало иной структуры, в которую их можно было бы вписать, не существовало никаких альтернативных образцов из минувшей политической практики. Согласно принятой номенклатурной традиции Ельцин привел с собой из Свердловска в Москву на ответственные посты в исполнительной власти некоторых из своих бывших сотрудников, добавив к ним лидеров антикоммунистических движений. Многие члены «Демократической России» были теперь депутатами Верховного Совета и разных городских Советов, но скоро выяснилось, что они явно не считаются с парламентской дисциплиной. Как писал один наблюдатель, «голосование за голосованием откладывалось из-за отсутствия кворума, в то время как депутаты пили чай в буфете или болтали друг с другом в коридоре зала заседаний»³⁸.

Оказалось трудным расстаться с привычкой к интимным оппозиционным беседам на кухне, особенно когда президент правил при помощи единолично принятых указов. Ельцин чаще всего игнорировал депутатов, он не придерживался практики регулярных контактов с лидерами парламента, что является очевидной обязанностью любого конституционного лидера. Его право издавать указы вместе с бесформенным состоянием российских институтов позволяли ему действовать независимо от Верховного Совета, т.е. в большей или меньшей степени так, как всегда поступали первые секретари коммунистической партии.

К этому времени его представления о будущем России лишь отчасти совпадали с представлениями демократов, и своих взглядов он придерживался с беспощадной жесткостью. В кризисный момент своей карьеры, после вывода из Политбюро в конце 1987 г., он обратился к «демократии» и «свободному рынку». Обнаружив, что это приносит ему поддержку в народе и дает оружие для уничтожения партии, которая его отвергла, он теперь держался за эти идеи со всем миссионерским пылом неопфита³⁹. Для того чтобы реализовать свои взгляды, он выдвинул группу блестящих молодых экономистов из академических институтов, людей, не имевших практического политического опыта, но фонтанирующих идеями и представлениями, почерпнутыми из трудов Ф.А. фон Хайека, М. Фридмана и представителей чикагской экономической школы. Как и Ельцин, они были полны решимости искоренить коммунистическую систему, так как считали ее пагубной. Они пребывали в уверенности, что рыночная экономика, напротив, обеспечит и процветание, и

свободу. Анатолий Чубайс, один из их лидеров, любил приводить слова фон Хайека: «Рыночная экономика — это гарантия не только эффективного использования финансовых и природных ресурсов... но также свободного общества и независимости гражданина»⁴⁰. Егор Гайдар, ельцинский вице-премьер, ответственный за экономическую реформу, считал, как и все его коллеги-реформаторы, что мир разделен на два лагеря и что России следует решительно перейти из одного в другой. Или, как выразился один из них, Россия должна «вернуться из сумеречного “Зазеркалья” в реальный мир»⁴¹. Советская экономика рухнула, отсюда, казалось бы, следовало, что единственную приемлемую альтернативу мог представлять собой великий «Другой» — Соединенные Штаты.

Идеи «подлинной демократии» и «нормального общества» звучали волшебным заклинанием после десятилетий коммунистического правления, с ними ассоциировалось процветающее, цивилизованное и образованное общество, в котором индивиды имеют возможность свободного самовыражения под защитой власти закона и при гарантиях базового минимума, обеспечиваемого системой социального обеспечения. Это, конечно же, идеал, о котором мечтает и большинство населения Запада, но оно сознает, что их собственное общество лишь пытается приблизиться к нему. Русским демократам было трудно признать возможность любого несовершенства западной системы, настолько навязчивой была мысль об избавлении от коммунистического господства. В этом смысле срабатывала инерция своего рода обратного мессианства, идеал борьбы за абсолютное добро при поддержке демократического, экономически развитого Запада. Это настроение определило то, что первые год-два в постсоветской России наблюдалась широкая поддержка рыночных реформ: еще в апреле 1993 г. всенародный референдум недвусмысленно подтвердил одобрение населением ельцинской социальной и экономической политики.

Новые правители называли себя «демократами» и пользовались известной поддержкой населения. И все-таки у этих «мальчиков в розовых штанишках» (как их прозвали противники) не было прямого мандата на проведение реформ от раздробленного по экономическим вопросам на враждебные фракции Верховного Совета. Они полагались на данные Ельцину чрезвычайные полномочия. Их не смущала сложившаяся ситуация, так как они полностью отдавали себе отчет в том, что в стране сложилось чрезвычайное положение — вызванные перестройкой деформации экономического

процесса привели к серьезной нехватке продовольствия. Остановилась межобластная торговля, над городами нависла угроза голода — в магазинах требовали подтверждения, что покупатель проживает в данном квартале, и только потом продавали хлеб, картофель или сыр. Рыночная экономика, хотя и в крайне деформированном виде, уже существовала, реформаторы чувствовали, что их задача превратить ее в нормально функционирующую.

Перед ними выросли трудности практического характера: реформировать все одним махом было невозможно, проводить реформы по частям означало создавать более чем рискованную напряженность и деформацию экономического процесса. Отдав приоритет высвобождению цен и приватизации, реформаторы спровоцировали гиперинфляцию, которая уничтожила сбережения потенциального среднего класса. Они также позволили номенклатурным боссам обратить свою административную власть в собственность и активы. В этих обстоятельствах базовые составляющие все еще, по сути дела, советской системы («коммуны» Зиновьева), как и можно было ожидать, продолжали функционировать. Вместо того чтобы пытаться договориться в Госплане о приемлемых плановых цифрах, как это было в прежние годы, промышленные боссы теперь пользовались личными связями, чтобы приватизировать свои фирмы и заполучить правительственные заказы, или, если этого не получалось, требовали дотаций, залезали в долги торговали по бартеру, чтобы избежать банкротства. Таким путем им удавалось набивать свои карманы, но также выполнять социальные обязательства, которые они по традиции реализовывали от имени своих работодателей. Даже Гайдар не был готов настаивать на применении к ним чисто рыночных лекарств, это повлекло бы за собой массовые банкротства и безработицу, которые охватили бы все население таких крупных городов, как Свердловск или Горький (Екатеринбург и Нижний Новгород, как их теперь снова официально именовали). Это значило, что осуществить полномасштабную «шоковую терапию» было по существу невозможно, однако Гайдар пошел на частичное ее проведение, и это, в сущности, усилило некоторые самые нерыночные структуры советского общества⁴².

Эти парадоксальные события имели и свою международную составляющую. Ельцин продолжил горбачевскую линию на обеспечение безопасности Советского Союза и России через сотрудничество с международными организациями, т.е. с ведущими западными державами. С точки зрения Ельцина, особенно важную роль

играла поддержка со стороны финансовых институтов, таких как Международный валютный фонд (МВФ) и «Большая семерка». Они оказали необходимую помощь, но, увязав ее со ставшими к этому времени обычными условиями, так как с падением советского коммунизма правительство США еще более уверилось в том, что американская экономическая система является необходимой моделью для развития всего мира. Все это прекрасно укладывалось в гайдаровские реформы. Однако, прислав своих советников для проведения реформ, МВФ и Казначейство США фактически стимулировали активизацию номенклатурных клик, так как предпочли негласный стовор с Чубайсом и его соратниками проигнорировав всех других потенциальных союзников, которых считали ненадежными и с которыми даже отказывались консультироваться⁴³. Таким путем финансовое мессианство Соединенных Штатов усилило постсоветский российский радикализм в ущерб уровню жизни большей части населения страны.

Между тем некоторые депутаты российского Верховного Совета также усвоили уроки, не прошедшие даром для новых экономических боссов. И действовали они, как и депутаты советского «парламента», по старым схемам. Они использовали свое положение для завязывания личных связей, проведения сделок и закрепления за собой доступных кусков от пирога доходов. При советской системе получаемые таким путем выгоды были весьма скромными, но по мере того, как Россия приватизировалась, возможности для коррупции и быстрого обогащения достигли сногшибательных масштабов. Возможность находиться в центре событий и иметь нужные связи открывала дорогу к таким доходам, которые и не снились всего несколько лет назад. Впрочем, отгесненный ельцинскими «мальчиками в розовых штанишках» Верховный Совет имел мало выходов на экономические дела.

Новые руководители проводили экономическую реформу радикально и жестко, так как хотели уничтожить все остатки старой структуры власти. Но, проводя этот курс, они в то же время демонтировали как формальные, так и неформальные способы социальной защиты, которые в советском обществе действовали для рядовых граждан: официальную систему социального обеспечения и патронаж со стороны государственных компаний. «Блат» не утратил своего значения, но теперь был в большей степени связан с деньгами, а потому им могло пользоваться меньшее количество людей⁴⁴.

В результате произошло серьезное ухудшение медицинского обслуживания и увеличение смертности. Между 1992 и 2000 гг. население Российской Федерации сократилось на 2,8 млн человек, или на 2%. Мужская смертность оказалась выше женской; ожидаемая продолжительность жизни мужчин, которая к 1980-м гг. поднялась до 64 лет, к 1994 г. упала до 57 лет, что для такого короткого отрезка времени было ужасающим показателем⁴⁵. Последствия употребления алкоголя, курения и работы в загрязненной среде теперь усугубились резким сокращением пенсий и необходимостью платить за оказание медицинских услуг. Больше всего пострадали те, чьи годы отрочества и юности пришлось на военное время и кто теперь достиг пенсионного возраста с минимальными ожиданиями на будущее. Такой «награды» это поколение, сделавшее больше всего, чтобы удостоиться поддержки своих соотечественников, не заслужило. Этих людей можно было видеть выстроившимися у станций московского метро и продающими все, без чего можно было обойтись: старую одежду, украшения, книги, цветы, даже военные награды. Стоит ли удивляться тому, что для многих русских «демократия» стала синонимом нищеты и упадка.

КРИЗИС С БЕЖЕНЦАМИ

Распад Советского Союза немедленно поднял вопрос о том, что будет с 25 млн русских, живших за пределами только что оформившейся Российской Федерации. Вначале правительство Ельцина, в первую очередь министр иностранных дел Андрей Козырев, встало на чисто юридическую позицию относительно обязательств Российского государства: те, кто жил в пределах его территории, были *россиянами*, гражданами России, каким бы ни было их национальное происхождение. Те, кто проживал за пределами Российской Федерации, были гражданами других государств, даже если были этническими русскими, и для защиты своих интересов должны были обращаться к законам этих стран или к международным институтам, вроде Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Скоро положение сделалось невыносимым. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. резко усилились межнациональные конфликты и дискриминация русских на местах. Русская эмиграция с Кавказа и из Средней Азии, до этого представлявшаяся небольшим ручейком, теперь обратилась в поток и сделалась серьезным политическим

вопросом. Русских в особенности и славян вообще называли «пришлыми», «чужаками» или даже «оккупантами». Экономическая реформа обернулась бедствием для образа жизни каждого, но русские и украинцы, давно уже находившиеся в несколько невыгодном положении относительно коренного этнического населения в том, что касалось внутренних социальных и экономических связей, теперь оказались в еще более изолированном положении и еще больше бедствовали. В процессе проведения реформ часто в первую очередь закрывались крупные предприятия «всесоюзного значения», где работало значительное число русских и украинцев.

В ряде республик разразились жестокие межнациональные конфликты. Объектами непосредственного насилия русские становились нечасто (хотя в Молдавии и Азербайджане это имело место), но развал экономики и непредсказуемость социальной среды, возможность стать случайными жертвами кровавых столкновений добавляли мотивации уезжать. Наконец, когда республики провозгласили свой суверенитет и главенство своего законодательства, многие из них приняли законы, урезавшие гражданские права нетитульных народов или, по крайней мере, требовали хорошего владения местным языком для получения всех гражданских прав и доступа к определенным профессиям и должностям. Немногие русские утруждали себя изучением местного языка и в условиях конкурентной рыночной экономики ощутили угрозу своим имущественным правам и гражданскому статусу⁴⁶.

Долгое время правительство РСФСР и позже Российской Федерации не осознавало, насколько серьезно положение беженцев. Большинство из них прибывали в Россию, потеряв почти все свое имущество, не имея работы и возможности дать своим детям образование. Их временно размещали в общежитиях и бараках, но, как правило, давали два месяца, чтобы найти работу и место жительства, что трудно было сделать в стране, где ощущалась нехватка жилья, экономика дышала на ладан и нужно было преодолевать нагромождения бюрократических препон. К тому же, когда число беженцев стало возрастать, сошли на нет даже эти чрезвычайные меры по оказанию им помощи⁴⁷.

В январе 1990 г. встревоженная ростом насилия в своем родном городе Баку русская женщина написала отчаянное письмо в «Литературную Россию»: «Выехать отсюда и найти работу в России невероятно сложно. Я направляла запросы в Саратов, Липецк, Смоленск и города Подмосковья. Ничего не получилось. Произве-

сти обмен в этих городах невозможно, никто не проявляет к этому интереса. Переехать в деревню не могу, у меня нет для этого нужной подготовки. Денег купить дом у меня нет. Поражает безразличие, на которое мы, русские из других республик, наталкиваемся в русских городах. Несмотря на то что они нуждаются в специалистах, нам не дают прописки или даже не обещают прописки и не ставят на очередь для получения жилья. В конце концов, я могу передать свою квартиру в Баку государству. Неужели мы не нужны нашей исторической родине?»⁴⁸

Скорее всего, ответ на этот вопрос в то время мог звучать лишь цинично-утвердительно: «Да, не нужны». Российское правительство не давало беженцам, большинство которых составляли этнические русские, гражданского статуса, который гарантировал бы им право жить в России, не говоря уже о получении работы или социального обеспечения. Их выживание зависело от случайных заработков, помощи родственников и доброты и внимания простых людей. Такое небрежение выглядит особенно поразительным, если вспомнить совершенно другую реакцию парламента Федеративной Республики Германии за полвека до этого, когда на территорию ФРГ хлынул поток беженцев из восточных территорий и советской оккупационной зоны. В 1951 г. парламент ФРГ принял закон об «уравнивании бремени», делавший помощь беженцам долгом западногерманского налогоплательщика. Российский парламент и ельцинское правительство, по-видимому, настолько не чувствовали солидарности со своими соплеменниками, возвращавшимися из ближнего зарубежья (как стали называть бывшие советские республики), что и не подумали предпринять подобный шаг.

Для защиты интересов русских диаспор сформировалось особое политическое движение: Конгресс русских общин (КРО). Его лидер Дмитрий Рогозин давал более широкое определение «русским», чем Козырев: «Мы убеждены, что Россия содержится далеко за пределами границ, которые отведены ей сегодня. Россия — это особая, уникальная цивилизация, объединяющая самые разные народы и этнические группы. КРО считает россиянами всех, кто признает, что они принадлежат к этой цивилизации, ценит ее историю, заботится о развитии ее культуры и верит в будущее России. В борьбе за выживание перед русским народом встает несколько задач. Без возрождения русской национальной идеи будет невозможно вернуться к вековым основам русской духовности и российской государственности»⁴⁹.

Под влиянием этих идей российский Верховный Совет летом 1993 г. внес предложение объявить Севастополь, базу имперского и советского Черноморского флотов, российским городом. Заявление о том, что «Россия» существует за пределами границ Российской Федерации, было одной из главных причин роспуска Ельциным Верховного Совета в сентябре 1993 г. и назначения новых парламентских выборов, за которыми должны были последовать выборы президента. Решение было воистину судьбоносным. Некоторые депутаты объявили роспуск Верховного Совета незаконным и подняли вооруженный мятеж. На его подавление Ельцин послал танки, и во время операции, согласно официальным данным, было убито 187 и ранено 437 человек⁵⁰.

Роспуск Верховного Совета должен был бы ознаменовать окончательный уход Советской России в прошлое. Это должно было бы стать празднованием объединения нации и новых демократических начинаний. Вместо этого разразилась страшная бойня, вспыхнула новая ненависть, заявил о себе дух нового авторитаризма. Символичность произошедшего была просто беспощадной: Ельцин расстрелял то самое здание, Белый дом, который два года назад был его собственной крепостью демократии. Рождение новой России было замарано и осквернено.

Как бы там ни было, после конфликта Ельцину пришлось сблизиться с точкой зрения Верховного Совета. На Новый 1994 год он обратился к русским диаспорам: «Дорогие соотечественники! Вы неотделимы от нас, и мы неотделимы от вас. Мы были и мы будем вместе. На основе закона и солидарности мы защищаем и будем защищать вас и наши общие интересы»⁵¹. Российская Федерация обязалась использовать свое влияние в новых государствах и международных организациях для защиты интересов этнических русских и русскоговорящих, где бы они ни проживали. Это было важным моментом в эволюции русского национального сознания, так как СССР никогда не видел себя в роли поборника интересов русских эмигрантов.

Очевидно, поняв, что создание рыночной экономики и демократических институтов по западному образцу более не вызывает симпатий у русских, Ельцин в июле 1996 г. также дал своим советникам указание заняться формулированием новой «национальной идеи». Правительственный официоз «Российская газета» объявила конкурс: автору лучшей «национальной идеи» был обещан приз в 10 млн руб. Очень показательно, однако, что, несмотря на боль-

шое число полученных предложений, победитель назван не был и премия не присуждалась⁵². Никакого общего согласия относительно того, что такое Россия, не существовало.

НОВЫЙ СИНТЕЗ РУСОФИЛЬСТВА

Таким образом, накопилось достаточно горючего, чтобы реакция русофилов стала взрывоопасной. Нужно при этом признать, что проявления «расистского» русского шовинизма были относительно несущественными. Правда, в конце 1980-х гг. партия антисемитских чернорубашечников присвоила себе наименование «Память» и под таким названием выходила на свои прорусские расистские демонстрации. Но сколько-нибудь существенной поддержки среди народа они не получали и вскоре рассыпались на грызущиеся между собой группки, а потом вовсе исчезли со сцены, хотя одна из отколовшихся групп, возглавлявшаяся Александром Баркашовым, принимала участие в антиельцинском вооруженном мятеже октября 1993 г.

Другим деятелем, которого можно было бы обвинить в расизме, был Владимир Жириновский, чья весьма произвольно названная Либерально-демократическая партия имела некоторый успех на президентских выборах 1991 г. и парламентских выборах в декабре 1993 г. Жириновский был прожженным политиком, мастером коротких броских эскапад, хорошо смотревшихся на телевидении. Некоторые из его высказываний выдавали его желание видеть русских на первых ролях в перестраиваемом Советском Союзе. Но идеи Жириновского отличались непоследовательностью, а программу его партии можно было назвать скорее имперской, а не расистской, ставившей целью восстановить завоеванный СССР (и когда-то Российской империей) статус великой державы, в котором русские играли бы не столько господствующую, сколько интегрирующую роль. Другими словами, за воинственной буффонадой у него скрывался довольно традиционный взгляд на Россию как многонациональную империю⁵³.

Главное направление русофильской реакции было представлено иными силами. Евразийство, геополитика, реакция на русофобию и синтетический патриотизм «Молодой гвардии» слились в идеологической базе для новой Российской коммунистической партии, создание которой пришлось на 1990 г. Главным политиком

выступающим от ее лица, был ставший позже лидером КПРФ Геннадий Зюганов, постоянно подчеркивавший расстояние, отделяющее Россию от Запада. В его толковании, Россия — особая цивилизация, «чьи фундаментальные ценности — это коллективизм, соборность, государственность и стремление к воплощению высочайших идеалов добра и справедливости». Современная западная цивилизация, напротив, «основана, как показывают последние исследования, на атомизированной, механической картине мира... Рыночный индивидуализм сделался главной человеческой характеристикой... Отсюда абсолютизация прав индивида, что в сфере национальности оправдывало слияние малых народов в нации; отсюда “война всех против всех” на социальной арене». Российская государственность, царская или советская, наоборот, была хорошо приспособлена к тому, чтобы вбирать в себя нерусские народы без подрыва их идентичности. Он определял Россию как «государство, основанное на неразделимом братстве великорусов, малороссов и белорусов, а также всех племен и национальностей, которые добровольно желают присоединиться к союзу»⁵⁴.

Исходя из этих положений, Зюганов выдвигал версию «единого потока» русской истории, утверждая, что православие и коммунизм просто разные отражения одного основного русского идеала: «Если мы посмотрим на нашу тысячелетнюю историю, то станет ясно, что морально-этические принципы православного христианства и социалистические идеи совпадают во многих отношениях. Были две центральные тенденции, которые определили мировое развитие. Одна частно-эгоистическая и другая социал-коллективистская. Частно-эгоистическая тенденция выражалась по-разному через фашизм и войну, между поколениями и на просторах континентов... Мы — общинная нация, воспитанная на тысячелетнем опыте взаимной поддержки и патриотического чувства. А запад пытается навязать нам свой индивидуализм и протестантский эгоизм»⁵⁵.

Подобно Гумилеву и Шафаревичу, Зюганов видел в евреях авангард западного проекта. Он утверждал, что еврейская диаспора, которая «традиционно контролировала финансовую жизнь континента», теперь стала владельцем «контрольного пакета акций» в западной экономике в целом и стремится захватить «руководство миром»⁵⁶.

Для коммуниста самым значительным поворотом было новое принятие православной церкви. Как писал Зюганов, церковь сыграла решающую роль в создании и поддержке Российского госу-

дарства: «Политический деятель не может понять России, если не понимает центральной роли религии в процессе развития и становления нашей государственности и культуры... Крестив русского тысячу лет назад, великий князь Владимир заложил основу нашего единства. Без этого Русь не преодолела бы татарское нашествие и не пережила Смутное время. Во время Великой Отечественной войны православная церковь призвала народ защищать нашу родную землю»⁵⁷. Это заявление фактически повторило слова патриарха Алексия I, произнесенные им в 1960 г. и возмущившие тогда многих коммунистов.

Даже теперь они вызвали у многих раздражение. Позиция Зюганова требовала от коммунистов пересмотреть или вовсе отказаться от тех элементов в их идеологии, которые были связаны с атеизмом, диалектическим материализмом и пролетарским интернационализмом. Классовая борьба осталась, хотя и в туманной форме как конфликт между нациями, руководимыми коллективистским принципом, и теми, кто придерживается принципов индивидуализма. Эти упущения вместе с новым принятием православия вызвали недовольство многих бывших членов КПСС. Последовавшие разногласия и расколы ослабили влияние Российской коммунистической партии на электорат в тот ответственный момент⁵⁸.

Между взглядами Зюганова и официальной идеологией, господствовавшей после 1945 г., было много общего, в том числе антисемитизм. Зюганов был готов реабилитировать Сталина, который, по его утверждению, «как никто, понимал необходимость пересмотренного в соответствии с новым временем мировоззрения в рамках новой геополитической формы, СССР. Он понимал настоятельную потребность в согласовании новых реальностей с вековыми русскими традициями. В результате произошла радикальная перемена официальной идеологии Советского Союза в 1945—1953 гг.»⁵⁹. Некоторые православные верующие проявляли готовность поддержать эту антизападную идеологическую смесь. Одна из партий в православной церкви, возглавлявшаяся митрополитом Иоанном Санкт-Петербургским, соединила геополитические концепции с антисемитизмом. Иоанн изображал Русь и Россию как нацию, которой постоянно угрожают коварные и злые иностранцы. Он приводил слова Александра III: «У России нет друзей. Нашей огромности бояться». Россия смогла выжить только благодаря стойкости православной веры, твердости ее самодержавных правителей и ее готовности пожертвовать всем для защиты родины.

Свойственную XX в. форму этой угрозы Иоанн видел воплощенной в Протоколах сионских мудрецов. Он сравнивал постсоветскую эволюцию России с приписываемыми «мудрецам» стремлениями установить господство над Россией с помощью мощи международных финансовых институтов и средств массовой информации, которые подрывают национальную веру, семью и традиционную мораль⁶⁰.

Эти взгляды нельзя считать характерными для православного духовенства. Православная церковь выиграла от возрождения России и политически, и символически. С 1988 г. она вновь открыла многие из своих приходов и реставрировала многие из культовых сооружений; кульминацией этого процесса стало восстановление храма Христа Спасителя в Москве. Но ситуация с церковью, хотя внешне она и процветала, отражала неясность по поводу статуса русской национальности. При опросах до 80% русских называли себя «православными», но эти признания никак не отражали ни религиозной веры, ни религиозной практики. Только 6—7% русских посещали церковь по крайней мере один раз в месяц, 18% признавались, что верят в живого Бога, а 24% верили в жизнь после смерти. Достаточно большое число русских, называвших себя православными, верили в явления, которые церковь прямо отрицает, вроде сверхчувственного восприятия или переселения душ⁶¹.

Фактически, признание себя православным было, скорее, заявлением о национальной, а не религиозной принадлежности. Большинство церковных иерархов также подчеркивали эту сторону ситуации в церкви, проповедуя верность Российскому государству, развитие национальных традиций и сохранение национального единства в той же, если не большей мере, чем значимость личного спасения или традиционной морали. Такой подход продолжал ту роль, которую церковь играла при царях и, в измененном виде, в последние советские десятилетия, т.е. в виде духовного продолжения государства.

Что касается мировоззрения, то церковь, невзирая на внешнее преуспевание в возрождении приходской жизни, создания церковных хоров и т.д., занимала оборонительные позиции. Она оставалась уязвимой к обвинениям многих священников в сотрудничестве с советскими органами госбезопасности. Многие русские горожане находили, что их духовные потребности лучше обслуживаются в протестантских церквях, особенно баптистов и пятидесятников, которые теперь уже прочно утвердились в России. В связи с расстройством приходской жизни и слаборазвитым опытом пас-

тырского служения, которые она унаследовала от Советского Союза, православная церковь чувствовала себя ущемленной в открытой конкуренции с другими конфессиями, особенно христианскими, щедро финансируемыми из-за рубежа. В 1997 г. после долгой кампании она наконец убедила Государственную думу принять закон, ограничивавший деятельность «нетрадиционных» церквей и сект на территории России.

В среде православного духовенства определились три главные группировки. Имперские националисты во главе с митрополитом Иоанном (цитировавшимся выше) остались без очевидного лидера, когда в 1995 г. Иоанн скончался. Сравнительно небольшая группа реформаторов и экуменистов, преимущественно в больших городах, выступала за контакт с другими христианами и желала реформировать собственную церковь изнутри, к примеру, расширив использование современного русского языка в службах и увеличив участие мирян в управлении делами прихода. Намного большее число священнослужителей принадлежало к направлению, которое можно было бы назвать «институционалистами», они просто хотели возвращения канонических структур и церковной практики, восстановления в полном объеме образовательной деятельности и преодоления длительного застоя советского периода⁶². Вероятнее всего, их цели должны быть осуществлены до того, как церковь сможет решить, каким путем она последует далее.

РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА?

Что думало большинство россиян о стремительном развитии событий начала 1990-х гг., о стране, которую они потеряли, и о той, что обрели? Их отношение к этим вопросам показало исследование, проводившееся Юрием Левадой и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 1991—1992 гг. Левада выяснил, что русские все еще были настроены преимущественно имперски или наднационально и что они считали этнические характеристики сравнительно несущественными, хотя, когда наднациональное государство перестало выполнять свои функции, они часто относили это на счет этнических факторов. Россия виделась им как особая и исключительная страна, безотносительно того, хорошая она или плохая. Они отождествляли себя с СССР в целом и с малой родиной, родным городом или сельской местностью.

стью, а не с РСФСР или Российской Федерацией. (Нерусские, напротив, как правило, ассоциировали себя с конкретной республикой.) Русские также были более склонны определять себя в противопоставлении «другим», будь эти «другие» евреями, мусульманами или «Западом». Государство они рассматривали в патерналистском духе, считая, что оно должно всем предоставлять социальные и экономические блага и в случае необходимости обеспечивать защиту. В их представлении государство должно быть иерархическим, скажем, в том, что касается доступа к информации и социальным благам, но иерархия для них являлась моральной категорией, и они не соглашались признавать за кем бы то ни было «незаслуженный» более высокий статус. Русские продолжали ценить «простоту», считая, что людям не следует стремиться больше, чем к удовлетворению основных потребностей. Поразительно, но исследование не обнаружило очевидных признаков «коллективизма», даже несмотря на то что многие русские считали себя ориентированными скорее на коллективное, нежели на индивидуальное. Левада сделал вывод, что Советское государство мешало формированию социальных объединений и «атомизировало» общество⁶³.

Разномыслия и неопределенность, которыми характеризовался процесс формирования постсоветской России, скоро проявились в выборе символов для нового государства. Трудности вызвал даже сам выбор официального названия: депутаты в конечном итоге остановились на названии Российская Федерация (Россия) — неуклюжем образовании, которое наводило на мысль, что Федерация — это не совсем Россия. Не было принято никакого закона, запрещающего советскую символику, и Российская армия продолжала маршировать под красным знаменем, впрочем, без серпа и молота. Многие русские, в том числе и Ельцин, полагали, что пора вынести Ленина из Мавзолея и провести его нормальное захоронение, но Ельцин этого не сделал, потому что знал, что такой шаг нанесет смертельную обиду коммунистам, составлявшим значительную долю электората. Таким образом, символическое отделение от СССР так и не состоялось. В качестве нового национального флага выбрали бело-сине-красный, но лишь преодолев сопротивление тех, кто связывал его с царским режимом, при котором это был символ торгового флота, или, что еще хуже, с власовским антисоветским движением. Принятие имперского двуглавого орла со святым Георгием, пронзающим копьем дракона, в качестве национального герба, вызвало еще больше споров, так как это был не только царистский, но и сугубо православный символ⁶⁴.

Еще больше споров вызвал национальный гимн. Ельцин отказался от советского гимна и утвердил в этом качестве мелодию композитора XIX в. М.И. Глинки; гимн, однако, остался без слов, потому что Дума так и не утвердила его. На Олимпийских играх 2000 г. российские спортсмены жаловались, что, стоя на подиуме победителей, они попадали в глупое положение, в отличие от спортсменов любой другой страны, не имея слов гимна, когда его играли в их честь. Новый президент Владимир Путин принял важное символическое решение вернуть советский гимн с новыми словами, написанными престарелым поэтом Сергеем Михалковым, который, по невероятной иронии судьбы, 50 лет назад сочинил первый текст советского гимна⁶⁵. Этот компромисс, как кажется, прекрасно отражает двойственную идентичность России, связанной с Советским Союзом и в то же время отказавшейся от него.

18 июля 1998 г. в соборе Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге произошла знаменательная церемония. Здесь, наконец, ровно через 80 лет после зверского расстрела в доме Ипатьева Николая II и его семьи нашли упокоение их останки, найденные в лесу к северу от Екатеринбурга и идентифицированные с помощью анализа ДНК. Захоронение сопровождалось церковной службой, которую провел священник местного прихода. Самое поразительное было то, что отсутствием блистал почти весь российский политический истеблишмент. Службу бойкотировало все коммунистическое и националистическое крыло Государственной думы, не было там и патриарха, и иерархов православной церкви, даже президент Ельцин только в самый последний момент принял решение присутствовать. То, что могло стать моментом национального примирения и согласия относительно, по крайней мере, одной из величайших русских трагедий, сделалось еще одним символом разногласий, которые по-прежнему разделяли русских по фундаментальному вопросу их национальной идентичности. Многие коммунисты не желали отдавать почестей императорской семье ни в какой форме. Другие воздерживались от участия, так как считали, что Николай II был убит в результате «еврейско-масонского» заговора, а тела затем были тайно сожжены. Для тех, кто поддерживал эту версию, «убийство царской семьи — это самое ужасное и зловещее преступление XX века. Вот где нужно искать происхождение величайших катастроф нашей страны и всего мира, большевизма и фашизма, массовых убийств... Система Гулага началась в доме Ипатьева, а без Гулага невозможно понять гитлеровские лагеря»⁶⁶.

Этой точки зрения придерживались не все православные священники, но достаточное их число, чтобы церковная иерархия раскололась и не дала возможности присутствовать на церемонии ни одному из епископов. Так тени великой битвы между добром и злом продолжали довлеть над молодым русским национальным государством.

Сегодня идентичность России все еще не устоялась. И она вполне может принять одну из нескольких форм⁶⁷. Однако они сводятся к двум фундаментальным альтернативам: она может стать русским национальным государством или остаться империей в измененном виде. В первом случае Россия принимает свой статус как одно из большого числа национальных государств в мире, с особой миссией — говорить от лица русских, где бы они ни были. Во втором случае она пытается сохранить свою роль великой державы с доминирующими интересами на территории бывшего Советского Союза и оставляет за собой мессианские идеи для всего мира.

До сих пор Россия колеблется между этими двумя концепциями. Она приняла распад Советского Союза, вместе с существованием отдельного украинского национального государства (проглотить такую пилюлю для русских дело трудное); она вывела войска из стран бывшего советского блока и бывших прибалтийских советских республик, с явной неохотой согласившись с тем, что Европейский союз и даже НАТО могут закрепиться в этих регионах. С другой стороны, она продолжает выполнять имперские обязательства и утверждать имперское влияние вокруг старого Советского Союза, включая оборону таджикской границы, продолжающееся военное присутствие в Молдавии, Центральной Азии и Закавказском регионе. В Чечне, как ни в каком ином месте, она вела себя самым властным имперским образом, навязывая военные, а не мирные решения сложных проблем, бомбардируя города и заставляя их жителей становиться беженцами. Проводя политику решения проблем силовыми методами, она обращалась с русскими, жившими в Чечне, так же жестоко, как с чеченцами. Как выразился один недавний комментатор: «Проблема Чечни лежит между двумя моделями российской государственности и, подобно гаечному ключу, брошенному в машину, препятствует столь необходимой переходной фазе»⁶⁸.

Из всех форм, которые может принять Россия, как представляется, скорее всего, возобладает модифицированная имперская идентичность. Угроза международного терроризма усилила эту тен-

денцию, поскольку убедительно оправдывает действия России за пределами своих границ, при неимении на то международного мандата, и ее очередное соревнование с Соединенными Штатами. Большинство русских признают, что Советский Союз уже не вернется, но верят, тем не менее, что Россия играет наднациональную роль на постсоветском пространстве, которое официально называется ближним зарубежьем, что подразумевает противопоставление дальнему зарубежью. Для постимперской державы совершенно нормально стремиться к продолжению контактов со своими бывшими колониями: у англичан до сих пор имеется их Содружество, у французов есть Ломейские конвенции. У России есть еще один мотив — беспокойство о стабильности и безопасности в пограничных с ней странах. Так что ее интерес к постсоветскому пространству вполне закономерен, даже если ее методы иной раз носят сомнительный характер. Ввиду приведенных соображений можно с вероятностью ожидать, что на определенное время Россия останется остаточной империей, а не национальным государством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия — труднейшая проблема для теоретиков национальной идентичности, особенно для полагающих, что нации представляют собой продукт модернизации обществ, т.е. таких как, например, Карл Дейч, Эрнест Геллнер или Джон Брюли¹. Они столкнулись с парадоксом — создается впечатление, что модернизация скорее замедлила, а не ускорила формирование статуса русской нации. Когда Петр Великий в начале XVIII в. сознательно проводил смелую модернизацию страны, он делал это, перенимая иностранную культуру и усиливая систему власти, которая опиралась на архаические социальные структуры «круговой поруки», а вовсе не на правовые институты².

Ныне представляется, что советский проект модернизации осуществлялся подобным же образом, с резким авторитарным креном и беспощадной настойчивостью, сопровождавшимися такими же результатами. По Брюли, нация — это «современное политическое и идеологическое образование, развившееся одновременно с появляющимся современным, имеющим собственную территорию, суверенным и единым государством»³. Кроме того, «процесс, создавший современную идею государства в его изначальной форме, дал начало также политической концепции нации». Причина заключается в том, что власть, которая необходима современному государству для эффективного управления, а именно — для обложения налогами, наборов в армию, обеспечения исполняемости законов, может быть обретена только «через процесс переговоров между правителем и политическим сообществом на основной территории, на которую распространяется власть правителя»⁴. Этот процесс не только усилил роль правителя, но также консолидировал политическое сообщество и придал ему более прочные формы, практически создав потенциальную нацию.

Однако в Советском Союзе все происходило совершенно по-иному. Несмотря на то что Советское государство взяло на себя и выполняло многие функции государства эпохи модерна, это не сформировало политическое сообщество. Коммунистическая партия функционировала в качестве замены такого сообщества, и власть осуществлялась по преимуществу сверху через личные ка-

налы. На нижних уровнях власти, на рабочих местах и в частной жизни (в коммунальных квартирах) социальные единицы воссоздавались, опираясь на архаичную практику «круговой поруки». Урбанизация в СССР на деле означала «одеревенщивание» городов. Рядовые граждане возлагали вполне оправданные надежды на иерархию отношений «патрон—клиент» и взаимовыручки, но не на институты и законы. Советский проект модернизации не стимулировал, а, скорее, затруднял формирование русской нации, особенно в плане вызревания гражданского общества.

Может показаться, что Советский Союз все-таки имел многие характерные черты современной нации: крупные промышленные города, массовую образовательную систему, разветвленную сеть коммуникаций и публичных средств массовой информации, а также всеобщую воинскую обязанность для молодых взрослых мужчин. Цементировалась эта система при помощи русского языка. Общая история, мифы и память, за которые отвечала система образования, были в основном русскими; Советское государство много делало также и для преодоления раскола между элитарной и народной русской культурой. Но создававшаяся таким путем нация не была «русской», это был «советский народ». Русские являлись носителями государственности Советского Союза, но вместе с тем это делало их анонимами. «Их» республика, РСФСР, была тихим и пребывающим в спячке гигантом, кричащей аномалией, которая, будучи разбуженной, обладала потенциалом, способным уничтожить Советский Союз.

Бенедикт Андерсон писал о «печатном капитализме» как важнейшей движущей силе, создающей нации⁵. В каком-то отношении «печатный социализм» действовал так же, но опять же — построенная таким путем «нация» была советской, а не русской. Правда, большую часть своей символики она позаимствовала из русской культуры, но в качестве инструмента советизации, а не как выражение растущего русского национального самосознания. Так или иначе, «печатный социализм» произвел на свет «деревянный язык», который был настолько далек от реальности, что, в сущности, препятствовал нормальной коммуникации. Вместо этого информация и мнения передавались преимущественно с помощью сплетен, слухов и анекдотов. Более того, советские власти так и не смогли нарисовать картину прошлого и написать о нем воспоминания, которые помогли бы советским народам (как русскому, так и всем остальным) почувствовать себя членами единого сообщества. Стро-

ительство нации, когда для этого подходило время, оборачивалось оппозицией советскому многонациональному сообществу, а поэтому, чаще всего, и против его главных носителей — русских.

Как бы там ни было, но Советский Союз оказался в определенном смысле по-настоящему русским. Большевизм возродил элементы уходящей в прошлое, в XVI в., и унаследованной от него системы русских мифов и символов, идею, что у России особая миссия в этом мире — жить праведно и распространять «правду» (т.е. истину и справедливость), которая основывалась на эгалитаризме и на скромном образе жизни простого трудового народа. Это была, если хотите, «круговая порука» в новом обличье. Подразумевалось, что в силу этой особой миссии на русских лежит долг попечения или защиты менее развитых народов, а также — они должны заступаться за всех бедных и угнетенных в развитом, или «капиталистическом», мире. Это было своего рода служение им, и это можно было бы назвать «бременем России». Такие взгляды являлись вполне совместимыми с советским коммунизмом, и он составлял практическую «рабочую идеологию» многих русских, взятую на вооружение Советским государством⁶.

Получается, что Советский Союз явил собой новый кризис русского мессианства. Это была форма государства, при которой русские на деле чувствовали себя избранным народом. Правда, сверхличной силой, определявшей этот выбор, теперь был не Бог, а сама история. Правда и то, что этот мессианский импульс создавали не только русские, в этом участвовали и евреи. В самом начале, на первых этапах развития и становления, Советский Союз был русско-еврейским предприятием, и позднее исключение евреев из списка награжденных серьезно изменило его природу.

Русские вошли в Советский Союз уже в состоянии, когда их собственная национальная идентичность распадалась на имперские и этнические элементы. Разделены были и те русские, которые слышали мессианский зов своей культуры, — на обоюдно враждебные православную и социалистические тенденции, обе из которых отчасти, но отнюдь не в полной мере, совпадали с крестьянскими воззрениями. Советский проект проводился не только *русскими*, но и *над* русскими, борьба за коммунизм велась правителями против управляемых, социалистами против христиан, горожанами против крестьян. Только во время Великой Отечественной войны русские с имперскими и националистическими, социалистическими и православными убеждениями воистину сплотились,

чтобы победить смертельно опасного внешнего врага. Война прошла, и они снова разбежались по своим углам.

В определенном смысле интернациональное мессианство было русской идеей. И все-таки оно противоречило потребностям и обычаям русского народа. Как выразился один современный ученый, «эксплуатация большевизмом русской мифосимволической системы имела двоякие последствия. С одной стороны, обеспечивалась убедительность коммунистической идеологии, задавалась грандиозная динамика во всех сферах жизни общества, получали легитимацию новые государственные и социально-политические институты. С другой стороны, разительное противоречие новой реальности этническим интересам русских в перспективе привело к ослаблению мобилизационных свойств советских мифологем и деградации имперской мифологии»⁷.

Противоречие усугубилось тем, как искоренялась и дробилась революцией и Гражданской войной историческая память русских в период между 1917 и 1921 гг. Был разрушен и дискредитирован краеугольный камень, скреплявший вместе национальную и имперскую Россию. Православная церковь выжила, но в искаленном виде, и находилась под постоянной угрозой, что закрывало ей возможности участвовать в социальной и культурной жизни русского народа. Средства массовой информации не давали своевременной, надежной и правдивой информации, и серьезные факты становились уделом сплетен и слухов. Попытки Советского государства создать новые ритуалы и церемонии отчасти удались, но они не компенсировали утраты органической связи с прошлым.

Победа во Второй мировой войне восстановила для русских, как «первой среди равных» советской национальности, чувство национальной гордости. Она также дала героический материал и набор убедительных символов, чтобы связать с ними русское национальное самосознание и советское гражданство. И в то же время обращение режима с перемещенными лицами при их возвращении на родину, жестокие социальные реформы в новых республиках на западном пограничье, депортации целых народов и антисемитские кампании одновременно и ослабляли русское национальное чувство, и подрывали лидерство русских в Советском Союзе.

Во второй половине существования Советского Союза мессианское начало приняло новые формы. Отчасти оно обратилось в прошлое, сосредоточившись на «Великой Победе». В своем отно-

шении к будущему оно кристаллизовалось вокруг амбиций стать великой мировой державой, сравняться с США и занять место лидера народов, отвергнувших американский вариант капитализма и демократии. Соединенные Штаты всегда пьянили мозги советских идеалистов. Теперь они стали Великим «Другим», примером для подражания и объектом ненависти одновременно.

Гигантские усилия по мобилизации, особенно военной мобилизации, без которых нельзя было поддерживать эти амбиции, обратили СССР в милитаризованное общество, ресурсы которого направлены целиком на первоочередные потребности вооруженных сил, и большая часть работающих была прямо или косвенно связана с ВПК. Люди жили тесно, но в пригодных для жизни, вновь отстроенных многоэтажках. Их труд плохо оплачивался, а получение большей части необходимых товаров, социально-культурного и бытового обслуживания зависело от места работы. Все молодые люди, в принципе, должны были отслужить в армии, и офицеры вооруженных сил пользовались в народе особым уважением. Простые люди ворчали по поводу взваленного на них тяжелого бремени и часто жаловались на плохие жилищные условия, но ценили основные услуги, которые предоставляло им социалистическое государство, и гордились статусом великой державы, который их страна все-таки имела, хотя в полной мере они осознали это только тогда, когда этот статус был утерян.

Оборонная мобилизация была осуществлена за счет всех остальных сторон жизни общества, особенно в трех славянских республиках. Пришли в упадок деревни и малые города России, Белоруссии и Украины, особенно расположенные в нечерноземной зоне; они стали одними из самых обнищавших областей всего Советского Союза, покинутые всеми, кто мог выбрать себе иное место жительства. Таким образом, содержание неороссийской империи означало забвение сердцевины коренной России. Точно так же непрекращавшаяся проповедь интернационалистической идеологии социализма вела к жесткой регламентации существования православной церкви и надзору за ее деятельностью, преследованию древней и укоренившейся в русском народе религиозной веры. Более того, постепенно становилось ясно, что урбанизированный и милитаризованный образ жизни республик, составлявших ядро Советского Союза, вел к падению рождаемости среди славянских народов.

Вдвойне тягостным для интеллигенции и работников творческих профессий было господство номенклатуры, на котором дер-

жался и статус великой державы. Идеологическая система отводила интеллигенции особый статус, но она же накладывала на нее такие формы самоконтроля, которые жестко ограничивали ее свободу мысли и творчества. В наибольшей степени это относилось к ученым-естественникам и «работникам культуры», т.е. людям искусства и литературы. Они-то и изобрели тот растворитель, который в конце концов развел цемент советской системы. Брошенный ими советским институтам и установкам вызов стал жестоким ударом, так как его наносили из самой глубины русской системы ценностей, которую долгое время презирало и изничтожало Советское государство. Он откликнулся в сердцах русских и вызвал доверие к себе, благодаря тому, что они фактически в равной степени с другими советскими народами вынесли при Сталине, и тому, что преступления прошлого так и не были по-настоящему разоблачены и за них никто не понес наказания.

Кончилось тем, что русские сами разрушили Советский Союз, не потому, что желали того (к этому стремились очень немногие из них), а потому, что к этому привела логика положения их республики в институциональной структуре Советской империи. По мере того как она набирала все больше реальных полномочий в годы перестройки, ее аномальную позицию использовали либералы — для ослабления чрезмерно централизованных КПСС и Советского государства, а консерваторы и русские националисты — для наступления на Горбачёва. Они не сходились ни в каких других пунктах, но, поскольку и для тех, и для других РСФСР была тактическим инструментом, они, не сговариваясь, объединились в победоносный альянс, чтобы подорвать СССР.

Большинство русских согласится с тем, что распад Советского Союза был катастрофой — и не потому, что они являются закоренелыми сталинистами, а потому, что это была «их» страна. В отличие от других советских национальностей «независимость» они переживали не как освобождение, а как утрату. Сейчас они строят национальное государство, появления которого желали лишь немногие из них. Впрочем, у них нет выбора. Как сказал президент Путин: «У того, кто не сожалеет о развале Советского Союза, нет сердца. А у того, кто хочет возродить его в прежней форме, нет головы»⁸.

Русские по-прежнему обладают колоссальными ресурсами — экономическими, политическими и культурными, годными прежде всего для того, чтобы вложить их в это нежеланное предприятие по

строительству национального государства. Они начинают формировать из советского и постсоветского прошлого целостное самосознание и институты современной нации. И все же из-за того, что над ними так сильно довлеет имперское и мессианское прошлое, многое из того, что они создают, самим русским видится временным и негодным. Подобно англичанам, они утратили империю и все еще не нашли своей роли вне ее. Пройдет еще немало времени, прежде чем русские смогут с уверенностью сказать, каким обществом стала Россия.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ См. мою ст. «Русский крестьянин возвращается: “Деревенская проза” 1960-х гг.» (*Hosking G. The Russian Peasant Rediscovered: “Village Prose” in 1960s’ // Slavic Review. 1972. Vol. 32. P. 705—724*) и кн. «За пределами социалистического реализма: советская литература после Ивана Денисовича» (*Idem. Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. New York: Holms and Meier, 1980*).

ВВЕДЕНИЕ

¹ *Zhirinovskiy V. My Struggle: The Explosive Views of Russia’s most Controversial Political Figure. New York: Barricade Books, 1996. P. 15, 17 [см.: Журиновский В.В. [Избранное]: В 3 т. М., 1997].*

² *Ethnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance / Ed. E. Allworth. New York: Pergamon, 1980. P. 156.*

³ *Кантор И. Аше забуду тебя, Иерусалим // Вестник русского христианского движения. 1985. № 144. С. 209—210.*

⁴ *Ратушинская И. Стихи. Ann Arbor: Ermitage, 1984. С. 9—12, 22.*

⁵ Из недавних исследований о подобных группах см.: *Rethinking Ethnicity: Majority Groups and Dominant Minorities / Ed. E. Hofmann. London: Routledge, 2004.*

⁶ *Longley C. Chosen People: The Big Idea that Shaped England and America. London: Hodder and Stoughton, 2002.*

⁷ *Smith A.D. Ethnic Election and National Destiny: Some Religious Origins of Nationalist Ideals // Nations and Nationalism. 1999. No. 5. Part 3. P. 332, 335—336. См. также: Idem. Myth and Memories of the Nation. Oxford: Oxford University Press, 1999. Ch. 4.*

⁸ *Smith A.D. Ethnic Election and National Destiny. P. 336—337.*

⁹ *Kumar K. The Making of English National Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 31, 34. Кумар сравнивает английский, австрийский, османский и русский типы самосознания в ст.: Idem. Nation and Empire: English and British National Identity in Comparative Perspective // Theory and Society. 2000. Vol. 29. No. 5. P. 575—608.*

¹⁰ *Smith A.D. Chosen Peoples: Sacred Sources of National Identity. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 96.*

¹¹ *Kaufmann E.P.* Dominant Ethnicity: From Background to Foreground // Rethinking Ethnicity / Ed. E. Hofmann. P. 1—14.

¹² *Бердяев Н.А.* Русская идея. Париж: YMCA-Press, 1946. С. 12.

¹³ Там же. С. 250—251.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ Эта точка зрения более подробно представлена в моей книге «Russia: People and Empire, 1552—1917» (Cambridge, Mass.: Harvard University press, 1997) [см. пер.: *Хоскинг Д.* Россия: народ и империя (1552—1917). Смоленск: Русич, 2000].

¹⁶ Об этом более подробно см. в кн.: *McDaniel T.* The Agony of the Russian Idea. Princeton: Princeton University press, 1996. P. 24—29.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАРКСИЗМ И КРИЗИС РУССКОГО МЕССИАНСТВА

¹ Эти вопросы более полно рассмотрены в моей кн.: *Hosking G.* Russia: People and Empire, 1552—1917. Cambridge, Mass.: Harvard University press, 1997. P. 5—8, 64—74.

² *Hastings A.* The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge: Cambridge University press, 1997. Ch. 1.

³ *Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe, 900—1300. Oxford: Clarendon Press, 1984. P. 115—116, 149; *Root H.L.* Peasants and King in Burgundy: Agrarian Foundation of French Absolutism. Berkeley: University of California Press, 1987.

⁴ *Blum J.* The Internal Structure and Polity of the European Village Community from the Fifteenth to the Nineteenth Century // Journal of Modern History. 1971. Vol. 43. P. 543—576.

⁵ *Dewey H., Kleimola A.* From Kinship Group to Every Man His Brother's Keeper: Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1982. Vol. 30. S. 321—335.

⁶ *Czap P.* Peasant Class Courts and Peasant Customary Justice in Russia, 1861—1912 // Journal of Social History. 1967. Vol. 1. P. 149—178; *Данилова В.Л., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие в России (XIX—XX вв.) / Ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. М.: Росспэн, 1996. С. 22—39; *Прокофьева Л.С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Л.: Наука, 1981. Гл. 4.

⁷ *Даль В.И.* Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. М.: Художественная литература, 1984. С. 22, 26.

⁸ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. С. 330; *Dennison T.K., Carus W.W.* The Invention

of the Russian Rural Commune: Haxthausen and the Evidence // *Historical Journal*. 2003. Vol. 46. P. 561—582. Авторы утверждают, что русские крестьяне далеко не всегда думали и действовали так эгалитарно, в духе коллективизма, как обычно считается. Тем не менее их статья уверенно подтверждает противоположное на примере отдельной деревни и анализирует больше действия, чем отношения или настроения.

⁹ *Данилова В.Л., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община; *Милов Л.В.* Великокорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М.: Росспэн, 1998. С. 418—423.

¹⁰ *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М.: Наука, 1986. Гл. 1.

¹¹ *Frierson C.A.* Razdel: The Peasant Family Divided // *Russian Review*. 1987. Vol. 46. P. 35—51; *Worobec C.D.* Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton: Princeton University Press, 1991. Ch. 6.

¹² *Robinson G.T.* Rural Russia under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. New York: The Macmillan Company, 1932. P. 34—35; *Edelman R.* Proletarian Peasants: The Revolution of 1905 in Russia's Southwest. Ithaca: Cornell University Press, 1987. P. 61—62.

¹³ *Kappeler A.* The Ukrainians of the Russian Empire, 1860—1914 // *The Formation of National Elites* / Ed. A. Kappeler. New York: New York University Press, 1992. P. 106; *Zaprudnik J.* Belarus: At a Crossroads in History. Boulder, Colo.: Westview Press, 1993. P. 62.

¹⁴ *Miller A.* Shaping Russian and Ukrainian Identities in the Russian Empire during the Nineteenth Century: Some Methodological Remarks // *Jahrbücher für Osteuropäische Geschichte*. 2001. Vol. 49. S. 257.

¹⁵ *Лемке М.К.* Эпоха цензурных реформ, 1859—1865. СПб., 1904. С. 303; *Saunders D.* Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863 // *International History Review*. 1995. Vol. 57. P. 31.

¹⁶ *Zaprudnik J.* Belarus. P. 63—65.

¹⁷ *Kappeler A.* The Ukrainians of the Russian Empire. P. 105—131.

¹⁸ *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana University Press, 1999. P. 165—168.

¹⁹ *Hagen M., von.* The Great War and the Mobilization of Ethnicity // *The Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building* / Eds. B.R. Rubin, J. Snyder. London: Routledge, 1998. P. 34—57.

²⁰ *Stoiko W.* Ukrainian National Aspirations and the Russian Provisional Government // *The Ukraine, 1917—1921: A Study in Revolution* / Ed. T. Hunczak. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977. P. 4—32.

²¹ *Eley G.* Remapping the Nation: War, Revolutionary Upheaval and State Formation in Eastern Europe, 1914—1923 // *Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective* / Eds. P.J. Potichnyj, H. Aster. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, 1988. P. 240.

²² *Guthier S.L.* The Popular Base of Ukrainian Nationalism in 1917 // *Slavic Review*. 1979. Vol. 38. P. 30—47; *Wilson A.* Ukraine: Between Eurasia and the West // *Europe and Ethnicity: World War I and Contemporary Ethnic Conflict* / Eds. S. Dunn, T.G. Fraser. London: Routledge, 1996. P. 110—137.

²³ *Zaprudnik J.* Belarus. P. 63—65; *Vakar N.P.* Belorussia: The Making of a Nation. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956. P. 87—92; *Guthier S.L.* The Belorussians: National Identification and Assimilation, 1897—1970 // *Soviet Studies*. 1977. Vol. 19. P. 37—61; *Wilson A.* Myths of National History in Belarus and Ukraine // *Myths and Nationhood* / Eds. G. Hosking, G. Schöpflin. New York: Routledge, 1997. P. 186—194; *Ioffe G.* Understanding Belarus: Belarusian Identity // *Europe-Asia Studies*. 2003. P. 1241—1249.

²⁴ *Service R.* Lenin: A Political Life. Basingstoke, England: Macmillan, 1995. Vol. 3: The Iron Ring. P. 92—94.

²⁵ *Hosking G.* Russia: People and Empire. P. 271—275.

²⁶ *Riasanovsky N.* Russia and the West in the Teachings of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952. P. 135.

²⁷ *Hosking G.* Russia: People and Empire. Part 4. Ch. 2.

²⁸ *Bergman J.* The Image of Jesus in the Russian Revolutionary Movement: The Case of Marxism // *International Review of Social History*. 1990. Vol. 35. P. 223—224.

²⁹ Karl Marx: Selected Writings // Ed. D. McLellan. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 576—577.

³⁰ *Duncan P.J.S.* Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London: Routledge, 2000. P. 50.

³¹ *Haberer E.* Jews and Revolution in Nineteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 253—272, цитаты на с. 270, 260.

³² *Duncan P.J.S.* Russian Messianism. P. 51; *Knei-Paz B.* The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford: Clarendon Press, 1978. Ch. 4. P. 308—310.

³³ *Field D.* Peasants and Propagandists in the Russian Movement to the People of 1874 // *Journal of Modern History*. 1987. Vol. 59. P. 415—438.

³⁴ *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX века — 1917 год). М.: Наука, 1965. С. 39—49; *Панченко А.А.* Христовщина и скобчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. Гл. 2—3.

³⁵ *Пругавин А.С.* Старообрядчество во второй половине XIX века. М., 1904. С. 7—23; *Robson R.R.* Old Believers in Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995. P. 20—21.

³⁶ *Conybeare F.C.* Russian Dissenters. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1921. P. 245.

³⁷ *Кельсиев В.И.* Исповедь // *Литературное наследство*. 1941. № 41/42. С. 319.

³⁸ *Pascal P.* The Religion of the Russian People / Trans. R. Williams. London: Mowbrays, 1976; *Панченко А.А.* Народное православие. СПб.: Алетейя, 1998. Гл. 2.

³⁹ *Shevzov V.* Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2004.

⁴⁰ *Meyendorff J.* Russian Bishops and Church Reform in 1905 // Russian Orthodoxy under the Old Regime / Eds. R.L. Nichols, T.G. Stavrou. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1978. P. 170—182.

⁴¹ *Cunningham J.Y.* A Vanquished Hope: The Movement for Church Renewal at Russia, 1905—1906. Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1981. P. 133—162.

⁴² *Roslof E.E.* Red Priests: Renovationism, Russian Orthodoxy, and Revolution, 1905—1946. Bloomington: Indiana University Press, 2002. P. 7.

⁴³ *Hosking G.* Russia and the Russians: A History. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 381—382.

⁴⁴ *Иоанн (Восторгов), прот.* Речь в день празднования Казанской иконы Божьей Матери. М., 1909. С. 4—6.

⁴⁵ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 41.

⁴⁶ Цит. по: Там же. Л., 1983. Т. 25. С. 17.

⁴⁷ Цит. по: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год, апрель // Там же. С. 100.

⁴⁸ Цит. по: Там же. С. 85.

⁴⁹ *Goldstein D.I.* Dostoevsky and the Jews. Austin: University of Texas Press, 1981. P. 160—163.

⁵⁰ *Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian monarchy. Princeton: Princeton University Press, 1995. Vol. 1. P. 49—50 [см. пер.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1].

⁵¹ Это моя интерпретация, но она основывается на работе: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости / Ред. Б.А. Успенский. М.: Наука, 1987. С. 47—153.

⁵² *Ascher A.* The Revolution of 1905. Stanford: Stanford University Press, 1988. Vol. 1: Russia in Disarray. P. 164.

⁵³ *Steinberg M.D.* Workers on the Cross: Religious Imagination in the Writings of Russian Workers, 1910—1924 // Russian Review. 1994. Vol. 53. P. 213—239, цитаты на с. 220, 223.

⁵⁴ *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания российского крестьянства, 1905—1907 гг. М.: ИРИ РАН, 1994. С. 133.

⁵⁵ *Anweiler O.* The Soviets: The Russian Workers', Peasants', and Soldiers' Councils, 1905—1921. New York: Pantheon Books, 1974. P. 40—43, 51—55.

⁵⁶ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. Ch. 1.

⁵⁷ *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton: Princeton University Press, 1974. P. 142—144, 170—175; *Radkey O.H.* The Agrarian Foes of Bolshevism. New York: Columbia University Press, 1958. P. 274—278, 473—484.

⁵⁸ *Channon J.* The Bolsheviks and the Peasantry: The Land Question during the First Eight Months of Soviet Rule // *Slavonic and East European Review*. 1988. Vol. 66. P. 593—624.

⁵⁹ *Hosking G.* Russia: People and Empire. Part 4. Ch. 6. Наилучший общий очерк событий революции 1917 г. см.: *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891—1924. London: Jonathan Cape, 1996.

⁶⁰ *Ibid.* P. 523—524, 529.

⁶¹ *Паустовский К.* История жизни // *In That Dawn*. London: Harvill Press, 1967. Vol. 33. P. 18.

⁶² *Figes O.* A People's Tragedy. P. 531—532, 462—463.

⁶³ *Маляевский А.Д.* Крестьянское движение в России в 1917 году, март—октябрь. М.: Наука, 1981. С. 343—346.

⁶⁴ *Копелев Л.* И сотворил себе кумира. Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1978. P. 112.

⁶⁵ Этот взгляд на революцию хорошо представлен и обоснован в кн.: *Figes O.* A People's Tragedy.

⁶⁶ *Блок А.* Полное собрание сочинений и писем. М.: Наука, 1999. Т. 5. С. 20.

⁶⁷ *Рутан А.* The Life of Alexander Blok. Oxford: Oxford University Press, 1980. Vol. 2. P. 365; *Garrard J.* The Twelve: Blok's Apocalypse // *Religion and Literature*. 2003. Vol. 35. No. 1. P. 45—72.

⁶⁸ *Луначарский А.* Революция и искусство // Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1963—1968. Т. 7. С. 484.

⁶⁹ *Луначарский А.* Новый русский человек // Там же. С. 303—308.

⁷⁰ *Kenez P.* A Profile of the Pre-Revolutionary Russian Officer Corps // *California Slavic Studies*. 1973. No. 7. P. 121—158.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

¹ *Walicki A.* Marxism and the Leap to the kingdom of Freedom. Stanford: Stanford University Press, 1995. Ch. 4: «Leninism: From Scientific Socialism to Totalitarian Communism».

² *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 35. С. 67. (Далее — ПСС).

³ *Walicki A.* Marxism and the Leap to the kingdom of Freedom. P. 361.

⁴ *Buharin N., Preobrazhensky E.* The ABC of Communism. A Popular Explanation of the Program of the Communist Party of Russia / Trans. E. Paul, C. Poul. London: Communist Party of Great Britain, 1922. P. 69—75, цитата на с. 72 [см.: *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма: популярное объяснение программы РКП(б). М., 1919].

⁵ *Ibid.* P. 198, 203, 200.

⁶ *Ibid.* P. 140.

⁷ *Trotsky L.* Literature and Revolution. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. P. 256 [см.: *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М.: Политиздат, 1991].

⁸ The Communist International, 1919—1946. Documents / Ed. J. Degras. London: London University Press, 1965. Vol. 1. P. 43, 46; *Ulam A.* Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy, 1917—1967. New York: Praeger, 1968. P. 115—116.

⁹ *Viola L.* Peasant Rebels under Stalin: Collectivisation and Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996 [см. пер.: *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Росспэн, 2010].

¹⁰ *Goldman E.* My Disillusionment in Russia. London: Heineman, 1923. P. 11—12.

¹¹ *Browert D.R.* The City in Danger: The Civil War and Russian Urban Population // Party, State and Society in Russian Civil War: Exploration in Social History / Eds. D.P. Koenker, W.G. Rosenberg, R.G. Suny. Bloomington: Indiana University Press, 1989. P. 75.

¹² *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891—1924. London: Jonathan Cape, 1996. P. 603.

¹³ *Пришвин М.М.* Дневники, 1918—1919. М. Московский рабочий, 1994. С. 169.

¹⁴ Time of Troubles: The Diary of Iurii Vladimirovich / Trans., ed. and introduction by T. Emmons. London: I.B. Tauris and Co., 1988. P. 233.

¹⁵ *Volkonskaia S.* The Way of Bitterness // In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War / Eds. S. Fitzpatrick, I. Slezkin. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 156.

¹⁶ Time of Troubles: The Diary of Iurii Vladimirovich. P. 246—248, 262, 269, 258.

¹⁷ *Бемпо (Betreaux) Д.* Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации // Судьбы людей: Россия XX век. Биография семьи как объект социологического исследования / Ред. Д. Семенова, Е. Фотеева. М.: ИС РАН, 1996. С. 213—214.

¹⁸ Цит. по: *Нарский И.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917—1922 гг. М.: Росспэн, 2001. С. 392.

- ¹⁹ *Figes O.* People's Tragedy. P. 529.
- ²⁰ *Goldman E.* My Disillusionment in Russia. P. 16—17.
- ²¹ *Figes O.* A People Tragedy. P. 610—611.
- ²² О городах в период Гражданской войны см.: *Browert D.R.* The City in Danger. P. 58—80.
- ²³ Цит. по: *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. С. 261—262.
- ²⁴ Там же. С. 231.
- ²⁵ Там же. С. 281.
- ²⁶ *Lih L.* Bread and Authority in Russia, 1914—1921. Berkeley: Berkeley University Press, 1990. P. 135.
- ²⁷ Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (далее — БРЗ). Ф. Р-243 (Кудерина-Насонова). Л. 57—58.
- ²⁸ *Figes O.* People's Tragedy. P. 524; *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 204.
- ²⁹ *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. С. 235—236.
- ³⁰ Население России в XX веке: Исторические очерки. М.: Росспэн, 2000. Т. 1 (1900—1939). С. 78—81. См. также: *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. С. 92—128.
- ³¹ Население России в XX веке. С. 95—96.
- ³² Там же. С. 105—106, 113.
- ³³ *Evans-Clements B.* The Effects of Civil War on Women and Family Relations // Party, State and Society in Russian Civil War / Eds. D.P. Koenker et al. P. 105—122.
- ³⁴ *Misztal B.* Trust in Modern Societies. London: Polity Press, 1996. P. 139.
- ³⁵ *Halbwachs M.* On Collective Memory / Ed., trans. and introduction L.A. Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 40; *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in Frühen Hochkulturen. Munich: Verlag C.H. Beck, 1992. S. 35—49.
- ³⁶ *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. S. 77.
- ³⁷ *Misztal B.* Trust in Modern Societies. P. 195.
- ³⁸ *Neubauer H.-J.* The Rumour: A Cultural History / Trans. C. Braun. London: Free Association Books, 1999. P. 90.
- ³⁹ *Ibid.* P. 116; *Fukuyama F.* The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. London: Profile Books, 1999. Ch. 9 [см. пер.: *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М.: АСТ, 2008].
- ⁴⁰ *Neubauer H.-J.* The Rumour: A Cultural History. P. 94—101.
- ⁴¹ *Scott J.C.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 144.
- ⁴² *Mandelstam N.* Hope Abandoned / Trans. M. Hayward. Harmondsworth: Penguin Books, 1976. P. 20 [см.: *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М., 2006].

⁴³ *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905—1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.

⁴⁴ *Ibid.* Ch. 4—5. P. 122—131; *Дубровская Е.* Школа мужества — формирование новых ценностей в армейской и флотской среде в 1920-е годы // *Нормы и ценности в повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России в 1920—1930-е годы.* СПб.: Ин-т Финляндии, 2000. С. 317—346.

⁴⁵ *Plaggenborg S.* Gewalt und Militanz in Sowjetrußland, 1917—1930 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1996. Vol. 44. S. 409—429.

⁴⁶ *Fitzpatrick S.* The Legacy of the Civil War // *Party, State and Society in Russian Civil War* / Eds. D.P. Koenker et al. P. 385—398; *Naiman E.* Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton: Princeton University Press, 1997.

⁴⁷ *Easter G.M.* Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

⁴⁸ *Fitzpatrick S.* The Legacy of the Civil War. P. 385—398, 393.

⁴⁹ *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation. P. 207.

⁵⁰ *Figes O.* People's Tragedy. P. 696—699.

⁵¹ *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation. P. 82—91.

⁵² *Holquist P.* 'Information Is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *Journal of Modern History.* 1997. Vol. 69. P. 415—450, 419 [см. пер.: *Холквист П.* «Осведомление — это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период* / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 45—93].

⁵³ *Ibid.* P. 422, 431.

⁵⁴ *Holquist P.* What Is So Revolutionary about the Russian Revolution? State Practices and New-Style Politics, 1914—1921 // *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / Eds. D.L. Hoffmann, Y. Kotsonis. London: Macmillan, 2000. P. 87—111.

⁵⁵ *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilisation, 1917—1929. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 253.

⁵⁶ *Halfin I.* From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. Ch. 4. P. 156.

⁵⁷ *Ibid.* P. 286—287.

⁵⁸ *Figes O.* People's Tragedy. P. 756.

⁵⁹ *Radkey O.H.* The Unknown Civil War in Soviet Russia: A Study of the Green Movement in Tambov Region, 1920—1921. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1976.

- ⁶⁰ *Aves J.* Workers against Lenin: Labour Protest and the Bolshevik Dictatorship. London: Tauris, 1996. P. 112—130.
- ⁶¹ *Figes O.* People's Tragedy. P. 761.
- ⁶² Кронштадт 1921 (Россия XX век: исследования). М.: Международный фонд «Демократия», 1997. С. 50—51.
- ⁶³ Десятый съезд РКП(б), март 1921 года. М.: Политиздат, 1963. С. 34.
- ⁶⁴ *Roslof E.E.* Red Priests: Renovationism, Russian Orthodoxy, and Revolution, 1905—1946. Bloomington: Indiana University Press, 2002. P. 20.
- ⁶⁵ *Andersen P.B.* People, Church and State in Modern Russia. 2nd ed. London: SCM Press, 1944. P. 53—55.
- ⁶⁶ *Ibid.* P. 59—60.
- ⁶⁷ *Roslof E.E.* Red Priests. P. 47.
- ⁶⁸ *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Kunsnacht: Glaube in der Dritten Welt, 1978. Т. 1. С. 11—14.
- ⁶⁹ *Service R.* Lenin: A Political Life. London: Macmillan, 1995. Vol. 3. P. 26.
- ⁷⁰ РБЗ. Ф. Р-254 (Соколов Василий Иванович). Л. 97—101.
- ⁷¹ *Freeze G.* Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response To Religious Innovations. 1922—1925 // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. P. 305—309.
- ⁷² *Roslof E.E.* Red Priests. P. 63, 147, 152—153, 163, 147, 152—153.
- ⁷³ *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. С. 180—181.
- ⁷⁴ *Roslof E.E.* Red Priests. P. 33.
- ⁷⁵ Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917—1941: документы и фотографии. М.: Библиейско-Богословский ин-т, 1996. С. 203—206. Полный текст документа см. на с. 224—228.
- ⁷⁶ *Шкаровский М.* Иосифлянство: течение в русской православной церкви. М.: Мемориал, 1999. С. 12—13, 15—16, 19.
- ⁷⁷ Там же. С. 15—16.
- ⁷⁸ *Pospelovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982. New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. Vol. 1. P. 164—166.
- ⁷⁹ *Николай (Балаиов), прот.* На пути к литургическому возрождению. М.: Духовная б-ка, 2001. С. 204.
- ⁸⁰ Перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М.: Наука, 1991. С. 106—107.
- ⁸¹ *Sochor Z.A.* Revolution and Culture: The Bogdanov—Lenin Contrvrsy. Ithaca: Cornell University Press, 1988.
- ⁸² *Mally L.* Culture of the Future: The *Proletkult* Movement in Revolutionary Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1990. P. 131.
- ⁸³ *Ibid.* P. 140.
- ⁸⁴ *Фарбер Л.М.* Советская литература первых лет революции, 1917—1920. М.: Высшая школа, 1966, С. 81.

⁸⁵ *Geldern J., von.* Bolshevik Festivals, 1917—1920. Berkeley: University of California Press, 1993. P. 82—85, 122—125.

⁸⁶ *Ibid.* P. 156—162, 180—187, 200—207.

⁸⁷ *Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989. P. 94—95.

⁸⁸ *Ibid.* P. 76—78.

⁸⁹ *Figes O.* People's Tragedy. P. 606—607.

⁹⁰ *Mally L.* Culture of the Future. Ch. 7.

⁹¹ *Stites R.* Revolutionary Dreams. P. 86—87.

⁹² *Tumarkin N.* Lenin Lives: The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. P. 178—182; *Bergman J.* The Image of Jesus in the Russian Revolutionary Movement: The Case of Marxism // *International Review of Social History.* 1990. Vol. 35. P. 242.

⁹³ *Tumarkin N.* Lenin Lives. Ch. 6.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РУССКИЕ И СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

¹ *Авторханов А.Г.* Мемуары. Frankfurt; М.: Посев, 1983. С. 71—83.

² Там же. С. 83.

³ *Buharin N., Preobrazhensky E.* The ABC of Communism. A Popular Explanation of the Program of the Communist Party of Russia / Trans. E. Paul, C. Poul. London: Communist Party of Great Britain, 1922. P. 201.

⁴ *Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В.* Русский народ в национальной политике: XX век. М.: Русский мир, 1998. С. 87; *Knei-Paz B.* The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford: Clarendon Press, 1978. P. 536.

⁵ *Holdsworth M.* Lenin and the Nationalities Question // *Lenin: The Man, the Theorist, the Leader — A Reappraisal* / Eds. L. Schapiro, P. Reddaway. London: Pall Mall Press, 1967. P. 265—294, 287.

⁶ *Вдовин А.И. и др.* Русский народ в национальной политике. С. 103.

⁷ Там же. С. 91.

⁸ *Holdsworth M.* Lenin and the Nationalities Question. P. 292.

⁹ *Service R.* Lenin: A Political Life. London: Macmillan, 1995. Vol. 3: The Iron Ring. P. 92—97; *Ree E. van.* Stalin and the National Question // *Revolutionary Russia.* 1994. No. 7. P. 214—238.

¹⁰ Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы. Документы и материалы. М.: Наука, 1992. С. 114.

¹¹ *Simon G.* Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union. Boulder, Colo.: Westview Press, 1991. P. 415.

¹² *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917—1923. London: Macmillan, 1999. P. 26.

¹³ *Ibid.* Ch. 4; *Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame. London: Sage, 1997. Ch. 2; *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. Ch. 1.

¹⁴ *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question. P. 30—34, 40—41.

¹⁵ *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005. Ch. 3, особенно с. 120.

¹⁶ *Austro-Marxism / Eds. T. Bottomore, P. Goode.* Oxford: Clarendon Press, 1978. P. 114—117; *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C.H. Beck, 1992. S. 300—302 [см. пер.: *Каннелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000].

¹⁷ *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question. P. 29—65.

¹⁸ *Кабузан В.М.* Русские в мире. СПб.: Блиц, 1996. С. 249—250; *Kaiser R.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 118.

¹⁹ *Martin T.* Borders and Ethnic Conflict: The Soviet Experiment in Ethno-Territorial Proliferation // *Jahrbüher für Osteuropäische Geschichte.* 1999. Vol. 47. S. 538—555.

²⁰ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 33—48; *Idem.* Borders and Ethnic Conflict. S. 540.

²¹ *Idem.* The Russification of the RSFSR // *Cahiers du Monde Russe.* 1998. Vol. 39. P. 103—104.

²² *Idem.* The Affirmative Action Empire. P. 38—39.

²³ *Ibid.* P. 45—46.

²⁴ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. P. 180, 188—202.

²⁵ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 60—61; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы). М.: Инсан, 1998. С. 83—91; *Holquist P.* Conduct Merciless Mass Terror: Decossackization on the Don // *Cahiers du Monde Russe.* 1997. Vol. 38. P. 127—162.

²⁶ *Генис В.Л.* Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова») // *Вопросы истории.* 1998. № 1. С. 46—47.

²⁷ Там же. С. 57 (1 десятина = 1,09 гектара или 2,7 акра).

²⁸ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 148—149.

²⁹ *Payne M.* The Forge of the Kazakh Proletariat? The Turksib, Nativization and Industrialization during Stalin's First Five-Year Plan // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Eds. R.G. Suny, T. Martin.* Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 223—252.

³⁰ *Service R.* Russia: Experiment with a People. London: Macmillan, 2002. P. 34—38; *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001.

³¹ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 400—401.

³² *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира.

³³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 279.

³⁴ *Cohen S.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888—1938. New York: Vintage Books, 1975. Ch. 3 [см. пер.: *Коэн С.* Бухарин: Политическая биография. М.: Прогресс, 1992].

³⁵ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 36. С. 79—80.

³⁶ *Agursky M.* The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder, Colo.: Westview, 1987. P. 217—218.

³⁷ *Figes O.* A Peoples Tragedy: The Russian Revolution, 1891—1924. London: Jonathan Cape, 1996. P. 696—699.

³⁸ *Azrael J.R.* Managerial Power and Soviet Politics. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966. P. 38—39, 59—61.

³⁹ *Riasanovsky N.V.* The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. 1967. Vol. 4. P. 39—72.

⁴⁰ *Oberländer E.* Nationalbolschewistische Tendenzen in der russischen Intelligenz: die Smenavekh-diskussion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1968. Vol. 16. S. 195.

⁴¹ *Устрялов Н.В.* Патриотика // Смена вех. Прага, 1921. С. 52—71.

⁴² *Он же.* Кризис современной демократии // Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1925. С. 248—264 [см.: *Устрялов Н.В.* Избранные труды. М.: Росспэн, 2010]; *Agursky M.* The Third Rome. P. 243—246. Старую аристократию называли «аристократией белой кости», отсюда — «черная кость».

⁴³ *Oberländer E.* Nationalbolschewistische Tendenzen in der russischen Intelligenz. S. 203.

⁴⁴ *Бобринцев-Пушкин А.В.* Новая вера // Смена вех. С. 91—149.

⁴⁵ *Чахотин С.С.* Идем в Каноссу! // Смена вех. С. 150—166, цит. на с. 159, 161.

⁴⁶ *Сталин И.В.* Октябрь и троцкистская теория перманентной революции // Сталин И.В. Сочинения. М.: Гос. изд. полит. лит.-ры, 1947. Т. 6. С. 378—397.

⁴⁷ *Agursky M.* The Third Rome. P. 251—252.

⁴⁸ *Rühle J.* Literatur und Révolution: die Schriftsteller und der Kommunismus. Munich: Knaur, 1963. S. 95—101.

⁴⁹ *Oberländer E.* Nationalbolschewistische Tendenzen in der russischen Intelligenz. S. 194—211.

⁵⁰ *Bailes K.* Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: V.I. Vernadsky and His Scientific School, 1863—1945. Bloomington: Indiana University Press, 1990. P. 160—164; *Аксенов Г.* Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2001.

⁵¹ *Agursky M.* The Third Rome. P. 260—261.

⁵² *Oberländer E.* Nationalbolschewistische Tendenzen in der russischen Intelligenz. S. 206.

⁵³ *Agursky M.* The Third Rome. 1987. P. 261—266.

⁵⁴ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 7. С. 341-3-42.

⁵⁵ *Сталин И.В.* Октябрьская революция и тактика русских коммунистов // Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. С. 358—401; *Он же.* К вопросам Ленинизма // Сталин И.В. Сочинения. Т. 8. С. 13—90.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ РОССИЯ ПРОТИВ РОССИИ

¹ БРЗ. Ф. Р-168 (С.А. Воронов). Л. 17, 22.

² *Altrichter H.* Die Bauern von Tver: vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1984. S. 100—108.

³ *Weissman N.* Policing the NEP in Countryside // Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture / Eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1991. P. 174—191; *Altrichter H.* Die Bauern von Tver. S. 154—159.

⁴ *Ibid.* S. 92—100.

⁵ *Viola L.* Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996. P. 54 [см. пер.: *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Росспэн, 2010].

⁶ БРЗ. Ф. Р-385 (В.П. Беляев). Л. 7.

⁷ *Pethybridge R.* The Social Prelude to Stalinism. London: Macmillan, 1974. P. 229—235.

⁸ БРЗ. Ф. Р-243 (Т.Г. Кудерина-Насонова). Л. 77—78.

⁹ *Драйзер Т.* Драйзер смотрит на Россию // Драйзер Т. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Терра, 1998. Т. 12. С. 90.

¹⁰ Народное хозяйство СССР, 1922—1982 гг.: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 41.

¹¹ *Копелев Л.* И сотворил себе кумира. Энн Арбор: Ардис, 1978. С. 249.

¹² *Viola L.* Peasant Rebels under Stalin. P. 38—41; *Hernandez R.* Sacred Sound and Sacred Substance: Church Bells and the Auditory Culture of Russian Villages during the Bolshevik's *Velikii Perelom* // American Historical Review. 2004. Vol. 109. No. 5. P. 1475—1504.

- ¹³ БРЗ. Ф. Р-385 (В.П. Беляев). Л. 7—8.
- ¹⁴ *Viola L. Peasant Rebels under Stalin*. P. 147—150, 194—195.
- ¹⁵ *Hernandez R. Sacred Sound and Sacred Substance*. P. 1502.
- ¹⁶ БРЗ. Ф. Р-385 (В.П. Беляев). Л. 8.
- ¹⁷ БРЗ. Ф. Р-464 (Анна Никитична Черниченко). Л. 4—5.
- ¹⁸ БРЗ. Ф. Р-211 (Н.И. Кузнецова). Л. 6.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ БРЗ. Ф. Р-206 (Антон Савельевич Лисечко). Л. 5. Приведена цитата из дневника жителя Днепропетровской области, который нашла его дочь после смерти отца.
- ²¹ Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, 1927—1939. М.: Росспэн, 1999. Т. 2: (Ноябрь 1929 — декабрь 1930). С. 704—705; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание начала 1930-х годов. М.: Магистр, 1996. С. 139—140, 203; *Taberowski J.* Die Kulakendeportation // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1998. No. 46. S. 572—595.
- ²² *Земсков В.Н.* Кулацкая ссылка в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 6.
- ²³ БРЗ. Ф. Р-206 (Антон Савельевич Лисечко). Л. 6—8.
- ²⁴ БРЗ. Ф. Р-331 (Дилия Аббас-оглы). Л. 63.
- ²⁵ Письма во власть, 1928—1939: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М.: Росспэн, 2002. С. 104—105.
- ²⁶ Автор считает долгом указать, что обязан пониманием этого провала проф. Клаудио Ингерфлomu (*Ingerflom*).
- ²⁷ *Viola L. Peasant Rebels under Stalin*. P. 63.
- ²⁸ *Ibid.* P. 57—60, 62, 59.
- ²⁹ *Ibid.* Ch. 6.
- ³⁰ *Ibid.* P. 145.
- ³¹ *Ibid.* P. 161—163, 165, 168.
- ³² *Ibid.* P. 138—139; *Graziosi A.* Collectivisation et révoltes paysannes en Ukraine // *Cahiers du Monde Russe*. 1994. No. 35. P. 599—628; Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Т. 2. С. 801, 191—194, 405—409, 430—432, 710—722, 787—808.
- ³³ *Viola L. Peasant Rebels under Stalin*. P. 120—121.
- ³⁴ Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Т. 2. С. 191; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание. С. 92, 156—157.
- ³⁵ *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. P. 296; Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936. М.: Росспэн, 2001. С. 180.

³⁶ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 301; *Shimotomai N.* A Note on the Kuban Affair (1932—33) // *Acta Slavica Iaponica*. 1983. No. 1. P. 39—56.

³⁷ Подробнее всего об этом см. в работах: *Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror Famine. London: Hutchinson, 1986 [см. пер.: *Конквест Р.* Жатва скорби. Лондон, 1988]; *Mace J.* Famine in the Soviet Ukraine 1931—33. Cambridge, Mass.: Harvard Ukrainian Institute, 1986.

³⁸ *Merl S.* War die Hungersnot von 1932—33 eine Folge der Zwangskollektivierung der Landwirtschaft oder wurde sie bewusst im Rahmen der Nationalitätenpolitik herbeigeführt? // *Ukraine: Gegenwart und Geschichte eines neuen Staates* / Eds. G. Hausmann, A. Kappeler. Baden-Baden: Nomos Verlag, 1993. S. 145—166.

³⁹ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 302; *Idem.* The Russification of the RSFSR // *Cahiers du Monde Russe*. 1998. No. 39. P. 99—118, особенно с. 104, 107; *Conquest R.* The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. London: Macmillan, 1968. P. 251—259 [см. пер.: *Конквест Р.* Большой террор. Рига: Ракстниекс, 1991].

⁴⁰ БРЗ. Ф. Р-243 (Т.Г. Кудерина-Насонова). Л. 144.

⁴¹ *Kravchenko V.* I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. London: Robert Hale, 1947. P. 99.

⁴² *Penner D'Ann R.* Stalin and the *Ital'ianka* // *Cahiers du Monde Russe*. 1998. No. 39. P. 39.

⁴³ *Conquest R.* The Great Terror. P. 232; *Penner D'Ann R.* Stalin and the *Ital'ianka*. P. 40—45.

⁴⁴ БРЗ. Ф. Р-243 (Т.Г. Кудерина-Насонова). Л. 141.

⁴⁵ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание. С. 203—225; *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1935* / Eds. R.W. Davies, S.G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 74—76; *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. P. 249—253.

⁴⁶ *Флейшман Л.* Пастернак в тридцатые годы. Иерусалим, 1984. С. 81.

⁴⁷ *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York: Oxford University Press, 1994. P. 128 [см. пер.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. М.: Росспэн, 2001].

⁴⁸ БРЗ. Ф. Р-385 (В.П. Беляев). Л. 8.

⁴⁹ *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants. P. 114—115, 145—147.

⁵⁰ *Wädekin K.-E.* Privatproduzenten in der sowjetischen Landwirtschaft. Cologne: Verlag Wissenschaft und Politik, 1967. S. 96.

⁵¹ БРЗ. Ф. Р-385 (В.П. Беляев). Л. 9.

⁵² *Tuominen A.* The Bells of the Kremlin. Hanover: University of New England Press, 1983. P. 113; *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants. P. 288.

⁵³ *Tuominen A.* The Bells of the Kremlin. P. 92—102; *Kessler G.* The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932—40 // *Cahiers du Monde Russe*. 2001. No. 42. P. 477—504.

⁵⁴ *Hoffman D.L.* Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929—1941. Ithaca: Cornell University Press, 1994. P. 40.

⁵⁵ Наилучшее представление об этом дает книга Шейлы Фицпатрик «Сталинские крестьяне», особенно гл. 4 и 5.

⁵⁶ Анализ причин миграции в Ленинград см. в работе: *Витухновская М.* «Старые» и «новые» горожане: мигранты в Ленинграде 1930-х годов // *Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920—30-е годы* / Ред. Т. Вихавайнен. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 106—114. Статистика взята из сб.: *Население СССР 1973: Статистический сборник*. М.: Статистика, 1975. С. 14—15, 26—33.

⁵⁷ *Население России в XX веке: Исторические очерки, 1900—1939*. М.: Росспэн, 2000. Т. 1. С. 235—242.

⁵⁸ *Hoffman D.L.* Peasant Metropolis. P. 54—63.

⁵⁹ *Bertaux D., Malysheva M.* The Cultural Model of the Russian Popular Classes and the Transition to a Market Economy // *On Living through Soviet Russia* / Eds. D. Bertaux, P. Thompson, A. Rotkirch. London: Routledge, 2004. P. 24; *Герасимова Е.Ю.* Советская коммунальная квартира // *Социологический журнал*. 1998. № 1/2. С. 224—242.

⁶⁰ *Герасимова Е.Ю.* Советская коммунальная квартира. С. 224—242.

⁶¹ *Boym S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1994. P. 146. Детство Бойм прошло в коммунальной квартире в Ленинграде.

⁶² *Герасимова Е.Ю.* Советская коммунальная квартира как социальный институт: Автореф. дис. ... канд. социологических наук. Институт социологии РАН (Санкт-Петербургское отделение). СПб., 2000. Автор благодарит Екатерину Герасимову за предоставление этих материалов.

⁶³ *Утехин И.* Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001. С. 95—100.

⁶⁴ Там же. С. 129.

⁶⁵ *Semenova V.* Equality in Poverty: The Symbolic Meaning of *Kommunalki* in the 1930s—1950s // *On Living through Soviet Russia* / Eds. D. Bertaux, P. Thompson, A. Rotkirch. London: Routledge, 2004. P. 64; *Герасимова Е.Ю.* Советская коммунальная квартира. С. 239.

⁶⁶ *Boym S.* Common Places. P. 121.

⁶⁷ *Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times — Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999. P. 48 [см. пер.: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 1930-е гг. М.: Росспэн, 2008]; *Утехин И.* Очерки коммунального быта. С. 131—140.

⁶⁸ Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира как социальный институт: Автореф. дис. ... канд. социологических наук. С. 80, 91—93; Утехин И. Очерки коммунального быта. С. 100—104.

⁶⁹ Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира.

⁷⁰ Утехин И. Очерки коммунального быта. С. 122.

⁷¹ Bertaux D., Malysheva M. The Cultural Model of the Russian Popular Classes. P. 44; Ledeneva A. The Genealogy of *Krugovaia Poruka*: Forced Trust as a Feature of Russian Political Culture // Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe / Eds. I. Markova. Oxford: Oxford University Press for the British Academy, 2004. P. 85—108; Boym S. Common Places. P. 123—124.

⁷² Hoffman D.L. Peasant Metropolis. P. 182—189.

⁷³ Ibid. P. 169—177.

⁷⁴ Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 106, 85.

⁷⁵ Письма во власть, 1928—1939: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М.: Росспэн, 2002. С. 185—186.

⁷⁶ Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 91—92, 95—96.

⁷⁷ Kuromiya H. Workers' Artels and Soviet Production Relations // Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture / Eds. S. Fitzpatrick et al. Bloomington, 1991. P. 78—82; Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialisation: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928—1941. London: Pluto Press, 1986. Ch. 6. P. 256—257; Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 223—225.

⁷⁸ Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. P. 49, 56—57.

⁷⁹ Berliner J.S. Factory and Manager in the USSR. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957. Ch. 12; Ledeneva A. Russia's Economy of Favours: *Blat*, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Ch. 2.

⁸⁰ См., например: Dragadze T. Rural Families in Soviet Georgia: A Case Study in Ratcha Province. London: Routledge, 1988.

⁸¹ БРЗ. Ф. Р-254 (В.И. Соколов); Папка Пандоры. М., 1994. С. 222.

⁸² Менделеев Д.И. К познанию России. Изд. 6-е. СПб.: А.С. Суворин, 1907. С. 79—80.

⁸³ Там же. С. 100—104.

⁸⁴ Applebaum A. Gulag: A History. London: Allen Lane, 2003. Ch. 3; Иванова Г.М. Гулаг в системе тоталитарного государства. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. С. 31.

⁸⁵ Applebaum A. Gulag: A History. P. 73—84.

⁸⁶ Nordlander D.J. Origins of a Gulag Capital: Magadan and Stalinist Control in the Early 1930s // Slavic Review. 1998. Vol. 57. P. 791—796.

⁸⁷ *Applebaum A.* Gulag: A History. P. 84—91; *Nordlander D.J.* Origins of a Gulag Capital. P. 797—808; *Idem.* Magadan and the Evolution of the *Dal'stroi* Bosses // *Cahiers du Monde Russe*. 2001. No. 42. P. 649—665.

⁸⁸ *Smith A.D.* Ethnic Election and National Destiny: Some Religious Origins of Nationalist Ideals // *Nation and Nationalism*. 1999. Vol. 5. No. 3. P. 336—337; *Марголин Ю.* Путешествие в страну зека. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 48 [М.: Зебра Е, 2008].

⁸⁹ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ, 1918—1956: опыт художественного исследования. Париж: YMCA-Press, 1974. Т. 2. С. 158—160.

⁹⁰ *Солженицын А.И.* Один день Ивана Денисовича. М.: Терра, 2004; *Herling-Grudzinski G.* A World Apart / Trans. A. Ciolkosz. Oxford: Oxford University Press, 1987. P. 37.

⁹¹ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. С. 489—520; *Scott J.* Domination and the Arts of Resistance: The Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990. Ch. 5—6.

⁹² *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 3. С. 237.

⁹³ *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Париж: YMCA-Press, 1980. С. 137.

⁹⁴ *Easter G.M.* Reconstructing the State: Personal Network and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Ch. 4.

⁹⁵ *Ibid.* Ch. 2—3.

⁹⁶ *Montefiore S.S.* Stalin: The Court of the Red Tsar. London: Weidenfeld and Nicolson, 2003. P. 57—61 [см. пер.: *Монтефиоре С.С.* Сталин: Двор Красного монарха. М.: ОЛМА-пресс, 2005]; *Lovell S.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1700—2000. Ithaca: Cornell University Press, 2003. P. 131—132.

⁹⁷ *Scott J.* Domination and the Arts of Resistance. P. 55—58.

⁹⁸ По мнению автора, этот процесс лучше всего проанализирован в кн.: *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932—1939* / Eds. J.A. Getty, O.V. Naumov. New Haven: Yale University Press, 1999.

⁹⁹ *Montefiore S.S.* Stalin: The Court of the Red Tsar. P. 44—45; *Service R.* Stalin: A Biography. Basingstoke: Macmillan. 2004. Ch. 30—31.

¹⁰⁰ *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks.* P. 556—560.

¹⁰¹ *Пятницкая Ю.* Дневник жены большевика. Vt.: Chalidze Publications, 1987. С. 88, 117—120, 75—76.

¹⁰² *Easter G.M.* Reconstructing the State: Personal Network and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Ch. 6.

¹⁰³ *Montefiore S.S.* Stalin: The Court of the Red Tsar. P. 114—115; *Tucker R.D.* Stalin in Power: The Revolution from Above. New York: Norton, 1990. P. 247—252, 260—264; *Service R.* Stalin: A Biography. P. 312—315; *Антонов В.С., Плу-мак Е.Г.* 1-е декабря 1934 года: трагедия Кирова и трагедия Советской России // *Отечественная история*. 2004. № 6. С. 31—45.

¹⁰⁴ *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks*. P. 119—134.

¹⁰⁵ *Yong G. Power and the Scared in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. P. 92—100, 135—146.

¹⁰⁶ *Corley F. Religion in the Soviet Union: An Archival Reader*. London: Macmillan, 1996. P. 86—87.

¹⁰⁷ *Ibid.* P. 82.

¹⁰⁸ *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. С. 98—99.

¹⁰⁹ *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s* / Eds. V. Garros, N. Korenevskaja, T. Lahusen. New York: The New Press, 1995. P. 368.

¹¹⁰ Свидетельства Анатолия Краснова-Левитина приводятся по кн.: *Bourdeaux M. Patriarch and Prophets: Persecution of the Russian Orthodox Church Today*. London: Macmillan, 1969. P. 291.

¹¹¹ *Colton T. Moscow: Governing the Socialist Metropolis*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1995. P. 260—264.

¹¹² *Golomshtok I. Totalitarian Art*. London: Collins Harvill, 1990. P. 274—275 [см. пер.: *Голомуток И.Н.* Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994]; *Colton T. Moscow: Governing the Socialist Metropolis*. P. 331—334.

¹¹³ *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Париж: YMCA-Press, 1979. С. 356—357.

¹¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1937 года: краткие итоги. М.: Наука, 1991. С. 106—107; *Merridale C. The 1937 Census and the Limits of Stalinist Rule* // *Historical Journal*. 1996. No. 39. P. 225—240.

¹¹⁵ БРЗ. Ф. Р-254 (В.И. Соколов). Л. 17—28.

¹¹⁶ Там же. Л. 78—86.

¹¹⁷ Там же. Л. 142.

¹¹⁸ Там же. Л. 147, 155.

¹¹⁹ Там же. Л. 221—222.

¹²⁰ Там же. Л. 222—228, 238—240, 249—250, 262.

ГЛАВА ПЯТАЯ ПРОЕКТИРУЯ НОВУЮ РОССИЮ

¹ *Gorsuch A.E. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents*. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 76—77; *Holmes L.E. The Kremlin and the Schoolhouse: Reforming Education in Soviet Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1991. P. 60—61.

² *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. P. 20—24.

³ *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. P. 147.

⁴ *Kravchenko V.* I choose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. London: Robert Hale, 1947. P. 63—64.

⁵ *Liber G.* Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923—1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 111—118, цитата на с. 118; *Kravchenko B.* Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. London: Macmillan, 1985. Ch. 2.

⁶ *Davies N.* God's Playground: A history of Poland. New York: Columbia University Press, 1982. Vol. 2. P. 405—406; *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 225, 222—223.

⁷ *Hrushevskiyi M.* The Traditional Scheme of “Russian” History and the Problem of a Rational Organization of the History of the Eastern Slavs // From Kievan Rus' to Modern Ukraine: Formation of the Ukrainian Nation. Cambridge, Mass.: Harvard University Ukrainian Studies Fund, 1984. P. 365—367, 363.

⁸ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 214.

⁹ *Ibid.* P. 218—219.

¹⁰ *Ibid.* P. 250—254.

¹¹ *Service R.* Lenin: A Political Life. London: Macmillan, 1995. Vol. 3: The Iron Ring. P. 92—94.

¹² *Guthier S.L.* The Belorussians: National Identification and Assimilation, 1897—1970 // Soviet Studies. 1977. Vol. 29. P. 59—61.

¹³ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 265—268.

¹⁴ *Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 113—124; *Козлов В.И.* Русские в новом зарубежье (статистико-географический обзор) // Русские в современном мире. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1998. С. 14—47.

¹⁵ *Stalin J.V.* Works. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1995. Vol. 3. P. 368—370 [см.: *Сталин И.В.* Сочинения. М.: Гос. изд. полит. лит., 1951. Т. 13—14].

¹⁶ *Земсков В.Н.* Кулацкая ссылка в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 18—20.

¹⁷ *Сталин И.В.* Вопросы Ленинизма. М.: Госполитиздат, 1952. С. 362; *Brandenberger D.* National Bolshevism. P. 28; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. С. 163.

¹⁸ The Diary of Georgi Dimitrov, 1933—1949 / Ed. and introduction by I. Banac. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 65.

¹⁹ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 194—203.

²⁰ *Blitstein P.A.* Nation-Building or Russification: Obligatory Russian Instruction in the Soviet Non-Russian School, 1938—1953 // *A State of Nations Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R.G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 260; *Simon G.* Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society. Boulder, Colo.: Westview Press, 1991. P. 149—152; *Bilinsky Y.* Education of the Non-Russian Peoples, 1917—67 // *Slavic Review*. 1968. Vol. 27. P. 418.

²¹ *Reese R.R.* Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1924—1941. Lawrence: University of Kansas Press, 1996. P. 26—27, 32—33, 39—40.

²² *Longworth P.* The Cossacks. London: Constable, 1969. P. 321—328.

²³ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. С. 206—207.

²⁴ *Hirsch F.* Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61. P. 30—43; *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. P. 829.

²⁵ *Holquist P.* 'Information is the Alpha and Omega of our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. P. 415—450; *Idem.* To Count, to Extract, to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R.G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 111—144; *Kotkin S.* The Soviet Union and the Interwar Conjuncture // *Kritika*. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 111—164.

²⁶ *Weiner A.* Nature, Nurture and Memory in a Socialist Utopia: Delineating the Soviet Social-Ethnic Body in the Age of Socialism // *American Historical Review*. 1999. Vol. 104. P. 116.

²⁷ *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing. P. 837.

²⁸ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 329—330.

²⁹ *Michael C.* An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far Eastern Koreans // *Russian Review*. 1995. Vol. 54. P. 389—412, цитата на с. 400—401; *Holquist P.* Conduct Merciless, Mass Terror: Decossackization on the Don, 1919 // *Cahiers du Monde Russe*. 1997. Vol. 38. P. 127—162.

³⁰ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 343.

³¹ *Микоян А.* Так было: размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 514.

³² *Brandenberger D.* National Bolshevism. P. 39—41; *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s* // Eds. V. Garros, N. Korenevskaja, T. Lahusen. New York: The New Press, 1995. P. 362.

³³ *Brandenberger D.* National Bolshevism. P. 34.

³⁴ *Perrie M.* The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. Basingstoke: Palgrave, 2001. P. 29.

³⁵ *Brandenberger D.* National Bolshevism. P. 51—52.

³⁶ *Шестаков А.В.* Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов. М.: Учпедгиз, 1937; *Brandenberger D.* National Bolshevism. P. 51—55.

³⁷ *Ibid.* P. 99.

³⁸ *Маяковский В.В.* Сочинения. М.: Художественная литература, 1965. Т. 2. С. 424—425; *Ball A.M.* Imagining America: Influence and Images in Twentieth-Century Russia. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2003. P. 47—51.

³⁹ *Сталин И.В.* Вопросы Ленинизма. М.: ОГИЗ, 1939. С. 75—77.

⁴⁰ *Brandenberger D.* National Bolshevism. P. 101—103.

⁴¹ Этот термин часто использовал Тимашев в работе: *Timasheff N.* The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York: Dutton, 1946.

⁴² *Pinkus B.* The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 78—79.

⁴³ *Ibid.* P. 83—87.

⁴⁴ *Ibid.* P. 96—96, 111—127.

⁴⁵ *Ibid.* P. 136—137.

⁴⁶ *Tsigelman L.* The Impact of Ideological Changes in the USSR on Different Generations of the Soviet Jewish *Intellegentsia* // Jewish Culture and Identity in the Soviet Union / Eds. Y. Ro'i, A. Becker. New York: New York University Press, 1991. P. 44—45. Цит. по: *Дымерская-Цигельман Л.* Об идеологической мотивации различных поколений активистов еврейского движения в СССР в 70-х годах // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1 (5).

⁴⁷ *Перельман В.* Покинутая Россия. Тель-Авив: Время и мы, 1977. С. 34—35.

⁴⁸ *Бранденбергер Д., Петрон К.* «Все черты расового национализма...»: интернационалист жалуется Сталину (январь, 1939 год) // Октябрь. 2000. № 1. С. 130—131.

⁴⁹ *Binns C.A.P.* The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System // *Man*. 1979. Vol. 14. P. 593.

⁵⁰ *Petrone K.* “Life Has Become More Joyous, Comrades!”: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 25, 28—29.

⁵¹ *Rolf M.* Constructing a Soviet Time: Bolshevik Festivals and Their Rivals during the First Five Year Plans // *Kritika*. Vol. 1. 2000. P. 447—473; *Brooks J.* “Thank you, Comrade Stalin!”: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000. Ch. 4.

⁵² *Binns C.A.P.* The Changing Face of Power. P. 602—604.

⁵³ *Petrone K.* “Life Has Become More Joyous, Comrades!” P. 35, 45.

⁵⁴ *Friese H.G.* Student Life in a Soviet University // Soviet Education / Ed. G. Kline. New York: Columbia University Press, 1957. P. 61—62; Interviews with I. Halfin and J. Hellbeck // *Ab Imperio*. 2002. No. 3. P. 217—260.

⁵⁵ *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 207—214; *Sigelbaum L.H.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

⁵⁶ *Petrone K.* “Life Has Become More Joyous, Comrades!” P. 48; *McCannon J.* Tabula Rasa in the North: The Soviet Arctic and Mythic Landscapes in Stalinist Popular Culture // *The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space* / Eds. E. Dobrenko, E. Naiman. Seattle: University of Washington Press, 2003. P. 243, 255.

⁵⁷ *Petrone K.* “Life Has Become More Joyous, Comrades!” Ch. 3; *Geldern J., von.* The Centre and the Periphery: Cultural and Social Geography in the Mass Culture of the 1930s // *New Directions in Soviet History* / Ed. S. White. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 62—80.

⁵⁸ *Petrone K.* “Life Has Become More Joyous, Comrades!” P. 54.

⁵⁹ *Golomstock I.* Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy and the People’s Republic of China / Trans. R. Candler. New York: Icon Editions, 1990. Ch. 7; *Papernyi V.* Moscow in the 1930s and the Emergence of a New City // *The Culture of the Stalin Period* / Ed. H. Günther. London: Macmillan, 1990. P. 229—239.

⁶⁰ *Паперный В.* Культура Два. Энн Арбор: Ardis Press, 1985 [М.: НЛЮ, 2007]. Также см.: *Papernyi V.* Men, Women and Living Space // *Russian Housing in the Modern Age: Design and Social History* / Eds. W.C. Brimfield, B.A. Ruble. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 149—170.

⁶¹ *Groys B.* The Art of Totality // *The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space* / Eds. E. Dobrenko, E. Naiman. Seattle: University of Washington Press, 2003. P. 117—120.

⁶² *Riordan J.* Sport, Politics and Communism. Manchester: Manchester University Press, 1991. P. 24—29.

⁶³ *Edelman R.* Serious Fun: A History of Spectator Sports in the USSR. New York: Oxford University Press, 1993. Ch. 3.

⁶⁴ *Ibid.* P. 55; *Riordan J.* Sport in Soviet Society: Development and Physical Education in Russia and the USSR. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 122—128, 136.

⁶⁵ *Goldman W.Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Ch. 1, 2, 6. P. 105—109, 228—291, 304—310 [см.: *Голдман В.З.* Женщины у проходной: гендерные отношения в советской индустрии. М.: Росспэн, 2010].

⁶⁶ *Ibid.* Ch. 8.

⁶⁷ *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s.* P. 184—185.

⁶⁸ *Betraux D.* Revolution et mobilite sociale en Russie sovietique // *Cahiers Internationaux de Sociologie.* 1994. Vol. 46. P. 77—97.

⁶⁹ Семенова В. Из истории советской интеллигенции: семейная хроника Журналистовых // Судьбы людей: Россия XX век. Биография семьи как объект социологического исследования / Ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С. 151—156.

⁷⁰ Окуджава Б. Арбат, мой Арбат. М.: Советский писатель, 1976. С. 21.

⁷¹ Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1974. Т. 18. С. 492; *Смыслов О.С.* Загадки советских наград, 1918—1991 гг. М.: Вече, 2005. С. 10—11, 51—56.

⁷² *Kotkin S.* Magnetic Mountain. P. 215—223.

⁷³ Это хорошо описано в первых главах кн.: *Montefiore S.S.* Stalin: The Court of the Red Tsar. London: Weidenfeld and Nicolson, 2003.

⁷⁴ *Kelly C., Volkov V.* Directed Desires: *Kul'turnost'* and Consumption // Constructing Russian Culture in the age of Revolution, 1881—1940 / Eds. C. Kelly, D. Shepherd. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 291—313; *Tucker R.C.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. Brighton: Wheatsheaf Books, 1987. Ch. 3.

⁷⁵ *Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 260—265, 270—278.

⁷⁶ *Ibid.* P. 271.

⁷⁷ *Ibid.* P. 284—285.

⁷⁸ *Lovell S.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1700—2000. Ithaca: Cornell University Press, 2003. Ch. 5, особенно с. 159—162.

⁷⁹ *Hosking G.* The Institutionalism of Soviet Literature // Perspectives on Literature and Society in Eastern and Western Europe / Eds. G. Hosking, G.F. Cushing. London: Macmillan, 1989.

⁸⁰ О съезде и провозглашенных на нем доктринах см.: *Robin R.* Socialist Realism: An Impossible Aesthetic / Trans. C. Porter. Stanford: Stanford University Press, 1992. Ch. 1—2.

⁸¹ *Флейшман Л.* Борис Пастернак в 30-е годы. Иерусалим: Magnes Press of the Hebrew University, 1984. С. 201—204; *Cohen S.F.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888—1938. New York: Vintage Books, 1975. P. 355—364.

⁸² *Günther H.* Die Verstaatlichung der Literatur: Funktion und Entstehungsweise der sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30-er Jahre. Stuttgart: Metzler Verlagsbuchhandlung, 1984; *Dobrenko E.* The Making of the State Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture. Stanford: Stanford University Press, 2000. P. 340—365; *Hosking G.* The Institutionalism of Soviet Literature. P. 55—75.

⁸³ Удачнее всего эта культурная доктрина представлена и проанализирована в работе: *James C.V.* Soviet Socialist Realism: Origins and Theory. London: Macmillan, 1973.

⁸⁴ *Clark K.* The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

⁸⁵ *Ibid.* P. 151; *Hosking G.* Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. London: Granada Publishing, 1980. P. 13—19; *Günther H.* Die Verstaatlichung der Literatur. S. 11—12; *Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

⁸⁶ *Мандельштам О.Э.* Конец романа // Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 303—304; *Dobrenko E.* The Making of the State Writer. P. 163.

⁸⁷ *Ibid.* Ch. 4, 6, 7.

⁸⁸ Soviet Writers' Congress 1934. London: Lawrence and Wishart, 1977. P. 29—30 [см.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1990].

⁸⁹ *Miller F.J.* Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1990. P. 9.

⁹⁰ *Nice D.* Prokofiev: A Biography from Russia to the West, 1891—1935. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 320—321, 326 [цит. по изд.: Сергей Прокофьев: Материалы, документы, воспоминания. М.: Гос. музыкальное изд-во, 1956. С. 90, 89. — *Примеч. пер.*].

⁹¹ *Petrone K.* "Life Has Become More Joyous, Comrades!" P. 126—131; *Slater W.* The Patriots' Pushkin // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. P. 407—427.

⁹² *Robin R.* Socialist Realism. P. 31, 34.

⁹³ *Lovell S.* The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet Post-Soviet Eras. London: Macmillan, 2000. P. 34; *Dobrenko E.* The Making of the State Writer. P. 143.

⁹⁴ *Misztal B.* Trust in Modern societies. Cambridge: Polity Press, 1996. P. 140—144.

⁹⁵ *Teskey A.* Platonov and Fyodorov: The Influence of Christian Philosophy on a Soviet Writer. Trowbridge: Avebury Publishing Co., 1982. P. 22—29.

⁹⁶ Цит. по: *Чалмаев В.* Андрей Платонов. М.: Советский писатель, 1989. С. 83.

⁹⁷ Грани. 1969. Кн. 70. С. 3—107; *Новый мир*. 1987. № 6. С. 50—123.

⁹⁸ *Платонов А.* Котлован. М.: АСТ, 2006. С. 31.

⁹⁹ Там же. С. 16.

¹⁰⁰ Там же. С. 15.

¹⁰¹ *Brodsky J.* Less than one. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1986. P. 290 [см.: *Бродский И.А.* Меньше единицы: Избранные эссе. М.: Независимая газета, 1999].

¹⁰² *Платонов А.* Котлован. С. 145.

¹⁰³ Там же. Однако моя интерпретация творчества писателя отчасти навеяна кн.: *Геллер М.* Андрей Платонов в поисках счастья. Париж: YMCA-Press, 1979. С. 253—272.

¹⁰⁴ *Proffer E.* Bulgakov: Life and Work. Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1984, особенно гл. 1.

¹⁰⁵ *Bethea D.* The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 221—229.

¹⁰⁶ *Reeder R.* Anna Akhmatova: Poet and Prophet. London: Allison and Busby, 1995. P. 169—174.

¹⁰⁷ *Ахматова А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1976. С. 152.

¹⁰⁸ *Figes O.* Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. London: Allen Lane, 2002. Ch. 7.

¹⁰⁹ *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. М.: Цитадель, 1996. Т. 1. С. 196—198, 196, 202—203.

¹¹⁰ Настроения того периода хорошо переданы в кн.: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Росспэн, 1999. С. 174—179.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

¹ *Казакевич Э.* Слушая время: Дневники, записные книжки, письма. М.: Советский писатель, 1990. С. 30.

² См. ссылки в кн.: *Rose S.O.* Which People's War? National Identity and Citizenship in Britain, 1939-1945. Oxford: Oxford University Press, 2003. Ch. 1, особенно с. 13—14.

³ *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941—1945 гг. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 113—114; Москва военная, 1941—1945: Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995. С. 50—55; История России. XX век: Материалы и документы для школьников и поступающих в ВУЗы. М.: Дрофа, 1999. С. 302—303.

⁴ Советская повседневность и массовое сознание, 1939—1945. М.: Росспэн, 2003. С. 308—310. Тимошенко в это время был заместителем министра обороны и командующим Западным фронтом.

⁵ *Ломагин Н.А.* В тисках голода: блокада Ленинграда в документах германских специалистов и НКВД. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 147—148, 157, 165.

⁶ *Горинов М.М.* Будни осажденной столицы: жизнь и настроение москвичей (1941—42 гг.) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 16.

⁷ *Hagen M., von.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917—1930. Ithaca: Cornell University Press, 1990. P. 288—294; *Glantz D.M.* The Military Strategy of the Soviet Union: A History. London: Frank Cass, 1992. P. 57—61.

⁸ *Barber J.* Popular Reactions in Moscow to the German Invasion of June 22, 1941 // Soviet Union. 1991. № 18. P. 6; *Böll H., Kopelev L.* Warum haben wir aufeinander geschossen? Munich: Deutscher Taschenbuchverlag, 1984. S. 14.

⁹ *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Росспэн, 1999. С. 263.

¹⁰ Harvard Interview Project on the Soviet Social System (<http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss>). Series A. Folder no. 167. File 22—23, 31; Series B. Folder no. 182. File 9.

¹¹ Советская повседневность и массовое сознание. С. 109.

¹² *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. С. 264—265; *Эренбург И.* Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1967. Т. 9. С. 274.

¹³ *Stalin I.V.* Works / Ed. R.H. McNeal. Stanford, California: Hoover Institution, 1967. Supp. Vol. 2 (15). P. 7 [см.: *Сталин И.В.* Сочинения. М., 2010. Т. 15].

¹⁴ *Goldberg A.* Илья Ehrenburg: Writing, Politics and the Art of Survival. London: Weidenfeld and Nicolson, 1984. P. 197; *Симонов К.* Стихотворения и поэмы. М.: ОГИЗ, 1945. С. 5—8.

¹⁵ *Берггольц О.* Из дневников // Звезда. 1990. № 6. С. 171.

¹⁶ *Hodgson K.* Written with the Bayonet: Soviet Russian Poetry of World War II. Liverpool: Liverpool University Press, 1996. Ch. 2; *Rothstein R.A.* Homeland, Home Town, and Battlefield: The Popular Song // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. Bloomington: Indian University Press, 1995. P. 77—94.

¹⁷ Писатели в отечественной войне, 1941—45 гг.: Письма читателей. М.: Гослитмузей, 1946. С. 85.

¹⁸ *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. С. 244—245; *Симонов К.* Стихотворения и поэмы. С. 77—79.

¹⁹ *Kirschenbaum L.* Local Loyalties and Private Life in Soviet World War II Propaganda // Slavic Review. 2000. No. 4. P. 825—847. Цитата на p. 828.

²⁰ *Fitzpatrick S.* War and Society in Soviet Context: Soviet Labor before, during and after World War II // International Labor and Working-Class History. 1989. Vol. 35. P. 37—52; *Erickson J.* Soviet Women at War // World War II and the Soviet People / Eds. J. Carrard, C. Garrard. New York: St. Martin's Press, 1993. P. 50—76.

²¹ *Kirschenbaum L.* Local Loyalties and Private Life in Soviet World War II Propaganda. P. 828; *Bonnel V.* Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 265.

²² *Поляков Ю.А.* МИФЛИ 1941 (воспоминания о М.Я. Геллере) // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 110; *Некрасов В.* Трагедия моего поколения // Литературная газета. 1990. 12 сент.

²³ *Tumarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York: Basic Books, 1994. P. 65; *Кондратьев В.* Парадоксы фронтовой ностальгии // Литературная газета. 1990. 9 мая.

²⁴ *Merridale C.* Night of Stone: Death and Memory in Russia. London: Granta, 2000. P. 272; *Сенявская Е.С.* 1941—1945: фронтовое поколение. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 85—86.

²⁵ «Я пишу последнее, быть может» (Письма с фронта). Омск: Омское книжное изд-во, 1994. С. 29.

²⁶ *Werth A.* The Year of Stalingrad. London: Hamish Hamilton, 1946. P. 64.

²⁷ Великая Отечественная война, 1941—1945. М.: Наука, 1998. Кн. 3: Освобождение. С. 349.

²⁸ Там же. Кн. 1: Суровые испытания. С. 417; Кн. 3: Освобождение. С. 353—354.

²⁹ *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. С. 84—85, 350—353; *Barber J., Harrison M.* The Soviet Home Front, 1941—1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. London: Longman, 1991. P. 99—104.

³⁰ *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945—1953. М.: Росспэн, 2000. С. 62—67.

³¹ *Томан К.Б.* Дни великих бедствий в сознании современников // Другая война, 1939—1945. М.: РГГУ, 1996. С. 302—303.

³² *Geldern J., von.* Radio Moscow // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. P. 44—61.

³³ *Brooks J.* Pravda Goes to War // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. P. 9—27; *McReynolds L.* Dateline Stalingrad: Newspaper at the Front // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. P. 34.

³⁴ *Васильева Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 110, 44—54; *Fletcher W.K. Nicolai: Portrait of a Dilemma.* New York: Macmillan, 1968. P. 42—43.

³⁵ *Васильева Ю.* Русская православная церковь. С. 111—116.

³⁶ *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие, 1941—1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. С. 23—37.

³⁷ *Peris D.* 'God is Now on Our Side': The Religious Revival on Unoccupied Soviet Territory during World War II // *Kritika.* 2000. No. 1. P. 115.

³⁸ Советская повседневность и массовое сознание. С. 411—415; *Yemelianova G.M.* Russia and Islam: A Historical Survey. Basingstoke: Palgrave, 2002. P. 120—123.

³⁹ *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. С. 238—248.

⁴⁰ *Peris D.* 'God is Now on Our Side'. P. 97—118. Цитаты на с. 106.

⁴¹ *Pasternak B.* Doctor Zhivago. Milan: Feltrinelli, 1957. P. 519; *Barnes C.* Boris Pasternak: A Literary Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Vol. 2 (1928—1960). P. 181; *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 404—405.

⁴² *Reeder R.* Anna Akhmatova: Poet and Prophet. London: Allison and Busby, 1995. P. 258.

⁴³ *Ibid.* P. 257—258.

⁴⁴ *Ахматова А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1976. С. 212.

⁴⁵ *Fay L.E.* Shostakovich: A Life. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 131—133.

⁴⁶ *Липкин С.* Сталинград Василия Гроссмана. Анн-Арбор: Ардис, 1986. С. 8; *Бочаров А.* Василий Гроссман: Жизнь. Судьба. Творчество. М.: Советский писатель, 1990. С. 164—176.

⁴⁷ *Гроссман В.* Жизнь и судьба. М.: Вагриус, 1998. Ч. 1. Гл. 59—61.

⁴⁸ *Аннинский Л.* Мироздание Гроссмана // Дружба народов. 1988. № 10. С. 262; *Garrard J., Garrard C.* The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasilii Grossman. New York: Free Press, 1996. P. 259—262.

⁴⁹ *McCagg W.O., Jr.* Stalin Embattled, 1943—1948. Detroit: Wayne State University Press, 1978. P. 104.

⁵⁰ *Djilas M.* Wartime. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. P. 382.

⁵¹ *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты в СССР, 1941—1945 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 123—143, 165—188.

⁵² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 6646 (Славянский комитет СССР). Оп. 1. Д. 4 (отчет о работе Все-славянского комитета, 1941—1944). Л. 1, 3.

⁵³ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 82 (Молотов). Оп. 2. Д. 1011.

⁵⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 125.

⁵⁵ *Твардовский А.Т.* Поэмы. М.: Советский писатель, 1950. С. 119.

⁵⁶ См. распоряжение Главлита от января 1943 г. в кн.: *Revelations from the Russian Archives: Documents in English Translation / Eds. D.P. Koenker, R.D. Bachman.* Washington, D.C.: Library of Congress, 1997. P. 172. Отклики на поэму «Василий Теркин» см. в работе: *Гришунин А.Л.* Творчество Твардовского. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 40—51.

⁵⁷ *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 20—21.

⁵⁸ *Werth A.* Russia at War. New York: Carroll and Graft, 1964. P. 415—416 [см. пер.: *Верт А.* Россия в войне 1941—1945. М.: Эксмо, 2003]; Советская повседневность и массовое сознание. С. 167.

⁵⁹ *Попович Н.* Советская политика по укреплению русского патриотизма и самосознания (1935—1945 гг.) // Россия в XX веке: историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 468—474.

⁶⁰ *Stalin I.V.* Works. Supp. Vol. 2 (15). P. 203.

⁶¹ *Кромиади К.* Советские военнопленные в Германии в 1941-м году // Новый журнал. 1953. № 32. С. 194.

⁶² Полян П. Жертвы двух диктатур. М.: Росспэн, 2002. С. 130; *Streit C. Keine Kameraden: die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen, 1941—1945.* Bonn: Dietz Verlag, 1991. S. 128; *Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан // История СССР. 1990. № 4. С. 26.

⁶³ *Sella A. The Value of Human Life in Soviet Warfare.* London: Routledge, 1992. P. 111.

⁶⁴ *Ibid.* P. 100. Директива опубликована: Приказы Ставки Верховного главного командования Красной армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26—28.

⁶⁵ *Конасов В.Б., Терещук А.В.* К истории советских и немецких военнопленных (1941—1943) // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 54—72; Великая Отечественная война, 1941—1945. Кн. 3. С. 357.

⁶⁶ *Andreyev C. Vlasov and the Russian Liberation Movement.* Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 206—209, 46—50; *Inkels A., Bauer R.A. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959; *Семиряга М.И.* Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война, 1939—1945. С. 335.

⁶⁷ *Штрик-Штрикфелдт В.* Против Сталина и Гитлера: генерал Власов и русское освободительное движение. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1975. С. 190.

⁶⁸ *Наумов В.П.* Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы комиссии о реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 95—96; Гриф секретности снят: потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат, 1993. С. 385.

⁶⁹ *Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан. С. 30.

⁷⁰ *Наумов В.П.* Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 92—94, 97—100. Прибытие осужденных в трудовые лагеря описано у А. Солженицына: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Париж: YMCA-Press, 1973. Т. 1. С. 90—97.

⁷¹ БРЗ. Ф. Р-301 (Сергей Сергеевич Терпиловский). Л. 99; Ф. Р-186 (Евгений Петрович Муршель). Л. 157.

⁷² Там же. Ф. Р-186 (Евгений Петрович Муршель). Л. 159.

⁷³ Полян П. Жертвы двух диктатур. С. 532; *Наумов В.П.* Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 100.

⁷⁴ Там же. С. 94.

⁷⁵ Полян П. Жертвы двух диктатур. С. 536—537; *Наумов В.П.* Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 101.

⁷⁶ БРЗ. Ф. Р-268 (Александра Федоровна Лучагина). Л. 26—35. Ее рукописный дневник не дает представления о ее дальнейшей судьбе. Курсив оригинала.

⁷⁷ *Наумов В.П.* Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 101—103; Великая отечественная война, 1941—1945. Кн. 4: Народ и война. С. 133—135; *Полян П.* Жертвы двух диктатур. С. 592—593.

⁷⁸ Великая отечественная война, 1941—1945. Кн. 4. С. 132—125; *Bonwetsch B.* Sowjetische Partisanen, 1941—1944: Legende und Wirklichkeit des 'allgemeinen Volkskriegs' // Partisanen und Volkskrieg: zur Revolutionierung des Krieges im 20ten Jahrhundert / Ed. G. Schulz. Güttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1985. S. 107—115; Soviet Partisans in World War II / Ed. J.A. Armstrong. Madison: University of Wisconsin Press, 1964. P. 121—135.

⁷⁹ *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. С. 226. Для полного представления о партизанах см.: *Bonwetsch B.* Sowjetische Partisanen, 1941—1944; *Grenkevich L.D.* The Soviet Partisan Movement: A Critical Historiographical Analysis. London: Frank Cass, 1999. Об украинских повстанцах-националистах см.: *Armstrong J.A.* Ukrainian Nationalism. 3d ed. Englewood, Colo.: Ukrainian Academic Press, 1990. Ch. 6—7; *Sodol P.R.* UPA — the Ukrainian Insurgent Army: An Overview // Ukrainian Quarterly. 1995. No. 51. P. 139—175.

⁸⁰ *Conquest R.* The Nation Killers: Soviet Deportation of Nationalities. London: Macmillan, 1970; *Nekrich A.* The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. New York: W.W. Norton and Co, 1978 [см.: *Некрич А.М.* Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978]; *Бугай Н.Ф.* Депортация народов Крыма: документы, факты, комментарии. М.: Инсан, 2002.

⁸¹ *Misiunas R.J., Taagepera R.* The Baltic States: Years of Dependence, 1940—1990. London: Hurst, 1993. P. 42—43, 99. Ch. 3; *Gross J.T.* Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 187—199; *King C.* The Moldovans: Romania, Russia and the Politics of Culture. Stanford: Hoover Institution Press, 2000. P. 93, 96; *Marples D.R.* Stalinism in Ukraine in the 1940s. London: Macmillan, 1992.

⁸² *Conquest R.* The Nation Killers; *Nekrich A.* The Punished Peoples.

⁸³ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 6. Гл. 3—4.

⁸⁴ *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество. С. 35—37.

⁸⁵ *Tumarkin N.* The Living and the Dead. P. 104.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ СЛАДКИЕ И ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ ПОБЕДЫ

¹ *Werth A.* Russia at War, 1941—1945. London: Pan Books, 1965. P. 867—868.

² *Stalin I.V.* Works / Ed. R.H. McNeal. Stanford, California: Hoover Institution, 1967. Vol. 2 (15). P. 203—204.

³ Советская жизнь, 1945—1953. М.: Росспэн, 2003. С. 233—234.

⁴ *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton: Princeton University Press, 2001.

⁵ Советская жизнь, 1945—1953. С. 627.

⁶ Harvard Interview Project on the Soviet Social System. Series A. Folder no. 25. File 50, 52; A. 1101. File 66—67. Приведенные тексты представляют собой сжатое изложение ответов респондентов, но не их подлинные слова.

⁷ *Гегтер М.Я.* Сталин умер вчера...; Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 305.

⁸ Harvard Interview Project on the Soviet Social System. Series A. Folder no. 494. F. 59—61; A. 33. F. 34.

⁹ Harvard Interview Project on the Soviet Social System. Series B. Folder no. 64. F. 54.

¹⁰ *Holloway D.* Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939—1956. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 154.

¹¹ *Ibid.* P. 184—201.

¹² *Seton-Watson H.* The East European Revolution. New York: Praeger, 1951.

¹³ *Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

¹⁴ *Йовчук М.* Ленинизм — высшее достижение русской и мировой культуры // Коммунист. 1955. № 1. С. 27.

¹⁵ *Константинов Ф.В.* Исторический материализм. М.: Политиздат, 1950. С. 701—702; *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза... (цит. по: *Константинов Ф.В.* Исторический материализм. С. 160—161) [см.: *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. СПб.: Питер, 2010].

¹⁶ *Матюшкин Н.И.* Что такое советский патриотизм? М.: Гослитиздат, 1955. С. 21; *Федосеев П.* Социализм и патриотизм // Коммунист. 1953. № 9. С. 21.

¹⁷ *Матюшкин Н.И.* Что такое советский патриотизм? С. 84—85.

¹⁸ *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М.: Книга, 1990. С. 111.

¹⁹ *Федосеев П.* Социализм и патриотизм. С. 23—24.

²⁰ *Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the Arctic North. Ithaca: Cornell University Press, 1994. P. 304—305 [см. пер.: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛЮ, 2008].

²¹ *Berlin I.* The Soviet Mind: Russian Culture under Communism / Ed. H. Hardy. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2004. P. 93.

²² *Collias K.A.* Making Soviet Citizens: Patriotic and Internationalist Education in the Formation of a Soviet State Identity // Soviet Nationality Policies: Ruling Ethnic Groups in the USSR / Ed. H.R. Huttenbach. London: Mansell, 1990. P. 73—93.

²³ *Subtelny O.* Ukraine: A History. 2nd ed. Toronto: University of Toronto Press, 1994. Ch. 23; *Marples D.R.* Belarus: A Denationalized Nation. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1999. P. 17—19.

²⁴ *Weiner A.* Making Sense of War. P. 240—244; *Snyder T.* The Reconstruction of Nations: Poland, Lithuania, Ukraine, Belarus, 1569—1999. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 155—200; *Armstrong J.A.* Ukrainian Nationalism. New York: Columbia University Press, 1963. Ch. 9.

²⁵ *Weiner A.* Making Sense of War. P. 331—338. См. также: *Idem.* Saving Private Ivan: From What, Whom and How // *Kritika*. 2000. Vol. 1. P. 305—336.

²⁶ О возобновлении революционных настроений см.: *Weiner A.* Making Sense of War.

²⁷ *Fürst J.* Prisoners of the Soviet Self? Political Youth Opposition in Late Stalinism // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54. P. 353—375.

²⁸ Так об этом рассказано в воспоминаниях участника событий: *Жугулин А.* Черные камни. М.: Книжная палата, 1989. С. 27—29, 35.

²⁹ *Werth A.* Russia at War, 1941—1945. P. 554.

³⁰ *Erickson J.* Soviet War Losses: Calculations and Controversies // *Barbarossa: The Axis and the Allies* / Eds. J. Erickson, D. Dilks. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994. P. 272—274.

³¹ Советская жизнь, 1945—1953. С. 403—405.

³² Там же. С. 406—407.

³³ *Rose S.O.* Which People's War? National Identity and Citizenship in Britain, 1939—1945. Oxford: Oxford University Press, 2003. Ch. 2, особенно с. 31; Советская жизнь, 1945—1953. С. 33—35, 90.

³⁴ *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945—1953. М.: Росспэн, 2000. С. 56—58; *Романовский Н.В.* Лики Сталинизма. М., 1995. С. 13—19; Советская жизнь, 1945—1953. С. 189—191.

³⁵ Там же. С. 80—81.

³⁶ Там же. С. 318—319, 322—325; Harvard Interview Project on the Soviet Social Structure. Series B. Folder no. 301. F. 41—43; *Tumarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York: Basic Books, 1994. P. 98; *Романовский Н.В.* Лики Сталинизма. С. 24—25.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9541 (Советский комитет ветеранов войны). Оп. 1. Д. 40 (протокол заседания секции фронтовиков, 20 декабря 1956 г.). Л. 28—29.

³⁸ *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество. С. 42—45.

³⁹ Советская жизнь, 1945—1953. С. 213—214.

⁴⁰ Там же. С. 228—229, 231.

⁴¹ *Берггольц О.* Из дневников (май—октябрь 1949) // *Знамя*. 1991. № 3. С. 162.

⁴² *Иванов Н.С.* Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства / Ред. Н.А. Ивницкий. М.: РГГУ, 1996. С. 417—418.

⁴³ *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество. С. 77; *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946—1947 гг.: происхождение и последствия. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 11, 168.

⁴⁴ Судьбы российского крестьянства / Ред. Н.А. Ивницкий. С. 425—427.

⁴⁵ *Erickson J.* Soviet War Losses. P. 256—261; *Anderson B.A., Silver B.D.* Demographic Consequences of World War II on the Non-Russian Nationalities of the USSR // The Impact of World War II on the Soviet Union / Ed. S.J. Linz. Totowa, N.J.: Rowman and Allanheld, 1985. P. 207—242.

⁴⁶ Население России в XX веке: Исторические очерки. М.: Росспэн, 2001. Т. 2: 1940—1959. С. 225; *Anderson B.A., Silver B.D.* Demographic Consequences of World War II on the Non-Russian Nationalities of the USSR; *Alexeyeva L.* The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era. Boston: Little Brown, 1990. P. 11 [см. пер.: *Алексеева Л.М.* Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006].

⁴⁷ *Tumarkin N.* The Living and the Dead. P. 104; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. С. 291; *Service R.* Stalin: A Biography. Basingstoke: Macmillan, 2004. P. 543—544.

⁴⁸ *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество. С. 37, 35; *Казакевич Э.* Слушая время: Дневники, записные книжки, письма. М.: Советский писатель, 1990. С. 28.

⁴⁹ *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты в СССР, 1941—1945 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 253, 254.

⁵⁰ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 317. Л. 66—68; ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 172 (второй пленум Всеславянского комитета в Варшаве, 15—18 августа 1947 г.). Л. 61.

⁵¹ Там же. Д. 206 (протоколы заседания президиума Славянского комитета СССР за 1949 г.), особенно л. 43—45.

⁵² *Антоний (епископ Тульский).* Мои впечатления при возвращении на родину // Журнал Московской патриархии. 1946. № 9. С. 56.

⁵³ *Chumachenko T.A.* Church and State in Soviet Russia: Russian Orthodoxy from World War Two to the Khrushchev Years / Trans. E. Roslof. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2002. P. 39—41 [см.: *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь и верующие, 1941—1961 гг. М.: Аиро-XX, 1999].

⁵⁴ *Fletcher W.G.* Nikolai: Portrait of a Dilemma. New York: Macmillan, 1968. P. 64—77.

⁵⁵ *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 156—170, цитата на с. 168—169; *Chumachenko T.A.* Church and State in Soviet Russia. P. 53—55.

⁵⁶ Ibid. P. 63—67, 105—112.

⁵⁷ *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь в 1943—1957 гг. // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 47; *Chumachenko T.A.* Church and State in Soviet Russia. P. 81—83.

⁵⁸ *Fletcher W.G.* The Soviet Bible Belt: World War II's Effects on Religion // The Impact of World War II on the Soviet Union / Ed. S.J. Linz. P. 91—106; Советская жизнь, 1945—1953. С. 640, 643, 652—655.

⁵⁹ Там же. С. 655, 660.

⁶⁰ Там же. С. 645.

⁶¹ *Chumachenko T.A.* Church and State in Soviet Russia. P. 64—65.

⁶² Ibid. P. 52.

⁶³ Советская жизнь, 1945—1953. С. 666—668, 665; *Chumachenko T.A.* Church and State in Soviet Russia. P. 96—99, 112—113.

⁶⁴ *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Gold Place: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945—1953. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 87.

⁶⁵ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. М.: Московские новости, 1999. Т. 2. С. 29.

⁶⁶ Dmitrii Volkogonov papers (Davis Center for Russian Studies. Harvard University). Reel 2. Cont. 3. F. 14. L. 19. Автор благодарит Дэвида Бранденбергера за предоставление этого источника.

⁶⁷ Велика вероятность того, что Маленков мог уничтожить документы по делу. См.: *Томан Т.Б.* О так называемом ленинградском деле // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 133—134.

⁶⁸ Dmitrii Volkogonov papers. Reel 2. Cont. 3. F. 14. L. 2—18, 20—30.

⁶⁹ Описание сталинского стиля руководства см.: *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Gold Place: Stalin and the Soviet Ruling Circle. P. 59, 156.

⁷⁰ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. С. 26—27.

⁷¹ Там же. С. 27—28; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945—1953. М.: Росспэн, 2002. С. 246—247.

⁷² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1—7.

⁷³ *Brandenberger D.* Stalin, the Leningrad Affair and the Limits of Postwar Russocentrism // Russian Review. 2004. Vol. 63. P. 241—255.

⁷⁴ *Hahn W.G.* Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946—1953. Ithaca: Cornell University Press, 1982. P. 123—124, 98—102; *Dedijer V.* Tito Speaks: His Self-Portrait and Struggle with Stalin. London: Weidenfeld and Nicolson, 1953. P. 321—322.

⁷⁵ *Tolz V.* 'Cultural Bosses' as Patrons and Clients: The Functioning of the Soviet Creative Unions in the Postwar Period // Contemporary European History. 2002. Vol. 11. No. 1. P. 87—105.

⁷⁶ *Reeder R.* Anna Akhmatova: Poet and Prophet. London: Allison and Busby, 1995. P. 290—307; *Barnes C.* Boris Pasternak: A Literary Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Vol. 2. P. 233—234.

⁷⁷ *Berlin I.* Meeting with Russian writers // Berlin I. The Soviet Mind: Russian Culture under Communism / Ed. H. Hardy. P. 78; *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. М.: Цитадель, 1996. Т. 1. С. 230, 286—287; *Dalos G.* The Guest from the Future: Anna Akhmatova and Isaiah Berlin / Trans. A. Wood. London: John Murray, 1998. Ch. 1.

⁷⁸ *Kojevnikov A.* Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948 // Russian Review. 1998. Vol. 57. P. 25—52.

⁷⁹ *Kremnetsov N.* Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 96—100, 115—121.

⁸⁰ *Ibid.* P. 131—143.

⁸¹ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. С. 298—300.

⁸² *Kremnetsov N.* The Cure: A Story of Cancer and Politics from the Cold War. Chicago: University of Chicago Press, 2002. P. 117—125.

⁸³ *Ibid.* P. 126—130.

⁸⁴ *Joravsky D.* The Lysenko Affair. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970; *Kremnetsov N.* Stalinist Science. P. 169—183.

⁸⁵ *Slezkine Y.* N.Ya. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // Slavic Review. 1996. Vol. 55. P. 838.

⁸⁶ *L'Hermitte R.* Marr, Marrisme, Marristes: une page de l'histoire de la linguistique soviétique. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1987. P. 11—24.

⁸⁷ *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания // Сталин И.В. Сочинения. Т. 3. С. 148, 115—116, 119—120; *L'Hermitte R.* Marr, Marrisme, Marristes. P. 68—73, 79.

⁸⁸ Сталин предполагал возможность мирового языка пролетариата, который будет создан из взаимного обогащения существующих языков, но только после окончательной победы над мировым империализмом. См.: *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. С. 169.

⁸⁹ Это число включает 1,5 млн на территории СССР до 1939 г. и 0,5 млн на территориях, аннексированных в 1939 г. См.: *Gitelman Z.* Soviet Reactions to the Holocaust, 1945—1991 // The Holocaust in the Soviet Union / Eds. L. Dobroszycki, J.S. Gurock. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1993. P. 3.

⁹⁰ *Костырченко Г.В.* В плену красного фараона: политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М.: Международные отношения, 1994. С. 15—16.

⁹¹ Harvard Interview Project on the Soviet Social Structure. Series A. Folder no. 417. F. 46; A. 535. F. 13—14; B. 641. F. 1—4.

⁹² *Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee* / Eds. J. Rubinstein, V.P. Naumov. New Haven: Yale University Press, 2001. P. 8—9.

- ⁹³ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. С. 229—232, 236—242.
- ⁹⁴ *Костырченко Г.В.* В плену красного фараона. С. 9—13.
- ⁹⁵ *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты в СССР. С. 260; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. С. 363—365.
- ⁹⁶ *Pinkus B.* The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 161—172.
- ⁹⁷ *Костырченко Г.В.* В плену красного фараона. С. 124—152; Stalin's Secret Pogrom / Eds. J. Rubinstein, V.P. Naumov.
- ⁹⁸ *Костырченко Г.В.* В плену красного фараона. Гл. 3; *Pinkus B.* The Jews of the Soviet Union. P. 206—208.
- ⁹⁹ Ibid. P. 187—188; *Garrard J., Garrard C.* Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasilii Grossman. New York: Free Press, 1996. P. 199—214.
- ¹⁰⁰ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. С. 638—645, 650—651, 663—667.
- ¹⁰¹ *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Gold Place: Stalin and the Soviet Ruling Circle. P. 171.
- ¹⁰² *Быстрова И.В., Рябов Г.Е.* Военно-промышленный комплекс СССР // Россия, XX век: советское общество / Ред. Ю.Н. Афанасьев. М.: РГГУ, 1997. Т. 2: Апогей и крах сталинизма. С. 205—206.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ УТОПИИ

- ¹ *Smith K.E.* Remembering Stalin's Victims: Popular Memory and the End of the USSR. Ithaca: Cornell University Press, 1996. Ch. 2. Более подробно «секретный доклад» рассмотрен в кн.: *Taubman W.* Khrushchev: The Man and His Era. New York: Free Press, 2003. Ch. 11 [см. пер.: *Таубман У.* Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2008].
- ² *Барсуков Н.А.* Обратная сторона «оттепели» // Кентавр. 1993. № 4. С. 133, 136—137.
- ³ Там же. С. 135.
- ⁴ *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель», 1953—1964. М.: Олма-пресс, 2002. С. 192—194.
- ⁵ *Weil B.* Legalität zur Zeit des Tuawetters // Das Tauwetter und die Folgen: Kultur und Politik in Osteuropa nach 1956 / Eds. D. Beyrau, I. Bock. Bremen: Temmen, 1988. S. 27—28.
- ⁶ Ibid. S. 28—29; *Bukovsky V.* To build a Castle: My Life as a Dissenter. London: Andre Deutsch, 1978. P. 116—126.
- ⁷ *Weil B.* Legalität zur Zeit des Tuawetters. S. 31—36.
- ⁸ *Barnes C.* Boris Pasternak: A Literary Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Vol. 2 (1928—1960). P. 312.

⁹ *Ibid.* Ch. 16—17; *Beyrau D.* *Intelligenz und Dissens: die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion, 1917 bis 1985.* Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1993. S. 163—170.

¹⁰ *Orlowa R., Kopelew L.* *Wir Lebten in Moskau.* Munich: Albrecht Knaus, 1987. S. 43.

¹¹ *Bukovsky V.* *To build a Castle.* P. 117.

¹² *Ibid.* P. 115.

¹³ *Пыжиков А.В.* Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // *Вопросы истории.* 2002. № 2. С. 33—43. Интересно, что Пыжиков показывает, что в начале 1950-х гг. самым главным оппонентом последующих реформ был не кто иной, как сам Хрущев.

¹⁴ *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель», 1953—1964. С. 115—128.

¹⁵ *Juviler P.H.* *Revolutionary Law and Order: Politics and Social Change in the USSR.* London: Collier-Macmillan, 1976. P. 78—79.

¹⁶ Народное хозяйство СССР в 1956 г. М.: Гос. стат. изд-во, 1957. С. 177; Народное хозяйство СССР в 1964 году. М.: ЦСУ, 1965. С. 610; Народное хозяйство СССР в 1980 году. М.: Финансы и статистика, 1981. С. 392.

¹⁷ *Andrusz G.D.* *Housing and Urban Development in the USSR.* Basingstoke: Macmillan, 1984. P. 82—98.

¹⁸ *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель», 1953—1964. С. 125—126, 137; *Madison B.Q.* *Social Welfare in the Soviet Union.* Stanford: Stanford University Press, 1968.

¹⁹ *Edelman R.* *Serious Fun: A History of Spectator Sport in the USSR.* New York: Oxford University Press, 1993. P. 59—65.

²⁰ *Sollertinsky D., Sollertinsky L.* *Pages from the Life of Dmitri Shostakovich.* London: Robert Hale, 1980. P. 93—94.

²¹ *Edelman R.* *Serious Fun: A History of Spectator Sport in the USSR.* P. 177—178.

²² Подробнее о социальной иерархии, которую создавала прописка, см.: *Hosking G.* *The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within.* 3d ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. P. 375—376.

²³ *Riordan J.* *Sport in Soviet Society: Development of Sport and Physical Education in Russia and the USSR.* Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 173—176, 251.

²⁴ *Edelman R.* *Serious Fun: A History of Spectator Sport in the USSR.* P. 80, 87—91, 119; *Riordan J.* *Sport in Soviet Society.* P. 366.

²⁵ *Ibid.* P. 367—374, 378.

²⁶ *Pospelovsky D.* *The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982.* Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1982. Vol. 2. P. 357—358 [см.: *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995].

²⁷ *Corley F.* Religion in the Soviet Union: An Archival Reader. Basingstoke: Macmillan, 1996. P. 221—223.

²⁸ *Chumachenko T.A.* Church and State in Soviet Russia: Russian Orthodoxy from World War Two to the Khrushchev Years / Trans. E. Roslof. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2002. P. 153.

²⁹ *Pospelovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982. Vol. 2. P. 333—335.

³⁰ *Василий (Кривошеин), архиеп.* Последние встречи с митрополитом Николаем // Вестник русского христианского движения. 1976. № 117. С. 209—221.

³¹ *Chumachenko T.A.* Church and State in Soviet Russia. P. 181—186, 159—165.

³² *Ellis J.* The Russian Orthodox Church: A Contemporary History. London: Croom Helm, 1986. P. 53—69; *Pospelovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982. Vol. 2. P. 335—339.

³³ *Chumachenko T.A.* Church and State in Soviet Russia. P. 175—177, 187—188.

³⁴ *Anderson J.* Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 33—34.

³⁵ *Pospelovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982. Vol. 2. P. 346—349; *Ellis J.* The Russian Orthodox Church. P. 32—33; *Anderson J.* Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States. P. 55—59.

³⁶ *Василий (Кривошеин), архиепископ.* Последние встречи с митрополитом Николаем. С. 213.

³⁷ *Anderson J.* Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States. P. 59—63.

³⁸ *Pospelovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982. Vol. 2. P. 343—346; *Chumachenko T.A.* Church and State in Soviet Russia. P. 168—172.

³⁹ *Davis N.* A Long Walk to Church: A Contemporary History of Russian Orthodoxy. Boulder, Colo.: Westview Press, 1995. P. 204.

⁴⁰ Вестник русского христианского движения. 1979. № 130. С. 275—344.

⁴¹ *Ginzburg E.* Within the Whirlwind. London: Collins and Harvill, 1981. P. 198—199 [см.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут. М.: АСТ, 2010].

⁴² *Adler N.* The Gulag Survivor: Beyond the Soviet System. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. P. 22—32, 192.

⁴³ *Ibid.* P. 157—161.

⁴⁴ *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Париж: ИМКА-Пресс, 1980. Т. 2. С. 137.

⁴⁵ *Applebaum A.* Gulag: A History. London: Allen Lane, 2003. P. 520.

⁴⁶ *Adler N.* The Gulag Survivor. P. 186—187; *Applebaum A.* Gulag: A History. P. 520.

⁴⁷ *Merridale C.* Night of Stone: Death and Memory in Russia. London: Granta Books, 2000. P. 342—243.

⁴⁸ *Förster A., Beck B.* Post-Traumatic Stress Disorder and World War Two: Can a Psychiatric Concept Help Us Understand Postwar Society? // *Life after Death: Approaches to a Cultural and Social History of Europe during the 1940s and 1950s* / Eds. R. Bessel, D. Schumann. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 15—36.

⁴⁹ *Applebaum A.* Gulag: A History. P. 525.

⁵⁰ *Adler N.* The Gulag Survivor. P. 110—114.

⁵¹ *Merridale C.* Night of Stone. P. 418.

⁵² *Цюлковский К.* Разум во вселенной. М.: Память, 1992. С. 7.

⁵³ *Humble R.B.* The Soviet Space Programme. London: Routledge, 1988. P. 1—4.

⁵⁴ *Shelton W.* Soviet Space Exploration: The First Decade. London: Arthur Barker, 1969. P. 52—70, 74—77.

⁵⁵ Речь от 22 января 1958 г. цит. по: *Humble R.B.* The Soviet Space Programme. P. 5 [см.: *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 3].

⁵⁶ *Shelton W.* Soviet Space Exploration. Ch. 7.

⁵⁷ Правда. 1961. 14 апр.

⁵⁸ Правда. 1961. 13 апр.

⁵⁹ *Shelton W.* Soviet Space Exploration. P. 119.

⁶⁰ *Fursenko A., Naftali T.* One Hell of a Gamble: The Secret History of the Cuban Missile Crisis. New York: W.W. Norton, 1997. P. 52, 55, 180 [см.: *Фурсенко А.А., Нафтали Т.* Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса. М.: Росспэн, 2006].

⁶¹ *Ibid.* P. 259—260.

⁶² *Ibid.* Ch. 16—17.

⁶³ *Ulam A.* Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917—1967. New York: Praeger, 1968. P. 675.

⁶⁴ *Strauss E.* Soviet Agriculture in Perspective: A Study of Its Successes and Failures. London: Allen and Unwin, 1969. P. 170—175.

⁶⁵ *Лельчук В.С.* 1959 год: расстрел в Темиртау // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Ред. Ю.Н. Афанасьев. М.: РГГУ, 1997. С. 296—298.

⁶⁶ *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR: Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2002. P. 24—25 [см.: *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. М.: Росспэн, 2010].

⁶⁷ *Nazarbaev N.* My Life, My Times and the Future / Trans. and ed. P. Conradi. Yelverton Manor: Pilkington Press, 1998. P. 25—26.

⁶⁸ *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR. P. 32—33; *Лельчук В.С.* 1959 год: расстрел в Темиртау. С. 276—277, 292—293.

- ⁶⁹ *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR. P. 34—39.
- ⁷⁰ *Ibid.* Ch. 2, 6; *Gorlizki Y.* Policing Post-Stalin society: The *Militsiia* and Public Order under Khrushchev // *Cahiers du Monde Russe*. 2003. Vol. 44. P. 465—480.
- ⁷¹ *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель», 1953—1964. С. 128.
- ⁷² *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR. P. 227—228; *Baron S.* Bloody Saturday in the Soviet Union: Novochoerkassk 1962. Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 16—21.
- ⁷³ *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR. P. 228—229, 255—256.
- ⁷⁴ *Baron S.* Bloody Saturday in the Soviet Union. P. 26.
- ⁷⁵ *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR. P. 231—232; *Baron S.* Bloody Saturday in the Soviet Union. P. 27, 32—33.
- ⁷⁶ *Ibid.* P. 51—57.
- ⁷⁷ *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR. P. 267—271; *Baron S.* Bloody Saturday in the Soviet Union. P. 56—61.
- ⁷⁸ *Ibid.* P. 70—76, 62—68; *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR. P. 267—268.
- ⁷⁹ *Ibid.* P. 268—274.
- ⁸⁰ *Ibid.* P. 280—287.
- ⁸¹ *Nove A.* Agriculture // *Soviet Policy for the 1980s* / Eds. A. Brown, M. Kaser. London: Macmillan, 1982. P. 171.
- ⁸² *Cook L.* The Soviet Social Contract and Why It Failed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993. P. 58—67.
- ⁸³ *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR. P. 305.
- ⁸⁴ *Gleason G.* Leninist Nationality Policy: Its Source and Style // *Soviet Nationality Policies: Ruling Ethnic Groups in the USSR* / Ed. H. Huttenbach. London: Mansell, 1990. P. 15.
- ⁸⁵ *Solchanyk R.* Russian Language and Soviet Politics // *Soviet Studies*. 1982. Vol. 34. P. 23.
- ⁸⁶ *Wimbush S.E.* The Great Russians and the Soviet State: The Dilemmas of Ethnic Dominance // *Soviet Nationality Policies and Practices* / Ed. J.R. Azrael. New York: Praeger, 1978. P. 349—360.
- ⁸⁷ *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR. P. 62—65.
- ⁸⁸ *Ibid.* P. 87—89; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы). М.: Инсан, 1998. С. 305—312.
- ⁸⁹ *Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR. P. 97—98.
- ⁹⁰ *Ibid.* P. 100—109.
- ⁹¹ *Ibid.* P. 100—101, 105—106.
- ⁹² *Tompson W.J.* Khrushchev: A Political Life. Basingstoke: Macmillan, 1995. P. 270—276; Как снимали Н.С. Хрущева // *Исторический архив*. 1993. № 1. С. 7—15.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
НОВОЕ ОТКРЫТИЕ РОССИИ

¹ *Beissinger M.R.* The Political Elite // *The Soviet Union Today: An Interpretive Guide* / Ed. J. Cracraft. Chicago: Bulletin of the Atomic Scientists, 1983. P. 38—39.

² *Rywkin M.* The Russia-Wide Federated Socialist Republic (RSFSR): Privileged or Underprivileged? // *Ethnic Russia: The Dilemma of Dominance* / Ed. E. Allworth. New York: Pergamon Press, 1980. P. 182.

³ *Gorbachev M.* Memoirs. London: Doubleday, 1996. P. 112, 144 [см.: *Горбачев М.С.* Как это было. М.: Вагриус, 1999]; *Земцов И.* Партия или мафия? Разворованная республика. Paris: Les Editeurs Reunis, 1976.

⁴ *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР, 1920-е — 1950-е гг. М.: Росспэн, 1996. С. 329—330; *Gorbachev M.* Memoirs. P. 136, 215—216.

⁵ *Cooper J.* The Soviet Defence Industry: Conversion and Reform. London: Pinter Press for the Royal Institute of International Affairs, 1991. P. 20—28.

⁶ Русские: этно-социологические очерки. М.: Наука, 1992. С. 98.

⁷ *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 40-х — начало 60-х годов). М.: ИРИ РАН, 2000. С. 304—305.

⁸ *Cooper J.* The Soviet Defence Industry. P. 25—28; *Glazyrina V.* Krasnoiarisk-26: A Closed City of the Defence-Industry Complex // *The Soviet Defence Industry Complex from Stalin to Khrushchev* / Eds. J. Barber, M. Harrison. Basingstoke: Macmillan, 2000. P. 195—202. У Андрея Сахарова есть описания Арзамаса-16 в его кн.: *Saharov A.* Memoirs. London: Hutchinson, 1990. Ch. 7 [см.: *Сахаров А.Д.* Воспоминания: В 2 т. М.: Права человека, 1996].

⁹ *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны. С. 309—310.

¹⁰ *Selezneva L.* Growing Up Russian: Letters from Ludmilla. Moscow, 2002. P. 46—47.

¹¹ *Keiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 203.

¹² *Сенявский А.С.* Российский город в 1960-е — 80-е годы. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 235, 106—131.

¹³ Там же. С. 131—147.

¹⁴ *Переведенцев В.П.* Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. М.: Наука, 1990. С. 133—135.

¹⁵ *Peterson D.J.* Troubled Lands: The Legacy of Soviet Environmental Destruction. Boulder, Colo.: Westview Press, 1993. P. 29, 36—37, 41, 142.

¹⁶ *Ibid.* P. 58—66, 102—105.

- ¹⁷ *Переведенцев В.П.* Население СССР. М.: Наука, 1972. С. 3, 9.
- ¹⁸ *Харчев А.Г., Голод С.И.* Профессиональная работа женщин и семья. Л.: Наука, 1971. С. 42.
- ¹⁹ *Переведенцев В.* Семья: вчера, сегодня, завтра: заметки социолога // Наш современник. 1975. № 6. С. 118—119; *Он же.* Население: прогнозы и реальность // Наш современник. 1975. № 11. С. 131—132.
- ²⁰ *Переведенцев В.* Семья: вчера, сегодня, завтра. С. 128.
- ²¹ *Сенявский А.С.* Российский город в 1960-е — 80-е годы. С. 166—181; *Переведенцев В.П.* Население СССР. С. 9.
- ²² *Smith H.* The Russians. New York: Quadrangle, 1976. P. 341.
- ²³ *Ruble B.A.* From *khrushcheby* to *korobki* // Russian Housing in the Modern Age: Design and Social History / Eds. W.C. Brumfield, B.A. Ruble. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 249—251.
- ²⁴ *Silitoe A.* Road to Volgograd. London: Macmillan, 1969. P. 14.
- ²⁵ *Pilkington H.* Russia's Youth and Its Culture: A Nation's Constructors and Constructed. London: Routledge, 1994. P. 64—71 [см. пер.: Глядя на Запад?: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб.: Алетейя, 2004].
- ²⁶ *Шкурин В.Н.* Неформальные молодежные объединения. М.: Мин-во культуры СССР, 1990. С. 56.
- ²⁷ Там же. С. 66—67, 98—100; *Сундиев И.Ю.* Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции // Социологические исследования. 1987. № 5. С. 59—60. См. также: *Он же.* Самодетельные объединения молодежи // Социологические исследования. 1989. № 2. С. 56—62. О возникновении столкновений между футбольными фанатами в начале 1980-х гг. см.: *Bushnell J.* Moscow Graffiti: Language and Subculture. London: Unwin Human, 1990. P. 31—39.
- ²⁸ *Никитаева Е.Б.* Исчезающая деревня (1960 — середина 80-х годов) // Судьбы российского крестьянства / Ред. Н.А. Ивницкий. М.: РГГУ, 1996. С. 455—459.
- ²⁹ Там же. С. 439; *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 58—63, 49.
- ³⁰ Там же. С. 39.
- ³¹ Там же. С. 45, 146. Цитируемое письмо взято из архива и, вероятно, не было тогда опубликовано в газете.
- ³² Там же. С. 174.
- ³³ Там же. С. 164—169.
- ³⁴ Там же. С. 133, 141.
- ³⁵ Там же. С. 134—136, 141.
- ³⁶ Там же. С. 141.
- ³⁷ Там же. С. 206.

³⁸ *Rialand M.-R.* L'Alcool et les Russes. Paris: Institut des Etudes Slaves, 1989. P. 290, 235.

³⁹ *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России. С. 205—209.

⁴⁰ *Selezneva L.* Growing Up Russian. P. 18—19.

⁴¹ РБЦ. Ф. R-385 (Беляев Виктор Петрович). Л. 9—10.

⁴² Русские: этно-социологические очерки. М.: Наука, 1992. С. 33; *Кабузан В.* Русские в мире. СПб.: Блиц, 1996. С. 244—253.

⁴³ Русские: этно-социологические очерки. С. 105—108, 129.

⁴⁴ *Алнатов В.А.* 150 языков и политика, 1917—1997 гг. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 97—99.

⁴⁵ Русские: этно-социологические очерки. С. 192—193, 210—213; *Keiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. P. 318—319; *Karklins R.* Ethnic Relations in the USSR: The Perspective from Below. Boston, Mass.: Allen and Unwin, 1986. P. 36—41.

⁴⁶ Русские: этно-социологические очерки. С. 197—200.

⁴⁷ *Karklins R.* Ethnic Relations in the USSR. P. 215.

⁴⁸ *Кабузан В.* Русские в мире. С. 240—241, 263—265; *Keiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Ch. 6. P. 166—170, 181; *Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В.* Миграционные процессы в СССР: новые явления // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 32—42; *Ерофеева И.* Славянское население Восточного Казахстана в XVIII—XX веках: миграционное движение, стадии социокультурной эволюции, проблемы реэмиграции // Этнический национализм и государственное строительство. М.: Ин-т востоковедения РАН; Наталис, 2001. С. 358—360; *Козлов В.И.* Русские в новом зарубежье // Русские в современном мире. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. С. 21—23.

⁴⁹ *Губогло М.* Современные этно-языковые процессы в СССР. М.: Наука, 1984. С. 64—72.

⁵⁰ *Solchanyk R.* Russian Language and Soviet Politics // Soviet Studies. 1982. Vol. 34. P. 23—42.

⁵¹ Ibid. P. 23, 299.

⁵² *Алнатов В.А.* 150 языков и политика. С. 99—100.

⁵³ *Guthier S.L.* The Belorussians: National Identification and Assimilation, 1897—1970 // Soviet Studies. 1977. Vol. 29. P. 273—275, 280—281.

⁵⁴ *Solchanyk R.* Russian Language and Soviet Politics. P. 25—26.

⁵⁵ *Suny R.G.* The Making of the Georgian Nation. 2nd ed. Bloomington: Indiana University Press, 1994. P. 309.

⁵⁶ *Raun T.U.* Estonia and the Estonians. 2nd ed. Stanford: Hoover Institution Press, 1991. P. 195—197. Текст одного письма заимствован из издания: Radio Liberty Research Report. 1980. No. 477. December 15.

⁵⁷ Алтагов В.А. 150 языков и политика. С. 103; Русские: этно-социологические очерки. С. 289—292, 300—302.

⁵⁸ Алтагов В.А. 150 языков и политика. С. 108—111.

⁵⁹ Solchanyk R. Russian Language and Soviet Politics. P. 37—38; Dziuba I. Internationalism or Russification? A Study in the Soviet Nationalities Problem. 2nd ed. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970. P. 99, 137.

⁶⁰ Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society — The Soviet Case. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 210—220.

⁶¹ Ibid. P. 79; Русские: этно-социологические очерки. С. 335—354.

⁶² Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society. P. 91—96.

⁶³ Листова Т.А. Народная религиозная концепция зарождения и начала жизни // Русские / Ред. В.А. Александров, И.В. Власова и Н.С. Полишук. М.: Наука, 1997. С. 700—701.

⁶⁴ Русские: этно-социологические очерки. С. 318—321; Sadomskaya N. New Soviet Rituals and National Integration in the USSR // Soviet Nationality Policies: Ruling Ethnic Groups in the USSR / Ed. H. Huttenbach. London: Mansell, 1990. P. 94—120.

⁶⁵ Merridale C. Night of Stone: Death and Memory in Russia. London: Granta Books, 2000. P. 169—173, 356—359; Кремлева И.А. Похоронные-поминальные обычаи и обряды // Русские / Ред. В.А. Александров и др. С. 530—532.

⁶⁶ The Village of Viriatino / Trans. and ed. S. Benet. New York: Anchor Books, 1970. P. 275—276.

⁶⁷ Русские: этно-социологические очерки. С. 357—359; Lane C. The Rites of Rulers. P. 82—86.

⁶⁸ Orlowa R., Kopelew L. Wir Lebten in Moskau. Munich: Albrecht Knaus Verlag, 1987. S. 62—63.

⁶⁹ Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society. Ch. 13. P. 251.

⁷⁰ Tumarkin N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York: Basic Books, 1994. P. 33—39.

⁷¹ Ignatieff M. Soviet War Memorials // History Workshop. 1984. Vol. 17. P. 157—163, цитата на с. 162.

⁷² Евтушенко Е. Братская ГЭС: стихи и поэмы. М.: Советский писатель, 1967. С. 238.

⁷³ Распутин В. Прощание с Матерой // Наш современник. 1976. № 10. С. 68.

⁷⁴ Цит. по: Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 323—324 [см.: Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Летний сад, 2002; см. также: Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Астрель, 2008].

⁷⁵ Этот аспект жизни советского общества хорошо проанализирован в кн.: *Ledeneva A. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

⁷⁶ С идеями Зиновьева лучше всего ознакомиться по кн.: *The Reality of Communism* / Trans. C. Janson. London: Gollancz, 1984 [см.: *Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность*. М.: Астрель, 2008]. Для краткого ознакомления см.: *Hosking G. Mediocrity for the Millions* // *Times Literary Supplement*. 1980. May 23. P. 571—572; *Hanson P. Alexander Zinoviev: Totalitarianism from Below* // *Survey* 26. 1982. No. 1. P. 29—48.

⁷⁷ *Пыжиков А. Хрущевская оттепель*. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 248—249.

⁷⁸ Там же. С. 247, 253.

⁷⁹ Цит. по: *Эткинд Е. Процесс Иосифа Бродского*. London: Overseas Publications Interchange, 1988. С. 16, 22.

⁸⁰ Там же. С. 61.

⁸¹ *Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 303—311.

⁸² *Ibid.* P. 312—313; *Odom W.E. The Collapse of the Soviet Military*. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 286—292; Дедовщина на весах закона // *Коммунист вооруженных сил*. 1989. № 24. С. 50—58; Дедовщина: реалии и прогнозы // Там же. 1989. № 22. С. 44—52.

⁸³ В 1989 г. партийный военный журнал провел опрос среди 1153 военных. См: *Коммунист вооруженных сил*. 1989. № 18. С. 61—66; № 22. С. 44—52; № 24. С. 50—58.

⁸⁴ *Odom W.E. The Collapse of the Soviet Military*. P. 250—251.

⁸⁵ *Ibid.* P. 196—199, 267—268.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

¹ *Brodsky J. Less Than One: Selected Essays*. New York: Farrar Straus Giroux, 1986. P. 28—29.

² *Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 313—322.

³ *Латынина А. Пора гасить костры* // *Новый мир*. 2003. № 6. С. 170.

⁴ Цит. по: *Вайль П., Генис А. 60-е: мир советского человека*. М.: НЛЮ, 1996. С. 104.

⁵ *Boobbyer P. Truth-Telling, Conscience and Dissent in Late Soviet Russia: Evidence from Oral histories* // *European History Quarterly*. 2000. Vol. 30. P. 557—558.

⁶ На публичной лекции в Лондоне в июне 1988 г. архиепископ Смоленский Кирилл (ныне Патриарх Московский и всея Руси) признал, что цер-

ковь не в состоянии осуществлять свою основную функцию духовного просвещения в советском обществе, и эта функция перешла к литературе.

⁷ *Твардовский А.* По случаю юбилея // *Новый мир.* 1965. № 1. С. 13—14.

⁸ Там же. С. 13. О «правде жизни» см.: *Снигирева Т.А.* А. Твардовский: поэт и его эпоха. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1997. С. 231—237.

⁹ В этом отношении он, вероятно, отражал предположения многих русских читателей, что и объясняет, почему журнал был столь популярен. См.: *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy. Washington, D.C.: U.S. Institute of Peace Press, 2001. P. 102.

¹⁰ *Твардовский А.* Несколько слов к читателям «Нового мира» // *Новый мир.* 1961. № 12. С. 252; *Снигирева Т.А.* А. Твардовский: поэт и его эпоха. С. 223—224, 231—237.

¹¹ *Rogovin-Frankel E.* *Novyi mir: A Case Study in the Politics of Literature, 1952—58.* Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 125. Эта атмосфера хорошо воспроизведена в дневнике одного из редакторов: *Кондратович А.* Новомирский дневник, 1967—1970. М.: Советский писатель, 1991.

¹² Подробнее см.: Там же.

¹³ *Твардовский А.* По случаю юбилея. С. 5, 7.

¹⁴ *Снигирева Т.А.* А. Твардовский: поэт и его эпоха. С. 277—311.

¹⁵ См.: *Marks S.* *How Russia Shaped the Modern World: From Art to Anti-Semitism.* Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003.

¹⁶ *Solzhenitsyn: A Documentary Record / Ed. L. Labedz.* London: Allen Lane, 1970. P. 15—16.

¹⁷ *Снигирева Т.А.* А. Твардовский: поэт и его эпоха. С. 162—163.

¹⁸ В беседе со мной в декабре 1988 г. Владимир Лакшин сказал, что Твардовский сам подтвердил решение о том, что «Новый мир» больше не его журнал. Он сказал, что Твардовский был впечатлен народным характером журнала «Наш современник» и думал, что он лучше соответствует характеру будущего.

¹⁹ Этот процесс исследован в работе: *Zisserman-Brodsky D.* *Constructing Ethnopolitics in the Soviet Union: Samizdat, Deprivation and the Rise of Ethnic Nationalism.* London: Palgrave, 2003.

²⁰ *Куняев С.* Поэзия. Судьба. Россия // *Наш современник.* 1999. № 1. С. 42.

²¹ *Куняев С.* Поэзия // *Наш современник.* 1999. № 2. С. 118.

²² *Twentieth Century Russian Poetry / Eds. A. Todd, M. Hayward.* London: Fourth Estate, 1993. P. 805—807.

²³ *Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть, 1950—60-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 151.

²⁴ *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР, 1953—1985. М.: НЛО, 2003. С. 147.

²⁵ *Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть. С. 147—152.

²⁶ *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. С. 146—150; *Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть. С. 226—228.

²⁷ *Brudny Y.M.* Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998. P. 77.

²⁸ Этот пример взят из одной из ранних работ данного жанра: *Жданов Н.* Поездка на родину // Литературная Москва. М.: Художественная литература, 1956. Т. 2. С. 407.

²⁹ *Hosking G.* Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. London: Elek Books, 1980. P. 59—62.

³⁰ *Smith A.D.* National Identity. London: Penguin, 1991. P. 91.

³¹ *Grier P.T.* Marxist Ethical Theory in the Soviet Union. Dordrecht: D. Reidel, 1978. P. 108. Изложение нравственных норм см. в работе: *George R.T. de.* Soviet Ethics and Morality. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1969. P. 83.

³² См.: *Shapin S.* A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England. Chicago: Chicago University Press, 1994.

³³ *Sakharov A.* Memoirs / Trans. R. Lourie. London: Hutchinson, 1990. P. 96—98.

³⁴ Ibid. P. 225.

³⁵ Ibid. P. 229.

³⁶ *Sakharov Speaks* / Ed. H.E. Salisbury. London: Collins and Harvill, 1974. P. 143—144.

³⁷ *Сахаров А.* В борьбе за мир. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973. С. 9—65.

³⁸ *Hopkins M.* Russia's Underground Press: The Chronicle of Current Events. New York: Praeger, 1983.

³⁹ *George R.T. de.* Soviet Ethics and Morality. P. 83.

⁴⁰ *Offord D.* *Lichnost'*: Nations of Individual Identity // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881—1940 / Eds. C. Kelly, D. Shepherd. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 13—25.

⁴¹ *Вагин Е.* Интервью вестнику РХД // Вестник РХД. 1977. № 122. С. 252—262.

⁴² *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: В 9 т. М.: Терра — книжный клуб, 2001. Т. 7. С. 95—99.

⁴³ *Weiner D.R.* A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkeley: University of California Press, 1999.

⁴⁴ *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. С. 303.

- ⁴⁵ Там же. С. 300—308; *Brudny Y.M.* Reinventing Russia. P. 67—68.
- ⁴⁶ *Коробов А. и др.* Как дальше строить Москву? // Москва. 1962. № 3. С. 147—160; *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1995. P. 419—421.
- ⁴⁷ *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. С. 308—315.
- ⁴⁸ *Brudny Y.M.* Reinventing Russia. P. 69—70; *Dunlop J.B.* The Faces of Contemporary Russian Nationalism. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 66.
- ⁴⁹ Ibid. P. 74—76.
- ⁵⁰ *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. С. 318—325; *Семанов С.* Русский клуб // Москва. 1997. № 3. С. 177—182.
- ⁵¹ *Weiner D.R.* A Little Corner of Freedom. P. 312—339.
- ⁵² Ibid. P. 319—333.
- ⁵³ Ibid. P. 334—339.
- ⁵⁴ *Hosking G.* The Awakening of the Soviet Union. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990. P. 55—57; *Weiner D.R.* A Little Corner of Freedom. P. 355—373.
- ⁵⁵ *Rigby T.H.* The Soviet Regional Leadership: The Brezhnev Generation // Slavic Review. 1978. Vol. 37. P. 1—24.
- ⁵⁶ *Brudny Y.M.* Reinventing Russia. P. 15—19, 102—110.
- ⁵⁷ Ibid. P. 61—62.
- ⁵⁸ *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. С. 276—283.
- ⁵⁹ *Чалмаев В.* Философия патриотизма // Молодая гвардия. 1967. № 10. С. 285.
- ⁶⁰ *Балашов Д.* Свет из глубины // Молодая гвардия. 1966. № 9. С. 293; *Глазунов И.* Дорога к тебе // Там же. 1966. № 6. С. 262.
- ⁶¹ *Солоухин В.* Письма из русского музея // Молодая гвардия. 1966. № 9. С. 243.
- ⁶² *Чалмаев В.* Философия патриотизма. С. 288.
- ⁶³ Там же. С. 284; *Чалмаев В.* Необходимость // Молодая гвардия. 1968. № 9. С. 272.
- ⁶⁴ *Лобанов М.* Жизненность слова // Молодая гвардия. 1967. № 9. С. 259.
- ⁶⁵ Там же. С. 280.
- ⁶⁶ *Дементьев А.Г.* О традициях и народности // Новый мир. 1969. № 4. С. 215—235, цитата на с. 235.
- ⁶⁷ *Brudny Y.M.* Reinventing Russia. P. 88—93; *Эггелинг В.* Политика и культура при Хрущеве и Брежневе, 1953—1970 гг. М.: АИРО-XX, 1999. Гл. 9.
- ⁶⁸ *Duncan P.J.S.* Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London: Routledge, 2000. P. 89—96.

⁶⁹ *Солженицын А.И.* Письмо вождям Советского союза // Собрание сочинений. Т. 7. С. 60—94.

⁷⁰ Там же. С. 75.

⁷¹ *Брутенц К.* Тридцать лет на старой площади. М.: Международные отношения, 1998. С. 187—192.

⁷² *Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление: свидетельство современника, 1953—1985. М.: Международные отношения, 1991. С. 67—75, 381—399.

⁷³ Когда Горбачев стал генеральным секретарем, он черпал многие идеи из Управления по международным связям. См.: *Gorbachev M.* Memoirs. London: Doubleday, 1996. P. 166.

⁷⁴ О евразийстве см.: *Riasanovsky V.* Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. 1967. Vol. 4. P. 39—72. Биографию Л.Н. Гумилева см. в работе: *Лавров С.Б.* Лев Гумилев: судьба и идеи. М.: Сварог и К, 2000. Информацией о евразийстве и Льве Гумилеве я обязан исследовательской работе своего бывшего студента Александра Титова.

⁷⁵ *Гумилев Л.Н.* Биография научной теории или автонекролог // Знамя. 1988. № 4. С. 205.

⁷⁶ *Кузьмин А.* Священные камни памяти // Молодая гвардия. 1982. № 1. С. 252—266. Здесь автор действительно обвиняет Гумилева в русофобстве.

⁷⁷ Основные идеи Гумилева детально изложены в его книгах «Этногенез и биосфера земли» (Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989) и «Древняя Русь и Великая степь» (М.: Мысль, 1989). См.: *Paradowski R.* The Eurasian Idea and Leo Gumilev's Scientific Ideology // Canadian Slavonic Papers. 1999. Vol. 41. P. 19—32; *Laruelle M.* Lev Nicolaevic Gumilev (1912—1992): biologisme et eurasisme dans la pensee russe // Revue des Etudes Slaves. 2000. Vol. 72. P. 163—189.

⁷⁸ *Козлов В.* О биолого-этнографической концепции этнической истории // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 83, 85.

⁷⁹ *Кожин В.* И назовет меня всяк сущий в ней язык // Кожин В. О русском национальном сознании. М.: Алгоритм, 2002. С. 133—180, цит. на с. 134, 136, 178—179.

⁸⁰ Там же. С. 174—176.

⁸¹ *Шафаревич И.* Социализм как явление мировой истории // Шафаревич И. Сочинения: В 3 т. М.: Феникс, 1994. Т. 1.

⁸² Там же. С. 111, 123, 132, 160.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
НЕПРЕДВИДЕННОЕ СОЗДАНИЕ: РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ

¹ *Strayer R.* Decolonization, Democratization, and Communist Reform: The Soviet Collapse in Comparative Perspective // *Journal of World History*. 2001. Vol. 12. No. 2. P. 380.

² Правда. 1989. 16 янв.

³ *Hosking G.* The Awakening of the Soviet Union. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990. P. 64—67; *Urban M., Igrunov V., Mitrokhin S.* The Rebirth of Politics in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 95—99.

⁴ *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy. Washington, D.C.: United Institute of Peace Press, 2001. P. 122—123; *Urban M., Igrunov V., Mitrokhin S.* The Rebirth of Politics in Russia. P. 101—106.

⁵ *Hosking G.* The Awakening of the Soviet Union. P. 67.

⁶ *Hosking G.A.* The Beginnings of Independent Political Activity // *Hosking G., Aves J., Dunlop P.J.S.* The Road to Post-Communism: Independent Political Movements in the Soviet Union, 1985—1991. London: Pinter Publishers, 1992. P. 18.

⁷ *Громов А.В., Кузин О.С.* Неформалы: кто есть кто? М.: Мысль, 1990. С. 107.

⁸ *Lukin A.* The Political Culture of the Russian “Democrats”. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 77—79 [см.: *Лукин А.В.* Невежество против несправедливости: политическая культура российских «демократов». М.: Научная книга, 2005].

⁹ *Hosking G.* The Awakening of the Soviet Union. P. 71—72.

¹⁰ *Dunlop J.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993. P. 79—81.

¹¹ *Beissinger M.A.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 394.

¹² Первый съезд народных депутатов СССР: Стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета, 1989. Т. 2. С. 458—459.

¹³ *Dunlop J.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. P. 81—85.

¹⁴ *Ibid.* P. 92—93, 102—106; *Urban M., Igrunov V., Mitrokhin S.* The Rebirth of Politics in Russia. P. 182—193.

¹⁵ *Проханов А.* Трагедия централизма // *Литературная Россия*. 1990. 5 янв.

¹⁶ *Dunlop J.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. P. 125, 127.

¹⁷ *Duncan P.J.S.* The Rebirth of Politics in Russia // *Hosking G.A., et al.* The Road to Post-Communism. P. 84.

¹⁸ *Hosking G.* The Awakening of the Soviet Union. P. 92.

¹⁹ *Dunlop J.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. P. 136.

²⁰ *Aves J.* The Russian Labour Movement, 1989—1990: The Mirage of a Russian *Solidarnost* // *Hosking G.A., et al.* The Road to Post-Communism. P. 140—142.

²¹ *Соловей В.* Русские националисты и власть в эпоху Горбачева // Межнациональные отношения в России и СНГ / Ред. П. Гобл, Г. Бордюгов. М.: АИРО-XX, 1994. С. 61—62.

²² Литературная Россия. 1989. 22 сент.; Там же. 1989. 29 дек.

²³ *Dunlop J.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. P. 142—143, 19.

²⁴ *Morrison J.* Boris Yeltsin: From Bolshevik to Democrat. London: Penguin Books, 1991. P. 142.

²⁵ *Beissinger M.A.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet Union. P. 411—412.

²⁶ *Morrison J.* Boris Yeltsin. P. 142—144; *Beissinger M.A.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet Union. P. 411; *Bunce V.* Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 108—109.

²⁷ *Beissinger M.A.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet Union. P. 411—412.

²⁸ *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms. P. 170—178.

²⁹ *Ibid.* P. 334—335.

³⁰ *Beissinger M.A.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet Union. P. 419—420.

³¹ Current Digest of the Soviet Press. 1991. Vol. 43. No. 33. P. 1—2.

³² *Лебедь А.* За державу обидно. М.: Московский рабочий, 1995. С. 390.

³³ *Dunlop J.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. P. 212—218.

³⁴ *Urban M., Igrunov V., Mitrokhin S.* The Rebirth of Politics in Russia. P. 257.

³⁵ *Dunlop J.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. P. 271—276; *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms. P. 274—275.

³⁶ *Urban M., Igrunov V., Mitrokhin S.* The Rebirth of Politics in Russia. Ch. 1.

³⁷ *Шевцова Л.* Пути консолидации власти // Год после августа: горечь и выбор. Сборник статей и интервью. М.: Литература и политика, 1992. С. 124.

³⁸ *Urban M., Igrunov V., Mitrokhin S.* The Rebirth of Politics in Russia. P. 200.

³⁹ *Lukin A.* The Political Culture of the Russian "Democrats". P. 293.

⁴⁰ *Lloyd J.* Rebirth of a Nation: An Anatomy of Russia. London: Michael Joseph, 1998. P. 218.

⁴¹ *Lukin A.* The Political Culture of the Russian "Democrats". P. 289; *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms. P. 236—241; *Ярошенко В.* Попытка Гайдара // Новый мир. 1993. № 3. С. 115.

⁴² *Lloyd J.* Rebirth of a Nation. P. 277—279; *Gustafsson T.* Capitalism Russian-Style. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Ch. 5; *Kryshantovskaya O., White S.* From Soviet *nomenklatura* to Russian Elite // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. P. 711—733; *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms. P. 233—236.

⁴³ *Wedel J.* Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. Basingstoke: Macmillan, 1998. Ch. 4.

⁴⁴ *Ledeneva A.V.* Russia's Economy of Favours: *Blat*, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Ch. 6; *Lukin A.* The Political Culture of the Russian "Democrats". Ch. 5.

⁴⁵ *Service R.* Russia: Experiment with a People. London: Macmillan, 2002. P. 309.

⁴⁶ *Морозова Г.Ф.* Современные миграционные явления: беженцы и эмигранты // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 34—40; *Тошченко К.Т.* Русские беженцы: трагедия или издержки имперского сознания? // Там же. С. 59—64.

⁴⁷ *Литвинова Г.* И снова о беженцах: унижение продолжается // Литературная Россия. 1990. 22 июня.

⁴⁸ Куда бежать? // Литературная Россия. 1990. 2 февр.

⁴⁹ *Melvin N.* Russians beyond Russia: The Politics of National Identity. London: RIIA, 1995. P. 17.

⁵⁰ Реальные цифры, скорее всего, были выше. *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms. Ch. 7, особенно с. 426—429.

⁵¹ *Melvin N.* Russians beyond Russia. P. 18.

⁵² *Simon G.* Are the Russians a Nation? // Religious Transition in Russia / Ed. M. Kotiranta. Helsinki: Kikimora Publications, 2000. P. 12—13.

⁵³ *Service R.* Zhirinovskii: Ideas in Search of an Audience // Russian Nationalism, Past and Present / Eds. G. Hosking, R. Service. Basingstoke: Macmillan, 1998. P. 179—197.

⁵⁴ *Зюганов Г.* За горизонтом. Изд. 2-е. Орел: Вешние воды, 1995. С. 74; *Он же.* Держава. М.: Информпечать, 1994. С. 43.

⁵⁵ *Ziuganov G.* My Russia: The Political Autobiography of Gennady Ziuganov / Ed. V. Medish. Armonk: M.E. Sharpe, 1997. P. 12—13, 15 [см.: *Зюганов Г.А.* Россия — Родина моя. М.: Информпечать, 1996; *Он же.* Верность. М.: Молодая гвардия, 2003].

⁵⁶ *Urban J.B., Solovei V.D.* Russia's Communists at the Crossroads. Boulder, Colo: Westview Press, 1997. P. 103.

⁵⁷ *Ziuganov G.* My Russia. P. 10—11.

⁵⁸ *March L.* The Communist Party in Post-Soviet Russia. Manchester: Manchester University Press, 2002. Ch. 4, особенно с. 106.

⁵⁹ *Зюганов Г.* За горизонтом. С. 47—49.

⁶⁰ *Иоанн, митрополит*. Битва за Россию // Русский узел: статьи, беседы, обращения. СПб.: Царское дело, 2000. С. 63—74; *Slater W.* A Modern-Day Saint? Metropolitan Ioann and the Post-Soviet Russian Orthodox Church // Religion, State and Society. 2000. Vol. 28. P. 313—325.

⁶¹ *Филатов С.Б.* Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.: Летний сад, 2002. С. 470—484.

⁶² *Della Cava R.* Reviving Orthodoxy in Russia: An Overview of the Factions in the Russian Orthodox Church in the Spring of 1996 // Cahiers du Monde Russe. 1997. Vol. 38. P. 387—414.

⁶³ *Левада Ю.А. и др.* Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 13—26.

⁶⁴ *Service R.* Russia: Experiment with a People. P. 197—202; *Sakwa R.* Putin: Russia's Choice. London: Routledge, 2004. P. 164—166 [см. пер.: *Саква Р.* Путин. Выбор России. М.: Олма-Пресс, 2006]; *Вилинбахов Г.В.* Герб и флаг России: X—XX века. М.: Юридическая литература, 1997. С. 495, 500—512.

⁶⁵ *Service R.* Russia: Experiment with a People. P. 198—199, 211—212.

⁶⁶ *Платонов О.* Убийство царской семьи. М.: Советская Россия, 1991. С. 3; *Slater W.* The many deaths of the tsar Nicholas II: Relics, Remains and the Romanovs. London: Routledge, 2007.

⁶⁷ Подробнее см.: *Tolz V.* Conflicting “Homeland Myths” and Nation-State Building in Post-Communist Russia // Slavic Review. 1998. Vol. 57. P. 267—294.

⁶⁸ *Trenin D.V., Malashenko A., Lieven A.* Russia's Restless Frontier: The Chechnya Factor in Post Soviet Russia. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2004. P. 2—3 [см.: *Малашенко А.В., Тренин Д.В.* Времья Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication. 2nd ed. New York: MIT Press, 1966; *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell, 1983 [см. пер.: *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991]; *Breuilly J.* Nationalism and the State. 2nd ed. Manchester: Manchester University Press, 1993.

² Этот процесс детально описан в работе: *Hosking G.* Russia: People and Empire, 1552—1917. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. P. 75—94.

³ *Breuilly J.* The State and Nationalism // Understanding Nationalism / Eds. M. Guibernau, J. Hutchinson. Cambridge: Polity, 2001. P. 32.

⁴ *Breuilly J.* Nationalism and the State. P. 373—374.

⁵ *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991.

⁶ *Tolz V.* *Inventing the Nation: Russia.* London: Longman, 2001. Особенно с. 94—99, 181—188.

⁷ *Соловей В.* Русские против империи // *Свободная мысль.* 2002. № 12. С. 82.

⁸ *Sakwa R.* *Putin: Russia's Choice.* London: Routledge, 2004. P. 168.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Алпатов В.А.* 150 языков и политика, 1917—1997 гг. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997.
- Бердяев Н.А.* Русская идея. Париж: YMCA-Press, 1946.
- Бродский И.А.* Меньше единицы: Избранные эссе. М.: Независимая газета, 1999.
- Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма: популярное объяснение программы РКП(б). М., 1919.
- Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 40-х — начало 60-х годов). М.: ИРИ РАН, 2000.
- Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В.* Русский народ в национальной политике: XX век. М.: Русский мир, 1998.
- Великая Отечественная война, 1941—1945. М.: Наука, 1998. Кн. 1—4.
- Верт А.* Россия в войне 1941—1945. М.: Эксмо, 2003.
- Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Росспэн, 2010.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Герасимова Е.Ю.* Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1998. № 1/2.
- Глядя на Запад?: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб.: Алетейя, 2004.
- Голдман В.З.* Женщины у проходной: гендерные отношения в советской индустрии. М.: Росспэн, 2010.
- Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М.: ИРИ РАН, 1996.
- Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть, 1950—60-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999.
- Земсков В.Н.* Кулацкая ссылка в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10.
- Зубкова Е.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945—1953. М.: Росспэн, 2000.
- Зюганов Г.А.* За горизонтом. Изд. 2-е. Орел: Вешние воды, 1995.
- Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание начала 1930-х годов. М.: Магистр, 1996.
- Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

- Кожин В.* О русском национальном сознании. М.: Алгоритм, 2002.
- Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. М.: Росспэн, 2010.
- Конквест Р.* Большой террор. Рига: Ракстниекс, 1991
- Конквест Р.* Жатва скорби. Лондон, 1988.
- Копелев Л.* И сотворил себе кумира. Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1978.
- Костырченко Г.В.* В плену красного фараона: политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М.: Международные отношения, 1994.
- Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001.
- Козн С.* Бухарин: Политическая биография. М.: Прогресс, 1992.
- Левшин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Kusanacht: Glaube in der Dritten Welt, 1978. Т. 1.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат, 1958—1965.
- Лукин А.В.* Невежество против несправедливости: политическая культура российских «демократов». М.: Научная книга, 2005.
- Межнациональные отношения в России и СНГ / Ред. П. Гобл, Г. Бордюгов. М.: АИРО-XX, 1994.
- Менталитет и аграрное развитие в России (XIX—XX вв.) / Ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. М.: Росспэн, 1996.
- Микоян А.* Так было: размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М.: Росспэн, 1998.
- Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР, 1953—1985. М.: НЛО, 2003.
- Монтефиоре С.С.* Сталин: Двор Красного монарха. М.: ОЛМА-Пресс, 2005.
- Нарский И.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917—1922 гг. М.: Росспэн, 2001.
- Население России в XX веке: Исторические очерки, 1900—1939. М.: Росспэн, 2000. Т. 1.
- Наумов В.П.* Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии о реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2.
- Паперный В.* Культура Два. Энн Арбор: Ardis Press, 1985 [М.: НЛО, 2007].
- Письма во власть, 1928—1939: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М.: Росспэн, 2002.
- Полян П.* Жертвы двух диктатур. М.: Росспэн, 2002.
- Поселовский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
- Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель», 1953—1964. М.: Олма-пресс, 2002.
- Романовский Н.В.* Лики Сталинизма. М., 1995.

- Русские / Ред. В.А. Александров, И.В. Власова и Н.С. Полищук. М.: Наука, 1997.
- Русские: этно-социологические очерки. М.: Наука, 1992.
- Саква Р. Путин. Выбор России. М.: Олма-Пресс, 2006.
- Сахаров А.Д. Воспоминания: В 2 т. М.: Права человека, 1996.
- Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Росспэн, 1999.
- Сенявский А.С. Российский город в 1960-е — 80-е годы. М.: ИРИ РАН, 1995.
- Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001.
- Снигирева Т.А. А. Твардовский: поэт и его эпоха. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1997.
- Советская жизнь, 1945—1953. М.: Росспэн, 2003.
- Советская повседневность и массовое сознание, 1939—1945. М.: Росспэн, 2003.
- Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Ред. Ю.Н. Афанасьев. М.: РГГУ, 1997.
- Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918—1956: опыт художественного исследования. Париж: YMCA-Press, 1974. Т. 1—2.
- Судьбы людей: Россия XX век. Биография семьи как объект социологического исследования / Ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.
- Судьбы российского крестьянства / Ред. Н.А. Ивницкий. М.: РГГУ, 1996.
- Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, 1927—1939. М.: Росспэн, 1999.
- Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1—2.
- Устрялов Н.В. Избранные труды. М.: Росспэн, 2010.
- Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 1930-е гг. М.: Росспэн, 2008.
- Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. М.: Росспэн, 2001.
- Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Летний сад, 2002.
- Холквист П. «Осведомление — это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его обшеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.
- Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552—1917). Смоленск: Русич, 2000.

- Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. М.: Московские новости, 1999. Т. 1—2.
- Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Париж: YMCA-Press, 1980.
- Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь и верующие, 1941—1961 гг. М.: Аиро-XX, 1999.
- Шафаревич И.* Сочинения: В 3 т. М.: Феникс, 1994.
- Шкаровский М.* Иосифлянство: течение в русской православной церкви. М.: Мемориал, 1999.
- Эренбург И.* Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1967. Т. 9.
- Этнический национализм и государственное строительство. М.: Ин-т востоковедения РАН; Наталис, 2001.
- Adler N.* The Gulag Survivor: Beyond the Soviet System. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002.
- Agursky M.* The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder, Colo.: Westview, 1987.
- Altrichter H.* Die Bauern von Tver: vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1984.
- Applebaum A.* Gulag: A History. London: Allen Lane, 2003.
- Barbarossa: The Axis and the Allies / Eds. J. Erickson, D. Dilks. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994.
- Barnes C.* Boris Pasternak: A Literary Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Vol. 1—2.
- Baron S.* Bloody Saturday in the Soviet Union: Novocherkassk 1962. Stanford: Stanford University Press, 2001.
- Beissinger M.A.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Berlin I.* The Soviet Mind: Russian Culture under Communism / Ed. H. Hardy. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2004.
- Boym S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1994.
- Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.
- Brodsky J.* Less than one. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1986.
- Brooks J.* 'Thank you, Comrade Stalin!': Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Brodny Y.M.* Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.
- Buharin N., Preobrazhensky E.* The ABC of Communism. A Popular Explanation of the Program of the Communist Party of Russia / Trans. E. Paul, C. Poul. London: Communist Party of Great Britain, 1922.

- Bukovsky V.* To build a Castle: My Life as a Dissenter. London: Andre Deutsch, 1978.
- Chumachenko T.A.* Church and State in Soviet Russia: Russian Orthodoxy from World War Two to the Khrushchev Years / Trans. E. Roslof. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2002.
- Cohen S.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888—1938. New York: Vintage Books, 1975.
- Conquest R.* The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. London: Macmillan, 1968.
- Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror Famine. London: Hutchinson, 1986.
- Constructing Russian Culture in the age of Revolution, 1881—1940 / Eds. C. Kelly, D. Shepherd. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Dobrenko E.* The Making of the State Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture. Stanford: Stanford University Press, 2000.
- Duncan P.J.S.* Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London: Routledge, 2000.
- Dunlop J.B.* The Faces of Contemporary Russian Nationalism. Princeton: Princeton University Press, 1983.
- Dunlop J.B.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.
- Easter G.M.* Reconstructing the State: Personal Network and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Edelman R.* Serious Fun: A History of Spectator Sports in the USSR. New York: Oxford University Press, 1993.
- Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891—1924. London: Jonathan Cape, 1996.
- Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times — Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999.
- Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York: Oxford University Press, 1994.
- Fletcher W.G.* Nikolai: Portrait of a Dilemma. New York: Macmillan, 1968.
- The Formation of National Elites / Ed. A. Kappeler. New York: New York University Press, 1992.
- Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana University Press, 1999.
- Geldern J., von.* Bolshevik Festivals, 1917—1920. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell, 1983.
- Goldman W.Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Gold Place: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945—1953. Oxford: Oxford University Press, 2004.

- Halfin I.* From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.
- Hernandez R.* Sacred Sound and Sacred Substance: Church Bells and the Auditory Culture of Russian Villages during the Bolshevik's *Velikii Perelom* // American Historical Review. 2004. Vol. 109. No. 5.
- Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Hoffman D.L.* Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929—1941. Ithaca: Cornell University Press, 1994.
- Holquist P.* 'Information Is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // Journal of Modern History. 1997. Vol. 69.
- Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.
- Hopkins M.* Russia's Underground Press: The Chronicle of Current Events. New York: Praeger, 1983.
- Hosking G.* Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. London: Elek Books, 1980.
- Hosking G.* Russia and the Russians: A History. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001.
- Hosking G.* Russia: People and Empire, 1552—1917. Cambridge, Mass.: Harvard University press, 1997.
- Hosking G.* The Awakening of the Soviet Union. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.
- Hosking G.* The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within. 3d ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992.
- Hosking G., Aves J., Duncan P.J.S.* The Road to Post-Communism: Independent Political Movements in the Soviet Union, 1985—1991. London: Pinter Publishers, 1992.
- Humble R.B.* The Soviet Space Programme. London: Routledge, 1988.
- Kaiser R.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C.H. Beck, 1992.
- Karklins R.* Ethnic Relations in the USSR: The Perspective from Below. Boston, Mass.: Allen and Unwin, 1986.
- Keiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Kenez P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilisation, 1917—1929. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Kharkhordin O.* The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999.

- Knei-Paz B.* The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford: Clarendon Press, 1978.
- Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Kozlov V.A.* Mass Uprising in the USSR: Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2002.
- Kravchenko V.* I choose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. London: Robert Hale, 1947.
- Kremnetsov N.* Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Lane C.* The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society — The Soviet Case. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours: *Blat*, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Life after Death: Approaches to a Cultural and Social History of Europe during the 1940s and 1950s / Eds. R. Bessel, D. Schumann. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Lloyd J.* Rebirth of a Nation: An Anatomy of Russia. London: Michael Joseph, 1998.
- Lovell S.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1700—2000. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- Lukin A.* The Political Culture of the Russian “Democrats”. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Mace J.* Famine in the Soviet Ukraine 1931—33. Cambridge, Mass.: Harvard Ukrainian Institute, 1986.
- Mally L.* Culture of the Future: The *Proletkult* Movement in Revolutionary Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1990.
- Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001.
- McDaniel T.* The Agony of the Russian Idea. Princeton: Princeton University press, 1996.
- Melvin N.* Russians beyond Russia: The Politics of National Identity. London: RIIA, 1995.
- Merridale C.* Night of Stone: Death and Memory in Russia. London: Granta Books, 2000.
- Montefiore S.S.* Stalin: The Court of the Red Tsar. London: Weidenfeld and Nicolson, 2003.
- Morrison J.* Boris Yeltsin: From Bolshevik to Democrat. London: Penguin Books, 1991.
- Nekrich A.* The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. New York: W.W. Norton and C°, 1978.
- Neubauer H.-J.* The Rumour: A Cultural History / Trans. C. Braun. London: Free Association Books, 1999.
- Nordlander D.J.* Origins of a Gulag Capital: Magadan and Stalinist Control in the Early 1930s // Slavic Review. 1998. Vol. 57.

- Oberländer E.* Nationalbolschewistische Tendenzen in der russischen Intelligenz: die Smenavekh diskussion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1968. Vol. 16.
- Odom W.E.* The Collapse of the Soviet Military. New Haven: Yale University Press, 1998.
- On Living through Soviet Russia / Eds. D. Betraux, P. Thompson, A. Rotkirch. London: Routledge, 2004.
- Party, State and Society in Russian Civil War: Exploration in Social History / Eds. D.P. Koenker, W.G. Rosenberg, R.G. Suny. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
- Penner D'Ann R.* Stalin and the *Ital'ianka* // Cahiers du Monde Russe. 1998. Vol. 39.
- Peris D.* "God is Now on Our Side": The Religious Revival on Unoccupied Soviet Territory during World War II // Kritika. 2000. Vol. 1.
- Perspectives on Literature and Society in Eastern and Western Europe / Eds. G. Hosking, G.F. Cushing. London: Macmillan, 1989.
- Petrone K.* "Life Has Become More Joyous, Comrades!": Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000.
- Pilkington H.* Russia's Youth and Its Culture: A Nation's Constructors and Constructed. London: Routledge, 1994.
- Pinkus B.* The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Pospelovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982. Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1982.
- The Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building / Eds. B.R. Rubin, J. Snyder. London: Routledge, 1998.
- Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy. Washington, D.C.: U.S. Institute of Peace Press, 2001.
- Reese R.R.* Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1924—1941. Lawrence: University of Kansas Press, 1996.
- Rethinking Ethnicity: Majority Groups and Dominant Minorities / Ed. E. Hofmann. London: Routledge, 2004.
- Riordan J.* Sport in Soviet Society: Development and Physical Education in Russia and the USSR. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932—1939 / Eds. J.A. Getty, O.V. Naumov. New Haven: Yale University Press, 1999.
- Rose S.O.* Which People's War? National Identity and Citizenship in Britain, 1939—1945. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Roslof E.E.* Red Priests: Renovationism, Russian Orthodoxy, and Revolution, 1905—1946. Bloomington: Indiana University Press, 2002.
- Russian Housing in the Modern Age: Design and Social History / Eds. W.C. Brumfield, B.A. Ruble. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / Eds. D.L. Hoffmann, Y. Kotsionis. London: Macmillan, 2000.

- Russian Nationalism, Past and Present / Eds. G. Hosking, R. Service. Basingstoke: Macmillan, 1998.
- Sakharov A.* Memoirs / Trans. R. Lourie. London: Hutchinson, 1990.
- Sakwa R.* Putin: Russia's Choice. London: Routledge, 2004.
- Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905—1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.
- Service R.* Lenin: A Political Life. Basingstoke, England: Macmillan, 1995.
- Service R.* Russia: Experiment with a People. London: Macmillan, 2002.
- Shevzov V.* Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Smith A.D.* Ethnic Election and National Destiny: Some Religious Origins of Nationalist Ideals // Nations and Nationalism. 1999. No. 5. Part 3.
- Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917—1923. London: Macmillan, 1999.
- Soviet Nationality Policies: Ruling Ethnic Groups in the USSR / Ed. H. Huttenbach. London: Mansell, 1990.
- A State of Nations Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Eds. R.G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989.
- Tolz V.* Inventing the Nation: Russia. London: Longman, 2001.
- Tumarkin N.* Lenin Lives: The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983.
- Tumarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York: Basic Books, 1994.
- Urban M., Igrunov V., Mitrokhin S.* The Rebirth of Politics in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Viola L.* Peasant Rebels under Stalin: Collectivisation and Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996.
- Walicki A.* Marxism and the Leap to the kingdom of Freedom. Stanford: Stanford University Press, 1995.
- Weiner D.R.* A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Werth A.* Russia at War. New York: Carroll and Graft, 1964.
- World War II and the Soviet People / Eds. J. Garrard, C. Garrard. New York: St. Martin's Press, 1993.
- Worobec C.D.* Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian monarchy. Princeton: Princeton University Press, 1995. Vol. 1—2.
- Zaprudnik J.* Belarus: At a Crossroads in History. Boulder, Colo.: Westview Press, 1993.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум Петров, протопоп 416
Авторханов А.Г. 87
Агранов Я.С. 397
Аксаков К.С. 29
Аксюциц В.В. 441
Александр I, российский император 181
Александр II, российский император 30
Александр III, российский император 456
Александр Невский, князь 184, 243
Александров Г.Ф. 302
Алексий (Симанский), митрополит, с 1945 г. — Алексий I, патриарх Московский 160, 231, 283—284, 286, 321, 417, 456
Алиевы, азербайджанский клан 349
Аллилуева С.И. 153
Андерс В., генерал 240
Андерсон Б. (Anderson B.) 168, 260, 464
Андрей (Сухенко), архиепископ 323
Андропов Ю.В. 420
Антонин (Грановский), епископ 76, 77, 78
Арагон Л. 202
Арбатов Г.А. 420,
Аристотель 52
Арсений (Крылов), епископ 320
Асмус В.Ф. 374
Астафьев М.Г. 441
Афанасьев Ю.Н. 428, 433
Ахматова (Горенко) А.А. 7, 66, 151, 208, 209, 215—217, 235, 236, 293, 294, 310—312, 326, 389, 392, 393, 421
Бабель И.Э. 393, 398
Бадзьо Ю.В. 371
Бакунин М.А. 30
Балашов Д.М. 415
Барановский П.Д. 408, 409
Баркашов А.П. 454
Басов А.В. 339
Белов В.И. 6—8, 10, 401, 433
Беляев В.П. 112, 115, 129, 365
Берггольц О.Ф. 224, 235, 276
Бердяев Н.А. 17, 18, 213, 406
Берзин Э.П. 147, 148
Берия Л.П. 287, 288, 290, 292, 345
Берлин И. 267, 294, 304
Бёрнс Р. 26
Берто Д. (Bertaux D.) 139
Билибин И.Ю. 147
Блок А.А. 46, 235
Блюм В.И. 188
Бобришев-Пушкин А.В. 104
Богданов (Малиновский) А.А. 82
Бойм С. (Boym S.) 137, 139
Бондарев Ю.В. 434
Брандадж Э. 317
Брежнев Л.И. 349, 376, 384
Бродский И.А. 211, 382, 387
Брубейкер Р. (Brubaker R.) 243
Брудный И. 413
Брусиллов А.А. 58, 69, 102
Брут М.Ю. 83
Брюли Дж. (Breuille J.) 463
Булгаков М.А. 106, 209, 213, 214, 217, 389, 392, 406
Булгаков С.Н. 213
Булганин Н.А. 352
Буньян Дж. 204
Бурлюк Д.Д. 193
Бухарин Н.И. 51, 90, 100, 105, 155, 202, 259
Быковский В. 310, 312
Вавилов С.И. 295
Вайнер А. 178
Валериан (Рудич), епископ 77
Валуев П.А. 26

- Введенский А.И. 76
 Вейнер А. (Weiner A.)
 Вениамин (Казанский), митрополит
 77
 Вернадский В.И. 106, 422
 Верт А. (Werth A.) 228, 258
 Виноградов В.В. 299
 Виола Л. (Viola L.) 53
 Владимир (Красницкий), священ-
 ник 78
 Власов А.А. 246—248, 250, 311
 Власов А.В. 439
 Вознесенский Н.А. 288, 289
 Волконская С. [?] 56
 Вольгер Ф.М.О. 203
 Воронов С.А. 110, 111, 117
 Вяземский Б. [?] 44
- Гагарин Ю.А. 12, 330, 411
 Гаген Е.Э. 326
 Гайдар Е.Т. 447, 448
 Гапон Г., священник 36, 39
 Гастев А.К. 200
 Гейтер М.Я. 227
 Геллнер Э. (Gellner E.) 463
 Герасимова Е.Ю. 138
 Герцен А.И. 197, 203
 Гёте И.В. 52, 203
 Гефтер М.Я. 261
 Гинзбург Е.С. 325
 Гитлер А. 166, 175, 222, 241, 244, 246,
 247, 284, 301
 Глазунов И.С. 408, 416
 Глинка М.И. 460
 Голицына Н.П. 58
 Гольденвейзер А.Б. 302
 Гольдман Э. 54, 58
 Горбачёв М.С. 349, 350, 421, 426, 438—
 441, 443, 444, 468
 Горький М. (Пешков А.М.) 85, 88,
 107, 202, 203, 205, 258, 398, 400
 Гоц Ю.В. 56, 57
 Грибачёв Н.М. 330
 Гроссман В.С. 237, 238, 304
 Грушевский М.С. 170, 171, 181
 Гумилёв Л.Н. 216, 294, 421—423, 455
- Гундоров А.С. 239, 241
 Густов И.С. 363
- Данте Алигьери 203
 Данхэм В. (Dunham V.) 265
 Дейч К. (Deutsch K.) 463
 Дементьев А.Г. 417
 Деникин А.И. 73
 Джилас М. 239, 292
 Джотто ди Бондоне 387
 Дзюба И.М. 371
 Дмитрий Донской, князь 231, 416
 Добренко Е. 208
 Достоевский Ф.М. 37, 38, 211, 235,
 237, 389, 394, 406, 423
 Драйзер Т. 114
 Дрезен Э.К. 176
 Дрейфус А. 398
 Дункан П. (Duncan P.) 9
 Дутов А.И. 59
- Евтушенко Е.А. 377, 378, 398, 399,
 429
 Ежов Н.И. 156
 Ельцин Б.Н. 6, 429, 430, 432, 433,
 437—448, 450, 453, 459, 460
 Енукидзе А.С. 95
 Епишев А.А. 415
 Есенин С.А. 224, 397, 416, 427
- Жданов А.А. 181, 203, 288, 290—292,
 304
 Желябов А.И. 30
 Жид А. 393
 Жириновский В.В. 11, 454
 Жуков Г.К. 275
 Журналистов Д. 196, 197
 Журналистов И.Д. 197
- Залыгин С.П. 400
 Замочин В. 134
 Засулич В.И. 30
 Зиновьев (Апфельбаум) Г.Е. 107, 440
 Зиновьев А.А. 185, 379, 380
 Зошенко М.М. 293, 294, 310
 Зюганов Г.А. 455, 456

- Иван IV Грозный, царь 181, 302
 Или Д. (Eley G.) 27
 Иноземцев Н.Н. 420
 Иоанн (Восторгов), архиепископ 36
 Иоанн (Снычёв), митрополит 456, 457, 458
 Иоанн (Соколов), священник 162—164
 Иов (Кресович), архиепископ 323
 Иосиф (Петровых), митрополит 80
 Иоффе А.А. 97
 Иоффе А.Ф. 295
 Истер Дж. (Easter G.) 152
- Каганович Л.М. 124, 152, 171, 196
 Казакевич Э.Г. 219, 280
 Калинин М.И. 99, 168, 174, 251
 Каменев (Розенфельд) Л.Б. 185
 Кандинский В.В. 330
 Кантор И. 12
 Капица П.Л. 295, 388
 Капустин Я.Ф. 288
 Карл XII, король Швеции 224
 Карпов Г.Г. 232, 286, 322
 Кастро Ф. 331, 332
 Катков М.Н. 96
 Кельсиев В.И. 33
 Кеннеди Дж.Ф. 332
 Керженцев П.М. 200
 Керр А.К. 262
 Кириллов В.Т. 82, 83
 Киров С.М. 157, 158, 416
 Киршенбаум Л. (Kirschenbaum L.) 226
 Ключева Н.Г. 296, 297
 Ключников Ю.В. 106
 Коган-Бернштейн Л.М. 31
 Кожин В.В. 423, 424
 Козлов В.И. 423
 Козлов Ф.Р. 340
 Козырев А.В. 450, 452
 Коллонтай А.М. 215
 Колчак А.В. 59, 73
 Колчина О.П. 322
 Кондратьев В.Л. 227
 Коненков С.Т. 408
 Конибэр Ф. (Conybeare F.) 33
- Копелев Л.З. 45, 114, 222
 Косиор С.В. 124
 Коткин С. (Kotkin S.) 198
 Кравченко В. 126, 168
 Красин Л.Б. 86
 Крупин В.Н. 434
 Кручёных А.Е. 193
 Кудерина-Насонова Т.Г. 113, 126, 127
 Кузнецов А.А. 288
 Куйбышев В.В. 152, 158
 Кумар К. (Kumar K.) 15, 16
 Куняев С.Ю. 397
 Куроедов В.А. 322
 Курочкин Б.Н. 338
 Кутузов М.И. 243
- Лавров П.Л. 30, 32
 Лазутин П.Г. 288
 Ларин Ю. (Лурье М.З.) 95
 Ласкин И.А. 250
 Лебедь А.И. 442
 Левада Ю.А. 458, 459
 Лежнев (Альтшуллер) И.Г. 106
 Лейн К. (Lane C.) 375
 Ленин (Ульянов) В.И. 30, 32, 45, 50, 51, 61, 73, 74, 77, 79, 84-86, 89—91, 93, 100—102, 106—108, 140, 167, 172, 199, 206, 210, 227, 235, 242, 259, 266, 268, 289, 290, 309, 310, 339, 345, 357, 371—373, 377, 378, 396, 404, 416, 421, 429, 430, 433, 437, 438, 442, 459
- Леонов Л.М. 409, 411
 Леонтий, архиепископ Кипрский 284
 Лермонтов М.Ю. 377
 Лигачёв Е.К. 433
 Липкин С.И. 237
 Лисечко А.С. 118
 Лихачёв Д.С. 429
 Лобанов М.П. 416
 Ловел С. (Lovell S.) 9
 Лозовский (Дридзо) С.А. 279, 280, 301—303
 Ломоносов М.В. 267
 Лощенков Ф.И. 429

- Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ 286
- Луначарский А.В. 47, 78, 86, 90, 107, 175
- Лучагина А.Ф. 250
- Лысенко Т.Д. 297, 298
- Любимов А.В. 274
- Людовик XVIII, король Франции 41
- Малевич К.С. 330, 393
- Маленков Г.М. 290, 292
- Манаенков Ю.А. 438
- Мандельштам О.Э. 7, 13, 204, 312, 387, 389, 398
- Марголин Ю. 148
- Мария Антуанетта, королева Франции 338
- Марков А. 398
- Маркс К. 30, 52, 83, 100, 174, 268, 294, 310, 313, 431, 433
- Марлоу Ж. 393
- Марр Н.Я. 298, 299
- Маяковский В.В. 182, 310
- Менделеев Д.И. 145, 146
- Менухин И. 302
- Мерл С. (Merl S.) 125
- Мерридейл К. (Merridale C.) 227, 328
- Микоян А.И. 155, 179, 326, 339
- Миллер А.И. 25
- Михалков С.В. 460
- Михоэлс С.М. 301, 302
- Мишталъ Б. (Misztal B.) 65, 392
- Молотов В.М. 220, 229, 245, 274, 287, 288
- Монтефьоре С. (Montefiore S.) 155
- Моруа А. 202
- Мочалов В.В. 280
- Муршель Е.П. 249
- Мякинин Л. 345
- Назарбаев Н.А. 335
- Наполеон I, император Франции 161, 198, 224, 272, 416
- Некрасов В.П. 227, 377
- Некрасов Н.А. 391
- Николай (Ярушевич), митрополит 231, 283, 284, 287, 321
- Николай II, российский император 433, 460
- Никонов А.В. 415, 418
- Окуджава Б.Ш. 197, 429
- Орджоникидзе Г.К. 89, 152, 158
- Оуэн Р. 83
- Павлов С.П. 318, 414
- Палиевский П.В. 410
- Папанин И.Д. 181
- Паперный В.З. 192
- Парвус (Гельфанд) А.Л. 31
- Пастернак Б.Л. 7, 13, 128, 202, 234, 236, 294, 310—312, 374, 377, 392
- Паустовский К.П. 44
- Переведенцев В.П. 355
- Перельман В. 187
- Петр I Великий, российский император 20, 181, 235, 267, 416, 463
- Пилсудский Ю. 124, 169
- Платонов А.П. 209, 210—213, 217, 389
- Пливье Т. 202
- Победоносцев К.П. 96
- Подвойский Н.И. 196
- Познер В.С. 207
- Покровский М.Н. 181
- Пономаренко П.К. 252
- Попков П.С. 288
- Пресли Э. 434
- Пришвин М.М. 55
- Прокофьев С.С. 206
- Проханов А.А. 433, 434
- Пунин Н.Н. 216
- Путин В.В. 460, 468
- Пушкин А.С. 206, 207, 235, 299, 377, 378, 416
- Пятницкая Ю. 156
- Пятницкий В.О. 156
- Пятницкий О.А. 156
- Радек (Собельсон) К.Б. 101
- Разин С.Т. 377

- Раневская Ф.Г. 302
Распутин В.Г. 378, 431, 433
Ратушинская И. 12
Рафаэль Санти 84
Реденс С.Ф. 124
Риббентроп И. фон 220
Робеспьер М. 83
Робсон П. 302
Рогозин Д.О. 452
Родионов М.И. 291
Роскин Г.И. 296, 297
Ростропович М.Л. 443
Роуз С. 273
Рубин В.А. 186
Рублёв Андрей 416
Рузвельт Ф.Д. 258, 262
Руставели Шота 207
Рыков А.И. 119
- Савицкий П.Н. 421
Саид Э. (Said E.) 424
Салуцкий А. 435
Сахаров А.Д. 402—405, 429, 432
Свердлов Я.М. 185
Селезнёв Ю.И. 423
Селезнёва Л. 364
Семанов С.Н. 410
Сервис Р. (Service R.) 9
Сергий (Страгородский), митрополит 79, 80, 159, 162, 231, 232, 233, 396
Сергий Радонежский, св. 416
Силитоу А. (Silitoe A.) 358
Симонов К.М. 224, 225
Скотт Дж. (Scott J.) 66, 339
Скрыпник Н.А. 169
Слэзкин Ю. 100
Смит У.Б. 296
Смит Х. (Smith H.) 356
Смит Э. (Smith A.) 14—16, 148, 402
Соколов В.И. 162, 163, 164
Соколов Ю.М. 206
Соколовский В.В. 329
Солженицын А.И. 10, 17, 19, 148—150, 255, 393, 397, 406, 411, 418, 419, 429
- Соловьёв В.С. 406
Солоухин В.А. 408, 409, 416
Сталин (Джугашвили) И.В. 90, 91, 93, 101, 105, 108, 121, 124, 126, 127, 131, 139, 147, 150, 152—155, 157, 158, 160, 171, 173, 174, 175, 179, 180, 183, 188, 190, 191, 206, 212, 221, 222, 224, 227, 229, 230, 231—233, 242, 243, 246, 247, 252, 255, 256—260, 262, 266, 267, 269, 273, 279, 280—284, 288, 289—293, 299, 302—305, 307—309, 313, 318, 329, 333, 393, 395, 396, 398, 413, 416, 420, 421, 428, 433, 437, 438, 456
Стаханов А.Г. 190
Столповский А. 228
Столыпин П.А. 433
Суворов А.В. 182
Султан-Галиев М.Х. 91
Суслов М.А. 238, 347, 420
- Тарасов А. 274
Татлин В.Е. 393
Твардовский А.Т. 241, 242, 390—394, 417, 418
Терпиловский С.С. 248
Тимошенко С.К. 221
Титов Г.С. 330
Тихон, патриарх Московский, святитель 74, 75, 77, 79, 163
Ткачёв П.Н. 30
Толлер Э. 202
Толстой А.Н. 105
Толстой Л.Н. 88, 203, 207, 378, 389
Травкин Н.И. 441
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 31, 52, 89, 107, 108, 185, 188
Тухачевский М.Н. 329
- Улам А. (Ulam A.) 332
Ульянов М.А. 429
Устрялов Н.В. 103—106, 108
- Фадеев А.А. 267
Файджес О. (Figs O.) 44

- Фёдоров Н.Ф. 86, 210, 328
 Фельтринелли Дж. (Feltrinelli G.) 311
 Фефер И.С. 302
 Филатов В.П. 160
 Фицпатрик Ш. (Fitzpatrick S.) 68, 131
 Франк А. 398, 406
 Франк С.Л. 213
 Фридмен М. 446
- Хайек Ф.А. фон 446, 447
 Хастингс А. (Hastings A.) 21
 Херлинг-Грудзинский Г. 149
 Хомяков А.С. 29
 Хрущёв Н.С. 278, 290, 307—311, 313,
 314, 321, 325, 329—334, 336—338,
 341, 343, 345—347, 376, 383, 387,
 395, 399, 403, 413, 428
- Царёва Е. 277
 Цветаева М.И. 13
 Циолковский К.Э. 328, 329, 330
- Чаадаев П.Я. 416
 Чалмаев В.А. 415—417
 Чаплин Ч. 302
 Чаренц Е.А. 207
 Черниченко А.Н. 116
 Чехов А.П. 153, 207, 406
 Чивилихин В.А. 411, 412
 Чубайс А.Б. 447, 449
- Шапорина Л.В. 160, 180
 Шафаревич И.Р. 424, 455
 Шевцова Л.Ф. 445
 Шевченко Т. 26, 207
 Шелепин А.Н. 414
 Шереметевы, графы 216
 Шестаков А.В. 396
 Шестаков А.И. 181
 Шестов (Шварцман) Л.И. 213
 Шилейко В.К. 216
 Шипунов С. 410
 Шмидт О.Ю. 191
 Шолохов М.А. 127, 397, 412
 Шостакович Д.Д. 236, 317
- Штанге Г. 196
 Шумский А.Я. 171
- Шербаков А.С. 239
 Щорс Н.А. 196
- Эйзенштейн С.М. 184
 Энгельс Ф. 31, 83, 100, 268
 Эренбург И.Г. 223, 224, 230, 301, 304,
 398
- Юденич Н.Н. 73
- Ягода Г.Г. 397
 Яковлев А.Н. 420

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	11
Глава первая	
МАРКСИЗМ И КРИЗИС РУССКОГО МЕССИАНСТВА	20
НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ	21
УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ	24
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ МЕССИАНСТВО	29
РУССКАЯ НАРОДНАЯ РЕЛИГИЯ	32
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	35
ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКОЕ МЕССИАНСТВО	37
ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ МОНАРХИИ	38
РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ	41
БЕЛЫЕ	47
Глава вторая	
ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	49
КОММУНИСТЫ У ВЛАСТИ	49
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ХАОС	53
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	61
УНИЧТОЖЕНИЕ ПАМЯТИ	63
МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЖИЗНИ	66
НАРОДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ КОММУНИЗМА	72
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	74
КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ	81
Глава третья	
РУССКИЕ И СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	88
ОСТАТОЧНЫЕ РУССКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА	100
Глава четвертая	110
РОССИЯ ПРОТИВ РОССИИ	110
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	114
РЕАКЦИЯ КРЕСТЬЯН НА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ	119
ЖИЗНЬ В КОЛХОЗЕ	126
ГОРОДА ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ДЕРЕВНИ	132
СОВЕТСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ	142
ГУЛАГ	145
МАССОВЫЙ ТЕРРОР	152
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	159
СУДЬБА ОДНОГО СВЯЩЕННИКА	162
Глава пятая	
ПРОЕКТИРУЯ НОВУЮ РОССИЮ	166
УКРАИНА И КРИЗИС КОРЕНИЗАЦИИ	167

ВОЗВЫШЕНИЕ РОССИИ	173
В ПОИСКАХ «УДОБНОГО ПРОШЛОГО»	180
РУССКИЕ И ЕВРЕИ	185
СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ	188
СПОРТ И ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА	193
СЕМЬЯ	195
НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ	197
СОЗДАНИЕ НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА	201
СОКРЫТЫЙ КОНТРАКАНОН	209
Глава шестая	
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА	219
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	231
РУССКАЯ КУЛЬТУРА	234
ВСЕСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ	238
РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ	241
ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА	244
Глава седьмая	
СЛАДКИЕ И ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ ПОБЕДЫ	258
ИСТОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	262
ОФИЦИАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ	265
ПОСЛЕВОЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ	271
ДЕРЕВНЯ ПОСЛЕ 1945 г.	276
ПОМИНОВЕНИЕ ВОЙНЫ	278
ВСЕСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ	280
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	282
«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»	287
КУЛЬТУРА И НАУКА	292
АНТИСЕМИТИЗМ	300
Глава восьмая	
ВОЗВРАЩЕНИЕ УТОПИИ	307
ПЕРЕСТРАИВАЯ БУДУЩЕЕ	313
СПОРТ	316
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЦЕРКВИ	319
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ГУЛАГа	325
МЕЧТАНИЯ О ТЕХНИЧЕСКОМ ПРОГРЕССЕ	328
КАРИБСКИЙ КРИЗИС	331
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ БЕСПОРЯДКИ	333
ЭТНИЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ	343
ЗНАЧЕНИЕ ПАДЕНИЯ ХРУЩЕВА	347
Глава девятая	
НОВОЕ ОТКРЫТИЕ РОССИИ	348
УРБАНИЗАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	353
МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА	358
РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ	360
МИГРАЦИИ	365
ЯЗЫКИ	368
СОВЕТСКИЕ РИТУАЛЫ	371

ЗАСТОЙ	376
«КРУГОВАЯ ПОРУКА» БЕРЕТ ВЕРХ	379
Глава десятая	
ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	386
АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ И «НОВЫЙ МИР»	390
ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ПАРТИИ	394
РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ	397
«ДЕРЕВЕНСКАЯ» ПРОЗА	400
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СВОБОДА СЛОВА	402
СОСТОЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	407
ОФИЦИАЛЬНЫЙ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ	413
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ЗАПАДНИКИ	420
ЛЕВ ГУМИЛЕВ И ЕВРАЗИЙЦЫ	421
Глава одиннадцатая	
НЕПРЕДВИДЕННОЕ СОЗДАНИЕ: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	426
РУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ	433
ЕЛЬЦИН И СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ	438
КОНЕЦ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	442
КРИЗИС С БЕЖЕНЦАМИ	450
НОВЫЙ СИНТЕЗ РУСОФИЛЬСТВА	454
РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА?	458
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	463
ПРИМЕЧАНИЯ	470
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	526
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	535

Джеффри Хоскинг
ПРАВИТЕЛИ И ЖЕРТВЫ.
РУССКИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Редактор *В. Макаров*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *М. Смирнова*
Верстка *С. Петров*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlobooks.ru>

Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 34. Тираж 1500. Заказ № 487
Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46